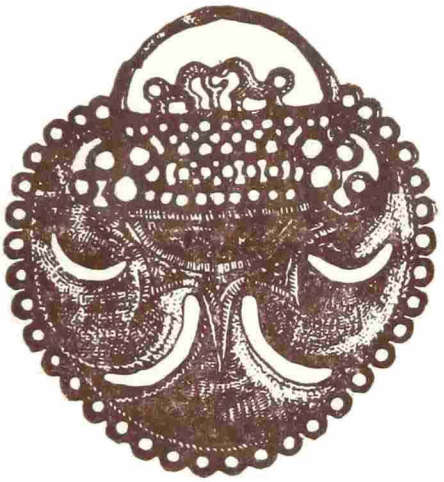
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1976

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *И. С. Каменецкий,*
М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. С. Титов (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

XXV съезд КПСС и задачи советской археологической науки 5
А. Е. Матюхин (Ленинград). Экспериментальное изучение техники изготовления галечных орудий 8
Л. А. Новикова (Москва). Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы 25
Б. Б. Агеев (Уфа). К хронологии могильника Чеганда II 58
Е. Е. Кузьмина (Москва). О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе 68
Н. А. Онайко (Москва). О воздействии греческого искусства на меото-скифский звериный стиль (К постановке вопроса) 76
И. Б. Брашинский (Ленинград). Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары 87
Н. А. Фролова (Москва). Медные монеты Котиса I как исторический источник 103
А. А. Масленников (Москва). Скорченные погребения в грунтовых некрополях боспорских городов 112
К. В. Каспарова (Ленинград). О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья 128
Е. А. Халикова (Казань). Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья 141
В. Л. Янин (Москва). Еще раз об «Уставе князя Ярослава о мостех» . . 157
Т. И. Макарова (Москва). Патрональные энколпионы с перегородчатой эмалью 163

Публикации

М. Н. Клапчук (Иваново-Франковская обл.). Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат 4 в Центральном Казахстане 176
А. Л. Никитин (Москва). Неолитическое поселение Берендеево I 191
П. Н. Третьяков (Ленинград). Городище Осыно 203
Н. М. Ермолова (Ленинград). Остатки млекопитающих с древнего городища Осыно 217
В. С. Горбунов, Р. Б. Исмагилов (Уфа). Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии 229

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1976 г.

И. Р. Пичикян (Москва). Алтарь Пасиада в Херсонесе 248
А. П. Рунич (Пятигорск). Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из кисловодской котловины 256
К. И. Красильников (Ворошиловград). Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры 267
С. А. Плетнева, А. Г. Николаенко (Москва, Белгородская обл.). Волоконовский древнеболгарский могильник 279

Заметки

В. П. Степанов (Москва). Природная среда и некоторые аспекты истории человечества в комплексном рассмотрении 299
К. Курбансахатов (Ашхабад). Новый тип женской терракотовой статуэтки с Алтын-депе 302
А. П. Журавлев (Петрозаводск). Об орнаменте сосуда со стоянки Пегрема II 305
В. А. Иванов (Уфа). Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени 308
Э. И. Соломоник (Симферополь). Две латинские надписи из музеев Крыма 312
В. В. Кропоткин, В. Е. Нахапетян (Москва). Новый центр железоделательного производства III—IV вв. н. э. в бассейне Южного Буга 317
А. С. Скрипкин (Волгоград). Две бронзовые пряжки из Сусловского курганного могильника 325
С. В. Белецкий (Ленинград). Биконические сосуды Труворова городища 327

Критика и библиография

О. Н. Бадер (Москва). А. П. Окладников. Центральноазиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск, 1972 330
О. Н. Бадер и В. Я. Сергин (Москва). A. Leroi-Gourhan et M. Brézillon. L'habitation magdalénienne № 1 de Pincevent près Montereau (Seine-et-Marne). Paris, 1966; A. Leroi-Gourhan et M. Brézillon. Fouilles de Pincevent. Paris, 1972 333
Е. Н. Черных (Москва). Н. Я. Мерперт. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974 339
Играр Алиев (Баку). М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973 342
В. И. Марковин (Москва). О. М. Давудов. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974 345

Хроника

К 25-летию открытия берестяных грамот 349
В. В. Седов (Москва). Конгресс археологов-славистов в Братиславе . . . 350
А. Н. Мустафаев, Р. Б. Аразова (Баку). Сессия археологов и этнографов Азербайджана 354
П. Н. Старостин, Р. К. Уразманова (Казань). I Поволжское археолого-этнографическое совещание 355

ACADEMIE DES SCIENCES DE L U R S S.

INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 3 1976

Redacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

Le XXV^eCongrès du PC de l'U.R.S.S. et les tâches de l'archéologie soviétique 5

A. E. Matioukhine (L é n i n g r a d). L'étude expérimentale de la technique de fabrication des galets aménagés 8

L. A. Novikova (M o s c o u). Les rapports avec l'Occident d'une aire de production d'objets métalliques sur le littoral nord de la mer Noire (fin de l'Age du Bronze) 25

B. B. Aghéiev (O u f a). A propos de la chronologie du champ funéraire de Tcheganda II 58

E. E. Kouzmina (M o s c o u). La sémantique des sujets figurés sur le vase de Tchertomlyk 68

N. A. Onaïko (M o s c o u). L'influence de l'art grec sur le style animalier méotoscythe 76

I. B. Brachinski (L é n i n g r a d). Méthode pour l'étude de la capacité Déterminée des amphores grecques 87

N. A. Frolova (M o s c o u). Monnaies de cuivre de Kotys Ier, source d'informations historiques 103

A. A. Maslennikov (M o s c o u). Des ensevelissements en position fléchie dans les nécropoles plates des villes du Bospore 112

K. V. Kasparova (L é n i n g r a d). La limite chronologique récente de la culture de Zaroubinetz dans le Polessié du Pripet 128

E. A. Halikova (K a z a n). Les monuments hongrois anciens dans les régions de la basse Kama et de l'Oural 141

V. L. Yanine (M o s c o u). Encore une fois à propos du «Statut du prince Iaroslav sur les chaussées de bois» 157

T. I. Makarova (M o s c o u). Enkolpions de saints patrons en émaux cloisonnés 163

Publications

M. N. Klaptchouk (région d'I v a n o v o - F r a n k o v s k). Le site acheuléen tardif de Jaman Aïbat 4 (région centrale du Kazakhstan) 176

A. L. Nikitine (M o s c o u). L'établissement néolithique de Bérendéiévo I . . 191

P. N. Trétiakov (L é n i n g r a d). Le goroditché d'Ossyno 203

N. M. Ermolova (L é n i n g r a d). Ossements de mammifères provenant de l'ancien goroditché d'Ossyno 217

V. S. Gorbounov et R. B. Ismaghilov (O u f a). Nouvelles découvertes en Bachkirie de glaives et de poignards d'époque sauromato-sarmate 229

I. R. Pitchikian (M o s c o u). L'autel de Passiade à Khersonèse 248

A. P. Rounitch (P i a t i g o r s k). La sépulture d'un chef de la phase initiale du Moyen Age, dans le bassin de Kislovodsk 256

K. I. Krassilnikov (V o r o c h i l o v g r a d). Un atelier de potier de la culture Saltovo-Maïatsk 267

S. A. Pletniéva et A. G. Nikolaenko (M o s c o u, région de B e l g o r o d). L'ancien champ d'inhumation bolgare de Volokonovo 279

Notices

V. P. Stépanov (Moscou). Le milieu naturel et quelques aspects de l'histoire de l'humanité examinés dans leur ensemble 299
K. Kourbansakhatov (Achkhabad). Un nouveau type de statuette féminine en terre cuite provenant d'Altyn-dépé 302
A. P. Jouravliev (Pétrozavodsk). Le décor d'un vase trouvé dans la station de Pégrem II 305
V. A. Ivanov (Oufa). Figurines anthropomophe d'argile de la période d'Ananino-Piany Bor 308
E. I. Solomonik (Simféropol). Deux inscriptions latines conservées dans les musées de Crimée 312
V. V. Kropotkine et V. E. Nakhapétian (Moscou). Un nouveau centre de l'industrie du fer aux IIIe-IVe siècles dans le bassin du Boug méridional . . 317
A. S. Skripkine (Volgograd). Deux boucles de ceinture en bronze provenant des kourganes du champ d'inhumation de Souslovo 325
S. V. Béletski (Léningrad). Les vases biconiques du goroditché de Trouvorovo 327

Critique et bibliographie

O. N. Bader (Moscou). A. P. Okladnikov. Le foyer d'Asie Centrale de l'art primitif. Novosibirsk, 1972 330
O. N. Bader et V. Ya. Serguine (Moscou). A. Leroi-Gourhan et M. Brézillon. L'habitation magdalénienne No 1 de Pincevent près Montereau (Seine-et-Marne). Paris, 1966; A. Leroi-Gourhan et M. Brézillon. Fouilles de Pincevent. Paris, 1972 333
E. N. Tchernykh (Moscou). N. Ya. Merpert. Les plus anciens pasteurs de la région comprise entre la Volga et l'Oural. Moscou, 1974 339
Igrar Aliev (Bakou). M. A. Kachkaï et I. R. Sélimkhanov. Sur l'histoire de l'ancienne métallurgie au Caucase. Bakou, 1973 342
V. I. Markovine (Moscou). O. M. Davoudov. Les cultures au Daghestan au début de l'Age du Fer. Makhatchkala, 1974 345

Chronique

Le 25ème anniversaire de la découverte des documents sur écorce de bouleau
V. V. Sédov (Moscou). Le Congrès d'Archéologie Slave de Bratislava . . . 349
A. N. Moustafaiev et R. B. Arazova (Bakou). La Session des archéologues et des ethnographes d'Azerbaïdjan 350 354
P. N. Starostine et R. K. Ourazmanova (Kazan). Le premier colloque des archéologues et ethnographes de la région de la Volga 355

XXV СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

С огромным вниманием коммунисты, все советские люди, братские народы социалистических стран, все человечество следили за работой XXV съезда КПСС. Это событие, по общему признанию, имеет всемирно-историческое значение. В Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXV съезде партии, в этом выдающемся документе творческого марксизма-ленинизма, подведены итоги замечательных свершений нашего народа во всех сферах общественной жизни, показаны плодотворные результаты настойчивых усилий КПСС и Советского государства по реализации выдвинутой XXIV съездом Программы мира. В докладе Л. И. Брежнева даны вдохновляющие перспективы продвижения Советской страны по пути к коммунизму, цели и задачи дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. XXV съездом КПСС утверждены «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», которые имеют огромное значение в жизни нашего общества.

Как и все советские люди, многонациональный коллектив советских археологов встретил XXV съезд КПСС новыми научными достижениями и выдающимися открытиями. Осуществлены обобщающие исследования по первобытной археологии, истории и культуре рабовладельческого и феодального обществ, по проблемам этногенеза народов мира, истории материальной культуры народов СССР, истории религии и атеизма. Последние годы ознаменовались разработкой в советской археологии ряда новых перспективных направлений исследований, значительно расширяющих и углубляющих наши знания о далеком прошлом народов Советского Союза. Усилилось внимание советских археологов к актуальным проблемам теории и методологии археологической науки. Экспедиционные исследования ознаменовались открытиями мирового значения. В результате работ многочисленных археологических экспедиций на всей территории Советского Союза накоплен огромный новый археологический материал, являющийся ценным источником для изучения древнейшей истории нашей Родины. Возросли удельный вес и научное значение экспедиционных и обобщающих исследований по актуальным проблемам зарубежной археологии. Все шире и эффективнее внедряются в изучение массового археологического материала современные методы исследования естественных и технических наук.

Возросшие масштабы коммунистического строительства, нашедшие отражение в решениях XXV съезда КПСС, ставят перед советской наукой новые ответственные задачи; среди них особое значение приобретает разработка фундаментальных научных проблем во всех областях науки. Советские ученые обязаны приложить все усилия для повышения эффективности и качества научных исследований. Академия наук СССР и ее

учреждения должны работать так, чтобы быть подлинными центрами теоретических исследований и координации всей научной работы в стране. Дальнейшему совершенствованию подлежит организация труда научных работников, в связи с чем повышается ответственность научных коллективов и их руководителей за уровень и качество научных исследований. Большое внимание уделяется организации работ в области научной информации.

В Отчетном докладе съезду Л. И. Брежнев особо подчеркнул, что «на нынешнем этапе развития страны потребность в дальнейшей творческой разработке теории не уменьшается, а наоборот, становится еще большей». Существенное место в решениях съезда уделено вопросам идейного воспитания трудящихся, проблемам формирования советского человека, достойного строителя коммунизма. В основе успешного решения задач коммунистического воспитания лежит формирование коммунистического мировоззрения, в котором огромную роль играют общественные, гуманитарные науки. Новые ответственные задачи, поставленные XXV съездом партии перед советской наукой, требуют дальнейшего подъема качественного уровня и эффективности научно-исследовательских работ, совершенствования подготовки и аттестации научных кадров. В условиях научно-технической революции, связанной с процессами интеграции и специализации науки, неизмеримо повышаются требования к философской, общеметодологической вооруженности наших кадров. Еще большие требования предъявляются к специальной подготовке кадров.

Важное научное значение имеет дальнейшее углубленное исследование проблем происхождения человека, процесса становления человеческого общества и начальных этапов человеческой истории. Решение этой актуальной комплексной проблемы невозможно без тесной координации усилий археологии с антропологией, этнографией, геологией и другими науками.

Советские археологи неизменно будут уделять большое внимание дальнейшей разработке и обоснованию новейшими данными археологической науки марксистской концепции общественно-исторического развития народов СССР. По-прежнему общенаучная проблема закономерностей развития и истории докапиталистических формаций будет исследоваться совместно с историками, философами, этнографами и лингвистами.

К числу важнейших задач советских археологов в новой пятилетке следует отнести написание и публикацию 16-томного фундаментального, обобщающего исследования «Археология СССР».

В десятой пятилетке советские археологи должны будут осуществить большую и целенаправленную работу по повышению качественного уровня и эффективности археологических исследований. Важнейшим условием успеха является еще более интенсивная творческая разработка актуальных проблем теории и методологии археологической науки. Опираясь на прочный фундамент диалектико-материалистической философии, советским археологам предстоит расширить фронт теоретических и методологических работ, связанных с исследованием и обоснованием таких основополагающих понятий археологической науки, как объект и предмет археологии, археологический комплекс и археологическая культура, природа и научно-познавательные возможности археологических источников, понятие исторического факта, раскрытие конкретного содержания и структуры эмпирического и теоретического уровней исследования в археологии. Особого внимания заслуживает методологическая проблема творческой разработки системы объективных методов и приемов научной реконструкции исторического прошлого на основании специфических исторических (археологических) источников. Необходимо преодолеть отдельные проявления эмпиризма и схематизма, связанные с отсутствием или недооценкой теоретического анализа и игнорирующие тщательные и углубленные исследования археологического материала.

Диалектико-материалистическое понимание истории и закономерностей исторического развития, марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях обусловили подлинный историзм советской археологической науки, ее традиционную историко-социологическую направленность, ее высокие преимущества перед буржуазной археологической наукой, отрицающей общеметодологическое значение философской основы археологического знания, противопоставляющей археологию истории, отрицающей ее историзм. В этой связи особое внимание следует уделять критике ошибочных положений буржуазной археологии, где в последнее время распространилась своего рода мода на теоретические изыскания, значительная часть которых в конечном итоге восходит к философским установкам неопозитивизма. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе на XXV съезде специально подчеркнул, что в условиях идейного противоборства двух социальных систем, «в борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтрализму и компромиссам». Деловая, принципиальная критика, позитивная творческая разработка анализируемых проблем с позиций марксизма-ленинизма — верный залог успешного развития советской археологической науки.

Вместе с расширением лабораторной базы археологических исследований важное место в повышении их эффективности будет иметь все более широкое внедрение методов естественных и технических наук, разработка и внедрение в практику новых проверенных методик обработки непрерывно растущего массового археологического материала.

Небывалый размах в СССР строительных работ в десятой пятилетке возлагает на советских археологов большую и ответственную задачу по своевременному и тщательному исследованию районов, подлежащих застройке и затоплению в связи с постройкой гидротехнических и мелиоративных сооружений. Только по одной Российской Федерации в десятой пятилетке предстоит осуществить экспедиционные работы на новостройках на сумму, исчисляемую миллионами рублей. Советская страна делает все возможное для сохранения и изучения памятников культурного наследия нашей многонациональной родины.

Успешное выполнение этой общегосударственной задачи потребует осуществления строго продуманной координации усилий всех советских археологов и реализации ряда важных научно-организационных и научно-технических мероприятий.

Большая и кропотливая научно-исследовательская работа археологов в новой пятилетке будет связана с подготовкой областных «Сводов памятников истории и культуры».

Советские археологи приложат максимум усилий, чтобы добиться дальнейшего роста научного авторитета советской археологической науки за рубежом. Одной из важнейших задач в этом направлении явится дальнейшее расширение научного сотрудничества с зарубежными учеными и прежде всего с археологами социалистических стран. Главное внимание будет уделено развитию совместных научных исследований. Продолжение работ археологических экспедиций в странах Ближнего Востока (Ирак, Афганистан) и в братских странах социализма — Монголии, Болгарии, Венгрии — будет способствовать успешному решению широкого круга проблем всемирной истории, а также окажет помощь социалистическим странам и дружественным государствам Востока в изучении древнейшей истории их народов.

Многонациональный коллектив советских археологов, как и все советские ученые, вдохновляемые постоянной заботой партии и правительства о развитии отечественной науки, сделают все от них зависящее и с честью выполнят ответственные задачи, поставленные XXV съездом Коммунистической партии Советского Союза перед советской наукой.

А. Е. МАТЮХИН

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГАЛЕЧНЫХ ОРУДИЙ

Изучение галечных орудий проводится в настоящее время как с технико-типологической точки зрения [1], так и с функциональной, трасологической [2]. При всестороннем анализе их формы, техники, функции и построении классификации существенную помощь может оказать эксперимент. Его методическая значимость также очевидна на стадии критики источника, и в первую очередь при выяснении природы артефактов, их достоверности. Здесь физическое моделирование нередко проводится одновременно с наблюдением за раскалыванием камня (в данном случае галек) в естественных условиях. Эксперименты с галечными изделиями имеют еще один не менее важный аспект — они вносят определенную ясность в такие общие вопросы, как зарождение труда и орудий, развитие производства, особенности мышления, функциональные возможности кисти людей раннего палеолита и др.

Несмотря на обширную литературу по обработанным галькам, до сих пор практически нет специальных работ, касающихся экспериментального их изучения [3].

Цель данной статьи — изложить результаты опытов по технике изготовления галечных орудий типа чопперов, чоппингов и полиэдров. Кроме описания опытов, тех или иных приемов раскалывания в ней делается попытка выработать на основе эксперимента технико-функциональные критерии для их применения на стадии конкретного анализа и объяснения археологического материала. Работа, таким образом, носит методический характер. В целом направленность используемого нами экспериментального подхода можно определить как стохастическую. Получить вероятностные сведения о существенных закономерностях техники изготовления орудий можно, как справедливо считает С. А. Семенов, чисто технологическим путем [4]. В дальнейшем, при изучении археологических коллекций, данные эксперимента используются в качестве важного сравнительного материала. Однако для выяснения частных закономерностей первобытной техники и придания опытам более целенаправленного характера необходи-

[1] *P. Biberson.* Le paléolithique inférieur du Maroc Atlantique. «Publication du Service des Antiquités du Maroc», 17, 1961, p. 413—428, tabl. 20—27; *M. D. Leakey.* Olduvai Gorge, v. 3. Cambridge Univ. Press, 1971, p. 25—31, fig. 37, 39, 59, 94, 95, 102; *З. А. Абрамова.* Галечные орудия в палеолите Енисея (опыт типологии). МИА, 185, 1972, стр. 125—141; *В. А. Ранов.* Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии. Сб. «Материальная культура Таджикистана», 2. Душанбе, 1971, стр. 5—33.

[2] *Г. Ф. Коробкова.* Трасологическое исследование каменного инвентаря Самаркандской стоянки (по материалам 1958—1960 гг.). МИА, 185, 1972, стр. 157—168; *В. Е. Щелинский.* Изучение производственных функций галечных орудий из позднепалеолитических стоянок Енисея. МИА, 185, 1972, стр. 142—156.

[3] Частично этого вопроса касались в своих работах следующие авторы: *С. А. Семенов.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 35—37; *P. Biberson.* Op. cit., 403—428; *J. Bourdier,* Préhistoire de France. Paris, 1967, p. 97—100.

[4] *С. А. Семенов.* Изучение первобытной техники методом эксперимента. Сб. «Новые методы в археологических исследованиях». Л., 1963, стр. 191—214.

мо сочетать экспериментальный метод с детальным анализом палеолитических орудий. Поэтому в опытах мы стремились хотя бы в общих чертах воспроизвести форму и технику галечных предметов, исследованных по литературе или в камеральных условиях. Теперь несколько слов о том, насколько достоверны данные экспериментов, наших в том числе. Разумеется, экспериментатор не может превратиться в первобытного человека. Приближение к реальности осуществляется соблюдением следующих правил: выбор первичного материала, близкого по физическим свойствам, форме и размерам исходных заготовок к тем образцам, из которых древние люди делали свои орудия; моделирование основных технологических условий опыта — удара как такового, диапазона, силы и его амплитуды; угла положения и способов захвата обрабатываемого предмета и т. д., неоднократно уточняемых в ходе опытов. Истинными считаются результаты, получившие многократное подтверждение. Если опытные экземпляры (нуклеусы, отщепы, орудия) по главным своим технико-морфологическим показателям напоминают оригинальные изделия, то уверенность экспериментатора в правильности тех или иных выводов значительно увеличивается.

Эксперименты с галечными изделиями проводились автором статьи в течение нескольких лет в опытных экспедициях ЛОИА АН СССР, возглавляемых С. А. Семеновым, а также в других экспедициях — на местах скопления окатанных обломков — руслах горных рек Кавказа (Псоу, Мзымты, Хосты, Кудепсты, Сочинки, Джорджои, Раздана), Крыма (Альмы), Средней Азии (Зеравшана), морского побережья Кавказа и Крыма и, наконец, моренных отложений Белоруссии.

Весь процесс обработки галечных орудий следует разделить на два цикла: поиски и отбор сырья, изменение его первоначальной формы, т. е. собственно изготовление изделий. Первая операция во многом определяет исход всего дела. Несмотря на обилие в руслах горных рек окатанного материала, найти соответствующие по форме, размерам и весу предметы бывает не всегда легко. На ранней стадии опытов отбор сырья проводился в основном интуитивно — недостаточно обращалось внимание на осмотр поверхности галек и валунчиков. В результате большое количество нерасколотых предметов или неудавшихся изделий. Впоследствии отбор стал производиться более тщательно, и число последних значительно сократилось.

В наших опытах использовались следующие породы камня: песчаник, доломит, известняк, мергель, сланец, гранит, кварц, кремень, порфирит, кварцит, базальт, обсидиан и туф. Многие породы, например песчаник, известняк, сланец, доломит, имеют разную степень окремненности и, следовательно, неодинаковую твердость. Поэтому техника обработки галек и валунчиков, в частности из крупнозернистого песчаника, с одной стороны, и окремненного песчаника — с другой, будет неодинаковой. Для окатанных обломков разных пород весьма характерна трещиноватость и слоистость, которые оказывают существенное влияние на технику изготовления орудий.

В ходе опытов были использованы все известные в литературе приемы раскалывания галек и валунчиков. Эмпирически установлена следующая их последовательность: 1) простое разбивание: а) в результате бросания на лежащую глыбу, б) обратная операция; 2) раскалывание ударом о наковальню предмета, ориентированного: а) вертикально (рис. 1, *1*, *2*), б) горизонтально (рис. 1, *3*) к поверхности валуна-наковальни; 3) раскалывание с использованием наковальни и отбойника: а) вертикальная (рис. 1, *4*), б) горизонтальная (рис. 1, *5*) позиции обрабатываемых изделий; 4) раскалывание отбойником (рис. 1, *6*).

Технические приемы располагаются по степени сложности — от более простых к более сложным. Не исключено, что предложенная последовательность имеет эволюционный характер. Разнообразие приемов конкретно обусловлено общей формой и формой отдельных участков поверхности,

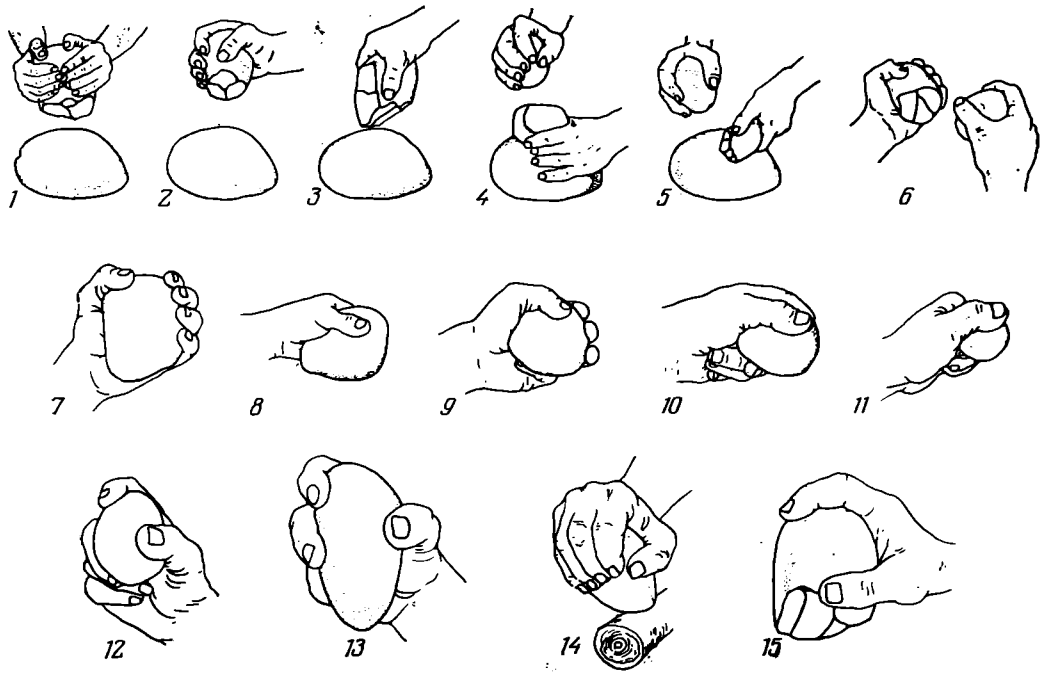


Рис. 1.1 —*6* — различные способы раскалывания галек; *7* — *11* — различные способы захвата галек в процессе их обработки; *12*, *13* — различные способы захвата отбойников; *14*, *15* — положения рубящих орудий при работе

размерами, весом и породой сырья. Первые два приема целесообразны в тех случаях, когда раскалывание галек или валунчиков округлой формы и достаточно окремненных отбойником затруднительно, а также если нужны отщепы больших размеров. При простом разбивании помимо бесформенных обломков нередко получаются отщепы правильной формы и с выраженным острым краем. Используя данный прием, экспериментатор слабо контролирует свои действия. Необходимо бросать предметы так, чтобы они ударялись уплощенным краем о поверхность лежащей на земле глыбы. Однако это не всегда удается. К тому же не все окатанные обломки имеют уплощенные края. Интересно, что даже при беспорядочных, случайных ударах (бросках) возникают отщепы и обломки с острым краем, а отщепы, кроме того, с некоторыми элементарными признаками и нередко тонкие в сечении. При использовании второго приема контроль со стороны экспериментатора заметно увеличивается. Наносимые удары отличаются большей точностью. Амплитуда и сила удара, а также положение раскалываемого предмета относительно поверхности наковальни варьируют в зависимости от его веса, формы края и характера поверхности самой наковальни.

Эффективность раскалывания галек и валунчиков, ориентированных вертикально (рис. 1, *1*, *2*), объясняется прежде всего сочетанием таких факторов, как концентрация силы удара и значительная его амплитуда. В тех случаях, когда обломки песчаника и сланца нетрещиноваты и сильно окремнены, часто не удавалось расколоть даже уплощенные образцы. Снимаемые отщепы часто имеют правильную форму, ударную площадку, а отдельные экземпляры полностью лишены галечной корки. Края многих отщепов исключительно острые. Характерной чертой их является наличие углубления — вмятины вместо конуса удара (рис. 2, *3*, *7*, *8*, *10*, *11*). После снятия определенного количества отщепов обрабатываемый предмет типологически оценивается как чоппер, чоппинг или нуклеус. Изготовить чоппинг чаще удавалось из галек и валунчиков кремнистых или окремненных пород. При обработке вязких пород край изделия получался не только извилистым, но и сильно забитым, другими словами, нерабочим.

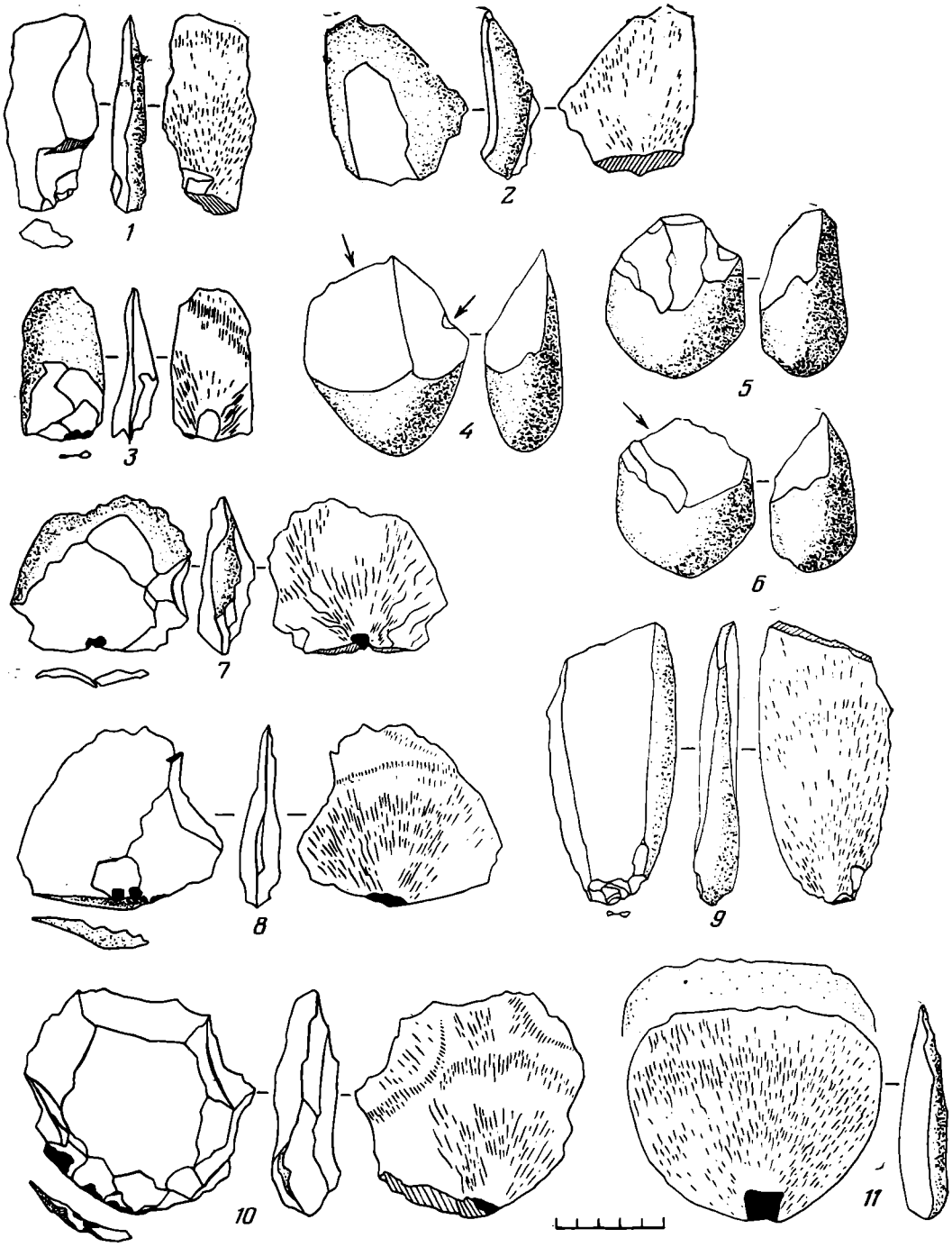


Рис. 2. *1—3, 7—11* — сколы, полученные ударом о наковальню; *4—6* — различные приемы выделения рабочего края

Особенную значимость при изготовлении указанных орудий приобретает угол их положения. Часто изделие приходится наклонять вправо — влево, назад — вперед. Манипулятивные возможности кисти здесь ограничены. Если появляется необходимость уменьшить угол наклона орудия, скажем, до 30—50°, то это практически означает смену направления удара. Надо использовать второй вариант данного приема — раскалывание предмета при горизонтальном его расположении (рис. 1, *3*). Эта техника получила в археологической литературе название «Bloc on bloc». Вначале осматривается поверхность окатанного обломка, выбирается место для на-

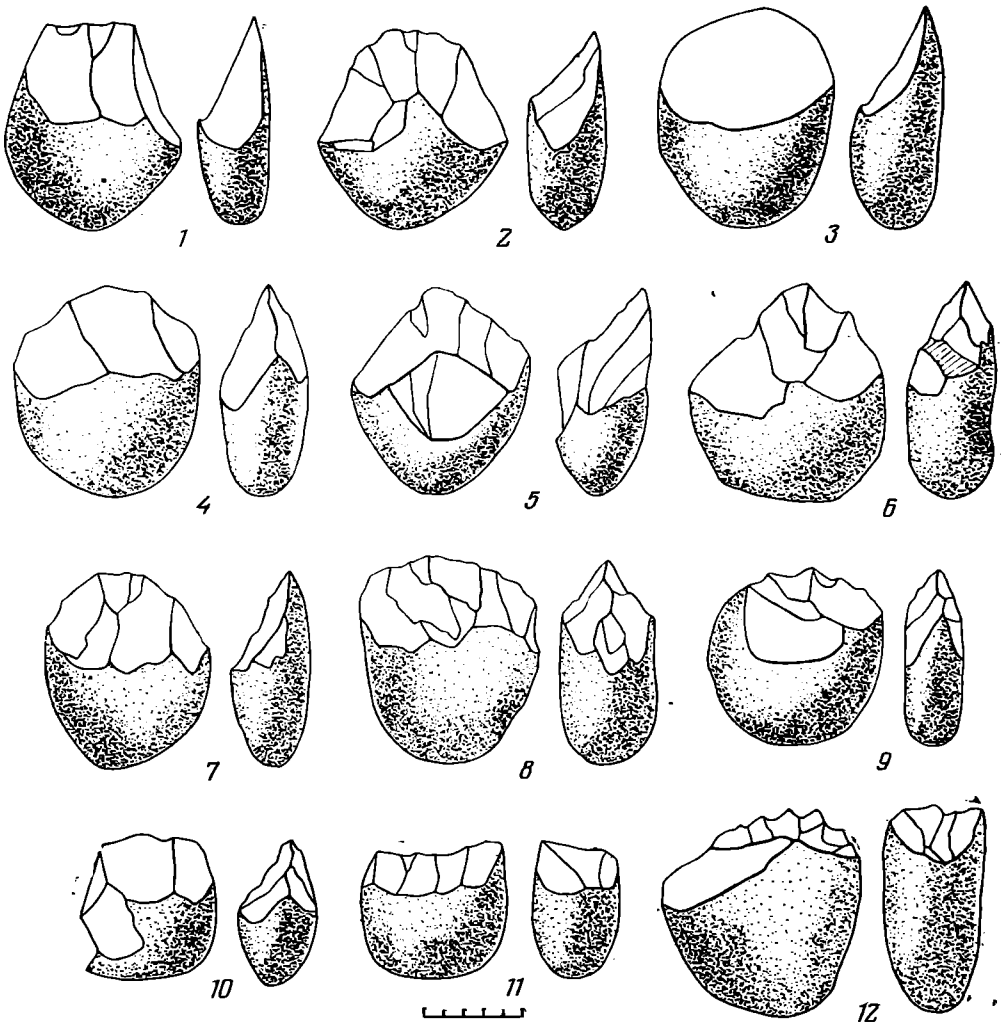


Рис. 3. *1—3* — орудия для резания, кромсания, рубки; *4—10* — орудия для рубки; *11*, *12* — обработанные гальки

несения первого удара. Если в описанном выше случае эффективность первичного раскалывания зависела главным образом от концентрации силы удара, его амплитуды, то здесь играют роль другие факторы—размеры, вес, форма краев обрабатываемых предметов и угол их положения. Так, трудно раскалывать гальки небольших размеров, малого веса, а также гальки округлой формы, поскольку в этом случае резко сокращается сила удара. Валунчики, даже массивные, раскалываются легко, если края у них уплощены. Важно добиться первого скола, негатив которого становится ударной площадкой для получения последующего скола. Снятие отщепов, приостряющих край, продолжается до тех пор, пока сохраняется уплощенность края, т. е. нормальная ударная площадка. При нанесении ударов по сферическому краю в целом уплощенных (до 4—6 *см* толщины) валунчиков снятие отщепов происходит под прямым углом и оформления этого края в рабочий не происходит. Отщепы, как правило, короткие, бесформенные, края их тупые.

Описываемый прием позволяет получить чопперы с выделенным дистальным краем. Такая форма зависит от формы заготовки (суженность на одном конце) и места нанесения ударов. Снятие отщепов начинается не со средней части края, а с его боков (рис. *2*, *4—6*). Подобная локализация ударов позволяет удалить испорченный участок гальки-валунчика. Другие причины возникновения подобной формы — нанесение ударов по утон-

ченным предварительной обработкой краям (рис. 2, *4*), наличие трещин (рис. 3, *5*, *6*), увеличение протяженности рабочего края (рис. 3, *2*, *7*). На наковальне можно производить и отделку рабочего края чопперов и чоппингов. Здесь требуются особенно точные и рассчитанные удары. Нередко подобная операция приводит не к приострению, а забиванию лезвия и увеличению угла его заострения. Отделка рабочих краев орудий из кремня, кварцита и окремненных песчаников, сланцев, известняков происходит успешней, чем орудий из вязких разновидностей этих же пород.

Используя прием удара о наковальню, можно моделировать технику раскалывания — снятие отщепов с нуклеуса. Заготовками для нуклеусов выбирались или целые валунчики, или обломки, полученные при разбивании глыб и валунов. Снятие отщепов с валунчика начинается с уплощенного участка его краев. Протяженность обработанной части края находится в прямой зависимости от характера поверхности негативов и угла между этой поверхностью и противоположной стороной с естественными ударными площадками. Если не удалось по каким-то причинам начать скалывание на одном участке валунчика, то целесообразно переключиться на другой и при благополучном исходе дела первый участок можно удалить или в качестве ударной площадки использовать не естественную поверхность, а поверхность негативов. Это приводит, в частности, к формированию двустороннего нуклеуса. Отметим, что именно величина угла между поверхностью негативов и естественной поверхностью противоположной стороны определяет реализацию приемов параллельного, радиального, веерообразного, бессистемного (с их разновидностями) скалывания. Каждый отдельный нуклеус в процессе своего формирования проходит различные технологические стадии, например от системы параллельного скалывания до скалывания, лишенного строгой системы. Всякий новый удар может существенно изменить технологическую ситуацию и первоначальную форму нуклеуса [5]. Получаемые заготовки нередко правильной формы — пластинчатые и треугольные отщепы и даже пластины (рис. 2, *1*, *9*). У сколов не всегда широкие, скошенные площадки и массивные ударные бугорки. Нами получено немало заготовок, исключительно тонких в сечении. Для многих сколов, снятых путем удара о наковальню, характерно сминание площадки, невыраженность конуса удара и порой его отсутствие.

Пользуясь третьим приемом, можно раскалывать только уплощенные гальки. При попытке расколоть гальку округлой формы наблюдается неплотное ее прилегание к поверхности наковальни и соскальзывание отбойника (рис. 1, *5*), Обработанная часть края гальки чаще всего забитая. Раскалывать с помощью данного приема валунчики практически невозможно.

Прием раскалывания окатанных обломков с помощью отбойника занял в наших опытах основное место. Прежде всего отметим, что в данных опытах фиксируются многие из тех закономерностей, которые наблюдались при использовании приема раскалывания ударом о наковальню. Правда, здесь они выражены более отчетливо, приобретая некоторую специфичность. Выявлен также ряд новых закономерностей. К осмотру сырьевого материала перед началом работы добавляется оценка результата каждого удара [6]. В одних случаях эта оценка была мгновенной и движение руки с отбойником лишь замедлялось, не прекращаясь полностью, в других — приходилось прекращать нанесение ударов, несколько раз переворачивать обрабатываемый предмет, оценивать ситуацию и выбирать место последующего удара. Бывало так, что время, затраченное на осмотр поверхности обломков перед раскалыванием и оценку результатов каждого удара, пре-

[5] Динамика техники раскалывания хорошо прослежена в опытах с кремнем В. Е. Щелинским. См. *В. Е. Щелинский*. Производство и функции мустьерских орудий. Автореф. канд. дис. Л., 1974, стр. 7—10.

[6] *С. А. Семенов*. Производство и функции каменных орудий. Сб. «Каменный век на территории СССР». М., 1970, стр. 7—10.

восходило время, в течение которого наносились удары. Первичная и вторичная оценки способствовали увеличению количества изделий с рабочим краем и сокращению времени на их изготовление.

Как и при раскалывании окатанных обломков ударом о наковальню, отбойником также трудно раскалывать подобные предметы с ясно выраженными сферическими краями, тем более небольших размеров, из окремненных и вязких пород камня. В известной мере это относится и к уплощенным, сильно окремненным песчаниковым и сланцевым галькам. По отдельным экземплярам наносилось до 150 безрезультатных ударов (таблица, *12*; рис. 3, *12*). Однако оформить обрабатываемый край в рабочий так и не удалось. Тем не менее было получено несколько качественных отщепов-заготовок. Добиться рабочего края при раскалывании утолщенных галек возможно при расположении их под определенным углом (рис. 4, *2*), получении первичной площадки и последующем удалении с ее поверхности участков, мешающих раскалыванию. Причем эта операция предполагает нанесение многократных ударов в одну точку (таблица, *5*, *11*, *12*). Сказанное, однако, не является правилом. Речь идет в первую очередь о раскалывании сильно окремненных песчаниковых, сланцевых галек, а также галек из кварцита, кремня, порфирита и других твердых пород. При частых ударах по галькам и валунчикам из вязких пород происходит ослабление свойств цементирующих компонентов и возникновение трещин. Отщепы не отлетают, а словно отваливаются, приострение края наблюдается в редких случаях. Относительно легко раскалываются гальки и валунчики округлой формы из доломита, известняка, кремня, обсидиана и других близких пород. Удобны для раскалывания также неполностью окатанные обломки с участками поверхности, выступающими в роли естественных ударных площадок.

В тех случаях, когда ударной площадкой является ровная поверхность окатанного обломка, располагающаяся примерно под углом 90° по отношению к предполагаемой поверхности скалывания, снятие отщепов происходит, как с нуклеуса, почти под прямым углом. Приострения края, даже при раскалывании кремнистых и окремненных пород, практически не наблюдается (рис. 4, *11*). Если же обработке подвергаются окатанные обломки вязких пород, то край ударной площадки забивается и выкрашивается, а отщепы часто заламываются (рис. 4, *5*). Едва ли поэтому можно согласиться с А. Алиманом и Ж. Шавайоном, которые рассматривают данный прием как средство оформления рабочего края галечных орудий [7]. Технически невыполнимой кажется и операция по изготовлению двойных пирамидальных полиэдров, изображенных в работе П. Биберсона [8].

Во многих ашельских комплексах, например Сатани-Дара, Яштуха, Джрабера, нуклеусы изготовлены из кусков камня, у которых уже имеется несколько готовых естественных ударных площадок. Часто встречаемые почти во всех археологических коллекциях палеолитического времени сколы с нуклеуса и сколы подживления площадок указывают на стремление древних мастеров к ликвидации бесформенности, шаровидности нуклеусов и многоплощадочности, ведущих нередко к порче этих изделий. Форма клектонских и тейякских нуклеусов, конечно, не планировалась первобытным человеком, а является результатом неудачного использования приемов раскалывания или особенностей сырья. Шаровидная форма нуклеуса приводит к уменьшению, а нередко и ликвидации ударных площадок, забиванию их краев, к ступенчатости поверхности скалывания, а главное уменьшению возможности получения площадок. Именно в силу

---

[7] *H. Alimen* et *J. Chavaillon*. Position Stratigraphique et évolution de la Pebble Culture au Sahara nord-occidental. Actes du IV Congres Panafricain de Préhistoire et de l'étude du Quaternaire, section III, 1962, p. 6.

[8] *P. Biberson*. Op. cit., pl. 3, *a* — *c*.

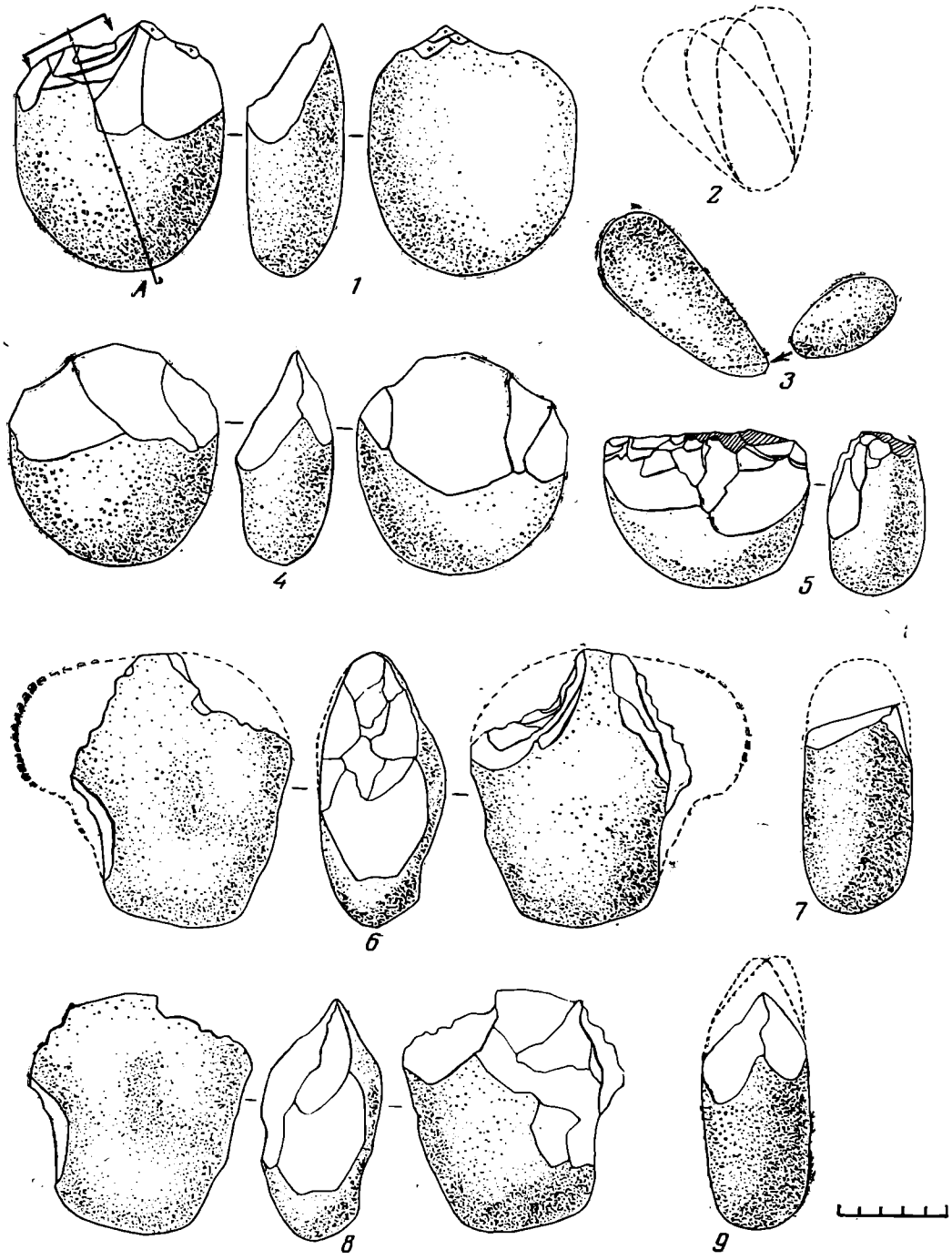


Рис. 4. *1* — случай неэффективности рубящего орудия (чоппера) в работе; *2*, *3* — угол положения галек в ходе обработки; *4* — переоформление чоппера (*1*) в чоппинг; *5* — неудавшийся чоппер; *6* — чоппер из порфирита в процессе обработки (после 117 ударов); *7* — неудавшийся чоппинг; *8* — чоппер из порфирита (*6*) после 218 ударов; *9* — оптимальная форма дистального края гальки при изготовлении чоппинга

указанных причин трудно сохранять на полиэдрическом изделии несколько активных ударных площадок.

Нам кажется, что многие полиэдры и подсфероиды являются нуклеусами, а не изготавливались специально. В то же время вызывает сомнение исключительно большое количество подобных «артефактов» в вилла-франкских комплексах Олдувейского ущелья [9]. Отнюдь не умаляя значимости

[9] *M. D. Leakey.* Opt. cit., fig. 13, 59, pl. 16, 19, 21, 25.

	Порядковый номер опыта											
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*
Характеристика исходных заготовок и отбойников												
Название породы	Окремненный сланец	Окремненный песчаник	Окремненный сланец	Окремненный песчаник	Окремненный песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Окремненный песчаник	Вязкий песчаник	Окремненный песчаник	Вязкий песчаник
Степень трещиноватости породы	Средняя	Высокая	Средняя	Низкая	Высокая	Высокая	Низкая	Средняя	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Размеры исходной заготовки, *см*	13×10×3,5	11,5×11×4	12,5×9×4,5	14×10×4,5	15×9×6	11,5×10×4,5	11×9×4,5	13×10×3	10,5×9×3	12,5×10×4	13×7,5×4,5	13,5×9,5×5
Вес исходной заготовки, *г*	700	800	800	1050	1200	800	700	1100	700	1000	800	1000
Число отбойников	1	1	1	4	2	1	1	2	1	2	2	1
Название породы	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник	Вязкий песчаник
Вес отбойников	600	600	600	450/500/800/900	600/400	600	600	600/400	400	600×400	600×400	600
Характеристика технологического процесса и изделий												
Число результативных ударов	3	6	1	10	10	3	6	8	7	13	15	6
Число безрезультатных ударов	45	10	5	110	100	6	9	25	15	12	75	145
Максимальное число ударов в одну точку	35	4	6	78	90	6	7	12	8	8	60	120
Число ударов для отделки края	3	3	–	–	5	–	2	15	–	–	–	–
Амплитуда удара, *см*	50–70	40–60	40–45	40–60	50–70	40–60	40–60	50–70	50–70	50–70	50–70	50–70
Максимальное количество единиц расщепления после одного удара	4	–	1	4	4	2	2	2	2	5	4	4
Общее затраченное время, мин	1,5	1,0	0,2	3,5	2,5	0,7	1,5	3.0	1,5	3,0	4,0	3,0

Продолжение

	Порядковый номер опыта											
	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*
Характеристика технологического процесса изделий												
Число отщепов	4	2	1	10	8	3	6	9	4	15	11	13
Число осколков	2	5	–	2	13	2	1	1	3	12	17	12
Число сколов орудий	5	5	1	7	6	2	4	–	4	10	10	5
Число сколов-заготовок	1	6	–	2	2	1	–	5	1	3	2	–
Общее число заготовок	4	4	1	8	6	2	3	5	3	8	7	2
Максимальные размеры сколов	5×7×2,5	5,5×3×2	7,5×8××3,5	5×4×2	5×7×3	4×5×1,5	7×5×1,5	7×8×2,5	5×5×3	9×6×3	4,5×7×4	5×4×1,5
Технико-морфологический тип	Чоппер	Чоппер	Чоппер	Чоппинг	Чоппер	Чоппинг	Чоппер	Чоппинг	Чоппинг	Чоппинг	Чоппер	Обработанная галька
Примерная функция	Резание, кромсание, рубка	Резание, кромсание, рубка	Резание, кромсание, рубка	Рубка	Рубка	Рубка	Рубка	Рубка	Рубка	Рубка	–	–
Размеры изделия	10,5×9××3,5	10×9,5×4	10×9×4,5	11×9,5××4,5	10,5×9××5	11×10××4,5	10×8,5×4	10,5×9××5	9×9×3	7,5×7×4	7×7,5××4,5	10,5×10××5
Вес изделия	400	500	600	650	600	650	500	700	550	375	450	650
Длина обработанной части края	4,5	10	8,5	9,5	10	9,5	8,5	9	7	9	7	9,5
Вероятная длина рабочей части края	4	4,5	8,5	9	7	3,5	4,5	4,5	4	4	3,5	–
Угол заострения обработанной части края, градусы	45–50	50	50	60–65	65–70	70–75	75	75–80	80–85	85–90	90	90–95

открытий в Олдувее, нельзя не заметить, однако, что основная масса обнаруженных здесь многогранников с археологической точки зрения весьма сомнительна; некоторые из них трудно отделить от нуклеусов [10]. Отдельные исследователи, игнорируя такое важное методическое звено научного анализа, как критика источника, стремятся во что бы то ни стало найти в своих коллекциях изделия олдувейского типа, принимая, в частности, за многогранники неполностью окатанные обломки. При посещении раннепалеолитического памятника Сатани-Дар автор данной статьи собрал большое число «полиэдров» и «подсфероидов» из обсидиана [11]. Оригинальная форма этих обломков обусловлена своеобразием самого материала, его способностью разрушаться под воздействием различных физико-химических причин, что приводит к появлению граней, напоминающих негативы сколов. Однако, приближаясь к последним по форме, эти грани отличаются от них по характеру своего расположения на поверхности обломков и отсутствию основных признаков.

Еще в большей степени трудно раскалывать округлые гальки небольших размеров. Если прочно захватить такую гальку, остается мало места для нанесения ударов (рис. 1, *11*). При сильных ударах гальки часто вырывались из рук. Обычно раскалывались достаточно плоские гальки. Поэтому остается непонятным прием обработки миниатюрных галечных изделий (2—4 *см* в поперечнике) из Олдувея [12] и марокканского местонахождения Сале [13]. Неясно также их назначение.

Толщина галек и валунчиков неодинакова по всей их поверхности. Например, экземпляр толщиной 5—8 *см* может иметь у краев толщину всего 2—2,5 *см*. Именно уплощенные участки становятся первичными ударными площадками. Изготовить орудие нередко удавалось после одного — трех ударов. Если края гальки менее уплощены, требовалось до 10 и более ударов. При выборе места первого удара необходимо обратить внимание на характер уплощенности ударного края. Многие окатанные обломки имеют плоско-выпуклый профиль. В этом случае для получения острого края надо нанести удар по плоской части предмета (рис. 4, *3*). Однако если уплощенность захватывает значительную часть поверхности, то можно снимать отщепы и с выпуклой стороны. Когда уплощенность края прослеживается с двух сторон, эффективным будет удар в любом направлении (рис. 4, *9*). Оформление рабочего края крупными сколами при толщине обломков 4—6 *см* не всегда заканчивается успешно. Край забивается, а угол его заострения приближается нередко к 90° (рис. 4, *6*, *8*). В этом случае удаление непригодных участков края осуществляется обычно с его концов, но при условии, если их толщина ненамного превосходит толщину забитого участка.

Достоин упоминания тот факт, что галечные орудия из некоторых ашельских памятников Европы, Азии и Африки изготовлены преимущественно из уплощенных окатанных обломков [14]. Такие же гальки предпочитали

---

[10] *А. Е. Матюхин.* Открытия последних лет и проблема наидревнейших орудий (критический обзор литературы). СА, 1972, 3, стр. 372, 373.

[11] Пользуясь случаем, автор выражает благодарность Б. Г. Ерицяну за предоставленную возможность провести необходимые наблюдения на некоторых раннепалеолитических памятниках Армении.

[12] *M. D. Leakey.* Opt. cit., fig. 10, 12, pl. 25.

[13] *P. Biberson.* Nouvelles données sur le Pré-Acheuléen (ex-Pebble-Culture) du Villafranchien du Maroc. «Comptes rendus des Séances de l'Académie de Sciences», t. 271, ser. D, № 22. Paris, 1970, p. 1972—1974.

[14] *H. Lumley.* Les fouilles de Terra-Amata à Nice. Extrait du «Bulletin du Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco», № 13, 1966, pl. 2—8; *H. D. Sankalia.* The Lower Palaeolithic Cultures in India and Pakistan. Being Chapter I of the Revised Edition of the Book. Prehistory and Protohistory in India and Pakistan. Decan College Post-Graduate and Research Institute. Poona, 1973, p. 63; *L. Balout*, *P. Biberson* et *J. Tixier.* L'Acheuléen de Ternifine (Algérie), gisement de l'Atlantrope. L'Anthropologie, t. 71, № 3—4, 1967, pl. 3, 6, 9, 10.

и неолитические мастера, например гиссарцы [15]. У подавляющего большинства чопперов и чоппингов из Олдувея угол заострения обработанного края, как показывают наши измерения по иллюстрациям, равен 80—100°, в то время как угол заострения галечных орудий из ашельской стоянки Терра-Амата равен в среднем 60°. Если австралопитековые, согласно М. Лики [16], приносили на место обитания уже готовые изделия (за 15—20 *км*), то резонно ставить вопрос об их важном производственном назначении. Логика производства вообще такова, что предполагает известную адекватность двух основных его циклов: изготовления орудий и их использования. Как же объяснить функциональную невыраженность многих олдувейских галечных орудий? Соглашаясь с теми исследователями, которые приписывают сфероидам и подсфероидам функцию метательного оружия, а полиэдрам, чоппингам и чопперам — функцию ударных орудий, связанную главным образом с разбиванием костей, мы сталкиваемся с явным противоречием, суть которого в признании одновременного существования в Олдувее специализированных орудий (скребков, резцов, долот, проколок), с одной стороны, и галечных орудий с низким коэффициентом полезного действия — с другой. Ведь гораздо проще и эффективней применять, например, для отбивания эпифизов трубчатых костей полностью необработанные гальки.

Наличие внутренних и внешних трещин, которые, кстати сказать, имеются у подавляющего большинства окатанных обломков, с одной стороны, способствует раскалыванию даже предметов округлой формы и повышенной твердости, а с другой — приводят к тому, что они от ударов разбиваются на бесформенные обломки или поверхность раскола не способствует выделению рабочего края орудия. Иногда трещины ясно видны невооруженным глазом, пересекая предмет в одном или нескольких направлениях. В других случаях они распространяются на небольшом участке. Очень часто трещиноватость идет по всей окружности гальки-валунчика, что приводит к различным последствиям. Все это учитывается при выборе места рабочего края и места первых ударов. Если трещиноватость охватывает значительный участок обломка, то она по существу определяет локализацию, форму и характер рабочего края, угол его заострения и в целом форму изделия (рис. 3, *5*, *6*). Позитивная роль трещин особенно заметна при изготовлении галечных орудий из кремнистых пород, хорошо окремненных сланцев и песчаников, а также вулканических пород. Что касается вязких пород камня, то трещиноватость лишь в какой-то мере облегчает раскалывание галек и валунчиков. Даже плохо различимые или совсем невидимые трещины способствуют уплощению естественного края предметов и его оформлению в рабочее лезвие. Наконец, нами зафиксировано несколько случаев, когда оформление рабочего края произошло после раскола валунчиков и галек по трещине в результате одного результативного удара.

Чоппер, разумеется, легче изготовить, чем чоппинг. При изготовлении чоппинга от экспериментатора требуется большой навык. Осмотр результата каждого удара иногда длится до 30—50 сек. и более. Выделение рабочего края чоппинга идет двояким образом: а) путем нанесения попеременно с одной и другой стороны чередующихся по направлению ударов, б) после получения чоппера. Последнее означает практически переделывание чоппера в чоппинг. Второй прием имеет ряд преимуществ по сравнению с первым, поскольку выделение рабочего края происходит при наличии уже имеющейся обработанной поверхности, т. е. при некоторых заданных технических условиях. Нередко удается контролировать получение достаточно прямого и с нормальным углом заострения лезвия. Важно, чтобы обработанный участок, который выступает в роли ударной площадки,

[15] *А. П. Окладников.* Исследование каменного века Таджикистана. МИА, 66, 1958, рис. 7, *1*; 9, *1*; 19,*2*; 20, *2*, *3*.

[16] *M. D. Leakey.* Op. cit., p. 263.

располагался под определенным углом к противоположной необработанной поверхности, иначе угол заострения обрабатываемого края будет значительным (рис. 4, *7*). Здесь в еще большей степени, чем при изготовлении чопперов, многое зависит от выбора места для нанесения первых ударов. Наши опыты показывают, что если у чоппера нормальный угол заострения, то нет необходимости переделывать его в чоппинг. Переход к чоппинговой форме наблюдается в тех случаях, когда у чоппера в силу каких-то причин не удается выделить рабочий край или последний располагается не по оси движения орудия во время работы (рис. 4,*1*, *4*), а также если преследуется цель получить максимальное количество заготовок для орудий.

Подправка обрабатываемого края у окатанных обломков из вязких пород приводит обычно к его затупливанию и ликвидации нужного угла заострения. Преимущество имеют в этом отношении кремнистые и окремненные породы. Однако и в данном случае удары надо наносить точные и резкие, а сам обрабатываемый предмет располагать под соответствующим углом к оси движения отбойника. Данное обстоятельство приобретает особенный смысл, когда оформление рабочего края экспериментатор намерен осуществить с помощью ретуши. Для этой цели больше всего подходят отбойники из плоских галек, которые в зависимости от ситуации располагаются вертикально или горизонтально.

Захват галек и валунчиков происходит по-разному и зависит от размеров, формы и характера их поверхности (рис. 1, *7—11*). В ходе одной операции способы захвата могут неоднократно меняться. Все пальцы левой руки находятся в различном, порой крайне неудобном манипулятивном состоянии и вместе с локтевой частью руки испытывают сильную мышечную нагрузку. При захвате валунчиков большой палец нередко играет весьма пассивную роль. Иное дело когда захвату подвергаются гальки. Здесь ловкость и пластичность руки проявляются наглядным образом. Мы неоднократно убеждались в том, что раскалывание галек и валунчиков округлой формы — утомительная, кропотливая, требующая одновременно физического и волевого напряжения работа.

Ответственная роль в эксперименте, как уже обращал внимание С. А. Семенов, отводится отбойнику. Наиболее оптимальная его форма на стадии первичного раскалывания — яйцевидная, обеспечивающая прочный и динамичный захват, осуществляемый чаще всего тремя или четырьмя пальцами, и эффективность совершаемых ударов (рис. 1, *12*, *13*). Поиски отбойников подходящей формы и величины — нелегкое дело даже в руслах горных рек. Речь идет об отбойниках, предназначенных главным образом для нанесения очень сильных ударов. В тех же случаях, когда уже снято несколько отщепов, но не удается выделить рабочий край, можно использовать в качестве отбойника плоские (от 2 до 3,5 *см*) гальки. Отбойники приходится часто менять: одни из них неудобны в захвате, другие, будучи трещиноватыми, быстро раскалывались, напоминая порой настоящие чопперы. Одним и тем же отбойником — песчаниковой галькой яйцевидной формы без внутренних и внешних трещин — было изготовлено свыше 50 галечных изделий. С другой стороны, в ходе изготовления чоппера из порфирита было повреждено восемь отбойников (рис. 4, *6*, *8*). Отметим, что амплитуда удара, особенно при снятии первого отщепа с галек и валунчиков округлой формы, колеблется от 40 до 80 *см*. Округлые отбойники, применяемые при первичном раскалывании, должны превосходить (или быть одинаковыми) по плотности предметы, подвергающиеся обработке [17]. Если раскалываемый обломок представлен вязкой породой, то для эффективности ударов целесообразней использовать твердые отбойники, в том числе и плоские. Однако плоские отбойники, предназначенные для нанесения рассчитанных ударов, при оформлении рабочего

[17] *С. А. Семенов*. Развитие техники..., стр. 37.

края орудий из твердых пород предпочтительно выбирать из вязких галек.

Очень часто изготовление отдельного галечного орудия проводилось одновременно и с помощью отбойника, и путем удара о наковальню. Последний прием обычно использовался при снятии первых отщепов с галек округлой формы или уплощенных, но с ясно выраженным сферическим краем. Снятие первого отщепа в этом случае осуществлялось, в зависимости от характера естественного края окатанных обломков, в вертикальном или горизонтальном положении. После получения исходной площадки скалывание отщепов можно продолжать уже отбойником. Пользоваться наковальней приходилось также и на заключительной стадии опыта, когда появляется необходимость в отделке рабочего края. Соотношение обоих приемов носит динамический характер, и предпочтительное использование того или иного приема определяется в каждом конкретном случае.

В опытах мы фиксировали число единиц расщеплений (отщепов, осколков, пластин, реже чешуек) после каждого удара и после всех результативных ударов в пределах отдельного опыта. Нам кажется, что среди сколов целесообразно выделять отщепы-заготовки, отщепы-орудия и отщепы-отходы. Выделяется и общее число заготовок. Отщепы, а также некоторые обломки, имеющие острый край, могут быть непосредственно использованы для резания, пиления: скобления, кромсания и рубки. Однако по своим размерам и характеру краев не все они являются заготовками. Кроме того, рабочие свойства отщепов-орудий далеко не равноценны. Отдельные образцы пригодны для весьма длительного использования. Другие же выходят из строя после нескольких минут работы. Отщепы-заготовки и отщепы-орудия не только дополняют, но в некоторых случаях и замещают функциональный потенциал рассматриваемых орудий. Коэффициент полезного действия галечных орудий, как правило, неравноценен. Изделия с забитым, сильно извилистым краем пригодны главным образом для совершения чисто ударных функций, например разбивания костей, перерубания веток и тонких стволов деревьев. Их нельзя использовать для перерубания относительно толстых (до 12—14 *см* в диаметре) стволов, а в равной мере кромсания и резания мяса. Наконец, у многих чопперов и чоппингов рабочий край хотя и имеет нормальный угол заострения, но протяженность его невелика. В других случаях длина рабочего края в норме, зато угол заострения приближается к 90° и более.

Говоря о полезных свойствах отщепов, мы имеем в виду прежде всего отщепы, полученные при раскалывании твердых, а не вязких пород камня. Есть все основания считать чопперы, чоппинги, монофасы и бифасы орудиями-нуклеусами, а многие чопперы и чоппинги — исключительно нуклеусами [18]. Добавим здесь, что приуроченность обработанной поверхности к какому-то определенному участку гальки или валунчика (случай с чоппингом) объясняется, по всей видимости, наличием в зоне обработки естественных ударных площадок. Перенос площадки в процессе изготовления орудия ближе к противоположному концу заготовки осуществить часто невозможно из-за массивности последнего. Это хорошо прослеживается на материалах мустьерского памятника Средней Азии — Кара-Бура. И едва ли права М. Лики [19], которая перевела обнаруженные в Стеркфонтейне (Южная Африка) нуклеусы в полиэдры, т. е. орудия, «исправив», тем самым прежние определения Р. Мэйсона [20].

В заключение кратко коснемся вопроса о принципах построения классификации орудий из галек и валунчиков. В настоящее время в связи

---

[18] Интересные соображения на этот счет высказаны В. А. Рановым. См. *В. А. Ранов*. Ук. соч., стр. 23.

[19] *M. D. Leakey*. Stone Artefacts from Swartkrans. «Nature», vol. 225, № 5239, 1970, p. 1222—1225.

[20] *R. Mason*. The Sterkfontein Stone Artefacts and their Maker. The South African Archaeological Bulletin, XVII, 66, 1962, p. 109—125.

с усложнением методологического статуса археологии становится очевидным, что вопрос о характере, структуре и содержании классификации необходимо тесным образом связывать с вопросом о предмете, целях и задачах археологии. Если к главным целям археологии относить изучение истории культуры, культурного процесса и образа жизни древних людей [21], то существующие ныне в первобытной археологии классификации, построенные по технико-типологическому принципу, не отвечают полностью ее теоретико-познавательным задачам. Все авторы классификаций галечных орудий раннего палеолита кладут в основу технико-типологические признаки, исчерпать которые практически невозможно [22]. Попытка построить классификации, отражающие хронологию галечных изделий, не увенчались успехом. Так, двусторонне обработанные гальки, относимые, например, П. Биберсоном [23] к третьей стадии галечной культуры, в действительности имеют самый древний абсолютный возраст [24]. С другой стороны, в гиссарских ансамблях много галек, обработанных с одной стороны. Галечные орудия — весьма консервативная группа изделий, и трудно проследить какую-либо ясную в технико-морфологическом плане их эволюцию.

Понятие «тип», являясь основным аналитическим компонентом всякой классификации, до сих пор не подвергнуто серьезному, содержательному исследованию [25]. Такие типы, как гальки с одним-двумя сколами, не образующими рабочий край, концевые, боковые и чопперы с выделенным острием на деле ни о чем не говорят, поскольку объяснения признаков авторы классификаций не производят. Многие признаки могут быть случайными. Тем не менее они обусловлены рядом объективных причин: формой, размерами окатанных обломков, характером структуры, их физическими свойствами и т. д. Тип как понятие не формальное, а содержательное включает в первую очередь те признаки, которые принимались в расчет самим первобытным мастером. Это размеры, вес, длина рабочего края, характер обработки рабочей зоны, степень приостренности лезвия, угол заострения и другие признаки. Сюда же следует причислить и такие характеристики, как степень удобства захвата орудия, а также соотношение между местом расположения рабочего края и направлением удара его. По существу перед нами те же признаки, но данные не непосредственно, через элементы морфологии, а опосредованно, через анализ предполагаемой функции орудия. Другими словами, это функциональные признаки, реконструируемые в ходе детального изучения морфологии изделий. При оперировании перечисленными выше технико-функциональными признаками можно с той или иной долей уверенности говорить о том, случайна ли данная форма галечного предмета или получена человеком специально, какие признаки существенны, а какие нет. В некоторых случаях удается определить, является ли рабочий край подтреугольной формы результатом только удаления забитых участков или преднамеренного стремления мастера сделать орудия более эффективными, в частности для перерубания стволов деревьев. Выделение содержательных технико-функциональных типов, особенно при использовании трасологического анализа, позволит увидеть разницу между обработанными гальками разных в хронологическом отношении комплексов — олдувейских, соанских и гиссарских. Несмотря на

---

[21] *L. R. Binford.* Archeological Perspectives. «New Perspectives in Archeology». Aldine Publishing Company, Chicago, 1968, p. 5—16.

[22] *P. Biberson.* Le paléolithique inférieur..., p. 413—428, pl. 20—27; *H. Alimen* et *J. Chavaillon.* Op. cit. p. 3—26; *L. Ramendo.* Les galets aménagés de Reggan (Sahara). «Libyca», t. XI, 1963, p. 43—73; *M. D. Leakey.* Olduvai Gorge, t. 3, p. 4—7, fig. 37, 39, 59, 94, 95, 102; *В. А. Ранов.* Ук. соч., стр. 23—29, рис. 4, 5.

[23] *P. Biberson.* Le place des hommes du paléolithique Marocain dans la chronologie du pléistocéne atlantique. L'Antropologie, t. 68, № 5—6, 1963, p. 505.

[24] *F. J. Fitch, J. Muller.* Radioisotopic Age Determinations of Lake Rudolf Artefact Site. «Nature», vol. 226, № 5242, 1970, p. 228.

[25] *А. Е. Матюхин.* Ук. соч., стр. 365—367.

внешнее сходство, они будут отличаться друг от друга по некоторым перечисленным выше признакам. Основное отличие между ними наблюдается в неодинаковом содержании коэффициента их полезного действия. Естественно, что галечные орудия гиссарского типа использовались не только более разнообразно, чем олдувейские гальки, но и более продолжительное время.

Предлагаемая нами применительно к раннему палеолиту группировка обработанных галек и валунчиков построена по технико-функциональному принципу (рис. 3.) Из этого не следует, что собственно морфология изделий не принималась во внимание. Однако фиксируются те морфологические признаки, которые имеют отношение к функции того или иного орудия. Что касается общей формы галечных орудий, то она выступает в качестве пассивного классификационного признака, поскольку зачастую является случайной. В каждой группе изделия располагаются в соответствии с особенностью их рабочего края — угла заострения края в целом и отдельно лезвия, протяженностью активной части рабочего края, характером лезвия, а также соотношением между локализацией рабочей части края и предполагаемым направлением движения орудий, например при рубке дерева. Таким образом, эффективность каждого отдельного орудия определяется в соответствии со степенью сочетания указанных признаков. В итоге можно выделить три технико-функциональные группы изделий: 1) режуще-рубящие орудия (рис. 3,*1—3*); 2) рубящие орудия (рис. 3,*4—10*); 3) обработанные гальки (рис. 3, *11, 12*). Установить функциональный статус двух последних изделий на основании технико-морфологических параметров нельзя. Как видно из таблицы и рис. 3, отдельные галечные орудия по количеству снятых отщепов могут быть отнесены к категории нуклеусов.

При построении классификаций галечных орудий поздних эпох каменного века усиливается роль трасологического метода. Группировка изделий будет уже иной, преимущественно функциональной. Другим будет и расположение предметов, изображенных на рис. 3. Это, разумеется, не означает, что классификация галечных предметов позднего времени не может быть технико-морфологической. Поскольку трасологический анализ подъемных материалов практически невозможен, то изучение обработанных галек и валунчиков на основе эксперимента имеет свои преимущества. Мы отдаем себе полный отчет в том, что экспериментальный подход не приводит во многих случаях к точному определению назначения орудий. Однако предположительная оценка функции с учетом всех технических параметров вполне реальна. Следовательно, допустима и предварительная технико-функциональная группировка изучаемых изделий.

Теперь несколько слов о терминах «чоппер» и «чоппинг». Хотя «функциональная» их характеристика, данная в свое время Мовиусом, потеряла сейчас прежнее значение, тем не менее нет оснований отказываться от этих названий вообще. В силу своей краткости они более удобны, чем термины «односторонне обработанные гальки» и «двусторонне обработанные гальки». С другой стороны, неправомерно использовать термин «грубое рубящее орудие», так как многие обработанные гальки и валунчики, в том числе и чоппинги, являются нуклеусами, скреблами, отбойниками и другими технико-функциональными типами. Наконец, многие артефакты следует относить к группе неудавшихся изделий.

Что касается общих терминов для обозначения чопперов, чоппингов, полиэдров и подсфероидов, то здесь на пути унификации и упорядочения названий стоят известные трудности. Дело в том, что в специальной геологической литературе к галькам относятся окатанные обломки, не превышающие в длину 10 *см*. Обломки более 10 *см* называются валунчиками. Поскольку подобрать точное слово для обоих типов окатанных обломков весьма затруднительно, вполне оправдано будет использовать прежнее выражение «галечные орудия». Но в этом случае, учитывая сходство в тех-

нике изготовления и форме первичного материала, сюда нужно относить и рубила, изготовленные из валунчиков. Однако при проведении детального технико-морфологического и технико-функционального анализа рубила, с одной стороны, чопперы и чоппинги — с другой, будут помещены в разные группы орудий. Во избежание возможных разночтений и неясностей к категории галечных орудий в узком смысле слова следует причислять только чопперы, чоппинги и многогранники, как это собственно и принято в настоящее время.

Изложенные в данной работе выводы, а также помещенная схема группировки галечных изделий нуждаются в дальнейшей разработке и детализации, и прежде всего в применении к конкретному археологическому материалу.

A. E. Matioukhine

L'ETUDE EXPERIMENTALE DE LA TECHNIQUE DE FABRICATION DES GALETS AMENAGES

Résumé

Dans cet article on traite des études sur la fabrication des galets aménagés, faits de différentes roches. Le but était d'établir des étalons technico-morphologiques, surtout à partir de la technologie, et de les utiliser ensuite dans l'analyse du matériel archéologique. On essaie de découvrir la dépendance existant entre la forme des galets aménagés d'une part, et le caractère spécifique du processus technologique lui — même, ainsi que des particularités de la matière, d'autre part. Ceci est facilité par la fixation de tous les composants de ces études dans des tableaux, des dessins et des schémas. On effectue un classement des esquilles, des éclats et des lames résultant de la fabrication des outils, et on détermine leurs caractères technico-morphologiques. On donne une classification de galets aménagés expérimentaux, établie selon le principe technico-fonctionnel. Cette classification repose sur les indices qui expriment le caractère propre à la technique de fabrication des outils et leur destination supposée. Enfin, les données de cette expérience sont utilisées pour analyser les galets aménagés provenant d'Olduvai et de plusieurs stations acheuléennes d'Europe.

Л. А. НОВИКОВА

ЗАПАДНЫЕ СВЯЗИ СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКОГО ОЧАГА МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Изучение металлических изделий кладов и литейных мастерских эпохи бронзы всегда занимало важное место в археологической науке. Широкое распространение отдельных металлических предметов в период поздней бронзы связало весьма отдаленные территории. Именно поэтому исследователи нередко используют изделия из металла для синхронизации древних культур. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает существенную роль хронологического аспекта в обширной проблематике, связанной с изучением археологического металла. С другой стороны, важность исследования металлических предметов эпохи поздней бронзы диктуется необходимостью понять тот культурно-исторический процесс, в результате которого произошла смена эпох — века господства бронзовых орудий эпохой становления и расцвета цивилизаций, обладающих железными орудиями.

В этой связи большое значение приобретает исследование позднебронзовых кладов Северного Причерноморья, место которых в системе памятников финальной бронзы указанного региона еще недостаточно ясно.

Первые обобщающие работы по кладам Северного Причерноморья, появившиеся во второй половине 20-х годов нашего века, принадлежат А. М. Тальгрену [1] и В. А. Городцову [2]. Оба археолога специально не занимались выявлением западного компонента в северопричерноморских кладах, однако указывали на отдельные западные аналогии кельтам, известным в области Северного Причерноморья [3], и предполагали наличие контактов данного района с Трансильванией [4].

В дальнейших работах по изучению металлических изделий эпохи поздней бронзы были подняты вопросы о существовании в Северном Причерноморье особого очага металлообработки и его связях с культурными памятниками указанного региона. А. А. Иессен первым высказал мысль о функционировании в Причерноморье «местного очага металлообработки» в период с рубежа II — I тысячелетия до н. э. по VII в. до н. э. [5] Продукцию этого очага А. А. Иессен отождествил с так называемой фрако-киммерийской группой, по Т. Сулимирскому [6], но сам не занимался разработкой западных связей выделенного очага металлообработки. В 1955 г. О. А. Кривцова-Гракова все известные к тому времени клады и литейные мастерские

---

[1] *A. M. Tallgren.* La Pontide préscythique après l'introduction des metaux. ESA, II. Helsinki, 1926.

[2] *В. А. Городцов.* К вопросу о киммерийской культуре. ТСА РАНИОН, II, 1928.

[3] Там же, стр. 55.

[4] *A. M. Tallgren.* Op. cit., p. 144.

[5] *А. А. Иессен.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 26.

[6] *Tadeusz Sulimirski.* Die thrako-kimmerische Periode in Südostpolen. WPZ, XXV, S. 129 ff.

Северо-Западного Причерноморья (всего 14)[7] связала с металлообработкой срубной культуры, а именно с сабатиновским ее этапом [8], на основании керамики, найденной вблизи трех кладов — Красномаяцкого, Волошского и Кардашинского. Ссылаясь на скифские черты в северопричерноморских кладах, и в первую очередь на негатив бронзового навершия на матрице Красномаяцкой литейной мастерской, О. А. Кривцова-Гракова датировала все клады Северного Причерноморья началом I тысячелетия до н. э. Удревнение сабатиновского этапа в Северном Причерноморье в связи с раскопками поселения Ушкалка на Днепре [9] способствовало одновременно и понижению относительных дат северопричерноморских кладов. Вместе с тем благодаря находке в 1962 г. Ингульского клада у с. Антоновка Николаевской области и интересной работе И. Т. Чернякова, установившего, что «красномаяцкое навершие» служило верхней частью рукоятки для кинжалов подобных ингульскому [10], навершие потеряло хронологическое значение как раннескифское.

Важную роль в понимании западных связей северопричерноморских комплексов в эпоху поздней бронзы сыграло открытие А. И. Мелюковой памятников культуры Ноа в Молдавии. А. И. Мелюкова обратила внимание на отдельные аналогии в керамическом материале (ручки лощеных сосудов) и костяной индустрии (орудия в виде зубчатого штампа), связывающие культуру Ноа и сабатиновские поселения[11]. Синхронизация культуры Ноа с памятниками сабатиновского этапа раскрыла новые возможности для решения вопросов хронологии позднебронзовых комплексов Северного Причерноморья, в том числе и кладов.

В 1965 г. появилась статья А. И. Тереножкина, где были намечены пути построения хронологии предскифского периода [12], а спустя три года — статьи В. А. Сафронова и В. С. Бочкарева, посвященные датировке знаменитого Бородинского клада [13]. В указанных работах в разной степени затрагивались вопросы хронологии кладов Северного Причерноморья. Впервые широко использовались западные аналогии северопричерноморскому металлу, привлекались клады Венгрии и Румынии. В перечисленных работах не поднимался вопрос о культурной атрибуции северопричерноморских кладов.

Важным этапом в изучении металлических изделий интересующего нас района явилась работа А. М. Лескова — первая периодизация литейных мастерских (и отчасти кладов) Северного Причерноморья. Следуя за О. А. Кривцовой-Граковой, А. М. Лесков связал северопричерноморские клады с металлообработкой носителей срубной культуры [14] и распределил клады по хронологическим ступеням этой культуры. Однако он не назвал набора признаков, позволяющих определить срубную принадлежность того или иного клада [15]. Существенно, что из комплексов, отнесенных к сабатиновскому этапу, А. М. Лесков выделил Ингульский, Авраамовский,

---

[7] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 164, карта.

[8] Там же, стр. 136.

[9] *Д. Я. Телегін.* Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. Археологія, XII, 1961, стор. 3.

[10] *И. Т. Черняков.* О так называемом навершии из Красномаяцкого клада поздней бронзы. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 26, рис. 7.

[11] *А. И. Мелюкова.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 96, 1961, стр. 20.

[12] *А. И. Тереножкин.* Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1, стр. 68.

[13] *В. С. Бочкарев.* Проблема Бородинского клада. Сб. «Проблемы археологии», вып. I. Л., 1968; *В. А. Сафронов.* Датировка Бородинского клада — там же.

[14] *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. Сб. «Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 144.

[15] В 1975 г. А. М. Лесков уточнил предложенную ранее периодизацию северопричерноморских кладов (*А. М. Лесков.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Докт. дис. Л., 1975. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2204).

Новопавловский и Николаевский клады. Состав этих кладов автор считал «достаточно однообразным и типичным для культуры Ноа» [16]. В список предметов, характерных, по мнению А. М. Лескова, для культуры Ноа, вошли кельты старшего семиградского и восточнотрансильванского типов, семиградские серпы и топоры с диском на обухе, т. е. основные изделия названных кладов западной ориентации. Перечисленные клады иллюстрируют «тесные связи северопричерноморского и семиградского металлургических очагов» [17]. Выводы о типичности для культуры Ноа указанных предметов, безусловно, требуют подтверждения, так как автор не рассматривал металлических изделий, найденных на памятниках культуры Ноа.

В дальнейшем исследователи, обращаясь к западным элементам в северопричерноморских кладах, все чаще называют культуру Ноа распространительницей западных влияний. Так, в статье о Лозовском кладе В. А. Дергачев считает необходимым связать с носителями культуры Ноа проникновение в Северное Причерноморье кинжалов-мечей [18]. Он также предполагает ноическую принадлежность Ингульского клада.

В 1972 г. Е. Н. Черных [19] по взаимовстречаемости в кладах отдельных категорий предметов выделил три большие группы комплексов: I — ингуло-красномаяцкую, II — кардашинскую, III — завадово-лобойковскую, которые отождествил с тремя очагами металлообработки.

Нас в первую очередь интересует ингуло-красномаяцкий очаг, поскольку сюда вошли все клады западной ориентации, относимые ранее к сабатиновскому этапу (таблица). Е. Н. Черных подчеркнул связь культуры Ноа по типам только с ингуло-красномаяцким очагом [20]. Одновременно он предполагал местное производство большинства металлических изделий названного очага. В результате были намечены две подгруппы кладов (таблица). С первой подгруппой Е. Н. Черных связал исходный западный импульс для деятельности очага. Клады второй подгруппы отражают уже начало местного своеобразия производства. Отметив влияние культуры Ноа на функционирование ингуло-красномаяцкого очага, Е. Н. Черных поставил вопрос о необходимости пересмотра отношения к кладам указанной группы, так как большинство исследователей связывало эти клады с памятниками сабатиновского типа.

Подводя итоги обзору работ, посвященных изучению кладов Северного Причерноморья, мы должны подчеркнуть следующее: все исследователи выделяют большую группу северопричерноморских кладов, основные изделия которых (кельты, серпы) связаны с кругом венгеро-трансильванских бронз. В системе периодизации памятников Северного Причерноморья клады западной ориентации отнесены к сабатиновскому этапу, предшествующему этапу развития белозерских памятников. Комплексы сабатиновского типа в Северном Причерноморье считаются генетически

[16] *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге металлообработки..., стр. 158.

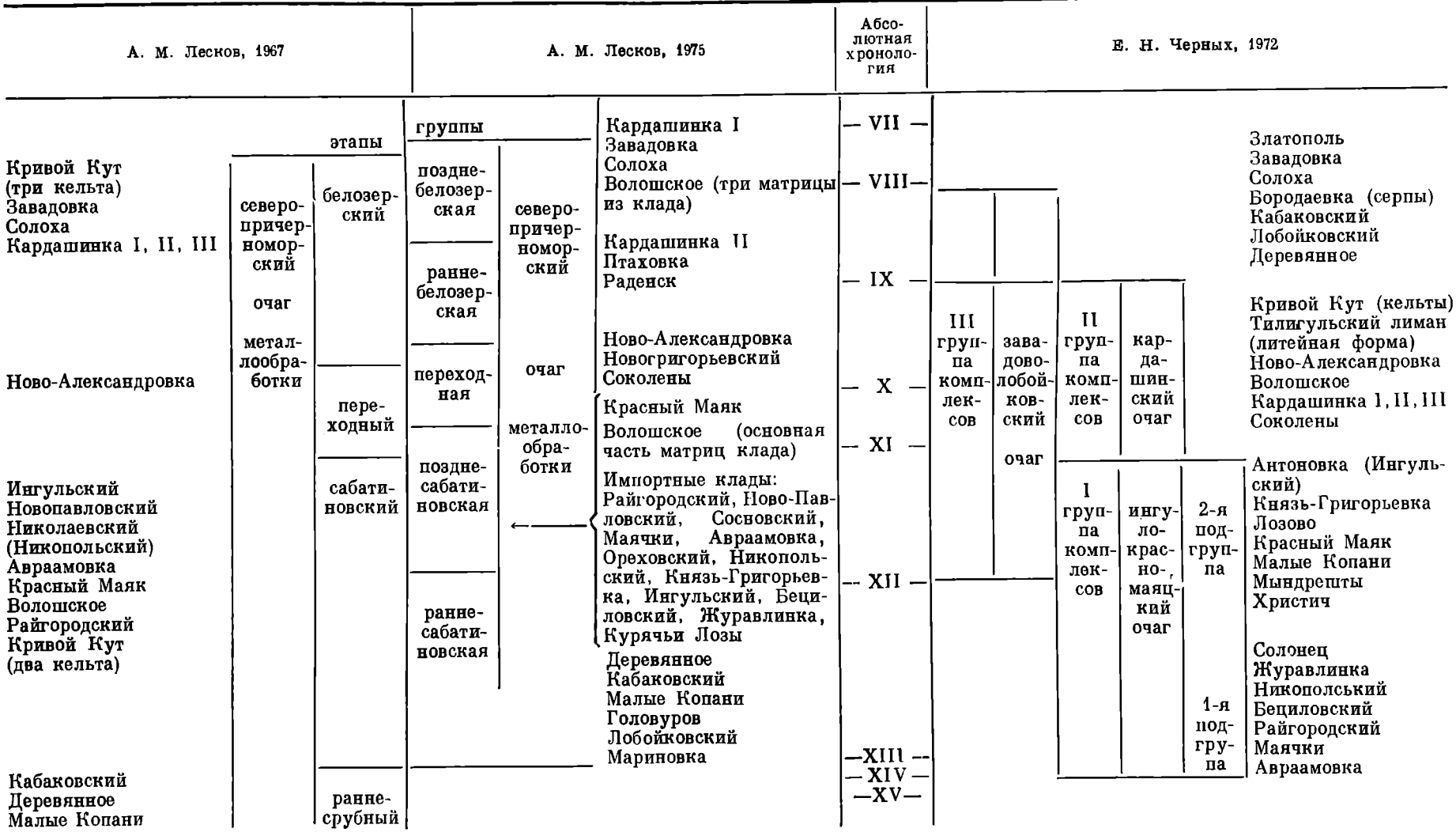
[17] Там же.

[18] *В. А. Дергачев.* Клад конца бронзового века из Молдавии. АИМ — 1968—1969. Кишинев, 1972, стр. 73. В новой работе В. А. Дергачев вопреки своим прежним взглядам высказывает мысль о том, что кинжалы-мечи проникли к племенам культуры Ноа из Северного Причерноморья (*В. А. Дергачев.* Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1975, стр. 53). В то же время В. А. Дергачев более уверенно связывает с культурой Ноа ряд металлических предметов молдавской группы кладов Лозово-Мындрешты, которую синхронизирует с северопричерноморскими кладами сабатиновского этапа.

[19] *Е. Н. Черных.* История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке. Автореф. докт. дис. М., 1972.

[20] Там же, стр. 30. По составу кладов от ингуло-красномаяцкого очага принципиально не отличается «ришештский очаг», выделенный В. С. Бочкаревым (*В. С. Бочкарев.* Металлические изделия эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья (вопросы методики исследования и исторической интерпретации). Автореф. канд. дис. Л., 1975, стр. 9). Вызывает сомнение трактовка кладов Северного Причерноморья, включенных в «ришештский очаг» как кладов сырья, необходимого для развития металлообработки у «местного населения». Поскольку последнее остается нерасшифрованным вопрос о характере кладов западной ориентации продолжает существовать.

Периодизации позднебронзовых кладов и литейных мастерских



Примечание. Колонка дат не имеет отношения к датировке отдельных кладов, а связана с хронологической позицией этапов и очагов металлообработки.

связанными с племенами срубной культуры (А. М. Лесков) или рассматриваются как отдельная культура с чертами западной культуры Ноа (И. Н. Шарафутдинова, Е. Н. Черных, И. Т. Черняков).

Все исследователи единогласно признают существование в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы особого очага металлообработки. Две основные точки зрения на позднебронзовые северопричерноморские клады А. М. Лескова и Е. Н. Черных не столь различны, как может показаться на первый взгляд. Так, набор кладов сабатиновского этапа, по А. М. Лескову, почти полностью соответствует набору кладов ингуло-красномаяцкого очага. Правда, Е. Н. Черных расширяет рамки указанного очага, привлекая клады Молдавии (таблица). Хронологические рамки функционирования северопричерноморского очага металлообработки на сабатиновском этапе и ингуло-красномаяцкого очага одинаково определяются обоими исследователями — XIII — XII вв.до н. э. (периоды BzD — HaA_1 в системе западноевропейской хронологии). Расхождения возникают на уровне интерпретации названных кладов. Если А. М. Лесков не сомневается, что клады сабатиновского этапа характеризуют металлообработку срубных племен, то Е. Н. Черных, опираясь на химический состав металла этих кладов, тяготеющий, по его мнению, к Балкано-Карпатской горно-металлургической области, и на литейные формы, часто встречающиеся на ноических поселениях, не исключает вероятной этнической принадлежности литейщиков к носителям культуры Ноа. Оба археолога рассматривают некоторые предметы данных кладов (большие кинжалы, кельты с лобным ушком) и все металлические изделия белозерского времени как продукты местного производства, зародившегося в предыдущий период, на сабатиновском этапе.

Принято считать, что распространение оружия (металла в широком смысле) в эпоху поздней бронзы не позволяет использовать его в качестве культурного признака [21]. Клады, содержащие кельты восточнотрансильванского и семиградского типов, часто называют «импортными». Теоретически возможен импорт готовых изделий, но всякий раз, говоря об импорте, желательно представлять себе конкретный механизм связи между носителями отдельных культур и спрашивать, а что же могло служить экспортом в данной ситуации. В противном случае мы сталкиваемся с необходимостью объяснять факт одностороннего импорта. Те же соображения относятся к понятию «подражение». Большие трудности, возникающие при интерпретации типологического сходства металлических изделий, значительно удаленных друг от друга территориально, заставляют по-иному подойти к северопричерноморским кладам, отнесенным к сабатиновскому этапу (по А. М. Лескову) или к ингуло-красномаяцкому очагу (по Е. Н. Черных).

В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть указанные северопричерноморские клады с точки зрения их вероятной культурной принадлежности. Культурная атрибуция металлических изделий может быть определена только в том случае, если прослеживается типологическая близость набора металлических предметов, найденных на культурно определенных памятниках, и набора предметов, входящих в состав кладов или встречающихся в виде случайных находок. Мы придаем известное значение и химическому составу металлических изделий, происходящих с культурно определенных памятников или имеющихся в кладах, но, подчеркиваем, химический состав металла не служит для нас главным признаком в установлении происхождения металлических предметов. Появление в эпоху поздней бронзы искусственных сплавов, несомненно, влияет на набор примесей в металле, так что «первочачальная картина набора примесей при этом нивелируется достаточно сильно» [22].

---

[21] *А. П. Смирнов.* К вопросу об археологической культуре. СА, 1964, 4, стр. 5.
[22] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, стр. 12.

Мы постараемся по мере возможности удерживать в поле зрения и керамический комплекс, в сопровождении которого были найдены интересующие нас металлические изделия, поскольку керамика остается главным индикатором археологической культуры.

ПОЗДНЕБРОНЗОВЫЕ КЛАДЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ИХ ЗАПАДНЫЕ АНАЛОГИ

1. **Клады Северного Причерноморья.** В данной работе учитываются только те северопричерноморские клады сабатиновского этапа (по А. М. Лескову) или ингуло-красномаяцкого очага (по Е. Н. Черных), которые согласно условиям нахождения можно считать едиными комплексами (рис. 1, XXIX — XXXVIII): *1* — Красномаяцкий (рис. 1, XXIX; *2* — Бециловский (рис. 1, XXX); *3* — условный клад из с. Солонец (рис. 1, XXXI); *4* — Ингульский (рис. 1, XXXII); *5* — Малокопанский (рис. 1, XXXIII); *6* — Князьгригорьевский (рис. 1, XXXIV); *7* — Маячки (рис. 1, XXXV); *8* — Никопольский (Николаевский) (рис. 1, XXXVI; *9* — Авраамовский (рис. 1, XXXVII); *10* — Райгородский (рис. 1, XXXVIII) [23].

К этой же группе нужно отнести клад, найденный на поселении бронзового века у с. Ново-Трояны Болградского р-на Одесской обл.[24], и клад, обнаруженный случайно у с. Курячьи Лозы в 12 *км* к югу от древнего поселения Сабатиновка на Южном Буге [25].

Несмотря на разнообразие предметов [26] в указанных кладах, можно выделить характерные сочетания типов находок, не только объединяющих ряд кладов в одну хронологическую группу, но и представляющих большой интерес для определения происхождения самих кладов. Так, Бециловский, Ингульский, Райгородский и Новотроянovский клады объединены сочетанием серпов с литым крюком на рукояти, серпов с двумя литыми отверстиями на рукояти и одноушковых кельтов с «пещеркой» на широкой плоскости, украшенной арочным рельефом (восточнотрансильванский тип кельтов) (рис. 1, XXX; XXXII, *3*, *5*, *8*; XXXVIII, *1*, *2*, *3*, *6*, *9*). Ингульский клад по крестовидным подвескам связывается с Солонецким комплексом, а по кинжалу с разветвленной нервюрой — с Красномаяцким кладом. Князьгригорьевский клад по набору кельтов восточнотрансильванского и старшего семиградского типов [27] сопоставим с кладом из с. Маячки, а на-

---

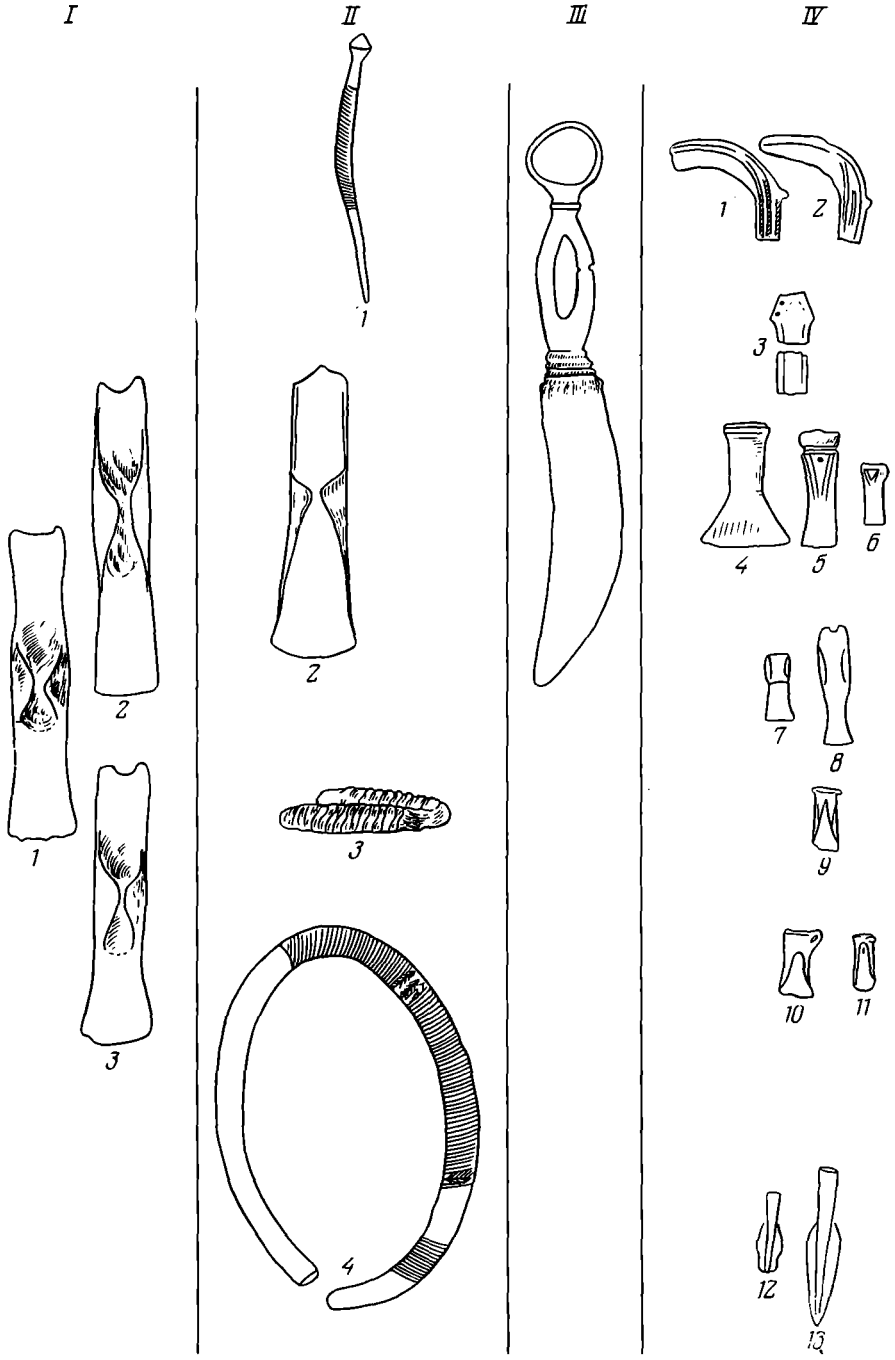
[23] См. литературу по кладам: *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, рис. 30; 32, *11—14*, *15—18*; *И. Т. Черняков.* Красномаяцкий клад литейщика. КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, рис. 1—11; *І. Т. Черняков.* Бецилівський скарб пізньої бронзи. Археологія, XXI, 1968, рис. 1; 2; *О. І. Тереножкін.* Поховання епохи бронзи біля с. Солонець. Археологія, XVI, 1964, рис. 1 и 2; *Э. А. Сымонович.* Ингульский клад. СА, 1966, 1, рис. 2; 3; *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге металлообработки..., рис. 9; 11; *И. Т. Черняков.* Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье. ЗОАО, II. Одесса, 1967, рис. 6, 7; *К. Мельник.* Каталог коллекціи древностей А. Н. Поль в Екатеринославе, вып. 1. Київ, 1893; *A. M. Tallgren.* Op. cit.

[24] *М. В. Агбунов, Л. В. Субботин, И. Т. Черняков.* Клад бронзовых предметов из Нижнего Подунавья. АО-1973, М., 1974, стр. 236. Клад хранится в ОГАМ. С материалами клада мне удалось познакомиться благодаря любезности И. Т. Чернякова.

[25] Хранится в Николаевском музее. Выражаю глубокую признательность И. Т. Чернякову за предоставление мне зарисовок предметов клада.

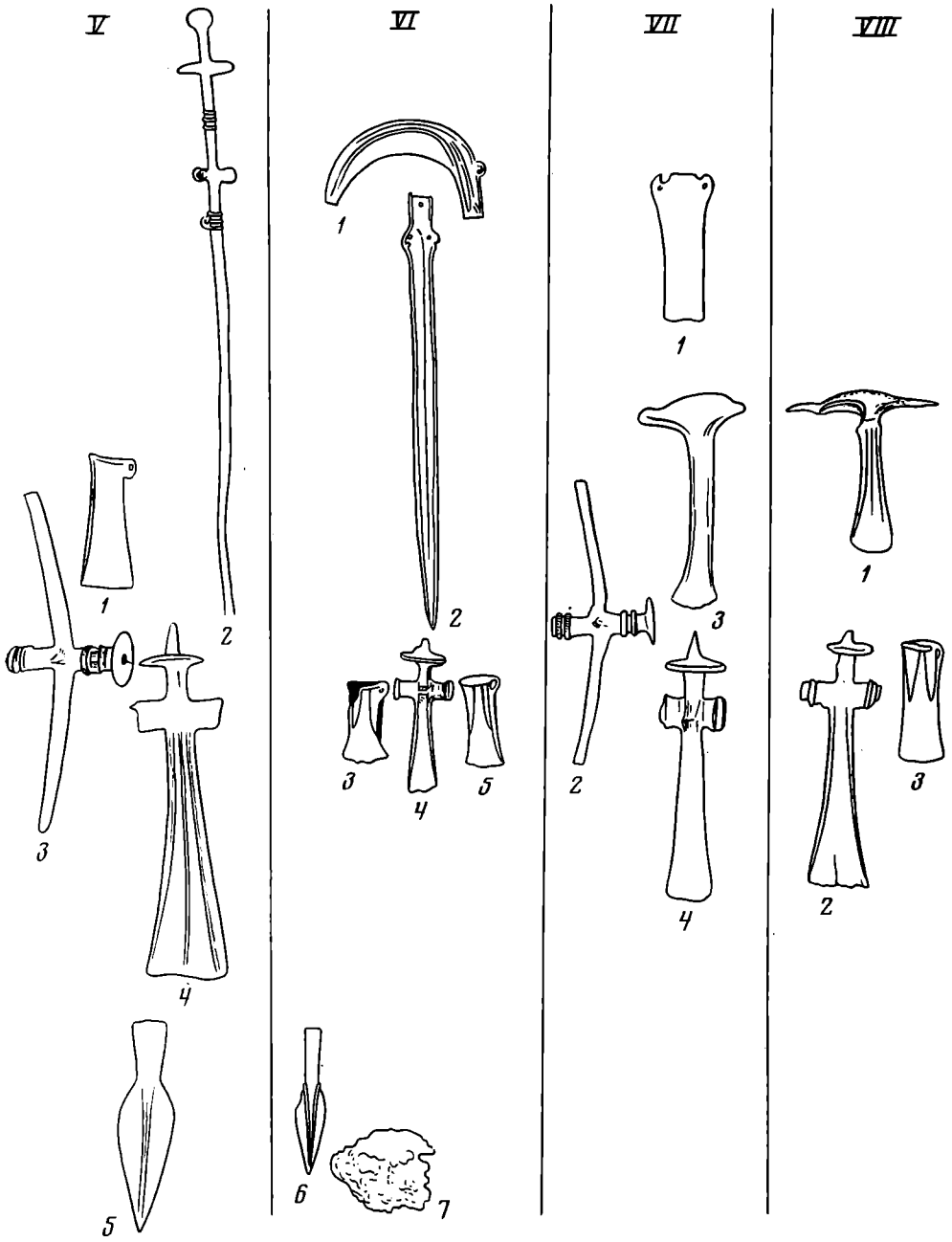
[26] Подробное описание изделий кладов сабатиновского этапа в указанной литературе избавляет нас от необходимости рассматривать каждую категорию в отдельности.

[27] Впервые термин «кельты старшего семиградского типа» употребил М. Рошка (*M. Roska.* Über die Herkunft der sog. Hackensicheln. ESA, XII, 1938, S. 154) для обозначения небольшой серии очень сходных кельтов, распространенных, главным образом, в Семиградье (северо-западный район Румынии). В Северном Причерноморье только один кельт из Ингульского клада (в данной статье—рис. 1, XXXII, *10*) может быть сопоставлен с кельтами старшего семиградского типа в понимании М. Рошка. Тем не менее за целым рядом кельтов осталось введенное М. Рошка обозначение, хотя эти кельты имеют свои морфологические особенности. В литературе кельты старшего семиградского типа нередко называются кельтами старшего трансильванского типа.



а

Рис. 1. Клады эпохи поздней бронзы (*а* — *к*). Верхняя Саксония: I — Виллерштедт, II — Поллебен, III — Оберсайферсдорф; Приальпийская зона: IV — Веллерсдорф; Карпатский бассейн (включая Трансильванию): V — Опай, VI — Урью, VII — Домэнешть, VIII — Ребришоара II, IX — Ложна, X — Валеа луи Михаи, XI — Шпэлнака, XII — Валеа Ларга, XIII — Коронд, XIV — Дражна де Жос; Закарпатская Украина: XV — Комонин, XVI — Боржава, XVII — Колодное; Прикарпатская Украина: XVIII — Олешев, XIX — Держев; Румынская Молдова: XX — Бэлени, XXI — Улми-Литени, XXII — Илишень, XXIII — Чорэнь, XXIV — Рышештъ, XXV — Бозия Ноуэ, XXVI — Миркуреа-Кьюк; Молдавия: XXVII — Лозово, XXVIII — Христич; Северное Причерноморье: XXIX — Красный Маяк, XXX — Бецилово, XXXI — Солонец, XXXII — Антоновка (Ингульский клад), XXXIII — Малые Копани, XXXIV — Князь-Григорьевка, XXXV — Маячки, XXXVI — Николаевский (Никопольский) клад, XXXVII — Авраамовка; бассейн Северского Донца: XXXVIII — Райгородка; Поволжье: XXXIX — Сосновая Маза



б

Рис. 1 (продолжение)

личие в кладе серпа с литым крюком на рукояти объединяет Князьгригорьевский комплекс с названными выше кладами и подключает в эту группу Авраамовский клад (рис. 1, XXXIV, *1*, *4*, *5*; XXXVII, *1*). Малокопанский клад по кинжалу с ромбическим упором и втульчатому долоту увязывается с Красномаяцким кладом (рис. 1, XXXIII, *2*, *5*; XXIX, *8*, *16*).

Не следует отрывать от рассматриваемой группы комплексов клад из Сосновой Мазы (рис. 1, XXXIX) [28]. Пять кинжалов клада являются представителями небольшой серии кинжалов с разветвленной нервюрой, входя-

[28] *А. С.* Некоторые находки медного века. ИАК, 29, 1909, стр. 65; *Е. Н. Черных.* О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы: КСИА АН СССР, 108, 1966, рис. 47.

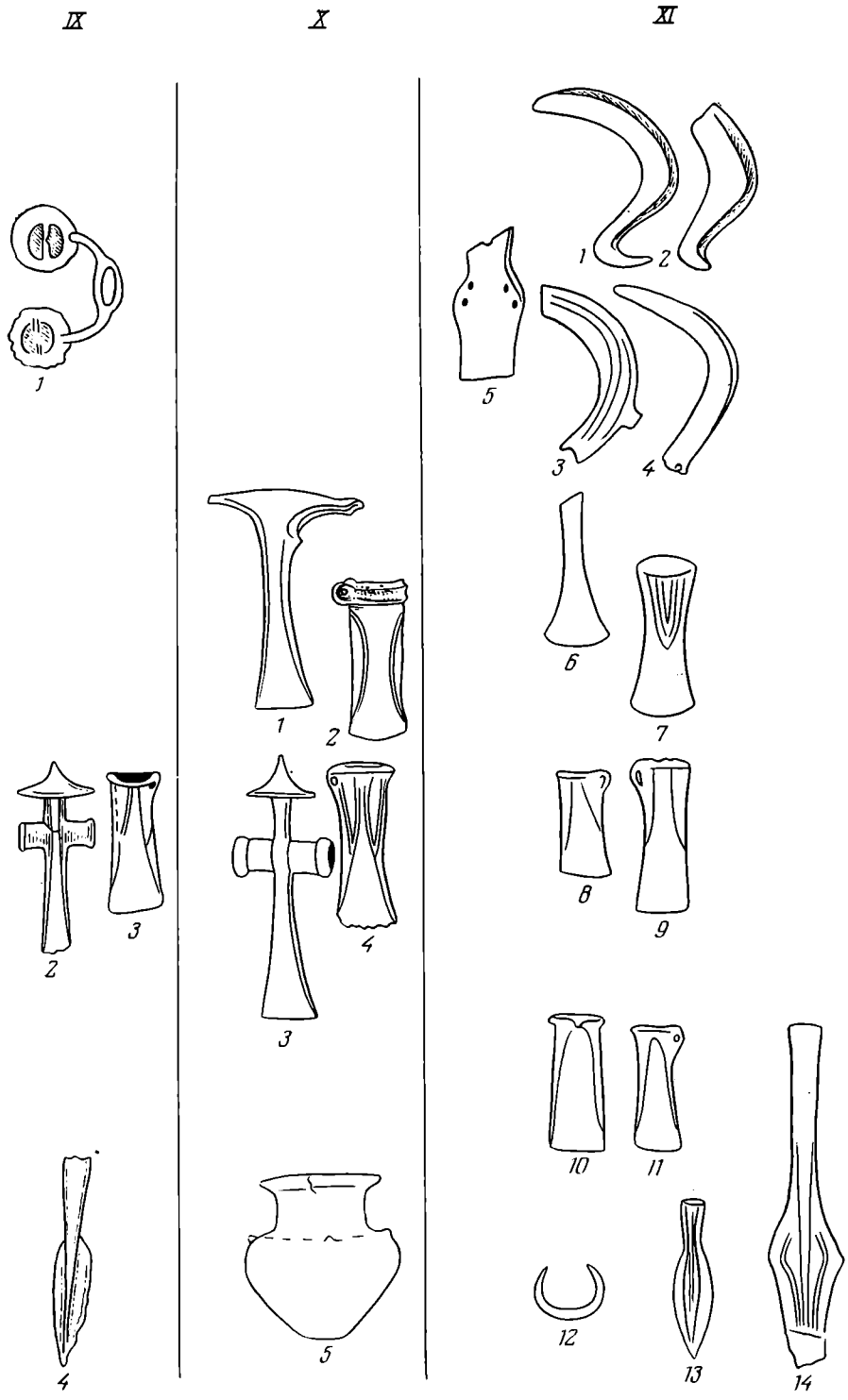
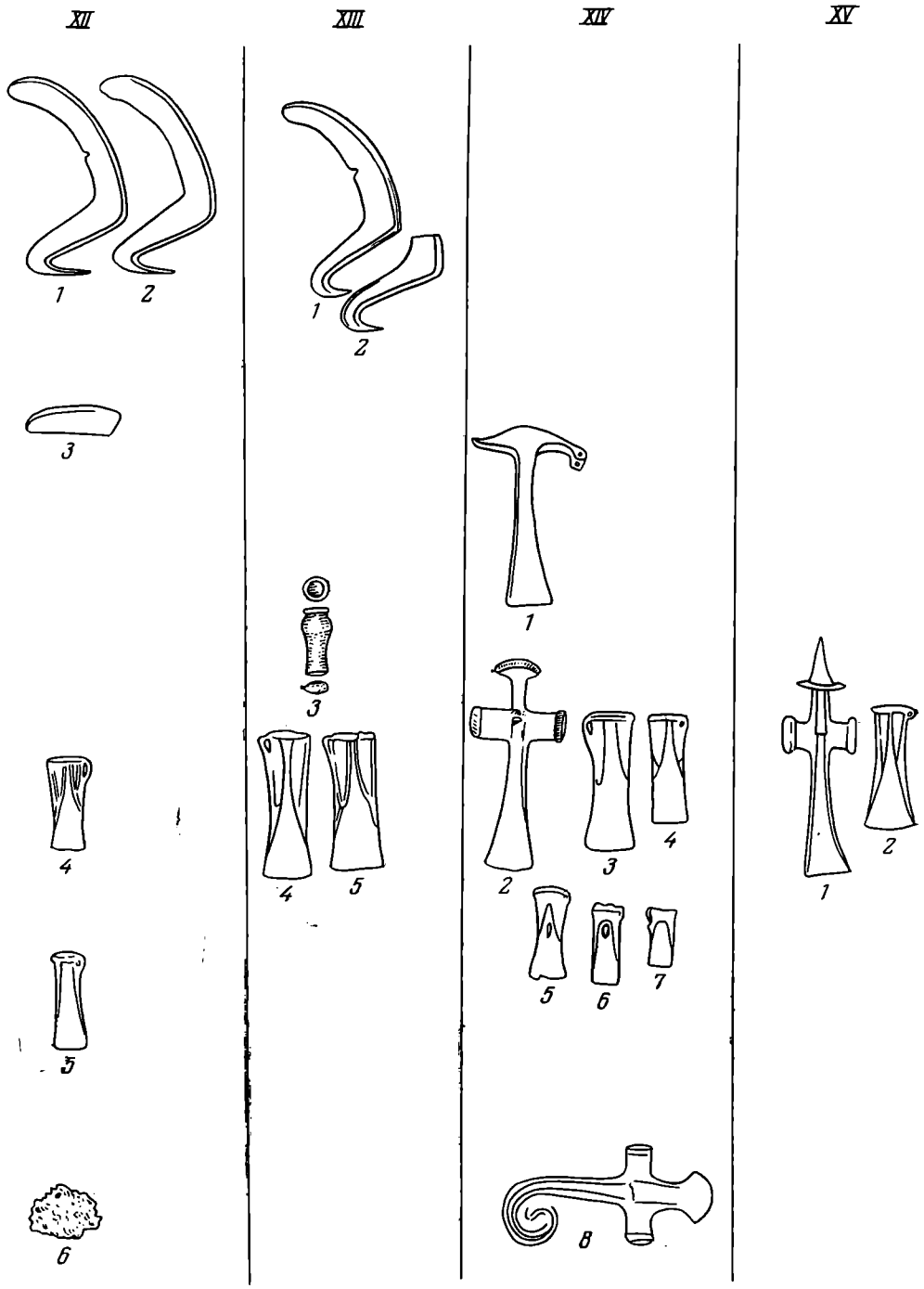


Рис. 1 (продолжение)

щих в северопричерноморские комплексы (рис. 2). Сегментовидное лезвие с разветвленной нервюрой (один кинжал с тройной нервюрой), волютное перекрестие (три кинжала), грибовидное навершие на цельнолитой металлической рукояти сближает сосновомазинские кинжалы, с одной стороны, с экземпляром из Ингульского клада (рис. 2,*4*), с другой — с аналогич-



г

Рис. 1 (продолжение)

ным кинжалом из Борисовки (рис. 2, *1*) [29]. В этой связи представляется неоправданным сопоставление кинжалов из Сосновой Мазы с переднеазиатскими и датировка их «в прямой зависимости от хронологии луристанских бронз» [30]. Цельнолитая прорезная рукоять сосновомазинских кинжа-

[29] *И. М. Шмаглий, И. Т. Черняков.* Раскопки курганов эпохи бронзы в Татарбунарском районе Одесской обл. в 1965 г. СА, 1970, 1, рис. 4.

[30] *Н. Я. Мерперт.* О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 130.

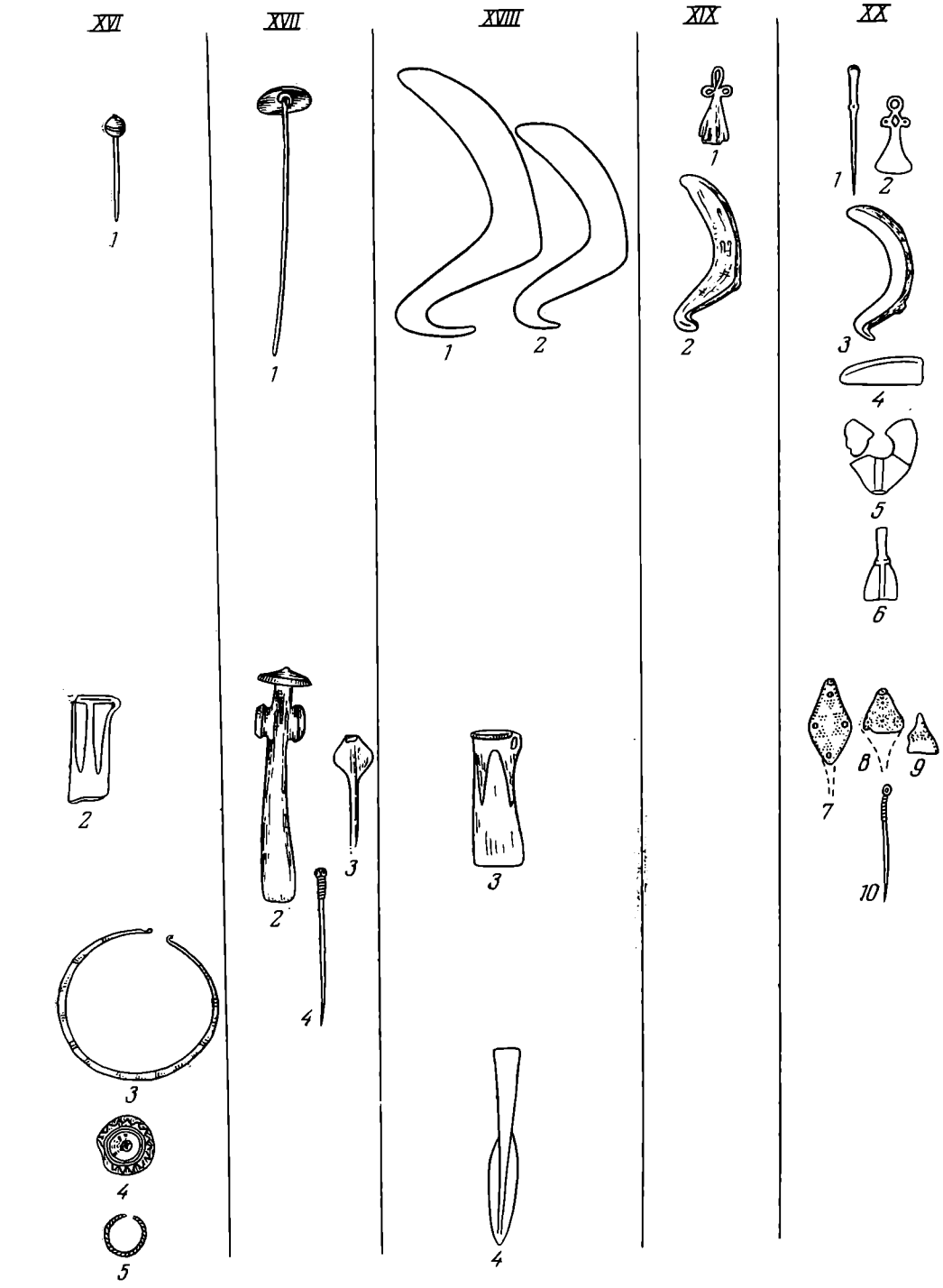


Рис. 1 (продолжение)

лов и в плане технологии, и типологически отлична от кассетных рукоятей кинжалов «переднеазиатского типа» [31]. Отсутствие у последних волютного перекрестия и разветвленной нервюры лишний раз свидетельствует о другой традиции изготовления луристанских бронз, чуждой традиции масте-

[31] *Е. И. Крупнов.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы). МИА, 23, 1951, рис. 25; *T. S. Meek.* Bronze swords from Luristan. Bulletin of the American schools of Oriental Research, № 74, 1939.

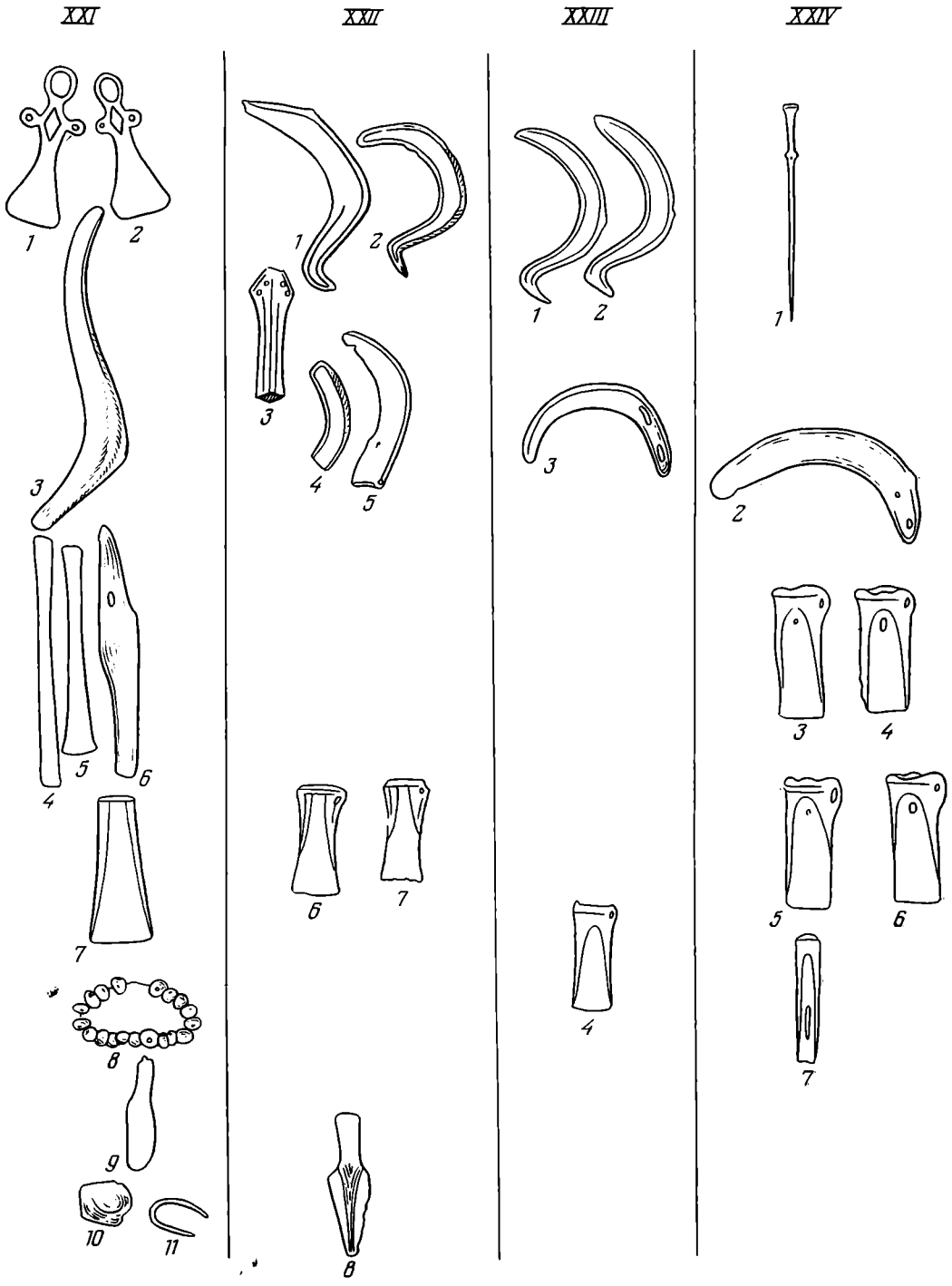
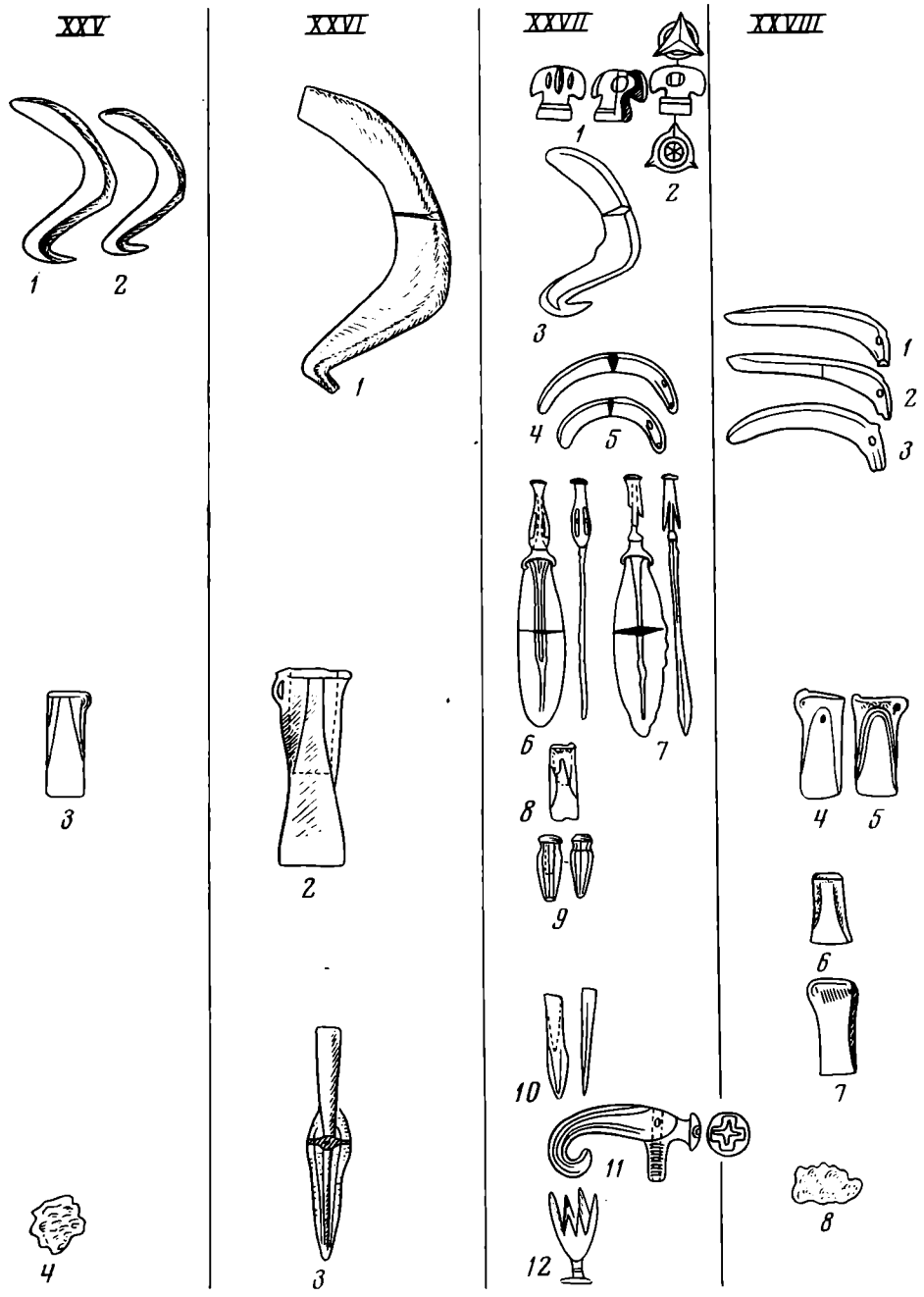


Рис. 1 (продолжение)

ров, отливших сосновомазинские кинжалы. Наличие в кладе из Сосновой Мазы кельтов с ушком на широкой плоскости и втульчатого долота (рис. 1, XXXIX, *5, 6*), аналогичных кельту и долоту Красномаяцкого клада (рис. 1, XXIX, *10, 16*), еще раз подтверждаст правильность рассмотрения Сосновомазинского клада в системе северопричерноморских памятников финальной бронзы.

Отмеченная взаимосвязь сочетаний типов в кладах сабатиновского этапа явно не случайна, что, во-первых, не позволяет считать эти комплексы



Ж

Рис. 1 (продолжение)

кладами длительного накопления, во-вторых, дает возможность видеть в указанных сочетаниях своеобразный генотип с заложенной в нем информацией о культурной принадлежности кладов и, наконец, в-третьих, заставляет нас в поисках западных аналогий сосредоточить внимание на устойчивом наборе предметов западных кладов и до известной степени игнорировать единичные параллели.

Что касается химического состава металла рассматриваемых кладов, то все предметы изготовлены из оловянистых бронз [32] и отнесены Е. Н. Чер-

[32] *Е. Н. Черных.* История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке, т. II. Юго-Запад СССР. Докт. дис. М., 1972, архив ИА АН СССР, р-2, № 2104, стр. 490—509.

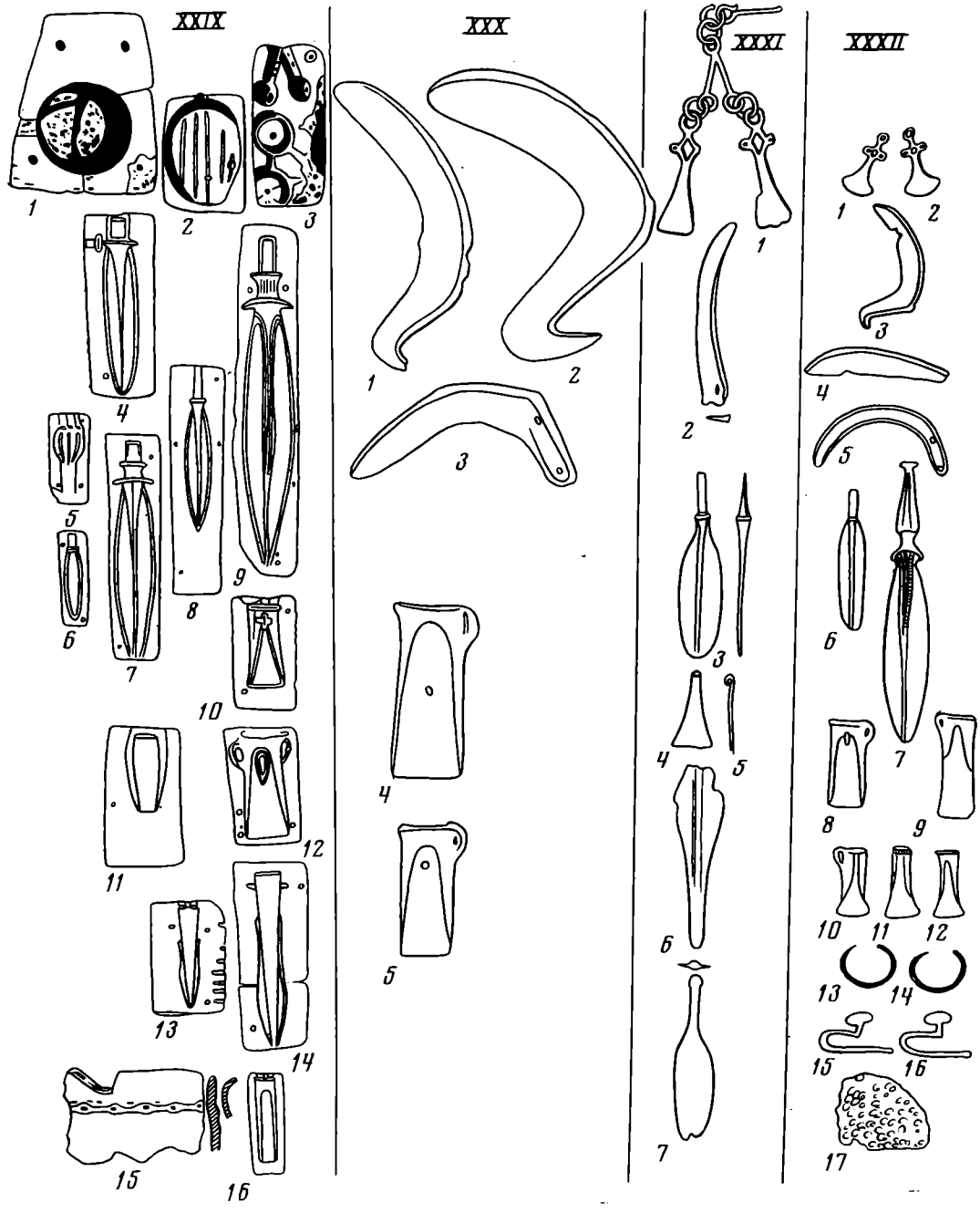
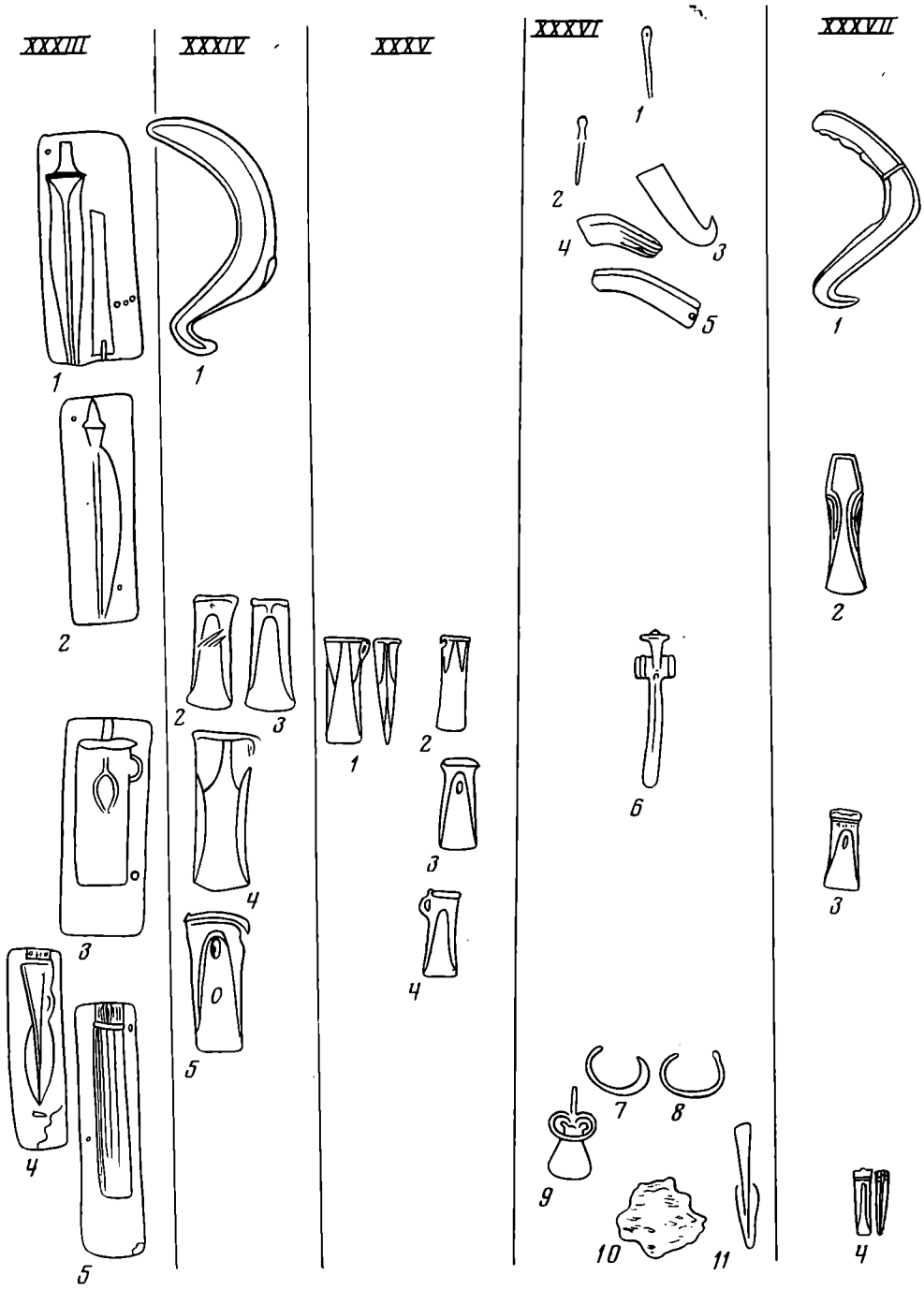


Рис. 1 (продолжение)

ных к западным химическим группам КТ (карпато-трансильванская группа) и Пб (правобережная группа) [33]. «Химическая группа» в понимании исследователя означает «совокупность изделий, связанных единством рудного источника. Критерием ее (группы.— *Л. Н.*) выделения будет статистически однородный набор естественных примесей к меди» [34]. В отношении рудных источников названных групп, характерных для металла юго-западных районов СССР, Е. Н. Черных делает существенную оговорку. Указывая на Балкано-Карпаты как на предполагаемый район искомых источников анализируемого металла группы КТ и Пб, автор в качестве

[33] *Е. Н. Черных.* Ук. автореф. докт. дис., стр. 26, табл. 3.
[34] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, стр. 13.



Ш

Рис. 1 (продолжение)

аргумента выдвигает только географическое распространение образцов этих групп. Данная оговорка оставляет фактически открытым вопрос о рудных источниках металла северопричерноморских кладов. Характеристика основных групп месторождений Социалистической Республики Румынии [35] не снимает этой проблемы. Описание руд месторождений Румынии не создает ясности и в происхождении высоких концентраций олова в металле рассматриваемых кладов. В то же время вслед за Е. Н. Черных

[35] *Е. Н. Черных.* Ук. докт. дис., стр. 476—482.

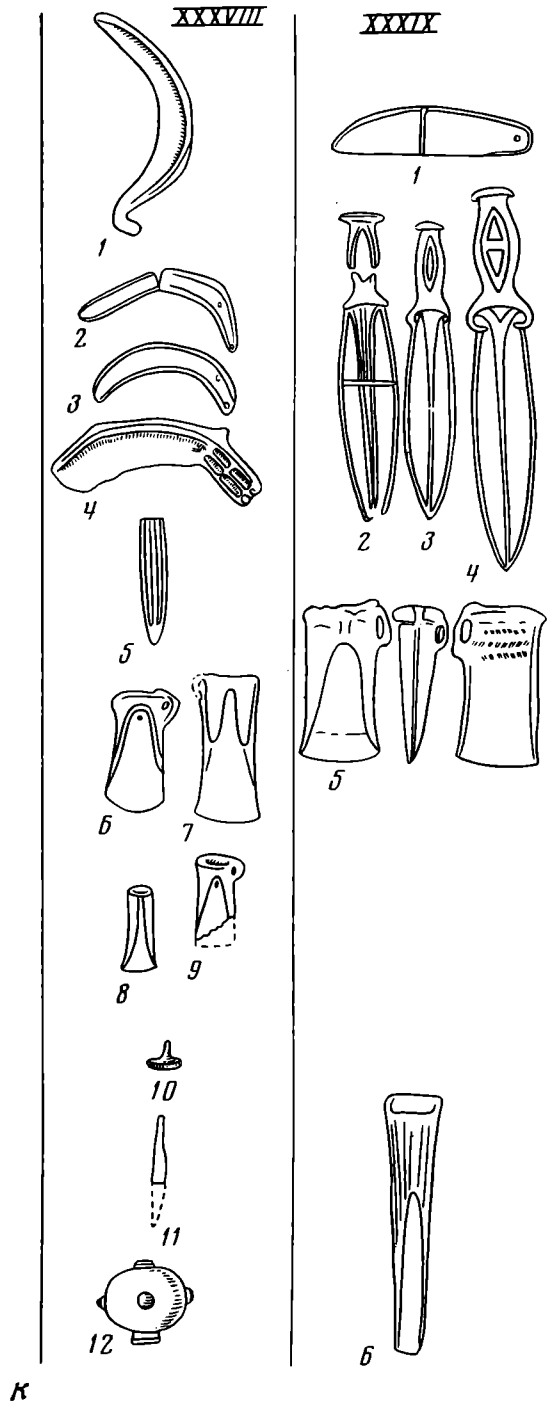


Рис. 1 (продолжение)

нам бы хотелось подчеркнуть исключительную бедность меднорудной базы юго-запада СССР, ограничивающуюся «небогатыми месторождениями медистых песчаников» [36], и полное отсутствие группы медистых песчаников в металле позднебронзовых кладов Северного Причерноморья.

2. **Клады Молдавии.** Из районов Пруто-Днестровского междуречья (Молдавская ССР) происходят два интереснейших клада — Лозовский [37] (найден у с. Лозово Ниспоренского р-на) и клад, обнаруженный у с. Хрис-

[36] *Е. Н. Черных.* Ук. автореф. докт. дис., стр. 24.
[37] *В. А. Дергачев.* Клад бронзового века из Молдавии, рис. 1—3.

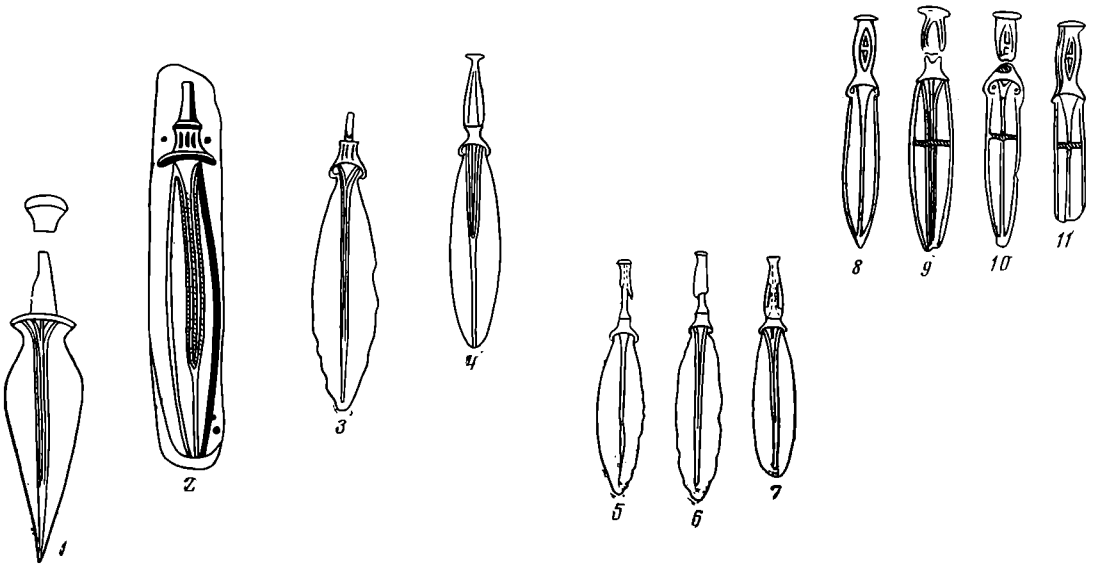


Рис. 2. Кинжалы с листовидным лезвием и разветвленной нервюрой. *1* — погр. у с. Борисовка (по Н. М. Шмаглий и И. Т. Чернякову); *2* — Красномаяцкий клад (по И. Т. Чернякову); *3* — с. Чутулешты (по Н. А. Кетрару, И. А. Рафаловичу); *4* — Ингульский клад (по Э. А. Сымоновичу); *5—7* — Лозовский клад (по В. А. Дергачеву); *8* — Сосновомазинский клад (по Е. Н. Черных)

тич [38] (Сорокский р-н Молдавской ССР). В составе Лозовского клада (рис. 1, XXVII) имеется набор серпов с двумя литыми отверстиями на рукояти, серпов с литым крюком на рукояти и больших кинжалов (длина 36,5—41,5 *см*) с разветвленной нервюрой — сочетание предметов, характерное для северопричерноморских кладов. Указанное сочетание подчеркивается кельтом старшего семиградского типа (рис. 1, XXVII, 8) и кельтом (восьмигранный в разрезе) необычной подромбической формы (рис. 1, XXVII, *9*), сопоставимым с аналогичным изделием из Красномаяцкого клада (рис. 1, XXIX, *11*). Кинжалы из Лозовского клада дают наиболее близкие аналоги сосновомазинским экземплярам. Листовидные лезвия кинжалов обоих кладов украшены всеми видами разветвленной нервюры: одинарной, двойной и тройной (рис. 2, *5—7*, *8—11*). Указанное сходство подчеркивает целый набор общих деталей: грибовидные навершия на металлических рукоятях, перекрестия в виде волютной спирали и наличие в Лозовском кладе одного кинжала с прорезной рукоятью — признак, характерный для всех рукоятей сосновомазинских кинжалов. Знаменателен и факт серийности находок однотипных кинжалов в двух кладах. Металл предметов Лозовского клада, как и металл рассмотренных северопричерноморских комплексов, изготовлен из оловянистой бронзы.

Набор предметов второго клада из Молдавии, найденного у с. Христич,— серпы с литыми отверстиями на рукояти и кельты с арочным рельефом — также характерен для северопричерноморских комплексов (рис. 1, XXVIII, *1—5*). Наличие в кладе двуушкового кельта не является, на наш взгляд, каким-то особым хронологическим признаком, дающим основание считать клад из Христич более поздним, чем клады Северного Причерноморья [39]. Совместная находка кельтов разных типов свидетельствует лишь об их одновременности, так как клад из с. Христич по единообразию набора изделий и их малочисленности нельзя считать комплексом длительного накопления. С точки зрения химического состава металл клада не проанализирован.

[38] *О. А. Грекул, В. А. Дергачев.* Клад бронзовых изделий Сорокского музея Сб. «Далекое прошлое Молдавии». Кишинев, 1969.

[39] *Е. Н. Черных.* Ук. автореф. докт. дис., стр. 32.

3. Клады Прикарпатской и Закарпатской Украины.

Клады Прикарпатской Украины. Наиболее сопоставимы с кладами Северного Причерноморья клады, найденные у с. Олешев и с. Держев, известные нам по сводке К. Журовского (рис. 1, XVIII, XIX)[40]. По сочетанию коленчатого серпа с коротким литым крюком и крестовидной кольчатой подвески клад из Держева (рис. 1, XIX) увязывается с Ингульским кладом (рис. 1, XXXII, *1—3*). С этим же комплексом согласуется и набор предметов Олешевского клада (рис. 1, XVIII, *1—3*; XXXII, *3*, *9*).

Клады Закарпатской Украины. Закарпатские клады опубликованы К. Берняковичем[41]. Мы учли три клада: Комонин (рис. 1, XV), Боржаву (рис. 1, XVI), Колодное (рис. 1, XVII). Принцип отбора кладов продиктован наличием в первых двух комплексах кельтов старшего семиградского типа. Клад из Колодного интересен набором булавок: булавка кипрского типа, булавка с ромбическим щитком и булавка с грибовидным навершием на стержне. Упомянутые клады трудно анализировать, поскольку нет уверенности в том, что они являются едиными комплексами. Сведения о находках закарпатских кладов зачастую восходят к прошлому веку. Большая часть предметов утеряна, чем объясняется далеко не полная публикация К. Берняковичем названных кладов. Руководствуясь опубликованными материалами, мы должны отметить отсутствие в кладах Закарпатской Украины близких параллелей северопричерноморским комплексам.

4. Клады Румынской Молдовы. М. Петреску-Дымбовица, характеризуя клады эпохи бронзы Пруто-Сиретского междуречья, выделил две фазы развития бронзовых изделий в Молдове[42]. Первая фаза по двум основным кладам была названа Рышешть — Улми-Литени и синхронизована, с одной стороны, с памятниками культуры Ноа в Румынской Молдове, с другой — с горизонтом кладов Урью-Домэнешть в Трансильвании. Для второй фазы в качестве характерного комплекса автор указал на клад Рафаила и сопоставил эту фазу с периодом раннего гальштата. Нас главным образом интересуют клады Румынской Молдовы первой фазы (по М. Петреску-Дымбовица). Мы учли семь кладов, наиболее типичных для ранней фазы: Бэлени[43], Улми-Литени[44], Илишень[45], Чорень[46], Рышешть[47], Бозия Ноуэ[48], Миркуреа Кьюк[49] (рис. 1, XX — XXVI).

В этой группе кладов выделяются крестовидные кольчатые подвески с ромбическим сквозным отверстием из Улми-Литени (рис. 1, XXI, *1*, *2*) и Бэлени (рис. 1, XX, *2*), причем из Улми-Литени происходит пара этих подвесок, так же, как из Солонецкого и Ингульского кладов. Сопоставимость клада из Улми-Литени и Солонецкого комплекса наблюдается по трем категориям изделий. Для обоих кладов характерны одинаковые укра-

---

[40] *K. Zurowski.* Zabytki brazowe z mlodszej epoki brazu i wczesnego okresu z elaza górnego Dniestru. Przeglad Archeologiczny, VIII, 2, 1949.

[41] *K. Bernjakovič.* Bronzezeitliche Hortfunde vom rechten Ufergebiet des oberen Teisstales (Karpatoukraine USSR). Slovenska archeologia, VIII-2, 1960.

[42] *М. Петреску-Дымбовица.* Конец бронзового и начало железного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. Dacia, IV, 1960, стр. 154.

[43] *I. T. Dragomir.* Le dépôt de l'âge du bronze tardif de Băleni. Inventaria archaeologica, 4. Bucarest, 1967.

[44] *Marilena Florescu.* Depozitul de obiecte de la Ulmi-Liteni. AM, I, 1961, fig. 3;4.

[45] *Grigore Foit.* Depozitul de obiecte de bronz de la Ilişeni (raionul Botoşani, reg. Sucéava). AM, II—III, 1964, fig. 1,2.

[46] *M. Petrescu-Dimboviţa.* Date Noi relativ la descoperirile de obiecte de bronz de la Sfirşitul epocii bronzului si inceputul Hallstatt-uliu din Moldova. AM, II—III, 1964, p. 256, fig. 3.

[47] *М. Петреску-Дымбовица.* Конец бронзового и начало железного века в Молдове..., рис. 10.

[48] *Marin Dinu.* Depozitul de obiecte de bronz de la Bozia Noua. AM, II—III, 1964, p. 472, fig. 1; 2.

[49] *Z. Czékely.* Depozitul de bronz de la Miercurea Ciuc. SCIV, v. 21, 3, 1970, fig. 3; 4.

шения в сочетании с пламевидно изогнутыми серпами (рис. 1, XXI, *1—3*; XXXI, *1, 2*). В состав этих кладов входят и однотипные ножи с асимметричными лезвиями (рис. 1, XXI, *9*; XXXI, *7*). В то же время дуговидно изогнутый крючок и дисковидная бляха из Улми-Литени ассоциируются с составными деталями неопределенных предметов из Ингульского клада (рис. 1, XXI, *10*, *11*; XXXII, *15*, *16*). Клад из Бэлени, связанный по украшениям с названными кладами по ряду изделий, тесно примыкает к Ингульскому кладу в Северном Причерноморье и кладу Держев в Прикарпатье. По булавке с радиальными выступами на шейке и просверленной головкой комплекс из Бэлени увязывается с Рышештским кладом. Набор последнего — кельты восточнотрансильванского типа, серп с двумя литыми отверстиями на рукояти, втульчатое долото (рис. 1, XXIV) — характерен для северопричерноморских кладов сабатиновского этапа. Клад из Чорени по сочетанию серпов различных типов также неотделим от круга находок, определяющих набор кладов Северного Причерноморья. Остальные клады Румынской Молдовы — Илишень, Бозия Ноуэ, Миркуреа Кьюк — по набору изделий больше сопоставимы друг с другом, чем с северопричерноморскими комплексами (рис. 1, XXII, *1, 2, 6, 7*; XXV, *1—3*; XXVI, *1, 2*). Румынские исследователи часто синхронизируют указанные клады с памятниками культуры Ноа и одновременных ей культур Трансильвании.

5. Клады Карпатского бассейна (включая Трансильванию). Синхронизация М. Петреску-Дымбовица кладов фаза Улми-Литени с горизонтом трансильванских кладов Урью-Домэнешть заставляет обратиться к кладам этого горизонта. Методика выделения горизонта кладов предложена румынским археологом И. Нестором. Созданный им типологический ряд орнаментированных топоров с диском на обухе [50] лег в основу всех позднейших периодизаций кладов Румынии и Венгрии. Следует сразу отметить, что трансильванские клады группы Урью-Домэнешть, впервые охарактеризованные М. Русу [51], впоследствии были включены венгерской исследовательницей А. Можолич в горизонт кладов Опай, куда вошли клады главным образом Восточной Венгрии и Юго-Восточной Словакии [52]. В свое время М. Русу те же венгерские клады учитывал в системе горизонта Урью-Домэнешть [53]. Таким образом, речь идет не о разных горизонтах кладов, а фактически об одной группе комплексов под другим названием. В характеристике данных кладов мы будем пользоваться термином «горизонт Опай», так как клады группы Опай являются очередным звеном в системе венгерского бронзового века, разработанной А. Можолич, и характеризуют, по А. Можолич, позднюю фазу ступени BIV — BIV b, в то время как для бронзового века Румынии в настоящее время не существует самостоятельной периодизации.

Нами учтено 10 кладов горизонта Опай: Опай, Урью, Домэнешть I, Ребришоара II, Ложна, Валеа луи Михай, Шпэлнака, Валеа Ларга, Коронд, Дражна де Жос (рис. 1, V — XIV) [54]. Сведения о находке указанных кладов восходят к XIX и началу XX в. Об условиях нахождения клада Ребришоара II вообще ничего не известно. Судя по публикациям, многие клады состояли из большого количества предметов (Шпэлнака — 530 предм., Домэнешть — 357 предм.). Не исключено, однако, что такое «разбухание» кладов явилось следствием объединения разрозненных коллекций. Неко-

---

[50] *J. Nestor.* Die verzierten Streitäxte mit Nackenscheibe aus Westrumänien. Marburger Studien, 1938.

[51] *M. Rusu.* Die Verbreitung der Bronzefunde in Transilvanien. Dacia, VII, 1963.

[52] *A. Mozsolics.* Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Fórro und Ópályi. Budapest, 1973, Abb. 17.

[53] *M. Rusu.* Op. cit. (см. список кладов группы Урью-Домэнешть).

[54] Все перечисленные клады (кроме кладов Шпэлнака и Дражна де Жос) опубликованы в указанной монографии А. Можолич (клад Шпэлнака — *H. Dumitrescu.* Objets inédits du dépôt en bronze de Spălnaca au muséé national des antiquités de Bucarest. Dacia, V—VI, 1938; клад Дражна де Жос — *L. Andriesescu.* Sur l'âge du bronze en Roumanie. Le dépôt bronzes de Drajna de Jos et l'epéé de bucium. Dacia, II, 1925, p. 345).

торые клады (например, Урью) были найдены в сосудах, которые не опубликованы или утеряны. Эти лакуны, безусловно, обедняют наши представления о кладах Карпатского бассейна и заставляют с осторожностью относиться к публикациям самих кладов.

Обратимся к рассмотрению перечисленных комплексов. Достаточно беглого взгляда на клады горизонта Опай (рис. 1, V — XIV), чтобы заметить изменения в наборе типов по сравнению с кладами Северного Причерноморья. Устойчивым звеном в опайских кладах является сочетание топора с диском на обухе (тип D, по А. Можолич) [55] с кельтами старшего семиградского типа различных вариантов. Часто в указанное сочетание входят топоры с вытянутым гребнем на обухе (клады Ребришоара II, Валеа луи Михаи — рис. 1, VIII, *1—3*; X, *1, 3, 4*) и характерные двойные топоры (клады Опай и Ребришоара II — рис. 1, V, *3, 4*; VII, *2—4*). В составе ряда кладов имеются мечи с прямой фланцевой рукоятью. Заклепки на расширяющейся части рукояти таких мечей располагаются трапециевидно (клады Урью, Домэнешть, Шпэлнака — рис. 1, VI, *2*; VII, *1*; XI, *5*). Серпы кладов горизонта Опай характеризуются несколькими рифлениями, украшающими лезвие, и пуговичным утолщением на рукояти.

Итак, набор изделий кладов горизонта Опай резко отличен от набора вещей интересующих нас кладов Северного Причерноморья. Этот факт свидетельствует о невозможности единого происхождения указанных кладов, а также подчеркивает их известную асинхронность.

Вопрос о хронологии опайских кладов еще не решен. Если М. Русу непосредственно сопоставлял клады группы Урью-Домэнешть с периодом бронзы D (по П. Райнеке) [56], то А. Можолич в последней монографии высказала предположение о более позднем проникновении в Венгрию некоторых изделий, в частности мечей типа Ригзее, характерных для круга форм BzD [57].

В отечественной литературе стала традиционной датировка кладов сабатиновского этапа ступенью BzD [58]. Это обстоятельство заставляет привлечь для сопоставления с северопричерноморскими комплексами клады Приальпийской зоны и Верхней Саксонии.

6. Клады Приальпийской зоны и Верхней Саксонии (круг форм BzD). Ступень бронзы D (BzD) — одно из звеньев в периодизации бронзового века, созданной Паулем Райнеке [59]. В период 1902—1924 гг. П. Райнеке неоднократно обращался к описанию этой ступени. К сожалению, по его статьям, обычно небольшим и, как правило, неиллюстрированным, можно получить лишь обобщенное представление о периоде BzD. Согласно П. Райнеке, круг форм BzD прослеживается в зоне к северу от Альп, от Северной Франции и Швейцарии до Венгрии [60]. Характерным погребальным обрядом ступени BzD исследователь считал трупосожжение в курганах и реже погребения в урнах, поставленных в грунтовые могилы. В ка-

---

[55] Согласно модифицированной А. Можолич классификации топоров с диском на обухе, у топоров типа *D* в отличие от типа С (раннего) шип имеет более широкую основу, в качестве которой иногда выступает сам диск.

[56] *M. Rusu.* Op. cit.

[57] Замечательна находка клада у с. Напкор Пирипуц. Клад был найден в сосуде гальштатской культуры Гава, сменяющей в восточных районах Венгрии культуру Фельзёсёч. В сосуде наряду с кельтами поздних типов находился меч облика Ригзее. Эта находка позволила А. Можолич предположить асинхронность кладов Опай и круга форм периода BzD и определить последний как более поздний на территории Венгрии по сравнению с Центральной Европой (*A. Mozsolics.* Bronze- und Goldfunde..., S. 113).

[58] Невозможность непосредственного перенесения хронологической системы Г. Мюллера-Карпе на памятники более восточных территорий справедливо отмечали В. А. Сафронов, В. С. Бочкарев, А. М. Лесков.

[59] *P. Reinecke.* Zur chronologischen Gliederung der süddeutschen Bronzezeit. Germania, VIII, 1924.

[60] *Idem.* Mainzer Aufsätze zur Chronologie der Bronzezeit und Eisenzeit. Rudolf-Habett-Verlag, Bonn, 1965, S. 8 (перепечатка с книги «Altertümer unserer heidnischen Vorzeit», Bd. V, 1911).

честве основного вида оружия данной ступени П. Райнеке называл мечи с массивной цельнолитой рукоятью, овальной в сечении (тип Ригзее), а в керамическом комплексе исследователь выделил группу металлических сосудов, украшенных каннелюрами [61].

Таким образом, ступень BzD П. Райнеке отождествлял с определенной группой изделий, в основном металлических, не предлагая ее исторической интерпретации. Наиболее полно период бронзы D охарактеризовал Г. Мюллер-Карпе, фундаментальное исследование которого посвящено эпохе поздней бронзы и раннего железа Италии, бассейна Верхнего Рейна и Приальпийской зоны [62].

Нами учтен один клад, происходящий из с. Вёллерсдорф в Нижней Австрии (рис. 1, IV) [63]. Это единственный клад с этой территории, содержащий кельты с арочным рельефом, аналогичные кельтам кладов Румынской Молдовы и Северного Причерноморья. Но весь набор типов данного комплекса явно чужд набору изделий северопричерноморских кладов. И наоборот, в кладе из Вёллерсдорф наблюдается сочетание серпов, украшенных рифлением, и меча (фрагмент), на лезвийной части которого заклепки располагаются трапециевидно (рис. 1, IV, *1—3*). Данное сочетание сближает клад из Вёллерсдорф с кладами горизонта Опай — Урью и Шпэлнака (рис. 1, VI, *1*, *2*, XI, *3*, *5*), что не позволяет отрывать по времени клады группы Опай от периода бронзы D.

На рис. 3 представлен круг форм BzD, выделенный Г. Мюллером-Карпе для Северной Италии и различных областей Приальпийской зоны. Невольно бросается в глаза единообразие металлических типов (булавки, мечи типа Ригзее, ножи с кольцевым навершием на рукояти, кинжалы облика Пескиера) и полное отсутствие аналогий северопричерноморским кладам сабатиновского этапа. Данное наблюдение лишний раз свидетельствует о невозможности прямой синхронизации рассматриваемых северопричерноморских кладов с периодом BzD по Г. Мюллеру-Карпе.

Кладам Центральной Европы обширную монографию посвятил Вильгельм Альберт фон Брунн [64]. В его книге рассматриваются в основном клады гальштатского времени (HaA — HaB), но ряд комплексов охарактеризован как более ранний.

Нами учтено три клада Верхней Саксонии: Виллершедт, Поллебен, Оберсайферсдорф [65] (рис. 1, I, II, III). Мы не обнаруживаем в указанных кладах сочетаний типов, определяющих облик позднебронзовых кладов Северного Причерноморья. Булавка с шейкой, украшенной рифлеными желобками (рис. 1, II, *1*), и нож с кольцевым навершием на прорезной рукояти согласуются с кругом форм BzD (рис. 3).

Итак, в результате комплексного сопоставления кладов, распространенных на территории от Северного Причерноморья до Центральной Европы (рис. 1, I—XXXVIII), мы установили, что набор форм, характерный для северопричерноморских кладов западной ориентации (1) сочетание серпов с литым крюком на рукояти, серпов с двумя отверстиями на рукояти и одноушковых кельтов с «пещеркой» на широкой плоскости; 2) сочетание крестовидных кольчатых подвесок с серпами I типа и кинжалами с разветвленной нервюрой, дополняемое кинжалами с ромбическим упором, «вырастающим» из нервюры), повторяется только в кладах Молдавии, Румынской Молдовы и Прикарпатской Украины. По мере продвижения к западу указанные сочетания вещей из кладов исчезают и коренным об-

---

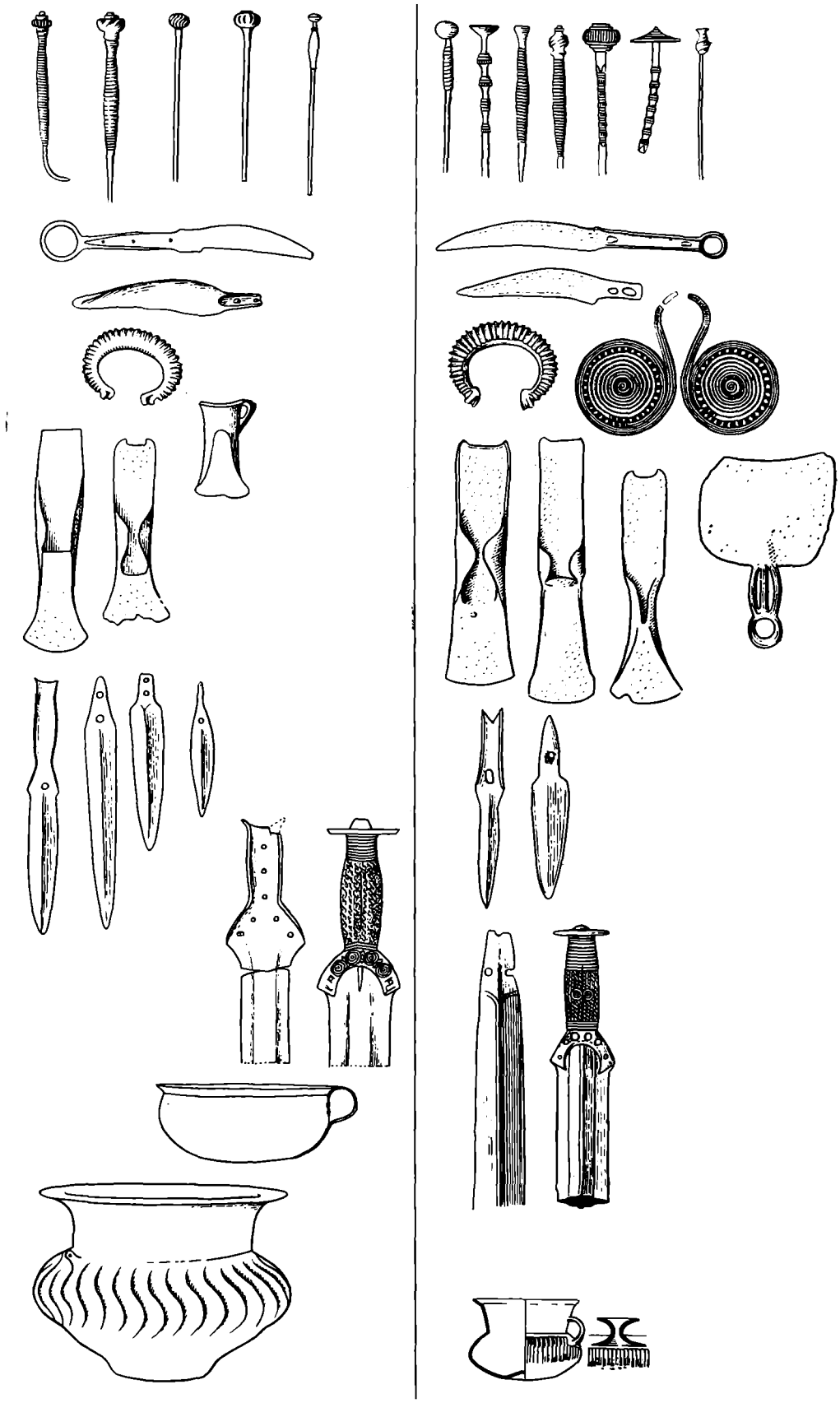
[61] *Idem.* Zur Chronologie der zweiten Hälfte des Bronzealters in Süd-und Norddeutschland. Correspondenzblatt № 33 der Deutschen Gesellschaft für Antropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Braunschweig, 1901, Bd. 27, Ht. 3—4, S. 28.

[62] *H. Müller-Karpe.* Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit, nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959.

[63] Ibid., Taf. 135, *B*; 136.

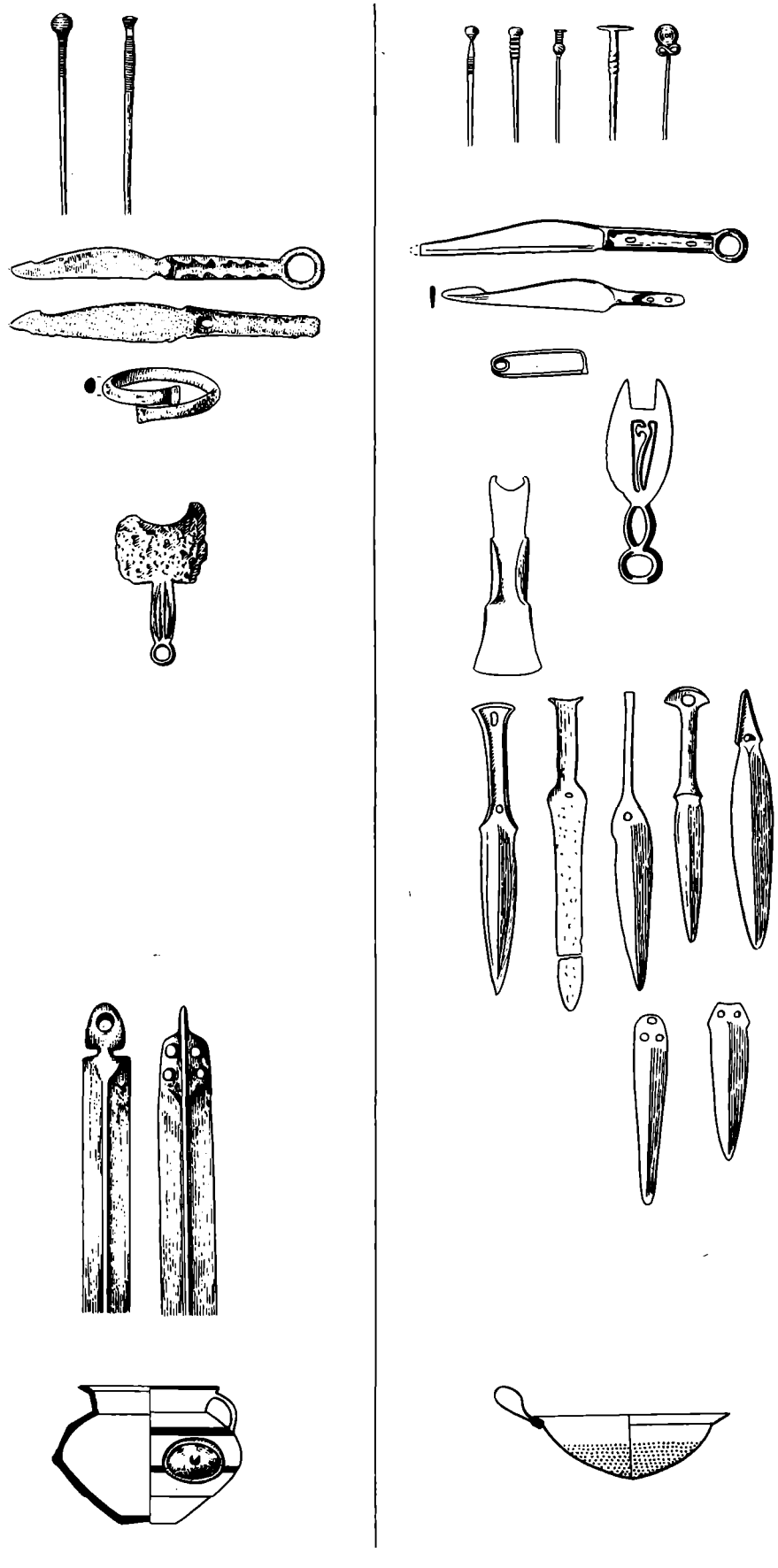
[64] *W. A. Brunn.* Mitteldeutsche Hortfunde der jüngeren Bronzezeit, Berlin, 1968.

[65] Ibid., Taf. 199, *6—9*; 125; *3—6*; 122, *7*.



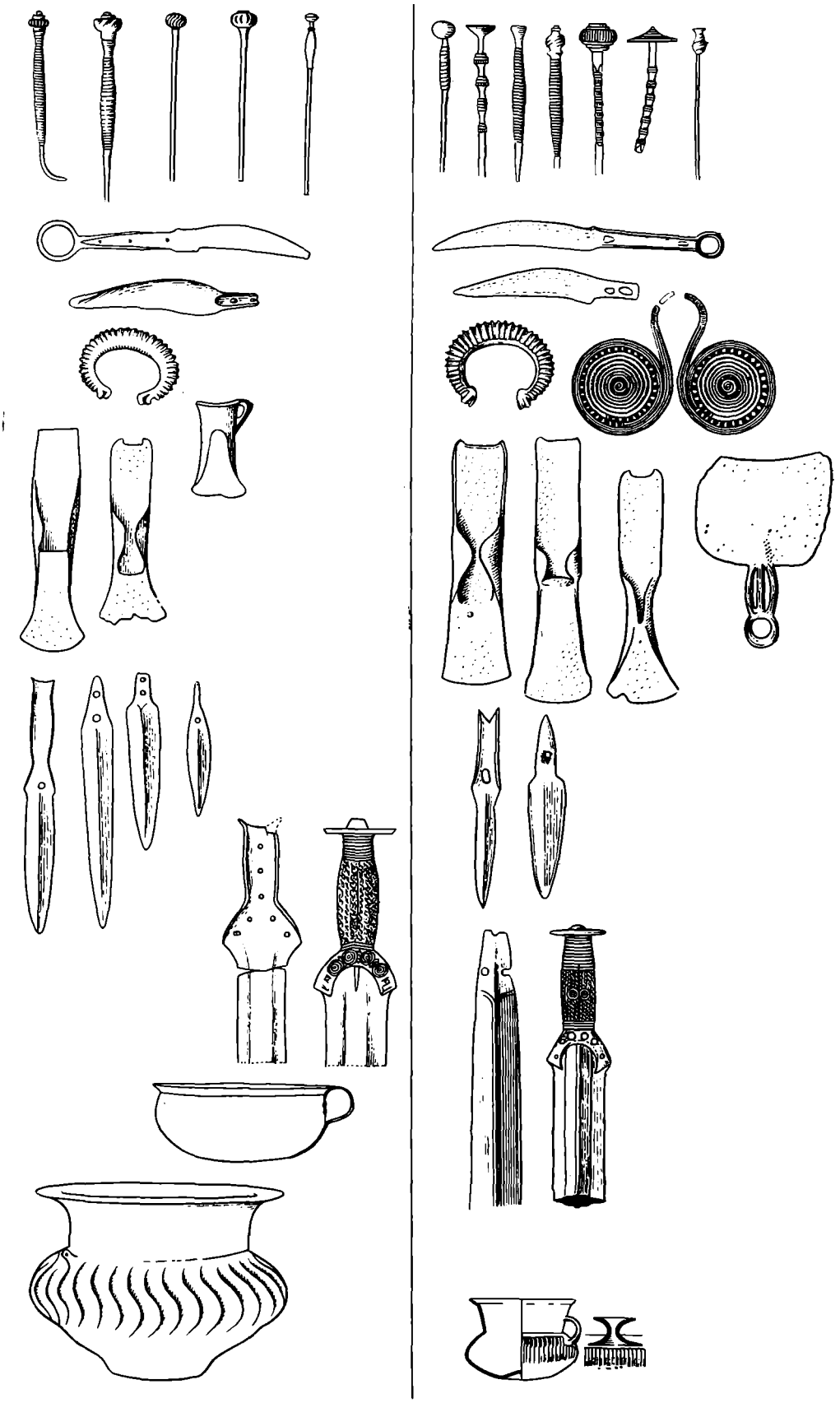
а *б*

Рис. 3. Круг форм BzD (по Г. Мюллеру-Карпе). *а* — область Восточных Альп (ступень Байердорф); *б* — Бавария (ступень Ригзее);



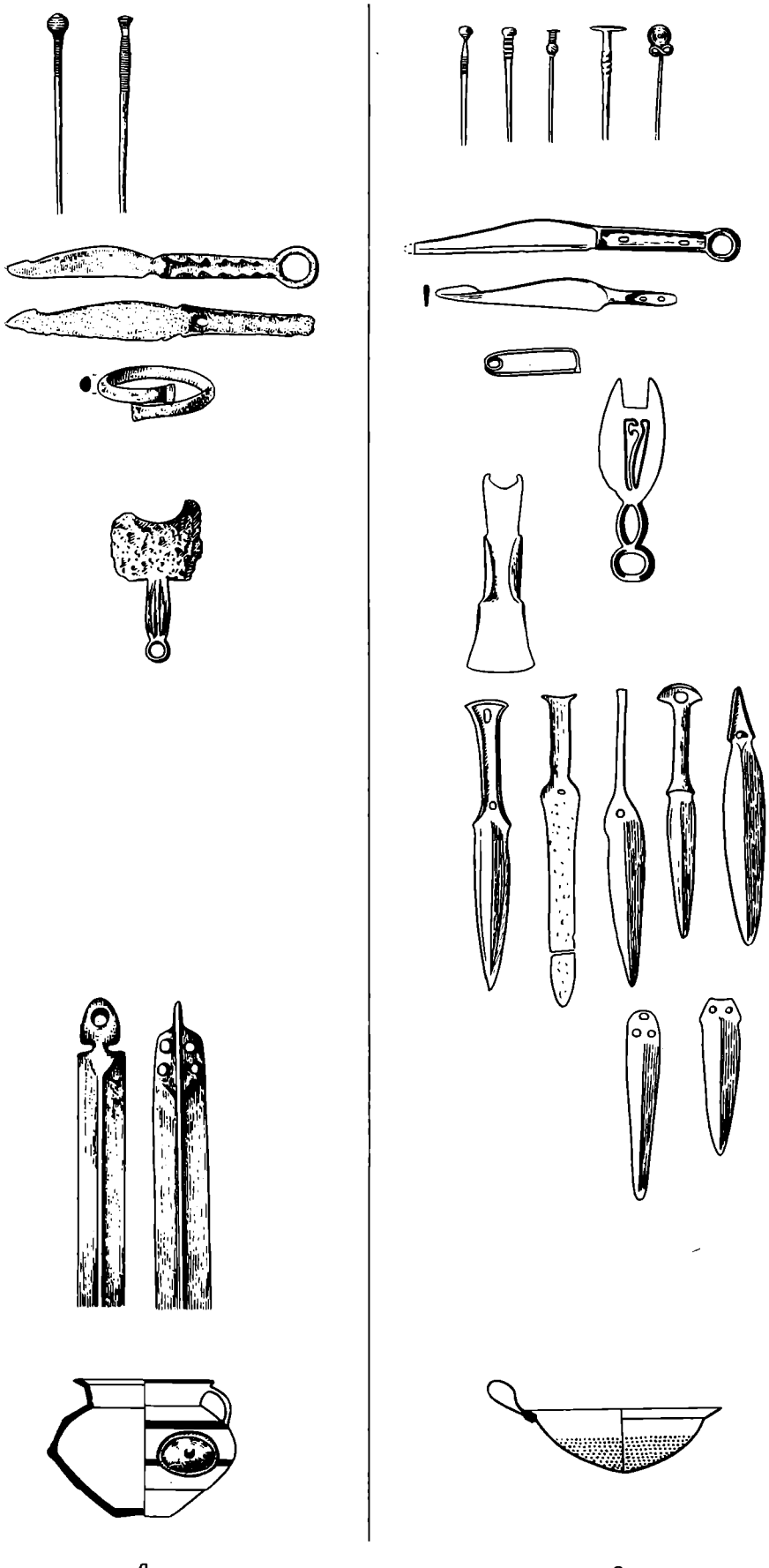
в *г*

в — междуречье Верхнего Рейна и Нижнего Майна; *г* — Италия (ступень Пескиера)



а *б*

Рис. 3. Круг форм BzD (по Г. Мюллеру-Карпе). *а* — область Восточных Альп (ступень Байердорф); *б* — Бавария (ступень Ригзее);



в *г*

в — междуречье Верхнего Рейна и Нижнего Майна; *г* — Италия (ступень Пескиера)

разом меняется состав самих кладов. В кладах Венгрии и Трансильвании главное место занимает сочетание топоров различных типов, а в кладах Приальпийской зоны и Верхней Саксонии — серпы, украшенные рифлением, и ножи с кольцевым навершием на рукояти. Проникновение в клады горизонта Опай элементов кладов Приальпийской зоны периода BzD отражается в появлении в венгеро-трансильванских комплексах мечей с заклепками на рукояти и серпов, покрытых рифлением (клады, Урью, Валеа луи Михаи).

Как мы уже отмечали, клады Пруто-Сиретского междуречья, в которых встречены устойчивые сочетания предметов, характерные для северопричерноморских комплексов (фаза Улми-Литени, по М. Петреску-Дымбовица), в румынской археологической литературе хронологически соотносятся с культурой Ноа (или Ноуа). Некоторые отечественные исследователи отмечают отдельные ноические черты в кладах Северного Причерноморья. Однако металлические вещи, найденные на памятниках культуры Ноа, еще не служили предметом специального рассмотрения. Представляется необходимым рассмотреть металлические изделия, происходящие с памятников, принадлежность которых к культуре Ноа четко определяется по характерной керамике.

Металлический комплекс культуры Ноа

В настоящее время памятники культуры Ноа известны в Трансильвании, Румынской Молдове [66], Молдавии [67] и Прикарпатской Украине [68]. Ограничимся краткой характеристикой культуры Ноа. Для этой культуры типичны поселения-зольники, которые располагаются на открытых местах, как правило, вблизи рек. Погребальный обряд представлен грунтовыми могильниками — Балинтешть в Румынской Молдове [69], Старые Бедражи в Молдавии [70], Островец в Прикарпатье [71]. Культурное единство поселений и могильников выражается в тождественности керамического комплекса (двуручные лощеные неорнаментированные сосуды в сочетании с банками, украшенными гладким или расчлененным валиком). Поражает высокая техника обработки кости и обилие на поселениях костяных изделий (трехперые черешковые и втульчатые наконечники стрел, псалии, булавки, орудия из лопаток животных). Гомогенный характер этой яркой культуры не вызывает сомнения.

Нас в первую очередь привлекают металлические изделия, найденные на памятниках культуры Ноа (рис. 4). Можно выделить сочетания вещей, определяющих облик культуры Ноа. Для ноических памятников характерны серийные находки булавок с односпиральной головкой, встречаемые с крестовидными кольчатыми подвесками или аналогичными булавками (пос. у с. Гиндешты — рис. 4, XI, *5*, *6*, *8*; пос. у с. Островец — рис. 4, V, *12*, *15*, *16*). На Островецком поселении указанное сочетание дополняется комплексом из так называемой кипрской булавки и булавки с радиальными выступами на стержне (рис. 4, V, *1*, *3*), повторяющимся на поселении Гырбовец в Румынской Молдове (рис. 4, IX). Знаменательно, что

---

[66] *Adrian Florescu.* Contributii la cunoaşterea culturii Noua. AM, II—III, 1964, fig. 26 (карта).

[67] *В. А. Дергачев.* Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 3. Кишинев, 1973, стр. 62, рис. 16 (карта).

[68] *І. К. Свешников.* Племена культуры Ноа. Сб. «Стародавне населення Прикарпаття і Волині». Київ, 1974, стор. 197, рис. 51; Э. А. Балагури. История племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье (культура Ноа). Автореф. канд. дис. Киев, 1964.

[69] *Eugenia Zaharia.* Das Gräberfeld von Balinteşti-Cioinagi und einige Fragen der Bronzezeit in der Moldau. Dacia, VII, 1963.

[70] *Г. И. Смирнова.* Новый могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражи на Пруте. АСб. ГЭ, 11, 1969.

[71] *Е. А. Балагури.* Могильник культури Ноа на Станиславщині. Археологія, XIII, 1961.

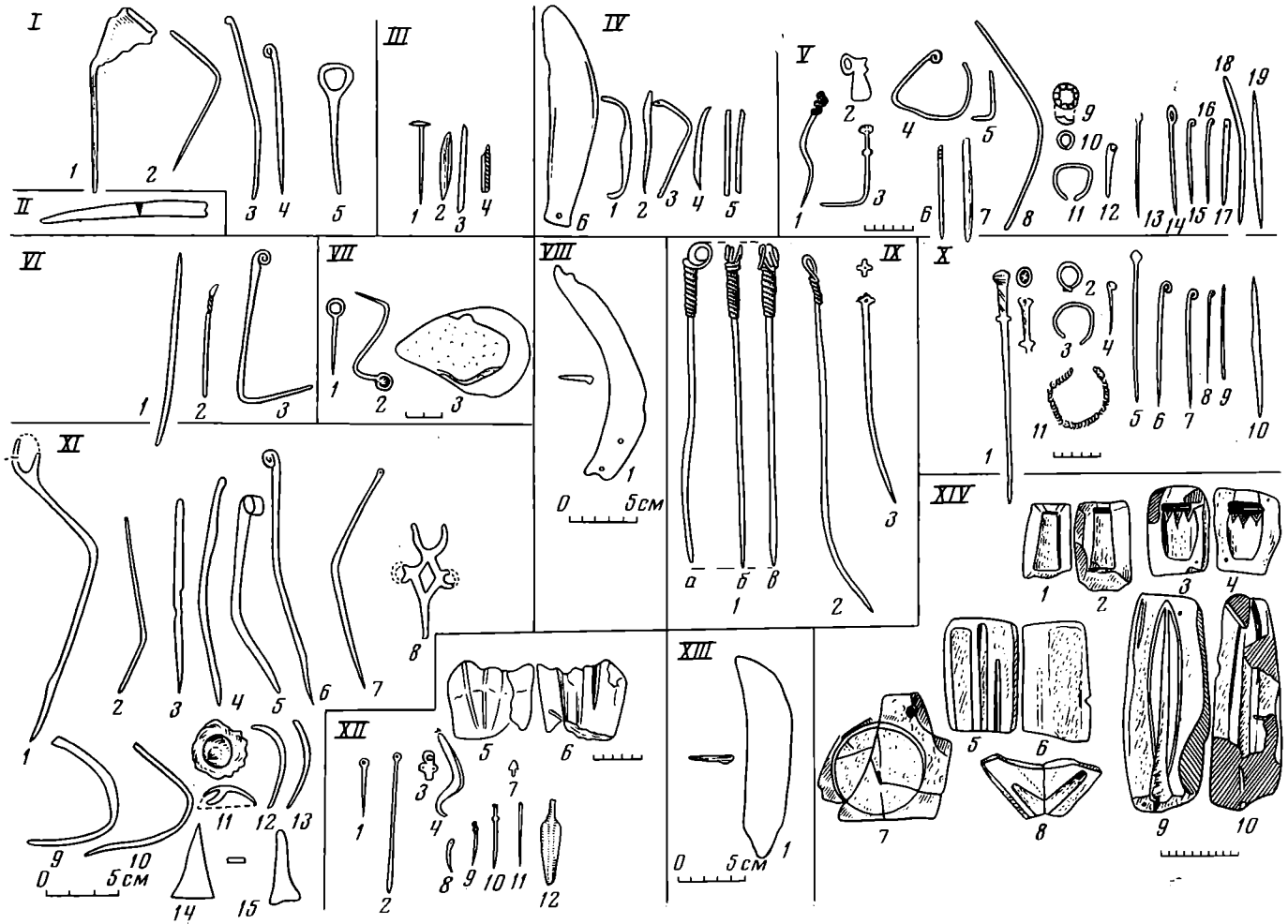


Рис. 4. Металлические изделия, найденные на памятниках культуры Ноа. I — пос. у с. Трушешть Мовила шесул Жижией, II — могильник у с. Трушешть-Цугуета (по М. Петреску-Дымбовица), III — пос. у с. Николень (по А. Флореску); IV — пос. у с. Кавадинешть (по М. Петреску-Дымбовица); V — пос. у с. Островец (по Э. А. Балагури); VI — пос. у с. Валя Лупулуй (по А. Флореску); VII — пос. у с. Слободка-Ширеуцы (по В. А. Дергачеву); VIII — с. Григоровка (по А. И. Мелюковой); IX — пос. у с. Гырбовец (по М. Петреску-Дымбовица); X — могильник у с. Островец (по Э. А. Балагури); XI — зольники у с. Гиндешты (по А. И. Мелюковой); XII — пос. у с. Магала (по Г. И. Смирновой); XIII — с. Старые Рошиетичи (по А. И. Мелюковой); XIV — пос. у с. Островец (по Э. А. Балагури)

распространение булавок с радиальными выступами на стержне не выходит за пределы ареала двуручных неорнаментированных ноических ваз [72]. Отметим еще одну деталь: на памятниках культуры Ноа наряду с бронзовыми экземплярами подобных булавок встречены их костяные прототипы [73]. Повторение в кости и бронзе однотипных предметов, встречаемых на единокультурных памятниках, позволяет предполагать устойчивую традицию изготовления этих изделий в рамках одной культуры.

Указанные украшения как в виде отмеченных сочетаний, так и самостоятельных звеньев представлены в кладах Прикарпатской Украины (Держев — рис. 1, XIX), Румынской Молдовы (Бэлени, Улми-Литени, Рышешть — рис. 1, XX, XXI, XXIV), Северного Причерноморья (Солонецкий, Ингульский — рис. 1, XXXI, XXXII). Фрагмент кольчатой рамки для закрепления крестовидных подвесок мы видим на литейной форме Красномаяцкого клада (рис. 1, XXIX, *3*). Самые близкие параллели Красномаяцкий комплекс находит в литейной мастерской Островецкого поселения. Общим звеном для этих кладов является сочетание литейных форм с негативом «мешковидного» кельта и диска (рис. 1, XXIX, *1*, *2*, *11*; рис. 4, XIV, *3*, *4*, *7*). По частично сохранившейся форме с негативом диска Островецкого комплекса угадывается ее трапециевидный контур, характерный для аналога Красномаяцкого клада. Идентичность литейных форм — факт поистине редчайший, который можно объяснить только культурным единством памятников.

На ноическом поселении Магала найден кинжал киммерийского типа и часть литейной формы для отливки кинжалов с листовидным лезвием, широко известных в кладах Северного Причерноморья. Достойна внимания и находка кинжала на поселении культуры Ноа у с. Чутулешты Флорештского района в Молдавии [74]. Чутулештский экземпляр принадлежит к типу больших кинжалов с разветвленной нервюрой и волютным перекрестием (рис. 2, *3*). Несомненна его типологическая близость всем кинжалам этой группы, но особенное сходство наблюдается с негативом большого кинжала Красномаяцкого клада. Вхождение подобных кинжалов в северопричерноморские клады с комплексом ноических украшений подтверждает гипотезу В. А. Дергачева о связи этих кинжалов с носителями культуры Ноа.

Необходимо отметить, и находки двух типов серпов на памятниках культуры Ноа. Первый тип серпов представлен находкой на поселении у с. Кавадинешть в Румынской Молдове (рис. 4, IV, *6*). Этот серп с дуговидной спинкой, имеющей на рукояточной части литое отверстие, поразительно похож на косари Сосновомазинского клада, на что 10 лет назад обратил внимание А. Флореску [75]. Для нас указанное сходство приобретает немаловажное значение в связи с подчеркнутой типичностью набора предметов клада из Сосновой Мазы и северопричерноморских кладов — Ингульского и Красномаяцкого с набором ноических изделий. Серп, сходный с экземпляром из Кавадинешть и никогда не упоминавшийся в числе аналогов сосновомазинским косарям, входит в состав Ингульского клада (рис. 1, XXXII, *4*). Итак, Сосновомазинский клад, сопоставимый по набору предметов (кинжалы, серпы) с ноическими комплексами, может быть связан с кругом памятников культуры Ноа.

Второй тип серпов, встреченных на памятниках культуры Ноа, обнаружен на поселении Старые Рошиетичи в Молдавии (дуговидно изогну-

---

[72] *K. Horedt.* Cercetările arheologice din regiunea Hoghiz-Ugra şi Teiuş. Materiale Archeologice Privind istoria veche a R. P. R., 1, 1953, fig. 13.

[73] *А. И. Мелюкова.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 96, 1961, рис. 9, *1*; *Г. И. Смирнова.* Новые исследования поселения Магала. АСб. ГЭ, 14, 1972, рис. 8, *4*.

[74] *Н. А. Кетрару, И. А. Рафалович.* Два кинжала эпохи бронзы из Молдавии. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, рис. 2.

[75] *A. Florescu.* Contribuţii la cunoasterea culturii Noua, fig. 18.

тый серп с двумя литыми отверстиями на рукояти — рис. 4, VIII). Подобные серпы входят в состав кладов Румынской Молдовы (фаза Улми-Литени), Молдавии (Лозовский, Христич), Северного Причерноморья (Бециловский, Ингульский, Солонецкий) и Райгородского клада.

В итоге необходимо подчеркнуть, что набор металлических изделий, происходящих с памятников культуры Ноа, повторяется только в ряде кладов перечисленных регионов [76]. Данное обстоятельство позволяет включить в круг памятников культуры Ноа следующие клады (всего 14 комплексов): Северное Причерноморье — Красномаяцкий, Бециловский, Солонецкий, Ингульский, Новотроянновский; в бассейне Северского Донца — Райгородский; Поволжье — Сосновомазинский; Молдавия — Лозовский, Христич; Прикарпатье — Держев; Румынская Молдова — Бэлени, Улми-Литени, Чорэнь, Рышешть.

Что касается остальных кладов Прикарпатья, Румынской Молдовы и Северного Причерноморья, не попавших в этот список, то они могут быть рассмотрены как группа комплексов, частично синхронная перечисленным кладам. Этот вывод подтверждается перекрестными аналогиями в данных комплексах некоторых категорий предметов — кельтов старшего семиградского типа различных вариантов и серпов с литым крюком на рукояти. За неимением находок-аналогов на культурно определенных памятниках мы не можем в настоящее время определить культурную принадлежность этой группы кладов. Клад из Малых Копаней по сочетанию на литейных формах негативов черешкового кинжала с разветвленной нервюрой, кинжала с ромбическим упором и втульчатого долота может быть условно отнесен к ноическому комплексу, в то время как вопрос о культурной атрибуции других кладов Северного Причерноморья остается открытым. Не противоречит нашим выводам и химический состав металлических изделий, происходящих с памятников культуры Ноа. Из 48 проанализированных предметов 46 изготовлено из оловянистой бронзы [77], что характерно и для рассмотренных северопричерноморских кладов.

Следует немного остановиться на проблеме хронологии культуры Ноа. В системе бронзового века Венгрии памятники культуры Ноа (поздняя фаза этой культуры, по примечанию А. Можолич) отнесены к ступени BIVb (горизонт кладов Опай). В своей синхронизации А. Можолич опиралась на бронзовые булавки с радиальными выступами на стержне. Исследовательницей указано два комплекса, содержащих эти булавки — Ньиркарас-Дьюлахаза [78] и клад Опай [79]. Рассмотрим инвентарь названных комплексов. Ньиркарас-Дьюлахаза представляет собой разрушенный курганный могильник, сведения о раскопках которого относятся к 1901 г. В кургане были найдены обгорелые кости человеческого скелета, сопровождаемые бронзовыми предметами и фрагментами керамики, которую А. Можолич отнесла к культуре Фельзёсёч. Однако некоторые зарубежные исследователи сомневаются в правильности описаний А. Можолич указанного погребения. В частности, Б. Хензель считает, что исследовательница ошибочно объединила керамику и металлические изделия в один комплекс [80]. Из металлических предметов в погребении Ньиркарас-Дьюлахаза были найдены два кинжала облика Пескиера, одноушковый кельт с овальной втулкой, украшенный рельефными треугольниками, кельт с клювовидной втулкой, топор с диском на обухе (тип D, по А. Можолич), булавка с утолщением на шейке и маловыразительный обломок булавки с радиальными выступами на стержне. Сочетание в погребении топора с

---

[76] Е. Н. Черных тоже отмечал связь культуры Ноа по типам находок с кладами ингуло-красномаяцкой группы (*Е. Н. Черных*. Ук. автореф. докт. дис., стр. 30).

[77] *Е. Н. Черных*. Ук. автореф. докт. дис.

[78] *A. Mozsolics*. Der Tumulus von Nyirkarász-Gyulahaza. AAH, XII, 1960.

[79] *Idem*. Der Bronzefund von Ópályi. AAH, XV, 1963, Taf. V.

[80] *B. Hänsel*. Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. Bonn, 1968, S. 232.

диском на обухе и кельта, варианта кельтов старшего семиградского типа, определяет набор предметов горизонта кладов Опай (рис. 1, V—XIII) и совершенно не представлено ни на памятниках самой культуры Ноа, ни в группе кладов, увязывающихся с этой культурой по набору характерных типов. Поэтому мы не видим оснований рассматривать погребение из Ньиркарас-Дьюлахаза в качестве опорного памятника для синхронизации культуры Ноа с горизонтом кладов Опай.

Теми же соображениями руководствуемся мы и в характеристике клада Опай — второго комплекса, претендующего на роль хронологического репера для памятников культуры Ноа. В состав клада входит серия топоров с диском на обухе (тип D), кельт с клювовидной втулкой, двойной топор [81] (рис. 1, V), т. е. предметы, как мы неоднократно отмечали, нехарактерные для металлического комплекса культуры Ноа. В кладе содержатся три булавки с четырьмя выступами на стержне (рис. 1, V, *2*). Нельзя не отметить более развитый облик опайских булавок: шесть кольцевидных рифлений, симметрично расположенных на стержне по обе стороны от радиальных выпуклостей, и, наконец, чрезмерная длина (90 см). Все эти признаки не находят морфологических соответствий в рассмотренных нами экземплярах, происходящих с памятников культуры Ноа. Условно клад Опай может лимитировать верхнюю хронологическую границу существования ноических комплексов.

Мы рассмотрели набор металлических изделий кладов Северного Причерноморья, относимых к сабатиновскому этапу (по А. М. Лескову) или к ингуло-красномаяцкому очагу (по Е. Н. Черных). Ряд сочетаний предметов (сочетание крестовидных кольчатых подвесок и кельтов восточнотрансильванского типа, дополняемое кинжалами с разветвленной нервюрой, кинжалами с ромбическим упором, «вырастающим» из нервюры, и серпами с литым крюком на рукояти), позволяет считать указанные клады единой по своему характеру группой комплексов, что дает право предположить наличие общего источника происхождения позднебронзовых кладов Северного Причерноморья. Яркая сопоставимость набора категорий вещей северопричерноморских комплексов и кладов Молдавии, Прикарпатья и Румынской Молдовы (фаза Улми-Литени — Рышешть, по М. Петреску-Дымбовица) предоставляет возможность локализовать предполагаемый источник культурного воздействия на территорию Северного Причерноморья в области Пруто-Сиретского междуречья. На памятниках культуры Ноа, распространенных в районе локализации упомянутых кладов, найдены самые близкие параллели металлическим изделиям северопричерноморских комплексов.

Типологическое сходство набора категорий металлических изделий культуры Ноа с набором предметов, входящих в состав северопричерноморских кладов, и известная близость химических характеристик металла позволяют включить ряд северопричерноморских кладов (Красномаяцкий, Солонецкий, Ингульский, Бециловский, Райгородский, Новотроянновский) в круг памятников культуры Ноа. Следовательно, можно связать происхождение кладов западной ориентации сабатиновского этапа с продвижением культуры Ноа в область Северного Причерноморья.

В рамках настоящей работы мы не имеем возможности подкрепить наши выводы анализом керамического материала. Знаменателен тот факт, что некоторые клады (Красномаяцкий, Новотроянновский) найдены вместе с керамикой сабатиновского типа (фрагменты сосудов с гладким или расчлененным валиком). Проблема культурной атрибуции сабатиновских памятников, известных в основном по поселениям в Северном Причерноморье, в отечественной литературе до сих пор остается дискуссионной.

В 1955 г. О. А. Кривцова-Гракова, характеризуя керамику Сабати-

---

[81] *A. Mozsolics.* Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1973, Taf. 15—20.

новского поселения, обратила внимание на серию лощеных ручек [82], встреченных в керамическом комплексе поселения, давшего название целому этапу эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье. Исследовательница проницательно заметила, что «по своему происхождению эта посуда не может быть связана со степной керамикой срубной культуры; по-видимому, на территорию степи она проникала уже в готовом виде от северных соседей» [83].

В 1961 г. А. И. Мелюкова, синхронизируя зольники культуры Ноа в Молдавии и памятники сабатиновского этапа, в основу синхронизации положила именно керамический комплекс [84], заметив, что двуручные лощеные вазы в сочетании с посудой, украшенной гладким оттянутым или налепным валиком, представлены как в зольниках Молдавии, так и на сабатиновских поселениях степного Причерноморья.

В 1968 г. И. Н. Шарафутдинова в статье о сабатиновской культуре подчеркнула общие черты сабатиновских поселений и памятников культуры Ноа и предположила, что «эти культуры имели и общую подоснову в виде западных культур эпохи средней бронзы...» [85].

В этой связи нам бы хотелось обратить внимание на статью Андриана Флореску, посвященную изучению культуры Ноа [86]. Нельзя не отметить те перспективы, которые открывает синтезирующий подход автора к памятникам типа Ноа. Подчеркнув тождественность керамических форм культуры Ноа на памятниках Трансильвании, Румынской Молдовы и группы сабатиновских поселений Северного Причерноморья, указав на сходство костяного инвентаря, А. Флореску включил памятники сабатиновского типа в область распространения культуры Ноа и рассматривал их как единый культурный комплекс Ноа-Сабатиновка. Этот комплекс, по его мнению, отражает процесс «культурной униформации», который охватил обширную территорию от районов Трансильвании до Нижнего Приднепровья и от бассейна Верхнего Днестра до Нижнего Дуная [87]. Исследователь предполагал, что сложение единого комплекса Ноа-Сабатиновка было обусловлено «восточным течением, возникшим в Волго-Донском междуречье в начале второй половины II тысячелетия» [88], и тесно связано с переселением на Запад носителей срубной культуры.

Частично можно согласиться с включением А. Флореску Северо-Западного Причерноморья в ареал памятников культуры Ноа. Не подлежит сомнению присутствие ноического компонента на таких известных поселениях, как Сабатиновка, Ушкалка (нижний слой), Чикаловка. Определение удельного веса ноических черт в материале сабатиновских памятников позволит более уверенно дефинировать их культурный облик. Не исключено, что памятники сабатиновского типа могут рассматриваться как отдельная культура, имеющая самостоятельное происхождение, а Северо-Западное Причерноморье — как зона распространения синкретичных комплексов.

В отличие от А. Флореску мы не видим возможности связать сложение культуры Ноа с неким «восточным течением», возникшим на территории Волго-Донского междуречья, и на этом основании относить памятники сабатиновского типа к первой ступени формирования культуры Ноа (Доноуа или Протоноуа, по А. Флореску).

---

[82] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, рис. 29, *8—14*.

[83] Там же, стр. 130.

[84] *А. И. Мелюкова.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии, стр. 20.

[85] *И. Н. Шарафутдинова.* К вопросу о сабатиновской культуре. СА, 1968, 3, стр. 34; *ее же.* Племена степного Поднепровья в эпоху поздней бронзы. Автореф. канд. дис. К., 1975, стр. 21.

[86] *A. Florescu.* Contribuţii la cunoaşterea culturii Noua. AM, II-III, 1964, p. 143—208.

[87] Ibid., p. 204, 205.

[88] Ibid., p. 206.

Мы предполагаем, что продвижение носителей культуры Ноа происходило в обратном направлении — с запада на восток. Одним из аргументов в пользу высказанного мнения является химический состав северопричерноморских кладов, связанных по набору примесей с металлом культуры Ноа [89]. Проникновение носителей культуры Ноа на восток нашло отражение в специфических формах изделий Сосновомазинского клада. По набору металлических изделий он близок к бесспорно ноическим кладам Северного Причерноморья — Красномаяцкому и Ингульскому.

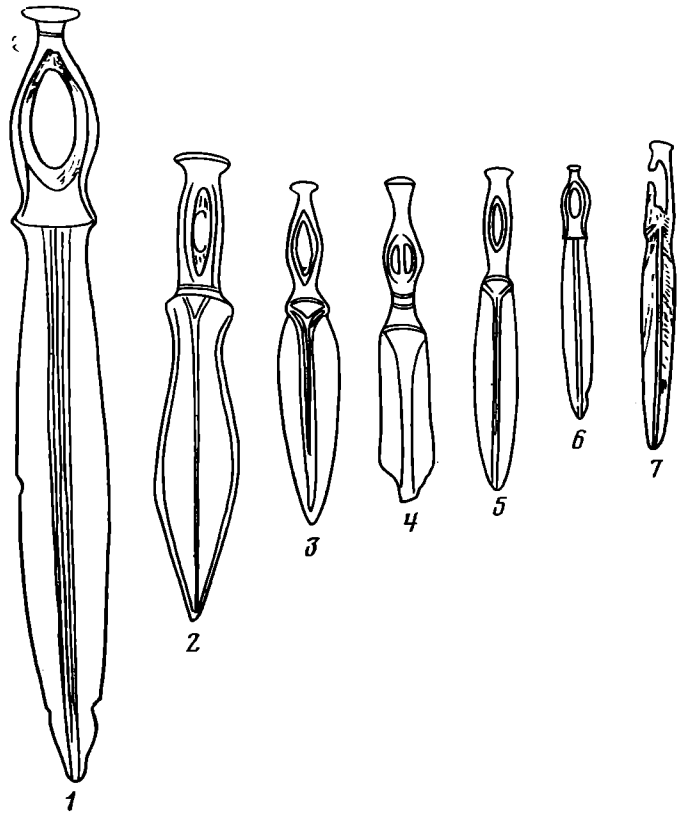


Рис. 5. Кинжалы сосновомазинского типа (случайные находки). *1* — бывш. Каневский уезд Киевской губ. (по Б. И. Ханенко и В. И. Ханенко); *2* — г. Златоуст (по Э. И. Эйхенвальду); *3* — Уфимская губ. (по К. В. Сальникову); *4* — г. Елабуга ТАССР (по Б. Г. Тихонову); *5* — с. Грахово Граховского района УАССР (по Б. Г. Тихонову); *6* — место находки неизвестно, хранится в Киевском Историческом музее (по А. И. Тереножкину); *7* — Оренбургская губ. (по К. В. Сальникову)

Небезынтересны случайные находки кинжалов сосновомазинского типа, известные в области памятников андроновской культуры (рис. 5), и встречаемые на андроновских поселениях косари сосновомазинского типа [90]. Эти находки свидетельствуют о широком распространении ноических элементов.

В этой связи мы полагаем, необходимо пересмотреть вопрос о функционировании в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы особого местного очага (очагов) металлообработки. Нам трудно согласиться с Е. Н. Черных, понимающим под очагом металлообработки в Северном Причерноморье «не металлообработку той или иной культуры или ее хронологического (географического) варианта, а в первую очередь металло-

[89] *Е. Н. Черных*. Ук. докт. дис. М., 1972. Архив ИА АН СССР, р-2, 2104, стр. 520.
[90] *О. А. Кривцова-Гракова*. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1948, рис. 27.

обрабатывающую деятельность группы (клана) мастеров», которые «вероятно, нередко были культурно обособлены от окружающего их населения» [91]. Сложно представить себе средневековый цеховой сепартизм в эпоху поздней бронзы.

Нельзя принять и позицию А. М. Лескова, связывающего клады сабатиновского этапа с металлообработкой срубной культуры, так как большинство металлических изделий, найденных на памятниках последней, типологически и по химическому составу металла (группа медистых песчаников) [92] несопоставимы с предметами рассматриваемых кладов и культуры Ноа.

Приведенные данные, на наш взгляд, позволяют полагать, что ряд кладов западной ориентации и памятники сабатиновского типа с ноическими чертами фиксируют вехи продвижения носителей культуры Ноа в Северное Причерноморье. Другие северопричерноморские клады, не вошедшие в эту группу,— Князьгригорьевский, Маячки, Авраамовский, Журавлинка, Курячьелозовский — по набору типов (сочетание различных вариантов кельтов старшего трансильванского типа, дополненное в последних двух кладах венгерскими топорами с диском на обухе) примыкают к горизонту Опай венгеро-трансильванских кладов. Следовательно, происхождение перечисленных кладов необходимо рассматривать в рамках Опайского горизонта.

В свою очередь проблема продвижения носителей культуры Ноа в Северное Причерноморье, как мы думаем, тесно связана с расцветом круга гальштатских культур в Центральной Европе (этот период известен в зарубежной литературе как «период полей погребальных урн» — Urnenfelderperiode).

Круг форм бронзы D (BzD) Центральной Европы и фаза Пескиера в Северной Италии в известной степени определяют начало этого расцвета. Памятники культуры фракийского гальштата появляются на западных границах нашей территории. Это в первую очередь поселение и могильник в Молдавии у с. Шолданешты и памятники Кишиневского типа, где наряду с керамикой баночных форм, украшенной гладким или расчлененным валиком, появляются лощеные сосуды, покрытые каннелюрами и идентичные раннегальштатской керамике Румынской Молдовы. Причем, как отмечает А. И. Мелюкова, на поселениях Румынской Молдовы — Трушешть, Ларга Жижия и др.— слои с раннегальштатской посудой перекрывали «наслоения с явно выраженными зольниками с керамикой, близкой к посуде из Гиндешт» [93]. В свою очередь мы хотели бы указать на стратиграфию поселения Магала в Прикарпатье, где наблюдается такая же картина: комплекс культуры Ноа сменяется керамикой культуры фракийского гальштата с законченными формами сосудов типа вилланова [94]. Обращает на себя внимание и факт взаимовстречаемости в землянке 2 на поселении Магала керамики типа Ноа и раннегальштатской [95]. Следует отметить и находку на Островецком могильнике двух погребений, совершенных по обряду трупосожжения в урнах, а также появление в керамическом комплексе могильника сосудов серого лощения, орнаментированных вертикальными, горизонтальными, косыми или дугообразными каннелюрами [96]. Таким образом, создается впечатление, что племена культуры фракийского гальштата вытеснили носителей культуры Ноа

---

[91] *Е. Н. Черных.* Ук. докт. дис., стр. 765.

[92] *Е. Н. Черных.* Ук. автореф. докт. дис., стр. 29, табл. 5.

[93] *А. И. Мелюкова.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии, стр. 40 и рис. 16 на стр. 41.

[94] *Г. И. Смирнова.* Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье, рис. 7, I, II, III.

[95] Там же, стр. 21.

[96] *Э. А. Балагури.* История племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье. Автореф. канд. дис. Киев, 1964, стр. 8, 9.

в район Северного Причерноморья. Следовательно, с наступлением гальштатского времени в Северном Причерноморье нужно связывать и появление на этой территории ноических кладов.

Проникновение носителей культуры фракийского гальштата в северопричерноморские степи проясняет симбиозный характер белозерских памятников, в керамическом комплексе которых присутствует большая доля лощеных сосудов, напоминающих гальштатские (Широчанский могильник, поселение у с. Бабино [97], Первомаевка, кург. 2, погр. 5 [98], курганное погребение у с. Каланчак [99]). Понятным становится и появление на территории Северного Причерноморья италийских фибул и биметаллических кинжалов (Широчанский и Лукьяновский могильники) [100].

Гипотеза о вытеснении племенами культуры фракийского гальштата носителей культуры Ноа из районов Припрутской Молдовы в область Северного Причерноморья, безусловно, требует тщательной проверки. Необходимо привлечение обширного материала круга гальштатских культур Западной Европы и сопоставление его с комплексом лощеной посуды позднебронзовых культур Северного Причерноморья.

L. A. Novikova

LES RAPPORTS AVEC L'OCCIDENT D'UNE AIRE DE PRODUCTION D'OBJETS METALLIQUES SUR LE LITTORAL NORD DE LA MER NOIRE (FIN DE L'AGE DU BRONZE)

Résumé

Cet article est consacré au problème de l'attribution culturelle des dépots de la fin de l'Age du Bronze sur le littoral nord de la mer Noire. L'auteur étudie ceux qui ont été trouvés depuis le littoral nord de la mer Noire jusqu'en Europe Centrale. Un ensemble d'objets de métal, caractéristique pour les dépots de cette région, ne s'observe que dans ceux d'Ukraine carpatique (Derjev), de Moldavie (Lossovski, Khristitch) et de Moldovie roumaine (phase Ulmi-Liteni, selon M. Petrescu-Dymbovitse). Ces observations ont permis à l'auteur de conclure que ces dépots appartiennent à une culture unique. Les plus proches analogies avec l'ensemble de ces objets de métal, appartenant aux dépots en question, ont été observées sur des monuments de la culture Noa, répandus dans la région située entre le Dniestr et la rivière Siret. L'auteur met au nombre des monuments de la culture Noa les dépots datant de la fin de l'Age du Bronze de Moldovie roumaine (phase Ulmi-Liteni) et ceux qui s'en rapprochent, trouvés en Moldavie, dans la région des Carpates, et sur le littoral nord de la mer Noire (Krasnii Maiak, Betsilovo, Solonets, Antonovka (dit Ingoulsky), Novo Troiani — fig. 1, XXIX — XXXII — ainsi que le dépot de Raigorod — fig. 1, XXXVIII). L'appartenance de plusieurs dépots du littoral nord de la mer Noire à la culture Noa ne laisse aucun doute sur le fait que les porteurs de cette culture sont venus des régions moldoviennes du Prout dans celles du littoral nord de la mer Noire. De même que A. Florescu, l'auteur estime qu'il est juste d'inclure le littoral nord-ouest de la mer Noire dans l'aire des monuments de la culture Noa.

Ainsi, les monuments du type de Sabatinovka, portant des traits Noa, et plusieurs dépots du littoral nord de la mer Noire, marquent les étapes de la poussée des porteurs de la culture Noa sur ce littoral. L'ampleur de ce mouvement est illustrée par le dépot de Sosnovaia Maza (fig. I, XXXIX) (environs de la ville de Khvalynsk, région de Saratov) qui, par les types d'objets, est étroitement lié aux ensembles indiscutablement Noa du littoral nord de la mer Noire.

[97] *В. А. Ильинская.* Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино. КСИА АН УССР, V, 1955, табл. 1, *1*.

[98] *В. А. Іллінська, Т. Т. Ковпаненко, Е. О. Петровська.* Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомаївки. АП, IX, 1960, табл. II, *1*.

[99] *А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.* Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э. Симферополь, 1969, рис. 16, *3*.

[100] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, рис. 70, *2*, *9*.

La poussée des porteurs de la culture Noa, comme le suppose l'auteur, est liée à l'épanouissement de l'ensemble des cultures hallstattiennes de Thrace, dont le début est marqué dans une certaine mesure par les monuments (champs de sépultures et dépots) de la période BzD (d'après H. Müller-Karpe). L'ensemble des caractères des objets métalliques, typique pour le niveau D de l'Age du Bronze, se répète dans plusieurs dépots hungaro — transylvains (niveau Opalyi, d'après A. Mozsolics), ce qui ne permet pas d'isoler chronologiquement les dépots d'Opalyi de l'ensemble des formes BzD; en outre, on peut parler de l'introduction d'éléments liés à la période BzD dans les dépots hungaro — transylvains. Les monuments du hallstattien de Thrace existent sur les frontières occidentales de notre pays (établissement de Kichinev, et autres). La céramique hallstattienne recueillie dans les monuments Noa (établissement découvert près du village de Magala, champ de sépultures d'Ostrovetz, dans les Carpates) confirme l'hypothèse selon laquelle les porteurs de la culture Noa ont été supplantés par des tribus hallstattiennes de Thrace. C'est à l'apparition de la période hallstattienne sur le littoral nord de la mer Noire qu'il faut rapporter aussi l'enfouissement des dépots Noa sur ce territoire.

Б. Б. АГЕЕВ

К ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКА ЧЕГАНДА II

Хронология пьяноборской культуры наиболее подробно разработана В. Ф. Генингом. Предшествующие исследователи обосновывали ее на небольшом материале из дореволюционных раскопок, не всегда хорошо документированных [1]. Хронология В. Ф. Генинга базируется в первую очередь на сплошном исследовании могильника Чеганда II в Удмуртской АССР, где в течение 1954—1956 гг. вскрыто 220 погребений. Выводы по указанному памятнику были проверены им на материале могильника Ныргында II [2]. Отметим, что в последних своих работах В. Ф. Генинг относит Чеганда II и Ныргында II к выделенной им чегандинской культуре.

Для В. Ф. Генинга исходной была типология эполетообразных застежек, сделанная им на обширном материале (47 экз.), основная часть которого происходит из хорошо документированных могильников Чеганда II и Ныргында II (26 экз.), что повышает ценность его выводов. Оказалось, что в Чеганде II типологически более ранние эполетообразные застежки с одним жгутом найдены в восточной части могильника, а сложной формы — в западной. По распределению отдельных вариантов эполетообразных застежек В. Ф. Генинг разделил всю территорию могильника на четыре участка, вещевые комплексы которых были внесены в корреляционную таблицу [3]. Подробная корреляция инвентаря позволила В. Ф. Генингу выделить четыре стадии (А — Г) в развитии пьяноборских памятников и по внешним аналогиям определить их дату в пределах III в. до н. э.— II в. н. э. Однако такая периодизация памятника и культуры в целом встретила возражения со стороны ряда археологов [4]. Разработка хронологии пьяноборской культуры очень важна для правильной датировки многих памятников Прикамья, поэтому после достаточно полной публикации материалов необходимо еще раз вернуться к спору о хронологии могильника Чеганда II.

Основой работы В. Ф. Генинга является корреляционная таблица. Вещи в ней сгруппированы по категориям и внутри категорий по их принадлежностям к стадиям [5]. Следовательно, таблица В. Ф. Генинга в целом подтверждает выделение стадий А — Г, а ведущиеся вокруг нее споры частично связаны с недостаточно наглядной формой опубликованного варианта таблицы. Внимательный анализ деталей таблицы показывает, что внутри каждой категории вещи не одновременны и могут быть отнесены к

---

[1] *М. Г. Худяков.* Ныргындинские I и II могильники. Материалы ГАИМК, 2, Л., 1933, стр. 16; *А. П. Смирнов.* Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 22; *его же.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 70.

[2] *В. Ф. Генинг.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. ВАУ, 10, Свердловск, 1970, стр. 31—33, 88—93.

[3] Там же, 31, 32, табл. 4.

[4] *Н. А. Мажитов.* Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 53; *Н. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк.* Камышлы-Тамакский могильник. АЭБ, 3, Уфа, 1968, стр. 52.

[5] *В. Ф. Генинг.* Ук. соч., стр. 32, табл. 11.

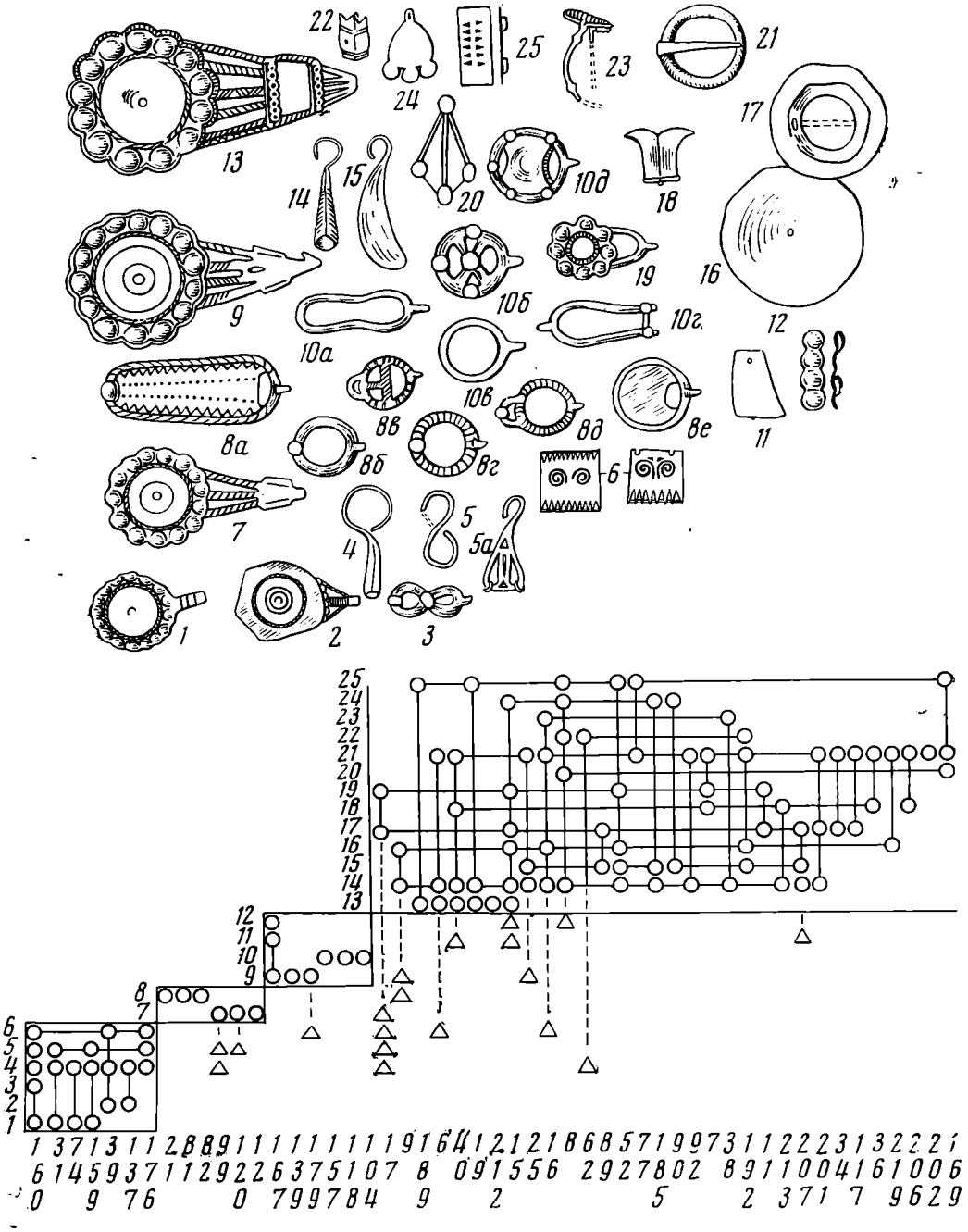


Рис. 1. Корреляция погребальных комплексов могильника Чеганда II

разным стадиям. Так, например, для стадии В характерными оказались эполетообразные застежки с четырьмя и пятью жгутами, хотя большинство последних и основная часть вещей комплексов, в которых они встречены, отнесены к стадии Г.

Чтобы деление их сделать нагляднее, все вещи были сгруппированы мною по стадиям (рис. 1). Хорошо видно, что набор их для каждой стадии занимает на корреляционной таблице свое место. Однако перестройка корреляционной таблицы неизбежно привела к изменению некоторых деталей, прежде всего из нее надо убрать ряд предметов, встречающихся во всех четырех стадиях (спиральновитые височные подвески, бляшки выпуклые с перекладиной, гривны спиральновитые). Затем некоторые могилы (179, 167, 89, 92, 13, 52 и т. д.) следует переместить в другую стадию

и ввести такие важные признаки, как железные пряжки с подвижным язычком, сюльгамы, фибулы. От этого составленная В. Ф. Генингом корреляция будет еще убедительнее. Корреляция дает лишь общее направление развития могильника, при этом намеченную ею картину сильно затемняет обилие вещей, просуществовавших два или три периода (в том числе нередко простое «запаздывание», т. е. передача следующему поколению более ранних вещей).

Наиболее полное представление о стадиях могильника Чеганда II может дать метод картографирования, довольно широко известный в археологии [6]. В отличие от В. Ф. Генинга, который определял границы стадий путем выделения на общем плане памятника только основных датированных погребений, соединив их прямыми линиями [7], в данной работе произведено картографирование всех широко распространенных предметов: височных подвесок, эполетообразных застежек, бронзовых и железных пряжек, фибул, бус из египетского фаянса. Это позволило уточнить рост могильника по отдельным хронологическим этапам. Для проверки закономерностей в расположении могил были картографированы мужские, женские и детские погребения.

Височные подвески встречены в 43 погребениях и представлены шестью типами: спиральновитые, петельные, листовидные, восьмеркообразные, с литой и гофрированной трубицей [8]. Последние три могут быть разделены на ряд подтипов. Картографирование височных подвесок дает возможность выделить несколько участков их локализации: в восточной части могильника группируются несколько находок подвесок петельных и с литой трубицей, в центральной — восьмеркообразные и с литой трубицей, в западной — листовидные и с гофрированной трубицей (рис. 2, *а*). В восточной части могильника височные подвески петельные, восьмеркообразные и с литой трубицей встречаются в большинстве погребений вместе, в западной—то же относится к листовидным и с гофрированной трубицей. Судя по данным размещения этого распространенного вида женского украшения, выделяются две большие группы погребений с определенным набором височных подвесок. Исключение составляют погр. 78 и 89; первое, в котором найдена височная подвеска с литой трубицей, расположено в группе могил с подвесками с гофрированной трубицей; во втором с восьмеркообразной подвеской встречена листовидная.

Для установления хронологических стадий могильника большое значение имеют пряжки и сюльгамы. Бронзовые пряжки с крючком (всех типов), найденные в 19 погребениях, локализуются вдоль разрушенной и центральной частей могильника (рис. 2, *б*). Все погребения с железными пряжками с подвижным язычком и сюльгамами находятся в западной части могильника. В этой же зоне, но у края разрушенной части располагается большинство бронзовых пряжек в виде бляшки с припаянной дужкой (рис. 2, *б*). Таким образом, картографирование бронзовых пряжек с крючком и железных с подвижным язычком также позволяет разделить весь могильник на две зоны.

На могильнике Чеганда II найдено 20 экз. эполетообразных застежек различных форм [9]. Простейшие из них, в основе которых лежит умбоновидная бляха с припаянным к ней стержнем, найдены в погр. 31 и 74. К этой же группе примыкают эполетообразные застежки с одним стержнем и

---

[6] *J. Zeman.* Severni Morava v mladši době vimske. Praga, 1962; *E. Schuldt.* Pritzier. Berlin, 1955, стр. 14; *А. К. Амброз.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв. Автореф. докт. дис. М., 1974, стр. 29, 30, 36.

[7] *В. Ф. Генинг.* Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, 4, Свердловск, 1962, стр. 14.

[8] В работе принята типология В. Ф. Генинга, которая сделана полно и достаточно детализированно.

[9] *В. Ф. Генинг.* История населения..., табл. XII—XIV. Подробное описание эполетообразных застежек дано на стр. 33—40.

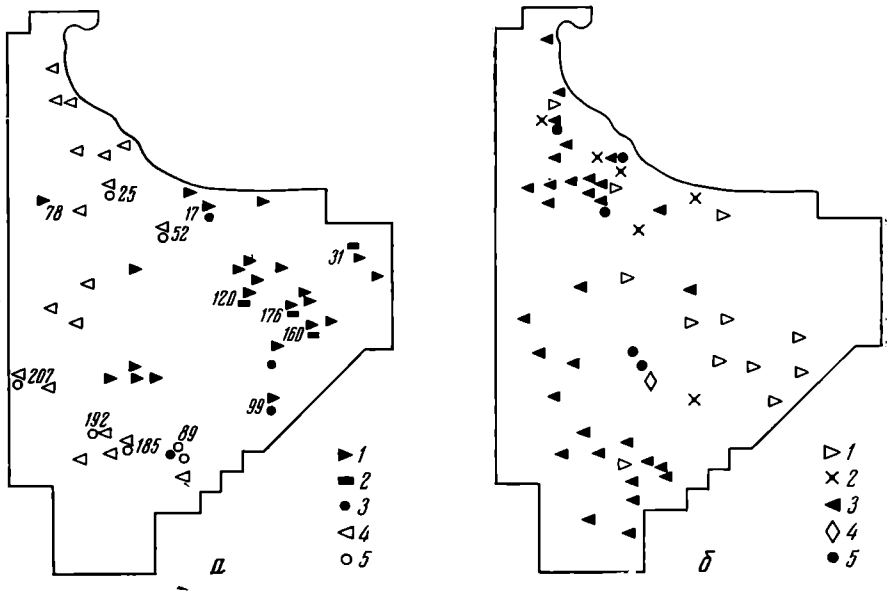


Рис. 2. *а* — Распределение на территории могильника основных типов височных подвесок: *1* — с литой трубицей, *2* — петельные, *3* — восьмеркообразные ; *4* — с гофрированной трубицей, *5* — листовидные; *б* — распределение основных типов пряжек: *1* — бронзовые с крючком, *2* — бронзовые с умбоновидной бляшкой и припаянной дужкой, *3* — железные с подвижным язычком, *4* — бронзовые с подвижным язычком, *5* — сюльгамы

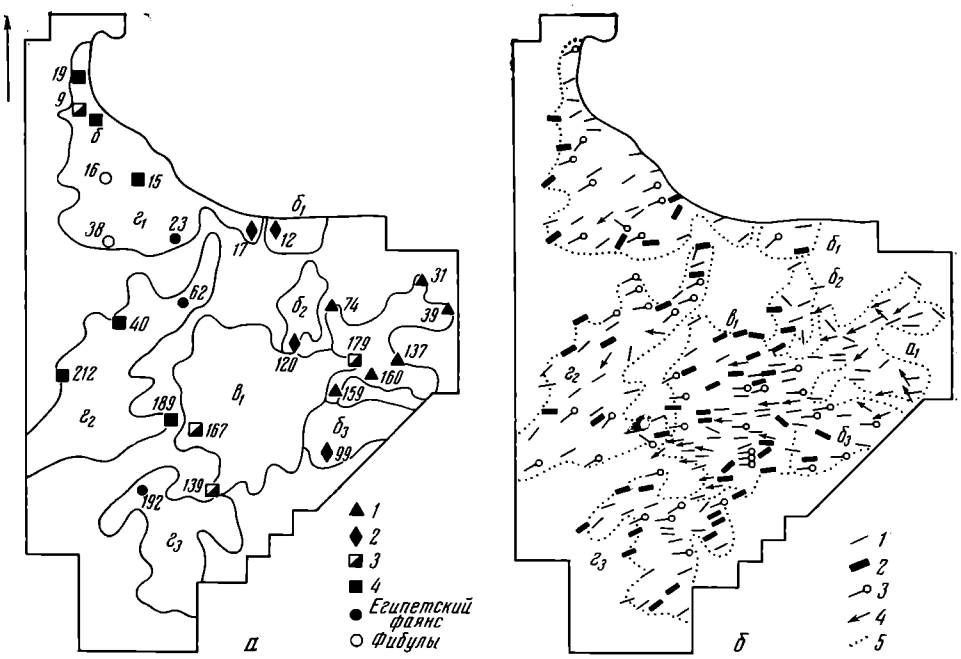


Рис. 3. *а* — Распределение на территории могильника эполетообразных застежек: *1* — с одним жгутом, *2* — с тремя жгутами, *3* — с четырьмя жгутами, *4* — с пятью и более жгутами, *5* — границы групп; *б* — распределение на территории могильника детских и взрослых погребений: *1* — женские, *2* — детские, *3* — мужские, *4* — неопределенные, *5* — границы групп

двумя тонкими соединительными шнурами. Хронологически, видимо, близки к ним застежки из погребений 159 и 160; первая представляет собой подтреугольную пластину со стержнем, у второй — задняя бляха оформлена в виде свернувшегося зверя. Все описанные выше эполетообразные застежки на общем плане могильника группируются в его восточной части (рис. 3, *а*).

Картографирование эполетообразных застежек с тремя жгутами показало, что они располагаются в трех точках могильника. Для удобства они обозначены буквами $б_1$, $б_2$, $б_3$ (рис. 3, *а*).

В центральной части могильника на сравнительно большом удалении друг от друга размещаются погребения с четырехжгутовыми застежками. К ним относятся погр. 179, 167, 139, 9. Особо следует отметить мог. 179, которая как бы прерывает цепь эполетообразных застежек с тремя жгутами и непосредственно примыкает к группе погребений с одножгутовыми застежками. Находка застежки этого типа в погр. 9, расположенной в периферийной части могильника, объясняется запаздыванием вещи, которая, видимо, длительное время была в употреблении. Инвентарь данной могилы, состоящий из височных подвесок с гофрированной трубицей и с припаянным кольцом, большой серебряной бляхи диаметром 11 *см*, бронзовых цельнолитых с выпуклым ободком пряжек не находит аналогий в вещах тех погребений, в которых найдены остальные четырехжгутовые эполетообразные застежки.

Застежки с пятью и более жгутами сосредоточены в западной части могильника (рис. 3, *а*). Среди них особняком стоит эполетообразная застежка с овальной задней бляхой из погр. 15, которая, по мнению, В. Ф. Генинга, является самой поздней в типологическом отношении [10].

Исходя из данных распространения эполетообразных застежек, территорию могильника можно разделить на четыре участка:

1) группа погребений, в которых найдены застежки с одним жгутом и застежки с одним жгутом и двумя соединительными шнурами; 2) с тремя жгутами; 3) с четырьмя жгутами; 4) с пятью и более жгутами.

Таким образом, височные подвески и пряжки позволили установить на площади могильника два больших участка, а эполетообразные застежки подтвердили и детализировали это деление.

При работе с общим планом могильника выяснилось, что вся его территория разделена не заполненными могилами интервалами на участки примерно одинаковой величины. Определение их границ позволило установить, что в ряде случаев расстояние между ними доходит до 9 *м*. Можно предполагать, что существование свободных пространств на могильнике, площадь которого ограничена мысом, вряд ли случайно. Для проверки было произведено картографирование мужских, женских, детских погребений. К сожалению, у 15% (34 погр.) погребенных пол не определен, а погребальный инвентарь отсутствует, что создает ряд трудностей в использовании этих данных. Так, например, к группе $а_1$ по таблице, приведенной В. Ф. Генингом, относятся 12 женских и 10 неопределенных по атропологическому материалу и инвентарю погребений, которые с большой долей вероятности можно отнести к мужским. В пользу этого соображения как будто свидетельствует глубина могильных ям, в ряде случаев она доходит до 70 *см*, что для Чеганда II довольно значительно. В группе $в_1$ 13 мужских, 28 женских, 20 детских, 15 неопределенных (всего 74 погр.); в группе $г_2$ соответственно 12, 15, 8, 2 (всего 37 погр.); в группе $г_3$ — 5, 12, 11, 1 (всего 29 погр.); в группе $б_2$ — 4, 3, 2 (всего 9 погр.). Остальные группы ($г_1$, $б_1$) погребений разрушены береговой террасой, группа $б_3$ исследована, видимо, неполностью. Интересная картина наблюдается в расположении детских и подростковых могил, за исключением участка $а_1$, где они вообще отсутствуют. Группы $б_1$, $б_2$, $б_3$ представлены небольшим количе-

[10] *В. Ф. Генинг.* История населения..., стр. 34, 35.

ством могил: в первой детское захоронение находится на периферии участка, в двух последних они создают подобие ряда с западной стороны. На участках $г_1$, $г_2$, $г_3$ детские и подростковые захоронения совершены вокруг погребений взрослых, как бы ограничивая территорию групп. Основную массу погребений участка $в_1$ опоясывают с трех сторон детские могилы, прерывистая цепь их делит эту группу на две части (рис. 3, *б*).

При детальном анализе оказалось, что зоны, выделяемые эполетообразными застежками, точно соответствуют расположениям указанных групп. Так, все одножгутовые застежки находятся на участке $а_1$; трехжгутовые — на участках $б_1$, $б_2$, $б_3$; с четырьмя жгутами, за исключением одной из погр. 9, сосредоточены в группе $в_1$. Эполетообразные застежки с пятью и более жгутами локализуются на периферийной части могильника в группах $г_1$, $г_2$, $г_3$ (рис. 3, *а*). Большинство погребений с бронзовыми пряжками различных типов с неподвижным язычком располагаются на участках $б_1$, $б_2$, $б_3$, $в_1$. Исключение составляют две могилы в группе $г_1$ и по одной могиле в участках $г_2$, $г_3$. Застежки с умбоновидной бляшкой и припаянной дужкой локализуются в группе погребений $г_1$ и по одной на участках $г_1$, $в_1$. Все железные пряжки с подвижным язычком, за исключением трех могил, в которых они встречены на участке $в_1$, распределяются в погребениях групп $г_1$, $г_2$, $г_3$. Височные подвески с гофрированной трубицей и листовидные в отличие от подвесок с литой трубицей, которых нет только в группе погребений $г_3$, отчетливо локализуются на участках $г_1$, $г_2$, $г_3$.

На могильнике в нескольких захоронениях встречен ряд хорошо датирующихся предметов, что очень важно для определения хронологии. К ним относятся фибулы из погр. 16, 38 и бусы из египетского фаянса, найденные в могилах 23 (фигурки львов), 62 (фигурка скарабея), 192 (в форме алтарика). Все перечисленные погребения располагаются на участках $г_1$, $г_2$, $г_3$ (рис. 3, *а*).

Как видно, для четырех участков или соответственно групп погребений, выделяемых по эполетообразным застежкам, характерны определенные типы височных подвесок, бронзовых пряжек с крючком, железных пряжек и т. д., что подтверждает и дополняет выводы, полученные из корреляционной таблицы о четырех хронологических стадиях могильника Чеганда II, обозначенных буквами А, Б, В, Г.

Для стадии А характерны эполетообразные застежки с одним жгутом и умбоновидной (рис. 1, *1*) или подтреугольной бляхой, с одним жгутом и двумя соединительными шнурами (рис. 1, *2*); височные подвески петельные (рис. 1, *5а*) и с литой трубицей; ажурно-нашивные накладки (рис. 1, *б*), бронзовые восьмеркообразные пряжки с крючком (рис. 1, *3*). К стадии Б отнесены погребения с трехжгутовыми эполетообразными застежками (рис. 1, *7*). Получают распространение бронзовые кольцевые пряжки с неподвижным крючком (рис. 1, *8 б*, *г*), кольцевые с петелькой (рис. 1, *8 г*, *д*) и пластинчатые двух типов: круглые и овальные цельнолитые с выпуклым ободком (рис. 1, *8 а*, *е*). Продолжают бытовать височные подвески с литой трубицей и петельные.

Стадия В представлена четырехжгутовыми эполетообразными застежками (рис. 1, *9*) бронзовыми, кольцевыми пряжками с усложненными деталями — перекрестиями и с большим числом «пуговок» (рис. 1, *10 б*, *д*). Встречаются железные и бронзовые рамчатоовальные пряжки с крючком (рис. 1, *10 в*), височные подвески с литой трубицей, ажурно-нашивные накладки. Наиболее богато представлена стадия Г, для которой характерны эполетообразные застежки с пятью и более жгутами (рис. 1, *13*), височные подвески листовидные и с гофрированной трубицей (рис. 1, *14*, *15*), крупные вогнутые и плоские бляхи из белой бронзы (рис. 1, *16*) бляхи с игольчатой застежкой в центре (рис. 1, *17*), лапчатые и сапожковые подвески (рис. 1, *18—20*), прямоугольные поясные накладки (рис. 1, *25*), шейные подвески (рис. 1, *24*), железные пряжки с подвижным язычком, бронзовые

пряжки с умбоновидной бляшкой и припаянной дужкой (рис. 1, *21*). «Запаздыванием» вещи объясняются находки на этой стадии немногих бронзовых пряжек с неподвижным крючком и височных подвесок с литой трубицей.

На протяжении стадий А — Г бытуют ажурно-нашивные накладки, они найдены в 10 погребениях. К сожалению, ни по орнаментации, ни по технологии хронологически их расчленить не удается, поэтому они внесены в корреляционную таблицу как один тип украшений. Перечень предметов, бытующих на всех стадиях могильника, дан В. Ф. Генингом. Проведенное исследование подтвердило точку зрения В. Ф. Генинга о четырех хронологических стадиях могильника Чеганда и позволило более обоснованно выделить набор вещей, характерных для них, установить наличие на территории могильника групп погребений, отделенных друг от друга свободными пространствами.

Наиболее ранняя стадия была датирована В. Ф. Генингом III — началом II в. до н. э. Обоснованием для этого послужила находка в погр. 39 вместе с эполетообразной застежкой с одним жгутом и двумя соединительными шнурами (рис. 1, *2*) спиральновитой медной гривны. Аналогичная гривна в погр. 26 могильника Ныргында II сопровождалась восьмеркообразной пряжкой с крючком, близкой по форме застежке из могилы 160. На раннюю дату, возможно, указывают восьмеркообразная височная подвеска ананьинского облика из могилы 159 и формы эполетообразных застежек из погр. 31 и 79, близкие застежке из Уфимского могильника, датируемого А. В. Збруевой концом ананьинской культуры [11]. Однако распространение спиральновитых гривен и восьмеркообразных височных подвесок не ограничено только ранней эпохой. Так, например, спиральновитая гривна встречена в погр. 17 и 192; в первом она сопровождалась бронзовой пряжкой с умбоновидной бляшкой и с припаянной дужкой (рис. 1, *19*) и эполетообразной застежкой с тремя жгутами, во втором — бусами из египетского фаянса в форме алтарика, которые не могут быть датированы столь ранним временем. Кольцевые и восьмеркообразные височные подвески ананьинского облика из погр. 17 и 99 встречены вместе с трехжгутовыми эполетообразными застежками, которые отнесены В. Ф. Генингом к следующей стадии Б (конец II—I в. до н. э.) [12]. В погр. 89, расположенном на периферии могильника, указанный тип подвесок (рис. 2, *а*) встречен с листовидными. Бронзовая восьмеркообразная пряжка из погр. 160 находит аналогии в сарматских памятниках и датирована В. Ф. Генингом III—II вв. до н. э. М. Г. Мошкова относит появление восьмеркообразных пряжек в прохоровских памятниках к рубежу IV—III вв. до н. э., основная их масса отнесена ею к III—II вв. до н. э. [13] Чегандинская восьмеркообразная застежка изготовлена из проволочного кольца и отличается от сарматских, доходящих до 6 *см*, малыми размерами — 2,5 *см* длиной и была датирована М. Г. Мошковой II—I вв. до н. э. [14] Более точную дату, видимо, могут дать бусы. В настоящее время Е. М. Алексеевой хорошо разработана хронология бус Причерноморья, одного из центров, откуда они могли поступать в Прикамье. Так, по ее классификации, стеклянная позолоченная бусина [15] из погр. 39 может быть датирована концом II в. до н. э. [16]

Стадию Б датируют бронзовые кольцевые пряжки из погр. 21, одна из которых близка сарматским (рис. 1, *8*, *б*). Аналогичная круглая в сече-

---

[11] *В. Ф. Генинг.* История населения..., стр. 34.

[12] Там же, стр. 91.

[13] *М. Г. Мошкова.* Раннесарматские бронзовые пряжки. МИА, 78, 1960 стр. 297; *ее же.* Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1-10, 1963, стр. 40, табл. 25.

[14] *М. Г. Мошкова.* Раннесарматские бронзовые пряжки, стр. 301.

[15] В Ижевском краеведческом музее комплекс могилы 39 хранится под шифром 15 ЧМ II/1295—1338.

[16] Глубоко признателен Е. М. Алексеевой за консультацию.

нии пряжка, происходящая из кург. 7 Быковского I могильника, датирована К. Ф. Смирновым II—I вв. до н. э. [17] Близка к чегандинским застежкам этой стадии круглая бронзовая пряжка с перекладиной из кург. 1 Быкова II, датирующаяся на основе находки вместе с ней меча с кольцевидным навершием I в. до н. э.— I в. н. э. [18] М. Г. Мошкова в специальной работе по раннесарматским бронзовым пряжкам отмечает, что сама по себе кольцевая форма их наиболее характерна для погребений II—I вв. до н. э. [19] Учитывая дату ранней стадии А — конец II в. до н. э. и то, что в основе чегандинских кольцевых пряжек лежат сарматские образцы [20], представляется возможным датировать их и всю стадию Б I в. до н. э.

Стадия В представлена определенным набором бронзовых, железных пряжек с неподвижным язычком (рис. 1) и четырехжгутовыми эполетообразными застежками. Стадия эта выделяется и территориально, занимая промежуточное положение между стадиями Б и Г. Однако инвентарь в большинстве погребений отсутствует или маловыразителен. Кольцевая бронзовая пряжка с перекладинами и с большим количеством «пуговок» находит аналогии в комплексах Юлдашевского могильника (раскопки А. Х. Пшенчнюка), где она встречена с бусами I в. н. э. (тип 78, по Е. М. Алексеевой) [21].

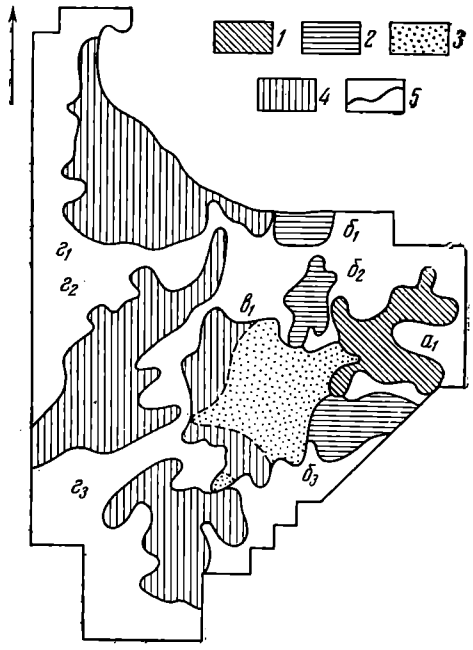


Рис. 4. Рост могильника по стадиям: *1* — стадия А; *2* — стадия Б; *3* — стадия В; *4* — стадия Г; *5* — границы групп

Поздняя стадия Г убедительно датирована В. Ф. Генингом II в. до н. э. Не противоречат этой дате железные пряжки с подвижным язычком, которые на рубеже и в первых веках нашей эры становятся почти единственной формой в сарматских памятниках [22], продолжая бытовать в II—IV вв. н. э. [23] В трех погребениях этой стадии найдены бусы из египетского фаянса (фигурки львов, скарабея, в форме алтарика). Бусы в форме алтарика из могилы 192 могут быть отнесены по классификации Е. М. Алексеевой к типу 93 и датируются I в н. э. [24] В могиле 192 они найдены вместе с бусами, изготовленными в форме длинных нерасчлененных цепей, которые бытовали на Боспоре в I—III вв. н. э., в Танаисе были характерными для III в. н. э. [25] Бусина в форме льва, помещенная на прямоугольной подставке, из погр. 23, датируется I—II вв. н. э. [26] (тип 68, вариант *б* по Е. М. Алексеевой). Фигурка скарабея из могилы 62 датируется I в. н. э., хотя заходит в I в. до н. э. и II в. н. э. [27] На близкую дату указыва-

---

[17] *К. Ф. Смирнов.* Быковские курганы. МИА, 78, 1960, стр. 193.
[18] Там же, стр. 226.
[19] *М. Г. Мошкова.* Раннесарматские бронзовые пряжки, стр. 297.
[20] Там же, стр. 307.
[21] *Е. М. Алексеева.* Классификация античных бус. Сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970, стр. 161.
[22] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, стр. 41.
[23] *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 508.
[24] *Е. М. Алексеева.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, Г1-12, 1975, стр. 48.
[25] *Е. М. Алексеева.* Классификация бус..., стр. 167.
[26] *Е. М. Алексеева.* Античные бусы..., стр. 44.
[27] Там же, стр. 42.

ют фибулы, найденные в погребениях. Из-за дефектности обеих фибул их трудно точно связать с узко датируемыми вариантами. Но все же они могут быть отнесены к концу I—II в. н. э. [28] Фибулы в этих могилах сопровождались железной пряжкой с подвижным язычком, серебряной нагрудной бляхой, височными подвесками с гофрированной трубицей и листовидными. Аналогичный инвентарь содержало и погр. 192, что позволяет датировать его II в. н. э.

Интересно проследить рост могильника по отдельным хронологическим стадиям. Первоначальный могильник как бы состоит из двух небольших частей, которые тянутся цепочкой почти параллельно друг другу. На периферии этой группы располагаются могилы, ориентированные на северо-запад, северо-восток, и погребения с эполетообразными застежками (рис. 3, *а*; 4). Постепенно могильник растет к северо-западу и юго-западу. Для стадии Б уже существует три участка $б_1$, $б_2$, $б_3$, на которых производились захоронения (рис. 4). Если группы $б_2$ и $б_3$ являются продолжениями северного и южного рядов некрополя «а», то появление на значительном удалении почти самостоятельного участка $б_1$ можно объяснить только его принадлежностью ко второму разрушенному рекой участку времени стадии А (рис. 4). Обращает на себя внимание и примерно равное количество погребений в группе $б_2$ и $б_3$ — по 11 могил в каждой, в уцелевшей не полностью части $б_1$ — пять.

На стадии В могильник разрастался к западу по двум направлениям, а именно с участков $б_2$ и $б_3$ от погребений с эполетообразными застежками (120, 99, 179) (рис. 3, *а*; 4). В этот хронологический период могильник представляет собой компактно расположенную группу погребений ($в_1$), ограниченную с востока погр. 179, непосредственно примыкающим к раннему участку $а_1$, а с запада — погр. 167 и 139 (рис. 3, *а*; 4). Во всех трех погребениях найдены эполетообразные застежки с четырьмя жгутами. Группу погребений в ограничивает с трех сторон двойной ряд детских могил. При детальном анализе выяснилось, что внутри первого круга детских могил располагаются более ранние погребения взрослых. Исходя из этого представляется, что первоначально детские захоронения располагались по краям могильника, и по мере его расширения появился второй ряд детских могил. Подтверждением этому может служить распространение бронзовых пряжек с крючком и железных с подвижным язычком, ареал которых довольно четко перерезается первым рядом детских могил.

На последней стадии — Г захоронения производились на трех отдельных участках $г_1$, $г_2$, $г_3$. Из них $г_2$ и $г_3$ являются продолжением $в_1$ и связаны с ней погребениями 189 и 139. Участок $г_1$, видимо, в какой-то мере связан с группой погребений $б_1$. Отсутствие здесь хронологического промежуточного участка В, вероятно, объясняется разрушением террасы рекой. Во всех трех малых участках $г_1$, $г_2$, $г_3$ детские могилы располагаются по краям.

До настоящего времени существование группы погребений, отделенных интервалами, со специфическим расположением детских могил на пьяноборских (чегандинских) могильниках, было неизвестно. Благодаря методу картографирования нам удалось выявить такие же группы на Юлдашевском и III Кушулевском могильниках. В отличие от Чеганда II группы на них одновременны и насчитывают большее число погребений, иногда свыше 100.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило выводы В. Ф. Генинга о четырех хронологических стадиях Чеганда II, позволило детально проследить рост могильника и датировать общее время его функционирования концом II в. до н. э.— II в. н. э. Отдельные стадии имеют следующую датировку: А — конец II в. до н. э., Б — I в. до н. э., В — I в н. э., Г — II в. н. э.

---

[28] *А. К. Амброз.* Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 40, 43, 44; табл. 5, *9*, *11*; 8, *6—8*.

B. B. Aghéiev

LA CHRONOLOGIE DU CHAMP DE SEPULTURES DE TCHEGAND II

Résumé

L'étude par la méthode cartographique a confirmé les conclusions de V. F. Ghéning sur les quatre stades du champ de sépultures de Tchégand II, et a permis de suivre son évolution d'après les stades chronologiques. A des intervalles déterminés, il s'est développé par secteurs isolés comprenant un nombre variable de tombes. Ces îlots sont séparés par des espaces sans tombes; les tombes d'enfants sont situées en bordure des secteurs. Des îlots semblables, dont l'existence était ignorée jusqu'à présent, ont été découverts par l'auteur dans plusieurs champs funéraires, datant approximativement du début de notre ère, situés dans la région de la Kama. D'après les apparences, les étapes de Tchégand II peuvent être rapportées: A — fin du IIe s. av. n.è.; Б — Ier s. av. n.è.,; B — Ier s. de n.è.; r — IIe s. de n.è.

Е. Е. КУЗЬМИНА

О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ЧЕРТОМЛЫЦКОЙ ВАЗЕ

Ваза, найденная в Чертомлыцком царском кургане, уже многократно привлекала внимание исследователей [1]. По мнению специалистов, эта серебряная амфора изготовлена в IV в. до н. э. греческими мастерами по скифскому заказу [2]. В верхней части амфоры находится фриз, изображающий терзание оленей грифонами. На плечиках сосуда — фриз, который обычно интерпретируют как сцену из скифского быта — поимку коней. Ниже все тулово вазы покрыто богатым узором: пары птиц в цветах перед пальметками. В придонной части три носика — слива: два трактованы в виде львиных головок, один — в виде головы крылатого коня.

Несут ли изображения чертомлыцкой вазы какую-либо смысловую нагрузку?

Семантика сюжета верхнего фриза достаточно ясна: это сцена терзания, весьма популярная в скифском искусстве [3]. Сюжет этот равно характерен для изобразительного творчества причерноморских скифов, среднеазиатских и сибирских саков и иранцев Ахеменидской империи. Он был заимствован ираноязычными народами из репертуара переднеазиатских мастеров. В передневосточном искусстве сцена терзания служила иллюстрацией астральных явлений [4]. Шумерские астрономы, составляя календарь, необходимый для организации земледельческих и ирригационных работ, разделяли годовой цикл по взаимоположению на небосклоне на широте Шумера некоторых звезд. Начало весенних земледельческих работ приходилось на 10 февраля, когда в последний раз было видно на небе созвездие

---

[1] *М. И. Артамонов.* Сокровища скифских курганов, Л.— Прага, 1966, стр. 47, 48, табл. 162—176; *Л. Стефани.* Описание некоторых вещей, найденных в 1863 г. в Южной России. ОАК за 1864 г., СПб., 1865, стр. 11—39, табл. I—III; Л. Стефани предположил, что на среднем фризе изображен рассказ Элиана (*Aelianus.* De animalium natura, IV, 7) о случке чистокровного жеребца скифского царя с кобылицей — матерью жеребца. Б. А. Литвинский (Кангюйско-сарматский фарн, Душанбе, 1968, стр. 29) интерпретировал крылатого коня на вазе как символ солнечного бога скифов, а Д. С. Раевский (Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства. Сб. «Искусство и археология Ирана», М. 1971, стр. 275) соотнес его с родоначальником скифов, Тагимасадом («Быстрый, светлый Йима»), а фриз с поимкой коней счел изображением ритуала в его честь.

[2] *Н. А. Онайко.* Античные импорты в Причерноморье и Побужье в IV—II вв. до н. э. САИ Д1—27. М., 1970, рис. 2, табл. XXVI—XXVII.

[3] *Е. Е. Кузьмина.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. Сб. «Скифский звериный стиль в искусстве Евразии». М., 1976.

[4] *W. Hartner, R. Ettinghausen.* The Conquering Lion, the Life Cycle of a Symbol. Oriens, 1964, v. 17, p. 161—170. Мениль дю Бюиссон трактует сцену борьбы льва и быка как изображение смены дневного зноя ночной прохладой, что неубедительно. (*Le Comte du Mesnil du Buisson.* Le Mythe oriental des deux géants du jour et de la nuit. Iranica Antiqua, VIII, 1968, p. 1—32). В греческом искусстве эта сцена распространилась из Малой Азии в архаическую эпоху и тоже трактовалась как изображение весны и смены фаз солнечного цикла (*M.-L. und H. Erlenmeyer.* Über griechische und altorientalische Tierkampfgruppen. Antike Kunst, 1958, Bd I; *J. Desneux.* Sur quelques représentations du «Lion à la proie» en glyptique et en numismatique antiques, Revue belge de numismatique et de sigillographie, t. CVI, 1960, p. 5—19).

Плеяд, называвшееся по-шумерски «Звезда Быка». В ту же ночь в зените было созвездие Льва с «Царской звездой». Этот-то важнейший для шумерских земледельцев момент и представляли в искусстве как победу Льва над Быком. Вместе с Плеядами на небе Месопотамии заходило созвездие Кассиопеи, называвшееся «Звездой Оленя». Поэтому сцена терзания оленя львом семантически тождественна борьбе льва с быком. Этот астральный сюжет был заимствован из шумерского искусства многими народами, в частности через посредство ассирийского и мидийского искусства [5] он попал в ахеменидский Иран. В Персии в ахеменидскую эпоху описанное взаиморасположение созвездий Льва и Плеяд приходилось уже не на 10 февраля, а на 28 марта, т. е. очень близко ко времени весеннего равноденствия, с которого в Иране начинался солярный Новый год — Ноуруз. Поэтому при Ахеменидах сражение Быка и Льва трактовалось как воплощение этого важнейшего календарного праздника.

В мифологии ираноязычных народов основой миропорядка была циклическая смена противоположных явлений в природе: дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти — диалектическая борьба и возрождение через уничтожение [6]. Характерна подмена микрокосмоса и макрокосмоса: акт космогонического творения и возрождения мира мог восприниматься как акт смерти и возрождения отдельного индивида.

Еще в Ассирии лев стал рассматриваться как символ победоносного царя. Эта концепция была воспринята Ахеменидами. Поэтому сцена терзания быка львом наряду с астрально-космогоническим приобрела политический смысл и стала служить символическим изображением царя в роли победоносного небесного бога или замещающего его в мифе легендарного героя (Кересаспы, Траэтаоны), несущего весну в день Ноуруза. При Ахеменидах Ноуруз — Новый год солярного календаря — праздник пробуждающегося весеннего плодородия природы — стал праздником династическим [7], когда со всех концов державы приходили представители, чтобы выразить почтение своему сюзерену и поднести торжественные дары. Эта-то сцена и служит сюжетом изображений в Ападане Персеполя [8], причем борьба быка и льва изображена здесь несколько раз [9], а в других случаях в роли победоносного борца, побеждающего чудовище, представлен сам царь в ахеменидской короне.

По мнению Э. Герцфельда, эта сцена трактовалась как геральдическая эмблема [10]. Дюшень-Гийемин справедливо полагает, что семантика сцены борьбы быка и льва многократно менялась на протяжении многотысячелетней жизни сюжета в разных ареалах. В помпезном репрезентативном ахеменидском искусстве она служила прежде всего прославлению мощи царя [11]. С изменением семантики сцены терзания конкретные астральные представления, породившие композицию в переднеазиатском искусстве, были забыты. На месте льва появились фантастические существа — грифоны. Образ грифона, семантически тождественный льву [12], возник в

[5] *W. Hartner.* The Earliest History of the Constellations in the Near East and the Motif of the Lion — Bull Combat. JNES, XXIV, 1—2, 1965.

[6] *H. Nyberg.* Questions de cosmogonie et de cosmologie mazdéenne. Journal Asiatique, t. CCXIX, 2, 1931, p. 242; *J. Duchesne-Guillemin.* La religion de l'Iran ancien Paris, 1962, p. 92, 120, 178, 179, 207, 308, 350.

[7] *G. Widengren.* The Sacral Kingship of Iran. «Regalitá Sacra», Leiden, 1959, p. 245—254; *P. Diba.* Nô — Rouz — le Nouvel an iranien, un mythe de l'éternel retour. «Actes de la XVII rencontre assyriologique internationale», Bruxelles, 1970, p. 93—96.

[8] *J. Deshayes.* Origine et signification des représentations symboliques à Persépolis. Majalla-e daneskade-e adabiyat va ulum-e insani, Tehran, 14e année, № 14, 1965.

[9] *E. Schmidt.* Persepolis, I, Chicago, 1953, p. 82, pl. 19, 60.

[10] *E. Herzfeld.* Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, p. 251, 252.

[11] *J. Duchesne-Guillemin.* A la recherche d'un art mazdéen. V International Congress of Iranian Art and Archaeology, Tehran, 1969, p. 268, 269.

[12] *R. Goldman.* The Development of the Lion — Griffin. AJA, 1960, v. 64, № 4; *Le comte du Mesnil du Buisson.* Le dieu-griffon à Palmyre et chez les Hittites. L'Ethnographie, 1963, p. 16—31. Мениль дю Бюиссон считает, что у хеттов и сирийцев грифон был воплощением божества ночных звезд.

творчестве переднеазиатских народов, по-видимому, под влиянием хеттов [13], от которых попал в Грецию [14], а также в Ассирию и оттуда в Мидию, ахеменидский Иран в евразийские степи. В скифском искусстве уже в архаическую эпоху грифоны представлены в обоих вариантах — и с орлиной и с львиной головой. Классический тип грифона в Скифии был создан в V—IV вв. до н. э. [15] Тогда же грифоны стали популярны в искусстве саков [16]. В сценах терзания в сако-скифском искусстве в роли существ, терзающих быка или оленя, фигурируют львы, грифоны и орлы. Семантически все три варианта композиции тождественны, что подтверждается лексикой иранских языков: орел и грифон называются одним словом — saēna [17].

Таким образом, в свете данных мифологии сцена терзания [18], представленная на верхнем фризе чертомлыцкой вазы, может трактоваться как изображение дня весеннего равноденствия, циклической смены явлений природы, космогонического акта творения и возрождения через уничтожение, при этом композиция могла восприниматься как акт смерти и возрождения отдельного индивида. Возможно, что, как у Ахеменидов, в Скифии существовал социальный аспект этой сцены: она могла интерпретироваться как победа царя — земного воплощения бога или легендарного героя.

В нижней части чертомлыцкой вазы находится два слива в виде львиных головок. Как уже говорилось, в представлении ираноязычных народов лев был символом солнца и вместе с тем царя.

В нижнем фризе чертомлыцкой вазы представлены пары противостоящих птиц перед пальметками. Это выполненное в античной манере изображение общечеловеческого сюжета двух птиц у мирового дерева одинаково знакомо и скифам и грекам. Миф о священном дереве — источнике жизни известен в мифологии древневосточных народов [19] и нашел отраже-

---

[13] *E. Herzfield.* Die Kunst des zweiten Jahrtausends in Vorderasien. AMJ, Bd VIII, Hft, 3, 1937; Bd IX, 1938; *G. Leibovitch.* Le Griffon dans de moyen Orient antique. Antiq$\hat{o}$t, I, 1955, p. 75 f.

[14] *А. Ф. Лосев.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957; *H. Frankfort.* Notes on the Creten Griffin BSA, v. 37, 1936—1937; *U. Jantzen.* Griechische Griffenkessel. Berlin, 1955; *M.-L. und H. Erlenmeyer.* Über griechische und altorientalische Tierkampfgruppen. Antike Kunst, № 1, 2, 1958.

[15] *Н. Н. Погребова.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 62—67.

[16] *Г. А. Пугаченкова.* Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии, СА, 1959, 2, стр. 70—74; *М. П. Грязнов.* Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тыс. до н. э., Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 138—142; *Б. А. Литвинский.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972; *S. Rudenko.* The Mythological Eagle, the Gryphon, the Winged Lion and the Wolf in the Art of Northern Nomade. Artibus Asiae, v. XXI, 2, 1958; *A. Bisi.* Le griphone nell'arte dell antico Iran e dei popoli delle Steppe. Revista degli Studii Orientali, 1964, t. 39, fasc. 1.

[17] *E. Benveniste.* Les noms de l'oiseau en iranien. Paideuma, 1960, v. VII, 4/6, p. 196. Об образе фантастической птицы сенмурва см. *Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский.* От Скифии до Индии. М., 1974, стр. 93—98.

[18] Сцена терзания представлена на пластине из Александрополя, на зеркале и чаше из Келермеса, на пластине и перстне Семибратних курганов, на ножнах меча, горите и фиале Солохи, мече, зеркале, сосудах и браслетах Куль-обы, ритоне Карагодеуашха (*М. И. Артамонов.* Ук. соч., рис. 131, табл. 29, 31, 41, 116, 118, 120, 122, 132, 145, 157, 160, 208, 213, 236, 241, 242, 317) и несколько раз воспроизведена на предметах Чертомлыцкого кургана: на бляшках из северо-восточной камеры (*М. И. Артамонов.* Ук. соч., рис. 105), на ножнах меча из могилы царя (там же, табл. 183). Сюжет борьбы, но в иной трактовке, передают и чертомлыцкие бляхи с изображением скифа, борющегося с грифоном, и Геракла, удушающего льва, которые уже были объяснены Б. Н. Граковым как образ царя в роли легендарного героя Таргитая. (*Б. Н. Граков.* Скифский Геракл, КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 12—17). Эта трактовка сюжета подтверждается материалами Ирана, где в образах героя, сражающегося со львом или чудовищем, видят изображение царя (*J. Duchesne-Guillemin.* La religion, p. 164).

[19] *E. Dhorme, R. Dussaud.* Les religions de Babylonie et d'Assyrie. Paris, 1945; *E. Speiser.* Accadian Myths and Epics. Princeton, 1955; *S. Kramer.* Mythology of Sumer and Akkad. New York, 1961.

ние в их изобразительном творчестве [20]. В религии всех индоевропейцев также было представление о дереве жизни и птицах на нем [21].

В Ригведе (V, 78) мировое дерево сопоставляется с рожающей женщиной, а из текста X, 114, 3 следует, что мировое дерево — опора солнца — служит воплощением женщины — богини-матери [22]. В ведическом гимне I, 164, 20, 22 говорится о двух птицах на мировом дереве. Эти данные позволяют заключить, что представленные на чертомлыцкой вазе пары птиц у пальметки изображают древо жизни, которое у всех народов Старого Света, в том числе индоиранцев, было символом богини-матери, плодородия и вечности жизни [23].

На чертомлыцкой вазе под одной из пальметок помещена голова коня с распростертыми крыльями. Этот образ был также одинаково близок мифологии и греков и скифов.

В религии индоиранцев было распространено уподобление коня и птицы. В Ригведе движение по небу запряженной конями колесницы солнца многократно сравнивается с полетом птиц (например, IX, 71, 9; IX, 97, 33; ;X, 30, 2; X, 55, 6). Кони-птицы ассоциируются с богами Сурьей, Индрой, Агни и близнецами Ашвинами [24].

Представление о крылатых конях было и в мифологии ираноязычных народов: в Бактрии и Фергане были популярны легенды о небесных конях. Царские кони считались рожденными от небесных коней [25]. У таджиков до сих пор есть поверье, что лошади по ночам распускают крылья [26]. В нартовских сказаниях осетин тоже фигурируют кони, летящие как птицы. Эти кони — спутники и помощники эпических героев [27].

В религии индоиранских народов коню принадлежало очень видное место. Он был инкарнацией, атрибутом и жертвенным животным бога-солнца, а также спутником богини-матери и многих других богов и божественных героев, в частности бога огня Агни [28]. Крылатый конь Агни служит посредником между небом и землей, он переносит жертвоприношения лю-

---

[20] *N. Perrot.* Les représentation de l'arbre sacré sur les monuments de Mésopotamie et d'Elam. Paris, 1937; *E. Douglas van Buren.* Symbols of the Gods in Mesopotamian Art. AnOr, t. 23, Roma, 1945; *A. Wensinck.* Tree and Bird as Cosmological Symbols in Western Asia. Verhandlungen der Koninklijke Akademie von Wetenschappen Afdaling Letterkunde, v. 22, 1, Amsterdam, 1961, S. 1—35.

[21] *В. Н. Топоров.* Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросом о семиотике космологических противопоставлений. ТЗС, II, Тарту, 1965; *его же.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева. Там же, V, 1971; *В. В. Иванов.* Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики. Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, XXVII, 3, 1968; *В. В. Иванов.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva — «конь» (жертвоприношение коня и дерево aśvattha в древней Индии). Сб. «Проблемы истории языков и культуры народов Индии». М., 1974; *G. Lehber.* The Tree of Life in Indo-European and Islamic Cultures. Ars Islamica, IV, 1937.

[22] *O. Viennot.* Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954, p. 26, 36, 104—109; *P. Thieme.* Das Rätsel vom Baum. Untersuchungen zur Workunde und Auslegung des Rigveda, Halle, 1949, S. 60, 61; 72, 73; *J. Przyluski.* La Grande Déesse. Paris, 1950, p. 188, 189.

[23] Образ древа жизни появляется в южнорусских степях уже в архаическую эпоху (ножны меча из Келермеса) и сохраняется вплоть до сарматского времени (диадема Новочеркасского клада).

[24] *K. Dave.* The Golden Eagle and the Golden Oriole in the Vedas and the Puranas. XIII All-Oriental Conference of Nagpur University, 1946.

[25] *А. М. Беленицкий.* Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании, СЭ, 1948, 4; *А. Н. Бернштам.* Аравансние наскальные изображения и даваньская (ферганская) столица Эрши, там же; *A. Waley.* The Heavenly Horses of Ferghana. History Today, v. V, № 2, 1955; *E. Pulleyblank.* Chinese and Indoeuropeans. JRAS, 1966, pt 1—2.

[26] *Б. А. Литвинский.* Ук. соч., стр. 148.

[27] *Гацыр Шанаев.* Из осетинских сказаний о нартах. ССКГ, IX, отдел II, 1876.

[28] *Е. Е. Кузьмина.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. Сб. «Историко-культурное наследие народов Средней Азии», вып. II. М., 1976; *ее же.* Конь в религии и искусстве саков и скифов. Сб. «Культура скифов и сармат». Киев, 1976.

дей богам и препровождает души умерших на вечные пастбища на верхнем небе в обители предков [29].

Для реконструкции системы представлений, связанных с конем у скифов, очень важно, что текст посвященного коню гимна Ригведы (X, 56) прямо перекликается со словами речи посвятителя коня у осетин [30]: коня просят перелететь и благополучно перенести умершего к предкам. Это доказывает большую древность и общность происхождения обеих традиций и дает основания утверждать, что у скифов крылатый конь тоже был посредником между земной сферой людей и небесной сферой богов и верхним небом, где обитали умершие предки.

Следовательно, изображение коня на чертомлыцкой вазе несет сложную смысловую нагрузку. У индоиранцев, в том числе и скифов, образ коня имел хтонический аспект и был связан с культом плодородия, поскольку конь ассоциировался с богиней-матерью, сочетавшей функции смерти и возрождения, с солнцем — источником жизни и верхним небом — обителью умерших, а также с огнем, служившим посредником между землей и небом, вместе с тем конь был атрибутом царя.

Таким образом, изображения верхнего и нижнего фризов чертомлыцкой вазы тематически связаны между собой и отражают идею плодородия, вечности жизни, смерти и возрождения. Это заставляет переосмыслить всю композицию в целом и предположить, что и сцена поимки коней на среднем фризе, обычно рассматривавшаяся как жанровая, тоже представляет не бытовую картинку из скифской жизни, а поимку коней для ритуального жертвоприношения. По свидетельству Геродота (IV, 59—62), скифы приносили коней всем семи богам своего пантеона, а также убивали их при погребении и на поминках царя (Геродот, IV, 72). «Обряды жертвоприношения всем богам и на всех празднествах у них одинаковы... Жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю», т. е. точно, так, как это показано на чертомлыцкой вазе. По представлениям всех индоиранских народов, заклание коня подобало только лицам высших социальных рангов и совершалось царем или в его присутствии, сопровождало важнейшие церемонии, в частности избрание царя на царство. У ведических ариев этот обряд назывался ашвамедха — жертвоприношение белого коня [31]. Оно происходило в день солнечного равноденствия, сопровождалось возжиганием огня, возлиянием, ритуальными действиями, связанными с культом плодородия. Лучшего царского белого коня — правого коня колесницы — привязывали к столбу — символу древа жизни, увенчанному колесом — символом солнца (так как древо жизни — это опора солнца), и убивали, отделяя голову и ноги. Большое значение в ашвамедхе имела числовая и цветовая символика. Ашвамедха была связана с представлением о трех сферах мироздания: высшее небо богов, атмосфера, где живут люди, и земля. Яркое отражение в обряде нашло трехчастное деление общества на жрецов, воинов и рядовых общинников. В ритуале участвовали три жены царя, принадлежавшие к трем классам общества: брахманка, кшатрийка и вайшья. Первая умащивала и

[29] *J. Hertel.* Die arische Feuerlehre. Indogermanische Quellen und Forschungen, Leipzig, Hft 6, 1925, *J. Kramers.* Iranian Fire-Worship. An. Or, v. I, Leiden, 1954; *Agravala.* Fire in the Rigveda. EW, v. 11, № 1, 1960; *J. Duchesne-Guillemin.* Fire in Iran and in Greece. EW, v. 13, № 2—3, 1962.

[30] *Б. Гатиев.* Суеверия и предрассудки у осетин. ССКГ, т. IX, 1876, стр. 4—7; *В. Ф. Миллер.* Черты старины в сказаниях и быте осетин. ЖМНП, 1882, т. CCXXII, № 7—8, стр. 191—207.

[31] *В. В. Иванов.* Опыт истолкования...; *P. Dumont.* L'Ashvamedha, description du sacrifice solennel du cheval dans le culte védique d'après les textes du Jajurveda blanc. Paris, 1927; *P. Kane.* History of Dharmaśastra. Goverment Oriental Series, Class B. № 6, v. II, Poona, 1941; *W. Kirfel.* Der Aśvamedha und Puruṣamedha. Festschrift W. Schubring, Hamburg, 1951; *G. Scharma.* Excavations at Kauśambi. Allahabad, 1960; *J. Gonda.* Les religions de l'Inde. Paris, 1962, v. I, p. 203—208; *idem.* Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. Leiden, 1966, p. 110—114.

украшала голову коня, так как отделенная голова должна доставить царю духовную энергию, вторая умащивала тело коня, чтобы передать царю физическую силу, а третья — заднюю часть коня, обеспечивающую плодовитость и богатство. Три жены произносили заклинания, упоминая три сферы мироздания: небо, надземную атмосферу и глубины земли. Четыре стороны света символизировали четыре жреца, участвовавшие в обряде. Важное значение имела имитация ритуального совокупления главной жены царя с конем, связанная с идеей возрождения. Обряд заканчивался грандиозной общенародной трапезой, для которой убивали сотни коней и быков. Убийство коня совершалось с целью сообщить царю физические, сексуальные и магические силы убитого животного. Ашвамедха трактовалась как смерть царя и его возрождение в новом качестве. После этого обряда царь считался перевоплотившимся, наделенным сверхъестественными силами и бессмертным, он причислялся к рангу эпических героев и его подвиги воспевались в гимнах. Анализ терминов, связанных с ашвамедхой, указывает на большую древность этого ритуала. Подобные обряды практиковались и другими индоевропейскими народами при коронации [32].

Многие детали индийского ритуала ашвамедхи прямо перекликаются с обрядом жертвенного заклания коней на царских похоронах у скифов, описанным Геродотом и изученным археологами в скифских царских курганах [33]. Коней привязывали к жертвенному столбу, увенчанному солярным символом — колесом (Геродот, IV, 72). По заключению палеозоологов и археологов, скифы для жертвоприношения выбирали только жеребцов зрелого возраста, но это же было обязательно при ашвамедхе.

В скифских курганах животные положены или по сторонам света или по кругу, это не случайно, так как солярная символика и ориентация по странам света характерны для ашвамедхи; интересно также, что в нескольких точно установленных случаях количество жертвенных животных кратно трем [34], поскольку три — священное число при ашвамедхе, связанное с символикой древа жизни. На чертомлыцкой вазе скифы ловят семерых лошадей, но семь в индоиранской мифологии, и в том числе у скифов и осетин,— это тоже священное число [35]. Наконец, интересно, что

---

[32] *F. Schröder.* Ein altirischer Krönungsritus und das indogermanische Rossopfer. Zeitschrift für celtische Philologie, Bd 16, 1927; *W. Koppers.* Pferdeopfer und Pferdekult der Indogermanen. Die Indogermanen-und germanen Frage, Bd IV, Leipzig, 1936; *J. Puhvel.* Vedic Aśvamedha and gaulish Iipomiidvos, Language, v. 31, 1955; *F. Le Roux.* Recherches sur les éléments rituels de l'election royale irlandaise et celtique. Ogam, XV, 1963; *G. Dumézil.* La religion romaine archaïque. Paris, 1966.

[33] *В. О. Витт.* Лошади пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952; *В. И. Бибикова.* К интерпретации археологических материалов из скифского кургана Толстая могила. СА, 1973, 4; *М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол.* Курган Аржан — могила «царя» раннескифского времени. Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, XVI, Кызыл, 1973, стр. 200—202.

[34] Например, кроме личного коня царя и коней, впряженных —в колесницу, в Ульском — десять групп по 18, в Елизаветинском захоронено 9 животных, в Семибратнем кургане № 2—9; в Воронежском — 30; в Келермесе в кургане № 1—12 и 12, в Толстой могиле — 6, в Аржане в двух срубах по 30, в одном — 15, в одном — 6, в одном — 18. В Чертомлыке рядом с могилой царя было три больших ямы с захоронениями коней: в двух по четыре, в одной — три и уздечный набор четвертого коня (*М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 52). Можно думать, что это убор главного жертвенного коня царской колесницы, головы и ноги которого были в соответствии с ритуалом ашвамедхи отделены и положены в большой котел, стоявший рядом с погребальным ложем царя. Кроме того, в жертву был принесен жеребенок (его кости найдены в малом котле). В насыпи кургана на глубине 6,5 *м* обнаружено много предметов конского снаряжения: не меньше 250 уздечных наборов. Поскольку курган раскопан траншеей, нельзя сказать, положены ли уздечки как замена жертвенных коней по принципу pars pro toto или заклание было совершено, черепа и ноги коней были положены во рву по периферии насыпи, как это прослежено в Толстой могиле.

[35] *В. Миллер.* Осетинские этюды, т. II. М., 1882, стр. 259; *В. И. Абаев.* Из осетинского эпоса. М.—Л., 1939, стр. 30, 31; *его же.* Культ «семи богов» у скифов. Сб. «Древний мир. Академику В. В. Струве». М., 1962, стр. 445—450; *его же.* Дохристианская религия алан. XXV Международный конгресс востоковедов. М. 1960, стр. 8, 9; *В. И. Иванов.* Числовые характеристики римской мифологии и ритуалов. ТЗС, III, 1968, стр. 126, 127; *его же.* О триаде и тетраде. ТЗС, IV; *его же. В. Н. Топоров.* Славянские языковые

в тех случаях, где была установлена масть принесенных в жертву животных, это были кони золотисто-рыжего цвета (Пазырык, Толстая могила), а в Аржане наряду с ними захоронены соловые кони.

У всех индоевропейцев цветовой символике придавалось огромное значение. Каждой группе божеств, соотносимых с определенной сферой мироздания, и каждой социальной группе подобал определенный цвет. В Индии само название социальных групп — варна дословно означает «цвет». Красная краска (и соответственно металл золото) была символом солнца и атрибутом воинов и царя; белый цвет и металл серебро были символом верхнего неба и подобали жрецам. Священным атрибутом жрецов была чаша, воинов — оружие [36].

Эти представления равно характерны для всех индоевропейцев, в том числе для иранцев [37]. В ахеменидском Иране царь принадлежал к военному сословию, но был наделен и некоторыми магико-юридическими функциями, поэтому он носил пурпурную с белым диадему, а его красная одежда, расшитая золотыми бляхами с царскими эмблемами, была отделана белой полосой (Квинт Курций Руф, Поход Александра Македонского, III, III, *17—19*; VI, VI, *4*). Э. А. Грантовским было показано, что и у скифов существовала социально-цветовая символика [38].

Чертомлыцкая ваза сделана из серебра и позолочена. Не дает ли это основания признать, что ее владелец сочетал военные и жреческие функции и был верховным правителем? Не позволяет ли это также считать умерших, захороненных в скифских курганах с конями золотисто-рыжей масти, царями, а погребенного в Аржане, при котором положены как рыжие, так и светлые кони, лицом, наделенным не только военной, но и магико-юридической властью? Подтверждением такой трактовки служит индийский обряд ашвамедха — убийство белого коня подобало отнюдь не всем правителям, а только верховному сюзерену, обладавшему высшей властью.

Сопоставление жертвенного заклания коней при коронации у индоариев и убийства коней на царских похоронах у скифов показывает, что оба ритуала очень близки во многих деталях, и, по-видимому, совершаются с одной и той же целью — передать царю сверхъестественные силы убиваемого коня, наделить царя бессмертием.

Таким образом, можно предположить, что средний фриз чертомлыцкой вазы изображает поимку коней или для коронации, которая в религии индоиранцев рассматривалась как новое рождение царя, или для похорон, которые воспринимались как грядущее возрождение. Если верна интерпретация среднего фриза чертомлыцкой вазы, то можно считать, что амфора была заказана по случаю избрания царя на царство или по случаю похорон. Все три фриза ее семантически тесно связаны и посвящены изображению царя как избранника богов и носителя небесного плодородия, наделенного бессмертием. Верхний фриз символизирует астральную сцену воскрешения через уничтожение, торжество света в день солярного Но-

---

моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 26; *его же*. О брахмане. К истокам концепции. Сб. «Проблемы истории языков и культуры народов Индии». М., 1974; *H. Nyberg*. Die Religionen des alten Iran. Leipzig, 1938, S. 282; *H. Zimmer*. Myths and Symbols in Indian Art and Civilization. New York, 1945, p. 17.

[36] *Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин*. Древняя Индия. М., 1969, стр. 164; *G. Dumezil*. La préhistoire indo-iraniens des castes. Journal asiatique, t. I, 1930, p. 109—130; *idem*. Yupiter, Mars, Quirinus. Paris, 1941, p. 66, 99; *idem*. Idéologie tripartie des Indo-Européens. Bruxelles, 1958; *J. Gonda*. Les religions.

[37] *J. Duchesne-Guillemin*. La religion, p. 171, 172, 206.

[38] *Э. А. Грантовский*. Индоиранские касты у скифов. XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960, стр. 6, 7, 12; *J. Dumezil*. La prehistoir... В связи с цветовой символикой у скифов интересно напомнить, что в Чертомлыке в погребении царицы найдено пурпурное покрывало, расшитое золотыми бляхами с изображениями богини с предстоящим скифом, интерпретированными как сцена инвеституры (*В. А. Городцов*. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, 1, 1926, стр. 20). Другая трактовка акта вручения богиней власти царю представлена на бляхах из могилы самого царя. Здесь скиф стоит перед богиней с зеркалом.

вого года, который у индоиранцев был днем коронации и воспринимался как победа земного воплощения бога-царя. Средний фриз представляет поимку коней для заклания с целью сообщить царю бессмертие в день Нового года при совершении коронации или на похоронах. Нижний фриз, изображающий древо жизни с птицами, посвящен воспеванию возрождения весеннего плодородия природы и вечности жизни; здесь представлены также солярные и царские символы — львы и крылатый конь.

Трехчленная композиция вазы связана с концепцией индоиранцев о трех сферах мироздания «трилока»: верхняя — астрально-космическая, средняя — надземная атмосфера — сфера людей и животных, нижняя — сфера недр земли [39]. Крылатый конь соотносится со всеми тремя сферами мироздания, служит вестником воли богов и посредником между ними и богами, вместе с тем конь — священный атрибут царя.

Представление о трех плоскостях мира существовало и у скифов и отражено в их мифологии [40].

E. E. Kouzmina

LA SEMANTIQUE DES SUJETS FIGURES SUR LE VASE DE TCHERTOMLYK

Résumé

Le vase découvert dans le kourgane de Tchertomlyk (IVe s. av. n.è.) a été fait sur commande par des artisans grecs pour des Scythes. En se référant aux données de la mythologie indo-iranienne, on peut interpréter les scènes représentées sur les trois zones du vase comme exprimant la conception des trois sphères de la création, et l'ensemble du sujet comme traduisant l'idée d'éternité, de renouveau de la vie, et d'immortalité du souverain, cette incarnation terrestre des dieux. La zone supérieure représente la sphère céleste, le triomphe de la lumière le Jour de Noourouz — le Nouvel An printanier du calendrier solaire,— figuré par des griffons déchirant un cerf. Ce thème est emprunté à l'art de l'Asie antérieure. En Mésopotamie, le début des travaux champêtres du printemps avait lieu lorsque la constellation du Lion succède à la constellation des Pléïades et à celle de Cassiopée (en summérien, nommées étoile du Taureau et étoile du Cerf), ce qui a donné naissance dans l'art figuratif à la scene montrant un taureau ou un cerf déchiré par un lion ou un griffon. En Iran, à l'époque des Achéménides, ce phénomène astronomique cïncidait avec la période de Noourouz.

La zone médiane du vase représente la sphere intermédiaire de la création — l'atmosphere — où vivent les hommes. Si on étudie les monuments indo — iraniens on peut remarquer que la capture des chevaux n'est pas une scène de genre, mais la représentation de l'immolation rituelle de chevaux accomplie lors de l'accession du souverain au trône, le Jour de Noourouz, ou bien au cours de ses funérailles. De semblables sacrifices de chevaux propitiatoires se rencontrent dans les kourganes des rois scythes.

La zone inférieure du vase de Tchertomlyk figure les régions inférieures de la Terre. Les palmettes, les fleurs et les oiseaux, ce sont les symboles de l'éternité et du renouveau de la vie au printemps — l'arbre de Vie symbolisant la Déesse-Mère. Deux becs du vase sont traités en têtes de lions, qui symbolisent, pour les peuples de langue iranienne, le soleil et le roi.Le troisième bec représente un cheval ailé, l'une des principales figures de la mythologie indo-iranienne. Il représente le lien entre les trois sphères de la création, et fait partie des attributs du souverain. De cette façon, les trois zones sont liées par le sujet, et expriment l'idée d'éternité et de renaissance de la vie, ainsi que d'immortalité du souverain. Il est probable que ce vase a été fait spécialement pour le couronnement ou les funérailles d'un roi, ce qui a présidé au choix des sujets.

[39] *A. Macdonell.* Vedic Mithology. Strassburg, 1897; *W. Standacher.* Die Trennung von Himmel und Erde. Tübingen, 1942, S. 92; *S. Kramrisch.* The Triple Structure of Creation in the Rg̊ Veda, History of Religions, v. 2, № 1, Chicago, 1962; ibid; v. 2., № 2, 1963; *H. Nyberg.* Questions de Cosmogonie, p. 221.

[40] *Э. А. Грантовский.* Ук. соч., стр. 9.

Н. А. ОНАЙКО

О ВОЗДЕЙСТВИИ ГРЕЧЕСКОГО ИСКУССТВА НА МЕОТО-СКИФСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

(К постановке вопроса)

В результате освоения греками северного побережья Понта в истории этого края начался новый этап контактов эллинов и меото-скифских племен, который раскрывает перед нами все новые и новые самобытные черты многогранной греко-варварской культуры. Хорошо известно, что наиболее активные связи между северопонтийскими греками и варварским их окружением выразились в торговом обмене. Это повлекло за собой успешное освоение греками новых территорий, расширение посреднической торговли и организацию производства собственных товаров сбыта. Заинтересованные в активном обмене варварские племена также посильно расширяли производство продуктов обмена.

Одним из последствий этого порою бурно развивающегося процесса явилось культурное взаимодействие между греками и варварами. Как и чисто экономический фактор, оно имеет в каждом отдельном случае свои особенности, зависящие от социально-экономического и культурного развития тех или иных племен, с одной стороны, и конкретной исторической обстановки в период их общения с соседними городами — с другой.

Процесс культурного взаимодействия между северопонтийскими городами и варварами особенно ярко проявился в художественном творчестве греков. Анализ этого явления имеет большое историческое значение. Являясь существенным элементом культуры, оно отражает одну из форм общественного сознания, которое в свою очередь определяется экономическим строем общества.

Эллинское искусство в период освоения греками Понта и позднее представляло собой многообразное и высокохудожественное направление творческой деятельности передовой в то время цивилизации. Северочерноморское варварское искусство прославило себя главным образом созданием самобытной художественной формы изображения звериных образов на различных предметах вооружения, доспехах, конского снаряжения и т. д. В силу исторически сложившихся условий в Северном Причерноморье так называемый звериный стиль развивался под сильным воздействием искусства соседних греческих городов, которое также испытало в известной мере влияние варварского искусства.

Наиболее яркое воплощение звериный стиль нашел в рельефах металлических изделий, производство и использование которых имело древнюю традицию и у греков и у варварских племен Северного Причерноморья. Этому способствовала также большая любовь меото-скифских племен к различного рода металлическим украшениям. Богатые сокровища племенных вождей, напоминающие роскошь персидских царей, подчеркивали особое их положение в обществе.

В отличие от варварских племен греки имели более утонченный вкус и порой вели весьма скромный образ жизни. Бытовавшие у них золотые

и серебряные украшения употреблялись в меру. Исключением в этом могли быть варваризованные в какой-то степени греки, как, скажем, какая-то часть греческого населения Тамани. Отражая в произведениях изобразительного искусства определенный порядок жизни, художественное творчество греков служило своему обществу, общине — государству. Воспевая и возвеличивая его идеи, греческое искусство вместе с тем воспевало и возвеличивало прежде всего самого человека, поскольку он обеспечивал общее благо своему государству.

Задачи же варварского искусства, а в известной мере и искусства работавших на варваров других народов, в частности северочерноморских греков, были совершенно иными. Они сводились к обслуживанию господствующей верхушки, у которой, как и у их собратьев персов, все заслонялось пышным «мундиром» [1], составляющим единое целое с остальным реквизитом воина-всадника. Первостепенное значение при этом имели, как мы уже подчеркивали, украшения с изображением животных. Они выполняли роль оберегов-хранителей, воплощали космические силы природы и были тесно связаны с мифологическими представлениями местного населения. В образах животных отразились также предания о силе «добра и зла, жизни и смерти и борьбе этих противоположных начал, столь характерные для иранского религиозного мировоззрения» [2].

Огромную роль в поддержании и дальнейшем развитии этого направления в духовной жизни варваров сыграли греческие художественные изделия из металла, особенно боспорские. Вот почему в художественном наследии античной культуры Северного Причерноморья, так активно реагировавшей на запросы варварского окружения, боспорская торевтика должна занять особое место.

Проблема взаимодействия греческого и варварского искусства давно привлекала внимание исследователей [3]. Еще в 1914 г. Б. В. Фармаковский затронул вопрос о «взаимоотношении искусства греческих колоний и искусства варваров Скифии и отношения греческого искусства к искусству Востока». А поскольку основной формой образного отражения явлений действительности у северо-черноморских племен стало искусство звериного стиля, то и Б. В. Фармаковский и последующие ученые ставили своей задачей выявить общие характерные черты этого тератологического стиля с подобными изображениями в анималистической тематике греческого искусства. Причем обращались к этому вопросу чаще всего лишь в связи с изучением вопроса о происхождении звериного стиля. Так, отстаивая ионийское происхождение северочерноморского звериного стиля, Б. В. Фармаковский старался показать это на сходстве в трактовке различных изображений животных, а также на близости черт в религиозных представлениях и художественных образах их выражения у древних греков и у варварских племен [4].

Став на позицию формально-стилистического анализа скифского звериного стиля Южной России, К. Шефольд довел до крайности «панионийскую» точку зрения о происхождении этого стиля [5]. Основную роль в формировании звериного стиля северночерноморских скифов приписывали гре-

---

[1] *Б. В. Фармаковский.* Художественный идеал демократических Афин. Пг., 1918, стр. 54; *R. Ghirshman.* Perse. Paris, 1963, p. 329.

[2] *М. И. Артамонов.* Сокровища саков. М., 1973, стр. 235.

[3] Большой вклад в изучение этой проблемы в настоящее время вносят работы В. Д. Блаватского: см. *В. Д. Блаватский.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII—V вв. до н. э.). СА, 1964, 2, стр. 13; *его же.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в IV в. до н. э.— III в. н. э.). СА, 1964, 4, стр. 25.

[4] *Б. В. Фармаковский.* Архаический период в России. МАР, 1914, 34, стр. 29 сл.

[5] *K. Schefold.* Der Skythische Tierstil in Südrussland. ESA, XII, Helsinki, 1938, S. 3; См. рецензию на эту работу: *Н. Н. Погребова.* К вопросу о скифском зверином стиле. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 129.

кам А. Фуртвенглер и М. Эберт [6]. Другие ученые говорили лишь о глубоком проникновении архаического искусства Ионии «внутрь скифского», считая, что на его формирование могла оказать воздействие еще эгейская цивилизация. Это прослеживается на сходстве некоторых элементов скифского искусства с крито-микенскими [7]. М. И. Артамонов указал на связь барано-птицы с хеттским, урартским и греко-ионийским грифом [8]. В последнее время опубликованы данные, которые вообще ставят под сомнение, например, скифское происхождение изображения мотива животного с подогнутыми ногами. Как замечает А. П. Амандри, этот мотив был известен в глубокой древности у многих народов, в том числе и в архаическом искусстве греков. Неизменно появляясь в искусстве Ближнего Востока в начале I тысячелетия до н. э. между Кавказом и Загросом, он принял новые формы. Там, как полагает П. Амандри, этот мотив узнали и восприняли скифы, применив его к изображению оленеобразных по своему вкусу. Таким образом, скифам, возможно, следует приписывать не честь создания схемы изображения этого мотива, а лишь заслугу в широком ее распространении [9].

В Северном Причерноморье мотивы скифского звериного стиля появляются, как известно, в готовом виде. Здесь они прошли длительный и сложный путь своего развития в тесном взаимодействии с искусством греческих городов, которым М. И. Ростовцев по праву отводил первое место в развитии культурного облика степей юга России. Особенно это касается Пантикапея, создавшего прочное государство, в котором греческий и местный элементы органически слились и создали оригинальный государственный и культурный облик Боспора [10]. М. И. Ростовцев отметил, что в «раннее время мы застаем скифский звериный стиль на юге России не только в готовом виде, со всеми его характерными особенностями, но и в сочетании, главным образом, механическом с иными струями художественного творчества... в восточном и восточногреческом облике» [11].

Определяя хронологические периоды скифской культуры, М. И. Ростовцев назвал V—IV вв. до н. э. персо-ионийским периодом; в это время, как он заметил, появляется особенно много художественных изделий этого круга, которые могли изготавливаться в греческих городах ионийскими художниками. IV в. до н. э., по М. И. Ростовцеву, это классический или пантикапейский период, период высокого расцвета скифской культуры. Для него характерна та же картина «синкретизма с дальнейшим все более сильным преобладанием ионийских элементов». Это хорошо прослеживается на инвентаре богатых меотских и скифских погребений [12].

Производство подобных изделий в VI—V вв. до н. э. М. И. Ростовцев, вслед за Б. В. Фармаковским, приписывал Ольвии. Боспор же, как он полагал, выступает в этой роли только в IV в. до н. э. [13]. Это доказывается сюжетно-стилистическим сходством подобных изделий с эмблемами пантикапейских монет.

Сильное греческое влияние, идущее из Боспора, отмечал Е. Миннз [14]. Не отрицал этого и Г. Боровко. Как и М. И. Ростовцев, он видел в массе вещей скифского обихода изделия греческих городов и указал на образ-

---

[6] *A. Furtwängler.* Der Gold von Vottersfelde. Berlin, 1883; *M. Ebert.* Südrussland im Altertum. Bonn und Leipzig, 1921, S. 110.

[7] *E. Minns.* Skythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 261; *S. Reinach.* La Représentation du Galop dans l'art ancien et moderne. Paris, 1925; *G. Boroffka.* Der scythische Tierstil. AA, 1926, 3/4, S. 369.

[8] *М. И. Артамонов.* Происхождение скифского искусства. СА, 1968, 4, стр. 35.

[9] *P. Amandry.* Un motif «scythe» in Iran et en Grèce. JNES, vol. XXIV, 3, 1965, p. 149.

[10] *М. И. Ростовцев.* Эллинство и иранство на юге России. М., 1918, стр. 6.

[11] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 340.

[12] *Там же, M. Rostovtzeff.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929, p. 24.

[13] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор, стр. 444 сл., стр. 457.

[14] *E. Minns.* Op. cit., p. 261.

цы имитации греческими художниками звериного стиля, на наличие заимствований варварскими мастерами некоторых элементов греческого искусства, а также привел примеры трансформации мотивов звериного стиля под влиянием греческого искусства [15].

Касаясь общего хода развития звериного стиля в Северном Причерноморье, М. И. Артамонов называет для этой области три основных художественно-стилистических течения.

Первое — собственно греческое; оно внешне связано с туземным миром и следует по пути развития античного искусства. Сюда же М. И. Артамонов относит и вещи местных форм, но с греческими, или в греческой трактовке, скифскими мотивами, изготовленные в северочерноморских городах.

Второе лежит в основе скифского искусства и в архаический период тесно связано с Ассирией и Урарту, «а в дальнейшем следует развитию искусства Персии в той его разновидности, которая носит название греко-персидского стиля и особенно отчетливо выступает в произведениях, проникавших в Причерноморье через Боспор или даже вышедших из работавших на местный рынок боспорских мастерских. Оба течения — греческое и греко-персидское — представлены в скифских комплексах одинаковыми по типу произведениями со сходными сюжетами изображений (кульобские сосуды и др.)».

Третье «представляет собственно скифское искусство, рано оформившееся в своих стилистических особенностях, но тесно связанное с родственным ему по происхождению и более созвучным по содержанию вторым, «восточным», течением, но также, как и последнее, вобравшее в состав сюжетов немало греческих элементов» [16].

Суммируя основные положения о роли греческого искусства в формировании звериного стиля и дальнейшем его развитии на территории Северного Причерноморья, можно сказать следующее.

1. В настоящее время нельзя отрицать тот факт, что в определенных исторических условиях еще на переднеазиатской территории своего формирования этот стиль мог воспринять какие-то элементы греческого искусства. По-видимому, прав был также М. И. Ростовцев, заметивший, что «в VIII и VI вв. до н. э. греческий гений в Малой Азии уже выковал из старых эгейских элементов в сочетании с художественным творчеством Востока свои новые ценности, пока так мало нам еще известные» [17].

2. Точка зрения об ионийском происхождении северочерноморского звериного стиля оказалась в общем несостоятельной. Однако высказано признание известной доли истины во взглядах Б. В. Фармаковского и М. И. Ростовцева. Так, М. И. Артамонов пришел к убеждению, что и Иония и Иран, эти тесно связанные между собой области искусства древнего мира, с самого начала возникновения скифского искусства отразились в нем вполне определенным образом [18].

3. Намечены основные художественно-стилистические течения в художественной жизни Северного Причерноморья, в которых большое место отводится греческому искусству. Однако это пока только теоретически. Практически же наблюдается тенденция к пассивной констатации этого факта, что тормозит раскрытие объективной роли греческого искусства в развитии звериного стиля. Это справедливо отмечалось и на состоявшейся в Москве (декабрь 1972) третьей конференции по вопросам скифо-сарматской археологии, посвященной изучению скифо-сибирского звериного стиля. В результате все, что связано с этим стилем, относится

---

[15] *G. Borovka.* Scythian Art. London, 1928.

[16] *М. И. Артамонов.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля. ПСА, М., 1971, стр. 30.

[17] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор, стр. 305.

[18] *М. И. Артамонов.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля. стр. 30.

почти исключительно к так называемому скифскому искусству Северного Причерноморья без различия его творцов и почитателей.

4. Между тем греческие города, главным образом Ольвия и города Боспора, признаны основными центрами производства не только собственно греческих, но и греко-варварских изделий, явившихся результатом подражания вкусам племенного окружения.

Для дальнейшего развития и уточнения отмеченных положений необходимо продолжить тщательный историко-культурный и искусствоведческий анализ предметов северочерноморской торевтики. Что касается оценки роли греческого искусства в развитии северочерноморского звериного стиля, то в настоящий момент имеется достаточно данных для ее коренного пересмотра. Вернее, пересмотра тех позиций, с которых мы привыкли подходить к этому вопросу со времен Г. Боровки. Этот исследователь утверждал, что высокоразвитые цивилизации Греции и Персии оказали разрушительное влияние на туземный художественный стиль скифо-сарматских племен [19]. В 50-х годах эту точку зрения поддерживала и развивала Н. Н. Погребова; недавно ее цитировала В. А. Ильинская: «Греческие мастера своим непониманием художественного стиля скифов сыграли не положительную, а отрицательную роль в его развитии, создавая гибридные произведения, чисто механически сочетающие элементы скифского звериного стиля с греческими формами, лишая скифский стиль его своеобразия, искажая целостность его мироощущения и способствуя его упадку» [20].

В отличие от Г. Боровки и его последователей М. И. Артамонов считал, что скифское искусство не было задавлено «греческими привнесениями». Свое уничтожение оно несло «в себе», а место для соответствующих элементов греческого происхождения было открыто с победой в нем орнаментально-декоративного начала. Касаясь греческих подражаний мотивам звериного стиля, М. И. Артамонов полагал, что греческие мастера обнаруживали при этом «полное непонимание скифской стилизации» [21].

Находясь под влиянием гиперкритики Г. Боровко и Н. Н. Погребовой, мы также полагали, что звериный стиль в исполнении греческих мастеров потерял самобытность художественного, а также идейного содержания образов и поэтому не внес существенного вклада в развитие искусства Северного Причерноморья [22]. На упомянутой конференции в нашем докладе («Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.») прозвучали критические замечания по этому поводу. А поскольку этот вопрос имеет большое принципиальное значение, мы считаем целесообразным поставить его на страницах журнала «Советская археология». Однако прежде необходимо, хотя бы схематично, изложить свое понимание симбиоза греческого искусства и звериного стиля в общем процессе взаимодействия эллинской и северочерноморской варварской культур. При этом мы будем оперировать хорошо известными в нашей литературе данными.

Начало этого симбиоза было положено здесь, как нам представляется, еще во второй половине VII — начале VI в. до н. э., когда в погребениях туземной знати и иных комплексах стали появляться греческая художественная керамика и металл. Не позднее VI в. до н. э. среди последних

---

[19] *G. Borovka.* Scythan art.

[20] *Н. Н. Погребов.* К вопросу о скифском зверином стиле, стр. 140; *В. А. Ильинская.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1956, 1, стр. 105.

[21] *М. И. Артамонов.* Куль-обский олень. АИКСП, Л., 1968, стр. 5.

[22] *Н. А. Онайко.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. САИ, ДІ-27, М., 1970, стр. 86. В оценке вклада греческих подражаний «звериному» стилю мы солидаризировались с В. Д. Блаватским. См. *В. Д. Блаватский.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э. — III в. н. э.), стр. 27.

уже появляются и изделия смешанного [23] так называемого греко-варварского стиля, в форме и декоре которых тесно переплетаются греко-восточные и местные варварские элементы. Келермесское зеркало, как показала М. И. Максимова, представляет убедительный пример отражения начальной стадии этого стиля [24].

Многие из этих келермесских мотивов, исполненных греками, как бы зададут тон в более позднее время. К ним относятся сцены нападения и терзания животных, сцены борьбы варваров с фантастическими животными, изображения животных в так называемой геральдической схеме, характерные изображения образов реальных (олень, лев, пантера, баран, кабан, бык, орел), а также фантастических (гриф, сфинкс) животных.

Тщательный анализ, проведенный М. И. Максимовой, показывает, что келермесское зеркало, а также ритон — художественные изделия одного и того же греческого мастера, жившего, по-видимому, на Тамани, где для создания подобных произведений греко-варварского искусства в VI в. до н. э. была весьма благоприятная почва. Особенности художественного вкуса этого мастера выдают его как эолийца. Это хорошо согласуется с письменным свидетельством об основании Гермонассы митиленцами и эолийцами [25], которые, добавим, могли прийти туда скорее всего южным путем. Этот факт в свою очередь может объяснить отчасти наличие греко-восточных элементов в ранних произведениях боспорской торевтики. Использование этого пути, а также использование древнейших торговых путей через Кавказ, к сожалению, не всегда учитывается, а это были, как известно, пути, благодаря которым народы Северного Кавказа, частично вошедшие потом в состав Боспора, могли знакомиться с достижениями передовых в то время цивилизаций еще задолго до основания греками городов на побережье Черного моря [26].

Вторая половина VI — начало V в. до н. э. были периодом дальнейшего успешного производства греко-варварских изделий. Изобретается новый тип зеркал, отлитых из бронзы, но украшенных уже знакомыми нам мотивами звериного стиля (пантера, олень, кабан, баран и др.) [27]. Появляется новая категория подобных вещей — обивки ножен мечей и некоторые принадлежности конского убора [28]. К этому же времени относятся находки предметов в зверином стиле в самих городах Боспора и Ольвии и находки форм для их изготовления [29]. Из этих вещей к производ-

[23] В оформлении вещей комплекса из Зивие тоже выявляются элементы греческого искусства, но они поданы в той греко-восточной манере, которой могли пользоваться торевты того времени на большой территории Передней и Малой Азии. Поэтому исследователи даже не всегда выделяют их среди таких ярко выступающих элементов, как элементы ассирийского, скифского, ассиро-скифского и местного (маннейского) искусств.

[24] *М. И. Максимова.* Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954, стр. 281; П. Амандри (*P. Amandry.* L'art acythe archaique. AA, Hft 4, 1965, S. 909) выразил несогласие с М. И. Максимовой, считая келермесское зеркало чисто азиатским. Он ссылается на то, что рельеф, гравировка деталей на электровом диске (в частности, применение точек и бороздок на фигурах животных), а также аналогичная форма плетенки встречаются в торевтике Луристиана, Зивие и другие памятниках. Однако эти факты, как и отмеченное самим П. Амандри сходство между греческой керамикой и торевтикой в Азии, с одной стороны, и так называемым койнэ ирано-урартийским — с другой, объясняются тем, что одни и те же приемы техники и многие элементы декора (плетенка, спираль и др.) широко использовались торевтами различных народов еще в глубокой древности. Этому способствовали активные культурно-экономические и политические связи, особенно среди кочевых народов.

[25] *В. Д. Блаватский.* Архаический Боспор. МИА, 33, 1954, стр. 27.

[26] *М. И. Ростовцев.* Эллинство и иранство на юге России, стр. 37.

[27] *Б. В. Фармаковский.* Архаический период в России, стр. 16; *В. М. Скуднова.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии. Тр. ГЭ, 3, 1962, стр. 5.

[28] *Н. А. Онайко.* О центрах производства золотых обкладок ножен ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. Сб. «Культура античного мира». М., 1966.

[29] *Б. В. Фармаковский.* Архаический период в России, стр. 30.; *О. Е. Прушевская.* Художественная обработка металла (торевтика). АГСП, т. I, М.-Л., 1955, стр. 328; *И. Д. Марченко.* Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея. КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 51.

ственной деятельности Ольвии можно уверенно отнести лишь какую-то часть характерных для нее бронзовых зеркал и некоторые предметы конского убора. Использование мотивов звериного стиля в ольвийских изделиях позднее почти прекращается, что совпадает с сильным сокращением производства металлических изделий в этом центре.

Монополию на производство и сбыт металлических изделий варварским племенам после VI в. до н. э. захватывает Боспор. К наиболее характерным его изделиям относятся уже упомянутые золотые обивки ножен скифских мечей. В это время все большее признание завоевывают штампованные изделия из золота и бронзовые литые, начало успешного производства которых было положено в ольвийских мастерских.

В последующий период, в период усилившегося процесса взаимодействия греко-варварской культуры в Северном Причерноморье (V—IV вв. до н. э.) появляются уже отдельные локальные варианты подобных предметов торевтики. Наиболее яркими из них являются нимфейский в восточной части Крымского полуострова и семибратний в Прикубанье. Их своеобразие обуславливалось теми конкретными историческими условиями, в которых находились греческие центры и их окружение. Нимфейский и семибратние комплексы знаменуют, по-видимому, начало массового производства греко-варварских изделий. Они отличаются большим разнообразием характерных фантастических и реальных образов животных, воплощенных в бронзовом литье и штампованном золоте. Вместе с тем греки не забывают вводить в тематику украшений своих изделий новые мотивы греческого искусства (маска Медузы, петух и др.).

IV в. до н. э. стал периодом наиболее широких масштабов производства рассматриваемого круга вещей. Более того, художественное направление, идущее от келермесско-ульского круга вещей, настолько усложняется, настолько в нем тесно переплетаются греко-варварские элементы, что порою невозможно определить этническую принадлежность мастера. И греки и варвары могли оказаться творцами близких по характеру произведений, именуемых нами греко-варварскими κοινή. В таких вещах нашел особенно яркое отражение тот творческий синтез [30] варварских и эллинских элементов, в котором заключается одна из важнейших черт оригинальности северочерноморского варианта античной культуры. Кроме того, боспорские торевты стали широко популяризировать своеобразные вещи типа мелитопольских обивок горита, приобщая таким образом варварскую среду к классическим традициям античного искусства. Это безусловное свидетельство больших сдвигов в мировоззрении варваров. В отличие от Ольвии в художественном творчестве Боспора этого времени с его смешанным разноэтническим населением выступают различные художественные тенденции, характеризующие новую ветвь эллинского искусства на далекой периферии античного мира.

Роль варварских племен в создании греко-варварских художественных изделий из металла, как и в других сферах тесного общения с греками, была неодинакова. Одни племена охотно выступали больше в роли потребителей и вместе с тем идейных вдохновителей создания близких их духу предметов быта, другие, кроме того,— и в роли непосредственных участников в производстве греко-варварских изделий.

К первым относились, по-видимому, кочевники приднепровско-донских степей. Скотоводческое их хозяйство, как и подобное хозяйство у других племен, исключавшее развитое ремесло, заставляло эти племена приобретать такие продукты, как хлеб и металлические украшения, путем обмена или грабежа у других народов [31].

---

[30] *В. Д. Блаватский.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII—V вв. до н. э.), стр. 13.

[31] *М. И. Артамонов.* Сокровище саков, стр. 6.

Иное положение занимали скотоводческо-земледельческие племена меотов, принимавших, как предполагают, вместе со скифами участие в походах в Переднюю Азию [32]. Меоты, безусловно, сыграли большую роль в формировании, а также дальнейшем развитии и собственно варварского звериного стиля в Северном Причерноморье [33], особенно в металлических изделиях. Это находит яркое отражение в сокровищах кубанских курганов, что и дает нам основание вслед за В. Д. Блаватским называть этот стиль меото-скифским [34]. Меоты были одной из самых ранних и передовых в социально-экономическом развитии этнических групп, с которыми встретились на северных берегах Черного моря греки. Их и ближайшая к ним территория Прикубанья славится древнейшими очагами металлообработки. Преемниками киммерийцев на Боспоре, возможно, были сильно эллинизованные синды [35], создавшие свое государство. Наличие чеканки монет у греков и у этих племен явилось той прочной базой, которая сыграла большую роль в производстве художественных изделий из металла на Боспоре как в среде греческих, так и в среде варварских мастеров. Знаменательно также, что слияние наиболее ярких традиционных варварских образов животных (хищная птица) с греческими (орлиноголовый гриф) происходило именно на территории синдо-меотских племен [36].

На территории синдо-меотских племен появились наиболее ранние изображения Великой богини в греко-варварских изделиях (келермесское зеркало, пластина из кургана близ ст. Тульской Майкопского района, поясные кавказские бляхи; за этими изображениями последовали подобные изображения на карагодеуашхской и мерджанской пластинах). Есть основания считать, что синдо-меотские племена принимали активное участие в создании иконографии человеческих образов, олицетворявших греко-варварские антропоморфные божества [37]. Все эти далеко еще неизученные данные показывают, как тесно переплетались исторические судьбы Восточного Приазовья с художественным творчеством северопонтийских греков.

Дальнейшее изучение оригиналов и подражаний даст нам возможность выявить своеобразие творческих поисков северочерноморских торевтов, а также конкретизировать ту духовную атмосферу, которая наиболее активно влияла на процесс взаимодействия греческого и варварского искусств. Эти вопросы имеют решающее значение для раскрытия такого определения, как «эллинизация звериного стиля», которым мы широко пользуемся, но еще не знаем всех конкретных форм его проявления, а поэтому не всегда объективны в оценке роли греческого искусства. В самом деле, действительно ли греческие мастера погубили звериный стиль? И можно ли вообще ставить так вопрос?

М. И. Артамонов, хотя и не раскрыл свою мысль, правильно заметил, что скифское искусство несло свое уничтожение «в себе». И это, как нам кажется, прежде всего. Изменения всякого художественного стиля зависят от общественного развития и связанных с ним представлений тех народов, которые явились его создателями. Северочерноморский звериный стиль, как и само варварское общество, постоянно испытывал кроме

---

[32] *М. И. Артамонов.* Происхождение скифского искусства, стр. 43.

[33] Б. А. Шрамко справедливо заметил, что не следует преувеличивать роль собственно скифских племен в оформлении основных элементов «скифской триады» (*Б. А. Шрамко.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии. ПСА, М., 1971, стр. 93).

[34] *W. Blawatsky.* Greco-Bosporani e Scitici Centry. Enciclopedia Universale dell' Art, vol. VI, p. 766.

[35] *В. Д. Блаватский.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. ПИСП, М., 1959, стр. 10.

[36] *Н. Н. Погребова.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 62.

[37] *Н. А. Онайко.* Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике. Сб. «Художественная культура и археология античного мира». М., 1976.

внешних влияний и свои собственные внутренние процессы развития. Многие черты этого стиля были ведь привнесены в южную Россию вместе с появлением в этих краях ираноязычных скифских племен, которые проявили самостоятельность не столько в своеобразной трактовке образов, сколько в отборе их для последующей переработки. И в дальнейшем на всем пути своего развития в Северном Причерноморье этот стиль был тесно связан не только с восточным течением, но так же, как и последнее, вбирал в состав своих сюжетов и форм греческие элементы [38]. Вбирал потому, что они были близки ему. Поэтому не стоит сокрушаться об утрате первоначальной формы и идейного содержания этого стиля. Ведь происходил закономерный процесс развития варварского искусства и борьбы в нем различных направлений, которые свойственны любому художественному стилю. Наличие симбиоза греческого искусства со звериным стилем является ярким примером отражения живого процесса творческого развития художественной мысли народов Северного Причерноморья. Наша задача — раскрыть истоки, особенности и роль различных направлений в развитии тесно соприкоснувшихся между собой греческого искусства и меото-скифского звериного стиля.

Исключительно сложное художественное творчество звериного стиля заставляет нас поставить под сомнение нередко приписываемую ему «чистоту» [39], которой он не отличался даже в период своего появления. Именно отсутствие «чистоты» звериного стиля породило тенденцию к выявлению в истории развития этого искусства некоего широкого койнэ в Средиземноморье и к востоку от него. В результате звериный стиль определяют как «скифо-мидийское» искусство [40], отмечают наличие «мидийско-скифо-киммерийского симбиоза», «ирано-урартийского койнэ» [41]. Касаясь ранних произведений звериного стиля из Зивие, Р. Гиршман определяет их как вариант скифского искусства, сложившегося в северо-западной части иранского нагорья из ассиро-урартийских и скифских источников. Это образец быстрого и неожиданного приспособления самых разнообразных течений (симбиоз восточного и скифского искусств с преобладанием урартийского начала в переработке скифских мотивов) [42]. Для нашего юга характерно, как нам представляется, меото-скифо-греческое койнэ, оплодотворенное художественными традициями местных (киммерийских, кобанских) и восточных культур [43]. Наиболее яркое его проявление — так называемые ольвийские зеркала, которые до сих пор называют то греческими, то скифскими. Одни эти образцы греко-варварских изделий, появившиеся еще в период основания городов на территории одного из ранних очагов эллинской культуры в Северном Причерноморье, уже дают нам право не согласиться с мнением П. Амандри в том, что греческое искусство в Европе не сыграло никакой роли в этот период [44].

При оценке воздействия греческого искусства на меото-скифский звериный стиль нельзя умалять эллинский гений, который оставил свой заметный след не только в культуре Северного Причерноморья. Дело в том, что, хотя и имелись различия между эллинским обществом и варварским окружением в социально-экономической структуре, быте и во всем культурном укладе, все же мировоззрения греков и ведущих северо-

---

[38] *М. И. Артамонов.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля, стр. 26, 30.

[39] Любопытно, что даже такие, казалось бы, «чистые» произведения звериного стиля, как келермесская «пантера», связываются с греческими мастерскими не только К. Шефольдом, но и советскими скифологами (См. *Б. Н. Граков.* Скифы. М., 1971 стр. 101).

[40] *М. И. Артамонов.* Сокровища саков, стр. 219.

[41] *G. Ghirshman.* Perse, p. 86, 301.

[42] Ibid., p. 295.

[43] *В. Д. Блаватский.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII—V вв. до н. э.), стр. 21.

[44] *P. Amandry.* L'art scythe archaique, стр. 913.

черноморских племен были близкими [45]. Это явилось одним из главных условий успешного взаимодействия элементов греческой и варварской культур. Греческому, как и варварскому миру, было свойственно стремление к обожествлению стихии, животных, что так хорошо показал Б. В. Фармаковский. Для греков несвойственна нетерпимость. Греки отличались легким приятием чужих богов, признавали они и северочерноморские туземные божества: Ахилла Понтарха в Ольвии; таврскую Деву в Херсонессе и синдскую Великую богиню на Боспоре. Вот почему Геродот так легко отождествляет греческие и варварские божества.

Один из участников похода Семи, расставаясь со своим сыном Амфилохом, сказал: «Мой сын, бери пример с осьминожки и старайся приспосабливаться к нравам тех, к кому ты идешь; так или иначе, но старайся походить на тех людей, среди которых ты будешь жить» [46]. Этот совет отчень метко выражает одну из особенностей национального характера греков, изворитливый их ум. Уподобляясь искусной осьминожке, ради экономических выгод греки легко входили и в иранское мировоззрение и в идеологию северочерноморских варварских племен. Именно этим объясняется большой успех в производстве предметов боспорской торевтики. Даже те из них, что, казалось бы, представляют чисто греческие, в полной мере удовлетворили запросы варварского потребителя, далеко не ограничивающегося собственными предметами звериного стиля. Греки делали и различного рода подражения в зверином стиле и преуспевали именно потому, что, хотя и проявляли при этом свой художественный вкус, стремились не отставать от общего хода эволюции варварского искусства. Куль-обский олень явился результатом именно такой ситуации, а не потому, что греческий мастер не понимал и не смог повторить костромского оленя. Греко-варварские изделия появились, по-видимому, в результате имевших место творческих контактов греческих мастеров и мастеров из варварской среды. Эти изделия подчеркивают бесконечно разнообразные вкусы заказчиков и исполнителей как результат сложных исторических процессов, происходивших в греко-меото-скифском мире. Они указывают также, насколько приблизились воззрения этих двух обществ, особенно в V—IV вв. до н. э., в период существования государств у синдов и скифов.

Развитие северочерноморского звериного стиля в силу быстрого социально-экономического и культурного роста варварских племен носило интенсивный характер. Вполне естественно предположить при этом, что идейно-художественная основа звериных образов также претерпевала известные изменения, а вместе с ней происходили изменения и художественной их формы. Идеологическое мировоззрение варварского общества диктовало в свою очередь экономически заинтересованным грекам содержание и форму, в которых развивалось его искусство. Вместе с тем в IV в. до н. э. тематика украшений в боспорской торевтике, предназначенной на сбыт варварским племенам, обильно пополнялась чисто греческими мотивами [47]. Это свидетельствует еще и о том, что господствующая племенная знать — основной потребитель таких изделий — не очень-то и сама стремилась канонизировать старые художественные формы.

Примечательно, что именно греко-скифский симбиоз, нашедший благоприятную почву для своего развития в Северном Причерноморье, оказался более жизнеспособным и весьма плодотворным, чем предшествующий ему симбиоз восточноскифского искусства (Мельгуновский и Келермесский курганы, Зивие). А это значит, что нашедшие широкий

[45] *В. Д. Блаватский.* Воздействие античной культуры на страны Северного причерноморья (в VII—V вв. до н. э.), стр. 24; *Н. И. Сокольский и Д. Б. Шелов.* Историческая роль античных государств Северного Причерноморья. ПИСМ, М., 1959, стр. 48.

[46] *П. Гиро.* Частная и общественная жизнь греков. Пятое издание французского перевода, М., б/г, стр. 6.

[47] *Н. А. Онайко.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье, табл. XX, XXXII.

спрос у потребителя и смешенные греко-варварские и даже чисто греческие произведения независимо от совершенства художественной их формы отражали в определенных исторических условиях силу общественных идеалов племенного мира. Поэтому не может быть и речи об окончательной утрате идеологического содержания образов звериного стиля. Устойчивость их содержания, каноничность и повторяемость были отмечены и М. И. Артамоновым [48]. Огромная историко-культурная значимость греко-скифского симбиоза подчеркивается тем, что это явление было уникальным в истории древних цивилизаций. Даже на фракийской территории, где влияние греков было сравнительно сильным, мы ничего подобного не знаем. Верный расчет на широкий сбыт племенам художественного металла, особенно в IV в. до н. э., был вызван активной экономической политикой греков, которая оказала большое влияние на развитие боспорской торевтики. Даже такие памятники боспорского искусства, как скульптура, бледнеют перед обилием и роскошью художественных металлических изделий в изготовленных на сбыт приднепровским и прикубанским племенам. Отражая духовные запросы племенного мира и активно воздействуя на его развитие, боспорское искусство как одна из форм идеологии сыграло, таким образом, прогрессивную роль в истории развития меотов и сколотов, главным образом высшего их слоя — царской дружины. Именно этим может определяться оценка творческого синтеза элементов греко-варварской культуры.

N. A. Onaĭko

L'INFLUENCE DE L'ART GREC SUR LE STYLE ANIMALIER MEOTO-SCYTHE

Résumé

Exposant sa conception de la symbiose de l'art et du style barbare «animalier», l'auteur critique le point de vue émis par G. Borovki selon lequel les hautes civilisations de la Grèce et de la Perse exercèrent une influence néfaste sur l'art des tribus scythes et sarmates. L'auteur rappelle que tout changement de style dépend avant tout du développement social des peuples qui l'ont créé. Tous les arts sont soumis aux lois de l'évolution vivante et de la lutte intérieure qui s'y livre entre différentes tendances. Le trait caractéristique du style «animalier» du littoral nord de la mer Noire était son étroite symbiose avec l'art hellénique, lequel a joué un rôle considérable dans la formation d'une culture originale gréco-barbare aux confins éloignés du monde antique. Les oeuvres mi-grecques mi-barbares, et même celles purement grecques qui jouissaient d'une grande faveur auprès du public, indépendamment de la perfection de leurs formes artistiques, reflétaient, dans des conditions historiques données, la force des idéaux sociaux du monde tribal. En satisfaisant aux exigences spirituelles des Barbares et en agissant activement sur leur développement, l'art des villes (surtout de celles du Bospore), comme une des formes de l'idéologie, a joué ainsi un rôle progressiste dans l'histoire du développement des communautés tribales avancées se trouvant sur le littoral nord de la mer Noire,— les Méotes et les Skolotes,— et particulièrement de leur couche sociale supérieure, l'entourage militaire des souverains (la droujina royale). C'est justement cela qui permet de porter un jugement sur la synthèse artistique des éléments de la culture gréco-barbare.

---

[48] *М. И. Артамонов.* Происхождение скифского искусства, стр. 45.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ СТАНДАРТОВ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЫ

Для исследования античной торговли товарами, перевозившимися в керамической таре (в первую очередь вина и масла), и особенно при изучении сравнительного объема импорта из различных центров важнейшее значение имеет метрологическое исследование керамической тары — определение емкостей остродонных амфор различных центров производства [1].

Факт неодинаковой емкости амфор разных центров производства легко определяется визуально: различие их размеров и формы бросается в глаза. Вместе с тем в ряде случаев отчетливо выступают и хронологические изменения размеров и типов амфор одного центра. Еще в 1935 г. Б. Н. Граков, рассматривая хиосские пухлогорлые амфоры, обратил внимание на их «однообразно большую емкость» [2], иными словами — на их стандартность. Он отметил также,что для различных центров характерна «стандартность типов амфор для каждого из них» [3].

Это открытие, сделанное (или впервые сформулированное) Б. Н. Граковым, дает объяснение содержащимся в письменных источниках данным о поставках вина, из которых отчетливо явствует, что при оптовых поставках продуктов, транспортировавшихся в амфорах, счет велся не на единицы мер жидких тел (метреты и т. д.), а на единицы сосудов — амфоры, которые обычно обозначались терминами κεράμιον или κάδος. Так, Ксенофонт в «Анибасисе» (VI,1, 15) пишет о 1,5 тыс. керамиев вина, посланных синопянами в дар эллинскому войску Десяти тысяч, а в другом месте (VI, 2, 3) о 2 тыс. керамиев вина, присланных гераклеотами. Примечательно, что, говоря в этих же местах о сыпучих продуктах (ячмене), Ксенофонт исчисляет их количества в единицах мер — медимнах. Такой же способ обозначения количества вина характерен и для других авторов: Полибий (IV, 56) рассказывает о 10 тыс. керамиев вина, приготовленных родосцами для помощи Синопе во время ее осады Митридатом III. В приписываемой Демосфену судебной речи против Лекрита (XXXV, 10) говорится о 3 тыс. керамиев мендейского вина, которое должно было быть повезено для продажи в Понт. Как видим, во всех случаях речь идет просто о количестве амфор (κεράμια). Очевидно, конкретизация того, какие именно амфоры имелись в виду, была излишней, поскольку в каждом случае указано, откуда эти сосуды (или вино) происходили: из Синопы, Гераклеи, Родоса, Менды. Кроме того, надо полагать, в литературном произ-

[1] На исключительно большую важность метрологических исследований еще в конце прошлого века обратил внимание Г. Ниссен, отметивший, что конечной целью античной метрологии является воссоздание истории античной мировой торговли. См. *H. Nissen.* Griechische und römische Metrologie in I. Müller. Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, I², München, 1892, S. 851.

[2] *Б. Н. Граков.* Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV веков до нашей эры. ИГАИМК, 108, 1935, стр. 174, 177.

[3] Там же, стр. 178.

ведении такая конкретизация и не имела значения. Иное дело — деловые документы. И действительно, в папирусах Зеноновского архива [4] вместо очень общего и абстрактного в какой-то мере κεράμιον говорится о конкретных θάσια, Χῖα (κεράμια) или ἡμιχῖα, Χῖα ἡμικάδια Ῥοδιακός, т. е. «фасосских», «хиосских» (амфорах)» или «полухиосских», «хиосских полуамфорах», «родосских» и т. д. Такая конкретизация в деловых документах была необходима ввиду того, что в одних и тех же партиях товаров присутствовали амфоры из различных центров и, следовательно, различных стандартных емкостей и, таким образом, для учета совокупного объема поступивших продуктов, а также количества вина разного сорта и достоинства простого указания количества абстрактных амфор было недостаточно.

Дальнейшее развитие изучения амфор как стандартной тары античного мира получило в работах В. Грейс, особенно в ее статье «Стандартная керамическая тара античного греческого мира» [5]. В. Грейс пришла к следующим общим заключениям: 1 — одновременно существовали различные локальные стандарты амфор; 2 — в одном центре стандартная амфора была различной в разные периоды; 3 — существовали также фракционные клейменые амфоры [6]. Автор подчеркивает, что идентификация амфор как специфической тары гарантированной емкости дает ключ к получению большой и разнообразной информации по античной экономической истории. Приведя впервые небольшую серию фактических измерений емкостей амфор различных центров. В. Грейс особо подчеркнула, что для получения обоснованных выводов необходимы измерения больших серий амфор, чего ей, к сожалению, сделать не удалось [7]. К этим вопросам исследовательница возвращалась и в ряде своих недавних работ, приведя в них результаты еще некоторых измерений, главным образом хиосских и родосских амфор [8]. Однако недостаток целых сосудов разных типов не позволил В. Грейс сколько нибудь серьезно продвинуть вперед разработку выдвинутых ею проблем.

И. Б. Зеест, внесшая столь большой вклад в исследование остродонных амфор и по существу положившая начало их научному изучению, к сожалению, уделила мало внимания их метрологической характеристике. Вероятно, это объясняется не в последнюю очередь недостаточностью источниковедческой базы, бывшей в ее распоряжении. Тем не менее в капитальном труде И. Б. Зеест, посвященном керамической таре Боспора, отмечается мерное значение амфор и приведен целый ряд обобщенных или, реже, индивидуальных линейных измерений амфор, а также в некоторых случаях их емкости в литрах [9].

Много внимания вопросу о емкостях амфор уделил Б. Н. Граков в процессе подготовки Корпуса керамических клейм северного Причерноморья (IPE III). В ходе работы им было произведено около 150 измерений емкостей амфор. Больше всего было измерено гераклейских сосудов — 108. Отметив во вступительном очерке к разделу гераклейских клейм Корпуса весьма широкий размах их емкостей, Б. Н. Граков счел, что это обстоятельство препятствует получению каких-либо выводов об их стандарте. Тем не менее собранный им материал имеет важное значение для дальнейшей разработки проблемы и, любезно предоставленный в свое

---

[4] P. Cairo Zen. I, 59012—59014.

[5] *V. Grace.* Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World. Hesperia, Suppl. VIII, 1949, p. 175.

[6] Ibid., p. 180.

[7] Ibid., p. 179.

[8] *V. Grace, M. Savvatianou-Petropoulakou.* Les timbres amphorique grecques. Délos, XXVII, 1970, p. 359 ff; *V. Grace.* Samian Amphoras. Hesperia, XL, 1971, p. 85; *idem.* The Commercial Amphoras from the Antikythera Shipwreck. Transactions of the American Philosophical Society, 55, 3, 1965, p. 7, nn. 8, 9.

[9] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 75 сл., 80 сл., 103.

время покойным Б. Н. Граковым в мое распоряжение, используется в настоящей работе.

В последнее время наблюдается интерес к проблеме стандартов амфор некоторых центров (Хиоса, Лесбоса, Менде, Самоса, Фасоса) в связи с попытками использовать этот материал для исследования связи экономики и политики, в частности развития афинского «империализма» во второй половине V в. до н. э. (мысль, высказанная еще В. Грейс в указанной выше статье). Эта связь экономики и политики афинского «империализма», как известно, нашла наиболее яркое выражение в известном декрете Клеарха о монетах, мерах и весах, традиционной датой которого считается 449 г. до н. э. Указанная проблема служит предметом исследования в ряде работ Г. Мэттингли, который пытается привлечь для ее решения, в частности для уточнения даты Закона Клеарха, и керамическую тару — стандарты емкостей амфор разных центров, подданных Афинской державы. Особенно отчетливо это стремление выражено в его лекции, озаглавленной «Факты и артифакты: исследователь и его орудия», один из разделов которой назван «Материальные факты афинского империализма» [10]. Однако и Г. Мэттингли, не располагая достаточным количеством фактических измерений емкостей амфор, оказался не в состоянии пойти дальше общих положений В. Грейс, и выводы его, лишенные соответствующей фактической базы, оказались недостаточно обоснованными.

Следует отметить, что состояние разработки рассматриваемой проблемы зависело не только, а в большинстве случаев и не столько, от ограниченности источниковедческой базы, сколько от неразработанности методики ее исследования. Это привело к большим трудностям, когда пришлось приступить к метрологическому изучению греческих остродонных амфор. Хотя эта методика и сейчас еще находится в процессе разработки, она уже теперь может привести к достаточно объективным заключениям. Поэтому представляется необходимым прежде всего подробно изложить нашу методику исследования.

В настоящее время мы располагаем более чем 600 метрологическими измерениями (емкостными и линейными) греческих остродонных амфор. В большинстве случаев они были произведены мною. Использованы также результаты измерений Б. Н. Гракова (при этом большая серия параллельных измерений одних и тех же сосудов, произведенных Б. Н. Граковым и мною, показала практическое совпадение результатов). Учтено также небольшое количество измерений, проведенных за рубежом В. Грейс или по ее поручению и по моей просьбе в Румынии и Болгарии. Изучено подавляющее большинство целых амфор, хранящихся в коллекциях СССР и отчасти в музеях Констанцы, Варны, Созопола, Несебра и Бургаса.

По центрам производства материал по разным причинам распределяется весьма неравномерно. Подавляющее большинство амфор гераклейские — 287, хиосских амфор — 120, фасосских — 87, синопских — 33, амфор Херсонеса — 47, Менды — 27, лесбосских — 11, родосских — 28, типа Солоха I (по крайней мере часть из них протородосские) — 19, типа Солоха II (Византии?) — 17 и самосских — 4. Это количественное соотношение, естественно, определяет в известной мере и степень достоверности или гипотетичности выводов.

До настоящего времени в тех редких случаях, когда исследователи задавались целью определить стандартные емкости амфор, они производили их фактические измерения жидкостью (водой) или сыпучими телами (песком или зерном). Однако при таком способе измерения за пределами исследования оказывалось большое количество сосудов, по тем или иным причинам не поддающихся наполнению. Кроме того, практика показала, что вариация объемов однотипных сосудов порой достигает значительных

[10] *H. B. Mattingly.* Facts and Artifacts: the Researcher and his Tools. University of Ledds Review, vol. 14, N 2, oct., 1971, p. 293—297.

величин, что затрудняет решение вопроса, принадлежат ли они одному стандарту или различным. В. Грейс отмечает, что даже у сосудов идентичных размеров фактическая емкость различается до $^1/_8$ объема [11]. Что же касается различий в результатах измерений жидкостью или сыпучими телами, то, как показали экспериментальные измерения, они, при соблюдении соответствующей методики, вопреки мнению В. Грейс, полагающей, что измерения сыпучими телами всегда дают значимо меньшие результаты [12], на самом деле практически однозначны. Серия параллельных измерений водой и ячменем показала, что эти различия составляют на 7—10-литровую амфору не более 50—200 *см*^{3}.

Емкостные измерения производились нами при помощи мерного сосуда во всех случаях до самого края горла (устья) амфоры, чем было достигнуто единообразие измерений всех сосудов. Однако неприложимость этого метода к нецелым сосудам привела к поискам иных методов определения стандартов амфор. И здесь оказалось необходимым прежде всего попытаться представить себе древний процесс создания стандарта амфоры (не технологии или техники изготовления сосудов, а именно стандарта, прототипа, которому гончары должны были следовать в своей работе). Сведения, которыми мы располагаем по этому вопросу, весьма скудны, что заставляет в большинстве случаев прибегать к косвенным данным, которые, правда, в ряде случаев тесно связаны с интересующей нас проблемой.

Единственное прямое свидетельство о конструировании амфор сохранилось у Афинея (XI, 784), где рассказывается, что для экспорта знаменитого мендейского вина из Кассандрии, вновь основанной по соседству с Мендой столицы диадоха Кассандра, по его заказу прототип амфоры изготовил сам великий Лисипп. Это свидетельство, на которое до сего времени не обращено должного внимания (лишь В. Грейс вскользь приводит его) [13], имеет, как представляется, чрезвычайно важное значение. Во-первых, оно определенно указывает, что те или иные типы амфор изготовлялись по прототипам (что, впрочем, можно было предполагать и a priori) [14]. Во-вторых, что не менее важно, присутствие среди создателей типов амфор такого выдающегося скульптора, каким был Лисипп (пусть даже это был экстраординарный случай!), указывает на то значение, какое заказчик-государство (в лице единоличного правителя или гражданского коллектива — безразлично) придавал заказываемому прототипу сосуда. Очевидно, он должен был быть оригинальным по форме, отвечать каким-то эстетическим нормам и, что еще важнее, определенному метрологическому стандарту, который мог быть вычислен и воплощен в сосуде определенной формы лишь достаточно сведущим в стереометрии и архитектуре лицом.

Итак, первое исходное положение, которое, как кажется, не может вызывать сомнений и из которого следует исходить при дальнейшей работе: массовое производство керамической тары осуществлялось по определенным эталонам, прототипам, узаконенным государственной властью. Но каким образом это достигалось на практике? Для решения этого вопроса мы располагаем рядом весьма важных косвенных данных.

В списках инвентаря Делосского храма за 279 г. до н. э. упоминается τύπος ξυλίνος κεραμίδων [15]. Среди различных толкований этого предмета наиболее вероятным было мнение В. Ф. Гайдукевича, усмотревшего

---

[11] *V. Grace.* Standard Pottery Containers... p. 176.
[12] Délos, XXVII, p. 360, n. 4.
[13] *V. Grace.* Standard Pottery Containers..., p. 178.
[14] Ср. *Н. О. Лейпунська.* Методика класифікації аморфного матеріалу. Археологія, 3, 1971, стор. 74.
[15] *T. Homolle.* Comptes et inventaires des temples Déliens en l'année 279. BCH, 14, 1890, p. 470.

в нем деревянную форму для формовки черепиц [16]. Однако теперь имеются основания полагать, что и это толкование не вполне точно. Едва ли можно думать, что обычная производственная форма из керамической мастерской (даже храмовой) могла быть удостоена специального упоминания в храмовом инвентаре. Скорее в этой форме следует усматривать официальный прототип, эталон для изготовления черепиц. Такое предположение находит, как представляется, убедительное подтверждение в трех археологических памятниках, один из которых известен уже давно, но привлек внимание лишь сравнительно недавно с обнаружением второго аналогичного памятника (вскоре был найден и третий). Речь идет о мраморных стандартах — эталонах разнотипных кровельных черепиц, найденных при раскопках Ассоса в западной Малой Азии [17], Афинской агоры [18] и в Мессене [19]. Памятники представляют собой установленные на пьедесталы мраморные блоки-стелы, на которых в натуральную величину высечены изображения разнотипных черепиц (плоских и калиптеров). Как полагает Стивенс, в эти мраморные прототипы (во всяком случае, афинский) могли быть вставлены деревянные или керамические образцы, которые и служили эталонами [20]. При этом, как показал Стивенс, эталон, выставленный на агоре для всеобщего руководства, предписывал размеры готовой продукции, а не заготовок: был учтен коэффициент усушки при высыхании и обжиге черепиц, который, по его данным, составляет в среднем 8,8% (от 7,7 до 10%) [21].

Едва ли можно сомневаться в том, что существовали также аналогичные прототипы-эталоны стандартных амфор, санкционированные государственной властью, которые, подобно черепичным стандартам, выставлялись на агоре для всеобщего руководства. Можно предполагать, что именно такой эталон был изготовлен и Лисиппом по заказу Кассандра.

Вторая группа памятников, имеющих еще более близкое отношение к интересующей нам проблеме, происходит из Фасоса. Наибольшее значение среди них имеет надпись, содержащая предписание размеров пифоса (?) [22]. Палеографические особенности позволяют датировать надпись второй половиной V в. до н. э. и указывают на ее большую хронологическую близость декрету 425—400 г.г. о виноторговле, изданному Ж. До [23]. В надписи указываются следующие размеры: 55, 60, 44 и 22. Как убедительно показала М. Лэнг в исчерпывающем исследовании, посвященном публикации и интерпретации этой надписи, речь в ней скорее всего идет о внутренних размерах — глубине (55 и 60), максимальном (44) и минимальном (22) диаметрах пифоса, данных в дактилях (пальцах) ионийской системы мер [24]. Автор показала, что располагая этими размерами, легко вычислить объем сосуда, пользуясь формулой Герона, согласно которой объем пифоса равен произведению 11/14 на половину суммы максималь-

[16] *В. Ф. Гайдукевич.* Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы. ИГАИМК, 104, 1935, стр. 232.

[17] *F. H. Bacon.* Investigations at Assos. London-Leipzig, 1902, p. 71, plate, fig. 2 и 73 (текст).

[18] *G. P. Stevens.* A Tile Standard in the Agora of Ancient Athens. Hesperia, XIX, 1950, p. 174 ff., pl. 82; *H. A. Thompson* and *R. E. Wycherley.* The Agora of Athens. Princeton, 1972, p. 79, pl. 36b. (Agora, XIV).

[19] Ἐργον, 1960 (1961), p. 166, fig. 182; Agora, XIV, p. 76, n. 230...

[20] *G. P. Stevens,* Op. cit., p. 184.

[21] Ibid., p. 178.

[22] *M. Lang.* A New Inscription from Thasos: Specifications for a Measure. BCH, 76, 1952 p. 18 ff.; *J. Pouilloux.* Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos, I. Études thasiennes, III, 1954, p. 213 ff, № 19, pl. XVII, 4.

[23] IG XII, Suppl., № 347 I и II *G. Daux.* Nouvelles inscriptions de Thasos. BCH, 50, 1926.

[24] Исследователи придерживаются различной терминологии при обозначении разных античных метрологических систем. Я пользуюсь наименованиями, принятыми в новейших исследованиях У. Динзмура (см. ниже), а также и в указанной работе М. Лэнг, где короткий фут (= 293,95 *мм*) именуется ионийским, а длинный (= 326,54 *мм*) — аттическим или дорийским.

ного и минимального диаметров в квадрате и на высоту (глубину) — $11/14 \times \left(\frac{d_{max} + d_{min}}{2}\right)^2 \times H$ [25]. Не останавливаясь более подробно на ходе рассуждений и доказательств М. Лэнг, укажем лишь, что она пришла к весьма убедительному выводу о соответствии этого узаконенного фасосского гипотетического пифоса одновременно четверному стандарту: 8 метретам, 6 медимнам, 9 аттическим и 12 ионийским кубическим футам.

Не будем останавливаться и на других фасосских находках, которые могут быть привлечены в качестве косвенных свидетельств узаконения стандартной емкости амфор [26], поскольку приведенный выше документ является решающим и достаточным для важнейшего предположения: стандартные размеры амфор, как и пифосов, должны были декретироваться в единицах мер длины — дактилях той системы, которая была принята в данном центре. При этом задавалось, как можно судить по рассмотренной выше надписи, минимальное количество размеров, которые легко и просто применить как гончару при изготовлении амфор, так и чиновнику, проверявшему и удостоверявшему их соответствие стандарту путем ли клеймения или иным образом.

Высказанная гипотеза находит подтверждение и в афинском декрете конца II в. до н. э. (IG II—III², 1013), содержащем указание на размеры (линейные) стандартных сосудов, обязательных при продаже персидских орехов и зеленого миндаля, а также в измерениях большого числа мерных сосудов с Афинской агоры [27].

При работе по выяснению стандартов амфор следует, как представляется, исходить из тех измерений (или их метрических эквивалентов), которыми пользовались изготовители. Но здесь мы сталкиваемся с определенными трудностями, поскольку документов, относящихся к амфорам и содержащих сведения об их размерах, нет. Между тем механическое перенесение древних формул вычисления объема пифосов (у Герона их три) [28] на амфоры, как показала проверка, неправомерна. Как явствует из факта рекомендации трех формул для пифосов, и для них была неприменима единая формула; она зависела от формы сосуда (у Герона различаются πιθοειδές («пифоид»), πίθος σφαιροειδός («сфероидный пифос») и какой-то неясный абстрактный ᾿άλλος πίθος («другой, или «еще один», пифос»). Очевидно, следует предполагать множественность формул вычисления объема и для амфор в зависимости от их формы.

М. Лэнг в исследовании о мерах жидких тел раскопок из Афинской агоры высказала предположение, что возможно, учитывая трудности измерения внутреннего диаметра амфоры, предписывался ее внешний диаметр и

---

[25] Metrologicorum scriptorum reliquiae (ed. F. Hultsch), Lipsiae 1864, p. 202, № 19. Хотя нет прямых сведений, что эта формула была известна в V в. до н. э. (Герон, как известно, жил в Александрии во II—I вв. до н. э.), к этому времени была уже проделана большая теоретическая и практическая работа по вычислению длины окружности, и очень вероятно, что грубые значения π были уже выработаны для практических целей (см. *M. Lang.* Op. cit., p. 19). Приводимые ниже примеры возможности вычисления объемов некоторых амфор V в. до н. э. по формуле Герона делают это предположение бесспорным и показывают, что формула, названная именем Герона, была известна и применялась задолго до него. Следует также отметить, что отношение 11/14 представляет собой не что иное, как 1/4 π (11 : 14) = 0,7857; π : 4 = 0,7853), а содержащееся в другой героновской формуле (для вычисления объема «сфероидного пифоса» — см. ниже) отношение 11/21 — 1/6π. Достаточно точное значение π, как считается, было вычислено Архимедом около середины III в. до н. э. Однако применимость рассматриваемой формулы Герона к вычислению (весьма близкому к точности) объемов амфор V в. до н. э. делает вероятным предположение, что и сформулированное Архимедом значение отношения длины окружности к ее диаметру (π) было известно и применялось на практике значительно раньше.

[26] *J. Pouilloux.* Op. cit., p. 37, ff., № 7; 128 ff., № 20; 405 ff., № 153 (Ср. A.-M. et *A. Bon.* Les timberes amphorique de Thasos, Études thasiennes, IV, 1957, p. 37).

[27] *M. Lang and M. Crosby.* Weights, Measures and Tokens. Agora, X, 1964.

[28] Metrologicorum scriptorum reliquiae, p. 202 ff., № 19—21.

глубина. В этом случае формула вычисления ее объема (емкости) должна была учитывать и объем, занимаемый стенками, и могла выглядеть примерно как 11/14 × (3/4 макс. диам) ^{2} × глубину [29]. Хотя о такой формуле нет сведений в источниках, М. Лэнг полагает, что для различных типов амфор могли создаваться различные формулы в результате экспериментов. Приведенная исследовательницей формула как будто подходит для вычисления емкостей панафинейских амфор, судя по полученным ею результатам, но она неприменима для измерения всех прочих, в частности остродонных амфор — массовой керамической тары. Очевидно, широкая вариация типов амфор влекла за собой и конкретную выработку опытным путем различных формул для различных конкретных типов. В ряде случаев амфоры расчленяются на несколько простых геометрических фигур (конус, усеченный конус, цилиндр), вычисление объемов которых, несомненно, было известно грекам в весьма раннее время и не представляло трудностей. Из таких фигур состоит, например, хиосская амфора IV в. до н. э. с так называемой колпачковой ножкой (рис. 1).

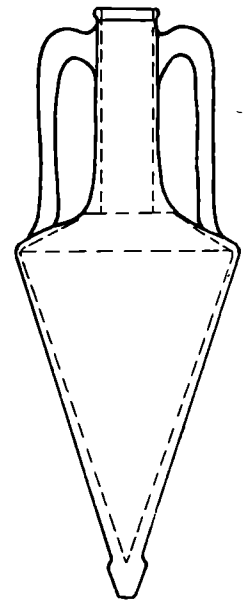


Рис. 1. Хиосская амфора с «колпачковой» ножкой. Схема расчленения на элементарные геометрические тела

В мою задачу не входит воссоздание тех формул, по которым древние греки вычисляли емкости амфор, тем более что, не будучи математиком и не обладая достаточными познаниями ни в истории математики, ни в стереометрии, я не компетентен в решении этих вопросов. Для меня важно выяснить то оптимальное количество измерений, которые задавались древними создателями амфор для их массового стандартного производства.

Многочисленные промеры, проведенные на амфорах самых различных типов, показывают, что устойчиво повторяющимися размерами в амфорах каждого типа, т. е. стандартными размерами, были: глубина сосуда, его максимальный диаметр, диаметр горла (устья), высота верхней части (до линии максимального диаметра), а также соотношения высоты к диаметру и верхней и нижней частей амфор (по линии максимального диаметра), т. е. их пропорции. Поэтому можно предполагать, что законодательным путем, как и в случае с фасосским гипотетическим пифосом, определялось не более трех-четырех размеров амфор — два диаметра и одна-две высоты (глубины) [30].

---

[29] *M. Lang and M. Crosby.* Weights, Measures and Tokens, p. 59. В текст вкралась ошибка: вместо квадрата 3/4 максимального диаметра говорится просто о 3/4 максимального диаметра.

[30] В связи с этим необходимо коснуться работы Н. О. Лейпунской о методике классификации амфор, проведенной на примере гераклейских амфор (см. *Н. О. Лейпунська.* Ук. соч., стор. 66). Автор предлагает такую систему их измерений, которая, как представляется, не только неоправданно сложна, но и ошибочна. Для определения типа амфоры предлагается 8 и даже более измерений, которые именуются основными. В основе классификации Н. А. Лейпунской лежат значения следующих соотношений размеров амфор: высоты к высоте нижней части сосуда, высоты верхней части к высоте горла и максимального диаметра к диаметру горла у перехода его к плечам (?). Здесь нет ясного представления о признаках амфор, действительно существенных для определения ее типа. Ряд признаков (размеров), выделяемых Н. О. Лейпунской как основные, фактически являются второстепенными, не имеющими существенного значения при определении типа амфоры. Вместе с тем ею упущен и не учитывается один из основных, определяющих признаков (размеров) амфоры — глубина ее вместилища.

В работах, связанных с определением типологии амфор, авторы нередко приводят случайный набор измерений (никак не обосновывая их целесообразность), не дающих никакого представления о типе сосуда. В качестве типичного примера можно сослаться на новейшую работу В. В. Борисовой, посвященную классификации херсонесских

Как представляется, главным, что необходимо иметь в виду при выработке методики изучения амфор как керамической тары, является то, что тот или иной тип амфоры выражал прежде всего определенный стандарт емкости, и таким образом стандарт амфоры определял ее форму и линейные размеры. В конечном итоге при изучении амфор как тары основной целью и является определение этих стандартов.

Однако здесь мы сталкиваемся с большими трудностями. Известно, что существовали различные стандарты мер, применявшиеся разными греческими государствами. Так, например, только для городов Малой Азии можно говорить о применении по крайней мере семи различных стандартов мер длины, в которых метрический эквивалент фута (пода) колебался от 296 до 350 *мм*, а это значит, что и величины мер объема были различны[31]. Чаще всего весьма нелегко определить, какой именно стандарт лежит в основе мер того или иного центра и поэтому мы вынуждены реконструировать его гипотетически. Далее, что не менее важно, стандарты мер данного центра были подвержены изменениям и колебаниям, зависевшим как от экономических, так и от политических обстоятельств, чаще всего нам неизвестных, и не могут поэтому быть достаточно четко прослежены. Однако положение все же не столь безнадежно, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что большинство центров, с массовым импортом керамической тары которых мы сталкиваемся в Причерноморье, пользовалось, по-видимому, одним из двух основных стандартов мер, распространенных в Восточном Средиземноморье и Причерноморье в интересующее нас время — ионийским или аттическим. И что еще важнее, кроме того, различные греческие стандарты мер легко соотносимы друг с другом, и поэтому в конечном итоге емкости амфор различных стандартов возможно исчислять, переводя их в условные древние единицы мер, как например, аттические хои.

Согласно новейшим исследованиям У. Динзмура, короткий, или ионийский, фут в переводе на метрические единицы равен 293,95 *см*, а длинный, или аттический (или дорийский) — 326,54 *мм* [32]. Эти два фута соотносятся как 9 : 10, а их кубы как 729 : 1000, или 3 : 4, и, таким образом, на практике они были легко переводимы друг в друга, что было хорошо известно грекам и использовалось ими при изготовлении эквивалентных емкостей амфор и других стандартных сосудов, исходящих из обеих систем [33]. Сказанное можно проследить, например, в хиосских амфорах. Так, 8 хиосских хоев равны 7 аттическим, что подтверждается как соответствующими метрологическими исследованиями [34], так и граффити на хиосских амфорах, найденных при раскопках Афинской агоры [35].

Итак, прежде чем перейти к рассмотрению стандартных емкостей конкретных групп амфор, подведем некоторые итоги сказанному выше. Можно считать наиболее вероятным, что при конструировании амфоры определенного стандарта исходными были линейные размеры в дактилях соответствующей системы мер. Определяющими при этом должны были быть глубина сосуда и его максимальный диаметр. Весьма существенным при этом было, на каком расстоянии от края горла этот максимальный диаметр располагался, иными словами, каковыми были пропорции сосуда. Поэтому и при наших измерениях наиболее важными, с моей точки зрения, являются следующие три величины: глубина вместилища амфоры (H_0), максимальный диаметр (D) и высота верхней части амфоры от линии макси-

амфор (см. *В. В. Борисова*. Керамические клейма и классификация херсонесских амфор. НЭ, XI, 1974, стр. 99).

[31] *H. Nissen*. Op. cit., S. 863.

[32] *W. B. Dinsmoor*. The Basis of Greek Temple Design: Asia Minor, Greece, Italy. Atti del settimo congresso internazionale di archeologia classica, I. Roma, 1961, p. 357 ff.

[33] *M. Lang* A New Inscription..., p. 22.

[34] *W. G. Forrest*. The Inscriptions of South-East Chios. II, BSA, 59, 1964, p. 38; *V. R. Grace and M. Savvatianou-Petropoulakou*, Op. cit., p. 360.

[35] *M. Lang*. Numerical Notation of Greek Vases. Hesperia, 25, 1956, p. 2.

мального диаметра (H_1). Важное значение могут иметь также высота горла (в некоторых случаях) и его диаметр (скорее всего не внешний, а внутренний). Все прочие размеры, как представляется, должны рассматриваться как второстепенные либо вообще не имеющие значения для определения стандарта амфоры. Приведенное минимальное число линейных измерений позволяет определить тип амфоры и ее стандарт (здесь речь идет не о различных вариантах и разновидностях типа, выделяемых по особенностям деталей,— формы венчика, ножки, посадки ручек и т. д., которые чаще всего обязаны своим возникновением индивидуальным вкусам, приемам работы и т. д. гончара или гончарной мастерской). Зная емкостные измерения определенных типов амфор в литрах или кубических сантиметрах (переведенных также в их древние эквиваленты), нетрудно определить стандарты емкости и тех сосудов данного типа, основные размеры которых нам известны, но непосредственное измерение емкости которых жидкостью или сыпучими телами по тем или иным причинам недоступно. В дальнейшем же, когда удастся реконструировать математические формулы определения емкостей разнотипных амфор, нетрудно будет определять стандарт амфоры, пользуясь одними лишь линейными измерениями ее основных частей.

При метрологических исследованиях амфор необходимо, однако, иметь в виду еще два весьма важных момента. Во-первых, их размеры (объемы, емкости) должны были задаваться больше стандарта с учетом объема, занимаемого пробкой, необходимой воздушной прокладки между содержимым и пробкой и т. д. Кроме того, сам характер технологии изготовления амфор исключал возможность достижения абсолютной точности заданных размеров и объемов. Поэтому, как правило, фактическая емкость амфор должна превышать стандарт [36] (что не исключает и обратных случаев, которые тоже нередки и вызваны технологическими причинами). Надо полагать: что при оптовой торговле эти колебания не играли существенной роли и не принимались в расчет, так как в больших партиях амфор, исчислявшихся десятками, сотнями и даже тысячами, они усреднялись. Думается, что и при наших расчетах объема торговли мы вправе игнорировать эти отступления от стандарта. Во-вторых, при античных расчетах неизбежны были неточности в определении объемов, поскольку эти расчеты исходили не из объема (веса), занимаемого дистиллированной водой при температуре +4° С, как в наше время, а из веса (объема) воды (морской, дождевой) или, чаще, вина, имеющих иную и различную (в зависимости от сорта и температуры) плотность, а следовательно и вес, чем дистиллированная вода при +4° С. Поэтому все античные меры объема лишь приближенно точны. Однако эти неточности практически столь незначительны, что могут в расчет не приниматься [37].

Методика определения стандартов амфор различных центров и типов не является универсальной: в зависимости от типологии она варьируется. В некоторых случаях могут быть использованы дополнительные возможности проверки выводов, связанные с наличием клейм на амфорах некоторых групп.

В поисках методики определения стандартных емкостей амфор мы прежде всего попытались выяснить возможности применения для этих целей формул Герона для вычисления объемов разнотипных пифосов, хотя, как отмечено выше, такая возможность отрицалась исследователями, и героновские формулы объемов сложных тел вращения до сих пор не находили применения по отношению к амфорам. Анализ многочисленных измерений амфор показал, что приведенная выше формула Герона

---

[36] *M. Lang.* Numerical Notation..., p. 4.

[37] *H. Nissen.* Op. cit., S. 850 ff. Так, например, римский фут, реконструируемый по остаткам архитектурных сооружений, равен 296 *мм*, а по мерам объема и веса — 296,9 *мм*.

объема «пифоида» все же может иметь ограниченное применение и к амфорам. Так, она полностью применима для вычисления объема одной группы амфор, происходящих из различных центров производства (Фасос, Менде, Синопа), но объединяемых сходностью формы, близкой форме некоторых пифосов. Подобные сосуды названы мною амфорами «пифоидного» типа [38]. Ярким примером такой амфоры является фасосская амфора, найденная в Нимфее в 1970 г., которая и дала основания для выделения типа. Интересно, что амфора, как и гипотетический фасосский пифос, объем которого был вычислен М. Лэнг по формуле Герона, датируется тем же временем, что фасосский декрет, предписывающий размеры пифоса — второй половиной V в. до н. э.

Нимфейская амфора (рис. 2) [39] вызывает исключительно большой интерес с разных точек зрения. Помимо того, что она представляет новый, неизвестный до сих пор, тип ранней фасосской амфоры, чрезвычайно интересен и важен ее стандарт — линейные размеры и объем. Кроме того, на горле амфоры процарапана серия граффити — цифровых знаков, имеющих большое значение как для проверки правильности математического вычисления ее объема, так и, особенно, для выяснения ее древнего стандарта и той системы мер, в которых он выражался. Однако самое важное, как уже говорилось, заключается в том, что нимфейская амфора позволила выделить целую группу амфор различных центров сходного «пифоидного» типа, объемы которых могут быть математически вычислены по древней формуле Герона (подробнее об этом ниже). Наконец, нимфейская амфора представляет большой интерес и для истории античной математики: она впервые дает представление об облике древнего сложного тела вращения — пифоиде.

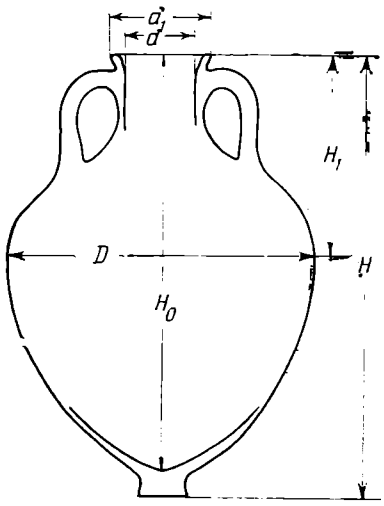


Рис. 2. Фасосская амфора «пифоидного» типа из Нимфея

Для занимающих наше внимание в настоящей статье проблем наибольшее значение имеет метрологическая характеристика амфоры. Глубина ее (H_0) составляет 520 *мм* (высота (H) — 550 *мм*), максимальный диаметр (D) — 380 *мм*, высота верхней части (H_1 — от линии максимального диаметра) — 255 *мм* и диаметр устья (d) — 110 *мм* (диаметр венчика (d_1) — 125 *мм*).

Как сказано выше, длина ионийского (или короткого) фута в переводе на метрические единицы равна 293,95 *мм* [40], что дает дактиль длиною в 18,37 *мм* (или приблизительно 18,4 *мм*). Если перевести приведенные выше метрические измерения фасосской амфоры в их эквиваленты ионийских мер длины, то окажется, что $H_0 = 28$ дактилям ($H = 30$), $D = 21$, $H_1 — 14$, а $d — 6$ ($d_1 = 7$) дактилям. Как видим, основные размеры (в дактилях) составляют кратные к 7, одному из основных чисел, входящих в формулу Герона (11/14), что очень упрощает расчеты. Применив ту же формулу, которая была применена М. Лэнг при вычислении объема гипотетического фасосского пифоса, получен следующий результат:

---

[38] *И. Б. Брашинский.* Методика выяснения стандартных емкостей античных греческих остродонных амфор. Сб. «Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции)», ч. III, Киев, 1975, стр. 23.

[39] Амфора восстановлена из обломков, частично дополнена гипсом. Хранится в Гос. Эрмитаже (инв. № НФ. 70.74). За возможность изучения и публикации амфоры выражаю искреннюю благодарность руководителю Нимфейской экспедиции Эрмитажа Н. Л. Грач.

[40] *W. B. Dinsmoor*, Op. cit., p. 357 ff.

$11/14 \times \left(-\frac{21+6}{2}\right)^2 \times 28 = 4009\ 1/2$ ионийских куб. дактилей [41]. Между тем 1 куб. фут составляет 4096 куб. дактилей (16^3). Как видим, полученный нами результат лишь на 2,1% отличается от этого числа. Поэтому весьма вероятно положение, что заданный объем фасосской амфоры, ее стандарт, равнялся одному куб. ионийскому футу. Метрический эквивалент такого фута равен, по данным У. Динзмура, 25,35407 *кг*, а по данным М. Лэнг — 25,934,336 *см*^{3} [42]. Фактическое измерение емкости амфоры, произведенное ячменем, дало результат 25,700 *см*^{3}. Если перевести это число в древние единицы объема жидких тел, то выясняется, что оно полностью соответствует 8 аттическим хоям (= 25,600—26,000 *л*) [43]. Здесь весьма любопытно то обстоятельство, что емкость сосуда, судя по всему, была задана в аттических единицах мер жидких тел, между тем как линейные его размеры были сконструированы в единицах мер длины не аттической системы, а ионийской. Вероятно, это может быть связано с действием закона Клеарха 449 г. до н. э. (или более позднего декрета, подтвердившего его), предписывавшим афинским союзникам-подданным пользоваться аттическими монетами, мерами и весами, что, однако, как предполагают исследователи, не затрагивало локальных линейных мер [44]. Рассматриваемая амфора как будто подтверждает это предположение. Связь стандарта амфоры с афинским декретом о мерах и весах находит подкрепление в том, что ее объем не соответствует фасосскому локальному стандарту, в основе которого в начале IV в. до н. э., сразу же после распада Афинской державы, лежала котила объема в 245 *см*^{3} [45], дающая хус в 2,940 *см*^{3} (2,94 *л*), соотносящийся с аттическим так 9 : 10, т. е. так же как ионийский и аттический футы.

Более подробное исследование этих интересных и важных проблем, равно как и вопросов, связанных с самой фасосской амфорой, в частности с граффити на ее горле, выходит за рамки настоящей статьи и должно послужить темой самостоятельного рассмотрения. Остановимся лишь еще на одном вопросе, имеющем непосредственное отношение к рассматриваемой теме.

Выше уже отмечалось, что формула Герона применима не только к одной лишь фасосской амфоре из Нимфея, а к целой группе сосудов, происходящих из различных центров, но объединяемых общностью типа, названного «пифоидным». Этот «пифоидный» тип можно, очевидно, выразить и математически, образцом чему могут послужить количественные характеристики нимфейской фасосской амфоры. Соотношения ее основных измерений выражаются в следующих показателях: $D : H = 1 : 1{,}44$; $D : H_0 = 1 : 1{,}36$; $H_1 : H = 1 : 2{,}15$; $d : D = 1 : 3{,}45$ ($d_1 : D = 1 : 3{,}04$).

---

[41] При этом за d_{min} принято значение d, а не d_1. Если принять это последнее значение, равное 7 дактилям (а это казалось бы допустимым, поскольку и за значение d_{max} принято значение внешнего, а не внутреннего диаметра тулова амфоры — последнее невозможно при целом сосуде, к тому же и число 7 в формуле Герона выглядело бы более логичным), то результат вычисления будет равняться 4312 ион. куб. дактилям. Это число, несомненно, должно превышать стандарт (и оно действительно превышает его на 216 куб. дактилей, или 5,2%), поскольку включает и объем, занимаемый стенками сосуда. Сопоставление полученных результатов показывает, что первый (4009 1/2 куб. дактилей), соответствующий почти в точности 1 куб. футу, безусловно предпочтительнее второго, а это в свою очередь указывает на то, что при конструировании стандартной фасосской пифоидной амфоры заданные величины диаметров выражали в одном случае внешний (d_{max}), а в другом внутренний (d_{min}). Как это объяснить, я не знаю, могу лишь констатировать факт.

[42] *W. B. Dinsmoor.* Op. cit., p. 361; *M. Lang.* A New Inscription..., p. 21.

[43] Правильность результатов измерения и перевода его в древние меры объема подтверждается граффити на горле амфоры, указывающих фактический объем ее содержимого в древности.

[44] *M. Lang.* Op. cit., p. 21, n. 5.

[45] *L. Ghali-Kahil.* La céramique grecque. Études thasiennes, VII, 1960, p. 135, № 35, pl. LXI, 35u pl. G.

Очевидно, эти или близкие им показатели характеризуют тип «пифоидной» амфоры.

Наиболее близки соотношения основных размеров нимфейской фасосской амфоры, соотношения размеров синхронной ей мендейской амфоры второй половины (третьей четверти) V в. до н. э., известной по целому экземпляру из Елизаветовского могильника [46] (рис. 3): $D : H = 1 : 1{,}45$; $D : H_0 = 1 : 1{,}35$; $H_1 : H = 1 : 2{,}37$; $d : D = 1 : 4{,}44$ ($d_1 : D = 1 : 3{,}6$). Как показала проверка, объем этой амфоры также может быть вычислен по формуле Герона для «пифоида». Полученный результат равен 25,410 *см*^{3}, что с минимальной ошибкой (2%) соответствует метрическому эквиваленту 1 ионийского куб. фута или 8 аттическим хоям. Полное совпадение вычисленного математически стандарта этой амфоры с фактически удостоверенным стандартом фасосской пифоидной амфоры из Нимфея придает ему большую убедительность. Правильность расчетов подкрепляется и тем, что их результат в обоих случаях равен одной из основных античных мер объема — одному кубическому футу.

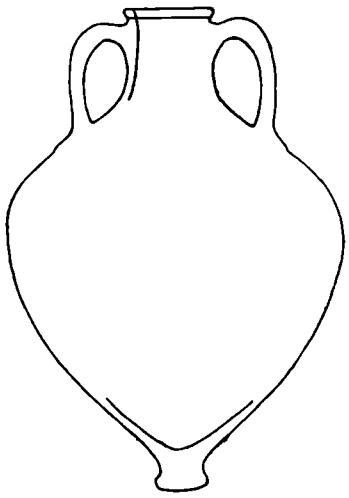


Рис. 3. Мендейская амфора «пифоидного» типа

К этому же «пифоидному» типу могут быть отнесены и некоторые разновидности ранних синопских амфор, в частности амфора второй четверти IV в. до н. э. с клеймом Батиска из Херсонеса, изданная Г. Д. Беловым [47]. В основе ее размеров, как показали расчеты, лежали единицы мер длины, исходящие из длины не ионийского, как в фасосской и мендейской амфорах, а аттического (длинного) фута [48]. Хотя пропорции этой амфоры не во всем совпадают с приведенными выше соотношениями размеров «пифоидных» амфор Фасоса и Менды, формула Герона оказалась вполне пригодной для вычисления и ее объема, который с минимальной ошибкой (1,5%) соответствует 6 аттическим хоям. Фактическое измерение емкости амфоры ячменем, давшее результат 20,6 *л*, подтверждает этот стандарт, соответствующий половине метрета — основной древнегреческой меры объема жидких тел.

Вполне возможно, что использованная формула Герона или другие его формулы объемов пифосов найдут в дальнейшем применение еще для некоторых типов амфор. Однако важно еще раз подчеркнуть неприменимость формул Герона к подавляющему большинству типов амфор классической и эллинистической эпох. Поэтому для определения их стандартов в настоящее время возможно лишь применение той более сложной методики, которую я пытался обосновать выше, необходимо сочетающей в себе линейные измерения амфор с фактическими измерениями емкостей целых сосудов. Для иллюстрации применения основной методики остановимся на попытках определения стандартов хиосских амфор.

Хиосские амфоры не только являются наиболее массовой группой ранней импортной керамической тары в Причерноморье, но также, что не менее важно, позволяют отчетливо проследить за типологическим развитием

[46] *И. Б. Брашинский.* Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону. КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 12, рис. *3, 1*; *его же.* Амфоры Менде. Сб. «Художественная культура и археология античного мира». М., 1976.

[47] *Г. Д. Белов.* Синопская амфора из Херсонеса. СА, 1966, 2, стр. 309, рис. 1. Амфора датирована ошибочно концом IV — началом III в. до н. э. В публикации неверно указана и высота сосуда — 48 *см*. На самом деле она составляет 60,5 *см*.

[48] О применении в Синопе аттических мер длины см. *И. Б. Брашинский.* Стандарты линейных мер в керамическом производстве Синопы. Сб. «История и культура античного мира». М., 1976.

амфор одного центра производства на протяжении по крайней мере двух столетий [49]. Оставляя в стороне единичные экземпляры наиболее раннего типа хиосских амфор, характерной особенностью которого является воронкообразное горло [50], остановимся подробнее на наиболее ранних разновидностях типа хиосских пухлогорлых амфор, находки которых в Причерноморье зафиксированы повсеместно и импорт которых был массовым.

Характерными особенностями этих амфор (рис. 4, *1*), помимо раздутого («пухлого») горла, является прежде всего широкое яйцевидное тулово, а также окрашенность венцов и других частей (тулова, ручек)

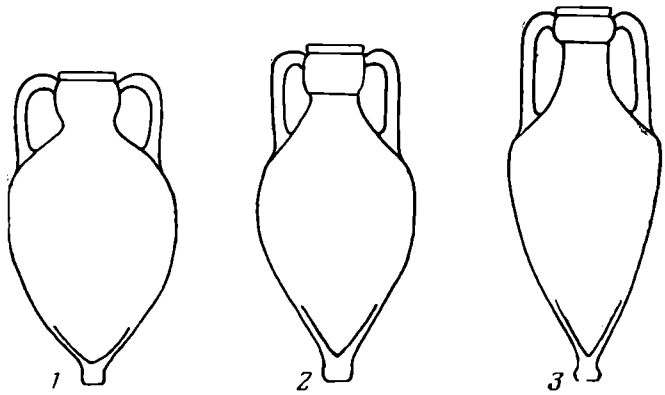


Рис. 4. Хиосские пухлогорлые амфоры: *1* — VI — начало V в. до н. э.; *2* — вторая четверть V в. до н. э.; *3* — позднепухлогорлая, третья четверть V в. до н. э.

широкими или узкими полосами и наличие на горлах или плечах нанесенных краской знаков в виде крестов или кружков. Общая высота этих амфор (H) составляет 630—640 *мм*, H_0 — 595—600 *мм*, D — 345—358 *мм* [51]. Обращает на себя внимание также постоянство пропорций — соотношений верхней и нижней частей (H_1/H_2) и D/H рассматриваемых амфор: они составляют соответственно 1 : 1,37—1,44 и 1 : 1,7. Если перевести приведенные метрические линейные размеры ранних пухлогорлых амфор, датируемых VI — началом V в. до н.э. (до 480 г. до н.э.) [52], в соответствующие эквиваленты, исходящие из длины ионийского и аттического футов, то H_0 составит 32 ионийских дактиля или 2 фута (592 *мм*), или 29 аттических дактилей (591,2 *мм*), а D соответственно 19 ионийских (351,5 *мм*), или $17^1/_2$ аттических дактилей (356,8 *мм*); H_1 — 14 ионийских (259 *мм*) или 13 аттических (265,2 *мм*) дактилей, а H_2 — 20—21 ионийских (370—388,5 *мм*), или 18—19 аттических (366,8—387,2 *мм*) дактилей. Даже беглый взгляд на приведенные цифры показывает, что ионийские меры в данном случае предпочтительнее аттических, поскольку они дают целые единицы и притом в ряде случаев кратные, т. е. они более просты для расчетов. Несколько смущает лишь величина диаметра, равная 19 дактилям. Можно допустить, что стандартные размеры ранних хиосских пухлогорлых амфор составляли: H_0 — 33 ионийских дактиля

[49] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора, стр. 74; *V. Grace.* Amphoras and the Ancient Wine Trade. Princeton, 1961, fig. 44—47.

[50] *И. Б. Зеест.* Ук. соч., стр. 76, табл. III, 10*б*. Отнесение амфоры из Ташлы-Яра близ Керчи, хранящейся в Феодосийском музее (*И. Б. Зеест.* Ук. соч., стр. 76, табл. III, 10*а*) к переходному типу от амфор с воронкообразным горлом к пухлогорлым представляется мне необоснованным; указанная амфора, несомненно, должна быть отнесена не к переходному, а к основному раннему типу пухлогорлых амфор.

[51] Исключение составляет амфора из раскопок Пантикапея 1972 г., хранящаяся в ГМИИ, она отличается размерами от приведенных выше. Вероятно, она относится к наиболее поздним образцам рассматриваемой группы.

[52] *V. Grace.* Amphoras...

(610,5 *мм*), D — 20 (370 *мм*), H_1 — 14 (259 *мм*), а H_2 — 21 (388,5 *мм*). Если принять гипотетические размеры такой амфоры, то мы получим числа, весьма удобные для использования в древних формулах вычисления объемов сложных тел вращения, в которых, как указано выше, присутствует число 11/14: три числа (33,14 и 21) легко в них использовать, четвертое же (20) также легко возводимо в квадрат, удобно для умножения и деления.

Измерения емкостей амфор этого типа, произведенные водой или ячменем, дали результаты 25,300—25,800 *л*. Напомним, что вычисленный математический объем 1 ионийского куб. фута составляет 25 355—25 934 $см^3$. Поэтому очевидно, что стандарт рассматриваемых амфор равнялся 1 куб. футу, что соответствует 9 хиосским хоям по 2,800 *л* [53] (25,200 *л*). Этот же объем легко переводим в аттические меры: он соответствует 8 аттическим хоям по 3,200 *л* (25,600 *л*), что было весьма удобно при торговых операциях «международного» масштаба.

Во второй четверти V в. до н. э. стандарт хиосской пухлогорлой амфоры меняется. Общий облик сосуда и прежде всего столь характерное пухлое горло сохраняется [54], но существенно изменяются пропорции — они становятся более стройными, вытянутыми (рис. 4, *2*). Увеличивается глубина сосудов: теперь она составляет в среднем 660 *см* (36 ионийских или 32 аттических дактиля), диаметр же, напротив, уменьшается (17 ионийских или 15 $^1/_2$ аттических дактилей). Можно допустить, что внутренний диаметр должен был соответствовать 16 ионийским дактилям. Если прежде соотношение H/D составляло 1,7 : 1, то теперь оно равно 2,11 : 1. Емкости пухлогорлых амфор этого варианта составляют 7 и 8 хиосских хоев (с метрическими эквивалентами в 19,600 и 22,400 *л*), что соответствует объему 3/4 (3072 куб. дактиля) и 7/8 (3584 куб. дактиля) ионийского куб. фута. Хотя можно предполагать, что эти два стандарта являются свидетельством каких-то хронологических колебаний, археологически это не прослеживается и поэтому мы вынуждены пока говорить о сосуществовании амфор двух стандартных емкостей.

В третьей четверти V в. тип пухлогорлой хиосской амфоры сменяется новым — позднепухлогорлой, или пухлогорлой с перехватом (рис. 4, *3*). Пропорции сосудов еще более вытянутые, чем прежде (средние соотношения H/D — 2,33 : 1). Глубина амфор увеличивается главным образом за счет удлинения горла до 710—720 *мм* (39 ионийских или около 36 аттических дактилей), диаметры остаются прежними (17 ионийских или около 16 аттических дактилей). Стандартные емкости в результате изменения конфигурации сосудов сохраняются — 7 и 8 хиосских хоев.

В связи с рассмотрением стандартных емкостей хиосских амфор позднего варианта пухлогорлых и позднепухлогорлых (с перехватом на горле) необходимо вернуться к анализу их линейных размеров. Как видно из приведенных цифр, они не укладываются в ту схему (модель), что и размеры раннего варианта пухлогорлых амфор: их размеры (в дактилях) не содержат величин, кратных 7 (или 11) [55]. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что величины здесь как будто более удобны для вычислений в аттических дактилях, чем в ионийских 36,32 (= 2 футам), 16 (= 1 футу). Не указывает ли это на то, что в период вхождения

---

[53] Объем хиосского хоя вычисляется по секоме емкостью в дигемигект, или двойной хус, измерения которого разными исследователями дали разные результаты. По Форресту (Ук. соч.) этот двойной хус равен 5,600 л, по Грейс и Уайт (Délos, XXVII, p. 360, n. 4) — 5,300 *л*, что дает хус в 2,650 *л*. Измерения хиосских амфор показывает предпочтительность данных Форреста.

[54] Это обстоятельство нередко приводит к ошибкам в датировках — результат смешения раннего и позднего вариантов этого типа. В практической работе с массовым материалом необходимо постоянно учитывать существенный признак — наличие красных, бурых или черных широких и узких полос на сосудах раннего варианта.

[55] Следует отметить, что и глубина хиосских секом равнялась 14 дактилям. См. *W. G. Forrest*. Op. cit., p. 38.

Хиоса в Афинский морской союз (хотя и на правах привилегированного союзника) там стали применять аттическую систему мер, возможно, параллельно с сохранением прежней системы? Этот вопрос требует специального исследования и подробнее мы на нем останавливаться не будем, тем более, что для методики определения стандартов амфор он несущественен.

Указанная выше стандартная емкость (или два стандарта) хиосских амфор в 8 хиосских хоев (= 7 аттическим) и 7 хоев (= примерно 6 аттическим) сохраняется на Хиосе и в дальнейшем, на протяжении последней четверти V и IV вв. до н. э. (амфоры с прямым горлом, иногда клейменые, и амфоры с колпачковой ножкой) [56]. Вместе с тем значительно чаще, чем прежде, выпускаются фракционные сосуды, особенно амфоры емкостью в 1/3 стандарта. Однако в целом эти фракционные сосуды всегда занимали сравнительно незначительное место в общем выпуске керамической тары.

Таким же путем установлено, что стандарт лесбосской сероглиняной амфоры второй половины VI в. до н.э.[57] соответствовал 10 аттическим хоям (= 32,400 *л*), и, таким образом, ее емкость соотносится с емкостью синхронной хиосской ранней пухлогорлой амфоры (8 аттических хоев), как 5 : 4. Следовательно, при оценке объема синхронного импорта в хиосской и лесбосской керамической таре второй половины VI в. до н.э. механическое сопоставление количества единиц амфор обоих центров неправомерно, ибо количество продукта, привезенного в 4 лесбосских амфорах, равно продукту, содержащемуся в 5 хиосских. Этот коэффициент — 4 : 5 — должен непременно учитываться. Уже этот пример показывает, сколь важное значение имеет установление стандартов разнотипных амфор различных центров для конкретного изучения античной торговли.

Дальнейшие метрологические исследования древнегреческой керамической тары сулят для изучения истории античной торговли чрезвычайно важные новые возможности, которые позволят вести исследования на новом, более высоком уровне.

I. B. Brachinski

METHODE POUR L'ETUDE DE LA CAPACITE DETERMINEE DES AMPHORES GRECQUES

Résumé

On sait que les amphores grecques de l'Antiquité étaient des récipients à contenance déterminée. Etablir leurs capacités présente un intérêt de premier ordre, parce que cela permet d'aborder l'étude du commerce «mondial» dans l'Antiquité, à un niveau plus élevé qu'auparavant. Cette étude est basée sur l'examen métrologique de plus de 600 amphores provenant de différentes villes: Héraclée Pontique (287), Chios(120), Thasos (87), Sinope (33), Mende (27), etc. L'auteur estime que pour déterminer la capacité des amphores on doit connaître leurs mesures linéaires (leurs standarts): la profondeur (H_0), le diamètre maximum (D) et le diamètre de l'ouverture (d). ainsi que la hauteur totale (H) et la hauteur de la partie supérieure (H_1). Pour l'étude de l'évolution des types d'amphores et de leurs standarts de capacité,— étant donné que chaque type répond à une capacité donnée — ce qui a une grande importance c'est le rapport entre les diametres et la hauteur (D : H), et entre les hauteurs des parties supérieure et inférieure (H_1 : H_2). Il est très important d'effectuer la mensuration réelle du plus grand nombre possible d'amphores en les remplis-

[56] Факт одинакового стандарта амфор с колпачковой ножкой с заведомо хиосскими амфорами может служить, как мне представляется, веским дополнительным аргументом в пользу их хиосского происхождения.

[57] Целые экземпляры амфор этого раннего типа не опубликованы. Три сосуда хранятся в Эрмитаже. Два из них (инв. № Б.63. 288 и 289) найдены на Березани в комплексе, надежно датированном второй половиной (вероятно, третьей четвертью) VI в. до н. э., третья (инв. № ОЛ 18178) происходит из Ольвии.

sant d'eau ou de matières meubles (par ex., du grain). La capacité des amphores du type «pithoïde» peut être calculée mathématiquement selon la formule de Héron pour les «pithoides»: $11/14 \times \left(\frac{d_{max} + d_{min}}{2}\right)^2 \times H$ (ou selon notre formule: $11/14 \times \left(\frac{D+d}{2}\right)^2 \times H_0$).

On distingue des amphores de ce type dans la seconde moitié du Ve première moitié du IVe s. av. n. è. parmi celles de Thasos, Menda et Sinope. L'auteur illustre sa méthode en donnant pour exemples des amphores de Chios du VIe au IVe s. av. n. è. (fig. I). Le standart de capacité des plus anciennes amphores à gorge renflée de la deuxième moitié du VIe début du Ve, a été ramené à 9 choes de Chios (25.200), ce qui correspond presque à 8 choes attiques (25.600 cc.). Il y avait deux types d'amphores à gorge renflée dans le deuxième quart du Ve s., pouvant contenir 7 ou 8 choes de Chios (19.600 et 22.400 cc.), ce qui équivalait à environ 6 ou 7 choes attiques. Ces deux types se sont conservés à Chios durant tout le Ve et le IVe siècle av. n. è. (les amphores tardives à gorge renflée, celles à gorge rectiligne, et celles avec un pied évasé). On fabriquait en même temps d'autres amphores.

Н. А. ФРОЛОВА

МЕДНЫЕ МОНЕТЫ КОТИСА I КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди многочисленных типов медных монет Котиса, сына боспорского царя Аспурга [1], выделяется серия меди с буквенными обозначениями знаков стоимости в 4, 6, 8 единиц.

Номинал — 4 единицы

1. Л. с.: женская голова вправо, справа монограмма

   О. с.: голова Афродиты-Урании и в калафосе и покрывале вправо, слева , справа Δ, т. е. 4. Точечный ободок (табл. I, *5*), в = 5,12 *г*, р = 20 *мм*.

Номинал — 6 единиц

2. Л. с.: голова Аспурга, отца Котиса I, в диадеме вправо. Справа его монограмма . Точечный ободок.

   О. с.: голова Котиса I в диадеме вправо, справа его монограмма и часть лука, внизу , т. е. 6. Точечный ободок (табл. I, *6—7*), 2 экз., в = 3,73 *г*.; 3,46 *г*.

Номинал — 8 единиц

3. Л. с.: ΒΡΙΤΑΝΝΙΚΟΥ ΚΑΙCΑΡΟC. Голова Британника вправо. Точечный ободок.

   О. с.: голова Котиса в царской повязке вправо, слева монограмма Котиса, справа — Η, т. е. 8. Точечный ободок (табл. I, *8—14*), 7 экз. Наибольший вес = 5,39 *г*, наименьший — 4,07 *г*.

Изображения, помещенные на медных монетах в 4 и 6 единиц, представляют особенный интерес для истории Боспора. К сожалению, монеты в 4 единицы чрезвычайно редки и до сих пор известны только по фотокопии, изданной А. Л. Бертье-Делагардом [2]. Оба типа монет давно привлекали внимание нумизматов. Еще в 1882 г. А. М. Подшивалов издал одну монету со знаком в 6 единиц и отнес ее, не приводя никаких доказательств, к Аспургу-Рескупориду I, датировав предположительно 14—17 гг. н. э. [3]. По-видимому, он был согласен с Б. В. Кене, который еще в 1857 г. без всякого сомнения написал, что есть ΒΑCΙΛΕΩC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC [4].

[1] КБН, 41, 958.

[2] *А. Л. Бертье-Делагард.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами, ЗООИД, XXIX. Одесса, 1910, стр. 162, рис. в тексте, стр. 224, № 31, табл. II, *31*, указывал, что опубликованный экземпляр является единственным, виденным им. Ранее подобная монета находилась в собрании Лемме, распроданном в Париже в 1872 г. См. *J. Lemmé.* Catalogue de Médailles du Bosphore Cimmerien, Paris, 1872, № 221.

[3] *А. М. Podschiwalow.* Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius, Moscau, 1882, S. 13, № 38, Taf. I, *23*.

[4] *Б. В. Кене.* Описание музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея. СПб, 1857, стр. 202.

Помимо этого экземпляра Подшивалова в коллекции П. О. Бурачкова имелась еще одна монета со знаком — 6 единиц [5]. Изучая изображения на этом типе монет, П. О. Бурачков пришел к выводу, что ее можно использовать как доказательство принадлежности имен Аспурга и Рескупорида одному и тому же лицу. Таким образом, опубликовывая эту монету, П. О. Бурачков затронул два вопроса: принимал ли Аспург когда-нибудь другое имя, и когда и кем были выпущены эти монеты. Что касается ответа на первый вопрос, то его умозаключения основывались на следующих положениях: так как на монете монограмма стоит в сочетании с монограммой , принадлежащей Котису, сыну Аспурга, следовательно, в монограмме с буквой Р содержится второе имя Аспурга — Рескупорид, как и думал Б. В. Кене [6]. Полагая, что в этой монограмме буква Р есть первая буква имени царя — Рескупорида, П. О. Бурачков высказал предположение, что Аспург принял другое имя, имя фракийского родственника Пифодориды Рескупорида после признания императором Тиберием прав Аспурга на боспорский трон [7].

Доказывая, что Аспург принял имя Рескупорида, П. О. Бурачков рассматривал букву , помещенную под изображением головы Котиса, как монограмму, которая содержит буквы АСП, т. е. начальные буквы имени Аспурга [8]. Таким образом, по его мнению, на монете содержатся сразу два имени отца Котиса: Аспург и Рескупорид, так как имеются одновременно две монограммы , и . Неправильное понимание П. О. Бурачковым смысла данной буквы было отмечено еще Х. Х. Гилем. Х. Х. Гиль писал, что поначалу А. М. Подшивалов и П. О. Бурачков считали эту букву как шестой год царствования Рескупорида I, но затем П. О. Бурачков стал видеть в ней монограмму, расшифровавшуюся как АСП [9], и Х. Х. Гиль подчеркнул, что ее нельзя рассматривать как монограмму, потому что эта буква есть цифровое обозначение стоимости медной монеты [10]. Следовательно, иной смысл этой буквы не позволяет видеть на монете сразу два имени: и Аспурга и Рескупорида — и тем самым лишает возможности П. О. Бурачкова предполагать принятие Аспургом имени Рескупорида, т. е. на монете по-прежнему имеется лишь одна монограмма и нет начала имени Аспурга, так как не есть монограмма, содержащая три начальные буквы имени Аспурга, а только цифровое обозначение стоимости этой медной монеты. Тем не менее Х. Х. Гиль продолжал еще некоторое время считать, что монета принадлежит Рескупориду, так как на ней имеется монограмма с буквой Р. Но только уже не самому Аспургу, а его сыну, названному Рескупоридом, т. е. Рескупориду, который мог быть родным братом Митридата (III) и Котиса [11]. Эти сведения показывают, насколько запутанным и сложным становился вопрос порядка престолонаследия на Боспоре, если оставалось чтение монограммы с буквой Р, как содержащей имя Рескупорида.

---

[5] *П. О. Бурачков.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря, ч. I. Одесса, 1884, табл. XXVII, *106*.

[6] Там же, стр. 239, № 69; *его же.* Несколько замечаний о медалях Аспурга и Рескупорида, преемниках босфорского царя Полемона I. Древности, т. X, М., 1885, стр. 67—72.

[7] *П. О. Бурачков.* Несколько замечаний..., стр. 67, 70, 71.

[8] Там же.

[9] *Ch. Giel.* Kleine Beiträge zur Numismatik Südrusslands, Moscau, 1886, S. 29, 30.

[10] Ibid., S. 30.

[11] Ibid., S. 30—33, Taf. *V*, 15, *16*, *17*.

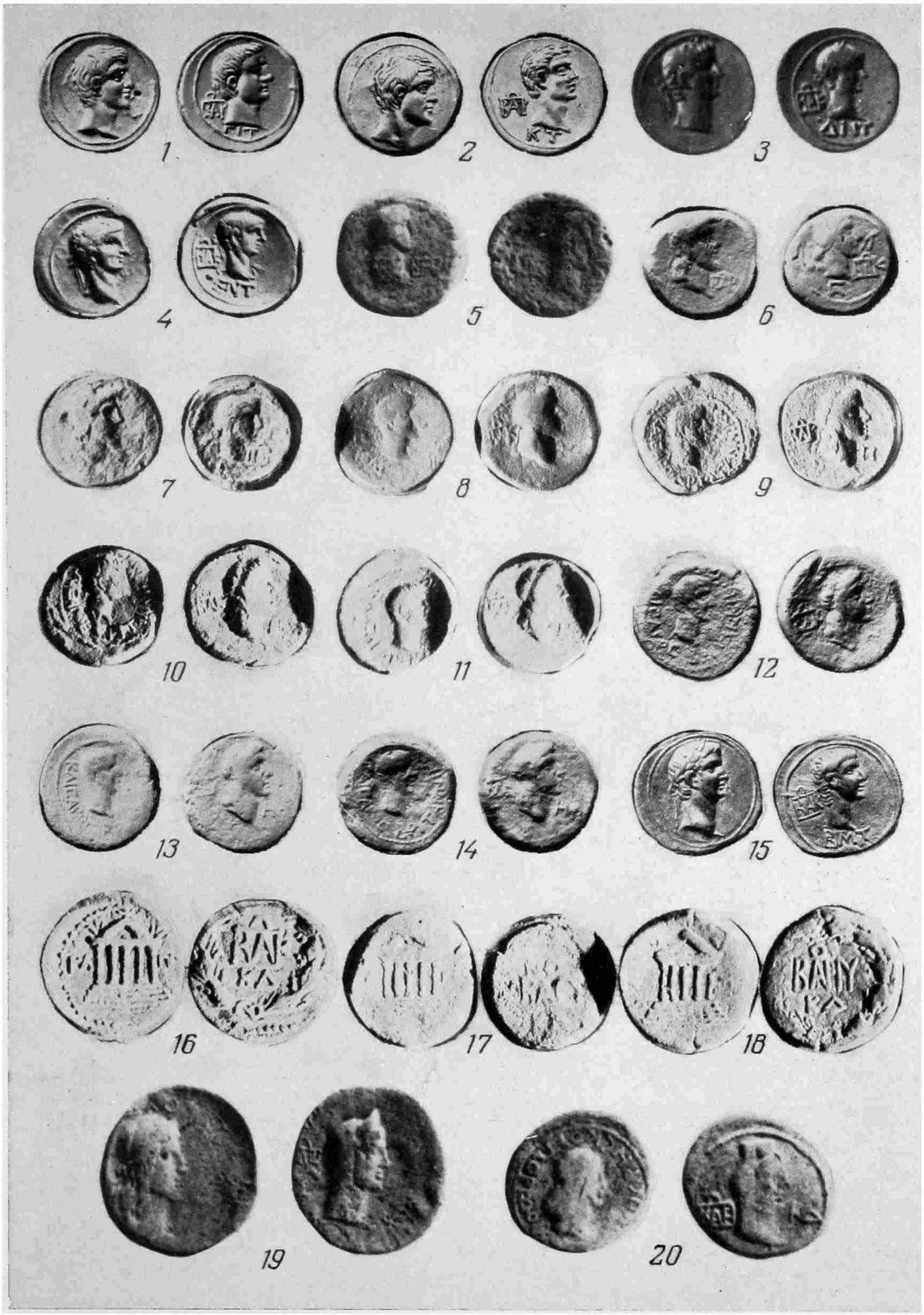


Табл. I. *1*, *2* — статеры Аспурга; *3*, *4*, *15* — статеры Котиса I; *5—14*, *16—18* — медные монеты Котиса I; *19—20* — медные монеты Рескупорида I (69—93 гг. н. э.)

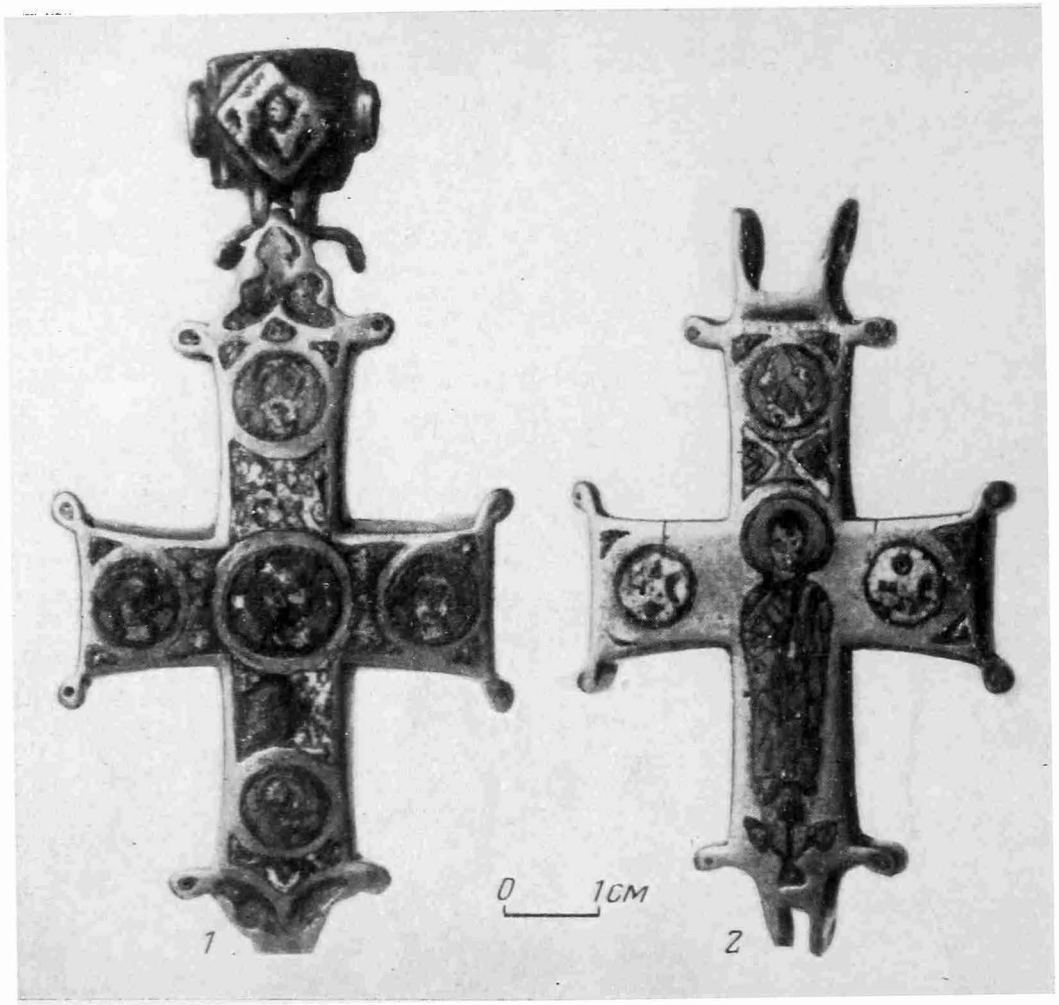


Рис. 3. Крест из Эрмитажа: *1* — лицевая сторона; *2* — обратная сторона

Спустя несколько лет Х. Х. Гиль отказывается от своих взглядов, высказанных ранее, и присоединяется к мнению А. В. Орешникова [12], не решающегося назвать царя, чеканевшего монеты с указанными монограммами, Рескупоридом I, не имея в подтверждение этому никаких других данных, кроме монограмм [13]. Между тем и А. Л. Бертье-Делагард был склонен видеть в монограмме с буквой Р имя Рескупорида, полагая, что изображение Аспурга, но с надписью ΒΑCΙΛΕΩC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC помещено на медных монетах его сына Рескупорида II, отмеченных знаками стоимости в 48 и 24 единицы [14] (табл. I, *19—20*). Аспург, изображенный на этой меди, по версии А. Л. Бертье-Делагарда, мог быть только отцом Рескупорида II (69—93 гг. н. э.), так как ему отведена почетная сторона на тех и других монетах. Из этого А. Л. Бертье-Делагард заключал, что отец Рескупорида II также назывался Рескупоридом. Следовательно, по мнению А. Л. Бертье-Делагарда, Рескупорид II был сыном Аспурга-Рескупорида I и братом Котиса I [15]. В связи с этим А. Б. Бертье-Делагард полагал, что в этих монетах заключаются данные, до сих пор недоставшие для подтверждения догадки П. О. Бурачкова о том, что Аспург носил имя Рескупорида [16]. Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что А. Л. Бертье-Делагарду тогда еще не была известна надпись, изданная позднее В. В. Латышевым [17], из которой следует, что Рескупорид II был сыном Котиса I, а не Аспурга-Рескупорида I [18]. Таким образом, на медных монетах Рескупорида II (табл. I, *19*, *20*) изображен не Аспург-Рескупорид I [19], а сам Рескупорид II. Ему же принадлежит и надпись, содержащая его имя и титул. Итак, приходится вновь обратиться к Б. В. Кене, отметив, что его попытка относить статеры 313—334 гг. б. э. к чекану Рескупорида никогда ничем не была аргументирована [20].

В. В. Латышев, касаясь этого вопроса, приводит мнения А. В. Орешникова и Х. Х. Гиля, высказанные ими в их поздних работах, и присоединяет к ним свое, считая, что, кроме монограмм, нет более никаких данных, из которых можно было бы заключить, что Аспург носил имя Рескупорида [21]. Следует еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что В. В. Латышев считал возможным видеть в монограмме с буквой Р и имя Аспурга [22]. Этого же мнения придерживается и В. Д. Блаватский, который в последнее время занимался этой проблемой. Он пришел к выводу, что в связи с возросшим влиянием Рима на судьбы вассальных царств в конце I в. до н. э.— начале I в. н. э., трудно полагать, что Аспург мог принять имя неугодного Риму фракийца Рескупорида. Поэтому сын Котиса I, Тиберий Юлий Рескупорид (69—93 гг. н. э.), известный всем как Рескупорид II, является подлинным Рескупоридом [23].

Со своей стороны, позволим обратить внимание на то обстоятельство, что в двух надписях, в которых упомянут Котис I вместе со своим отцом,

---

[12] *Х. Х. Гиль.* Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, V, СПб, 1892, стр. 354.

[13] *А. В. Орешников.* Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова, М., 1887, стр. 85, 123.

[14] *А. Л. Бертье-Делагард.* О монетах..., стр. 164, 165, 195, 204.

[15] Там же, стр. 164, 165.

[16] Там же, стр. 165.

[17] *В. В. Латышев.* Эпиграфические новости из южной России, ИАК, 37, СПб., 1910, стр. 70 сл; КБН, 1118.

[18] *А. Л. Бертье-Делагард.* О монетах..., стр. 165, прим. 4.

[19] *К. В. Голенко, Д. Б. Шелов.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961. НС, I. Киев, 1963, стр. 18, прим. 46; *Н. А. Фролова.* Монетное дело Рескупорида II. НЭ, VII, М., 1968, стр. 52.

[20] *Б. В. Кене.* Ук. соч., стр. 202.

[21] *В. В. Латышев.* ΠΟΝΤΙΚΑ, СПб, 1909, стр. 106, прим. 3.

[22] Там же.

[23] *В. Д. Блаватский.* О Рескупориде Первом (доклад, прочитанный на заседании сектора античной археологии ИА АН СССР, 27.V.1974).

он назван «сыном Аспурга», но не Рескупорида [24] и к имени Аспурга в надписях, относящихся ко времени его правления и датированных 15, 16 и 23 гг. н. э., не прибавлено имени Рескупорида [25].

Все изложенное выше заставляет вновь поднять вопрос о возможности принятия Аспургом второго имени, имени Рескупорида, и еще раз повторить, что доказательств этому до сих пор не имеется. Более того, не следует ли в этом случае вспомнить, каким образом устанавливается и проверяется чтение монограммы как ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC. В основе правильной расшифровки этой монограммы Котиса I лежит установленный факт одновременности надписей с именем царствующего Котиса I (КБН, 69—57 г. н. э.; КБН, 41—58 г. н. э.) и датированных золотых монет с этой монограммой (табл. I, *3*, *4*). Аналогичная картина наблюдается и в правление Аспурга. Так, имеются надписи, датированные 313 г. б. э. (КБН, 985) и 320 г.б.э. (КБН, 39), с именем царя Боспора Аспурга. К этому же времени относятся и статеры 313 г. б. э. = 16 г. н. э. (табл. I *1*, Мюнхен) и 320 г. б. э. — 23 г. н. э. (табл. I, *2*, ГИМ, № 400), имеющие на оборотных сторонах монограмму . Исходя из вышеизложенного, следует, по-видимому, считать, что данная монограмма должна представлять сокращение имени Аспурга, потому что никакого царя с другим именем на Боспоре в это время не было. По крайней мере имя Рескупорида не встречается ни в письменных, ни в эпиграфических источниках, относящихся ко времени правления Аспурга.

Возвращаясь к медным монетам со знаком 6 единиц и обращая внимание на особое значение для истории Боспора помещенных на них изображений и монограмм, следует отметить, что и правильная датировка их — дело не менее сложное.

А. Д. Бертье-Делагард, занимавшийся историей Боспора периода выпуска монет с монограммами, опираясь на сведения, содержащиеся в надписях (IPE, II, 32, 37 = КБН, 41, 958), где Котис назван сыном Аспурга, согласен с тем, что на лицевой стороне монет представлен Аспург, или царь Р, как он его иногда называет, и ему принадлежит монограмма , а на обороте:— Котис, к которому относится монограмма . Но, отмечая заслугу П. О. Бурачкова в правильности его определения, кому принадлежат изображения на монетах, он внес ясность в вопрос о времени их выпуска, приведя в доказательсво монетное правило тех времен, согласно которому лицевую сторону всегда занимает изображение предшественника или основателя династии, а оборотную — изображение наследника, выпустившего эту монету в честь умершего властелина [26]. Таким образом, А. Л. Бертье-Делагарду принадлежит заслуга в определении времени выпуска этих медных монет. Он установил, что они были отчеканены не Аспургом, а Котисом I, подтверждавшим тем самым свое наследственное право на владение Боспорским престолом, которое, как известно, он узурпировал у своего брата Митридата III [27]. С этой целью им были выпущены и медные монеты, на лицевой стороне которых имеется изображение матери Котиса [28] (табл. I, *5*) и ее монограмма, встречающаяся на золоте 334—335 гг. б.э. П. О. Карышковский датировал чеканку этих медных монет 49—51 гг. н.э., приурочив их выпуск ко времени чеканки монет с именем Агриппины и Клавдия. Он высказал предположение, что эти номиналы не могут быть выпущены ранее 48—49 гг. н. э., так как до

---

[24] КБН, 41, 958.

[25] *Т. В. Блаватская.* Рескрипты царя Аспурга. СА, 1965, 2, стр. 197 сл.; *ее же.* Аспург и Боспор в 15 г. н. э. СА, 1965, 3, стр. 28 сл.; КБН, 985, 39, 40.

[26] *А. Л. Бертье-Делагард.* О монетах..., стр. 161, 162.

[27] *Tac.* Ann, XII, 18=SC, II, вып. I, стр. 239.

[28] *А. Л. Бертье-Делагард.* О Монетах..., стр. 162, рисунок в тексте.

этого времени все еще продолжалась борьба Митридата против римлян [29]. Но если принять во внимание тот факт, что Котис I стал чеканить свои золотые статеры с 342 г. б. э. (45 г. н. э.), не дожидаясь того момента, когда Митридат прекратит сопротивление и будет уничтожен, то, следовательно, нет причин предполагать, что он тогда же не чеканил медь, тем более что на чеканку меди не нужно было ни у кого просить разрешения. Косвенным подтверждением такого положения вещей могут служить сами изображения, имеющиеся на меди в 4 и 6 единиц. Портреты отца и матери должны подтвердить его право на царство, полученное, как известно, ценой предательства, т. е. показать всем, что он имеет все основания называться царем Боспора. Поэтому ничто не мешает предположить, что медь в 4 и 6 единиц была выпущена в начале правления Котиса и одновременна чеканке статеров 342 г.б.э. = 45 г. э. н. Конец выпуска этой меди можно отнести к 49—50 гг., когда отпала необходимость в чеканке монет с этими типами изображений, так как Митридат был доставлен в Рим и в 49 г. предстал перед Клавдием [30]. Кроме того, как правильно отмечает П. О. Карышковский, монеты в 4 и 6 единиц связаны системой номиналов с медью в 8 единиц, конец чеканки которых он относит ко времени не позже 51 г. н. э. [31]. Медные монеты с портретом Британника на л. с., а на о. с. с изображением Котиса, его монограммой и буквой Н (8) — менее редки, чем монеты в 4 и 6 единиц. Но датировать начало их чеканки 48—49 гг. также мало оснований, как определять этими годами время выпуска меди более мелких номиналов [32]. Выпуск и этого типа меди можно отнести к 45 г., ко времени начала чеканки Котисом I золотых статеров. Кроме этого факта имеются и другие обстоятельства, которые могут быть использованы для доказательства того, что медь этого типа могла появиться на Боспоре ранее 48—49 гг. Тиберий Клавдий Германик, названный впоследствии Британником, сын Клавдия и Мессалины, был рожден в 41 г. Поэтому на золотых монетах 342 г. б. э. = 45 г. н. э., 345 г. б. э. = 48 г. н. э., 346 г. б. э. = 49 г. н. э. он имеет юный облик. Изображение, помещенное на статерах 342 г. б. э. = 45 г. н. э. (табл. I, *15*), очень близко изображению его на медных монетах в 8 единиц. Лицевые стороны семи просмотренных экземпляров монет этого типа чеканены одним штемпелем. При датировке медных монет с портретом Британника сходство штемпелей меди со штемпелями золотых статеров 342 г. б. э. должно иметь решающее значение. Монеты с портретом Британника, датированные 46 г.н.э., были выпущены в Кессарии Каппадокийской [33]. Поэтому вполне вероятно, что на боспорских монетах изображение Британника появилось в 45—46 гг. н. э. Что же касается конца их чеканки, то датировка, предложенная П. О. Карышковским, не вызывает возражений. Тот факт, что Британник был лишен права наследовать Клавдию и вместо него под воздействием Агриппины наследником был признан Нерон [34], дает возможность предположить, что на монетах с 50 г. портрет Британника мог замениться портретом Нерона. Отсюда следует, что монеты с портретом Британника не могли появиться позже 51 г. [35] Но известны монеты с изображением Британника и надписью его имени и титула, выпущенные около 54—55 гг. н. э. [36]. Между тем, если принять во внимание, что все семь имеющихся у нас экземпляров боспорских монет чеканены одним штемпелем лицевой стороны, можно заключить, что выпуск их был не-

[29] *П. О. Карышковский.* Боспор и Рим в I в. н. э. по нумизматическим данным. ВДИ, 1953, 3, стр. 182.
[30] *Tac*, Ann, XII, 21=SC, II, вып. 1, стр. 240, 241.
[31] *П. О. Карышковский.* Ук. соч., стр. 182.
[32] Там же, стр. 182, 189.
[33] *H. Mattingly.* Coins of the Roman Empire in the British Museum, BMC, I, p. 199, No 242, pl. 34, No 8.
[34] *Tac*, Ann. XII, *15—26.*
[35] *П. О. Карышковский.* Ук. соч., стр. 182.
[36] *H. Mattingly.* Op. cit., p. CLIX, p. 196, № 226, tabl. 37, № 5.

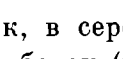
долгим: с 45 до 50 гг. н.э. В 50 г. н. э. на Боспоре стали чеканиться медные монеты с изображением Агриппины, которая после брака с Клавдием в 49 г. уже через год получила титул Августы. Таким образом, будет, по-видимому, правильней выделить медные монеты с буквенными обозначениями знака их стоимости в 4, 6, 8 единиц в отдельную серию и датировать их не 49—50 гг., а 45—50 гг.

Не меньший интерес вызывает появление в боспорской чеканке медных монет с изображением пятиколонного храма и монограмм трех типов (табл. I, *16—18*).

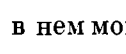
1) Л. с.: пятиколонный храм. По сторонам КА — ПЕ. Точечный ободок.

О. с.: венок, в середине его монограмма Котиса I, под ней КΔ (24). Точечный ободок (табл. I, *16*), 20 экз. Нормальный вес = 6,5 *г*., наибольший — 9,80 *г*., наименьший — 4,24 *г*.

2) Л. с.: то же.

О. с.: венок, в середине его монограмма  , под ней КΔ (24). Точечный ободок (табл. I, *17*), 34 экз. Нормальный вес от 9 до 8 *г*. Наибольший — 12,56 *г*, наименьший — 3,20 *г*.

3) Л. с.: то же.

О. с.: венок, в нем монограмма  , под ней КΔ (24). Точечный ободок (табл. I, *18*), 3 экз. Веса: 12,52 *г* (ГЭ), 8,95 *г*, 7,41 *г* (ГИМ).

Следует сказать, что монеты с монограммой третьего типа известны еще с прошлого века [37]. Экземпляры из собраний ГЭ и ГИМ сомнений в подлинности не вызывают [38]. П. О. Карышковский убедительно доказал, что эти монеты были выпущены Котисом I [39]. Но вопрос датировки этих допундиев может быть пересмотрен. Он тесно связан с вопросом о положении Боспора в период осуществления Нероном планов его восточной политики [40]. Реформу денежного обращения, проведенную Нероном на Боспоре, можно, по-видимому, рассматривать как начальные шаги на пути унификации денежного обращения всей Римской империи. Доказательством служит факт прекращения чеканки золотой монеты на Боспоре с 63 по 68 гг. н. э. от имени боспорского царя, так как чеканка золота в этом отдаленном районе стала прерогативой римского императора. Прекращение выпусков золота свидетельствует о том, что общий принцип чеканки монет в империи не был нарушен и на Боспоре [41]. Это положение тесно связано с вопросом, была ли чеканка меди на Боспоре в 63—68 гг. н. э. А. Л. Бертье-Делагард полагал, что Нерон, отняв право чеканки меди у сената, сделал то же самое и на Боспоре [42]. Действительно, Нерон установил контроль над чеканкой меди от имени сената в имперских провинциях [43]. Но между тем Антиохия, Александрия, Малая Азия, Кесария в Каппадокии, Крит [44] чеканили свои монеты и в правление Нерона [45]. В Кесарии Каппадокийской выпускались серебряные монеты [46], в Александрии во все время правления этого императора чеканились тетрадрах-

---

[37] *A. M. Podschiwalow*. Beschreibung... S. 16, 17, № 50, Taf. I, *25*.

[38] *П. О. Карышковский*. Ук. соч., стр. 180, прим. 1.

[39] Там же, стр. 179—181.

[40] *Н. А. Фролова*. Денежное обращение Боспора в 45—234 гг. н. э. НС, V. Киев, 1974, стр. 19—22.

[41] Там же, стр. 21.

[42] *А. Л. Бертье-Делагард*. О монетах..., стр. 214.

[43] *H. Mattingly*. BMC, I, p. XXII—XXVI.

[44] *J. H. Svoronos*. Numismatique de la Créte Anciénne, Macon, 1890, 340, № 34—35, tabl. XXXII, *21—22*; № 36, tabl. XXXII, *29*.

[45] *H. Mattingly*. Roman Coins, London, 1928, p. 196, 197.

[46] *W. Wroth*. Catalogue of the Greek Coins of Galatia, Cappadocia and Syria, BMC, London, 1899, p. 14, № 14, 15.

мы из биллона [47] и медные монеты как с надписью его имени и титула [48], так и без них, но с его изображением на лицевой стороне [49]. В Антиохии при Нероне чеканились серебряные тетрадрахмы [50] и медь с греческими легендами [51]. Более того, как отметил Г. Маттингли, право чеканить монеты, не имеющие реальной стоимости, т. е. чеканить медные монеты, являющиеся знаками стоимости, давалось каждой организованной городской общине как право, жизненно необходимое для нормального ее функционирования [52]. Однако чеканка не была строго независима, так как кроме имени города на монетах помещался портрет императора [53]. Часто императоры оставляли просто без изменений старую денежную систему, так как она, как правило, была тесно связана с издавна установившимися традициями в чеканке монет [54]. Поэтому сам факт установления Нероном контроля над чеканкой меди в имперских провинциях (но не запрет ее) не означает, что на Боспоре он ликвидировал чеканку меди вообще. Известно, что во всех провинциях Рима чеканили медь если не от имени сената (хотя подобные случаи имели место и в правление Нерона) [55], то от имени самого императора. Исходя из этого, нельзя допускать, что, заменив монограмму Котиса на золотых статерах своей монограммой, а затем запретив чеканку золота, Нерон запретил и выпуски медных монет даже с надписью своего имени и титула.

Таким образом, запрещение чеканки меди на Боспоре во вторую половину правления Нерона не находит себе исторических аналогий.

Но до сих пор в нумизматической литературе по истории монетного дела Боспора господствует мнение, что с 62—63 по 68 г. на Боспоре не было выпущено медных монет [56]. Высказывая это предположение, А. Н. Зограф исходил из того, что статеры иных годов, кроме 359 г. б. э., неизвестны, а количество медных монет невелико. Но когда А. Н. Зограф высказал это предположение, еще не было доказано, что монеты с изображением храма и монограммами чеканились Котисом I [57]. Следовательно, медных монет Котисом было выпущено не так уж мало. П. О. Карышковский датировал чеканку монет с храмом 68 г. н. э. на том основании, что их выпуск может относиться лишь ко времени, следующему за выпуском медных монет с именем Нерона (Бурачков, табл. XXVII, *114—115*), так как ввести новый номинал боспорцы самостоятельно не могли [58]. Следовательно, П. О. Карышковский также придерживается мнения, что на Боспоре был перерыв в чеканке меди с 63 по 68 г. н. э., полагая, что при жизни Нерона его портрет, помещенный на боспорских сестерциях и дупондиях, не мог быть заменен изображением храма [59]. Поэтому он предположил, что монеты с изображением храма и монограммами могли быть выпущены только после смерти Нерона: дупондии с монограммой Котиса — летом 68 г., а дупондии с монограммами его жены, царицы

---

[47] *R. S. Poole.* Catalogue of the coins of Alexandria and the Nomes, BMC, London, 1892, 15—21, № 112—178.

[48] Ibid., p. 21, 22 № 179—185.

[49] Ibid., p. 22, № 186, 189, tabl. XXXI, 186.

[50] *W. Wroth.* Op. cit., BMC, L., 1889, стр. 173—175, № 169—176, tabl.. XXI, *5*; № 187—200, tabl. XXI, *7*, *9*.

[51] Ibid., p. 173, № 186, p. 175, № 201—202, tabl. XXI, *10*.

[52] *H. Mattingly.* Roman Coins, p. 198, 199.

[53] *H. Mattingly.* BMC, I, p. XXVII—XXVIII.

[54] Ibidem.

[55] *H. Mattingly.* BMC, I, p. XXVI пишет, что буквы SC, помещенные на меди, едва ли принадлежат кому-либо, кроме как Сенату. Ср. *W. Wroth.* Op. cit., BMC, London, 1899, p. 173, №№ 177—185, tabl. XXI, *6* — медные монеты, чеканенные в Антиохии, имеют на л. с. изображение Нерона, на о. с.— буквы SC в венке.

[56] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 199; *П. О. Карышковский.* Боспор и Рим в I в. н. э...., стр. 184.

[57] *П. О. Карышковский.* Ук. соч., стр 186—188.

[58] Там же.

[59] Там же, стр. 186.

Евн[ики],— после смерти самого Котиса в 68—69 гг. [60] Между тем во многих городах провинций типология монет, чеканенных при Нероне, самая разнообразная. В Антиохии, например, были выпущены медные монеты вообще без изображений императора [61], но с изображением голов Зевса, Артемиды, Аполлона и других местных божеств и их атрибутов [62].

Итак, при проведении Нероном в жизнь планов его восточной политики Котис I в 62 г. н. э. был лишен не права чеканить золото, а только права помещать на статерах свою монограмму, заменив ее не именем Нерона, а всего лишь его монограммой, оставив за собой возможность помещать на золотых монетах годы понтийской эры. Таким образом на Боспоре в 62 г. был возвращен порядок чеканки золотых статеров, существовавший до Митридата. Что же касается выпусков на Боспоре медных монет, то запрещение Нероном чеканки меди в этом отдаленном районе античного мира было бы беспримерным явлением. Поэтому вполне вероятно, что начиная с 63 г. н. э. на Боспоре кроме сестерциев с портретом Нерона (Бурачков, табл. XXVII, *114*) выпускались и два типа дупондиев. Один из них имел на л. с. изображение Нерона, на о. с.— Нику (Бурачков, табл. XXVII, *115*), а второй тип воспроизводил изображение храма и монограммы в венке. Тот факт, что этот тип монет не мог оскорбить никоим образом честолюбие Нерона, доказывается множеством самых различных изображений, имеющихся на медных монетах времени Нерона, выпущенных в городах римских провинций. Далее, как всегда, встает вопрос, как рассматривать изображение пятиколонного храма: в качестве ли местного святилища Афродиты-Апатуры [63], или считать его изображением римского храма Юпитера Капитолийского [64], или храмом обожествленного императора, культ которого получил широкое распространение на Боспоре со времени Котиса I [65]. Известно, что Котис I был первым верховным пожизненным жрецом этого культа. В надписи, датированной 57 г. н. э., говорится: «Императора Нерона [его статую] сына Клавдия, цезаря, Августа, консула в третий раз, в пятый раз облеченного трибунской властью, отца Отечества, своего спасителя и благодетеля, царь Котис, сын Аспурга, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник Августов, посвятил» [66]. Не следует ли из этой надписи заключить, что почести Нерону могли оказываться в храме, выстроенном на Боспоре самим Котисом I, столь многим обязанным Риму? [67] Независимо от того, как рассматривать изображение пятиколонного храма на боспорских дупондиях, ясно одно, что они могли быть отчеканены только одновременно с сестерциями и дупондиями, носящими имя Нерона. По-видимому, чеканка монет с монограммой Котиса производилась до конца его жизни, а после была продолжена его супругой Евн[икой] до 69 г. [68] Тогда находят себе объяснение два факта: повышенный вес монет с монограммой Евн[ики] по сравнению с весами монет, имеющих монограмму Котиса I, и невероятная интенсивность их чеканки. Разбор по штемпелям (54 экз.) показал, что монеты с монограммами первого и второго типов не связаны между собой. Чеканка монет с монограммами второго типа более длительна, а дупондии с монограммой III типа представляют их разновидности, что доказывается общностью штемпелей их лицевых сторон (табл. I, *17*, ГИМ,

---

[60] Там же.

[61] *W. Wroth.* BMC, London, 1899, p. LIX.

[62] Ibid., tabl. XIX, *4—12*; XX, *1—8*.

[63] *Л. П. Харко.* О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах. ВДИ, 1950, 1, стр. 197 сл.

[64] *П. О. Карышковский.* Ук. соч., стр. 185—188.

[65] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 328.

[66] КБН, 41.

[67] *В. Д. Блаватский.* Пантикапей. М., 1964, стр. 161—163; *Idem.* Le culte des empereurs romains au Bosphore, École practique des hautes Études—VIe Section. Paris, 1966, p. 1543.

[68] *П. О. Карышковский.* Ук. соч., стр. 187.

6980 и *18*, ГИМ, 6991). Поэтому имеются основания полагать, что обе монограммы заключают в себе одно имя — имя жены Котиса царицы Евн[ики]. Концом чеканки этих монет можно считать 365 г. б. э. = 68/69 гг. н. э., так как эта дата стоит на золотом статере, выпущенном от имени сына Котиса I Рескупорида, названного по традиции Рескупоридом II, которого, как показано было выше, можно назвать Рескупоридом I.

N. A. Frolova

MONNAIES DE CUIVRE DE KOTIS Ier, SOURCE D'INFORMATIONS HISTORIQUES

Résumé

Dans les inscriptions portant le nom de Kotis Ier (KBN, 69, 41) figurent les années de l'ère bosporienne, qu'on trouve aussi sur des monnaies d'or avec le monogramme . Ceci a permis d'établir que ce monogramme recèle le nom de Kotis Ier. C'est à ce même monogramme qu'étaient frappées les monnaies d'or et de cuivre. L'étude de la typologie des numéraires de cuivre d'une valeur de 4 ou 6 unités permet de se redemander si Aspurg, père de Kotis, n'a pas pris le nom de Rhescuporid. L'idée selon laquelle le monogramme renferme le nom de Rhescuporid, idée avancée par B. V. Koenet et soutenue par P. O. Bouratchkov, n'est étayée par aucune preuve. Le signe porté au revers , signifiant que les monnaies valaient 6 unités, a été interprété à tort comme le monogramme formé des trois premières lettres du nom de Aspurg, et prive son hypothèse de tout fondement. A. L. Berthier — Delagarde pensait que le père de Rhescuporid II (69—93 de n. è.) était Aspurg — Rhescuporid Ier, car le nom de ce dernier ΒΑCΙΛΕΩC PHCKOΥΠΟΡΙΛΟC, selon lui, se trouve sur des monnaies de cuivre portant le monogramme . Cette idée a marqué toutes les études qui ont suivi dans ce domaine. Cependant, V. V. Latychev (en 1909) voyait dans le monogramme le nom d'Aspurg. V. D. Blawatsky est du même avis. En analysant les sources écrites, il est arrivé à la conclusion qu'Aspurg ne pouvait prendre ce nom thrace. Ceci ne fait aucun doute, car les inscriptions (KBN 985,39), contemporaines des monnaies au monogramme (313—320 de l'ère bosporienne) portent le nom d'Aspurg. Le nom d'Aspurg en qualité de père de Kotis est attesté encore par des inscriptions de l'époque de Kotis Ier (KBN, 41, 958). Par conséquent, le monogramme est une abréviation du nom d'Aspurg. Cet ensemble de faits a permis de déchiffrer exactement le monogramme de Kotis. L'interdiction faite par Néron de frapper de 63 à 68 de notre ère de la monnaie d'or, et, par conséquent, de cuivre (comme le pensaient A. N. Zograf et I. O. Karychkovski) mérite qu'on s'y intéresse. Mais sous Néron, dans les villes des provinces romaines, y compris le Bospore, on frappait librement des monnaies d'argent et de cuivre. Par suite, on peut donc supposer qu'au Bospore, de 63 à 68 de n. ère, on a frappé des sesterces et des dupondii de deux types, dont l'un est représenté par des monnaies sur lesquelles un temple est figuré.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

СКОРЧЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ГРУНТОВЫХ НЕКРОПОЛЯХ БОСПОРСКИХ ГОРОДОВ

Особенность Боспорского государства, как известно, состояла в том, что оно не только граничило с местными племенами Северо-Восточного Причерноморья, но и включало некоторые из них в свою территорию [1]. Эллинизация рядового местного населения затрудняет выделение негреческих элементов и определение их этнической принадлежности. Она сказалась и на погребальном обряде представителей местных племен. В большинстве захоронений VI—II вв. до н. э. в грунтовых некрополях городов Боспора часто встречается чернолаковая и красноглиняная столовая посуда, а также иные предметы греческого быта и лишь в редких случаях — лепная керамика. Поэтому только один характер вещей, содержащихся в погребениях, как правило, не дает представления об этнической принадлежности умершего. Но большая устойчивость варварской идеологии приводила к сохранению таких черт местного погребального обряда, как ориентация, поза погребенного в могиле, расположение инвентаря.

Различные племена Северо-Восточного Причерноморья играли в жизни античного Боспора неодинаковую роль, к тому же значение каждого из них не оставалось неизменным. Поэтому еще более трудной, но и более важной является задача не только выявления, но и по возможности определения этнической принадлежности всех негреческих элементов, и прежде всего в грунтовых некрополях рядового населения боспорских городов.

Особенного внимания заслуживает группа погребений, в которых костяки лежат в скорченном положении либо на боку, либо на спине. Всего в некрополях VI—II вв. до н. э. таких захоронений в настоящий момент известно 34.

Вопрос о том, кому могли принадлежать эти погребения в могильниках городов Северного Причерноморья, сложен. Возможно, не стоит полностью отрицать предположения В. В. Лапина и В. И. Кадеева о том, что скорченные захоронения являются погребениями греческого населения этих городов [2]. Но все же более вероятно, что они, во всяком случае на Боспоре, принадлежат представителям местных племен. Для греков в VI—II вв. до н. э. такая форма трупоположения была в целом не характерна [3].

У населения же Северного Кавказа и всего Северного Причерноморья захоронения в скорченном положении были широко распространены в

[1] *В. Д. Блаватский.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, стр. 58, 59.

[2] *В. В. Лапин.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, стр. 217. *В. И. Кадеев.* Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя. ВДИ, 1973, 4, стр. 116.

[3] *Д. Б. Шелов, И. Б. Брашинский* [рец.] В. В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. ВДИ, 1969, 3, стр. 162.

эпоху бронзы и даже в первой половине I тысячелетия до н. э. [4] Знаменательно и то, что среди 34 исследуемых погребений 31 обнаружено в некрополях городов азиатского Боспора, т. е. на территории, где жили племена, сохранявшие и в этот период (VI—II вв. до н. э.) некоторые пережитки древних погребальных обрядов, в том числе скорченные захоронения.

В самом же многочисленном, хорошо изученном и наиболее «греческом» из грунтовых некрополей — Пантикапейском, известно всего три случая скорченных погребений.

Форма трупоположения могла, вероятно, зависеть не только от этноса, но и от причин смерти и социального положения покойного [5]. Не исключено, что это имело место и среди населения Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху. Однако прямых данных об этом у нас нет, да и античная письменная традиция ничего не сообщает о подобных различиях в погребальном обряде греков. Связь же скорченной позы покойного с особенностями погребального обряда некоторых варварских племен установлена.

Интересующие нас 34 погребения можно представить в виде двух групп: захоронения с костяками, скорченными и лежащими на боку, и с костяками, положенными на спину с различным положением ног, т. е. полускорченные. Такое деление оправдано тем, что оба типа захоронений представляют последовательные этапы отмирания старинного погребального обряда.

Первая группа представлена в 16 погребениях. Для них характерно скорченное положение на правом или левом боку; очень невыразительный инвентарь или чаще полное его отсутствие.

Все захоронения находились в простых грунтовых могилах, форму которых установить точно не удалось. Лишь над двумя погребениями имелось деревянное перекрытие (табл. 1). Остатков тризны, кроме одного случая, не обнаружено. Сохранность костяков не всегда удовлетворительная, но в целом ориентировка и поза покойных выявляются четко (табл. 2).

Следует отметить отсутствие каких-либо следов ритуальной окраски на костяках. Все погребения одиночные. Хронологическое определение многих захоронений ввиду почти полного отсутствия датирующего материала затруднительно. Можно лишь сказать, что они относятся приблизительно к V—II вв. до н. э. Такая датировка оправдана тем, что все захоронения данной группы обнаружены среди обычных могил, содержавших инвентарь этого времени. Они находились примерно на одной с ними глубине. Иногда они нарушали более ранние погребения или были сами задеты более поздними.

Определить время некоторых скорченных погребеней можно также по аналогии с теми из них, в которых есть хоть какой-то датирующий материал. Ориентация скорченных костяков весьма разнообразная, но преобладает восточная, с сезонными отклонениями к северу и югу (табл. 2). В восьми случаях костяки лежали на левом боку, в семи — на правом, точное положение одного погребенного неизвестно. Никакой зависимости между ориентацией и положением костяка выявить не удалось.

Аналогичные захоронения имеются в некрополях этого периода и в других городах Северного Причерноморья. В грунтовом могильнике Ольвии VI—II вв. до н. э. насчитывается более 50 погребений с невытянутым положением костяка [6]. Часть из них — скорченные. Некоторые, по словам С. И. Капошиной, сопровождались скифским по характеру инвентарем [7].

---

[4] *В. И. Марковин.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.) МИА, 93, 1960, стр. 149.

[5] *Б. А. Литвинский.* Курганы и курумы западной Ферганы. М., 1972, стр. 70—72.

[6] *С. И. Капошина.* Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 161.

[7] Там же, стр. 167.

Таблица 1

Скорченные погребения VI–II вв. до н. э. в грунтовых некрополях некоторых боспорских городов

Место находки	Характер погребального сооружения	Глубина захоронения, *м*	Ориентация	Положение костяка	Инвентарь		Кем и где издано	Дата погребения
					керамика	утварь, украшения, прочее		
Гермонасса	Простая грунтовая могила	1,40	С	На левом боку. Ноги согнуты в коленях. Левая рука под головой, правая на туловище	Большой, раздавленный закопченный горшок с одной ручкой на груди костяка. У левой руки ионийская чаша; кольцевидный аск	Нет	В. Ф. Гайдукевич. МИА. 69, 1959, стр. 166–168, погр. 14	VI в. до н. э.
»	То же	1,65	З	Скорченно, на левом боку	Нет	»	Там же, стр. 178, погр. 15	VI–V вв. до н. э.
Кепы	»	1,08	В	То же	В ногах сероглиняная амфора; аск; перед верхней частью туловища сероглиняная миска	»	Н. И. Сокольский. Отчет Таманской экспедиции за 1961 г. Р – 1, № 2291, стр. 36, погр. 108/46	VI–V вв. до н. э.
хут. Кротенко (Пятиколодезное)	Простая грунтовая могила с деревянным перекрытием	1,18	В	Скорченно, на правом боку	Простой глиняный сосуд; фрагмент закопченной чашки	»	В. В. Шкорпил. ИАК, 56, 1914, стр. 59, погр. 192/10	VI–V вв. до н. э.
Гермонасса	Простая грунтовая могила без перекрытия	1,30	Ю-В	На левом боку. Правая рука у подбородка. Ноги согнуты	Красноглиняная миска между черепом и коленом	»	Н. П. Сорокина. Отчет о раскопках некрополя Гермонассы в 1957 г. Р – 1, № 1727, стр. 8–9, погр. 33/16	IV–III вв. до н. э.

Таблица 1 (продолжение)

Место находки	Характер погребального сооружения	Глубина захоронения, м	Ориентация	Положение костяка	Инвентарь		Кем и где издано	Дата погребения
					керамика	утварь, украшения, прочее		
Пантикапей	Простая грунтовая могила без перекрытия	1,24	С-В	На левом боку. Руки под головой. Ноги подогнуты к животу	Нет	Нет	В. В. Шкорпил. ИАК, 17, 1905, стр. 52, погр. 245/122	V–II вв. до н. э.
Пантикапей	Простая грунтовая могила с досчатым перекрытием	Нет	С	На правом боку. Кисть правой руки под головой. Ноги подогнуты к животу	»	»	В. В. Шкорпил. ИАК, 9, 1904, стр. 83, погр. 50	V–II вв. до н. э.
Там же	Простая грунтовая могила, без перекрытия	5,57	В	На левом боку. Скорченно. Ноги подогнуты к животу	»	»	В. В. Шкорпил. ИАК, 35, 1910, стр. 25, погр. 56	V–II вв. до н. э.
Фанагория	То же	2,75	С, С-З	Скорченно, на левом боку	»	»	М. М. Кобылина. Отчет о раскопках Фанагории в 1950 г., Р – 1, № 504, стр. 5, погр. 4	V–II вв. до н. э.
»	»	1,65	З	Скорченно, на правом боку	Простой одноручный сосуд у головы	»	М. М. Кобылина. Отчет о раскопках Фанагории в 1951 г. Р – 1, № 638, стр. 11, погр. 92	V–II вв. до н. э.
»	»	1,90	В	То же	Нет	»	Там же, стр. 16, погр. 114	V–II вв. до н. э.

Таблица 1 (окончание)

Место находки	Характер погребального сооружения	Глубина захоронения, *м*	Ориентация	Положение костяка	Инвентарь		Кем и где издано	Дата погребения
					керамика	утварь, украшения, прочее		
Фанагория	Простая грунтовая могила без перекрытия	3,5 вершка	С (лицом)	Скорченно, на боку	Следы древесного угля на костяке	Нет	ОАК за 1872 г., стр. V	V–II вв. до н. э.
»	»	0,80	С	Скорченно, на правом боку	Между черепом и плечом маленький черноглиняный лепной сосуд; одноручный простой кувшин; флакон глиняный	»	М. М. Кобылина. МИА, 19, 1951, стр. 242, погр. 5/173	III–II вв. до н. э.
Тирамба	»	1,58	Ю-З	Скорченно, на правом боку (детское)	Над костяком фрагмент амфоры	»	А. К. Коровина. Отчет о раскопках некрополя Тирамбы в 1968 г., Р – 1, № 3762, стр. 15, погр. 110/16	III–II вв. до н. э.
»	»	0,80	В	Скорченно, на левом боку. Руки согнуты в локтях	Нет	»	А. К. Коровина. Отчет о раскопках древней Тирамбы... в 1961 г. Р – 1, № 2337, стр. 17, погр. 16	III в. до н. э.
Кепы	»	0,95	Ю	На левом боку. Левая рука вытянута. Правая на костях таза	С–С-З. Заложен каменной плитой; в насыпи следы тризны	Монета медная II в. до н. э.	Н. И. Сокольский. Отчет Таманской экспедиции за 1961 г. Р – 1, № 2291, стр. 15, погр. 92/30	II в. до н. э.

Таблица 2

Ориентация скорченных погребений

Ориентация	Пантикапей	Тирамба	Кепы	Фанагория	Гермонасса	Корокондама («Пятиколодезное»)	Всего
Неопредел.				1			1
С	1		1		1		3
Ю			1				1
В	1	1	1	1		1	5
З				1	1		2
С-В	1						1
С-З				1			1
Ю-В					1		1
Ю-З		1					1

На этом основании все эти захоронения определяются ею как скифские [8].

В Херсонесском некрополе V—IV вв. до н.э. также отмечена большая группа скорченных погребений. Число же погребений с невытянутым положением костяков здесь достигает 40% от общего количества всех захоронений [9]. Инвентарь в Херсонесских могилах более беден, чем в Боспорских некрополях [10]. С. И. Капошина считает скорченные погребения Херсонесского могильника также скифскими [11]. Ей возражает Г. Д. Белов, относящий их к таврам [12].

Наибольший интерес для выяснения этнической принадлежности скорченных погребений на Боспоре представляют подобные захоронения у сопредельных с ним племен Северного Причерноморья. Изредка скорченные погребения встречаются в скифских грунтовых и курганных могильниках. Так, в погр. 2 могильника у с. Михайловка на Нижнем Днепре костяк лежал на левом боку, головой на С.-В. Правая рука вытянута, левая — у виска, ноги слегка согнуты в коленях. Из инвентаря найден лишь железный нож. Могила имела деревянное перекрытие, поверх которого был навал камней [13].

В погр. 3 в грунтовой могиле 5 того же некрополя покойник лежал на правом боку, головой на запад. Ноги согнуты в коленях. Слева от костяка находились: железный нож, пряслице из амфорной стенки, три бусины. В районе костей таза — 10 бронзовых наконечников стрел [14]. Авторы публикаций относят эти захоронения к V—IV вв. до н. э. [15]

Из всех племен скифов-сколотов особенно важное место в истории Боспора занимали скифы, жившие на Керченском полуострове. Однако здесь, среди большого числа погребений рядового населения в степных курганах Восточного Крыма, раскопанных Э. В. Яковенко, встретилось лишь одно скорченное. Это погр. 3 в кургане 5 у с. Ленино. Захороненный здесь в каменном ящике покойник лежал на правом боку, скорченно, головой на восток. Руки подняты к лицу, ноги сильно согнуты в коленях. У таза два бронзовых наконечника стрел [16]. Погребение датируется IV в. до н. э.

---

[8] Там же.

[9] *Г. Д. Белов.* Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, 1950, стр. 277.

[10] Там же, стр. 278, 279.

[11] *С. И. Капошина.* Ук. соч., стр. 172.

[12] *Г. Д. Белов.* Ук. соч., стр. 278.

[13] *Е. Л. Лагодовская, Э. А. Сымонович.* Скифский могильник у с. Михайловка на нижнем Днепре. Сб. «Скифские древности». Киев, 1973, стр. 236.

[14] *Е. Л. Лагодовская, Э. А. Сымонович.* Ук. соч., стр. 239.

[15] Там же, стр. 240.

[16] *Э. В. Яковенко, Е. В. Черненко, В. Н. Корпусова.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. Сб. «Древности Восточного Крыма». Киев, 1970, стр. 155.

Характерные черты скифских скорченных погребений — наличие деревянного заклада или каменного ящика, северо-восточная и западная ориентация, присутствие бронзовых наконечников стрел — не типичны для группы скорченных захоронений на Боспоре.

Крайне немногочисленные случаи таких погребений у скифов, особенно среди скифского населения Керченского полуострова, также свидетельствуют против скифской принадлежности большей части скорченных погребений в грунтовых некрополях боспорских городов.

Среди скорченных погребений в могильниках других племен Северо-Восточного Причерноморья, за исключением тавров, нет ни одного, как мы увидим ниже, головой на запад. Напомним, что эта ориентация очень устойчива в захоронениях скифского населения Восточного Крыма и Нижнего Дона [17].

Скорченное положение умерших распространено и в плитовых могилах таврских некрополей. В VI—IV вв. до н. э. для кизил-кобинской культуры, отождествляемой некоторыми исследователями с ранними таврами, характерны захоронения в примитивных каменных ящиках нескольких погребенных в скорченных позах, с неустойчивой ориентацией [18]. Вокруг могил часто сооружалась кольцевая ограда из поставленных на ребро каменных плит [19]. Кроме лепной, нередко чернолощеной посуды, иногда с нарезным орнаментом [20], встречаются бронзовые гривны, спиральные браслеты, реже оружие [21]. Попадаются также таврские погребения, без инвентаря.

В группе боспорских одиночных скорченных захоронений нет ни одного, которое бы полностью походило на таврское. Впрочем, таврские погребения в некрополе Пантикапея надежно зафиксированы известным надгробием тавра Тихона [22]. Тело его, лежавшее вытянуто на спине, было по обычаю этого народа посыпано красной охрой [23]. С большим основанием таврскими следует считать несколько скорченных погребений в одной могиле на южном склоне г. Митридат. Все костяки в ней лежали головой на С-В, к сожалению, без вещей [24].

Особенно большая группа скорченных погребений представлена в грунтовых могильниках Среднего Прикубанья, принадлежащих различным меотским племенам.

Так, в самых ранних из них, например Николаевском, скорченные погребения лишь немного уступали по числу вытянутым, а в Кубанском их количество равно 50% [25]. Большинство захоронений подобного рода ориентированы на юг, реже восток и север. Многие из них не имели инвентаря, а там, где он есть, это всего лишь одиночные лепные сосуды у черепа [26]. Оба могильника датируются Н. В. Анфимовым концом VIII—VII вв. до н.э. [27]

В Усть-Лабинском грунтовом могильнике из 31 погребения VI—V вв. до н.э. шесть были скорченными. Из них три на правом и три на левом

---

[17] *Э. В. Яковенко.* Скифы Восточного Крыма в V—III вв. до н. э. Канд. дис. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2046, стр. 49, 45, 56, 58, 63, 65, 68, 73.

[18] *А. Л. Лесков.* Раннетаврские могильники горного Крыма. АСб. ГЭ, 2, 1961, стр. 107—111.

[19] Там же, стр. 108.

[20] *А. Л. Лесков.* Раннетаврские могильники горного Крыма. 1961, стр. 112.

[21] *С. И. Капошина.* Ук. соч., стр. 171.

[22] *В. В. Шкорпил.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году. ИАК, 9, 1904, стр. 80, № 35.

[23] Там же.

[24] ОАК за 1904 г., стр. 70.

[25] *Н. В. Анфимов.* Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья. Сб. «Проблемы скифской археологии». М., 1971, стр. 172, 174.

[26] Там же, стр. 171—174.

[27] Там же.

боку. Все погребения с бедным инвентарем и ориентированы на юг [28].

Среди захоронений IV—II в. до н. э. — четыре скорченных: два на левом и два на правом боку [29].

Наиболее хорошо исследована группа скорченников в Пашковском могильнике. Здесь их девять [30]. Ориентировка восточная и южная, в двух случаях — северная. Костяки, где это прослеживается,— на правом или левом боку, скорченно, кисти рук у подбородка. Инвентарь очень бедный. Несколько раз зафиксированы лепные миски у лица; один раз — в ногах. Глубина всех погребений приблизительно 0,92—1,30 м [31].

Пять скорченных погребений известно из раскопок В. А. Городцова в Елизаветинском могильнике [32]. В целом картина та же, что и в пашковских захоронениях. Ориентация восточная, с отклонениями к северу и югу; в инвентаре один-два сосуда, и то не всегда [33].

Таким образом, для меотских скорченных погребений можно выделить следующие основные черты: господство южной и восточной ориентации; одиночный характер захоронений; бедный инвентарь или его отсутствие; небольшая глубина простых грунтовых могил (0,90—1,30 *м*); отсутствие каких-либо перекрытий могильных ям.

Интересный материал получен в последние годы в результате раскопок В. Н. Карасевым грунтового могильника у хут. Рассвет, недалеко от Анапы. Среди более чем 70 погребений V—IV вв. до н. э. обнаружено пока только одно парное со скорченными костяками. В плитовой могиле, перекрытой завалом из камней, находилось два скорченных покойника: мужчина и женщина; оба головами на восток. На пальцах их рук два бронзовых перстня, у женского черепа — серебряная подвеска. По фрагментам амфоры, обнаруженным в погребении, оно датируется V в. до н. э. [34] Кроме позы погребенных, это захоронение ничем не отличается от других могил некрополя.

Этническая принадлежность населения, оставившего данный могильник, не ясна. Возможно, это синды. Во всяком случае среди скорченных погребений на Боспоре нет аналогичных вышеописанному типу захоронений.

Из всех приведенных примеров наиболее близки к группе скорченных погребений грунтовых некрополей Боспора подобные захоронения меотских могильников Среднего Прикубанья. Поэтому погребения первой группы с восточной и южной ориентацией (с отклонениями), особенно те, где у лица покойного помещен сосуд (табл. 1), вероятнее всего, принадлежали меотам. Их роднит также одиночный характер захоронений; форма могильного сооружения — простая грунтовая яма, небольшая глубина могил; почти полное отсутствие перекрытий; бедный инвентарь. Возможно, меотским можно считать и погребения, в которых умерший лежал головой на север [35].

В грунтовых могильниках Прикубанья среди скорченных и вытянутых захоронений изредка встречается и северная ориентация. Н. В. Анфимов считает, что наличие этой ориентации и говорит об иноплеменной группе в меотской среде [36]. Не исключено, что это черта погребального

---

[28] *Н. В. Анфимов.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 158, 159.

[29] *Н. В. Анфимов.* Там же, стр. 164, 169.

[30] *К. Ф. Смирнов.* Меотский могильник у ст. Пашковской. МИА, 64, 1958, стр. 293.

[31] Там же.

[32] *В. А. Городцов.* Елизаветинское городище и сопровождающий его могильник. СА, 1936, 1, стр. 184.

[33] Там же, стр. 184.

[34] *Ю. С. Крушкол.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе (хут. Рассвет) в 1969 г. Архив ИМ АН СССР, р-1, № 4264, стр. 7, 8, погр. 2.

[35] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 293; *В. А. Городцов.* Ук. соч., стр. 184; *Н. В. Анфимов.* Сложение меотской культуры..., стр. 172.

[36] *Н. В. Анфимов.* Сложение меотской культуры..., стр. 172.

обряда одного из многих меотских племен, населявших этот район, чьи могильники пока неизвестны. Возможно, что с северной ориентацией у меотов было принято хоронить соплеменников, занимавших иное социальное положение или выполнявших сакральные функции.

Меотская принадлежность большинства скорченных погребений (так же как и погребений второй группы) более предпочтительная и ввиду хорошо зафиксированных письменными источниками широких и разносторонних связей Боспора с племенами Прикубанья, а также самого географического положения большинства городов этого государства, расположенных на территории местных племен — меотов и синдов.

Ко второй группе — погребениям на спине с согнутыми ногами — относится 18 захоронений. В них ноги, как правило, согнутые в коленях, распались в разные стороны; иногда они, сильно согнутые и поднятые высоко, падали, скрещиваясь, на грудь. Причины такого положения ног, видимо, различны. При наличии заклада, вследствие чего в могиле существовало свободное пространство, поднятые и согнутые в коленях ноги могли до обвала перекрытия упасть вместе или по отдельности в разные стороны. В этом случае первоначальной позой могло быть положение покойного на спине с подогнутыми в коленях и поднятыми ногами. При отсутствии заклада земля сразу засыпала покойного в том состоянии, в каком он был положен в момент погребения. Весь этот обряд погребения, возможно, являлся промежуточным звеном между скорченным и вытянутом трупоположением.

Руки костяков там, где они сохранились, были вытянуты либо подняты к голове. Иногда одна из них, согнутая, лежит на поясе.

Захоронения второй группы были расположены несколько глубже, чем скорченные (1,15—1,70 *м*), в простых земляных могилах (табл. 3). Формы их установить трудно. Лишь в одном случае имелся деревянный заклад (табл. 3). Все погребения, за исключением одной могилы,— одиночные. Один раз зафиксирована подсыпка из песка, раковин и камешков (табл. 3).

Инвентарь в погребениях этой группы встречается чаще и несколько более разнообразный, чем при скорченных костяках. Это греческая чернолаковая и красноглиняная, краснофигурная посуда: килики, скифосы, пелики, лекифы, ойнохои, кувшины, чаши, фрагменты амфор. Лепной керамики почти нет, зато имеются бронзовые иголки, пряслица, бусы и одна медная монета (см. табл. 3).

Время многих могил определено по аналогиям и стратиграфическому положению близлежащих надежно датируемых погребений. Оба погребальных обряда, как скорченный, так и полускорченный, существуют синхронно: VI—II вв. до н. э.

В погребениях второй группы преобладает восточная ориентация с отклонениями к югу и северу (табл. 4).

Для выяснения этнической принадлежности захоронений этой группы обратимся вновь к аналогиям в некрополях Северного Причерноморья.

В Ольвии С. И. Капошина выделяла среди скорченных погребения на спине с согнутыми ногами. Числа их она не называет, указывая лишь на небогатый набор предметов, сопровождавших покойников, и на их скифскую принадлежность [37].

Погребения этой подгруппы встречаются в Ольвийском некрополе с VI по III в. до н. э. [38] Подобные же захоронения, часто без инвентаря, отмечены среди грунтовых могил V—IV вв. до н. э. в Херсонесе [39]. Как и в Ольвии, этот тип трупоположения С. И. Капошина считает показателем присутствия скифского населения в Херсонесе [40].

---

[37] *С. И. Капошина.* Скорченные погребения..., стр. 163, 164, 167.
[38] Там же, стр. 165.
[39] Там же, стр. 169, 170.
[40] Там же, стр. 172.

Таблица 3

Погребения на спине с согнутыми ногами в грунтовых некрополях VI–II вв. до н. э. ряда боспорских городов

Место находки	Характер погребального сооружения	Глубина, *м*	Ориентация	Положение костяка	Инвентарь		Где и кем издано	Дата погребения
					керамика	прочая утварь		
Кепы	Простая земляная могила	0,5–0,6	В	На спине. Кости ног ромбообразно.	У головы сероглиняный кувшин. У плеча сероглиняная миска, ионийский килик VI в. до н. э; лекиф с граффити	Нет	Н. И. Сокольский. Отчет Таманской экспедиции за 1961 г. Р–I, № 2291, стр. 43, погр. 131/69	VI–V вв. до н. э.
»	Простая земляная могила	1,20	Ю-В	На спине. Ноги в позе «всадника»	Слева ойнохоя	»	Н. И. Сокольский. Отчет за 1962 г. Р–I, № 2524, стр. 156, погр. 188/35	V в. до н. э.
»	То же	1,30	В	То же	Красноглиняная миска, скифос, ойнохоя, одноручная чаша	Пряслице, бронзовая иголка	Там же, стр. 157, погр. 189/36	V в. до н. э.
»	»	1,25	З	На спине. Ноги, согнутые в коленях, отведены влево, одна рука на тазовых костях	У правого плеча дно килика	Нет	Н. И. Сокольский. Отчет за 1961 г. Р–I, № 2291, стр. 50, погр. 142/80	V в. до н. э.
»	»	1,70	Ю-В	На спине. Ноги в позе «всадника»	Нет	Бронзовая иголка	Н. И. Сокольский. Отчет за 1965 г. Р–I, № 3134, стр. 78, погр. 340/20	V в. до н. э.

Таблица 3 (продолжение)

Место находки	Характер погребального сооружения	Глубина, м	Ориентация	Положение костяка	Инвентарь		Где и кем издано	Дата погребения
					керамика	прочая утварь		
Кепы	Простая земляная могила с деревянным перекрытием	1,50	В	На спине. Ноги согнуты «ромбообразно». На груди у черепа и в углу могилы следы угля	У колена левой ноги килик, протофасосская амфора, под ней – килик (вторая половина IV в. до н. э.)	Нет	Н. И. Сокольский. Отчет за 1966 г. Р–I, № 3262, стр. 37–38, погр. 374/10	IV в. до н. э.
Тирамба	Простая земляная могила без перекрытия	1,40	Ю-В	На спине. Ноги согнуты и повернуты влево	Разбитое рыбное блюдо в ногах, краснофигурная пелика	Глиняное пряслице	А. К. Коровина. Отчет о раскопках некрополя Тирамбы. В 1968 г., Р–I, № 3762, стр. 15, погр. 107/13	IV в. до н. э.
»	То же	1,40	С-В	Два костяка. Первый на спине, ноги подогнуты и отведены влево; второй вытянут	Нет	Медная монета IV в. до н. э. у головы	А. К. Коровина. Отчет о раскопках городища и некрополя Тирамбы в 1966 г. Р–I, № 3247, стр. 8, погр. 56	IV в. до н. э.
»	»	1,65	Ю-З	На спине. Ноги согнуты и повернуты в разные стороны	Слева блюдечко, краснофигурный арибалл, лекиф, у правой руки красноглиняный флакончик	Три бусины	А. К. Коровина. Отчет о раскопках древней Тирамбы и ее некрополя в 1961 г. Р–I, № 2337, стр. 14, погр. 11	III в. до н. э.
Кепы	»	1,65	Ю-З	На спине. Ноги в позе «всадника»	Нет	Нет	Н. И. Сокольский. Отчет Таманской экспедиции за 1962 г. Р–I, № 2524, стр. 166, погр. 207/54	V–II вв. до н. э.

Таблица 3 (продолжение)

Место находки	Характер погребального сооружения	Глубина, м	Ориентация	Положение костяка	Инвентарь		Где и кем издано	Дата погребения
					керамика	прочая утварь		
Кепы	Простая земляная могила без перекрытия	1,70	С-В	На спине. Ноги согнуты и подведены к животу. Кисти рук на плечах	Нет	Нет	Н. И. Сокольский. Отчет Таманской экспедиции за 1961 г. Р–I, № 2291, стр. 19, погр. 98/36	V–II вв. до н. э.
Фанагория	»	1,15	С	На спине. Ноги согнуты в коленях и отведены к западу	»	»	М. М. Кобылина. Отчет о раскопках в Фанагории в 1950 г. Р–I, № 504, стр. 8, погр. 2	V–II вв. до н. э.
»	»	1,20	С-В	На спине. Ноги согнуты и отведены на Ю-В	»	Фрагмент бронзовой серьги	Там же, стр. 13, погр. 20	V–II вв. до н. э.
Тирамба	»	1,20	Ю-В	На спине. Ноги согнуты и повернуты	»	Нет	А. К. Коровина. Отчет о раскопках некрополя Тирамбы в 1967 г. Р–I, № 3569, стр. 11, погр. 86/22	V–II вв. до н. э.

Таблица 3 (окончание)

Место находки	Характер погребального сооружения	Глубина, м	Ориентация	Положение костяка	Инвентарь		Где и кем издано	Дата погребения
					керамика	прочая утварь		
Горгиппия	Простая земляная могила без перекрытия	1,20	Ю-В	На спине. Ноги сильно согнуты в коленях и повернуты вправо	У левого плеча канфаровидный килик с граффити	Нет	Раскопки Т. М. Смирновой в Анапе в 1971 г., погр. 59	IV–III вв. до н. э.
»	»	1,20	В	На спине. Ноги согнуты в коленях. Левая рука подведена кистью к голове, правая лежит на поясе	Нет	Бронзовая иголка у черепа	Раскопки Т. М. Смирновой в Анапе в 1971 г., погр. 60	IV–II вв. до н. э.
»	»	1,71	В–С-В	На спине. Ноги согнуты в коленях и перекрещены. Правая рука согнута в локте и подведена к голове, левая на поясе	»	Нет	Раскопки Т. М. Смирновой в Анапе в 1971 г., погр. 47	IV–II вв. до н. э.
Фанагория	»	1,50	Ю	На спине. Ноги подогнуты. Правая рука согнута в локте	Слева у плеча фрагмент синопской амфоры	»	М. М. Кобылина. Отчет о раскопках в Фанагории в 1950 г. Р–I, № 504, стр. 5, погр. 41	III–II вв. до н. э.

Другой исследователь того же некрополя Г. Д. Белов [41], включая погребения на спине с согнутыми ногами в общее число скорченных, как уже говорилось выше, видит в них тавров. Он указывает на то, что могилы с невытянутыми костяками находились вперемежку с обычными захоронениями греческих граждан Херсонеса и не отличались от них своим инвентарем. Все это, по мнению Г. Д. Белова, свидетельствует о том, что между греческим и местными элементами населения города больших экономических и социальных различий не было [42].

Таблица 4

Ориентация	Фанагория	Тирамба	Кепы	Горгиппия	Всего
С	1				1
Ю	1				1
В			3	11	5
З			1		1
С-В	1	1	1		3
Ю-З		1	1		2
С-З					–
Ю-В		2	2	1	5

Скифских погребений, аналогичных второй группе из Боспорских некрополей, известно немного. Захоронение на спине с согнутыми ногами обнаружено во время недавних раскопок на юге Херсонской области [43].

Здесь во впускном погр. 2 кургана 15 в камере катакомбы находилось два костяка: вытянутый и с согнутыми в коленях ногами, отведенными влево. Возможно, ноги первоначально были подняты вверх. Оба покойника лежали головами на запад. Руки у скорченного костяка вытянуты вдоль тела. Захоронение с согнутыми ногами сопровождалось следующим инвентарем: пряслице, плоский камень (брусок), свинцовое пряслице, бронзовые серьги, сетчатый лекиф, двуручный кувшин, сероглиняный кувшин, бусина, железный нож, амфорная ручка. Дата погребения — IV—III вв. до н. э. [44]

Два погребения, подобных вышеописанному, найдено в ходе раскопок курганов на Керченском полуострове. В кургане 16 у с. Астанино в погр. 1 покойник был положен на спину, головой на запад; ноги согнуты и упали в сторону. Могильная яма имела каменный заклад и сверху еще присыпана камнями. В ней кроме костяка находилось пять отдельных черепов, бусина, ножка эллинистической амфоры, пластинка от железного панциря [45].

В этом же районе раскопано и второе погребение. Оно представляло собой яму в материке. Положение костяка то же, что и в кургане 16. В левом колене — бронзовый трехлопастный наконечник стрелы [46]. Оба захоронения относятся к IV—III вв. до н. э.

В целом этой группе скифских погребений присуща западная ориентация, наличие каменного заклада над могилой и небогатый инвентарь. Погребений на спине с согнутыми ногами в скифских бескурганных могильниках не найдено. Необходимо еще раз подчеркнуть, что устойчивая

---

[41] *Г. Д. Белов.* Некрополь Херсонеса классической эпохи, стр. 278.

[42] Там же, стр. 277, 278, 284.

[43] *Г. Т. Ковпаненко, Э. В. Яковенко.* Скифские курганы на юге Херсонщины. Сб. «Скифские древности». Киев, 1973, стр. 257, 260.

[44] Там же, стр. 258, 259.

[45] *Э. В. Яковенко, Е. В. Черненко, В. Н. Корпусова.* Описание скифских погребений, в курганах Восточного Крыма. Сб. «Древности Восточного Крыма». Киев, 1970, стр. 170.

[46] Там же, курган 19. погр. 1 (стр. 174).

западная ориентация является отличительной чертой всех скифских могильников Восточного Крыма [47] и Нижнего Дона [48].

Поэтому среди боспорских захоронений на спине с согнутыми ногами скифскими можно считать лишь те, где погребенный был положен головой на запад (табл. 3). Подавляющее же большинство их нельзя связать со скифским элементом.

Интересна группа погребений с согнутыми ногами в могильнике у хут. Рассвет. Это плитовые гробницы под номерами 4, 23 и 28 [49]. Во всех могилах содержались парные погребения, ориентированные на восток. Инвентарь представлен греческой чернолаковой и красноглиняной посудой, лепной чашкой на ножке, двумя наконечниками копий, тремя железными ножами, мечом с брусковидным навершием, бронзовыми браслетами и серьгами [50]. Все погребения датируются V—IV вв. до н. э.

Восточная ориентация доминирует во второй группе разбираемых нами захоронений, но сам характер могильного сооружения и наличие двух костяков в одной плитовой могиле совершенно не типичны для погребений с согнутыми ногами в грунтовых могильниках греческих городов.

Несколько случаев подобных захоронений имеется в меотских некрополях Прикубанья. Одно погребение на спине с согнутыми и подтянутыми к туловищу ногами и два — с ногами, согнутыми в коленях и повернутыми вправо, отмечены среди могил VI—II в. до н. э. в Усть-Лабинском могильнике [51].

На глубине 0,95 *м* на спине, головой на юг, с подогнутыми ногами, обнаружен костяк в погр. 6 (1948 г.) Пашковского могильника. Рядом находилась плитка спрессованного песка, справа — сосуды, над головой — миска [52].

В. А. Городцов упоминает в некрополе Елизаветинского городища одно захоронение, называя его сидячим [53]. Возможно, речь идет о сильно согнутых в коленях ногах, что делает позу покойного похожей на «сидячую на пятках».

Помимо южной и восточной ориентаций основную массу полускорченных погребений из некрополей некоторых боспорских городов сближает с подобными захоронениями меотских могильников Среднего Прикубанья одиночный характер погребений, форма могильного сооружения, отсутствие заклада, небольшая глубина. Поэтому их вполне можно считать принадлежащими меотскому населению городов Боспорского государства. Возможно, ту же этническую принадлежность имеют погребения с положением покойных головой на север (см. табл. 3).

Обращает на себя внимание погребение второй группы под № 59 из Горгиппии. Покойник лежал на спине головой на Ю-В. Ноги его были сильно сжаты в коленях и отведены в сторону. У левого плеча его найден чернолаковый канфаровидный килик с граффити по венчику ΜΟΣΧΙΩ-ΝΟΥΗΚΥΛΕ [54]. Имя Мосхион — греческое. Заманчиво видеть в погребенном хозяина килика. В таком случае чисто «варварская» поза покойника сочетается с греческим именем. В этом нет ничего неожиданного. Упоминавшееся уже надгробие Тихона-тавра убедительно свидетельствует

---

[47] *Э. В. Яковенко.* Ук. канд. дис., стр. 49, 45, 56, 58, 63, 65, 68, 73.

[48] *И. Б. Брашинский, А. И. Демченко.* Исследование Елизаветовского могильника в 1966 г. КСИА АН СССР, 116, 1969, стр. 113, 114.

[49] См. в архиве ИА АН СССР: *Ю. С. Крушкол.* Отчеты об археологических исследованиях в Анапском районе (хут. Рассвет) в 1969 г. (р-1, № 4264, стр. 8, 9) и в 1970 г. (р-1, № 4310, стр. 14—16, 18, 19).

[50] *Ю. С. Крушкол.* Ук. отчет за 1970 г., погребения 4, 23, 28.

[51] *Н. В. Анфимов.* Меото-сарматский могильник..., стр. 159, 169.

[52] *К. Ф. Смирнов.* Меотский могильник у ст. Пашковской, стр. 296.

[53] *В. А. Городцов.* Елизаветинское городище..., стр. 184.

[54] *Т. М. Смирнова.* Отчет о раскопках в Анапе в 1971 г., стр. 15, погр. 59. Благодарю Т. М. Смирнову за возможность ознакомиться с материалами раскопок в Анапе 1971 г.

о том, что представители местных племен, селившиеся в городах Боспора, иногда носили греческие имена, сохраняя все же некоторые элементы своих погребальных обрядов.

Таким образом, погребения с невытянутым положением костяка, встречающиеся в грунтовых некрополях VI—II вв. до н. э. некоторых боспорских городов, принадлежат различным этническим группам: меотам и, возможно, синдам; в меньшей степени — скифам и таврам.

Скорченная поза покойного и положение на спине с согнутыми ногами встречаются изредка в VI—II вв. до н. э. и в погребениях сопредельных с Боспорским государством племен Северного Причерноморья. Этот обряд являлся пережитком традиций, бытовавших среди населения всего степного юга нашей страны в эпоху бронзы.

Любопытно, что отдельные представители местных племен, попав в среду греческого населения городов Боспора, несмотря на эллинизацию, цепко держались за свои самые консервативные обычаи.

Как уже говорилось выше, не все рассматриваемые погребения поддаются уверенной датировке. Но те из них, в отношении которых это возможно, распределяются по трем хронологическим группам: VI—V вв. до н. э.— девять погребений; IV—III вв. до н. э.— пять; III—II вв. до н. э.— шесть. Малочисленность исследуемых захоронений и отсутствие резких количественных различий между хронологическими группами не позволяют, как нам кажется, уверенно говорить на основе только этого материала об этапах проникновения негреческих элементов в города Боспора. Вместе с тем показательно, что этот процесс активно протекал уже в ранний период истории античных городов, прежде всего азиатского Боспора.

A. A. Maslennikov

DES ENSEVELISSEMENTS EN POSITION FLECHIE DANS LES NECROPOLES PLATES DES VILLES DU BOSPORE

Résumé

Pour éclairer la question de la présence d'éléments non grecs dans les villes du Bospore, du VIe au IIe siècle av. n. è., il est très important de définir l'appartenance ethnique de 34 sépultures contenant des squelettes en position fléchie, étudiées dans les nécropoles de plusieurs villes de ce royaume. Toutes les sépultures présentent des inhumations individuelles, dans de simples fosses sans revêtement, sans trace de coloration rituelle, avec un pauvre mobilier funéraire. L'orientation à l'Est, avec des variantes au Sud et au Nord, domine. On date ces inhumations en position fléchie du VIe au IIe siècle av. n. ère. Les plus proches analogies de ces ensevelissements se retrouvent dans les champs méotes d'inhumations creusées dans le sol de la région du Kouban. Ces derniers s'apparentent au groupe bosporien des ensevelissements en position fléchie par la forme de la tombe, par l'orientation au Sud et à l'Est, par le caractere individuel de l'inhumation, par la pauvreté du mobilier. Par conséquent, une grande partie de ces sépultures dans les nécropoles des villes du Bospore appartiennent surtout à certains représentant des tribus méotes du cours moyen du Kouban. Tout ceci atteste que les éléments non grecs composaient une partie de la population des villes grecques du littoral nord-est de la mer Noire, dès les premiers siècles de leur existence.

К. В. КАСПАРОВА

О ВЕРХНЕЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Несмотря на значительные успехи последних лет в области изучения зарубинецкой культуры, до сих пор многие актуальные вопросы остаются дискуссионными. Не прекращаются споры и об исторической судьбе носителей зарубинецкой культуры и их роли в славянском этногенезе. В этой связи чрезвычайно важно наиболее точно определить конечную дату существования оставленных ими памятников. Ю. В. Кухаренко относит ее к концу I — середине II в.н. э. А. К. Амброз считает, что зарубинецкие могильники были заброшены не позднее конца I в. н. э [1]. Такого же мнения придерживался и ряд других исследователей [2]. Прекращение жизни на зарубинецких памятниках Среднего Поднепровья в середине — конце I в. н. э. убедительно аргументировано Е. В. Максимовым [3].

П. Н. Третьяков считает, что зарубинецкие племена жили там вплоть до конца II — начала III в. н. э. [4] Л. Д. Поболь и В. Н. Даниленко говорят о существовании зарубинецкой культуры даже в III—IV вв. н. э. [5].

Проблема хронологии часто усложняется тем, что некоторые исследователи объединяют зарубинецкую культуру в ее классическом облике с культурой населения, оставившего памятники постзарубинецкого времени, именуя их «позднезарубинецкими». Тем самым подразумевается генетическая и хронологическая преемственность между этапами развития культуры, что в данном случае еще не доказано. Вопрос об их соотношении чрезвычайно сложен и пока не может считаться решенным окончательно. Для правильного понимания исторической ситуации на рубеже нашей эры на Полесье, Волыни и Поднепровье в первую очередь необходимо строго выделять древности классической зарубинецкой культуры со всеми ей одной присущими признаками.

В настоящей статье не рассматриваются постзарубинецкие памятники и сложная проблема их взаимоотношений с зарубинецкими, это тема специального исследования, здесь мы остановимся только на вопросе о верхней дате последних. Однако различия в определении зарубинецкой культуры обусловливают расхождения в ее датировках, а также противоре-

---

[1] *Ю. В. Кухаренко.* Зарубинецкая культура. САИ, Д1-19, М., 1964, стр. 52—54; *А. К. Амброз.* Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 16.

[2] *М. И. Артамонов.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология. Сб. «Проблемы всеобщей истории». Л., 1967, стр. 46; *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, 163, 1970, стр. 38.

[3] *Е. В. Максимов.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972, стр. 114, 115, 135.

[4] *П. Н. Третьяков.* У истоков древнерусской народности. МИА, 179, 1970, стр. 38—40.

[5] *Л. Д. Поболь.* Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск, 1973, стр. 27, 33—40, рис. 8—10; *В. Н. Даниленко, В. П. Дудкич, В. А. Круц.* Археолого-магнитная разведка в Киевской области. АИУ, 1967, стр. 214.

чия, наблюдаемые у одних и тех же специалистов. Поэтому уточним еще раз, что, употребляя понятие «зарубинецкая культура», мы имеем в виду совокупность памятников, объединенных наличием достаточно типичных и ярко выраженных элементов материальной и духовной культуры, обстоятельная характеристика которой дана в сводной работе Ю. В. Кухаренко в основном в пределах очерченной им территории [6]. В настоящее время границы ее частично могут быть уточнены, что для Среднего Поднепровья сделано Е. В. Максимовым [7]. В отношении Полесья значительных изменений не произошло — памятников, принадлежность которых к зарубинецкой культуре убедительно доказана, за пределами карты Ю. В. Кухаренко появилось немного.

Л. Д. Поболь расширяет границы зарубинецкой территории совершенно необоснованно. В число зарубинецких им включен целый ряд пунктов, где были найдены отдельные фрагменты керамики «зарубинецкого типа» или лишь напоминающие зарубинецкие [8].

Среди памятников классической зарубинецкой культуры, как полагает большинство исследователей, нет ни одного, который можно было бы датировать позднее конца I в. н. э. Еще раньше, как мы предполагали, к середине I в. н. э. перестали функционировать могильники Полесья [9]. Тщательный анализ имеющихся данных позволяет уточнть эту дату и более убедительно ее аргументировать. Для этого следует опираться лишь на материалы могильников, которые дают закрытые комплексы, пригодные для надежных хронологических выводов.

Хронология зарубинецкой культуры, а особенно полесской группы, где в противовес Среднему Поднепровью отсутствуют античные импорты, базируется на фибулах. Среди них наиболее поздними, определяющими верхнюю границу памятников, являются фибулы позднелатенской схемы. Для датировок обычно используется классификация фибул, предложенная А. К. Амброзом [10]. Датируя позднелатенские фибулы, А. К. Амброз опирался на общепринятую хронологию периода позднего латена, охватывающего, по Р. Хахманну, весь I в. до н. э., а также исходил из датировок близких типов фибул Центральной Европы и памятников Северного Причерноморья. Фибулы позднелатенской схемы, выделенные в группу «воинских», А. К. Амброз датировал I в. н. э., предполагая даже возможность ограничить их время первой половиной века [11]; фибулы «бойев» — концом I в. до н. э. — началом I в. н. э.; «рамчатые» по Чаплинскому могильнику им отнесены ко второй половине I в. до н. э. и частично к I в. н. э.

При датировке вариантов «воинских» фибул А. К. Амброз осторожно указал весь I в. н. э. [12]

Материалы памятников Северного Причерноморья, откуда происходят немногочисленные находки фибул позднелатенской схемы, к сожалению, не могут уточнить датировку. Исследователи обычно придерживаются такой же даты. М. И. Вязьмитина при определении времени ряда погребений Золотобалковского могильника опирается на хронологию «воинских» фибул по Амброзу.

---

[6] *Ю. В. Кухаренко.* Ук. соч., стр. 5 сл., рис. 1, 3.

[7] *Е. В. Максимов.* Ук. соч., стр. 18, 117, рис. 1.

[8] *Л. Д. Поболь.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971, стр. 4, рис. 80 (вкладка); *его же.* Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.). Минск, 1974, стр. 25, рис. 1 (вкладка); например, пункты № 192, 193, 195, 421, 437, 458, 676, 701, 895, см. стр. 167, 236, 273, 240, 292, 295, 296, 336.

[9] *К. В. Каспарова.* Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры. АСбГЭ, 17, Л., 1976.

[10] *А. К. Амброз.* Ук соч., стр. 22—25.

[11] Там же, стр. 16.

[12] *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 23—25.

Среди девяти опубликованных «воинских» фибул из Золотобалковского могильника семь экземпляров с плоской или проволочной спинками, близкие зарубинецким. Четыре погребения, из которых происходят фибулы, имеют широкую дату — I в. н. э.: погр. 2 из могилы 60— по дисковидному зеркалу и фибуле, о которой идет речь; погр. 1 из могилы 6, погр. 3 из могилы 65 и могила 66—также по фибулам. Погребение 4 из могилы 51 датировано рубежом нашей эры тоже на основании фибулы. Погребение 2 из могилы 29 отнесено к рубежу I в. н. э., вероятно, тоже по фибуле [13]. Последняя из интересующих нас фибул этого могильника (маленькая, проволочная с треугольным сплошным приемником) находилась в погр. 2 могилы 8, которое М. И. Вязьмитиной отдельно не датировано; дата же всей могилы — конец I — начало II в. н. э. — основана на составе инвентаря погр. 1 и не может относиться в равной степени к обоим погребениям. Совместное нахождение фибул с дисковидными зеркалами, трехперыми черешковыми наконечниками стрел, пряжкой не уточняют их датировку — эти предметы бытовали достаточно длительный период [14].

Часто основанием для утверждения бытования «воинских» фибул в течение всего I в. н. э. служат немногочисленные находки таковых в памятниках Северного Причерноморья. В некрополе Ольвии найдено несколько экземпляров фибул, среди которых есть близкие известным в зарубинецкой культуре [15]. Происходят они из погребений «с вещами I в. н. э.», по определению А. И. Фурманской со ссылкой на Б. В. Фармаковского. Один комплекс позволяет уточнить дату фибул — могила 87 (1901 г.), где находились три фибулы, подобные «воинским» зарубинецким, краснолаковый канфар, с барботиновым орнаментом и стеклянный сосуд [16]. Т. Н. Книпович относит канфар к августовскому времени [17], а каплевидные бальзамарии этого типа датируются не позднее середины I в. н. э. [18] Таким образом, этот комплекс не выходит за пределы первой половины I в. н. э. В других памятниках (Неаполь Скифский, Городок Николаевка) фибулы позднелатенской схемы датируются не позднее начала I в.н.э. [19] Иногда севернопричерноморские экземпляры привлекаются в качестве аналогий и служат основанием для датировок позднелатенских фибул из памятников зарубинецкой культуры. Так, Л. Д. Поболь, говоря о фибулах из Чаплинского могильника, относит их бытование до конца I в. н. э. по аналогии с ольвийскими, в том числе с упомянутыми выше из могилы 87 [20]. Польская исследовательница Т. Домбровская в одной из своих работ пишет, что верхняя хронологическая граница зарубинецкой культуры опирается на датировку концом I в. н. э. «воинских» фибул Северного Причерноморья, ссылаясь на А. К. Амброза и А. И. Фурманскую [21].

---

[13] *М. И. Вязьмитина.* Золотобалковский могильник. Киев, 1972, рис. 6,*3*; 7,*12*; 13,*5*; 24,*6*; 29,*2*; 31,*8*; 32,*8*, а также стр. 16, 19, 27, 35, 54, 65, 68, 69, 76, 131.

[14] *А. М. Хазанов.* Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 63, 64; *его же.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 37—39.

[15] *А. І. Фурманська.* Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, VIII, 1953, стор. 79, табл. II,*8*, *10*; *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 25.

[16] ИАК, 8, 1903, стр. 89, 90, рис. 51, 60; фибулы — Гос. Эрмитаж, коллекция 0—1901—37 и 38.

[17] *T. Knipowitsch.* Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. «Materialen zur römisch — germanischen Keramikherausgegeben der Römisch—Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts». Frankfurt a. M., 1929, S. 26—29, Abb. 5,*2*, Taf. I, *15*.

[18] *Н. З. Кунина* и *Н. П. Сорокина.* Стеклянные бальзамарии Боспора. Тр. ГЭ, XII, 1972, стр. 150, рис. 1, тип. 1, 2, А.

[19] *Н. Н. Погребова.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. МИА, 96, 1961, стр. 177; *M. Ebert.* Ausgrabungen bei dem «Gorodok-Nikolaewka» am Dniepr, Gouv. Cherson, PZ, Bd V, Ht 4, 1913, S. 92—96.

[20] *Л. Д. Поболь.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры), стр. 119, 120.

[21] *T. Dąbrowska.* Wschodnia granica kultury przeworskiej w poznym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim. MSTW. t. II, 1973, S. 193, 200.

Однако из приведенных данных следует, что хронология фибул позднелатенской схемы, найденных на памятниках зарубинецкой культуры, никоим образом не может опираться на находки близких типов в памятниках южных.

Обратимся к фибулам позднелатенской схемы, происходящим из собственно зарубинецкой культуры. В закрытых комплексах могильников Полесья найдено 53 фибулы такого типа. Среди них два экземпляра имеют рамчатые приемники, четыре — ажурные (фибулы «бойев»), один фрагмент с дырчатым приемником и 34 — со сплошным [22]. Как правило, фибулы имеют нижнюю тетиву. Спинки обычно круглые проволочные, реже пластинчатые. Взаимовстречаемость в комплексах фибул разных типов, в том числе и позднелатенских, показана на табл. 1, *А*. Подобные сочетания, как известно, не позволяют уточнить датировку интересующих нас фибул. Отметим лишь погр. 81, где находилась позднелатенская фибула с плоской спинкой и фибулы «бойев», редкие для Полесья, но хорошо датированные в Чехии началом I в. н. э. [23]

Взаимовстречаемость различных типов фибул Чаплинского могильника приведена на табл. 1, *Б* (по материалам Л. Д. Поболя). В противоположность Полесью здесь много рамчатых фибул (20), две с дырчатыми приемниками и 26 — со сплошными. Почти все имеют нижнюю тетиву, у большинства круглые проволочные спинки. В этом могильнике нет ни одного сочетания позднелатенских фибул с «зарубинецкими», как нет и самых поздних вариантов последних.

В могильниках Среднего Поднепровья (по опубликованным и отчетным данным до 1973 г.) обнаружено всего 12 экз., причем далеко не все из закрытых комплексов. Только в одном случае, насколько нам известно, обломок рамчатого приемника найден вместе с зарубинецкой фибулой IV варианта [24].

Не будем останавливаться здесь на хронологическом расчленении могильников, отчетливо видном на приведенных рисунках, сейчас для нас важны только наиболее поздние хронологические показатели, для зарубинецкой культуры — фибулы позднелатенской схемы. Как видим, рассмотренные материалы не дают надежных данных для возможности сузить время их бытования. Не случайно мы оставили без внимания остальные находки, входящие в комплексы, поскольку, как правило, керамика и другие вещи почти всегда датированы теми же фибулами. Можно отметить лишь одну находку — поясной набор из Отвержичей, который находился вместе с фибулами зарубинецкого типа III варианта и проволочной среднелатенской. Поясной крючок имеет близкие аналоги в могильниках кельтов-скордисков Югославии и в памятниках ясторфской культуры Германии, что может служить основанием для датировки его не позднее начала I в. н. э., а скорее всего концом предыдущего столетия [25]. Но это лишь косвенные данные, несколько удревняющие датировку фибул зарубинецкого типа. Значительно важнее для нас другое — попытаться уточнить хронологию [26] самих фибул этого типа, верхняя граница которых основывается на взаимовстречаемости их с позднелатенскими, что для наших задач создает замкнутый круг. Возможность такая как будто имеется, если допустить вполне вероятное предположение о происхождении зару-

---

[22] Остальные экземпляры фрагментированы.

[23] *K. Motyková-Šneidrowá.* Zur Chronologie der ältesten römischen Kaizerzeit in Böhmen. BJV, t. 5, 1965, S. 109, 110.

[24] *А. И. Кубышев.* Отчет о раскопках могильника зарубинецкой культуры у с. Чапаевка-Пирогов Киево-Святошинского района, «Церковщина», в 1967 г. Архив ИА АН УССР, ФЭ 5016, стр. 4, 47.

[25] *К. В. Каспарова.* Могильник и поселение у дер. Отвержичи. МИА, 160, 1969, стр. 156; *J. Todorović.* Praistorijska Karaburma. I. Belgrad, 1972, S. 69.

[26] *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 17, 18.

Таблица 1

Могильники Полесья (А)

Могильники	№ погребений	Типы фибул: 1	2	3: II	III	IV	4: А	Б	В	5
Валемичи II	105	×		×						
	23				×	×				
	33				×	×				
	98				×	××				
	85					××		o		
	86					××		o		
	93					××		o		
	81								o	oo
Воронино	25	×	×							
	29		×			×				
Валемичи I	60		×		×					
	70		×					o		
	76				×			o		
	1				×	×				
	46				×	×				
Отвержичи	31		×		××					
	26					×		o		
	1							o	o	
Семурадцы	20						o?		o?	

Чаплинский могильник (Б)

№ погребений	Типы фибул: 2	3: I	II	III	4: Г	Б	В	Д	6
117	××	××							
212	×		×						
217	×			×					
109	××		××						
23	×			××					
246	×					o			
37					o		o		
47					o	o			
129					o *	o			
229						o		o	
192						o		o	
56						o			
25					o	o			o

Условные обозначения: типы и варианты фибул. *1* — среднелатенская расчлененная; *2* — среднелатенская проволочная; *3* — зарубинецкого типа: I—IV — варианты зарубинецкого типа; *4* — позднелатенской схемы: *А* — подобная вар. «J» Костшевского (?), *Б* — с проволочной спинкой и сплошным приемником, *В* — с пластинчатой спинкой и сплошным приемником, *Г* — с проволочной спинкой и рамчатым приемником, *Д* — с проволочной спинкой и дырчатым приемником; *5* — фибулы «бойев»; *6* — прогнутые подвязные.

* — фибула с четырехгранной спинкой.

бинецких фибул от близких им «копьевидных» Балканского полуострова [27], которые датируются I и даже II вв. до н. э. Тем не менее пока наиболее обоснованным остается определение верхней хронологической границы позднелатенских фибул, а с ними и прекращение существования зарубинецких памятников по сопоставлению фибул этого типа с аналогичными в памятниках других культур с достаточно надежной хронологией.

За последнее десятилетие исследования европейских ученых в области хронологии позднего латена и раннеримского времени направлены на повышение достоверности хронологических рамок как археологических культур в целом, так и отдельных стадий их развития вплоть до четверти века и менее. Основанные на фундаментальных исследованиях Р. Хахманна и Г. Эггерса новые хронологические разработки, предложенные К. Мотыковой-Шнейдровой для Чехии, Р. Волангевичем — для Западного Поморья, Т. Льяной — для пшеворской культуры, позволяют пересмотреть некоторые принятые у нас датировки, в том числе и фибул позднелатенской схемы. Прежде чем перейти к этому вопросу, подчеркнем еще раз тот общеизвестный факт, что большинство фибул этого типа из зарубинецких комплексов по всем своим деталям очень близки западным образцам или отличаются незначительными особенностями. Отмечаем это лишь потому, что в классификации А. К. Амброза, принятой большинством наших исследователей, к сожалению, часто недостаточно четко выражено сопоставление с типологией фибул И. Костшевского для периода Латена [28], на которой основаны хронологические схемы европейских ученых. Правда, касается это не типологии как таковой, а терминологии, предложенной И. Костшевским, которой продолжают пользоваться все западноевропейские исследователи. Безусловно, схема Костшевского, его терминология сегодня уже не удовлетворяют полностью — слишком велик и разнообразен новый материал, но она стала традиционной. Поскольку различия между фибулами из зарубинецкой культуры и из памятников оксывских и пшеворских не столь существенны, мы будем, пока не разработана новая терминология, пользоваться обозначениями фибул по Костшевскому, дабы разговаривать на одном языке. Так, большинство фибул типа «рамчатых» и «воинских» (с прямым и прогнутым корпусом и сплошным приемником) по Амброзу аналогичны вариантам «M» и «N» по Костшевскому пшеворской и оксывской культур. Часто отличие состоит только в расположении тетивы, которая у варианта «M» — верхняя, в то время как у подавляющего большинства фибул из зарубинецкой культуры, аналогичных этому варианту по всем другим деталям, она нижняя.

Иногда отличие состоит в пропорциях — у некоторых пшеворских и оксывских вариантов «M/N» длиннее приемник, у других сильнее выгнута спинка. Но и среди зарубинецких встречается много фибул с относительно длинным приемником, который занимает $^1/_3$ или несколько более длины всей фибулы. Это экземпляры из могильников Чаплин, погр. 21, 115 [29]; Велемичи I, погр. 61, 75; Велемичи II, погр. 52, 85, 101; (рис. 1, *22*, *23*, *25*, *28*, *30*, *31*, *32*); чуть меньше $^1/_3$ занимает приемник у фибул из Велемичи II, погр. 81; Отвержичи, погр. 1 (рис. 1, *26*, *27*) [30].

Это соотношение такое же, как у фибул из могильников Варшково, погр. 108 и 178 (рис. 1, *9*, *17*), Нимица, погр. 9 (рис. 1, *18*). Чуть меньше $^1/_3$ занимают приемники фибул из погр. 5, 19, 71, Нимица; погр. 144, Варш-

---

[27] *К. В. Каспарова* О датировке фибул зарубинецкой культуры. «Новейшие открытия советских археологов» (тезисы докладов конференции). Киев, 1975, стр. 33.

[28] *J. Kostrzewski.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatenzeit. Mannus Bibliothek, No. 18. Leipzig, 1919.

[29] *Л. Д. Поболь.* Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа...), рис. 17, *14*; 38,*7*.

[30] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д 1—29, М., 1961, табл. 18,*18*; 19,*20*; *К. В. Каспарова.* Зарубинецкий могильник Велемичи. II. Асб. ГЭ, 14, 1972, рис. 19, *19* (Гос. Эрмитаж 2355/56); рис. 19, *13*, *15*, *20*; *Ю. В. Кухаренко.* Памятники..., табл. 10,*6*.

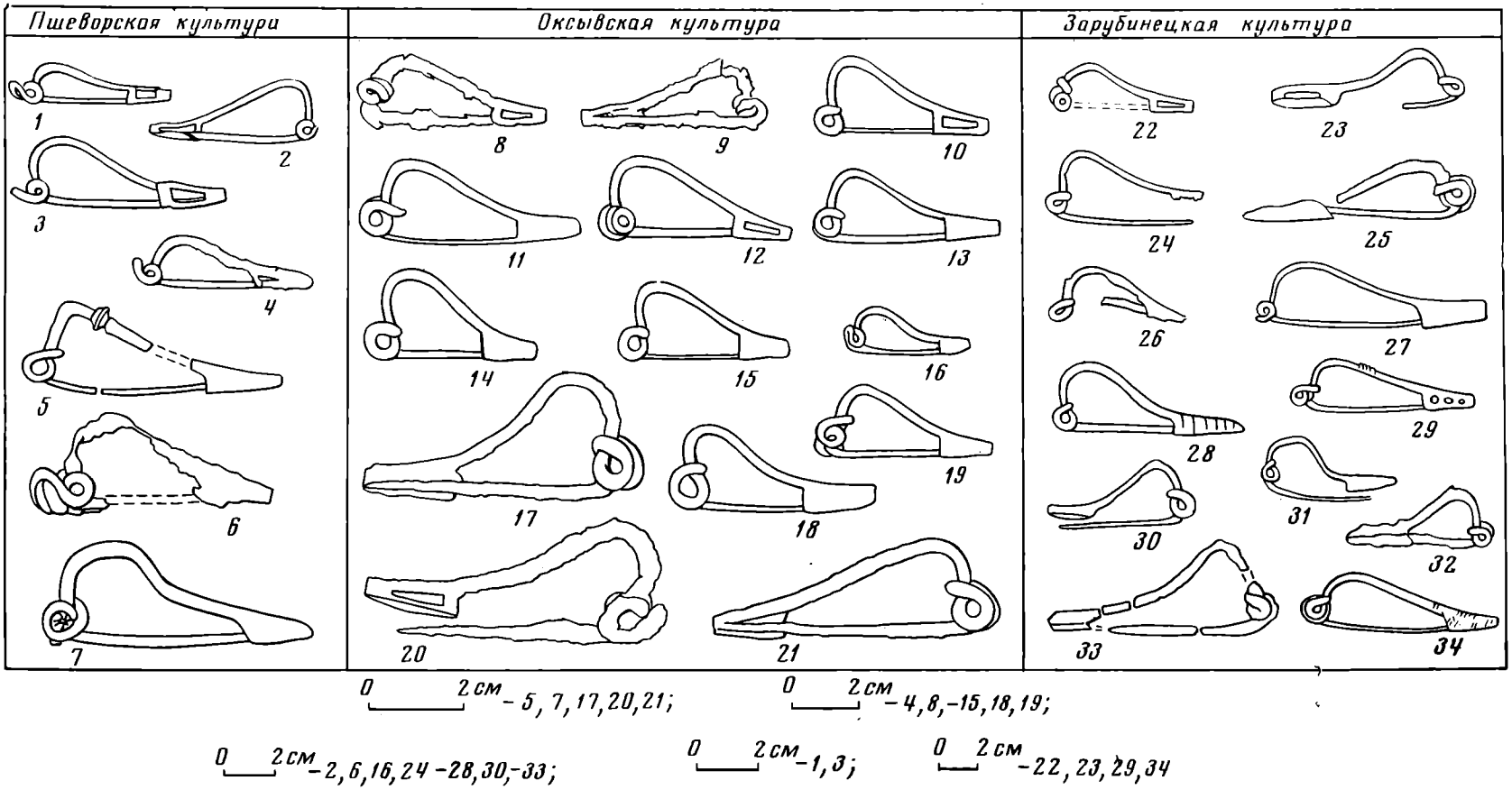


Рис. 1. Сравнительная таблица фибул позднелатенской схемы из могильников пшеворской, оксывской и зарубинецкой культур: *1* — Карчевец случайная находка; *2* — Карчевец, погр. 127; *3* — Карчевец, погр. 169; *4* — Вилянув, погр. 32; *5* — Добжанково, погр. 29; *6* — Вилянув, погр. 19; *7* — Добжанково, погр. 27; *8*, *9* — Варшково, погр. 108; *10*, *14*, *15* — Нимица, погр. 5; *11* — Нимица, погр. 1; *12* — Нимица, погр. 71; *13*, *19* — Нимица, погр. 19; *16* — Нимица, погр. 91; *17* — Варшково, погр. 178; *18* — Нимица, погр. 9; *20* — Варшково, погр. 144; *21* — Варшково, погр. 74; *22* — Чаплин, погр. 115; *24* — Велемичи II, погр. 50; *25* — Велемичи II, погр. 101; *26* — Велемичи II, погр. 81; *27* — Отвержичи, погр. 1; *28* — Велемичи II, погр. 85; *29* — Чаплин погр. 229; *30* — Велемичи I, погр. 75; *31* — Велемичи I, погр. 61; *32* — Велемичи II, погр. 52; *33* — Отвержичи, погр. 24; *34* — Чаплин, погр. 47

ково; погр. 19, и 32, Вилянув; погр. 169, Карчевец (рис. 1, *3*, *4*, *6*, *10*, *12*, *14*, *15*, *19*, *20*) [31].

Среди польских фибул достаточно много и с довольно коротким приемником ($^1/_4$ или чуть больше всей длины). Это экземпляры из Добжанкова, погр. 27, 29; Карчевца, погр. 127; и находка вне погребений; Нимицы, погр. 1, 19, 91; Варшкова, погр. 74, 108 (рис. 1, *1*, *2*, *5*, *7*, *8*, *11*, *13*, *16*, *21*) [32]. Очень близки им зарубинецкие фибулы из Чаплинского могильника, погр. 129, 229, 47 и др., из Велемичей I и II, погр. 69 и 50, из Отвержичей, погр. 24 (рис. 1, *29*, *34*) [33].

У некоторых приемник составляет даже $^1/_5$ всей длины, но у них сильно выгнутая спинка, что особенно сближает их с польскими (рис. 1, *24*, *33*).

Приведенные примеры, по нашему мнению, убедительно показывают правомерность сравнения «воинских» и рамчатых фибул зарубинецкой культуры с пшеворскими и еще более с оксывскими вариантами «M» и «N». Полностью тождественны они и не могут быть, ибо почти не встречаются совершенно одинаковые фибулы даже на одном памятнике. Но их сходство позволяет судить и о хронологической близости.

Всеми европейскими исследователями характерными для позднелатенской фазы III принимаются фибулы вариантов «M», «N», «O», которые рассматриваются как хронологические показатели этой фазы совместно с другими формами инвентаря (на которых мы здесь останавливаться не будем). В пшеворской культуре эти варианты очень редко встречаются с фибулами среднелатенской схемы и тем более с раннеримскими [34].

Для оксывской культуры Западного Поморья хронологические разработки, проведенные Р. Волангевичем, дают такую же картину — интересующие нас фибулы варианта «M» и «N» выступают в поздней фазе позднелатенского периода — Д по Хахманну (или A_3, согласно предложенной недавно схеме Р. Волангевича). Ему удалось выделить фазу переходную (Е, или A_3/B_1) между позднелатенским и раннеримским периодом [35]. Анализируя фибулы варианта «N», широко представленные в могильниках Варшково и Нимица, он выделяет среди них четыре разновидности, в числе которых фибулы с круглой проволочной спинкой со сплошным приемником и фибулы с пластинчатой спинкой и ажурным приемником. Вариант «N» с проволочной спинкой, сочетаясь в закрытых комплексах с вариантами «J» и «M», составляет более раннюю группу, в то время как фибулы варианта «N» с пластинчатой спинкой не взаимовстречаются с ними, а сочетаются с вариантом «O» и фибулами типа A19, A12 A44/45, на основании чего их следует относить к более поздним [36]. Весь остальной инвентарь в погребениях обеих групп представлен однотип-

---

[31] *R. Wołągiewicz.* Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Niemicy, pow. Sławno. MZP, X, 1964, tabl. I, 4—6, *9*; II, *2*; VIII, *4*; *idem.* Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Warszkowie, pow. Sławno. MZP, XI, 1965, tabl. XVI, *9*; XXIII, *10*; XXV, *3*; *T. Dąbrowska.* Cmentarzysko kultury przeworskiej w Karczewcu, pow. Węgrow. MStW, t. II, 1973, tabl. XLV, *3*; *J. Marchiniak.* Cmentarzysko ciałopalne z okresu późnolateńskiego w Wilanowie koło Warszawy. MSt, t. 2, 1957, tabl. XIX, *6*; XXIX, 15.

[32] *J. Okulicz.* Cmentarzysko z okriesów późnolateńskiego i rzymskiego w miejscowości Dobrzankowo, pow. przasnysz. MStW, I, 1971, rys. 36b; 39d; *T. Dąbrowska.* Cmentarzysko kultury... tabl. XXXIII, *3*; XLIX, *19*; *R. Wołągiewicz.* Cmentarzysko..., MZP, X, 1964, tabl. I, *2*, II, *2*, X, *7*; *idem.* Cmentarzysko..., MZP, XI, 1965, tabl. X, *3*, VXI, *8*,

[33] *Л. Д. Поболь.* Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа...) рис. 25, *8*, *9*; *41*, *12*; 63, *2*; *Ю. В. Кухаренко.* Памятники..., табл. 19, *5*; *К. В. Каспе-рова.* Зарубинецкий могильник..., рис. 19, *12*; *ее же.* Могильник и поселение. рис. 15, *10*.

[34] *J. Marcinaik.* Op. cit., s. 142, 143, 151—155; *T. Liana.* Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim. WA, XXXV, z. 4, 1970; s. 440; *T. Dąbrowska.* Wschodnia granica..., s. 170; *idem.* Cmentarzysko kultury..., s. 516.

[35] *R. Wołągiewicz.* Cmentarzysko..., MZP, XI, 1965. s. 239—241; *idem.* Stan badań nad wybranymi problemami okresu późnolateńskiego na Plmorzy. Zagadnienia okresu lateńskiego w Polsce. Prace komisji archeologicznej, No. 10, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 82, 83.

[36] *R. Wołągiewicz...* MZP, XI, 1965, s. 216, 217; *idem.* Stan badań..., s. 83, 84.

ными позднелатенскими формами — инновации касаются в первую очередь самых изменчивых украшений — фибул. Таким образом, фибулы позднего варианта «N» наряду с другими служат хронологическими показателями переходного периода, являясь в то же время прототипами форм, характерных для следующего хронологического отрезка — стадии B_1, где интересующие нас фибулы уже неизвестны.

В зарубинецких комплексах встречаются фибулы типа варианта «N» с ленточной спинкой и сплошным приемником [37], но нет разновидности с ажурным приемником, которые Р. Волангевичем выделены в позднюю группу и являются хронологическим признаком переходной фазы Е. В зарубинецких погребениях иногда сочетаются фибулы с проволочной спинкой и с пластинчатой (Отвержичи, погр. 1), а также проволочные с рамчатыми (Чаплин, погр. 37, 47, 122) и с фибулами с дырчатым приемником (Чаплин, погр. 192, 229). Однако только один комплекс дает возможность предположить, что зарубинецкие фибулы варианта «N» с пластинчатой спинкой несколько позднее, чем с проволочной — это погр. 81, Велемичи II, где такая фибула сочеталась с фибулами «бойев», редкими как для Полесья, так и для позднелатенских памятников Польши. К. Мотыкова датирует фибулы «бойев» первыми десятилетиями нашей эры [38].

На рис. 2 представлена схема синхронизации относительной и абсолютной хронологии некоторых культурных областей Средней Европы и области Полесья для поздней фазы позднелатенского и раннеримского периодов на основании данных ряда исследователей.

Хронологическая схема Г. Эггерса, согласно которой стадия B_1 падает на время от 0 до 50 г. н. э., в свое время была корректирована Р. Хахманном. Опираясь на находки в некоторых римских лагерях отдельных фибул позднелатенского характера, он предлагал продлить время позднелатенского периода до позднеавгустовского времени [39] (рис. 2). Подобную датировку поддерживали и другие исследователи [40]. По мнению К. Мотыковой, римский период в Чехии следует начинать от начала нашей эры, а для Западного Поморья Р. Волангевич отмечает некоторое его запаздывание, примерно на выделенный им хронологический отрезок переходного характера — фазу Е, которая соответствует фазе I стадии B_1 по схеме К. Мотыковой. К. Мотыкова отмечает, однако, что в фазе I — B_1 еще сохраняются позднелатенские черты и хронологические границы здесь весьма расплывчаты. Предыдущая фаза, Д или A_3, завершающая позднелатенский период для Поморья, соответствует фазе А позднего латена для Чехии [41]. Выделение выраженной границы между двумя периодами потребовало пересмотра абсолютной даты конца позднего латена и начала B_1 и для Западного Поморья. Р. Волангевич считает возможным фазу Д (или A_3) начинать от появления фибул варианта «J» и близких им наухеймских, время которых — последние десятилетия до нашей эры [42], а переходную фазу Е он относит к рубежу — началу нашей эры [43]. Начало фа-

---

[37] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники..., табл. 17, *19*; 18, *19*; *К. В. Каспарова.* Зарубинецкий могильник..., рис. 19, *19—22*.

[38] *K. Motyková-Sneidrová.* Op. cit., s. 109, 110.

[39] *H. J. Eggers.* Zur Absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im frien Germanien. JRGZM, 2, 1955; *R. Hachmann.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. BRGK, 41, 1960, Berlin, 1961, S. 231, 255—258.

[40] *G. Domański.* Stan i potrzeby badań nad osadnictwen dorzecza Nysy Luźyckiej i Borby w okresie późnolateńskim i wpływów rzymskich. AP, t. XV, z. 1, 1970, s. 121 (и примеч. 38).

[41] *R. Wołągiewicz.* Stan badań... s. 84, 85; *idem.* Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaji. AP, XV, z. 1, s. 236; *K. Motyková-Sneidrová.* Op. cit., s. 105, 168—172.

[42] *J. Werner.* Die Hauheimer Fibel. JRGZM, 2, 1955, s. 170; *J. Filip.* Keltové ve Středni Evropě. Praha, 1956, s. 115.

[43] *R. Wołągiewicz.* Cmentarzysko..., MZP, XI, 1965, s. 215, 241; *idem.* Chronologia względna okresu wczesnorzymskiego na Pomorzu Zachodnim w świetle niektórych jej wyznaczników. MZP, XII, 1966, s. 179—181.

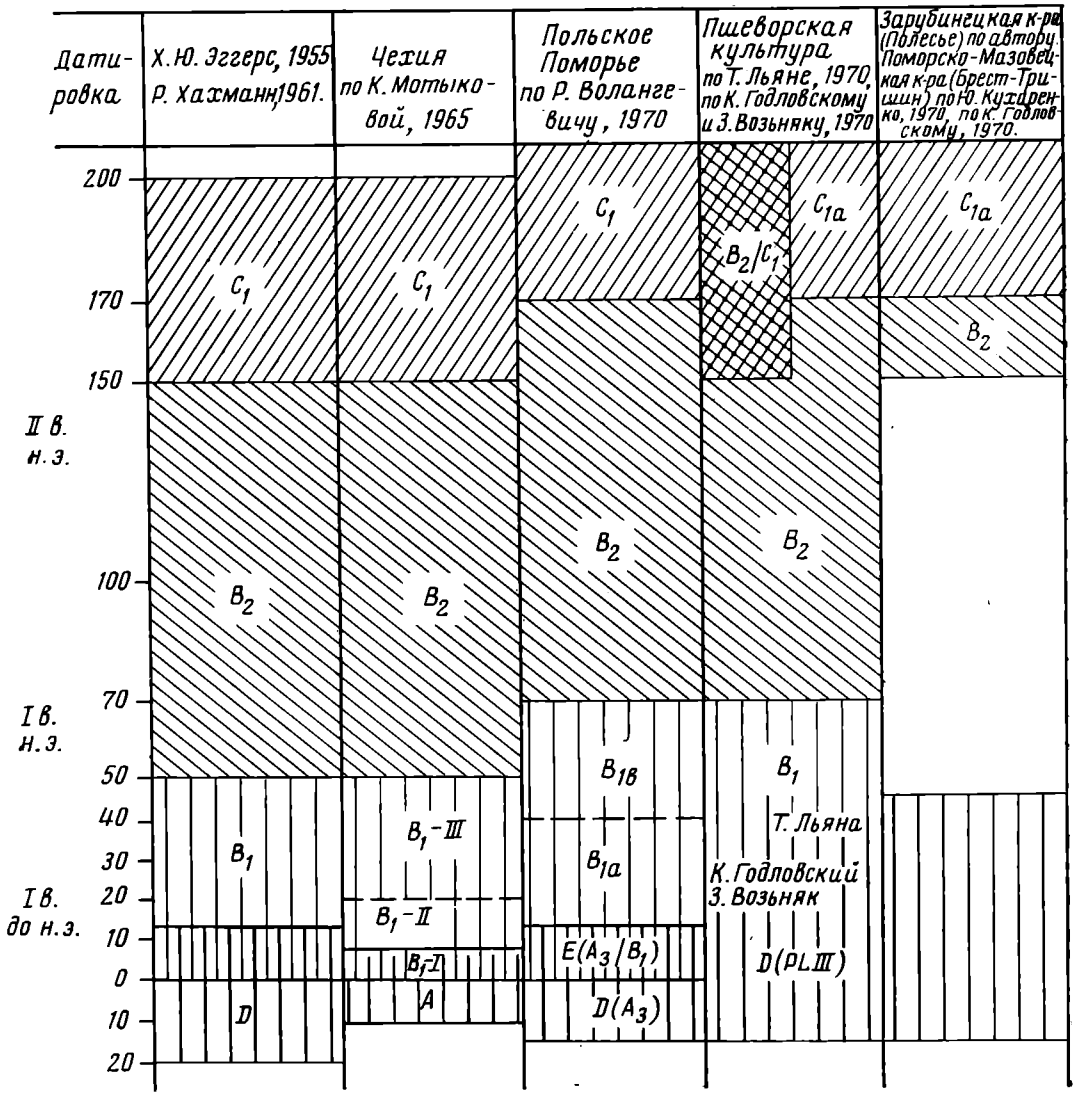


Рис. 2. Схема синхронизации относительной и абсолютной хронологии некоторых культурных областей Средней Европы и области Полесья для поздней фазы позднелатенского и раннеримского периодов

зы Д уточняют К. Годловский и З. Возьняк — около 15 г. до н. э. [44]

В последних своих работах Р. Волангевич, опираясь на появление надежно датированных импортов в Поморье и хронологию исторических событий в Чехии (в государстве Марбода), активно связанных в этот период, предлагает для Поморья отнести начало B_1 к 10 г. н. э., разделяя эту стадию на B_{1a} (10—40 гг.) и $B_{1в}$ (40—70 гг.) [45]. Однако следует иметь в виду, что эти даты даются по импортам, которые появляются раньше, чем формируется весь новый характер культуры.

На территории пшеворской культуры позднелатенские формы переживают несколько дольше. Т. Льяна считает, что распространение стиля, характерного для раннеримской эпохи, знаменуется массовым появлением фибул типа А68, т. е. лишь около 40 г. н. э. До этого времени в пшеворе господствуют фибулы вариантов «М», «N», «0», а также тип А67, относи-

[44] *K. Godłowski, Z. Wozniak.* Chronologia okresów późnolateńskiego i wpływów rzymskich na ziemiach polskich. Materiały do prahistorii śiem Polskich, cz. V, z. 4, Warszawa, 1970, s. 7.

[45] *R. Wołągiewicz.* Stan badań..., s. 85; *idem.* Napływ importów..., s. 235—237.

мые исследовательницей к позднелатенскому периоду [46]. Вероятно, в пшеворе выделяется переходная фаза с фибулами типа А67 и некоторыми вариантами «N» и «0», на что обращает внимание А. Нивенгловский [47].

Надо сказать, однако, что при применении абсолютной хронологии границами между периодами выглядят неправдоподобно резкими и не отражают действительность. Общеизвестно, что переход от позднего латена к раннеримскому периоду происходил постепенно и граница между ними трудно улавливается. Только дробное членение материала и выделение переходных фаз смягчает эту резкость. Тем не менее попытки уточнить хронологические рамки необходимы, только таким способом можно выявить существовавшие лакуны, которые в ряде случаев как раз помогают восстановить историческую ситуацию.

Сопоставление хронологии интересующих нас культурных областей обнаруживает некоторую асинхронность в ритмах развития, зависящую от степени доминирования кельтских или римских влияний. Наблюдается тенденция запаздывания начала римского периода по отношению к Чехии — основному культурно-политическому центру того времени. Если в Чехии он наступает с началом нашей эры, то в Западное Поморье приходит около 10 г., а обширные области пшеворской культуры охватываются новым, раннеримским стилем, только к 20—40-м годам нашей эры. Соответственны и датировки интересующих нас основных хронологических указателей поздней фазы позднелатенского периода — фибул вариантов «М» и «N», которые для Чехии характерны до рубежа нашей эры (хотя встречаются и в начале I в.), для Западного Поморья — до 10 г., для пшевора — до 20—40-х годов. Учитывать это явление необходимо и при исследовании хронологии зарубинецкой культуры, развитие которой неразрывно связано с близкими ей культурами латенского мира.

Т. Льяна указывает на запаздывание римских влияний на восточной окраине пшеворской культуры. Однако Т. Домбровская обращает внимание на слабые зарубинецко-пшеворские контакты в это же время [48]. В этой связи нельзя не учитывать отмеченный К. Годловским некоторый консерватизм пшеворской культуры и ее обособленность от соседних культурных областей в римский период [49]. Видимо, эти обстоятельства могут объяснить и замедленное проникновение римских памятников в пшевор по сравнению с Чехией. Следует ли предполагать, что в зарубинецкой культуре это запаздывание было еще значительней? Зарубинецкие материалы, по нашему мнению, не дают бесспорных фактов, на основании которых можно было бы признавать сильное запаздывание ее развития по сравнению с соседними областями. В зарубинецкой культуре долго существуют среднелатенские фибулы с треугольным окончанием ножки, но это специфическое украшение, прочно укрепившееся у зарубинецкого населения, их нельзя сравнивать с гладкими среднелатенскими фибулами из польских памятников, на смену которым пришли позднелатенские. Кстати, может быть и права Т. Домбровская, предполагающая, что появление последних в зарубинецкой культуре могло произойти раньше, чем предполагалось, а именно еще в конце I в. до н. э. Возможно, некоторое отставание действительно имело место, но когда хронологическими показателями служат такие быстро изменяющиеся формы, как фибулы, речь может идти об очень незначительной разнице.

Развитие зарубинецкой культуры протекало, конечно, самостоятельно, и ритмы ее развития могли быть иными, чем в пшеворе и оксыве, но, видимо, были очень сильны и постоянны импульсы извне и, возможно,

---

[46] *T. Liana.* Op. cit., s. 440, 458, 459.

[47] *A. Niewęgłowski.* Masowsze na przełomie. er. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972, s. 25.

[48] *T. Dąbrowska.* Wschodnia granica..., s. 200—204, 222.

[49] *K. Godłowski.* Die archäologischen Kulturzonen im Kaiserzeitlichen Mitteleuropa. «Recherches archéologiques de 1972», Kraków, 1973, S. 80, 81.

не только из области пшеворской культуры, территориально ближайшей. Нужно отметить близость между многочисленными фибулами варианта «N» с проволочной спинкой и сплошным приемником из могильников Западного Поморья и такими же из зарубинецких памятников. Не следует исключать вероятность каких-то, скорее опосредственных, контактов с Поморьем. Нельзя также забывать о связях с Чехией, о чем свидетельствуют фибулы «бойев» в полесских могильниках, где они являлись импортами, и о связях с более южными (или северными?) землями, что фиксируется находкой поясного крючка, аналогии которому ведут, с одной стороны, на Балканы, а с другой,— в ясторфскую культуру Германии. Эти вопросы еще требуют дальнейшего исследования. Основной же наш вывод сводится к следующему: при датировке позднелатенских фибул зарубинецкой культуры имеются все основания опираться на хронологию аналогичных им в оксывской и пшеворской культурах. Хронологический разрыв между определениями верхней границы позднелатенского периода этих культурных областей для наших задач не столь важен.

Самые поздние хронологические показатели для зарубинецкой культуры, фибулы познелатенской схемы, при синхронизации с хронологией среднеевропейских памятников соответствуют фазе Д (или фазе III) позднелатенского периода и обнаруживают наибольшую близость с фибулами, являющимися одним из указателей для фазы Д (A_3) Западного Поморья. Наиболее поздние зарубинецкие комплексы не дают никаких материалов, характерных для римского времени. Нет и других памятников, сменивших непосредственно зарубинецкие, во всяком случае на Полесье. И это не дает возможности определить, как долго зарубинцы употребляли «воинские» и «рамчатые» фибулы. Скорее всего зарубинецкая культура уже не существовала в раннеримское время. Это культура позднелатенских традиций, как отметил К. Годловский, допуская даже поздние ее датировки советскими исследователями [50].

Обращаясь к абсолютной хронологии, можно со значительной долей уверенности предполагать, что в зарубинецкой культуре позднелатенские фибулы и соответственно синхронные им многочисленные фибулы зарубинецкого типа бытовали не позднее середины I в. н. э. Таким образом, и верхняя хронологическая граница зарубинецкой культуры не может выходить за пределы этого времени.

Предложенная нами конечная дата зарубинецкой культуры, возможно, вызовет возражения. Достаточным поводом для этого служит единственная фибула типа А68, найденная на могильнике Отвержичи. Напомним сразу, что она, во-первых, является случайной находкой и только предполагается ее происхождение из разрушенных погребений, а во-вторых, фрагментарность фибулы (отсутствие конца ножки) может внушать некоторое сомнение в правильности ее определения. В своих выводах мы опирались только на материалы из закрытых погребальных комплексов, что, безусловно, ограничивает наши исследования, но повышает их достоверность. Нельзя быть уверенной, что новые материалы или новые разработки не потребуют дальнейшего уточнения высказанных положений. Однако на уровне сегодняшнего состояния наших источников предлагаемая датировка дает наиболее реальную картину, несмотря на то что еще больше увеличивается хронологический разрыв между концом зарубинецкой культуры и появлением на западном Полесье первых восточнопоморско-мазовецких памятников. Хронологические показатели для периода B_1 здесь отсутствуют, а более поздние, в частности фибулы конца I—II в. н. э., появляются лишь на окраинах ареала зарубинецкой культуры или за ее пределами, а если внутри него, то в качестве случайных находок. Таковы глазчатые фибулы из могильников Гриневичи Вельки, Рахны, из поселений Лютеж, Таценки, Синьково; случайные находки та-

[50] *K. Godłowski.* Ukraina w okresie późnolateńskim i wpływów rzymskich. Zeszuty naukowe Uniwersytetu. Jagielońskiego. Prace historyczne, z. 32, Kraków, 1971, s. 190.

ких же фибул в Минской, Смоленской, Киевской областях, а также сильно профилированных типа А67-68 из Среднего Поднепровья [51]. Затем появляются памятники «киевского типа» и им подобные, часто неправильно относимые к зарубинецким, о чем говорилось выше. Таким образом, оказывается, что в областях, где обитали зарубинецкие племена, до второй половины II в. н. э., до прихода носителей восточнопоморско-мазовецкой культуры [52], пока отсутствуют памятники, которые могли бы представлять какую-либо археологическую культуру. Возможно, в наших знаниях имеется разрыв, или отсутствие памятников отражает реальное запустение данной территории.

Пока не совсем понятно, что послужило причиной прекращения жизни зарубинецких племен в Полесье. В Среднем Поднепровье подобное явление объясняется появление сарматов где-то в конце или середине I в. н. э. [53], с которыми, однако, судя по Пироговскому могильнику, зарубинцы имели контакты [54]. О том, что происходило в Полесье в первой половине и середине I в. н. э., письменных сведений не имеется, но возможно, что появление в это время нового населения в Нижнем Повисленье — историческое событие, значение которого трудно переоценить, отозвалось и на изменениях в жизни населения Полесья.

K. V. Kasparova

LA LIMITE CHRONOLOGIQUE RECENTE DE LA CULTURE DE ZAROUBINETZ DANS LE POLESSIE DU PRIPET

Résumé

Pour comprendre exactement la situation historique au début de notre ère en Polessié, en Volhynie et dans la région du Dniepr, il faut établir avec le plus de précision possible la chronologie des monuments de la culture classique de Zaroubinetz, les isolant nettement des antiquités d'une période plus tardive. Selon plusieurs savants, ces monuments datent d'une époque qui n'est pas plus tardive que la fin du Ier s. de n. ère. L'analyse des matériaux des ensembles funéraires intacts permet de préciser cette date et de la justifier de la manière la plus convaincante. Dans l'article on étudie les indices chronologiques essentiels de la phase finale de la culture de Zaroubinetz — des fibules du type Laten tardif (dites «aux guerriers»).— dont la confrontation avec des pièces analogues des cultures de Pchévor et d'Oksyk (fig. 2) permet d'affirmer qu'elles ont été en usage vers le milieu du Ier s. de n. ere. La fig. 3 offre un schéma de synchronisation des dates relative et absolue pour certaines régions culturelles d'Europe centrale et du Polessié, pour la fin de la période Laten et le début de l'époque romaine; ce tableau permet de rapporter la plus ancienne date de la culture de Zaroubinetz en Polessié au milieu du Ier s. de n. ère. Plus tard, au stade B_I (d'après K. Goldovski et T. Lianié), sur le territoire du Polessié on ne rencontre que quelques objets correspondant à cette époque; mais jusqu'à présent on n'a pas isolé de culture archéologique déterminée. C'est seulement à la fin du stade B_2, dans la seconde moitié du IIe s. de n. e., qu'apparaissent ici des monuments de la culture de Pomor-orientale-Mazovetsk (ou de Velbar-Tsetsel). Les causes de la disparition des monuments de la culture de Zaroubinetz en Polessié sont peut — être liées aux événement historiques qui ont eu lieu à cette époque dans la région de la basse Vistule, à l'apparition à cet endroit d'une nouvelle population, ainsi qu'à la venue de tribus sarmates dans la région sud du Dniepr.

[51] *В. И. Бидзиля, С. П. Пачкова.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. МИА, 160, 1969, рис. 11, *4*; *П. І. Хавлюк.* Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі. Археологія, 4, 1971, стр. 84, 85, рис. 7, *7*, *8*; *Е. В. Максимов*, Ук. соч., стр. 115, табл. XIII, *5*; *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 35, 36.

[52] *Ю. В. Кухаренко.* Волынская группа полей погребений и проблема так называемой гото-гепидской культуры. КСИА, АН СССР, 121, 1970, стр. 57—59; *K. Godłowski.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe. Kraków, 1970, p. 31, 32 (по Р. Волангевичу — вельборско-цецельская культура).

[53] *Е. В. Максимов.* Ук. соч., стр. 135. *М. Б. Щукин.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. АСб. ГЭ, вып. 14, 1972, стр. 52.

[54] *А. И. Кубышев.* Ук. отчет, стр. 21; *его же.* Отчет о раскопках могильника зарубинецкой культуры у с. Чапаевка-Пирогов, Киево-Святошинского района Киевской области в 1968 г. Архив ИА АН УССР, ФЭ 5114, стр. 23, 26, 27.

Е. А. ХАЛИКОВА

РАННЕВЕНГЕРСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Одним из важных вопросов раннесредневековой истории Европы является вопрос о происхождении и ранних этапах истории венгерского народа. Согласно письменным источникам, в конце IX в., около 896 г., на территорию Среднедунайской низменности пришла с востока большая группа новых племен. В их числе Константин Багрянородный называет племена неки, мегери, куртигермата, тариана, генах, кари, каси и примкнувших к ним каваров, «оторвавшихся от хазар» [1]. В Европе, и в частности у соседей — славян, за пришельцами утвердился собирательный этноним оногуры — онгры — венгры. По сообщению того же Константина Багрянородного, племена венгерской конфедерации в IX в. до появления в Карпатском бассейне жили в местности Леведии, вблизи Хазарии, а затем в более «западной стороне, в местах, называемых Ателькузу» .[2] Большинство исследователей относит появление венгров в Леведии к к 30-м годам IX в. и локализует ее в области между Доном и Днепром, а Ателькузу помещает в междуречье Днепра и Прута, хотя полного единства мнений здесь нет [3]. Что же касается истории венгерских племен до переселения в Леведию и более древней их прародины, называвшейся в средние века Magna Hungaria или Hungaria Maior (прежняя, старая Венгрия), то письменные источники сообщают об этом еще более скупо. Единственным «очевидцем» старой Венгрии, свидетельства которого дошли до нас, был венгерский монах-доминиканец Юлиан, незадолго до монгольского нашествия, в 1235—1236 гг., предпринявший путешествие на восток с целью найти своих соплеменников, остававшихся на древней родине, и обратить их в христианство. Восточных венгров, у которых еще сохранялись предания об уходе от них основной массы сородичей, Юлиан отыскал близ р. Этиль в двух днях пути от большого булгарского города [4]. Свидетельство Юлиана мало помогало в решении проблемы древней Венгрии, ибо Итилем у тюркских народов звались многие реки — Волга и ее притоки, Кама, Белая, а также Дон, Днепр и др.

Лаконизм письменных источников, отсутствие в них четких сведений породили многочисленные гипотезы о локализации венгерских племен в Восточной Европе. В дискуссии приняли участие лингвисты, историки, этнографы, археологи — ученые нескольких поколений. Имеющиеся

---

[1] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. Перевод В. В. Латышева и Н. В. Малицкого. ИГАИМК, 91, 1934, стр. 18.

[2] Там же, стр. 17.

[3] См. *В. П. Шушарин.* Русско-венгерские отношения в IX в. Сб. «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 133—135; *А. Н. Москаленко.* Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона. Сб. «Проблемы археологии и древней истории угров» (далее — ПАДИУ). М., 1972, стр. 191, 192.

[4] *С. А. Аннинский.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Исторический архив, III. М.— Л., 1940, стр. 81.

в советской исторической литературе сводные работы, где в той или иной связи рассматриваются и суммируются высказанные точки зрения [5], освобождают нас от необходимости повторять их здесь. Достаточно указать, что помимо северокавказской теории, сформулированной еще Б. Мункачи, и живущей по существу до сих пор [6], наиболее распространенной является гипотеза о поволжско-приуральской прародине древних венгров. Однако регион поисков территории их расселения здесь накануне ухода на запад достаточно велик — Южное Приуралье и Нижнее Поволжье [7], Башкирия [8], долины рек Б. Черемшана, Кинели, Сока и Кундурчи [9], правобережные районы Поволжья [10]. К сожалению, ни одна из высказанных гипотез долгое время не была подкреплена вескими археологическими аргументами. Единичные погребения в Восточной Европе, которые археологи пытались сопоставлять с древневенгерскими на Дунае,— Воробьевское близ Воронежа и Волошенское на Днепре [11], Танкеевское, найденное в 1904 г. в Казанской губернии [12], Стерлитамакский могильник в Башкирии [13], погребение с конем из раскопок Н. П. Сорокиной на Таманском полуострове [14], а также отдельные находки «венгерских» вещей [15] не могли существенно повлиять на решение проблемы. Неудачными оказались и попытки связать с венграми определенные археологические культуры — салтовскую [16], бахмутинскую [17], именьковскую [18]. Это достаточно убедительно показано в работах М. И. Артамонова, Н. Я. Мерперта, А. П. Смирнова [19]. Исследователи единодушно приходили к выводу, что ранневенгерский археологический комплекс еще не определен и венгерские памятники не выделены среди массы единообразных памятников раннего средневековья степей и лесостепей Восточной Европы [20].

В последнее десятилетие на Средней Волге и Нижней Каме в пределах Татарской АССР сделаны археологические открытия, на наш взгляд, проливающие свет на венгерскую проблему. Нам уже приходилось в этой связи писать о параллелях в погребальном обряде Танкеевского могильника IX—X вв., широко исследованного в Куйбышевском р-не Татарии,

---

[5] *В. П. Шушарин.* Ук. соч., стр. 133; *Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев.* «Башкиро-мадьярская» проблема. АЭБ, I, 1962, стр. 336—340; *И. Эрдели.* Теории венгерских ученых о поволжском происхождении древних венгров. АЭБ, IV, 1971, стр. 108—112; *Р. Г. Кузеев.* Происхождение башкирского народа. М., 1974, стр. 403—405.

[6] История Венгрии, т. 1. М., 1971, стр. 88, 89.

[7] *А. П. Смирнов.* Археологические данные об угро-венграх в Поволжье. ПАДИУ, стр. 88.

[8] Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 674—678; *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 338.

[9] *Р. Г. Кузеев.* Ук. соч., стр. 413.

[10] *J. Perényi.* Magna Hungaria kérdéséhez. Magyar Nyelv, LV. Budapest, 1959, p. 319.

[11] *А. Н. Москаленко.* Ук. соч. стр. 193.

[12] *A. Zakharow, W. Arendt.* Studia Levedica. AH, XVI, Budapest, 1934, p. 74; *N. Fettich.* Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn, (Textband). AH, XXI, Budapest, 1937, p. 175.

[13] Очерки истории СССР. III—IX вв., стр. 677.

[14] *И. Эрдели.* К вопросу о пребывании древних венгров на Кубани. Congressus tertius internationalis fennougristarum. Tallin, 1970. Тезисы, II, стр. 5.

[15] *А. А. Спицын.* Венгерские вещи X в. в России. ИАК, 53, 1914, стр. 107—110.

[16] *A. Zakharow, W. Arendt.* Op. cit.

[17] *А. В. Шмидт.* Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. Приложение к журналу «Хозяйство Башкирии». УФА, 1929, № 8—9, стр. 26; *Н. А. Мажитов.* Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 77, 78.

[18] *П. Д. Степанов.* Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. АЭБ, II, 1964, стр. 137 сл.

[19] *М. И. Артамонов.* Рецензия на книгу Захарова и Арендта. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 243; *Н. Я. Мерперт.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 152; *А. П. Смирнов.* Ук. соч., стр. 88 сл.

[20] Очерки истории СССР. III—IX вв., стр. 674; *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 339; *А. П. Смирнов.* Ук. соч., стр. 94; *Р. Г. Кузеев.* Ук. соч., стр. 405.

и древневенгерских захоронений на Дунае [21]. Отмечались аналогии и в инвентаре этих памятников [22]. Любопытные параллели в ряде деталей погребального обряда и вещах, в частности в очень специфических детских украшениях, были отмечены при раскопках и другого памятника раннебулгарской эпохи, синхронного Танкеевке,— Тетюшского могильника (у г. Тетюши на правом берегу Волги против устья Камы). Рассмотренные параллели позволили сделать вывод о тесных контактах древних венгров с волжскими булгарами и о наличии общего этнического компонента в составе населения Волжской Булгарии в конце IX—X вв. и складывавшегося одновременно с ней Венгерского государства в Карпатской низине [23]. Однако и Танкеевский и Тетюшский могильники оставлены населением, чрезвычайно смешанным в этническом отношении, имевшим разные истоки и происхождение [24]. Достаточно сказать, что в Танкеевском могильнике представлена керамика нескольких культур — керамика ломоватовских памятников Верхнего Прикамья, поломских могильников бассейна Чепцы, неволинских памятников бассейна Сылвы, сосуды кушнаренковского типа, характерные для Башкирии, и, наконец, лепные плоскодонные горшки, а также лепные и гончарные кувшины связанные по происхождению с салтовским миром [25]. Столь же разнороден остальной вещевой инвентарь и детали погребального обряда. Корреляционный анализ, проведенный при обработке танкеевских и тетюшских материалов, показал, что отдельные детали обряда и предметы инвентаря встречаются в погребениях в различных сочетаниях, свидетельствуя о глубоко зашедшем процессе смешения населения, имевшего разные истоки.

В этих условиях выделить интересующий нас компонент, общий с древними венграми, и весь характеризующий его комплекс признаков было очень трудно, практически невозможно. Задача облегчилась открытием в Нижнем Прикамье нового памятника конца VIII — первой половины IX в.— Больше-Тиганского могильника, который позволит, наконец, выделить ранневенгерский археологический комплекс в Восточной Европе и, в частности, даст возможность связать с древними венграми определенные археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в Волго-Уральском регионе.

Погребальный обряд Больше-Тиганского могильника, достаточно выразительный и своеобразный [26], находит почти полные аналогии в венгерских могильниках конца IX — первой половины X вв. на Дунае. Их сближают многие особенности: и очень специфические и достаточно широко распространенные, составляющие вместе целостный комплекс. Этот комплекс признаков включает расположение могильников на возвышенных местах, преимущественно на холмах (Тисабездед, Кенезле I и II, Эперешке, Сегед-Боярхалом и др.), отсутствие сохранившихся внешних признаков, характерное расположение могил, при котором центральное положение обычно занимают богатые захоронения мужчин-воинов [27]. При преобладании простых по конструкции могильных ям с отвесными

---

[21] *Е. А. Халикова.* Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. ПАДИУ, стр. 145.

[22] *Е. П. Казаков.* О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. ПАДИУ, стр. 161.

[23] *E. A. Khalikova.* Composant ethnique commun dans les populations de Bulgarie de la Volga et de la Hongrie du X siècle. «Les questions fondamentales du peuplement du bassin des Carpathes du VIII au X siècle». Budapest, 1972, p. 177; Ibid., p. 189; *Е. А. Халикова.* Погребальный обряд Танкеевского могильника..., стр. 159.

[24] *Е. А. Халикова.* Погребальный обряд Танкеевского могильника (к вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX—X вв.), АЭТ, 1, 1971, стр. 87—93.

[25] *Е. П. Казаков.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. АЭТ, 1, 1971, стр. 101, табл. V.

[26] *Е. А. Халикова.* Больше-Тиганский могильник. СА, 1976, 2, стр. 158.

[27] *И. Эрдели.* Об археологической культуре древних венгров конца IX — первой половины X в. н. э. ПАДИУ, стр. 128.

стенками известны у древних венгров широкие, преимущественно мужские, могилы с односторонними заплечиками-ступеньками. Погребение 1 в могильнике Орошхаза II (хут. И. Пустаи) имело заплечико слева от погребенного шириной 40 *см*, на высоте 25 *см* от дна [28]. Аналогичные случаи отмечены И. Диенешем в могильнике Башхалом II [29] и Ч. Балинтом в могильнике Еперьеш (погр. 5) [30]. В единичных случаях зафиксированы погребения в подбоях — могильники Саконь, Тисанана [31]. Подобно Больше-Тиганскому могильнику в древневенгерских некрополях абсолютно господствует ориентировка погребенных головой на запад, иногда с небольшими отклонениями к северу или югу, и лишь изредка в качестве исключения встречаются единичные захоронения с противоположной ориентировкой (Кенезле II [32], Еперьеш [33]). Обряд трупосожжения неизвестен, но также как в Тиганах встречаются в могилах угли, зола, обугленное дерево [34]. Несмотря на плохую сохранность дерева, в нескольких погребениях могильника Кенезле II обнаружены остатки досок, выстилавших дно могил, а в погребении на улице Заполья в Клуже — кора березы [35]. Тлен от гробовищ отмечен в погр. 26 могильника Сабадкидьош I, погребениях 5 и 8 — Сабадкидьош II [36] и некоторых других некрополях [37]. Видимо, и эта деталь обряда, знакомая нам по Тиганам, достаточно широко была представлена в погребальном ритуале венгров X в. Несколько реже, чем в Тиганах, встречается обряд сопровождения умерших погребальной пищей, но тем не менее известен и он. По данным А. Кишша, примерно 15% древневенгерских захоронений сопровождались глиняными сосудами [38], причем обычно они ставились так же, как в Больше-Тиганском могильнике, в изголовье, редко у ног погребенных. В качестве примера можно привести могильник Кенезле II, где в пяти из 25 погребений в изголовье найдены горшки [39]. Горшки из древневенгерских могильников почти во всех случаях сделаны на кругу и являются производством гончаров местного, в основном славянского, населения Карпатского бассейна. Не исключено, что постепенное исчезновение посуды в могилах древних венгров (в могильнике Башхалом, например, глиняная посуда не встречена ни разу, в могильнике Тисабездед в одной из 18 могил и т. д.) связано с прекращением традиционного производства лепной посуды и заменой ее в обиходе покупной ремесленной.

Встречаются в погребениях, причем также обычно в изголовье, и кости домашних животных: чаще всего берцовые и позвонки. В могильнике близ с. Среда, например, кости животных найдены в четырех могилах из 11 [40], в Орошхаза I (бывш. хут. Надь) — в четырех из шести (кости барана) [41]. Отмечены эти находки в могильнике Тисанана [42] и др.

Многие из рассмотренных деталей обряда (западная ориентировка, наличие гробовищ, остатков пищи и т. д.) принадлежат к числу относи-

---

[28] *I. Dienes.* A honfoglaló magyarok. Orosháza története, I. Orosháza, 1965, p. 145.

[29] *Gy. László.* Hunor és Magyar nyomaban. Budapest, 1967, p. 96.

[30] Последний могильник не опубликован. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Ч. Балинта за любезно присланную фотографию.

[31] Раскопки И. Диенеша. Благодарю автора за предоставленную возможность ознакомиться с отчетами.

[32] *Gy. László.* A honfoglaló magyar nér élete. Budapest, 1944 (далее — HMNE), p. 144 (погр. A/27).

[33] Раскопки Ч. Балинта.

[34] *Gy. László.* Op. cit., p. 478; *И. Эрдели.* Об археологической культуре..., стр. 136.

[35] *Gy. László.* Op. cit., p. 476.

[36] *Cs. Bálint.* Függelék. A Békés Megyei Múzeumok Közleményei, 1, 1971, p. 40; 41; *Idem.* X. századi temetö a szabadkigyósi — pálligeti táblában. Ibid., p. 59, fig. 8; p. 63; fig. 14.

[37] *И. Эрдели.* Об археологической культуре..., стр. 136.

[38] *A. Kiss.* A Szegedi Móra Ferenc Múzeum Évkönyve, 1969, 2, p. 175.

[39] *И. Эрдели.* Об археологической культуре..., стр. 130, 131.

[40] Там же, стр. 133, 134.

[41] *I. Dienes.* A honfoglaló magyarok, p. 141, 142.

[42] Отчет И. Диенеша в Венгерском национальном музее в Будапеште.

тельно широко распространенных, особенно в среде кочевых и полукочевых племен степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Важно, однако, что в сравниваемых нами памятниках эти детали обнаруживаются в совокупности с другими, не так часто встречающимися и потому имеющими особое значение для этнических сопоставлений. Специфической чертой погребального обряда древневенгерских некрополей, роднящей их с Больше-Тиганским могильником, является захоронение с умершими шкуры коня вместе с головой и ногами [43]. Причем древние венгры, как правило, не раскладывали голову и ноги коня рядом с погребенным по всей длине могильной ямы, как делали, например, печенеги или торки [44], а клали шкуру с головой и ногами коня у ног погребенных: слева, иногда справа, перед ногами; в единичных случаях подобно тому, как в погребениях 12 и 28 Тиганского могильника — на заплечиках (Орошхаза I, погр. 1; Еперьеш, погр. 5 [45].) Венгерские исследователи считают эту форму захоронения с конем типично древневенгерской. В некоторых могильниках на Дунае, подобно Тиганскому, до половины и более могил, не только мужские, но часто и женские, сопровождаются этими характерными комплексами костей лошади (Тисабездед — 12 из 18, Кенезле II—15 из 25, Башхалом — 11 из 22 и т. д.). Любопытно отметить еще одну деталь, связанную с захоронением шкуры коня. В ряде захоронений Больше-Тиганского могильника кроме черепа и ног найдены хвостовые позвонки лошадей. Точно такое же явление наблюдал И. Диенеш в могильнике Ракамаз [46].

Не менее важен еще один общий, очень своеобразный элемент обряда — применение погребальных масок. Впервые на эту деталь обряда древних венгров обратил внимание И. Диенеш благодаря находке в погр. 10 могильника Тисаэслар-Башхалом II, где череп погребенного был обернут кожаным лоскутом, а на месте глаз и рта наложены тонкие серебряные пластины четырехугольной формы [47]. Подобные пластины — наглазники и наротники, а иногда только наглазники (например, погр. 5 в Кенезле, погр. 4 в Шошхартян-Хоссутетё, погребение воина у с. Пилинь и др.), положенные или нашитые в свое время на лицевые покрытия из ткани или кожи, зафиксированы теперь во многих могильниках венгров в Карпатском бассейне, причем так же как в Тиганах, преимущественно в богатых мужских погребениях [48]. Аналогичны и сами пластины — небольшие, сплошные (без прорезей), округлой или подпрямоугольной формы, из листового серебра, иногда с позолотой. В Больше-Тиганском могильнике пока неизвестны в роли наглазников поясные бляшки, что отмечается иногда у венгров (например, в погр. 26 могильника Сабадкидьош I и погр. 7 и 8 могильника Сабадкидьош II), но мы полагаем, что эти бляшки являются поздним оформлением погребальной маски, которое

---

[43] *Ч. Балинт.* Погребения с конями у венгров в IX—X вв. ПАДИУ, стр. 176—188.

[44] В Карпатском бассейне есть погребения конца IX—X вв. с разложенной по всей длине могилы шкурой коня, но их относительно немного, и венгерские исследователи связывают их с этническими группами, отличными по происхождению от древних венгров.

[45] Мы не согласны с Чанадом Балинтом, причислившим погребения со сложенной и разостланной у ног шкурой лошади (IV и V группы по его классификации) к погребениям с набитыми шкурами (*Ч. Балинт.* Ук. соч., стр. 182, 183). По существу, это разновидности обряда погребения со шкурой, положенной к ногам (II группа). Все эти разновидности обряда представлены в Больше-Тиганском могильнике, кроме погребений со шкурой, разложенной параллельно с погребенным по всей длине могилы.

[46] Материал не опубликован. Еще раз благодарю И. Диенеша за любезную информацию.

[47] *И. Диенеш.* Congressus internationalis Fenno-ugristarum. Budapest, 1963, стр. 413—415. (Выступление по докладу В. Н. Чернецова на конгрессе финноугроведов в Будапеште в 1960 г.); *Idem.* Honfoglalóink halottas szokásainak egyik ugorkori eleméről. AÉ, 1963, 1, p. 108—112.

[48] *И. Фодор.* К вопросу о погребальном обряде древних венгров. ПАДИУ, стр. 168—170.

появляется у венгров лишь на Дунае. О том, что развитие обряда и его деталей шло именно в этом направлении, свидетельствуют этнографически зафиксированные маски мертвых у обских угров, где на месте глаз и рта нашивались медные пуговицы или бляшки, а в последнее время и бусы [49].

Мы отмечали использование в Больше-Тиганском могильнике серебряных пластин не только в качестве лицевых покрытий. В трех мужских могилах они найдены у предплечий. Очень любопытно, что такие же находки обнаруживаются и у древних венгров. И. Фодор полагает, что эти накладки отмечали сердце [50]. Нам, исходя из наших материалов, кажется вполне вероятным использование таких пластин-нашивок на рукава — в качестве знаков отличия мужчин-воинов, связанных с их положением в дружинном войске, но, разумеется, это пока лишь гипотеза, нуждающаяся в дополнительном изучении.

Очень близки в Больше-Тиганском и древневенгерских могильниках состав и размещение в могилах погребального инвентаря. Что же касается типологии вещей, то полной близости ожидать не приходится, так как сравниваемые памятники разделяет семь-восемь десятилетий, а в большинстве случаев столетие и более. Особенно близок набор вещей в мужских погребениях (см., например, погр. 9 и 10 могильника Башхалом, погр. 2 и 3 у Стреда над Бодроком и др.) [51]. В наиболее полном варианте он включает: серьги (часто только одну, как у нас, справа), бронзовые пуговки, браслеты, поясной набор, нож, огниво и кремень в специальной сумочке или мешочке [52], детали конской сбруи, оружие — наконечники стрел, костяные накладки на луки, сабли, реже копья и топоры.

Сабли в интересующую нас эпоху были достаточно широко распространены в степях Евразии. Но у многих народов, в частности у алан и болгар, обряд захоронения с саблей не получил широкого распространения. В катакомбных могильниках только 10—12% мужчин похоронены с саблями, а в болгарских ямных погребениях Приазовья и Подонья их нет совсем. Исследователи полагают, что по обычаю сабля передавалась сыну умершего и лишь в редких случаях попадала в могилу [53]. Иное дело у древних венгров. В их могильниках на Дунае найдено уже свыше 120 сабель [54]. Можно думать, что положение сабли в могилу входило у них в ритуал захоронения знатных воинов. С этой точки зрения, находка восьми сабель в Тиганском могильнике очень показательна.

В инвентаре женских могил отличий несколько больше. Это объясняется не только хронологическим разрывом. Известно, что накануне переселения за Карпаты венгры понесли большие потери в столкновениях с печенегами и болгарами, при которых в основном пострадали их семьи. Последнее обстоятельство ускорило слияние венгров-завоевателей с аборигенным населением Карпатского бассейна [55]. И тем не менее в древневенгерских памятниках можно нащупать интересные параллели Тиганам в некоторых характерных особенностях женского костюма и украшений. Во многих женских могилах обнаружены остатки головных уборов, ук-

---

[49] *В. Н. Чернецов.* Представление о душе у обских угров. ТИЭ, т. 51, 1959, стр. 143; *З. П. Соколова.* Пережитки религиозных верований у обских угров. Сборник Музея антропологии и этнографии, XXVII, Л., 1971, стр. 235.

[50] *И. Фодор.* Ук. соч., стр. 174.

[51] *И. Эрдели.* Об археологической культуре..., стр. 131—134.

[52] В погр. 7 Больше-Тиганского могильника у пояса погребенной обнаружены остатки мешочка с пластинчатой металлической накладкой без орнамента. Столь характерные для венгров накладки на сумки с тисненым или гравированным орнаментом в нашем могильнике не встречены. Возможно, эта деталь сумок развивается позднее, во второй половине IX—X в.

[53] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 157.

[54] *И. Эрдели.* Об археологической культуре..., стр. 138.

[55] *И. Диенеш.* Венгерский могильник времени завоевания родины из Башхалом (резюме). AArch. 7, Budapest, 1956, p. 276—277; *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 348.

рашенных по венчику литыми бляшками (Сегед-Боярхалом, Хенцида, Орошхаза II и др.) [56]. Форма бляшек иная, нежели у нас, но важно сохранение самой традиции. Из старых типов височных подвесок сохраняются у венгров поздние разновидности составных сережек с напускными бусами и несколько видоизменившиеся литые серьги с гроздевидной привеской, не считая простых колечек с несомкнутыми концами [57]. В отдельных случаях сохраняется и древняя традиция соединять женские височные подвески цепочкой. Эта интересная деталь зарегистрирована в погребении X в. у Дьёра, где височная подвеска с напускными бусами обнаружена вместе с прикрепленной к ней длинной цепочкой [58]. Бытуют у древних венгров и ожерелья из бус или цепочек с листовидными подвесками (Кунсентмартон, Хотин, Шошхартян-Хоссутетё, Клоштар и др.) [59]. Причем сами подвески листовидной формы — одинарные и двухсоставные, соединенные с бляшками округлой и ромбической формы,— одно из наиболее распространенных у венгров женских украшений, использовавшихся не только для ожерелий, но и для отделки головных венчиков, воротников одежды, поясов, украшения кос. [60]. В большинстве случаев по деталям оформления они отличаются от наших, будучи покрыты разнообразным орнаментом, но в некоторых случаях все же сохраняют очень близкую к исходной форму (Ороспамош, Геделле и др.) [61]. И наконец, еще одна общая деталь женского убора — накосники. Они продолжают бытовать у венгров в X в., хотя форма их меняется. На смену шумящим подвескам на цепочках приходят крупные листовидные или круглые (литые ажурные или штампованные из листового металла с тесненым и гравированным орнаментом) бляхи, крепившиеся к шнуру или к ленте и вплетавшиеся в косы. Иногда их дополняли привески из бус и спиральных пронизей [62].

Список параллелей можно было бы продолжить за счет других предметов — литых пуговиц, во множестве встречающихся у древних венгров, лапчатых перстней со вставками, граненых, пластинчатых и витых браслетов, костяных наверший на трости (точнее, видимо, на стеки и кнуты) в форме птичьих головок [63] и т. д., но эти вещи распространены достаточно широко. Мы остановимся на более специфических аналогиях — форме и орнаментации поясных бляшек и наконечников (не касаясь широко распространенных форм), а также на стиле художественного оформления металлических изделий в целом. Поясные накладки в форме полумесяца с шишечками у концов из могильников Башхалом[t] и у г. Бана [64] близки

---

[56] *Gy. László.* HMNÉ, p. 153, fig. 17; p. 164, fig. 21; *I. Dienes.* A honfoglaló magyarok, p. 149, fig. 9.

[57] *B. Szöke.* A honfoglaló és kora Árpád-kori magyarság régészeti emlékei. Régészeti Tanulmányok, I. Budapest, 1962, tabl. VI, *9—12*; IX, *7*; *A. Točík.* Altmagyarische Gräberfelder in der Südwestslowakei. Archaeologica slovaca-catalogi, III, Bratislava, 1968, p. 67, tabl. I; p. 86; tabl. XX, *14*, *16*; p. 121, tabl. LV, *1—3*, *8*.

[58] *J. Hampel.* Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn, t. 3. Braunschweig, 1905, Taf. 513.

[59] *I. Dienes.* Die Ungarn um die Zeit der Landnahme. Budapest, 1972, tabl. 54; *A. Točik.* Op. cit., p. 85, tabl. XIX, *20*, *21*; *I. Fodor.* Honfoglaláskori művészetünk iráni kapcsolatainak kérdéséhez. A sóshartyáni korongpár. AÉ, 1973, 1, p. 36, fig. *3*, *6*; *J. Hampel.* Ujabb tanulmányok a honfoglalási kor emlékeiröl. Budapest, 1907, tabl. 60.

[60] *J. Hampel.* Alterthümer..., t. 1, p. 761—767, fig. 2321—2349.

[61] *J. Hampel.* Alterthümer..., t. 3, Taf. 349, 430.

[62] *D. Csallány.* Weiblicher Haarflechteschmuck und Stiefelbeschläge aus der Ungarischen Landnahmezeit im Karpatenbecken. AArch., 22, Budapest, 1970, p. 272—284, fig. 16; *I. Dienes.* Die Ungarn um die Zeit..., tabl. 32—43.

[63] Последние известны из могильников Сабадбаттьян (*I. Dienes.* Die Ungarn um die Zeit.., tabl. 71), Фёльдэак (неопубликованная находка из музея г. Сегеда — сообщение Ч. Балинта).

[64] *I. Dienes.* Un cimetière de Hungróis conquérants à Bashalom. AArch., 7, 1956, p. 268, tabl. 58, 1—50; *Á. Kiss*, *A. Bartha.* Graves from the age of the hungarian conquest at Bana. AArch, 22, 1970, p. 224; fig. 5, *8*; tabl. XXV, *19*.

тиганским накладкам из погр. 7 (БТМ, рис. 6, *36*) [65]; бляшки с концевого ремешка из погр. 2 могильника Надькёрёш с трилистником в центре и бордюром по краю [66] как бы повторяют подобные бляшки из погр. 16 (БТМ, рис. 11, *12—13*), а бляшки с подвижным колечком, украшенные изображением трилистника и ягод, из могильника Вереб [67] очень близки бляшкам из погр. 28 (БТМ, рис. 5, *5*). Мотив трилистника — один из наиболее распространенных в прикладном искусстве древних венгров, причем здесь представлены все его основные варианты, известные и в Больше-Тиганском могильнике: одиночный трилистник; серия трилистников, расположенных друг над другом по вертикали — «древо жизни»; сложные композиции из трилистников, связанных друг с другом ветками [68]. Достаточно часты на металлических изделиях венгров и изображения животных, в том числе фантастических существ, в трактовке которых, подобно Тиганам, ощущается влияние восточного искусства. Изображение Сенмурва на тиганских поясных бляшках (БТМ, рис. 11, *15*), имеющее прекрасные более ранние аналогии на изделиях сасанидской торевтики и фресках Афрасиаба (VI—VII вв.) [69], вместе с тем находит параллели в изображениях на копоушке из Эгера и на крышке сумки из Бездеда [70]. Очень близка трактовка животных (с хвостом, зажатым между задними лапами) на накладках из Тиган (погр. 6) (БТМ, рис. 4, *9*) и из могильника Гадорош (погр. 2) [71]. И наконец, еще одна любопытная параллель. Изображение грифона на наконечнике ремня из погр. 23 Больше-Тиганского могильника (БТМ, рис. 12, *1*) по стилю исполнения и трактовке деталей (крылья, нижняя часть туловища, лапы) напоминает грифонов на некоторых изделиях из известного Надь-Сент-Миклошского клада. Особенно близко к нашему изображение стоящего грифона на одной из чаш с пряжкой и изображение грифона, терзающего оленя, на одном из кувшинов [72]. Создается впечатление, что мастер, изготовивший наш наконечник, заимствовал сюжет и его трактовку с восточных изделий, очень близких, если не идентичных, надь-сент-миклошским.

Важной и очень характерной общей деталью художественного оформления металлических бляшек и наконечников является и своеобразный бордюр в виде цепочки из чередующихся овальных и круглых звеньев (БТМ, рис. 4, *7—10*; 5, *3—7*; 11, *11*, *14*; 12). Отдельные изделия, выполненные в этом стиле, встречаются в виде единичных находок в памятниках Южного Зауралья (Синеглазовский курган близ Челябинска [73]) и Восточной Европы — Редикорский могильник на Верхней Каме [74], мордовские могильники в Пензенской и Тамбовской областях [75], Верхне-Салтовский могильник [76], находки близ Кировограда (бывш. Елизаветгра-

---

[65] Здесь и в дальнейшем сокращение «БТМ. рис. ...» означает ссылку на рисунок к статье Е. А. Халиковой «Больше-Тиганский могильник», СА, 1976, 2.

[66] *I. Dienes.* Honfoglaló magyarok sírjai Nagykőrösön. AÉ, 1960, 2, tabl. XXX, *49—52*.

[67] *J. Hampel.* Alterthümer..., t. 1, S. 727, Abb. 2178.

[68] Ibid., S. 721—723, Abb. 2150—2159, 2167—2168.

[69] *Р. В. Кинжалов, В. Г. Луконин.* Памятники культуры Сасанидского Ирана. Л., 1960, рис. 10; *Г. А. Пугаченкова.* Самарканд — Бухара. М., 1968, стр. 24.

[70] *J. Hampel.* Alterthümer..., t. 1, S. 770, Abb. 2356, S. 771, Abb. 2357.

[71] *Gy. László.* HMNÉ, tabl. XXXIV, *8*, *11*.

[72] *J. Hampel.* Alterthümer..., t. 3, tabl. 291, 314. (В отличие от этого грифон на тиганском наконечнике изображен сидящим.)

[73] *В. С. Стоколос.* Курган на озере Синеглазово. АЭБ, 1, Уфа, 1962, стр. 166, рис. 4, *2*, *3*.

[74] *N. Fettich.* Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn..., Taf. XIV, *6*, *7*.

[75] *П. П. Иванов.* Крюковско-Кужновский могильник. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, стр. 212, табл. XXVIII, *2*, *12*; стр. 217, табл. XXXIII, *4*, стр. 218, табл. XXXIV, *2*; Материальная культура среднецнинской мордвы VIII—XI вв. (по материалам раскопок П. П. Иванова в 1927—1928 годы. Под ред. А. Е. Аликовой). Саранск, 1969, стр. 79, табл. 2, *6*, *7*; стр. 157; табл. 42, *13*, *14*, *17*.

[76] *А. М. Покровский.* Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 472, табл. XXI, *55*.

да) [77] и др. Известны они даже в Скандинавии (Бирка [78]). Но в древневенгерских могильниках на Дунае они, так же как в Тиганском могильнике, представлены в особенно большом количестве [79] и лишний раз дополняют уже отмеченное сходство этих памятников.

Вся совокупность приведенных аналогий, среди которых главная роль принадлежит параллелям в погребальном обряде, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о принадлежности Больше-Тиганского могильника одной из групп ранних венгров, жившей в левобережье Нижней Камы, в районе, который позднее, в конце IX—X вв., станет центром Волжской Булгарии. Однако этим районом не ограничивалась территория обитания протовенгерских племен. Выразительный археологический комплекс Больше-Тиганского могильника, в котором есть некоторые особенности, не сохранившиеся в венгерских памятниках на Дунае, позволяет выделить подобные ему памятники в сопредельных районах. Особенно важна в этом отношении лепная керамика могильника, относящаяся к кушнаренковскому типу (БТМ, рис. 5, *23*; 13). Некоторые сосуды, в частности с невысокой отогнутой наружу шейкой и более плавным переходом к тулову (БТМ, рис. 7, *28*; 13, *3*), близки к так называемым кара-якуповским, но последние рассматриваются рядом исследователей [80] как близкородственные кушнаренковским.

Наибольшее число памятников с кушнаренковской керамикой, синхронных Больше-Тиганскому могильнику, сосредоточено на территории Башкирии. Наиболее выразительные комплексы ее дали Хусаиновский курганный могильник, изученный Н. А. Мажитовым в 1965—1966 гг. [81] и I и II Бекешевские курганы, раскопанные в 1972—1973 гг. А. Х. Пшеничнюком и Н. А. Мажитовым [82]. В них встречена только кушнаренковская и родственная ей кара-якуповская посуда. Находятся эти памятники, датированные Н. А. Мажитовым VIII—IX вв. [83], на восточных склонах Южного Урала (Абзелиловский и Баймакский районы Башкирии, рис. 1). Кушнаренковские сосуды найдены в некоторых захоронениях Стерлитамакского могильника второй половины VIII — первой половины IX в. [84] и в Иткучуковском могильнике, где В. Д. Викторова вскрыла остатки погребения с черепом и костями ног лошади, удилами с эсовидными псалиями, стременем и другими вещами, которые она датировала VIII в. [85]

Интересен Лагеревский курганный могильник на р. Ай в Северо-Восточной Башкирии, где есть курганы, синхронные нашему могильнику. Особенно выразительны в этом отношении кург. 22 с кенотафом в центре и двумя потревоженными могилами, где найдены кушнаренковский сосуд, листовидная подвеска и другие вещи конца VIII—IX вв. и кург. 42 с набором вещей, очень близких большетиганским [86]. Отдельные курганы,

---

[77] *Б. И. и В. И. Ханенко.* Древности Приднепровья, V. Киев, 1902, табл. XIX, *645*, *668*, *679*, *682*, *819*.

[78] *T. J. Arne.* Le Suède et l'Orient. Upsala, 1914, p. 147, fig. 231.

[79] *J. Hampel.* Alterthümer..., t. 1, S. 743—746, Abb. 2233—2237, 2243—2246; *B. Szőke.* A honfoglaló és kora Árpád-kori..., tabl. I, *6—8*, *10—11*, *13—14*.

[80] *С. М. Васюткин.* Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры. СА, 1968, 1, стр. 58, 59; *В. Ф. Генинг.* Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. ПАДИУ, стр. 270.

[81] *Н. А. Мажитов.* Башкортостан археологияһы. Уфа, 1968, стр. 152; рис. 29, *1—3*; *его же.* Отчеты за 1965 и 1966 гг. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3128, 3261.

[82] *А. Х. Пшеничнюк.* Работы в Центральной и Юго-Восточной Башкирии. АО—1972, М., 1973, стр. 186; *его же.* Отчет за 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4724; *Н. А. Мажитов.* Новые материалы о древних башкирах. АО—1973, М., 1974, стр. 162; *его же.* Отчет за 1973 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5007.

[83] *Н. А. Мажитов.* Башкортостан археологияһы, стр. 155.

[84] *Р. Б. Ахмеров.* Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, стр. 175, табл. X, *3*, *4*.

[85] *В. Д. Викторова.* Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии. ВАУ, 4, 1962, стр. 166.

[86] *Н. А. Мажитов.* Отчет за 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4741.

а иногда и вводные погребения с кушнаренковской керамикой известны и в других курганных могильниках Башкирии, отнесенных Н. А. Мажитовым к VIII—X вв.: Старо-Халиловском (кург. 8; кург. 6, погр. 22 и др.) [87], Каранаевском (кург. 3, погр. 32) [88], Муракаевском (кург. 2, впускное погр. 5) [89], включавших также курганы с керамикой, отличной от кушнаренковской [90].

В перечисленных памятниках Башкирии с кушнаренковской керамикой находятся по преимуществу и те многочисленные аналогии вещевому инвентарю Больше-Тиганского могильника, о которых нам уже приходилось писать, в том числе наиболее специфические женские украшения

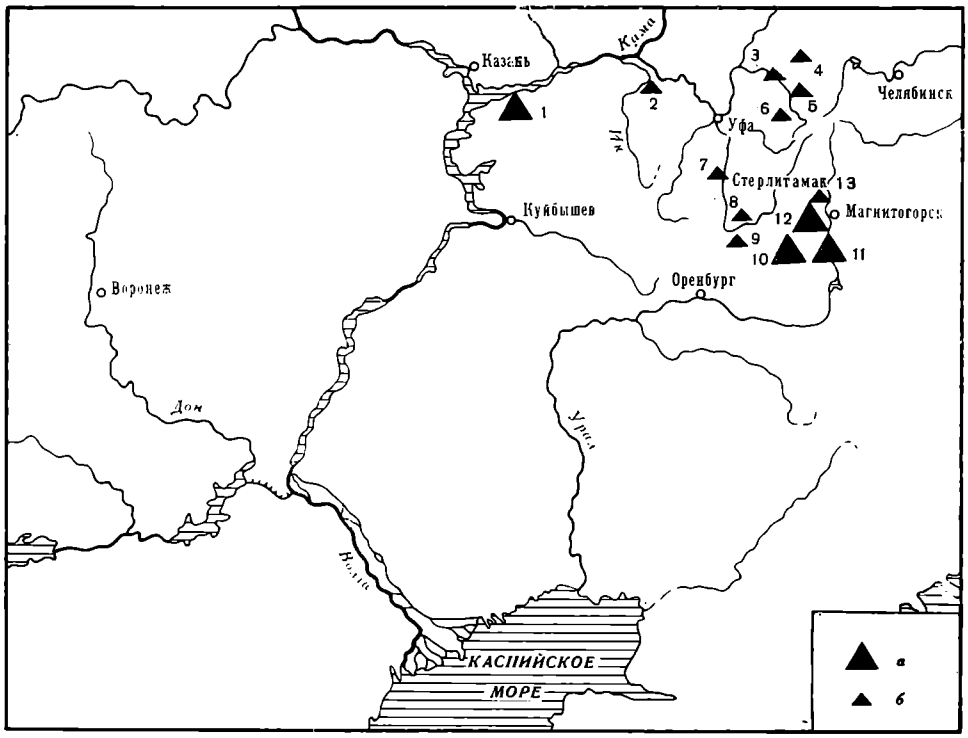


Рис. 1. Карта распространения памятников VIII—IX вв. большетиганского типа: *а* — могильники; *б* — отдельные погребения;
1 — Большие Тиганы, *2* — Чишма, *3* — Старое Халилово, *4* — Каранаево, *5* — Лагерево, *6* — Ишимбаево, *7* — Стерлитамак, *8* — Иткучуково, *9* — Ямаши-Тау (Валиши), *10* — I Бекешево, *11* — II Бекешево, *12* — Хусаиново, *13* — Муракаево

и детали поясов — головные венчики с накладками (БТМ, рис. 8, *1*), литые серьги с массивным щитком (БТМ, рис. 8, *6*, *7*), листовидные подвески (БТМ, рис. 8, *10—12*), бляшки с бордюром в виде цепочки и пр. [91].

[87] *Н. А. Мажитов.* Новые материалы о ранней истории башкир. АЭБ, II, Уфа, 1964, стр. 156. Интересно впускное погр. № 19 в тот же кург. 6 без сосуда, но с набором вещей (пояс, листовидная подвеска и пр.), близких тиганским.

[88] *Н. А. Мажитов.* Отчет за 1964 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2889.

[89] *Н. А. Мажитов.* Ук. отчет за 1966 г. Первоначально погребений с кушнаренковской керамикой в указанных могильниках было, видимо, больше; но из многих погребений, потревоженных грабителями, посуда выкинута или разбита.

[90] Хотелось бы в этой связи отметить, что курганы VIII—X вв., изученные в последнее десятилетие Н. А. Мажитовым и приписываемые им протобашкирам (*Н. А. Мажитов.* Новые материалы о ранней истории башкир; *его же.* Происхождение башкир. АЭБ, IV, 1971, стр. 14), нуждаются в этнокультурной и хронологической дифференциации и классификации. Например, очень своеобразен и отличен от кушнаренковских и по обряду и по составу лепной керамики Мрясимовский могильник, отдельные курганы Старо-Халиловского и других могильников.

[91] Близкий набор инвентаря обнаружен в двух погребениях, вскрытых в 1973 г. у дер. Чишма Актанышского района Татарской АССР (см. *Е. П. Казаков.* Отчет о раз-

Что касается погребального обряда этих памятников, то он тоже дает ряд параллелей большетиганскому. Особенно интересны в этом отношении относительно хорошо сохранившиеся Бекешевские и Хусаиновский могильники. На первый взгляд, обращает на себя внимание казалось бы очень существенная разница — большинство перечисленных памятников представляет собой курганные могильники, в то время как в Тиганах и в большинстве древневенгерских могильников на Дунае курганные насыпи не прослежены. Но насыпи в башкирских памятниках, как правило, невелики. Их высота не превышает 50 *см*, а чаще равняется 20—30 *см* и, что особенно важно, под насыпями наблюдается рядовое расположение могил. Четыре — шесть — десять, иногда и более могил располагаются под насыпью в один или несколько рядов, причем могилы в большинстве случаев ориентированы длинными сторонами в широтном направлении. Хотелось бы заметить в этой связи, что у древних венгров в отдельных случаях известна традиция насыпать холмики, напоминающие курганы. Так, могильник у с. Стреда над Бодроком имел невысокие наброски из камней [92]. В указанных памятниках Башкирии преобладают могилы с отвесными стенками, но единично встречаются ямы с односторонними и двусторонними заплечиками (Лагерево, погребение в кург. 42 и др.), господствует ориентировка погребенных головой на запад, иногда с отклонениями до северо-запада и юго-запада, под костяками находят остатки грубой ткани, войлока и дерева, встречаются костяки, покрытые берестой (I Бекешево, кург. 1, погр. 1 и 2 и др.). В могилах попадаются угли, обугленные плашки и обожженные гробовища (I и II Бекешево) [93], подобные тиганскому погр. 18. Характерной чертой обряда являются сосуд и крупная кость ноги лошади в могиле. Близки набор и расположение остальных вещей: достаточно часты сабли, аналогичны детали женского костюма, интересна находка деревянного «стержня», обвитого бронзовой пластиной (II Бекешево, кург. 1, погр. 3 — раскопки А. Х. Пшеничнюка), аналогичного стеку из погр. 7 нашего могильника. Комплексы конских костей (череп и кости ног) встречаются часто, но лежат они рядом с могилами на погребенной почве (под курганными насыпями) и лишь изредка в засыпи могил. Возможно, перемещение шкуры коня в могилу, что характерно для Тиган и древних венгров на Дунае, связано с постепенным исчезновением обычая насыпать курганы. Редки, но тем не менее известны в Башкирии находки погребальных лицевых покрытий — наглазников (Стерлитамакский могильник) [94]. Встречаются в башкирских памятниках и такие особенности обряда, отмеченные в Тиганах, как связывание ног покойников (I Бекешево, кург. 2, погр. 3; Ямаши-Тау — кург. 2, погр. 2), расчленение черепов копей, когда нижние челюсти были положены отдельно (I Бекешево, кург. 1, раскопки А. Х. Пшеничнюка) и, наконец, кенотафы (Лагерево, Ямаши-Тау, могильник у дер. Ишимбаево Салаватского р-на). В последних двух могильниках — Ишимбаевском [95] и Ямаши-Тауском (Валишинском) [96] посуда не найдена, но они так близки по типологии остальных вещей и погребальному обряду к рассматриваемым памятникам, что мы считаем возможным включить их в этот круг.

ведочно-охранных работах в сентябре 1973 г. в Актанышском, Муслюмовском и Мензелинском районах ТАССР. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5073).

[92] *И. Эрдели.* Об археологической культуре..., стр. 133.

[93] *Н. А. Мажитов.* Новые материалы о древних башкирах, стр. 162.

[94] *Р. Б. Ахмеров.* Ук. соч., стр. 167, табл. V, *5*. Говоря о наглазниках, следует иметь в виду, что большинство указанных могильников Башкирии VIII—IX вв. ограблено. Кроме того, листовое серебро плохо сохраняется, иногда от него остаются лишь мелкие бесформенные фрагменты, определить назначение которых бывает трудно.

[95] *Н. А. Мажитов.* Отчеты за 1963 и 1964 гг. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2648, 2889.

[96] *Б. Б. Агеев, Н. А. Мажитов.* Раскопки в Южной Башкирии. АО, 1969, М. 1970, стр. 170, 171; *Н. А. Мажитов.* Отчет за 1969 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3878.

Картографирование всех названных могильников очерчивает большую территорию, включающую левобережье Нижней Камы, Южное Предуралье и отчасти восточные склоны Урала (долину верхнего течения р. Сакмары) — рис. 1. Видимо, в пределах этой территории располагались кочевья древних венгров во второй половине VIII — первой половине IX в. и находилась легендарная MAGNA HUNGARIA.

Говоря о ранневенгерском археологическом комплексе, следует заметить, что некоторые его элементы встречаются и за пределами указанной территории. Например, такая деталь погребального обряда, как захоронение вместе с умершими частей коня (головы и ног), встречена в синхронных Тиганам Больше-Тарханском могильнике на правом берегу Волги [97], могильнике Мыдлань-Шай на р. Чепце [98], в могильниках ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье [99]. Погребальные лицевые покрытия (наглазники и целые личины), систематизированные Е. П. Казаковым и картографированные И. Фодором [100], зафиксированы во многих могильниках Верхней Камы и бассейна Сылвы — Бродовском, Горбунятском, Деменковском, Редикорском, Баяновском и др.

Мы не будем останавливаться на происхождении этих явлений, так как это особый вопрос, связанный с проблемой генезиса и этнической интерпретации ряда культур Прикамья второй половины I тысячелетия н. э. Частично мы его уже касались [101] и, очевидно, вернемся к нему в дальнейшем. Отметим здесь лишь два момента, имеющих отношение к нашей теме. Памятники, в которых встречаются указанные особенности, располагаются, как правило, в районах, близких или сопредельных с очерченной территорией MAGNA HUNGARIA, и второе — ни в одном из названных могильников не наблюдается полного комплекса признаков, характерных для погребального обряда Больше-Тиганского и сходных с ним памятников, не встречены в них наиболее специфические женские украшения — головные венчики с многочисленными бляшками, височные подвески с трапециевидным щитком, листовидные подвески к ожерельям и т. п. Отсутствует в Больше-Тарханском, Мыдлань-Шайском и прочих могильниках и кушнаренковская керамика, которая, судя по материалам Больше-Тиганского могильника, является неотъемлемой частью ранневенгерского археологического комплекса (для зоны Прикамья и Приуралья). Взаимное наложение и сочетание всех отмеченных признаков (своеобразного погребального обряда, характерных женских украшений и лепной керамики кушнаренковского типа) наблюдается лишь в описанных выше памятниках Башкирии и Нижнего Прикамья.

Большинство авторов относит появление кушнаренковских памятников в Южном Приуралье к V в. [102], при этом одними из наиболее ранних считаются захоронения с кушнаренковской керамикой на площади Бирского могильника [103]. В последнее время А. К. Амброзом высказана иная точка зрения о дате бирских захоронений с кушнаренковскими сосудами.

---

[97] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 23, 24.

[98] *В. Ф. Генинг.* Мыдлань-Шай — удмуртский могильник VIII—IX вв. ВАУ, 3, 1962, стр. 82.

[99] На Верхней Каме комплексы конских костей располагаются, как правило, рядом с погребениями. *В. Ф. Генинг.* Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. ВАУ, 6, 1964, стр. 101.

[100] *Е. П. Казаков.* О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника. Уч. зап. ПГУ, 191, Пермь, 1968, стр. 230—239; *I. Fodor.* Honfoglalás kori régészetünk néhány östörténeti vonatkozásáról. FA, 24, 1973, S. 166, fig. 3.

[101] *Е. А. Халикова.* К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских (VI—IX вв.) и раннеродановских (IX—XI вв.) памятников. Сб. «Вопросы финноугроведения». Йошкар-Ола, 1970.

[102] *Н. А. Мажитов.* Керамика памятников VIII—X вв. на Южном Урале. V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов). Сыктывкар, 1967, стр. 58; *С. М. Васюткин.* Ук. соч., стр. 70, 71.

[103] *В. Ф. Генинг.* Южное Приуралье. в III—VII вв. н. э., стр. 268.

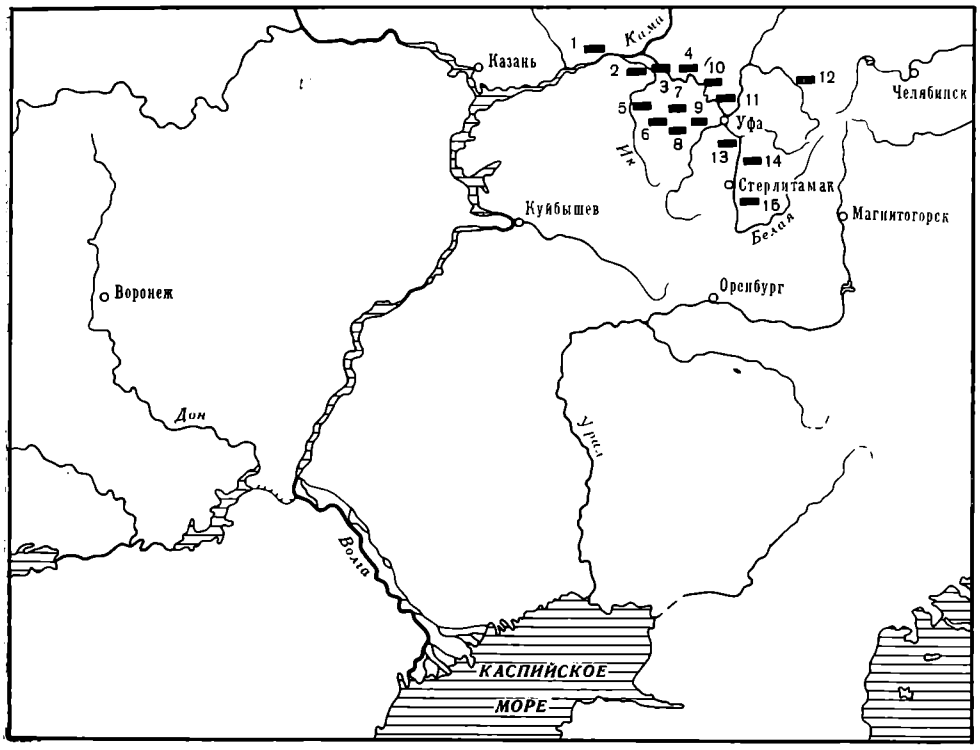


Рис. 2. Карта распространения погребальных памятников VI — начала VIII в., в которых встречена керамика кушнаренковского типа: *1* — Луговское, *2* — Иманли, *3* — Такталачук, *4* — Маняк, *5* — Куштеряк, *6* — Булгары, *7* — Ново-Биккино, *8* — Сантыш-Тамак, *9* — Кушнаренково, *10* — Бирск, *11* — Ново-Турбаслы, *12* — Лагерево, *13* — Шареево, *14* — Ихтисат, *15* — Ишимбай

Он склонен датировать самые ранние из них (78) VII в. [104]. Примерно этим же временем (концом VI—VII в.) датируются и все остальные известные в настоящее время ранние кушнаренковские погребальные комплексы. Ранние памятники до начала VIII в. частично картографированы В. Ф. Генингом, отметившим девять могильников и несколько десятков поселений, на которых встречена кушнаренковская керамика. Памятники сосредоточены преимущественно в Икско-Бельском междуречье. Среди отмеченных им погребальных комплексов три одиночных погребения — Луговское, Куштерякское и Ишимбайское (у г. Ишимбай), Манякский могильник (самый цельный и представительный памятник в этой серии) и отдельные захоронения с кушнаренковскими сосудами в Бирском, Сантыш-Тамакском, Кушнаренковском, Ново-Турбаслинском и Шареевском могильниках. Из вновь открытых и ранее известных кушнаренковских памятников VI — начала VIII в., отсутствующих на карте В. Ф. Генинга, следует назвать Ихтисатское погребение на правом берегу р. Зиган [105], Ново-Биккинский и Булгарский курганы в Чекмагушевском районе Башкирии (в бассейне нижнего течения р. Чермасан, левого притока р. Белой) [106] и ряд памятников в северной части Икско-Бельского междуречья в пределах Татарской АССР — кушнаренковские погребения Такталачукского могильника в левобережье р. Белой, Иманлийский могильник на

---

[104] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы (II). СА, 1971, 3, стр. 107.

[105] *С. М. Васюткин.* Ук. соч., стр. 70.

[106] *Н. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк.* Работы в Башкирии. АО — 1970, М., 1971, стр. 149; *Н. А. Мажитов.* Работы в Южной Башкирии. АО — 1971, М., 1972, стр. 218.

правом берегу р. Ик и несколько селищ [107]. Кроме того, к этому же времени относится значительная часть Лагеревских курганов, свидетельствующих о том, что кушнаренковские племена уже в ранний период обитали не только в Икско-Бельском междуречье и на прилегающей к нему территории, но расселялись и в более восточных районах, в частности по течению р. Ай (рис. 2). Отдельные, видимо очень небольшие, группы их проникали и в более северные районы, о чем свидетельствуют находки единичных фрагментов кушнаренковского облика на городище Сандияк в Куединском районе Пермской области [108] и на Кудымкарском городище на Верхней Каме [109]. Отдельные сосуды кушнаренковского типа известны на поселениях именьковской культуры близ устья Камы [110].

В ранний период погребальный обряд кушнаренковских племен еще не сложился окончательно в том виде, в каком мы знаем его по памятникам второй половины VIII—IX в. У них, в частности, господствует северная ориентировка погребенных, но многие знакомые нам особенности уже присутствуют. Обычны в захоронениях сосуд и крупная кость ноги лошади, известны кенотафы (Ново-Биккино), отдельные сложные ямы с заплечиками (Лагерево, кург. 46), близок набор вещей — серьги, перстни, поясные наборы, характерные для того времени, рожковидные привески, ножи, стремена, удила, наконечники стрел, накладки луков, меч (погр. 1 Манякского могильника) [111]. Следует отметить, что подавляющее число известных в настоящее время погребений VI — начала VIII в. ограблено, и многие детали обряда ускользают от нашего внимания.

Интересен и важен вопрос об истоках кушнаренковской культуры на Южном Урале, т. е. вопрос о более глубоких корнях культуры протовенгров. В. Ф. Генинг отмечает большое сходство кушнаренковской керамики с керамикой некоторых памятников I тысячелетия н. э. в Прииртышье и Приобье (Потчеваш у г. Тобольска, Логиновское городище на р. Ишиме и др.), которые он, однако, склонен связывать с самодийцами [112]. Среди памятников, не упомянутых В. Ф. Генингом, любопытен Перейминский могильник в низовьях р. Туры, левого притока р. Тобола, по всей вероятности синхронный Маняку [113]. В двух погребениях этого могильника найдено несколько сосудов, очень близких ранним кушнаренковским [114]. В свое время В. Н. Чернецов относил эту перейминскую керамику к кочевым племенам Прииртышских степей и указывал на генетическую связь ее с керамикой более ранних памятников типа Саргатских курганов близ Омска [115]. К аналогичному выводу о такой связи пришел и В. А. Могильников, исследовавший значительное число памятников саргатской культуры IV в. до н. э.— IV в. н. э. Он считает, что значительная часть племен саргатской культуры, захваченная потоком великого переселения народов, около IV в. н. э. ушла на запад, а оставшиеся приняли участие в сложении культуры, представленной, в частности, Перейминским могильником [116]. Сопоставление памятников саргатской культуры, особенно

---

[107] *Е. П. Казаков.* Памятники кушнаренковского типа на территории Татарии. Тезисы докладов научной сессии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР за 1972 г. Казань, 1973, стр. 130.

[108] *И. С. Поносова.* Раскопки Сандиякского городища бахмутинской культуры в 1963—1964 гг. Уч. зап. ПГУ, 191, 1968, стр. 105, рис. 3, *6*, *7*.

[109] *В. А. Оборин.* Отчет о раскопках в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3931, рис. 58.

[110] *П. Н. Старостин.* Памятники именьковской культуры. САИ, Д-1-32, М., 1967, табл. 26, *4*.

[111] *Н. А. Мажитов.* Отчет за 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3496.

[112] *В. Ф. Генинг.* Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., стр. 270—274.

[113] *А. К. Амброз.* [Рец.]. J. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969 (СА, 1973, 2, стр. 297).

[114] *В. Н. Чернецов.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 58, 1957, стр. 172, табл. XIV.

[115] Там же, стр. 180.

[116] *В. А. Могильников.* К вопросу о саргатской культуре. ПАДИУ, стр. 86.

на позднем этапе ее развития, с кушнаренковскими обнаруживает их известное сходство: близкие формы сосудов, в ряде случаев имеющих раздутое бомбовидное тулово и прямое или слегка открытое горло [117], сходные элементы погребального ритуала — наличие нескольких погребений под одной насыпью (иногда впускных), преобладание могил с вертикальными стенками и наличие некоторого числа ям с заплечиками, древесная подстилка на дне и деревянные обкладки стенок могил, иногда покрытие погребенных берестой, кусочки угля и золы на дне и в засыпи могильных ям, сосуд и кости животных (часто лошади) — остатки заупокойной пищи, вытянутые на спине трупоположения головой преимущественно на север (как в ранних кушнаренковских могильниках) и т. д. Все это заставляет думать, что племена саргатской культуры и другие близкие им племена лесостепного Зауралья участвовали в сложении кушнаренковского населения.

Таким образом, культура племен, оставивших в Южном Приуралье памятники кушнаренковского типа, в том числе и Больше-Тиганский могильник, т. е. в конечном счете культура протовенгров, имеет глубокие истоки в культурах лесостепного Прииртышья и Южного Зауралья эпохи раннего железа и, видимо, более раннего времени, и может исследоваться в разных аспектах на протяжении большого исторического отрезка времени.

Больше-Тиганский могильник, судя по имеющимся материалам, прекратил существование в первой половине IX в. Монеты Стерлитамакского могильника датируются в диапазоне от 705 до 779 г. [118], т. е. этот могильник фактически абсолютно синхронен Больше-Тиганскому и также прекращает существование в это же время. Видимо, значительная часть протовенгерских племен в это время покидает Южное Приуралье и Нижнее Прикамье и уходит на запад. Любопытно в этом отношении Воробьевское погребение IX в. южнее Воронежа, которое давно связывается с древними венграми. Вещи из этого погребения до деталей аналогичны большетиганским — поясной набор, орнаментальное оформление петель сабли и пр. [119] По всей вероятности, правы те исследователи, которые ищут Леведию Константина Багрянородного в лесостепной полосе Подонья, севернее основной территории распространения салтовской культуры [120]. Несомненный интерес представляют также находки в бассейне р. Ингул близ Кировограда (бывш. Елизаветграда), хранившиеся в коллекциях Б. И. и В. И. Ханенко. Они включают около ста бляшек по крайней мере от трех поясных наборов с характерным для Тиган орнаментом из трилистников и ягод и бордюром-цепочкой [121]. Оттуда же происходят литые пуговицы и другие вещи. Не исключено, что там имел место могильник, близкий Больше-Тиганскому. Дальнейшее движение венгров на запад иллюстрируют захоронения, изученные в с. Крылос у Галича в Прикарпатье на пути к Верецкому перевалу [122].

В заключение следует отметить, что не все протовенгерские племена ушли с территории MAGNA HUNGARIA. Часть из них осталась и приняла участие в сложении населения и культуры Волжской Булгарии, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют материалы Танкеевского и Тетюшского могильников второй половины IX—X вв. В этих могильни-

---

[117] Там же, стр. 80, рис. 4; *В. И. Мошинская.* Городище и курганы Потчеваш. МИА, 35, 1953, стр. 191, табл. 1, *9*; стр. 219, табл. XVII.

[118] *Р. Б. Ахмеров.* Ук. соч., стр. 164, 165. Мы не располагаем точными данными о монетах, найденных в Хусаиновском, Бекешевских и других могильниках VIII—IX вв. в Башкирии, раскопанных Н. А. Мажитовым и А. Х. Пшеничнюком. Скорее всего, многие из этих могильников также кончаются в первой половине IX в.

[119] *J. Hampel.* Újabb tanulmányok..., tabl. 110.

[120] *А. Н. Москаленко.* Славяно-венгерские отношения в IX в..., стр. 192—194.

[121] *Б. И. и В. И. Ханенко.* Ук. соч., табл. XIX.

[122] *J. Pasternak.* Die ersten altungarischen Grabfunde nördlich der Karpaten. AH, XXI, 1937, S. 297—303.

ках представлена кушнаренковская керамика и отмечается ряд характерных особенностей, присущих древневенгерскому погребальному ритуалу [123]. Судя по материалам Кушулевского могильника IX—XI вв., такой же процесс происходил и на территории Башкирии. Этот памятник, по мнению Н. А. Мажитова, тесно связан с культурой племен манякского (кушнаренковского) типа и является памятником их потомков [124].

E. A. Halikova

LES PLUS ANCIENS MONUMENTS HONGROIS DANS LES REGIONS DE LA BASSE KAMA ET DE L'OURAL

Résumé

Jusqu'à ces derniers temps on n'avait pas mis au jour de monuments archéologiques appartenant aux premières populations hongroises en Europe orientale, avant leur apparition dans le bassin des Carpates. La question de la MAGNA HUNGARIA restait ouverte. Un nouveau monument — le champ d'inhumation de Bolché-Tigani (fin du VIIIe première moitié du IXe s.),— étudié en 1974 sur la basse Kama, présente de nombreuses ressemblances avec les champs d'inhumation hongrois de la fin du IXe s. et de la première moitié du Xe s. qu'on rencontre le long du Danube (Besded, Keneslō I et II, «Bashalom», etc.). Plusieurs traits du rite funéraire les rapprochent: l'emplacement sur des lieux élevés; le groupement des tombes autour des sépultures des guerriers; la position allongée des corps, la tête à l'ouest; la composition et la disposition du mobilier funéraire dans les tombes, l'enfouissement avec le défunt de la tête, des jambes et de la peau d'un cheval; l'usage de masques funéraires (oeillères d'argent); l'habitude de placer un sabre auprès des guerriers de marque. Une grande ressemblance existe dans le costume et les parures des femmes.

Le champ d'inhumation de Bolché-Tigani, qui, sur la base des analogies citées, peut être attribué avec certitude aux premières tribus hongroises, n'est pas unique sur la Kama et dans la région sud de l'Oural. Des monuments de même époque, et semblables, sont concentrés sur tout le territoire de la Bachkirie: les champs de sépultures de Houssaïn, de Békéchev I et II, d'Itkoutchouk, les inhumations isolées de Sterlitamak, de Lagherev, de Staro-Khalil, et d'autres champs funéraires. Les monuments énumérés ont en commun avec celui de Bolché-Tigani un type général de céramique moulée (variété de Kouchnarenkovo), des parures féminines spécifiques, et le rite funéraire. L'aire de ces monuments (fig. I) forme le territoire de la MAGNA HUNGARIA. Les tribus à céramique de Kouchnarenkovo (ancêtres des anciens Hongrois) ont paru dans la région sud de l'Oural au VIe siècle. On peut remarquer des traces encore plus anciennes de leur culture dans les régions sylvo-steppiques situées au — delà de l'Oural et sur l'Irtych où, manifestement, a eu lieu la formation des premiers éléments ethniques hongrois.

---

[123] *Е. А. Халикова.* Погребальный обряд Танкеевского могильника..., стр. 145.
[124] *Н. А. Мажитов.* Происхождение башкир, стр. 14.

В. Л. ЯНИН

ЕЩЕ РАЗ ОБ «УСТАВЕ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА О МОСТЕХ»

«Устав Ярослава князя о мостех», вошедший в литературу еще в первой половине XIX в., привлекал многих исследователей, хорошо понимавших потенциальную важность его содержания для изучения топографии средневекового Новгорода. И тем не менее до сих пор ни в определении даты его возникновения, ни в раскрытии конкретных деталей нет должной ясности. Поэтому обращение к его анализу столь авторитетного историка, как В. В. Мавродин, казалось весьма обнадеживающим. К сожалению, написанная им в соавторстве с новгородским краеведом С. Н. Орловым и опубликованная журналом «Советская археология» (1975, № 2) статья эти надежды развеяла, заменив их недоумением.

Недоумения возникают уже при чтении первых строк этой статьи, в которых говорится о существовании двух «вариантов» Устава со ссылкой на найденный Н. М. Карамзиным в харатейной Кормчей XV в. из Синодального собрания и обнаруженный Д. Дубенским в библиотеке А. И. Мусина-Пушкина (стр. 89). Во-первых, Синодальная кормчая относится не к XV в., а к 1282 г. Во-вторых, в ней нет «Устава о мостех». В-третьих, Н. М. Карамзин (ссылки авторов на которого не имеют отношения к интересующему их сюжету) знал Устав только по Пушкинскому списку [1], т. е. как раз по тому, который был издан Дубенским. Наконец, в-четвертых, к настоящему времени издано 15 списков «Устава о мостех», из них 14 — в академическом издании «Русской правды», известном любому студенту-историку [2]. Трудно понять, как эта фундаментальная публикация, которой исследователи пользуются почти 40 лет, осталась вне поля зрения авторов статьи.

Между тем списки, опубликованные в этом издании, были подвергнуты квалифицированной текстологической и хронологической классификации, позволяющей установить старшинство разночтений и характеризовать как более достоверные списки Пушкинской группы, а среди них группу Археографического вида, отражающую новгородскую традицию. Текстологическая оценка Устава позволяет выяснить, что некоторые разночтения («до Торгу» вместо «до софьян», «Клемяных» вместо «Климятиных», «Геральдова» или «Гелардова» вместо «Алфердова» и т. д.) возникли в результате нецеленаправленных искажений текста при его переписке вне Новгорода и не могут быть приняты как предпочтительные. Авторы на стр. 90 воспроизводят текст Устава по Пушкинскому списку «с разночтениями других вариантов, внесенных Б. А. Рыбаковым». Однако Б. А. Рыбаков занимался Уставом в 1930-х годах, когда кроме Пушкинского были известны только списки Летописи Авраамки и Софийской I

[1] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. 2. СПб., 1834, примечание 108.

[2] Правда Русская (под ред. Б. Д. Грекова), т. I, тексты. М.— Л., 1940, стр. 292, 316—317, 340—341, 361, 390. См. также: *А. А. Зимин.* Новые списки Русской правды. Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, стр. 330.

летописи; он не знал тогда материала, который был издан спустя два года после его публикации [3]. Пренебрежение этими материалами сейчас привело авторов к тому, что исходный для анализа текст издан недостоверно, на уровне провинциального краеведения прошлого века, а никак не на уровне современной археографии. Предпочитая пользоваться ничего не означающим термином «вариант», авторы объединили разные изводы памятника, чего они не имели права делать. Не говорю уже о качестве воспроизведения текста, в нем фигурируют фонемы, ни в одном из 15 списков не встречающиеся вообще.

Не менее странно авторы обращаются с цитированием исследовательских мнений. Уже на первой странице их статьи имеются ссылки на М. Н. Тихомирова, Н. Г. Порфиридова и Б. А. Рыбакова. Первому приписывается отнесение окончательной редакции Устава к началу XIII в. Однако М. Н. Тихомиров и на цитированной странице, и в других местах своей работы присоединился к мнению Б. А. Рыбакова о датировке документа временем около 1230 г. и осторожно говорил о «первой половине XIII в.» [4]. Н. Г. Порфиридов специально Уставом не занимался и никакой «древнейшей части» в нем не выделял. Б. А. Рыбакову приписано мнение о том, что Устав был «редакционно упорядочен» около 1230 г., однако Б. А. Рыбаков писал о мостовой повинности, «упорядоченной около 1230 г.» [5]. А это разные вещи. Основополагающее мнение М. Н. Тихомирова и А. Н. Насонова в том, что перечисление сотен интерполировано в текст Устава, отвергнуто не контраргументами (аргументы этих исследователей вообще не рассматриваются авторами), а голословным заявлением: «На наш взгляд, документ сложился единовременно» (стр. 98).

Цель этих сознательных искажений очевидна. Авторам очень хочется по возможности удревнить дату документа. Они это и пытаются делать но весьма странным способом. Не обнаружив в росписи мостовой повинности топографических координат некоторых участков, авторы рассуждают: «Этот факт дает возможность предположить, что участки повинностей сложились раньше записи его в том виде, в каком он дошел до нас, и всем, кто выполнял эти повинности, они были хорошо известны. Мысль эта высказывалась и раньше (следует ссылка на личный архив краеведа В. С. Передольского.— *В. Я.*). Таким образом, нельзя связывать появление Устава с последним из князей с именем Ярослав, который был в Новгороде с 1264 по 1271 г.» (стр. 90). Почему же? Если какая-то традиция сложилась в более раннее время, нежели была записана, как вообще из самого этого факта возможно извлечь хронологический момент записи? По всей вероятности, авторам следовало рассмотреть существующие в литературе аргументы в пользу поздней датировки Устава и показать их несостоятельность, если они действительно несостоятельны. Вместо этого через несколько страниц хронологическое предположение авторов без какой-либо аргументации делает качественный скачок: «Выше мы уже отмечали, что последний князь Ярослав Ярославич, княживший с 1264 по 1271 г., должен быть исключен на том основании, что участки повинностей сложились гораздо раньше, чем они были записаны» (стр. 97). Но ведь речь-то как раз и идет о времени оформления Устава, а не о времени сложения гипотетических традиций.

«Исключив» таким способом одного князя, авторы входят во вкус и походя исключают (снова без опровержения аргументов) еще одного князя — Ярослава Всеволодовича, с именем которого связывали документ Б. А. Рыбаков и М. Н. Тихомиров. Им «очевидно», что время возникновения мостовых повинностей «нужно отнести к концу XII в., когда в Новгороде был князь Ярослав Владимирович (с 1182 по 1199 г.)» (стр. 98). А почему бы не пойти дальше? Ведь единственное, по мнению авторов,

[3] *Б. А. Рыбаков.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке. ИЗ, 2, 1938.
[4] *М. Н. Тихомиров.* Исследование о Русской правде. М.— Л., 1941, стр. 143—150.
[5] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 724.

обстоятельство, сдерживающее перенос Устава в период ранее середины XII в., состоит в упоминании «Бориса и Глеба», а Борисоглебская церковь была построена в 1146 г. (стр. 98, 99). Между тем с 1148 по 1154 г. в Новгороде княжил Ярослав Изяславич, а с 1176 по 1177 г.— Ярослав Мстиславич. Почему бы одному из них не приписать авторства Устава? Оказывается, потому, что к периоду Ярослава Владимировича «по-видимому, не только возникла линия Окольного города, но она уже сложилась в определенную систему, особенно после осады Новгорода суздальцами в 1169 г.» (стр. 98).

Можно только сожалеть, что один из авторов статьи оказался незнаком с материалами дискуссии на страницах «Советской археологии», развернувшейся вокруг датировки фортификаций Окольного города [6]. Существо этой дискуссии состоит в том, что новейшими исследованиями археологов и анализом письменных сообщений и материалов старых раскопок выяснено, что система укреплений Окольного города возникла не ранее конца XIV в., а более ранние упоминания новгородского острога имеют в виду мобильное и оперативное сооружение в минуту опасности временных укреплений на линиях подвижных во времени границ Новгорода. Этот вывод вызвал возражения со стороны одного из авторов рецензируемой статьи — С. Н. Орлова, который, однако, в той же манере, какая уже отмечена здесь, уклонился от рассмотрения многих аргументов своих оппонентов. Не найдя опоры для защиты своего мнения о ранней датировке Окольного города в археологических материалах, он теперь пытается отыскать ее в письменном документе, который, однако, ни с какой стороны не уполномочивает утверждать, что к концу XII в. линия Окольного города существовала на ее современном месте. В датировке документа, таким образом, возникает порочный круг, порожденный не аргументацией, а только сильным желанием.

Мы постепенно перешли к существу статьи В. В. Мавродина и его соавтора. А существо это состоит в том, что разверстка Уставом мостовой повинности касается, оказывается, не сооружения уличных настилов, а ремонта боевых ходов Детинца и Окольного города. Следовательно, если авторы правы, вопрос о ранней датировке Окольного города решается сам собой, вопреки археологическим свидетельствам. Посмотрим, как формируется этот ответственный вывод.

Ключевой для всех дальнейших построений оказывается некая пунктуационная новация, авторами не аргументированная. Из фраз «Осменником поплата. В Людин конец через греблю до Добрыни улици, в городняя ворота до Пискупли улици, с Прусы до Бориса и Глеба мостити» убираются все знаки препинания. Затем предлагается странный (но не бесцельный) перевод второй части этого текста: «осменники и прусы обязывались мостить от (не «до», как в тексте.— *В. Я.*) Пискуплей улицы и до Бориса и Глеба» (стр. 91). Небольшая манипуляция с текстом дает авторам возможность утверждать, что прусы мостят не свою улицу (церковь Бориса и Глеба стоит на линии, продолжающей внутрь Детинца Прусскую улицу, входящую в Покровские ворота), а что-то совсем другое.

Подобный вывод применен и к фразе «А Чюдинчеве улице с Загородци до городних ворот». Авторы пишут о жителях Чудинцевой улицы: «О последних сказано, что они мостят не свою улицу, так как Чудинцева улица не подходила к городним воротам с запада, здесь начиналась улица Легощая» (стр. 93). Аргументирован этот факт ссылкой на публикацию С. Н. Орлова [7]. Мне не удалось на указанной странице этой публикации

[6] *М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев.* О датировке вала и рва Новгородского острога. СА, 1970, 4; *С. Н. Орлов.* По поводу статьи М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноречьева. СА, 1972, 2; *М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев.* К датировке вала и рва Новгородского острога (Ответ С. Н. Орлову). СА, 1972, 3. См. также АО — 1972, М., 1973, стр. 48.

[7] *С. Н. Орлов.* К топографии Новгорода X—XVI вв. Сб. «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, стр. 269.

отыскать что-либо относящееся к поясняемому сюжету, однако на другой странице (273) отыскалась фраза: «Чудинцева улица начиналась от стен Детинца, но своего проезда в него, по-видимому, не имела». Не буду касаться того, как предположение с легкостью превратилось в убеждение. Отмечу другое. Действительно, на планах XVIII в. в Воскресенские ворота Детинца входит Легощая улица, а примыкание к нему Чудинцевой улицы не известно, так как ближайшая к кремлю часть ее была разрушена сооружением в XVI в. Малого земляного города. Однако на одном из этих планов непосредственно у Воскресенских ворот Детинца с внешней их стороны обозначены две церкви [8], в которых можно опознать лишь каменные храмы Усекновения Иоанна Предтечи и Николы, числящиеся в начале XVII в., т. е. уже после сооружения Малого земляного города, на Новинке [9]. Между тем роспись семи новгородских соборов, дошедшая до нас от времени до сооружения Малого города, помещает их на Чудинцеву улицу [10]. А это значит, что в древнее время Чудинцева улица действительно подходила к городним воротам, сливаясь здесь с Легощей улицей. В то же время нужно отметить, что в скрытой форме Устав упоминает и Легощу улицу, ведь Чудинцева улица мостит не одна, а «с Загородцы».

Вернемся, однако, к дальнейшим построениям В. В. Мавродина и С. Н. Орлова. Итак, в Уставе «нет ни одного упоминания о повинности, связанной с мощением улиц Софийской стороны» (стр. 93). Что же там мостят? Ответ дает все та же произвольно переведенная фраза: прусы мостят «от (не «до», как в тексте Устава.— *В. Я.*) Пискупли улицы (т. е. Спасских ворот) до Бориса и Глеба (не церкви, а Борисоглебской башни.— *В. Я.*)», иными словами, ремонтируют стену Детинца. Это дает в руки авторов некий модуль в 230 *м*.

Если этот модуль умножить на семь (число участков, связанных, по мнению авторов, с кремлем; на самом деле есть еще и восьмой, владычный) то получится 1610 *м*. Между тем «внутренний периметр» Детинца имеет в длину около 1380 *м*. Если к нему прибавить четыре моста, ведущие из Детинца через ров (примерно 200—220 *м*), то получится 1600 *м*. Значит, имеются в виду расписанные по семи группам юридических лиц повинности заботиться о крепостной стене! Что же это за группы?

В их числе имеются тигожане, т. е. жители Тигодского погоста, расположенного в 100 *км* от Новгорода. Затем, коломляне, которых авторы трактуют как «жителей поселка Колмово, находившегося в 2 *км* севернее города» (стр. 93). Но такого поселка не было. В конце XIV в. возник Колмов монастырь, но он был построен на землях села Королево [11]. Наконец, это жители Нередицы, веряжане и пидьбляне, а также в небольшой степени и сами новгородцы.

Реконструировав столь фантастическую картину, авторы должны были бы хоть намеком объяснить читателю, почему ремонт кремлевской стены поставлен в зависимость от платежеспособности, например, далеких от Новгорода тигожан и почему, если Волховский мост ремонтировался за «государственный счет», содержание крепости не касалось основных государственных финансов. Владыка, к примеру, как показывают авторы, в отличие от тигожан или жителей Нередицы среди ветшающих стен Детинца должен был заботиться только о мощении уличного настила, идущего поперек кремля.

Однако пойдем дальше. В части Устава, связанной авторами с Софийской стороной, названы 19 сотен. Двум из них авторы статьи поручают возводить береговые городни Великого моста на обоих берегах Волхова.

---

[8] *И. И. Кушнир.* Новгород. Л., 1972, стр. 63.

[9] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, стр. 83.

[10] *А. Никольский.* Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. Вестник археологии и истории, вып. 10. СПб., 1898, стр. 80.

[11] Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и в Новгородских пятинах, составленная в XVI в. «Временник ОИДР», кн. 24. М., 1856, смесь, стр. 37.

Остаются 17 сотен. Если перемножить на это число уже известный нам модуль, получится 3910 *м*. Известно, однако, что протяженность линии Окольного города на Софийской стороне равнялась примерно 4000 *м*. Добавив к этому кое-какие мосты, получаем, что за каждой сотней числилось 240—250 *м*. Цифры, конечно, подходящие, однако не подходяще то, что авторы в свой расчет включили километровую стену от Алексеевской до Дворцовой башни, выходящую на Волхов и отнесенную, следовательно, как и весь Окольный город, к XII в. Но вот что пишет об этой стене С. Н. Орлов в другой своей статье: «Определенных сведений о времени сооружения оборонительной линии Окольного города по обоим берегам Волхова нет. Из летописи известно, что в 1478 г. новгородцы ремонтировали стены вокруг города и через Волхов. Это сообщение позволяет предположить, что тогда еще оборонительной стены от Волхова не было» [12]. Как говорится, комментарии излишни.

Выше упоминалось, что две сотни сооружают береговые городни Великого моста. Кто же строит его основную часть? Предоставляем слово авторам статьи: «Как правило, за счет государства в Новгороде возводили и Великий Волховский мост. Первая Новгородская летопись содержит по этому поводу много сведений. Например, под 1144 г. сообщается, что «...Делаша мост въсъ црес Волхово, по стороне ветхого, нов въесь». Через 44 года, в 1188 г., мы снова находим запись: «...делаша мост нов через Волхово по стороне ветъхого». Под 1228 г. летописец сообщает, что «водой выдрало» девять городней у Великого моста, а под 1229 г. уже записано о постройке нового моста через Волхов «выше старого». Имеются записи о постройке нового моста в 1305 и в 1336 гг.» (стр. 96, 97). Не правда ли, из этих обильных цитат так и сквозит, что Великий мост возводили «за счет государства»?

Вероятно, читатель обратил внимание на то, что мы давно уже не возвращаемся к тексту анализируемого Устава. Делается это потому, что он оказывается совершенно не нужным и авторам статьи. Для всех дальнейших построений вполне достаточно курвиметра. На Торговой стороне 18 участков. Какова там длина оборонительных сооружений, или, как выражаются авторы, «натуральных остатков земляного вала»? 3100 *м*. Маловато. Чтобы сошлось, добавим к ним еще 1300 *м* оборонительной стены вдоль Волхова от Тарасовца до Великого моста (стр. 95). Неважно, что эта линия построена в XVII в. [13] Важно другое: если сложить 3100 и 1300 *м*, а потом разделить на 18, то получится 240 *м*. Теперь можно вернуться к Уставу и разбросать его топонимы по валу Окольного города. Куда поместить софьян, причт Софийского собора? Поместим их на другой берег Волхова, пусть отвечают за участок перед Ярославовым дворищем, благо он хорошо виден с крыши Софийского собора. Жителей Бардовой улицы? Она «возникла в XI—XII вв. на огромном пустыре и тянулась вдоль безымянного ручья» в южной части Славенского конца (стр. 98). Значит, им удобнее отвечать за участок на другом конце города (действительно, что им делать на пустыре?), у ручья Витки в Плотниках. Ведь отвечают же тигожане, живущие в 100 *км* от Новгорода, за ремонт части кремлевской стены. Отправим туда же и жителей Михайловой улицы: расстояние от Михайловой улицы до вала северной части Плотницкого конца, где авторы отводят им участок, примерно такое же.

Есть еще жители «поселка на р. Витке» (стр. 95); можно и им поручить участок в 240 *м*. Но разве был такой поселок? Отведенная ему авторами территория хорошо известна по купчей Антонова монастыря середины

---

[12] *С. Н. Орлов.* К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода. Уч. зап. Новгородского пединститута, т. I, вып. 1. Новгород, 1965, стр. 24, 25.

[13] *А. Л. Монгайт.* Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, 31, 1952, стр. 45.

XIV в. как район сельскохозяйственных угодий [14]. В XIV в. здесь возникли два монастырька — Богословский и Радоковицкий, однако даже в XVI в. здесь не было поселков, а было «городовое пастбище» [15].

Сравнив выводы авторов по Софийской и Торговой сторонам, мы с недоумением увидим, что оборонительные сооружения Окольного города на Софийской стороне строит весь Новгород и вся Новгородская земля с их городскими и провинциальными сотнями, а на Торговой стороне тем же делом занимаются отдельные улицы и «владельцы пристаней». Равные участки поручены авторами целой сотне и отдельной улице, купеческой корпорации вощников и причту Софийского собора, князю и мифическим «Клемяным сеням». Как все это понять и объяснить?

Как понять и объяснить, что в числе юридических лиц, отвечающих за состояние и ремонт отдельных участков новгородских фортификаций, оказались немцы и готы?! Разве одной из главных целей укрепления Новгорода в XIII в. не была оборона от немцев? Неужели авторы всерьез хотят убедить читателя, что эта оборона организовывалась руками самих немцев?

Кажется, достаточно. Хаос есть хаос, и вряд ли он «вносит ясность в этот ценнейший и сложный древнерусский письменный источник из истории Новгорода Великого» (стр. 99), как думают авторы статьи. Ясным остается лишь то, что никакого отношения к новгородским фортификациям «Устав о мостех» не имеет, как не имеют отношения к XII—XIII вв. укрепления Окольного города.

V. L. Yanine

ENCORE UNE FOIS A PROPOS DU «STATUT DU PRINCE IAROSLAV SUR LES CHAUSSÉES DE BOIS»

Résumé

Dans la revue «Archéologie soviétique» (1975, No 2) a paru un article de V. V. Mavrodine et S. N. Orlov intitulé: A propos du «Statut du prince Iaroslav sur les chaussées de bois». Ses auteurs estiment que ce monument bien connu de la législation novgorodienne date de la fin du XIIe s., et concerne des réparations de points fortifiés de la ville: le Kremlin et le faubourg Okolny. L'existence de ce dernier, d'après les recherches archéologiques les plus récentes, remonte à une période à cheval entre le XIVe et le XVe s.; mais malgré ces données, les auteurs l'attribuent à une époque bien antérieure.

Les conclusions de leur article sont en réalité fondées sur une interprétation arbitraire du «Statut de Iaroslav», dont les indications sont artificiellement adaptées à une conception donnée. Contrairement à l'opinion de V. Mavrodine et S. Orlov, le «Statut» n'est pas un document intégral, mais il contient des interpolations, ce qu'avaient déjà remarqué M. N. Tikhomirov et A. N. Nassonov. Les auteurs de l'article critiqué appuient leur théorie non sur des données topographiques du XIIe s., mais du XVIIe s., ce qui rend leurs déductions contradictoires, et chaotique le tableau qu'ils brossent. Les arguments qu'ils avancent n'éclairent pas la question. C'est pourquoi conserve toute sa valeur la définition adoptée en historiographie, selon laquelle le «Statut de Iaroslav» est un monument du troisième quart du XIIIe s., qui ne traite nullement des réparations des fortifications, mais bien du revêtement en bois des rues.

---

[14] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, стр. 159, № 102.
[15] *Амвросий*. История российской иерархии. т. 3. М., 1811, стр. 123—213.

Т. И. МАКАРОВА

ПАТРОНАЛЬНЫЕ ЭНКОЛПИОНЫ С ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ЭМАЛЬЮ

В конце прошлого столетия на Киевщине был найден великолепный медный энколпион с перегородчатой эмалью. Обе его половинки были обнаружены случайно в разных местах: одна в 1892 г. в Белой Церкви, другая — пять лет спустя в с. Мотовиловке Васильковского уезда.

На каждой створке энколпиона в пяти медальонах были размещены деисусные композиции, сопровождающиеся славянскими надписями. На лицевой — Деисус с изображением Христа, Богоматери, Иоанна Предтечи и архангелов, на оборотной — тоже Деисус, но необычный: судя по надписям, на ней были помещены святые — покровители Симеона, Елены, Анастасии, Кузьмы и Демьяна. Прекрасное исполнение изображений на кресте в редкой технике перегородчатой эмали, славянские надписи — свидетельство местной работы, сразу же привлекли к нему внимание исследователей. Уже в 1898 г. вышла статья Н. И. Петрова, где он первым высказывает мысль о патрональном характере этого единственного в своем роде, выполненного на заказ древнерусским мастером энколпиона [1]. Необычный состав Деисуса на одной стороне креста он объяснял тем, что мастер изобразил патронов одной семьи с Симеоном во главе. Эта точка зрения прочно вошла в археологическую науку [2] и с небольшими исправлениями она дожила до наших дней. Б. А. Рыбаков, уточнивший неверное чтение Н. И. Петровым имени Кузьмы [3] (Н. И. Петров читал его как Авксентий), тоже видит в изображениях на кресте святых патронов целой семьи: Симеона, его жены Анастасии, дочери Елены и сыновей Кузьмы и Демьяна [4].

Однако несмотря на неоднократные обращения ученых к этому оригинальному произведению древнерусского эмальерного дела, многие вопросы, с ним связанные, представляются не вполне выясненными. Так, мы ничего не знаем о цветовой гамме украшавших его эмалей, так как крест до наших дней не сохранился, а издан был в черно-белой фотографии. Отсутствие аналогичных произведений затрудняет решение вопроса о месте изготовления подобных энколпионов. Наконец, его уникальность оставляет не ясным, был ли такой заказной энколпион явлением единичным в практике древнерусских ювелиров или за ним стоят серии не дошедших до нас шедевров перегородчатой эмали на меди.

Неожиданные обстоятельства пролили новый свет на эти вопросы. Оказалось, что крест Симеона — не единственный, а есть еще два медных энколпиона с перегородчатой эмалью, стилистически, несомненно, ему родственные. Один из них хранится в Музее Ватикана и издан недавно в

---

[1] *Н. И. Петров.* О некоторых змеевиках, энколпионах и образках, найденных в Киевской губернии и вообще на юге России. АИЗ, № 5, 6, 1898.

[2] *Б. И. и В. И. Ханенко.* Древности русские. Кресты и образки. т. I, № 44—45. Киев, 1899.

[3] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 387, 388.

[4] *Б. А. Рыбаков.* Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI вв. и южнорусских княжеств XII—XIII вв. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 290.

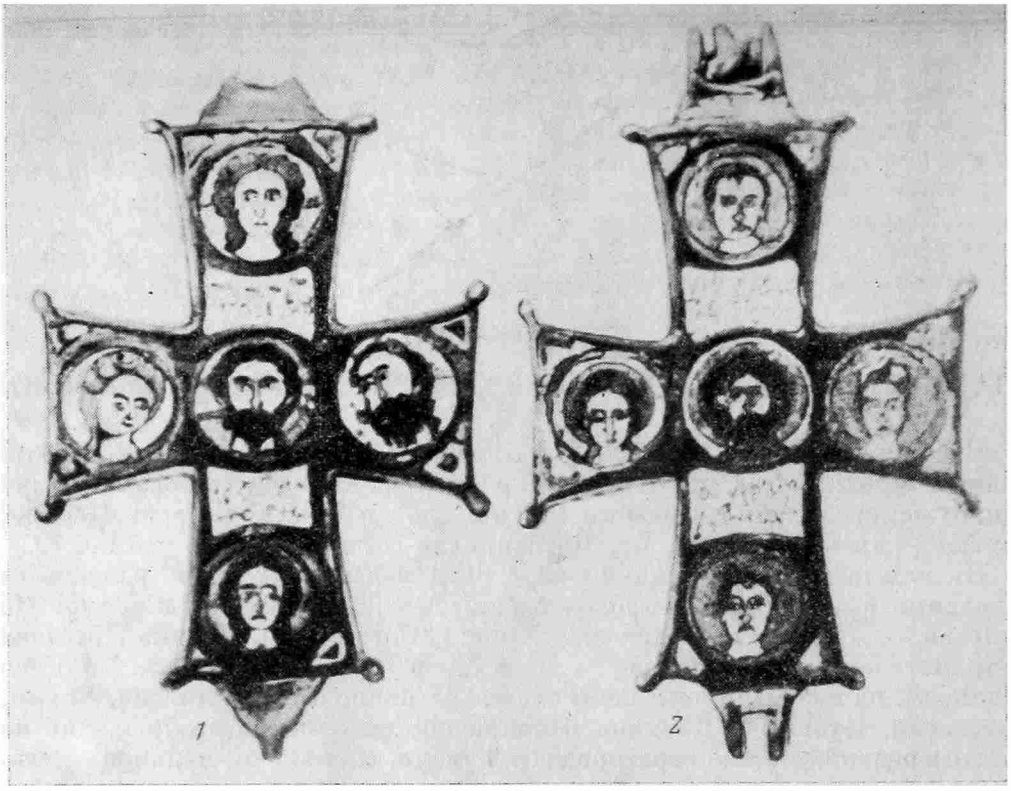


Рис. 1. Крест Симеона: *1* — лицевая сторона; *2* — обратная сторона

черно-белой фотографии Ж. Деером [5]. Обстоятельства, при которых энколпион попал в собрание музея Ватикана, не известны.

Другой находится в настоящее время в фондах отдела Византии Государственного Эрмитажа. В 1910 г. он был куплен крупным знатоком средневекового прикладного искусства Я. И. Смирновым у коллекционера М. Параделова за 380 р. В 1931 г. крест поступил в Эрмитаж [6], но в экспозицию не попал, так как его древность была подвергнута сомнению.

Прежде чем обратиться к подробному описанию этих замечательных произведений, вернемся к характеристике первого из трех энколпионов с перегородчатой эмалью — креста Симеона (рис. 1). Он четырехконечный, с прямыми расширяющимися концами. Его лицевая сторона вверху и внизу снабжена килевидными окончаниями, играющими служебную роль: они прикрывают шарниры, скрепляющие обе половинки энколпиона (рис. 1). Поверхность креста с обеих сторон занята углублениями — лотками, отлитыми для композиции с эмалью. Этот способ образования лотка специфичен для эмалей на меди, поскольку требует большой затраты металла. При работе с драгоценным металлом — золотом углубления для эмали получали не отливкой, а путем оттиска на тонкой пластине. В остальном технология перегородчатой эмали на меди и золоте или серебре одинакова. Она подробно описана в трактате Теофила [7]. Изложим ее вкратце.

В лотке тонкой золотой или медной перегородкой при помощи пинцета выкладывался и укреплялся на мучном клее задуманный рисунок. Ве-

---

[5] *J. Deèr.* Die Heilige Krone Ungarn. Wien, 1966.

[6] Эрмитаж, № вид 910/10, акт № 388, д. № 32, л. 85, 11.VIII.1931 г. Благодарю А. В. Банк за сообщенные сведения.

[7] См. перевод главы «Эмаль», выполненный С. А. Беляевым, в книге Т. И. Макаровой «Перегородчатые эмали древней Руси». М., 1975. Приложение, стр. 128, 129.

роятно, при этом перед глазами мастера был его эскиз, исполненный на воске. На таком эскизе мастер мог придать перегородке нужную форму перед помещением в лоток. Когда рисунок в лотке оказывался полностью выложенным, мастер с большой осторожностью помещал вещь в печь так, чтобы тонкие перегородки укрепились в нем, не расплавившись. Только после этого он заполнял ячейки полученного изображения разноцветными эмалевыми массами, перед этим тщательно проверенными на предмет одновременного плавления в огне. Наконец, изделие помещалось в печь, где подвергалось неоднократному тщательному обжигу, а после этого — полировке. Судя по воспроизведенной у Ханенко фотографии, крест Симеона был выполнен на высоком профессиональном уровне. Небольшие выпадения эмали, вероятно, объясняются недостатками полировки. Этот завершающий этап в изготовлении эмали почему-то вообще плохо удавался древнерусским эмальерам. Между тем полировка — очень важный момент. Теофил подробно описывает его многочисленные этапы и, как видно, не случайно. Качественная полировка делала эмаль блестящей и предохраняла от внешних воздействий и разрушения.

Композиция на лицевой стороне креста Симеона состоит из четырех круглых медальонов на его концах, одного в середине, треугольников по углам и двух прямоугольных углублений, расположенных над центральным медальоном и под ним. В центральном медальоне изображена голова Христа с крестчатым нимбом, по бокам — склоненные к нему головы Богоматери и Иоанна Предтечи в деисусном повороте. В верхнем и нижнем медальонах помещены женственные головки архангелов с длинными кудрями и завязками диадемы по бокам — деталью, всегда сопутствующей их изображениям. Всем этим персонажам классического Деисуса соответствуют надписи: в верхнем прямоугольнике над центральным медальоном помещены монограммы Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи, в нижнем — архангелов Михаила и Гавриила. Буквы надписей выложены тонкой перегородкой на дне лотка, заполненного после этого белой эмалью. Подобный инкрустационный стиль надписей типичен для византийских эмалей и до нас дошло немало примеров первоклассной «эмалевой эпиграфики» на произведениях греческих и грузинских мастеров. Русские мастера-эмальеры употребляли этот способ крайне редко, предпочитая продавливать специальные углубления букв на золотой пластине, заполнявшиеся затем красной или синей эмалью. Вероятно, в данном случае такой способ выкладывания надписей объясняется материалом: отливать углубления для довольно длинной надписи на небольшом пространстве трудно.

Самые интересные изображения, снискавшие энколпиону широкую известность, расположены на оборотной его стороне. Как уже говорилось, здесь в аналогичной композиции из пяти медальонов, вместо легко узнаваемых персонажей Деисуса художник поместил живые портреты двух молодых людей вверху и внизу, двух женщин на боковых ветвях и бородатого мужчину в средокрестьи.

Надписи, исполненные в той же инкрустационной манере, располагаются в двух прямоугольных отсеках. В верхнем читаются имена Анастасии, Елены и Симеона, в нижнем — Кузьмы и Демьяна.

По количеству оттенков от белого до черного, хорошо различаемых на фотографии, в состав цветовой гаммы креста Симеона входило не менее пяти цветов, включая телесный.

Крест из музея Ватикана совершенно идентичен кресту Симеона по форме (рис. 2). Концы его заметно расширяются, углы снабжены каплевидными отростками, вертикальный ствол лицевой стороны имеет килевидные окончания. Обе стороны креста заняты, как и крест Симеона, изображениями святых в пяти круглых медальонах. Верхний и нижний медальоны отделены от центрального прямоугольными отсеками. По углам креста размещены треугольники с кое-где видными городками.

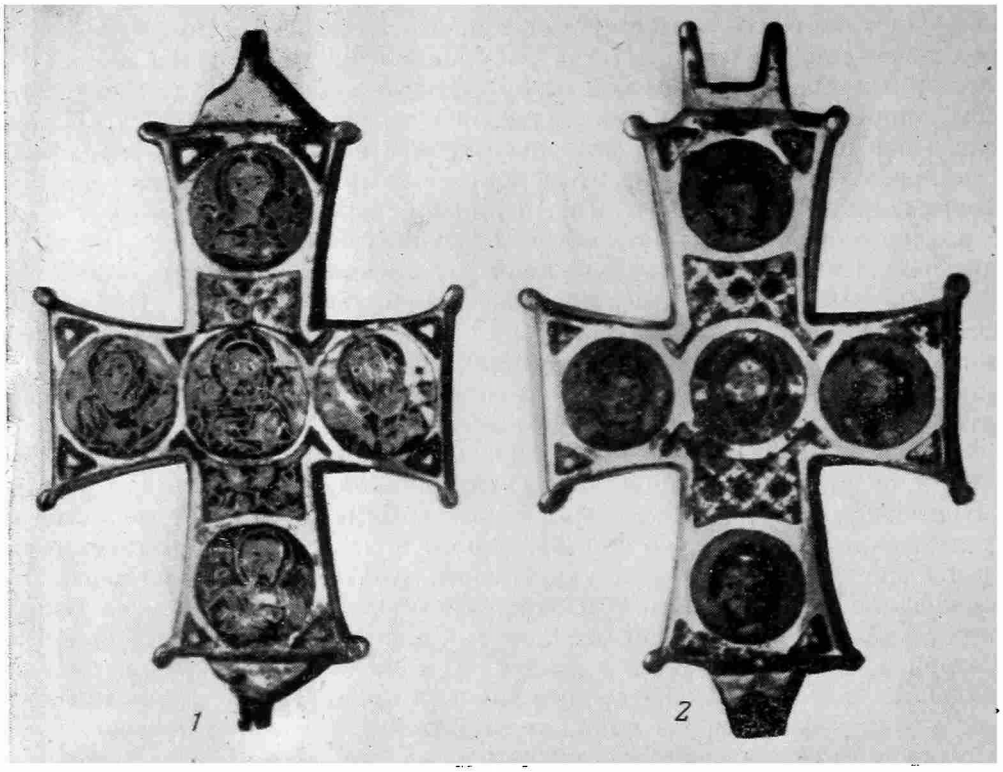


Рис. 2. Крест из Ватикана: *1* — лицевая сторона; *2* — обратная сторона

Что касается композиции самих изображений, то только обратная сторона [8] креста из Ватикана повторяет изображения креста Симеона. На ней мы видим деисусную композицию в том же составе: в центре — голова Христа с крестчатым нимбом, по сторонам — Богоматерь в накинутом на голову мафории и Иоанн Предтеча. В верхнем и нижнем медальонах изображены головы архангелов с диадемой в кудрях. От нее видна белая точка драгоценного камня в очелье и завязки по бокам. Единственным различием здесь оказывается своеобразная форма подпрямоугольных фигур с крючковидными отростками, занятых вместо надписей орнаментом из городчатых ромбов, цветных на белом фоне.

Лицевая сторона креста из Ватикана решена по-другому уже потому, что изображения на ней даны погрудно. В центральном и боковых медальонах повторены основные фигуры Деисуса — Христос Вседержитель с Евангелием и благословляющим жестом правой руки, Богоматерь и Иоанн Предтеча с воздетыми руками в полуобороте к Христу. Над медальоном с Христом и под ним помещены отсеки с крючковидными отростками. В них на фоне белой эмали размещены символы древа жизни: в центре — в растительном варианте, по бокам и сверху его окаймляют те же древа геометрических очертаний.

Судя по разной насыщенности серого цвета на черно-белой фотографии, в расвцетке этих вставок участвуют не менее трех тонов. Нижний медальон занят погрудной фигурой апостола, держащего Евангелие, с прямыми волосами, впалыми щеками удлиненного лица, бачками и бородой. Верно соблюденный иконографический тип и надпись говорит о том, что это апостол Павел. Более необычна для Деисуса фигура, помещенная в верхнем медальоне. Иконографически это — архангел. Об этом говорит диадема в волнистых волосах и зерцало, показанное как круг с крестом. Но, судя

[8] Здесь, как на всех остальных крестах, лицевой считаю створку с килевидными выступами, прикрывающими шарниры.

по надписи, это не обычная для Деисуса фигура архангела Гавриила или Михаила, а Рафаил. Три буквы его имени читаются четко.

Сочетание на кресте двух изображений — апостола Павла и архангела Рафаила может быть объяснено только спецификой заказа. Вероятно, архангел Рафаил появился здесь как покровитель странствующих и путешествующих, а апостол Павел — как пáтрон заказчика, какого-то неизвестного нам Павла. Может быть, крест, оказавшийся в Италии, косвенно свидетельствует о дальних путешествиях своего владельца.

Итак, оба креста — крест Симеона и крест из Ватикана оказываются, очевидно, выполненными по индивидуальным заказам. Несомненна и их стилистическая близость: по форме и устройству они идентичны, а некоторые композиционные их различия продиктованы требованиями заказчиков.

Однако несмотря на общее типологическое родство, мы видим в этих крестах весьма существенные различия, прежде всего в особенностях манеры исполнения, сказывающейся в специфике некоторых ремесленных приемов. Рассмотрим манеру выкладывания перегородками рисунка каждого из них. Мастер — исполнитель креста Симеона отличается твердой рукой. Перегородки, образующие рисунок, всегда замкнуты, они умело передают правильные крупные лица с широкими черными бровями, длинными прямыми носами, крупными глазами с черными зрачками. Рот почти у всех персонажей большой, с опущенными уголками. Волосы у всех показаны по-разному: кудрявые локоны у архангелов, волнистые — у Христа, гладкие с прядями на лбу у молодых людей — Кузьмы и Демьяна. Мастер одинаково умело передает лица en face и в полуобороте, смотрящими прямо или в сторону. Он уверенно, одной длинной перегородкой рисует овал лица с петельками ушей, незаметно соединяя концы перегородки на месте пробора, нос и двойную линию бровей, контур волос. Довольно удачно справляется он и с надписями, выкладывая короткой перегородкой отдельные буквы слов.

Спокойный, уверенный рисунок мастера креста Симеона объясняется тем, что он отлично владеет длинной перегородкой. Именно длинная перегородка образует основной рисунок, а малое число соединений концов перегородки обуславливает его плавность и непрерывность.

Исполнитель креста из Ватикана, наоборот, предпочитает короткую перегородку. Основной трудностью при этом оказывается необходимость частого соединения ее концов. Поэтому он оставляет перегородку незамкнутой, как бы повисающей в толще эмали. Концы ее, если и замыкаются, то небрежно, заходя друг за друга. Этим объясняются и некоторые особенности в передаче лиц, свойственные мастеру. Они хорошо заметны на обратной стороне энколпиона: короткая перегородка образует вытянутый овал лица, рот показан невыразительной, смещенной вбок, небольшой полоской, глаза — простыми кружками (рис. 2, *2*).

В изображении одежд мастер прибегает к приемам, разработанным еще греческими эмальерами. Для передачи складок он выкладывает перегородку то углом, то ячейкой, то зигзагом. Расположение этих фигур хаотично и трудно сказать, к какой из двух манер, применявшихся древнерусскими ювелирами для передачи одежд — геометрической, характерной для киевской школы, или свободной, характерной для новгородской школы, был ближе создатель креста. Однако надо подчеркнуть, что по набору приемов, специфических для каждой из этих школ, он явно ближе к киевской [9].

Как мы видим, индивидуальная манера рисунка перегородкой у этих двух мастеров кроется в своеобразии их ремесленных приемов. Убедившись в этом, мы может утверждать, что оба креста, столь близ-

---

[9] *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 97.

кие по форме, устройству и общей композиции, исполнены двумя разными мастерами.

Третий энколпион по размеру почти совпадает с крестом из Ватикана, форма его та же, но концы расширяются заметно меньше (рис. 3, смотрите вклейку к стр. 105). Претерпели изменение и килевидные окончания центрального ствола лицевой стороны. Если на двух предыдущих крестах они играли служебную роль, прикрывая шарниры, то здесь они органично включены в орнаментальную схему самого креста, что подчеркнуто их орнаментацией, продолжающей композиционную схему креста. Орнаментированы здесь и каплевидные выступы, в которых отлиты каплевидные или круглые углубления для эмали, с помещенными в них кружками перегородок.

Лицевая сторона креста занята деисусной композицией, расположенной в пяти круглых медальонах (рис. 3, *1*). Однако подбор персонажей Деисуса необычен: по сторонам Христа даны головы архангелов, а не обязательные для подобной композиции Богоматерь и Иоанн Предтеча. В верхнем и нижнем медальонах помещены мужские головы: вверху с седыми кудрями и бородой, внизу — с гладкими волосами и залысинами на висках. Смысл этих изображений раскрывают инкрустационные надписи, помещенные, как и на кресте Симеона, в прямоугольных отсеках на фоне белой эмали. Сохранились они плохо из-за выпадания слоя эмали, но все же буквы ПТР (Петр) читаются ясно, а от имени Павел сохранились только две буквы — П и Е.

Итак, на лицевой стороне креста из Эрмитажа изображены четыре фигуры Деисуса — Христа, архангелов и апостолов Петра и Павла. Помимо этого, лицевая сторона креста богато орнаментирована. Килевидные концы заняты фигурами расплывчатых очертаний. Под нижним медальоном с апостолом Павлом размещена скобка с городками, а по сторонам центрального медальона — две трапеции с двумя древами, поставленными вершинами друг к другу. Помимо этого, в углах креста размещены треугольники с примитивными городками. Оригинально решена композиция обратной стороны креста из Эрмитажа. Центральный его ствол занят фигурой безбородого святого в рост, в синем гиматии, зеленом хитоне, со свитком в правой руке. Над ним размещена трапеция с городками и крин в круглом медальоне над ней. Под ней, внизу, размещено древо, в углах — треугольники, в каплевидных выступах на концах — углубления для эмали.

Боковые ветви заняты круглыми медальонами, в которых на белом фоне эмали помещаются буквы, образующие два слова ИА (ГИ) ОС ФОМАС. Перед нами изображение апостола Фомы, иконографически совершенно верное: это молодой святой, без усов и бороды, с прядью волос на лбу, со свитком в левой руке и благословляющим жестом правой [10]. Редкое изображение апостола Фомы говорит о патрональном характере и этого креста.

Остановимся на особенностях его исполнения. Изображение отличается большим мастерством и тщательностью. Умело выполнены лица персонажей Деисуса: одной длинной перегородкой мастер выкладывает нос и двойную линию бровей или глаз и зрачок, смотрящий то вбок, то прямо, или овал лица с петельками ушей. Четко и красиво он рисует одной волнообразно положенной перегородкой контур волос или бороды. В его рисунке нет примитивизма, заметного в изображениях погрудных фигур на лицевой стороне креста из Ватикана.

На обратной стороне креста правильно дана слегка укороченная фигура Фомы (рис. 3, *2*). Складки его одежды переданы беспорядочно разбросанными перегородками, образующими, как и на кресте из Ватикана,

[10] Аналогичное изображение апостола Фомы на византийских эмалях см. собрание М. П. Боткина. СПб., 1911, табл. 76.

углы, ячейки, крючки. Иногда мастер кончает отдельные отрезки перегородки замкнутым кружком. Таким образом, он рисует глаз и линию бровей одной линией, кончающейся кружком. Этот же прием прослеживается и при выкладывании букв на трапециевидных фигурах лицевой стороны. Этот своеобразный прием надо отнести к числу индивидуальных. К числу особенностей почерка мастера этого креста надо отнести некоторую боязнь пустоты, сказывающуюся и в перегруженности креста орнаментальными мотивами, и в тесноте, с которой он разместил головы святых, буквально упирающиеся в края медальонов.

Эмаль креста из Эрмитажа хорошо сохранилась. Частичные ее утраты не мешают суждению о цветовой гамме в целом. Она построена на сочетании четырех основных тонов: красного, синего, зеленого и белого (голубоватого). Их дополняет черный цвет волос и желтоватый телесный цвет.

Итак, мы охарактеризовали все три креста-энколпиона с перегородчатой эмалью, рассмотрев черты их сходства и различия.

Отмечая сходство, мы обращали внимание на их форму, устройство, общую композицию, отдельные элементы декора, назначения (заказные изделия). Ясно, что в данном случае мы касались типологических, стилевых характеристик изделий.

Исследуя различия между крестами, мы выделяли мелкие детали: фиксировали длину перегородок, которыми выкладывается определенный элемент рисунка, прослеживали, как смыкаются концы перегородок, какими приемами пользовался мастер, рисуя глаза, нос, рот и т. п. В этом случае мы пытались выявить индивидуальные особенности почерка мастера. Выясняя, что отражают эти признаки, не лишне обратиться к дисциплинам, разрабатывающим сходные проблемы на ином материале.

Так, палеографы, исследуя древнерусские рукописи, ставят те же вопросы, что и археологи: определение книг, написанных и иллюстрированных одним писцом, выявление мастерских — скрипториев, их географического размещения и времени деятельности. Палеографы успешно разрабатывают общие принципы идентификации почерков старинных книг, различая размер букв, толщину составляющих их линий, соотношение между размером столбцов текста и полей листа [11].

Несмотря на трудности, диктуемые самим характером письма,— уставом, где строго регламентировано написание каждой буквы, палеографы успешно проводят сличение почерков, выявляя отдельных мастеров. Помимо сличения вариантов начертания отдельных букв палеографы принимают в расчет и профессиональные навыки каждого писца, «механизмы» его письма, проявляющиеся в начертаниях разделительных знаков, написании титл и т. п. [12] Кроме этого, палеограф исследует внешние, кодикологические признаки рукописи, сказывающиеся в одинаковом формате и площади, занимаемой на странице текстом, в однотипной разлиновке и сшивке тетрадей.

Для археолога, исследующего древние ювелирные произведения, кодикологические признаки рукописи можно сравнить с формой, устройством и общей композицией вещи. Сличение же почерков и «механизмов» письма естественно сравнить с выявлением индивидуальной манеры мастера. И если для палеографа кодикологический анализ рукописных книг может обнаружить существование рукописных мастерских, то для археолога сумма внешних стилистических признаков, общих у ряда изделий, тоже может сигнализировать о деятельности отдельной мастерской. Потому что за этой суммой признаков стоит традиция, т. е. естественное для всякого ремесла стремление сохранять на протяжении определенного вре-

---

[11] *Н. Н. Розов.* Об идентификации почерков старейших русских книг (XI—XII вв.) Сб. «Древнерусское искусство». М., 1974, стр. 14—18.

[12] *Л. П. Жуковская.* Экслиттеральные способы определения разных почерков. Сб. «Древнерусское искусство». М., 1974, стр. 28—37.

мени раз найденную технологию изготовления вещи, обуславливающую в конечном счете ее стилистические особенности.

Для палеографа сочетание кодикологических признаков с разнообразием почерков говорит о происхождении книг из одной мастерской, в которой объединяются различные писцы. Для археолога сочетание стилистических признаков с индивидуальными приемами может говорить о происхождении вещей из одной мастерской, в которой работают разные мастера, одновременно или последовательно сменяя друг друга на протяжении определенного отрезка времени. Представляется, что при исследовании трех патрональных энколпионов мы можем прийти к подобному заключению. Различия манеры исполнения каждого из них позволяют предполагать, что их выполнили три мастера со своим индивидуальным «почерком»; стилистическая общность энколпионов, сделанных разными мастерами, может быть объяснена наличием некой «профессиональной наследственности», традиции, возможной, очевидно, в рамках одной мастерской.

Следующие вопросы, которые можно поставить, исходя из всего вышесказанного, касаются места и времени сложения этой мастерской. Говоря о стилистической близости трех эмалевых энколпионов, мы сравнивали их друг с другом, оставляя в стороне всю массу дошедших до нас произведений древнерусского эмальерного дела.

Рассмотрим их теперь на фоне древнерусских произведений с перегородчатой эмалью.

На Руси перегородчатые эмали, как и на их родине — в Византии, изготовляли и на золоте, и на меди. Драгоценность изделий при этом обуславливалась не материалом, а мастерством исполнения. До нас дошел ряд произведений, сделанных на меди и относящихся тем не менее к всемирно известным шедеврам перегородчатой эмали. Назовем для примера хранящуюся в Эрмитаже икону XIII в. с изображением Федора Дракоборца греческой работы [13] или знаменитое блюдо из Инсбурка, сделанное, судя по надписи, для халифа Ортокида Сикмана ибн-Дауда, правившего между 1114 и 1144 гг. [14]

Эмальерное дело Руси тоже оставило несколько первоклассных произведений на меди, среди которых на первое место надо поставить иконку со святым Ипатием новгородского происхождения [15], возможно, тоже патрональную. К изделиям довольно высокого класса относятся и медные энколпионы с геометрическо-растительной орнаментацией: это уже известные по литературе энколпионы Исторического музея [16], к которым надо прибавить крест из собраний П. Корина [17] и Русского музея [18]. Однако помимо иконки с Ипатием к шедеврам эмальерного дела на меди можно отнести еще только три исследуемых нами патрональных энколпиона.

Остальные медные произведения эмальерного дела Руси относятся к массовым дешевым изделиям рядовых городских мастерских. И формой, и орнаментацией они пытаются подражать княжеским и боярским золотым уборам, часто без должного понимания сюжета и орнаментации. Примером могут служить медные позолоченные колты из коллекции М. П. Бот-

---

[13] *А. В. Банк.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.— М., 1966, № 190.

[14] Treasures of Turkey, SKIRA, 1966, p. 144.

[15] *Н. В. Покровский.* Древняя ризница Софийского новгородского собора. Тр. XV АС, т. X. М., 1914, стр. 82—83, табл. X, *1*; *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 93, 127; № 156 (с библиографией).

[16] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 386; *Т. И. Макарова.* Ук. соч., № 148, 150, 151.

[17] *В. И. Антонова.* Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966, стр. 146, рис. 144, 145.

[18] *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 92, 125; № 146.

кина, хранящиеся в Русском музее [19] и колт из Исторического музея [20]. На них представлена женская фигура в мафории, но без нимба, с поднятой правой рукой и книгой вместо левой руки. В этой иконографической бессмыслице мастер объединил черты Богоматери (мафорий) и апостолов или Христа (благославляющий жест правой руки и Евангелие). Формой своих изделий мастер подражал золотым колтам с жемчужной обнизью с изображением святых, обычно — Дмитрия и Георгия или реже Христа [21].

Эти и подобные им изделия ничего общего не имеют с тремя разобранными нами патрональными энколпионами. Больше всего общих черт наши энколпионы обнаруживают с перегородчатыми эмалями на золоте. Именно с ними все три энколпиона легко становятся по орнаментальному строю в одну стилистическую группу. Можно с уверенностью сказать, что в орнаментации крестов нет ни одного элемента, которому мы не нашли бы аналогий на произведениях с перегородчатой эмалью на золоте.

Прежде чем рассмотреть эти элементы, напомним, что орнаментация, применявшаяся на вещах с перегородчатой эмалью, представляет собой целую систему, в которой четко прослеживается развитие определенных элементов от простого к сложному [22].

Ее основные элементы в растительном варианте — трехлепестковый цветок — крин, в геометрическом — ступенчатые фигуры — городки, восходящие к простому кресту. Первый кроме кринов в розетке образует развившийся из него мотив древа и композиции с ним в геометрических или волютообразных фигурах, второй — различные комбинации городков, заключенные в треугольники или более сложные геометрические фигуры.

Разберем эти элементы последовательно на всех трех крестах, сравнивая их с близкими им мотивами на золотых произведениях с перегородчатой эмалью (рис. 4). Начнем с крина. На кресте из Эрмитажа в круглой розетке над святым Фомой изображен крин, образованный ветвями, одни из которых загибаются вверх, другие отходят вниз. Внутри помещен трехлепестковый маленький крин.

Среди всей массы дошедших до нас древнерусских золотых произведений с перегородчатой эмалью только два оказываются украшенными такой формой крина. Это диадема с Деисусом из киевского клада 1889 г. в усадьбе Гребенковского и диадема со сценой вознесения Александра Македонского из клада 1900 г. в Сахновке [23]. На боковых звеньях первой из них в крине четко видны отгибающиеся вниз ветви, а внутренний маленький крин заменяет капля, поднятая вверх в пространство между верхними ветвями. Крин заключен в круглую розетку. На диадеме с Александром Македонским он вырывается из нее, так как разросшиеся ветви уже не создают легко замыкаемой в круг композиции.

Эти две аналогии знаменуют конечные звенья развития сюжета. Укажем еще две, которые можно рассматривать как его начальные звенья,— это крин на цепях-ряснах из клада 40 годов XIX в. в Киеве, в усадьбе Анненкова [24], и крин на серебряной бляшке с эмалью из Любеча [25]. Первый будет понятен, если представим графически его исходную форму — крин, изображенный почти на всех золотых колтах с перегородчатой эмалью с изображением сиринов. Разорванный пополам он дает фигуру, изображенную на ряснах Анненковского клада (рис. 4). Крин на любечес

---

[19] Собрание М. П. Боткина. СПб., 1911, табл. 28.

[20] *С. Н. Матвеев.* Медный колт Гос. Исторического музея. ТСА РАНИОН, 1929, т. II, табл. VII, 19—20; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 386.

[21] *Т. И. Макарова.* Перегородчатые эмали древней Руси, стр. 88; табл. 27, *12*, *13*.

[22] Там же, стр. 18.

[23] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады. М.— Л., 1954, клад № 99, стр. 118; клад № 127, стр. 131.

[24] Там же, стр. 105—108, клад № 65; *Б. А. Рыбаков.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. М., 1970, стр. 35, рис. 34.

[25] *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 53, 109; № 70.

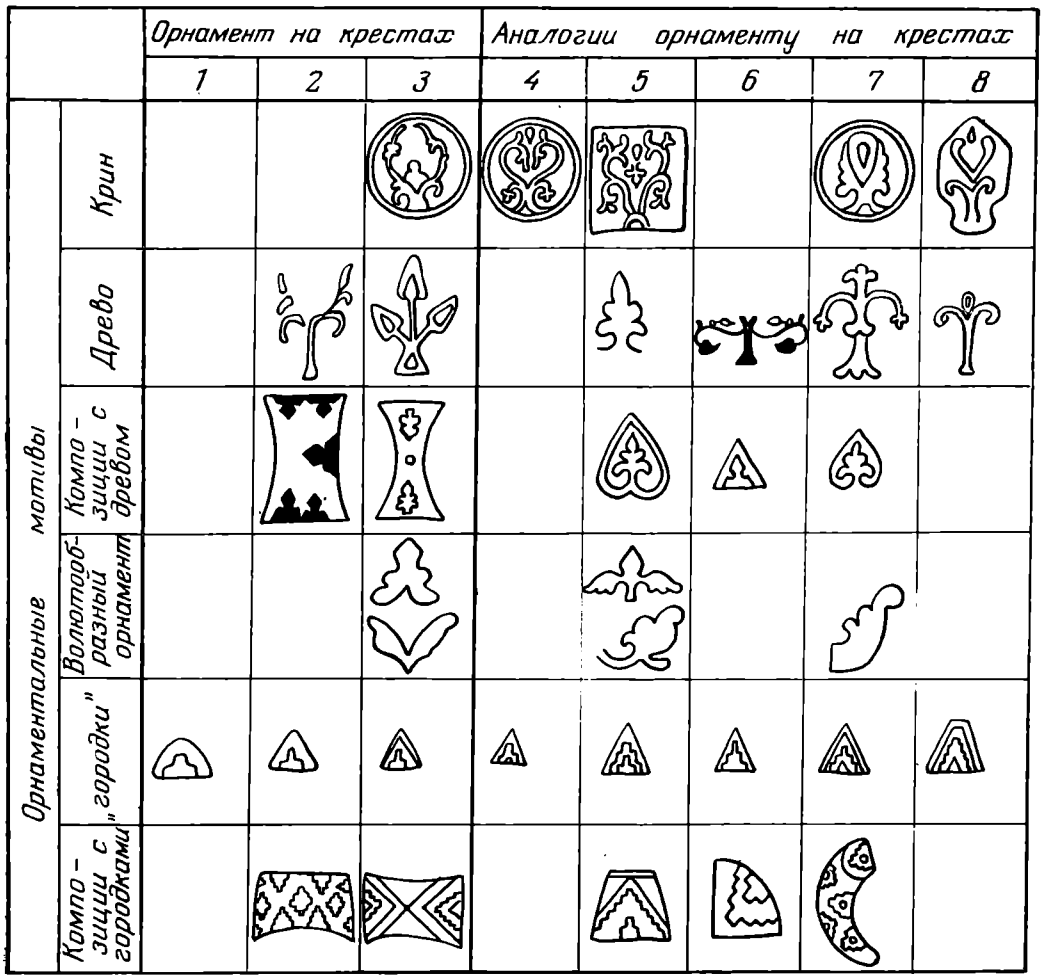


Рис. 4. Основные орнаментальные мотивы на патрональных крестах и на золотых произведениях древнерусских мастеров с перегородчатой эмалью: *1* — крест Симеона; *2* — крест из Ватикана; *3* — крест из Эрмитажа; *4* — диадема с Деисусом из клада 1889 г. в Киеве; *5* — диадема с Александром Македонским из клада 1900 г. в Сахновке; *6* — крест Ефросинии Полоцкой; *7* — колты и рясны из кладов 40-х годов XIX в. в Киеве, 1900 г. в Сахновке, 1938 г. в Мирополе, 1887 г. в Чернигове; *8* — нашивные бляшки из раскопок в Любече, из клада 1868 г. в Старой Рязани

ской бляшке дает упрощенную реплику этого сюжета на менее дорогих вещах. Все эти изображения крина образуют эволюционный ряд, в котором розетка креста из Эрмитажа занимает свое определенное место. Произведенный от крина мотив древа представлен на кресте Эрмитажа фигурой с тремя заканчивающимися копьевидно ветвями.

На кресте из Ватикана дан менее геометризованный побег из двух свободно расходящихся ветвей. Единственные сравнительно близкие аналогии им находим на кресте Ефросинии Полоцкой [26] на ряснах из клада 1900 г. из Сахновки и на нашивных крестовидных бляшках из клада 1868 г. в Старой Рязани [27]. Сходство их обусловлено наличием двух или трех ветвей, образующих свободный, незамкнутый в какую-либо геометрическую фигуру рисунок.

Дважды, на крестах из Эрмитажа и Ватикана, мы встречаем древовидные мотивы, заключенные в геометрические фигуры. Особенно интересно геометризованное древо креста из Ватикана. Полную аналогию этому мотиву, словно сошедшему с древней вышивки, в перегородчатых эмалях мы

[26] *Л. В. Алексеев.* Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 3, 1957.
[27] *Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч. клад № 127, стр. 131; клад № 163, стр. 144.

встретим только один раз — на кресте Ефросинии Полоцкой. Деревца в трапециевидных фигурах креста из Эрмитажа, напротив, обычны для вещей с эмалью, но помещаются они чаще всего в сердцевидные фигуры.

Наконец, к растительной орнаментации относятся различного рисунка волютообразные фигуры, обычно дополненные свободными изгибами ветвей. На кресте из Эрмитажа внутреннее заполнение подобных фигур неясно из-за выпавшей эмали, но по контурам своим они напоминают пышные мотивы диадемы с Александром Македонским и знаменитых колтов с женскими головками из киевского клада 1876 г. в усадьбе Лескова [28].

Растительный вариант орнаментации крестов исчерпан перечисленными мотивами. Она логично вписывается в орнаментальный строй произведений с перегородчатой эмалью на золоте. То же можно сказать о геометрическом варианте этой орнаментации. Самый распространенный ее мотив — городки в треугольнике является постоянным спутником почти всех вещей с эмалями. Более сложные композиции, подобные тем, которые заключены в трапециевидные фигуры крестов из Эрмитажа и Ватикана, мы находим на диадеме с Александром Македонским, на кресте Ефросинии Полоцкой и на колтах из черниговского клада 1887 г. [29].

Более всего аналогий, примененным в орнаментации энколпионов мотивам, дали три шедевра древнерусского эмальерного дела: две золотые диадемы, в принадлежности которых к княжескому парадному убору трудно сомневаться, и крест, сделанный по заказу полоцкой княжны Ефросинии. Все эти произведения изготовлены в середине XII в. Диадема с Александром Македонским найдена в кладе с монетой Мануила Комнина, царствовавшего между 1143 и 1180 гг., серединой XII в. можно датировать диадему с Деисусом по эпиграфическим данным; время изготовления креста Ефросинии точно известно из-за надписи, в которой указано, что в 1161 г. он был уже вложен в монастырь княжны в церковь святого Спаса.

Не меняют этой даты и аналогии орнаментальным мотивам крестов-энколпионов, содержащиеся на золотых колотах и ряснах из кладов, зарытых не ранее второй половины XI в. [30] При этом надо отметить, что ни разу этих аналогий нам не дала самая ранняя группа колтов с сиринами, относящимися к началу производства перегородчатых эмалей на Руси [31].

Наконец, аналогии на нашивных бляшках с эмалью из Любеча и Рязани дают верхнюю дату возможного их производства — 30-е годы XIII в. Нижней датой изготовления трех патрональных крестов с эмалью можно считать вторую половину XII в. Это было время расцвета производства перегородчатых эмалей на Руси и время утверждения во всех сферах древнерусского искусства деисусной композиции, украшающей все три креста-энколпиона.

Вывод из всего сказанного выше можно сформулировать кратко: патрональные энколпионы были изготовлены не ранее второй половины XII в. в одной из эмальерных мастерских Киева. Попробуем конкретизировать этот вывод, даже если при этом мы вступили в область гипотез. При всем разнообразии перегородчатых эмалей на золоте из киевских кладов их объединяет одна общая черта: все они относятся к парадному княжескому и боярскому убору. По аналогии с родиной перегородчатых эмалей — Византией мы можем предположить их изготовление в княжеских золотых дел мастерских [32].

---

[28] Там же, клад № 80, стр. 111.

[29] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады, клад № 249, стр. 137.

[30] Там же, стр. 68, 69.

[31] *Б. А. Рыбаков.* Київські колты і віли-русалки. Слав'яно-руські старожитності. Київ, 1969, стор. 92—103.

[32] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 491, 492. Конкретные сведения о великокняжеских и царских мастерских сохранились на Руси для XV—XVII вв.; *М. М. Постникова-Лосева.* Русское ювелирное искусство; его центры и мастера. М., 1974, стр. 194—195.

Где были сделаны медные энколпионы с перегородчатой эмалью, если возможность их изготовления в городских ювелирных мастерских исключена? Сама специфика исследуемых произведений, являвшихся предметами не светского, а религиозного назначения, заставляет вспомнить монастырские мастерские. В таких мастерских, возникавших при монастырях и отдельных соборах, могли изготовлять, по мнению Б. А. Рыбакова, иконы, литые энколпионы, кресты, каменные и костяные иконки [33]. В Новгороде такая мастерская действовала при Софийском соборе до конца XVII в. По мнению исследователей, ее возникновение восходит к XII в. [34]

По документальным данным с XI до середины XIII в. на Руси функционировало 143 монастыря. Это были важные центры просвещения и образованности, в которых специальным уставом предписывалось иметь библиотеки со строгим порядком выдачи книг и специальным человеком для их хранения [35]. В монастырях действовали скриптории для переписки книг, тут же их иллюстрировали и переплетали. Монастырские ремесленные мастерские должны были включать иконописцев, золотых и серебряных дел мастеров, готовых и починить церковные сосуды, и изготовить новые, и украсить оклады церковных книг.

Любопытные сведения об одной такой мастерской содержатся в Патерике Киево-Печерского монастыря [36]. Мастер Олимпий, одновременно иконописец и ювелир, работает с двумя подмастерьями. В эпизоде, рассказанном в Патерике, киевский богач заказывает Олимпию через его подмастерьев иконы. В разыгравшемся конфликте его помощники были наказаны за попытку тайно выполнить заказ, предназначавшийся мастеру Олимпию. Мастер и подмастерья со своими сложными взаимоотношениями, работы по специальным заказам богатых людей, широкий профиль специальностей — это картина рисуется очень живо и достоверно.

Может быть именно в такой мастерской и был исполнен по заказу полоцкой княжны знаменитый крест Лазаря Богши? Вспомним, что этот крест был тоже патрональным: на нем были представлены святые — покровители заказчицы — Ефросинии Полоцкой и ее родителей — Георгия и Софии. И так же, как на наших энколпионах, художник изобразил на ветвях креста деисусную композицию.

Интересно, что помимо общестилевых у креста Ефросинии с медными энколпионами есть два только им присущих признака, о которых мы уже говорили: оригинальный мотив геометризованного древа, похожий на мотив русских вышивок, и инкрустационная манера надписей.

Последний вопрос, на котором необходимо остановиться, касается возможных заказчиков медных энколпионов. Ношение крестов и вера в их способность охранять владельца как оберег были широко распространены во всех слоях населения Руси. Очень характерен летописный панегирик кресту, помещенный под 1068 г.: «...велика есть сила крестная: крестомь бо побежени бывают силы бъсовськыя, крестъ бо княземь в бранех пособить... крестъ бо вскоръ избавляеть от напастий призывающим его с върою...» [37].

Отдельные упоминания о драгоценных крестах попали в летопись. Так, во время убийства Игоря Ольговича в Киеве (в 1147 г.) с Михаила, тысяцкого Владимира, сорвали крест с цепью, «а в нем гривна золота» [38]. Описывая начало княжения Ростислава в Киеве (1154 г.), летописец рассказывает, как он роздал «именье» отца своего Вячеслава: «порты и золото, и се-

---

[33] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 499, 500.
[34] *Г. Н. Бочаров.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, стр. 56.
[35] *Б. В. Сапунов.* О почитании книжном. Русская речь, 3. М., 1974, стр. 122.
[36] *Д. А. Абрамович.* Киево-Печерский патерик. Киев, 1930, стр. 173; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 500.
[37] ПВЛ, стр. 115.
[38] Ипатьевская летопись. М., 1962, стр. 353.

ребро» по монастырям и по церквам, «а себе ни прия ничто толико крест честный взя на благословление собе...» [39].

У В. Н. Татищева находим любопытный вариант последней фразы: «а себе ничего не взял, токмо един крест златы, от грек принесенный» [40]. Очевидно, последнее обстоятельство было особенно важным для характеристики драгоценного креста. Вероятно, особую ценность и нашим крестам придавала сложнейшая, «от грек» принесенная техника перегородчатой эмали, в самом названии своем «финипт», сохраненном в летописном тексте XII в., восходящая к греческому ее наименованию [41].

Энколпионы, несмотря на дешевизну материала, ценились, вероятно, весьма дорого. Заказчиками их могли быть люди богатые и знатные — князья, члены их семей и их «лучшие мужи» — бояре.

T. I. Makarova

ENKOLPIONS DE SAINTS PATRONS EN EMAUX CLOISONNES

Résumé

Cet article est consacré à trois rares chefs d'oeuvre du vieil art russe de l'émail, faits dans un des ateliers de Kiev dans la seconde moitié du XIIe siècle.

Par le style, ces ouvrages ressemblent aux ornements avec émaux cloisonnés sur or, exécutés dans les ateliers princiers à Kiev, et qui faisaient partie des ornements de cérémonie des princes et des boyards. Mais les croix étudiées dans l'article se rapprochent davantage par leur destination (faites sur commande à l'image du saint patron) et par certains détails d'exécution d'un autre groupe d'ouvrages avec émaux qui n'étaient pas de simples ornements, mais des objets du culte. Dans son article, l'auteur avance l'hypothèse que ces croix n'ont pas été faites dans les ateliers princiers, mais par les artisans d'un monastère de Kiev.

---

[39] Там же, стр. 473.
[40] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. III. М.— Л., 1963, стр. 49.
[41] *Г. Филимонов.* Оклад Мстиславова Евангелия. М., 1861, стр. 15.

Публикации

М. Н. КЛАПЧУК

ПОЗДНЕАШЕЛЬСКОЕ МЕСТОНАХОЖЕНИЕ ЖАМАН-АЙБАТ 4 В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

В числе полутора десятка палеолитических памятников, открытых автором в 1962—1968 гг. на территории Центрального Казахстана [1], наиболее интересными являются местонахождения Обалысан I и Жаман-Айбат 4. О последнем местонахождении напечатано лишь предварительное сообщение по итогам полевых работ 1964 г.[2]; в данной статье автор приводит результаты своих исследований в 1964—1968 гг.

Местонахождение Жаман-Айбат 4 расположено в 150 *км* к ЮЮВ от г. Джезказгана Карагандинской области (рис. 1), на южном склоне хребта Жаман-Айбат, расположенного между глинисто-щебнистой пустыней с многочисленными такырами и останцами покровной толщи на востоке, и песками Табылгы, Жетыконур, Саменькум и Моинкум на севере, западе и юге. Песчаные массивы к северу и югу от хребта состоят из закрепленных песчаных валов, ориентированных перпендикулярно северо-восточному направлению господствующих ветров. Эти массивы образовались в верхнем плиоцене — нижнем плейстоцене за счет перемыва и перевевания песчано-гравийных отложений миоцен-нижнеплейстоценового возраста [3]. На поверхности песков произрастают преимущественно боялыч, кокпек и саксаул.

Пески Жетыконур и Моинкум приурочены к древней долине р. Сарысу. Она функционировала в нижнем плейстоцене, направляя речные воды от селения Кзыл-Джар в юго-западном направлении, мимо западных отрогов хребта Жаман-Айбат, к оз. Каракоин или несколько западнее в Прасырдарью [4]. В начале среднего плейстоцена в ряде мест увеличились текто-

[1] *М. Н. Клапчук.* Первые палеолитические находки в Центральном Казахстане. СА, 1964, 3, стр. 268—271; *его же.* Археологические находки в Карагандинской области. СА, 1965, 3, стр. 212—217; *его же.* Археологические исследования в бассейнах рек Нура и Сарысу. АО — 1966, М., 1967, стр. 300—302; *его же.* Новые археологические находки в бассейнах рек Нура и Сарысу. АО — 1967, М., 1968, стр. 321—322; *его же.* Находки галечных орудий в Центральном Казахстане. Третья научно-техническая конференция НТО геологов ЦКГУ. Тезисы докладов. Караганда, 1969, стр. 69—71; *его же.* К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в плейстоцене. Сб. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 121—135; *его же.* Галечные орудия местонахождения Музбель 1—2 в Центральном Казахстане. Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 217—227; *его же.* Местонахождение галечных орудий Обалысан I в Центральном Казахстане СА, 1971, 1, стр. 193—195.

[2] *М. Н. Клапчук.* Археологические находки у хребта Жаман-Айбат (Казахстан). МИА, 173, 1971, стр. 233—239.

[3] *Г. В. Белов, Л. А. Белова, Ж. И. Рацбаум, В. Г. Сапронов.* Отчет Жаман-Айбатской поисково-съемочной партии за 1960 год. Караганда, 1961. Фонды ЦКГУ № 5855; *М. А. Авербух, Ф. В. Долгань, Л. И. Долгань.* Геоморфология и кайнозойские отложения листа L-42 А. Караганда, 1965. Фонды ЦКГУ № 8453.

[4] *В. Ю. Малиновский.* Древняя нижнеплейстоценовая долина в Центральном Казахстане. Бюл. МОИП. Отд. геологии, 1959, вып. 6, стр. 117—122; *М. А. Авербух и др.* Ук. соч.; *В. Ю. Малиновский.* Кайнозой центральной части Казахского щита. Материалы по геологии Центрального Казахстана. М., 1967, т. 7, стр. 229—240.

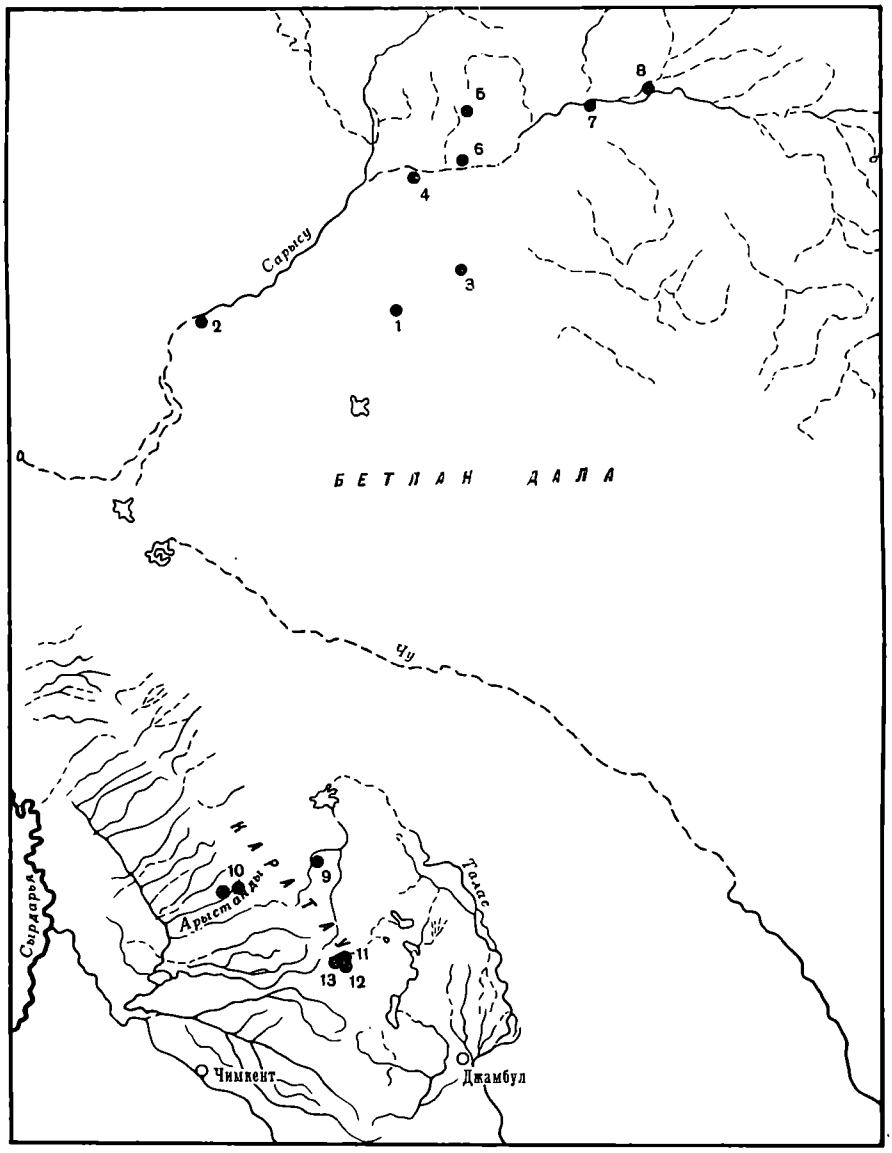


Рис. 1. Основные палеолитические местонахождения Центрального и Южного Казахстана: *1* — Жаман-Айбат; *2* — Космола; *3* — Айдарлы; *4* — Агайдар; *5* — Обалысан; *6* — Музбель; *7* — Кзыл-Джар; *8* — Конайбек; *9* — Шабакты; *10* — Карасу; *11* — Борыказган; *12* — Тенирказган; *13* — Токалы

нические напряжения, в результате которых в районе песков Табылгы произошло малоамплитудное сводовое поднятие большого радуса, обусловившее перемещение долины р. Сарысу на 50—80 *км* к западу. В древней долине началось перевевание нижнеплейстоценового аллювия, продолжавшееся до верхнего плейстоцена включительно и сформировавшее там решетчато-дюнные пески [5]. Эти пески заняты в настоящее время злаковой растительностью, еркеком, малочаем, луком, жузгуном и эфедрой. Животный мир в изобилии представлен сайгой.

В районе песков и хребта Жаман-Айбат отсутствует постоянно действующая речная сеть. Только весной в течение нескольких дней после таяния снега, встречаются временные водотоки, с северо-западной и южной стороны хребта направляющиеся в занятый саксаульником массив закрепленных песков Саменькум. Родники здесь также отсутствуют. Оби-

[5] *Г. В. Белов и др.* Ук. соч.

лием воды на некоторой глубине отличаются пески древней долины: по периферии песчаных массивов вода с высокой степенью минерализации и только в центральной их части имеет небольшую минерализацию и пригодна к употреблению человеком.

В массивы песков с востока вклинивается хребет Жаман-Айбат, представляющий собой в морфоструктурном отношении антиклиналь, вытянутую в субширотном направлении. Северное крыло хребта крутое, южное — пологое. В 10 *км* к югу от господствующей на хребте вершины (384 *м*) узкой полосой простирается обнажение песков, вмещающих желваки сливного песчаника. Возраст песков, по мнению Н. М. Владимирова [6], олигоценовый, но находки отпечатков растений, собранные В. Г. Беловым и определенные В. С. Корниловой, говорят в пользу мелового возраста включающих их отложений [7]. Крутой склон обнажения расчленен рядом коротких промоин, обособивших несколько выступов. На одном из них (длиной 195 *м* и шириной 25—50 *м*) в 1964 г. открыто палеолитическое местонахождение Жаман-Айбат 4.

Основное количество находок на местонахождении сосредоточено на площадке в 30 × 30 *м* на южной части выступа. Инвентарь залегает на поверхности почвы и в незначительной мере в почвенном слое А на глубине до 0,7—0,10 *м*. Следы окатанности на инвентаре отсутствуют. Как правило, плоскости предметов, находившиеся в почве, испещрены раковинами, а обнаженные поверхности находок местами покрыты коркой карбонатов, под которой сохранили свежий облик. Единичные предметы встречены также на дне промоин вокруг местонахождения, но они настолько окатаны, что с большим трудом на их поверхности удается расшифровать следы обработки человеком.

На местонахождении был заложен шурф, вскрывший следующие отложения:

0,00—0,08 *м*	Суглинок, желтовато-серого цвета, рыхлый, пористый, вмещающий желваки со следами снятия сколов, отщепы и аморфные обломки глыб сливного песчаника
0,08—0,25 *м*	Суглинок палево-бурый, рыхлый, с корневищами солянок, вмещающий желваки и щебень без следов обработки человеком
0,25 *м* и ниже	Кварцевый песок с желваками сливного песчаника

Со стенок шурфа отобраны три образца грунта на палинологический анализ. Образец на глубине 0,08 *м* содержит почти исключительно пыльцу солянок. 3% пыльцы принадлежит древесным породам. На 1000 зерен 8 зерен пыльцы дала береза, не встречающаяся теперь в этих местах. Как свидетельствуют данные палинологического анализа покровных отложений у горы Айбат и песков Саменькум в 10—40 *км* от местонахождения, наличие пыльцы березы характерно для отложений, аккумуляция которых происходила до рисского оледенения.

Находки из центральноказахстанского палеолитического местонахождения Обалысан 1 изготовлены из кварцитового песчаника и микрокварцита, орудия Космолы — из кремня, Айдарлы 2 — из яшмы, Карабаса 3— из окремненной туфолавы. Археологические находки местонахождения Жаман-Айбат 4 изготовлялись из сливного песчаника, залегающего в виде желваков в толще песка и частично встречающегося также на поверхности этой толщи. По данным петрографического анализа [8], сливной песчаник состоит из плохо отсортированных по размерам, угловатых и слабоокатанных обломков, размеры которых колеблются в пределах 0,04—3,0 *мм*. Преобладают песчаные обломки размерами 0,1—1,0 *мм*. Обломки

---

[6] *Н. М. Владимиров.* О возрасте «сливных песчаников» Центрального Казахстана. Изв. АН КазССР. Сер. геологии, 1967, 2.

[7] *Г. В. Белов и др.* Ук. соч.

[8] Анализ произведен петрографом ЦКГУ В. В. Привалихиной.

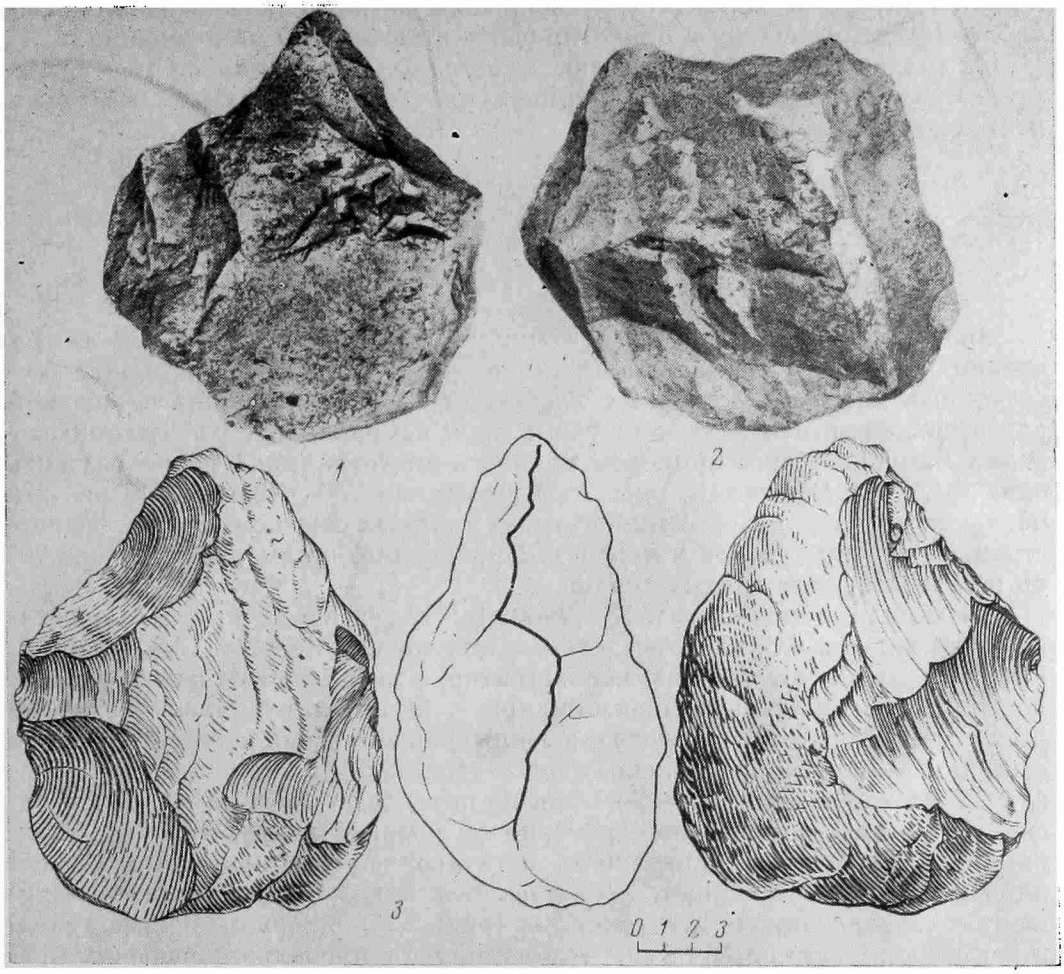


Рис. 2. Нуклеусы местонахождения Жаман-Айбат 4: *1* — кубовидный, *2* — дисковидный, *3* — чоппинговидный

представлены в основном кварцем при подчиненном значении халцедона, опала и циркона. Цемент глинисто-опаловый, кое-где халцедоновый. Количество его настолько велико, что обломки нигде не соприкасаются друг с другом.

Сливной песчаник тверд, как правило, дает хорошие сколы с гладкой поверхностью, но иногда содержит трещины, значительно уменьшающие его качество.

В процессе многократных сборов летом 1964—1968 гг. на местонахождении Жаман-Айбат 4 собрано свыше 800 находок. Общий вес превышает 200 *кг*.

	Количество	%
Желваки и аморфные обломки желваков со следами снятия сколов	38	4,7
Нуклеусы всех типов	45	5,6
Сколы всех типов, включая обломки	569	71,0
Готовые орудия	36	4,5
Отходы от производства орудий	114	14,2

Желваки и их обломки со следами снятия единичных сколов составляют группу из 38 предметов, они имеют различные размеры и очертания. Все они покрыты шероховатой желвачной коркой или испещрены раковинами. Снятие сколов производилось бессистемным нанесением сильных ударов,

в результате негативы сколов расположены разрозненно, на изолированных участках желваков и ориентированы в различных направлениях.

На местонахождении встречены 45 нуклеусов, в том числе 16 нелеваллуазских и 29 леваллуазских. Формы нуклеусов представлены следующим количеством экземпляров:

	Количество	%
Нуклеусы-многогранники	2	4
Дисковидные нуклеусы	14	31
Одноплощадочные »	26	58
Многоплощадочные »	3	7

Многогранники и кубовидные нуклеусы отражают одну из самых древних стадий развития ядрищ, когда сколы снимались еще почти бессистемным нанесением ударов и негатив одного скола служил площадкой для отщепления последующего уже в ином направлении. На местонахождении Жаман-Айбат 4 примером нуклеуса-многогранника может служить один крупный экземпляр (рис. 2, *1*) размерами 250 × 240 × 230 *мм*. На поверхности имеет следы семи негативов крупных отщепов, снятых посредством нанесения ударов в четырех направлениях примерно под углом 90° по негативам ранее снятых сколов.

Дисковидные нуклеусы в большинстве случаев полукруглых очертаний. Оформлены на угловатых кусках и желваках породы. Сколы снимались в основном «от лезвия», конвергентно, с небольшого участка поверхности, однако встречаются экземпляры с негативами снятия сколов по всему периметру. На местонахождении найдено семь односторонних и семь двухсторонних дисковидных нуклеусов. Особого внимания заслуживают двухсторонние нуклеусы. Один из них представлен на рис. 2, *2*. Массивные сколы снимались попеременно от краев к центру почти по всей окружности, местами поверхность негативов сколов покрылась коркой карбонатов. Второй вариант двухсторонних нуклеусов представлен крупными миндалевидными экземплярами (рис. 2, *3*), напоминающими галечные формы нуклеусов Яштуха [9] или чоппинги с продольным рабочим краем. Они оформлены на желваках с коркой на поверхности посредством снятия попеременных сколов только на одном, длинном крае. Некоторые двухсторонние нуклеусы образованы на обломках породы. Скалывание отщепов и пластин производилось попеременно то в одну, то в другую сторону «лезвия». Противоположная «лезвию» часть нуклеусов имеет полусферическое или угловатое очертание.

Односторонние дисковидные нуклеусы являются переходными формами к леваллуазским. Они напоминают одноплощадочные односторонние нуклеусы и нуклеусы типа полураскрытого веера и отличаются от первых лишь тем, что имеют не прямую, а выпуклую рабочую сторону, а от вторых — значительно более глубокими негативами сколов и высокими ребрами между этими негативами.

Леваллуазские нуклеусы из местонахождения Жаман-Айбат 4 представлены одноплощадочными и многоплощадочными формами. Одноплощадочных нуклеусов собрано 26 экз. Некоторые из них приведены на рис. 3, *1—3*. Все одноплощадочные нуклеусы принадлежат к типу односторонних, т. е. они являются ядрищами, снятия сколов с которых производилось не только с одной площадки, но и с одной стороны и, очевидно, также в одном направлении. Среди них преобладают формы с поперечным скалыванием (26 экз.); форм с продольным скалыванием меньше (10 экз.). 35% одноплощадочных нуклеусов оформлено на желваках с естественной коркой на поверхности, 42% — на угловатых желваках и кусках породы без желвачной корки и 23% — на массивных сколах. На рабочей стороне этих нуклеусов встречаются негативы сколов коротких пропорций, за-

[9] *И. И. Коробков*. Нуклеусы Яштуха. МИА, 131, 1965, стр. 81, рис. 1, 2.

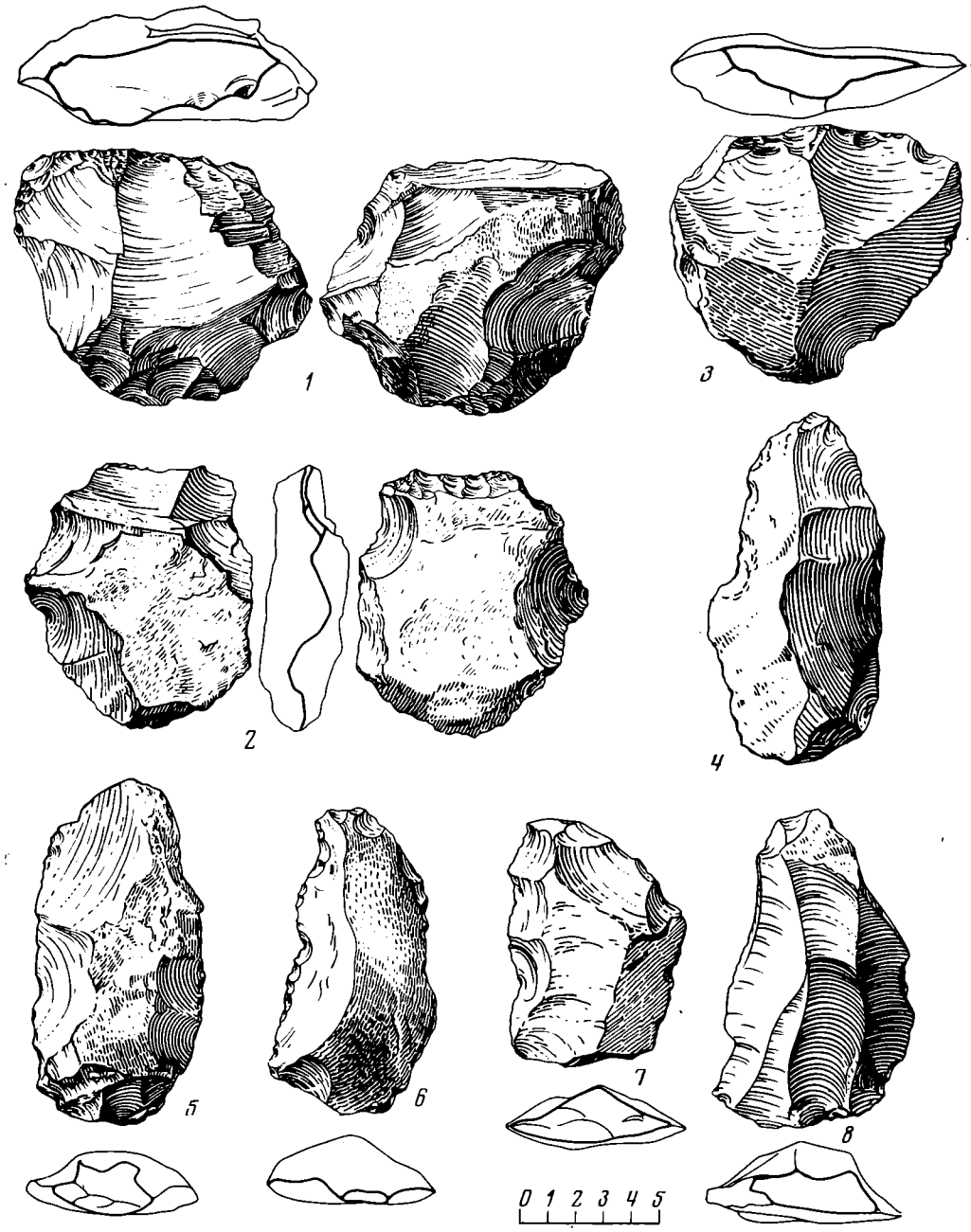


Рис. 3. Одноплощадочные односторонние нуклеусы (*1—3*) и сколы (*4—8*)

частую обломанных в месте трещин в теле породы. Преобладают гладкие поверхности негативов сколов, но иногда последние имеют также резко выраженную волнистость и раковистые изъяны. Ребра между негативами сколов низкие.

Одноплощадочные односторонние нуклеусы с поперечным скалыванием по преимуществу обладают плоскими ударными площадками (63%). Фасетированных площадок 31%. Встречаются также экземпляры, сколы с которых снимались нанесением удара по желвачной корке. Размеры этих нуклеусов определяются высотой 54—165, шириной 74—185 и толщиной 42—105 *мм*.

Одноплощадочные односторонние нуклеусы с продольным скалыванием характеризуются наличием ударных площадок, подготовленных снятием одного скола, как правило, под острым углом к рабочей стороне.

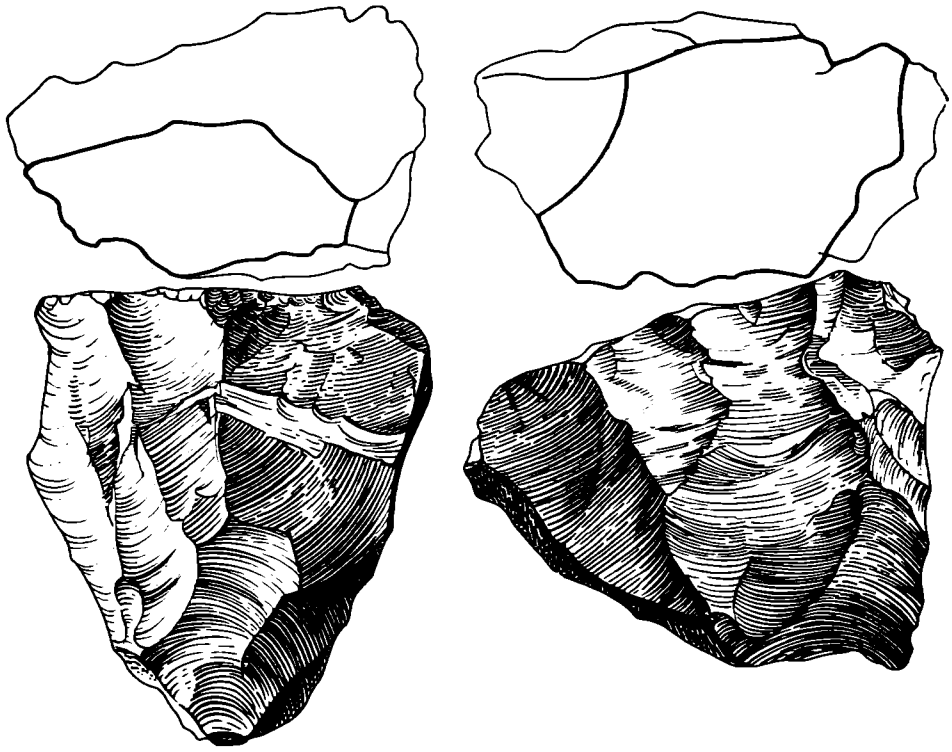


Рис. 4. Многоплощадочный нуклеус

Таких площадок 90%, а остальные — это плоскости, образовавшиеся по естественным трещинам, обычно шероховатые и неровные. Длина рабочей стороны этих нуклеусов лишь немного превышает ее ширину. Минимальные размеры нуклеусов составляют 95 × 87 × 40 и максимальные — 151 × 150 × 104 *мм*.

Многоплощадочных нуклеусов встречено 3 экз. Оформлены они на угловатых желваках или обломках последних (рис. 4). Ударные площадки в количестве 3—4 шт. расположены по отношению друг к другу под углом 50—60°. Рабочие стороны несут на себе негативы сколов различной длины, снятых только в одном направлении, под углом к сколам, снятым с других сторон. Угловатые выступы нуклеусов расположены таким образом, что какая бы рабочая сторона не эксплуатировалась, один из выступов погружался в грунт, плотно закрепляя нуклеус. Минимальные размеры многоплощадочных нуклеусов составляют 70 × 70 × 65 и максимальные — 150 × 190 × 108 *мм*.

На местонахождении Жаман-Айбат 4 найдено 450 сколов и 110 сечений сколов. Значительная часть (120) сколов принадлежит к типу краевых, образовавшихся в результате обработки желваков и обломков породы в процессе подготовки нуклеусов. Спинки краевых сколов целиком или частично покрыты желвачной коркой. В 22% случаев сколы сняты нанесением удара по корке желваков и в 65% случаев — по гладким площадкам естественного происхождения или по негативам ранее снятых отщепов. Один краевой скол показан на рис. 3, *5*.

Примерно 80 сколов составляют отщепы подправки ударных площадок нуклеусов и орудий труда. Они относительно небольших размеров, имеют ногтевидную форму и, как правило, характерный наклон точечной ударной площадки к брюшку.

Большое количество сколов отнесено к нелеваллуазским. Этих сколов 228, в том числе 186 отщепов и 34 пластинчатых скола. Некоторые формы последних напоминают скол, приведенный на рис. 3, *6*. Эти заготовки, как правило, больших размеров (отщепы достигают 180 × 108 × 40 и

пластины 220 × 117 × 47 *мм*), массивные, с большими ударными бугорками. Ниже приводятся основные технические показатели нелеваллуазских заготовок:

Тип заготовки	Без площадок, с точечными площадками	Площадки					
		гладкие		грубо подправленные			
				двухфасеточные		многофасеточные	
		покрытые коркой	образованные одним снятием	прямые	выпуклые	прямые	выпуклые
Отщепы	20	26	133	12		3	
Треугольные сколы		2	7				
Пластины	7	4	13	1			

На местонахождении Жаман-Айбат 4 определено 23 леваллуазских скола (рис. 3, 7, 8). Основные показатели этих сколов следующие:

Тип заготовки	Без площадок, с точечными площадками	Площадки					
		гладкие		грубо подправленные			
				двухфасеточные		многофасеточные	
		покрытые коркой	образованные одним снятием	прямые	выпуклые	прямые	выпуклые
Отщепы				6		5	
Треугольные сколы			2	1			
Пластинчатые отщепы			4	2		3	

Исходя из приведенных выше технических показателей, можно вывести следующие индексы по Борду — Любину:

$$IL = \frac{23 \times 100}{251} = 9{,}1$$

$$I_{lam} = \frac{34 \times 100}{251} = 13{,}5$$

$$IF_{strict} = \frac{0 \times 100}{251} = 0{,}0$$

$$IF_{large} = \frac{33 \times 100}{251} = 13{,}1$$

Эти индексы указывают на очень низкий удельный вес пластин и сколов, снятых в леваллуазской технике. Сколы с тонкой подправкой ударных площадок отсутствуют совсем, а заготовки с грубой подправкой составляют весьма незначительное количество находок. Преобладают отщепы и пластины с гладкими ударными площадками, порой покрытые желвачной коркой.

Одним из показателей техники расщепления камня является вторичная обработка находок. Все рубила, а также часть скребел и специфических орудий (примерно 36% от всего количества готовых орудий) изготолена посредством двухсторонней оббивки, а основная масса орудий окончательно оформлена грубой чешуйчатой ретушью. В ряде случаев на режущих и скребущих орудиях прослеживается ступеньчатая ретушь с заломами.

Коллекция готовых орудий с местонахождения Жаман-Айбат 4 незначительная — 36 предметов: ручные рубила, режущие и скребущие орудия, остроконечники и серия специфических орудий.

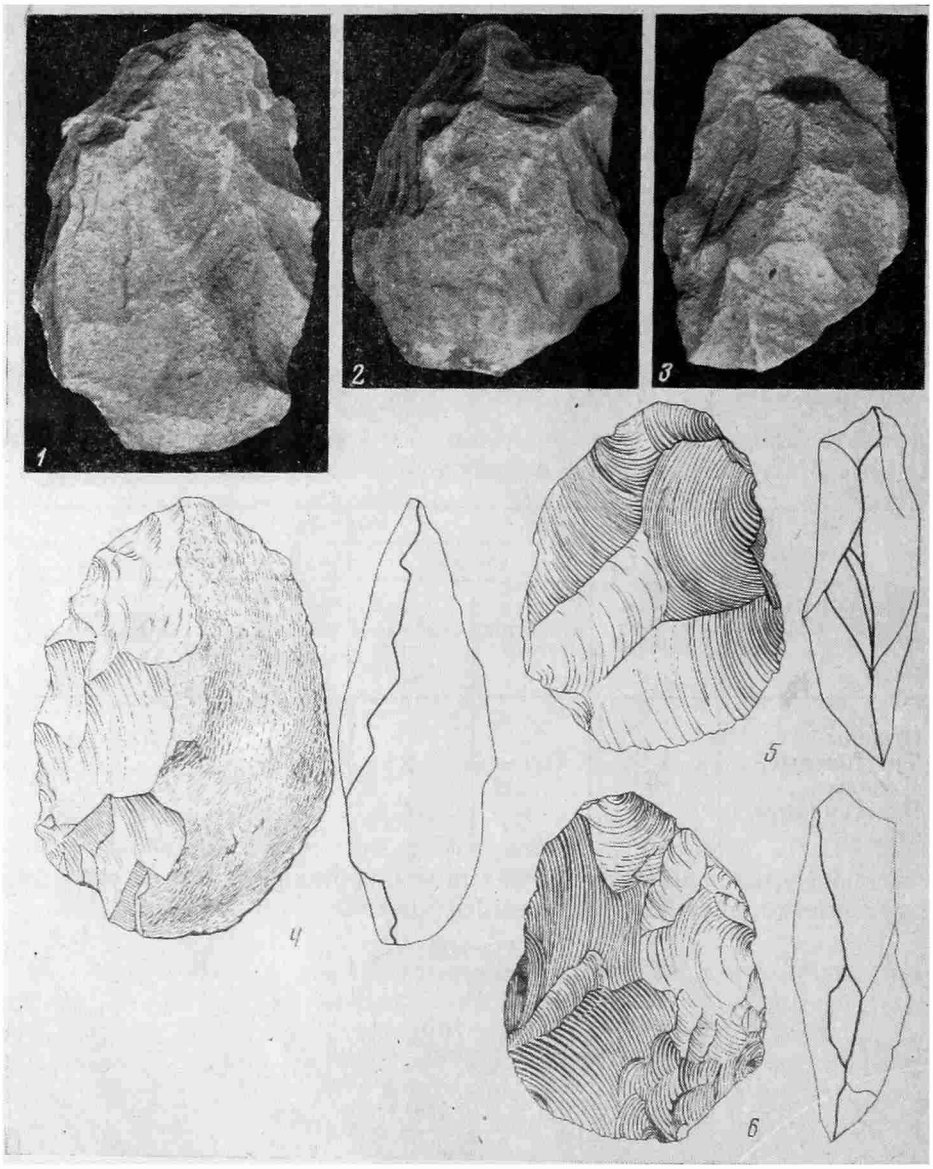


Рис. 5. Ручные рубила: бифасы (*1*, *3*, *5*, *6*) и унифасы (*2*, *4*)

Ручные рубила представлены девятью бифасами и двумя унифасами. Бифасы характеризуются большим разнообразием форм и размеров. Преобладают овальные очертания, но встречаются также треугольные и прямоугольные заоваленные формы. Размеры бифасов варьируют в пределах от 98 × 63 × 23 до 140 × 93 × 33 *мм*. В одинаковом количестве встречаются бифасы плоские и толстые, массивные. Индекс толщины, представляющий соотношение толщины и ширины бифасов, колеблется от 0,35 до 0,56. Бифасы оформлены на небольших желваках при массивных отщепах посредством снятия ряда радиальных сколов. Тонкая подправка ретушью отсутствует. Ниже приводится детальное описание некоторых бифасов.

Один бифас представлен на рис. 5,*1*. Оформлен на плоском отщепе, имеет размеры 140 × 95 × 32 *мм* и очертания широкого овала. На одном конце бифаса сохранилась необработанная площадка с желвачной коркой, служившая удобным упором для руки. Острие оформлено на противоположном конце попеременным снятием ряда грубых конвергентных сколов. На острие прослеживается несколько небольших зазубрин местами

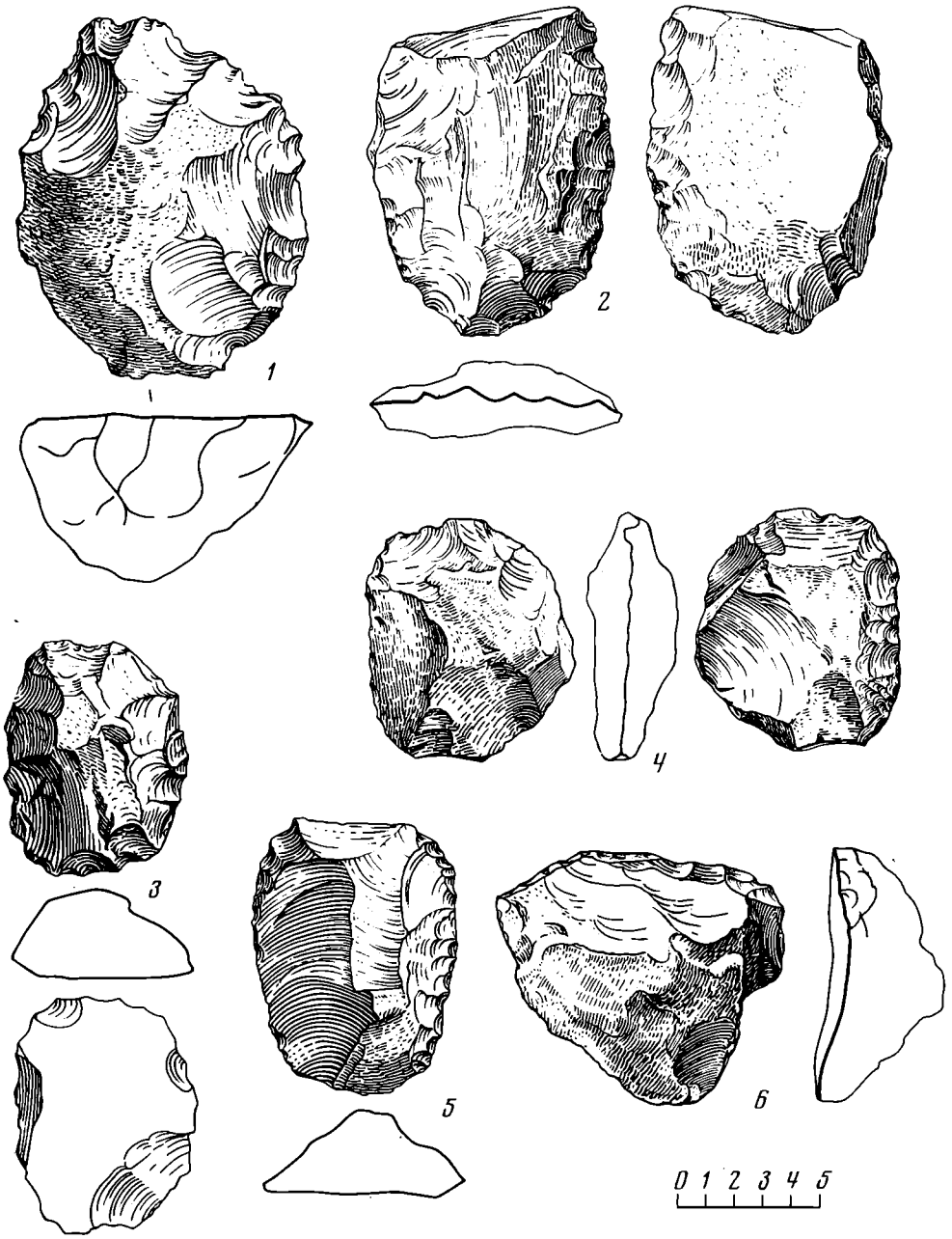


Рис. 6. Скребла (*1*, *3—6*) и режущее орудие (*2*)

покрытых слоем карбонатов. Обработанные края бифаса зигзагообразны, плоскости асимметричны.

Второй бифас значительно меньших размеров (101 × 70 × 35 *мм*), треугольных очертаний. Узкая его часть представляет острие, оформленное снятием попеременных радиальных сколов. Обработанные края слегка зигзагообразны. Противоположная острию часть бифаса широкая и толстая, местами покрыта желвачной коркой.

На рис. 5,*5* приведен бифас овальных очертаний, размерами 135 × × 104 × 45 *мм*. Изготовлен он на плоском куске породы двухсторонним снятием крупных радиальных сколов, в основном по направлению от длинных краев. В результате такой обработки на нижнем широком конце бифаса образовалось лезвие, характерное для топоровидных орудий (клеверы, ашеро). Аналогичное орудие показано на рис. 6, *6*.

Пятый бифас размерами 132 × 97 × 60 *мм* имеет овальные очертания. Острие его плоское, зигзагообразное, оформленное попеременным снятием широких радиальных сколов. Противолежащая острию часть бифаса, утолщенная из-за трещин в породе, обработана плохо, заканчивается гладкой, несколько скошенной площадкой естественного происхождения.

В серии бифасов встречаются два экземпляра в общем овальных очертаний с асимметрическими краями (рис. 5, *3*), а также три фрагмента двухсторонне обработанных ручных рубил, как можно судить по сохранившимся частям, эллиптических очертаний.

Унифасы представлены 2 экз., изготовленными на массивных отщепах с желвачной коркой на спине. Первый из них (рис. 6, *4*) обладает размерами 173 × 116 × 60 *мм* и очертаниями широкого овала. Оформлен посредством снятия сколов со стороны спинки, направленных от одного длинного края к центру. Как свидетельствуют негативы, эти сколы были широкими, частично имели заломы. Острие унифаса плоское, противоположная же часть утолщенная, покрытая желвачной коркой и удобно захватывается рукой. Второй унифас (рис. 5, *2*) сердцевидной формы, несколько меньше первого. Спинка его выпуклая и покрыта коркой. Только по краям прослеживаются негативы крупных радиальных сколов, оформивших орудие. Края унифаса зигзагообразны, местами на них встречаются зазубрины.

11 экз. в коллекции орудий представлены скреблами. В серии скребел хорошо прослеживаются четыре типа, а именно: одинарные выпуклые, двойные двуяковыпуклые, поперечные выпуклые и простые с прямым лезвием.

Первый тип скребел представлен четырьмя массивными экземплярами с одним продольным выпуклым лезвием (рис. 6, *1*, *3*). Оформлены они на крупных отщепах с желвачной коркой на спинке посредством снятия сколов главным образом на длинном крае и только со стороны спинки. Брюшко обработке не поддавалось.Минимальные размеры этих скребел составляют 80 × 61 × 31 и максимальные — 129 × 100 × 55 *мм*.

Второй тип скребел представлен одним целым экземпляром размерами 97 × 67 × 28 *мм* и одним обломком. Скребла этого типа характеризуются наличием двух продольных, параллельных, выпуклых лезвий. Изготовлены они на овальных отщепах путем ретуширования длинных краев со стороны спинки. Целый экземпляр приведен на рис. 6, *5*.

К третьему типу принадлежат поперечные скребла размерами 75 × × 89 × 27 и 93 × 100 × 41 *мм*. Одно из них показано на рис. 6, *6*. Поперечные скребла изготовлены на отщепах треугольных очертаний нанесением крутой ретуши по краю, противолежащему ударному бугорку.

Скребло с прямым лезвием, имеющим слегка скругленные углы, изображено на рис. 6, *4*.

В коллекции инвентаря местонахождения Жаман-Айбат 4 имеются два орудия типа пластин с усеченными концами, напоминающие концевые скребки (рис. 7, *2*, *3*). Их размеры 95 × 66 × 25 и 65 × 66 × 19 *мм*.

В 1 экз. встречен остроконечник (рис. 7, *4*) размерами 100 × 48 × × 14 *мм*. Изготовлен он на широком треугольном отщепе. Длинные края орудия со стороны спинки имеют выемки, являющиеся, по-видимому, не столько результатом вторичной обработки, сколько свидетельством употребления орудия первобытным человеком.

На местонахождении встречены два режущих орудия (рис. 6, *2*), изготовленные на плоских отщепах. В плане они напоминают нижнюю часть ручных рубил или скребла. Однако от первых отличаются тем, что один их длинный край толстый и срезанный, а на скребла не похожи из-за двухсторонней обработки тонкими чешуевидными сколами второго острого края, представляющего собой лезвие.

Серию, состоящую из восьми предметов, представляют крупные специфические орудия, не имеющие аналогий на других палеолитических мес-

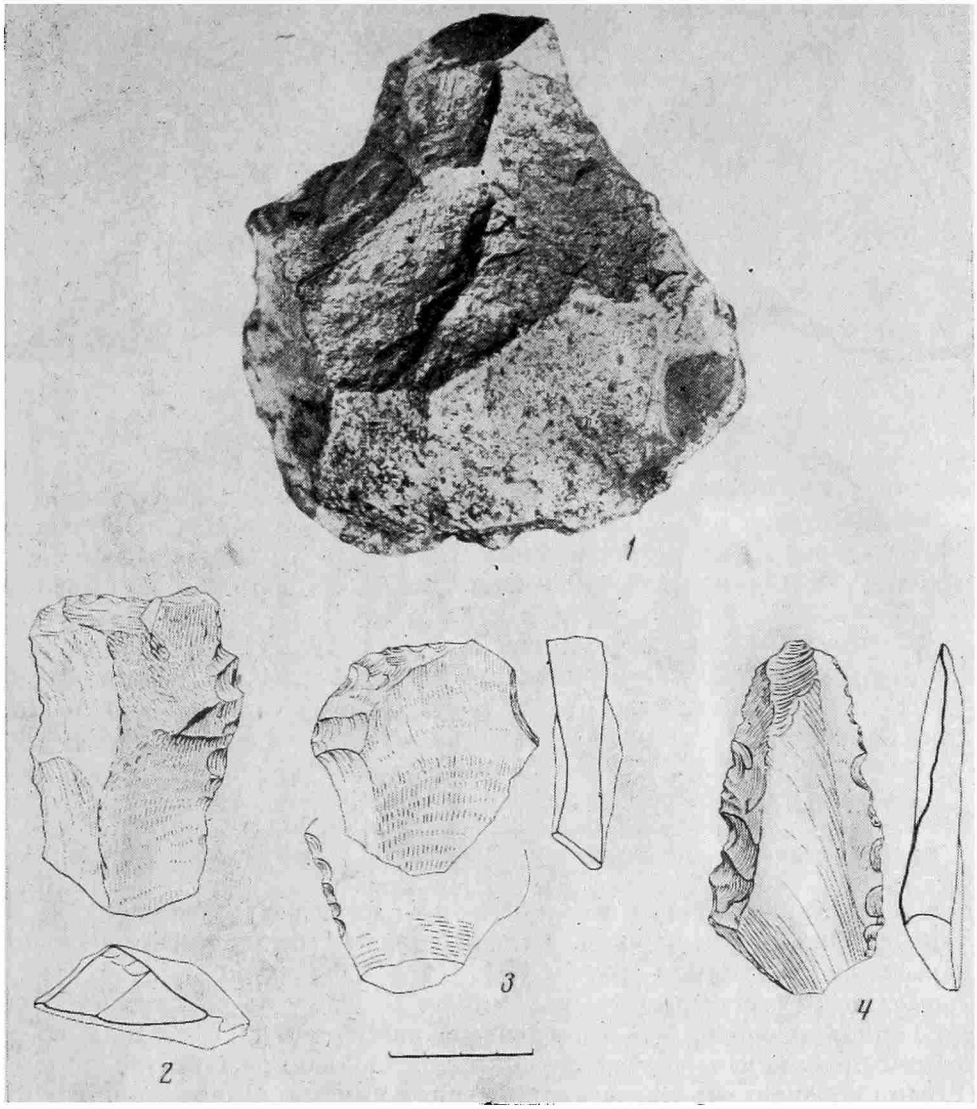


Рис. 7. Рыхлящее орудие (*1*), пластины с усеченным концом (*2—3*) и остроконечник (*4*)

тонахождениях. Они подразделяются на орудия с остриями и орудия с лопастями. Первые, как нам представляется, служили для рыхления плотного песка на местонахождении с целью добычи желваков поделочного материала, а вторые употреблялись при удалении песка, из которого было добыто нужное первобытному человеку минеральное сырье.

На рис. 8,*1* приведено одно из орудий первого типа. Оно имеет треугольно-сердцевидные очертания. Оформлено на массивном отщепе размерами 155 × 185 × 89 *мм*, обладающем совершенно плоским брюшком и выпуклой спинкой. По оси спинки проходит хорошо выраженное ребро. У края, на котором находится точечный ударный бугорок, имеется утолщение. Поверхность орудия в этом месте покрыта желвачной коркой, что позволяет удобно держать орудие в руке. Противоположный утолщенному краю острый угол служил рабочим концом. Следует подчеркнуть, что на местонахождении встречено еще одно похожее орудие только меньших размеров.

Обращает на себя внимание орудие (рис. 7,*1*) типа дисковидного двухстороннего нуклеуса со скалыванием «от лезвия». На обработанной его части находится большой трехплоскостной выступ, служивший рабочим

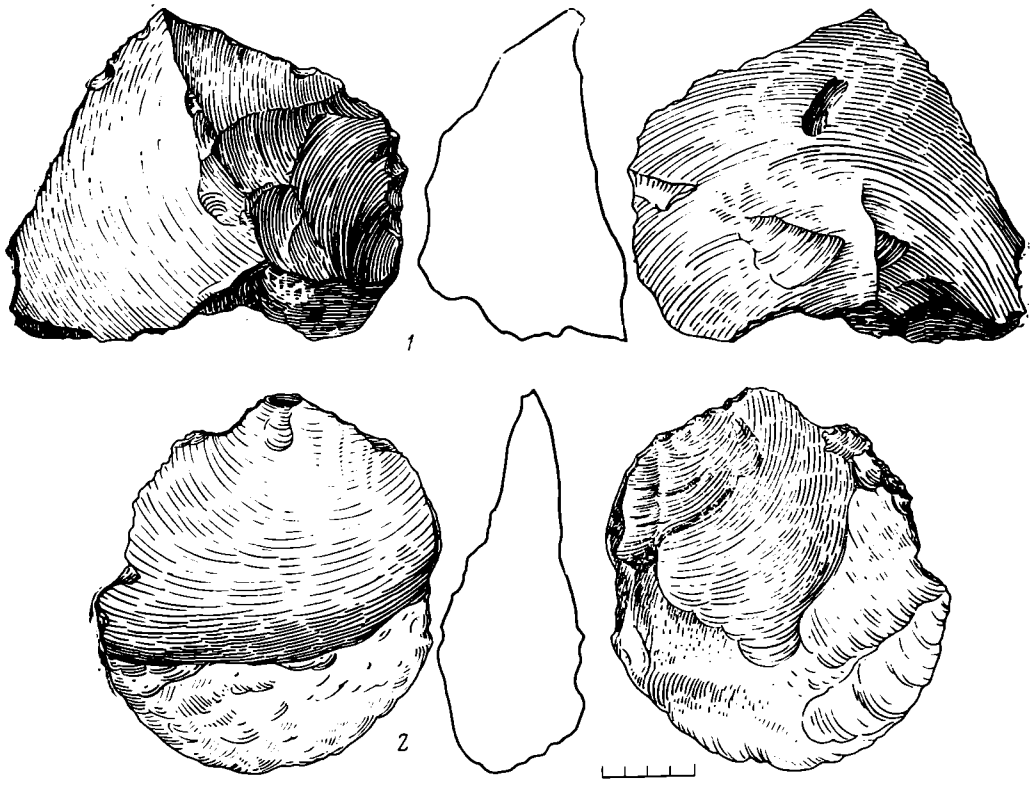


Рис. 8. Специфические орудия: рыхлящее (*1*) и перемещающее грунт (*2*)

концом с рыхлящей функцией. Противоположная часть утолщенная, выпуклая, покрытая желвачной коркой, удобно захватывается рукой. Размеры этого рыхлящего орудия 180 × 175 × 82 *мм*.

Еще одно рыхлящее орудие напоминает поделку со свисающим обушком. Оформлено оно на крупном отщепе размерами 205 × 140 × 65 *мм* с плоским брюшком и выпуклой, покрытой желвачной коркой, спинкой.

Орудия с лопастями представлены тремя типами. Первый из них приведен на рис. 8,*2*. Орудие почти округлых очертаний, оформлено на плоском желваке посредством снятия одного крупного скола с нижней стороны и четырех-пяти небольших сколов с верхней. В результате такой обработки одна часть орудия приобрела вид лопасти, несколько вогнутой в месте снятия крупного скола. Необработанный конец орудия покрыт желвачной коркой, является удобной рукояткой.

Второй тип орудий с лопастями представлен крупным скребловидным экземпляром (107 × 150 × 43 *мм*). Оформлен на овально-прямоугольном отщепе, три края которого обрублены, а один обработан со стороны спинки широкими сколами.

Третий тип составляют два крупных скола размерами 108 × 120 × × 45 и 110 × 155 × 57 *мм*, без специальной обработки сколами. Их противоположные ударному бугорку края широкие, прямые, острые. На 1 экз. эти края подправлены мелкой ретушью со стороны спинки, а на втором — со стороны брюшка.

Типологическая классификация готовых орудий с местонахождения Жаман-Айбат 4 по методу Ф. Борда отражена в следующих индексах:

$$IL_{ty} = \frac{23 \times 100}{50} = 46{,}0$$

$$IA_{t} = \frac{12 \times 100}{59} = 20{,}0$$

$$IA_u = \frac{2 \times 100}{50} = 4{,}0$$

$$IB = \frac{9 \times 100}{59} = 15{,}3$$

$$IR = \frac{11 \times 100}{50} = 22{,}0$$

$$I_{спец} = \frac{8 \times 100}{50} = 16{,}0$$

В целом комплекс находок представлен выдержанными сериями позднеашельских заготовок и орудий труда. Характеризуется он преобладанием одноплощадочных нуклеусов и рубяще-скребущих орудий, в силу чего сближается с ашельским комплексом Яштуха [10]. По сочетанию бифасов и одноплощадочных нуклеусов сопоставляется с местонахождением Джрабер [11]. Кроме общих прослеживаются частные аналогии, касающиеся отдельных типов заготовок и орудий труда. Так, кубические и многогранные нуклеусы Жаман-Айбата 4 имеют сходство с таковыми в ашельском комплексе Яштуха [12], а дисковидные нуклеусы — в инвентаре местонахождений Сатани-Дар [13], Яштух [14], Борыказган-Акколь и других нижнепалеолитических памятников хребта Каратау [15]. Рубила типа бифасов имеют аналогии в индустрии Тигвы [16], Джрабера [17], Яштуха [18], Сатани-Дар [19] и среднесоанских памятниках Пакистана [20]. Аналогичные с жаман-айбатскими унифасы встречены на местонахождениях Сатани-Дар [21] и на среднесоанских памятниках Пакистана [22]. Грубые примитивные остроконечники встречены на местонахождениях Сатани-Дар [23] и Джрабер [24].

В то же время на местонахождении Жаман-Айбат 4 найдено несколько крупных специфических орудий, не имеющих аналогий в Средней Азии, Казахстане и на территории смежных с ними регионов. Эти орудия составляют свыше 20% от общего количества орудий, подчеркивая некоторые локальные особенности ашельской индустрии памятника.

---

[10] *И. И. Коробков.* Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения. СА, 1967, 4.

[11] *В. П. Любин.* Верхнеашельская мастерская Джрабер (Армения). КСИА АН СССР, 82, 1961.

[12] *И. И. Коробков.* Нуклеусы Яштуха, рис. 2, *1*, *7*.

[13] *М. З. Паничкина.* Палеолитические нуклеусы. АСб. ГЭ, 1959, 1, рис. 4, *1*.

[14] *И. И. Коробков.* Нуклеусы Яштуха, рис. 1, *2*, *3*.

[15] *Х. А. Алпысбаев.* Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. СА, 1961, 1, рис. 6; *его же.* Геолого-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, рис. 2, *4*.

[16] *В. П. Любин.* Исследование палеолита в Юго-Осетии (Предварительное сообщение о работах 1954 г.). КСИИМК, 71, 1958, рис. 7, *1*, *2*.

[17] *В. П. Любин.* Верхнеашельская мастерская Джрабер, рис. 29, *2*.

[18] *С. Н. Замятнин.* Очерки по палеолиту. М., 1961, табл. XV, *1*, табл. XVI, *1*.

[19] *М. З. Паничкина.* Палеолит Армении. Л., 1950, рис. 14, *2*.

[20] *T. T. Paterson, H. J. H. Drummond.* Soan. The palaeolithic of Pakistan. 1962, fig. 22, *b*.

[21] *М. З. Паничкина.* Палеолит Армении, рис. 8, *1*, рис. 12, *1*, *5*.

[22] *T. T. Paterson, H. J. H. Drummond.* Op. cit. fig. 22, *b*; *P. Graziosi.* Prehistoric research in North-Western Punjab. Leiden 1964, pl. 10, 12, 15, 21, *a*.

[23] *М. З. Паничкина.* Палеолит Армении, рис. 18, *1*, *2*; *ее же.* Палеолитические нуклеусы, рис. 11, *3*.

[24] *В. П. Любин.* Верхнеашельская мастерская Джрабер, рис. 31, *1*.

M. N. Klaptchouk

LE SITE ACHEULEEN TARDIF DE JAMAN AIBAT 4 (REGION CENTRALE DU KAZAKHSTAN)

Résumé

Le site de Jaman Aïbat 4 se trouve dans le désert aride argilo-pierreux de Betpak Dala, à 150 km au sud-sud-est de la ville de Djezkazgan, dans la région de Karaganda. Il a été découvert en 1964, et étudié de 1964 à 1968. Il faisait partie de l'ancienne vallée de la rivière Saryssou, qui coulait ici à la période pliocène-pléistocène inférieure. On y a recueilli des outils à la surface des roches vierges et dans l'épaisseur d'une couche de sable du crétacé, ainsi que dans la couche A du sol à une profondeur de Om1, où on trouve du pollen fossile de bouleaux qui poussaient dans cette région avant l'époque de glaciation maximale.

Dans ce lieu on a recueilli 802 objets de grès, dont 45 nucléus, 569 éclats et 36 outils finis. Parmi les nucléus, il y en a 2 à deux plans de frappe, 14 en forme de disque, 26 à un plan de frappe et 3 polyédriques. Environ 120 éclats appartiennent au type de ceux provenant du bord de nucléus, 80 éclats proviennent de la retouche des plans de frappe des nucléus et des outils, 228 appartiennent à des outils non terminés ne se rapportant pas au type Levallois, et seulement 23 sont du type Levallois. Parmi les outils finis, se trouvent II coups-de-poing (2 monofaces et 9 bifaces), II grattoirs (rectilignes simples, circulaires simples, doubles concaves-convexes), 2 tranchets, 2 lames à bout tronqué, I pointe, et 8 outils spécifiques pour ameublir et retourner le sol dans la recherche de matériel ouvrable. Tous ces objets se distinguent par leurs grandes dimensions.

Les pièces du site de Jaman Aïbat 4 ont des analogies parmi celles de l'acheuléen provenant de Satani Dar, d'Yachtoukh, de Djraber, de Tigva, de Borykazgan-Akkol, ainsi qu'avec celles des établissements du Soan moyen au Pakistan.

А. Л. НИКИТИН

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЕРЕНДЕЕВО I

После открытий последнего десятилетия можно видеть, что исключительность так называемых свайных поселений объяснялась лишь отсутствием их планомерных поисков. Именно поэтому такие памятники, как стоянки Шигирского и Горбуновского торфяников, находки Кунды, Модлона, Льялово и стоянка Сарнате, казались исследователям более схожими друг с другом, чем с окружавшими их «наземными» поселениями. Повинны в том были как условия залегания этих памятников, так и резко отличный состав коллекций, где предметы из дерева и кости преобладали над изделиями из камня.

Случайное открытие на Берендеевом болоте в Ярославской области подобного поселения точно так же привело вначале первых исследователей к мысли о его изолированности и исключительности [1]. Но уже последующие работы на этом и других близлежащих торфяниках, равно как и анализ материала вместе с исправлением первоначальной даты Берендеева I, позволили говорить не только о широкой распространенности подобных поселений, но и об их типичности и закономерности для определенного временного интервала [2].

Появление настоящей статьи объясняется спецификой предыдущих публикаций, где на долю собственно археологии отведено минимальное место, а описание материала из Берендеева I заменено его кратким перечнем. Поэтому здесь основное внимание я уделяю как раз археологическому материалу, отсылая интересующихся вопросами палеогеографии и геоморфологии памятника к предшествующим публикациям, где эти вопросы разобраны с исчерпывающей полнотой [3].

Открытию 1964 г. на Берендеевом болоте предшествовал ряд других. По-видимому, первым памятником подобного типа на Переславщине является стоянка «Галев поток», отмеченная в конце 20-х годов нашего века на берегу Плещеева озера. Оттуда происходит прекрасный костяной гарпун, хранящийся в собрании местного музея. После исследования в 1964 г. разрезов у городской водокачки можно думать, что слои этого памятника лежат на торфянике раннеголоценового времени [4] и перекрыты сильно разложившимся торфом с песком. О существовании подобных поселений на торфяных массивах Купанского и Талицкого болот можно догадываться

[1] *А. Л. Никитин и Н. А. Хотинский.* Свайное поселение на болоте Берендеево Ярославской области. Сб. «Значение палинологического анализа для стратиграфии и палеофлористики». М., 1966, стр. 218.

[2] *М. И. Нейштадт, Ф. С. Завельский, А. М. Микляев, Н. А. Хотинский.* Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области. Сб. «Голоцен». М., 1966.

[3] *А. Л. Никитин и Н. А. Хотинский.* Ук. соч.; *М. И. Нейштадт и др.* Ук. соч.; *Н. Я. Кац, С. В. Кац.* Естественная и антропохорная растительность местообитания неолитического человека на болоте Берендеево. Сб. «Голоцен». М., 1969.

[4] Обследование разреза у водокачки В. В. Чердынцевым, Г. Ф. Дебецом, Н. А. Хотинским и А. Л. Никитиным в 1964 г. Древесина из нижнего горизонта торфяника датирована 8550 ± 35 (ГИН-111).

по случайным находкам, хранящимся в Переславль-Залесском историко-краеведческом музее. Наконец, в середине 50-х годов директор Ивановского торфопредприятия В. М. Корольков при осушении Ивановского торфяного массива на суходоле у берега р. Нерли Клязьменской собрал коллекцию неолитических черепков, залегающих в иловатых суглинках под слоем торфа. Так была открыта «стоянка у с. Погост» (Ивановская I) [5].

Неолитическое поселение на Берендеевом болоте было обнаружено рабочими торфопредприятия в августе 1964 г. и тогда же дважды обследовано автором [6]. К моменту обследования верхняя часть культурного слоя с собственно жилыми остатками оказалась уничтоженной. На темно-коричневом фоне фрезерного поля хорошо был заметен длинный черный прямоугольник, как можно думать, отмечающий положение жилого настила, в пределах которого и концентрировались все находки. Собственно культурный слой (сохранившаяся его нижняя часть) состоял из хорошо разложившегося, местами обугленного торфа, древесной щепы, углей, песка и мелкого гравия, спрессованной массы костей рыб и животных, керамики, различных поделок из кости и камня. Поверхностная зачистка, а также осмотр канав, разделяющих поле на «карты», обнаружили в пределах прямоугольника и по его периметру множество свай, уходивших вниз на глубину до 1,0 *м*. Все сваи прекрасно сохранились. Как можно видеть, на их нижних концах находятся четкие следы затески, произведенной плоскими топорами (рис. 1, *2*) и желобчатыми теслами (рис. 1, *1*).

Сейчас, после всех осмотров, зачисток и исследований, когда известны результаты анализов, наблюдения можно суммировать в следующем виде.

Во время климатического оптимума, отмечаемого пыльцевым спектром в середине III тысячелетия до н. э. [7] и, следовательно, начавшегося несколько ранее, на осушенной прибрежной части торфяника возникло поселение. Большое количество свай, располагавшихся рядами, обломки тонких жердей и остатки веток позволяют представить основание поселения в виде настила из жердевых конструкций с хворостом, опиравшихся на вертикально вбитые сваи. Судя по структуре культурного слоя, настил был несколько приподнят над поверхностью торфяника и усилен неоднократными подсыпками песка, мелкого гравия, а также мелким строительным мусором. Слой подсыпки изолировал жилища от сырости и позволял разводить на настиле огонь (остатки очагов). Исходя из строительных успехов обитателей Берендеева I, можно думать, что их жилища были построены из таких же нетолстых лесин, как сваи и сам настил. Возможно, это сооружение представляло собой большой длинный дом (разделенный внутри на более мелкие помещения, окруженный узкой террасой-пандусом) или же ряд отдельных, не соединенных стенами хижин на общем основании.

В чистых слоях торфа у юго-западного угла поселения были найдены погребения обитателей поселка.

Как известно, вскоре после открытия поселение Берендеево I было разрушено кладоискателями [8], и предполагавшиеся летом 1965 г. раскопки не осуществились. В связи с этим особое значение приобретают коллекции вещей, собранные на его территории в 1964 и 1966 гг., хранящиеся

---

[5] Обследована в 1957 г. автором, коллекция находится в Переславском музее и в Гос. Эрмитаже. Небольшие раскопки проведены в 1959 г. И. К. Цветковой (*И. К. Цветкова*. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского. Тр. ГИМ, 37, 1960).

[6] *А. Л. Никитин*. Отчет о работах Переславского неолитического отряда в Переславском районе Ярославской области в 1964 году. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4178. В обследовании памятника принимали участие Г. Ф. Дебец, В. В. Чердынцев и Н. А. Хотинский.

[7] *М. И. Нейштадт и др.* Ук. соч.

[8] *А. Л. Никитин*. Ук. отчет за 1964 г.

в Переславль-Залесском музее, в Гос. Эрмитаже и школьных музеях Берендеевского торфопредприятия.

Первые находчики, рабочие торфопредприятия, согласно отмечали, что большинство сосудов открывались целыми и раздавлены уже торфоуборочными машинами. Однако к осени 1964 г., когда производилось

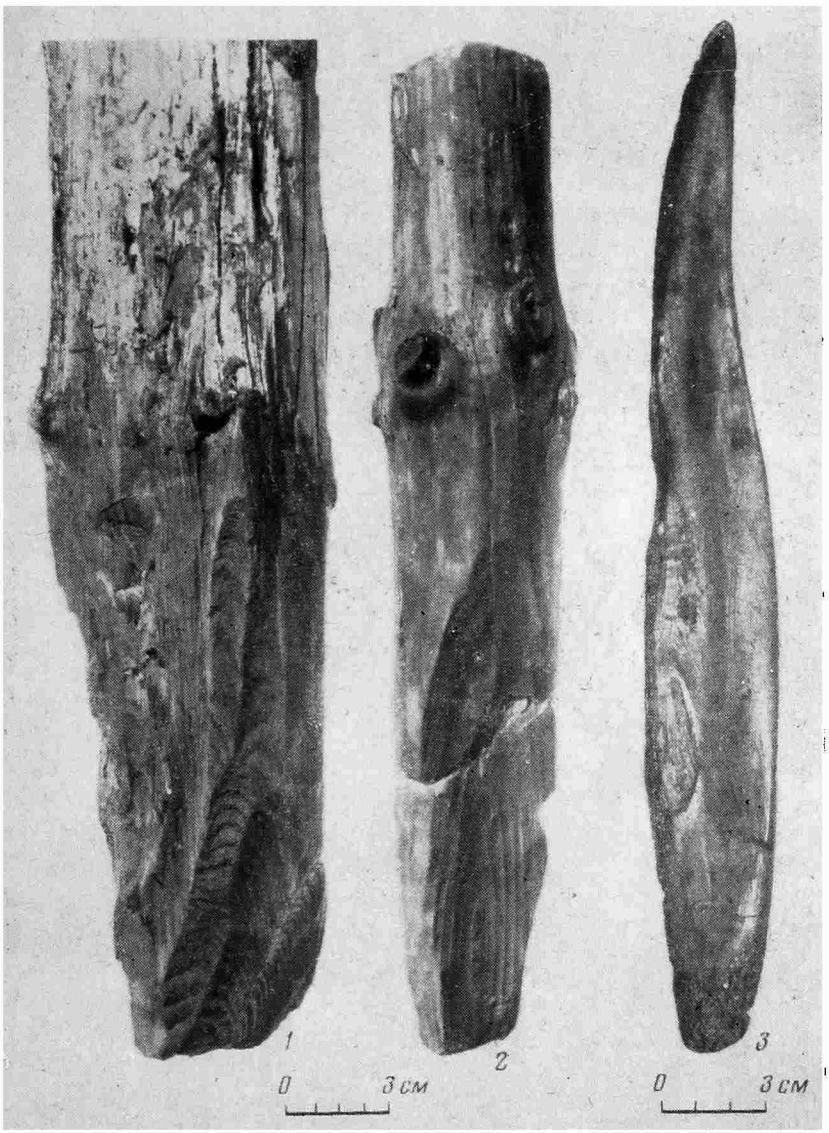


Рис. 1. Сваи (*1*, *2*) и кинжал (*3*)

археологическое обследование памятника, оставались лишь нижние горизонты культурного слоя и в сборах пришлось довольствоваться только черепками.

Керамика Берендеева I в целом представляет собой однородный и типологически четкий комплекс (рис. 2). Это единство проявляется как в приемах изготовления сосудов, так и в принципах их украшения. Хотя материал сборов не позволяет реставрировать ни одного сосуда, имеющиеся в коллекциях фрагменты венчиков, днищ и многочисленные куски стенок делают возможным реконструкцию по меньшей мере трех типов горшков: 1) цилиндрические с вертикальными стенками и округлым или слегка коническим дном; 2) округлые, полузакрытого типа с профилированным венчиком, имеющим небольшое утолщение; 3) каплевидные, как

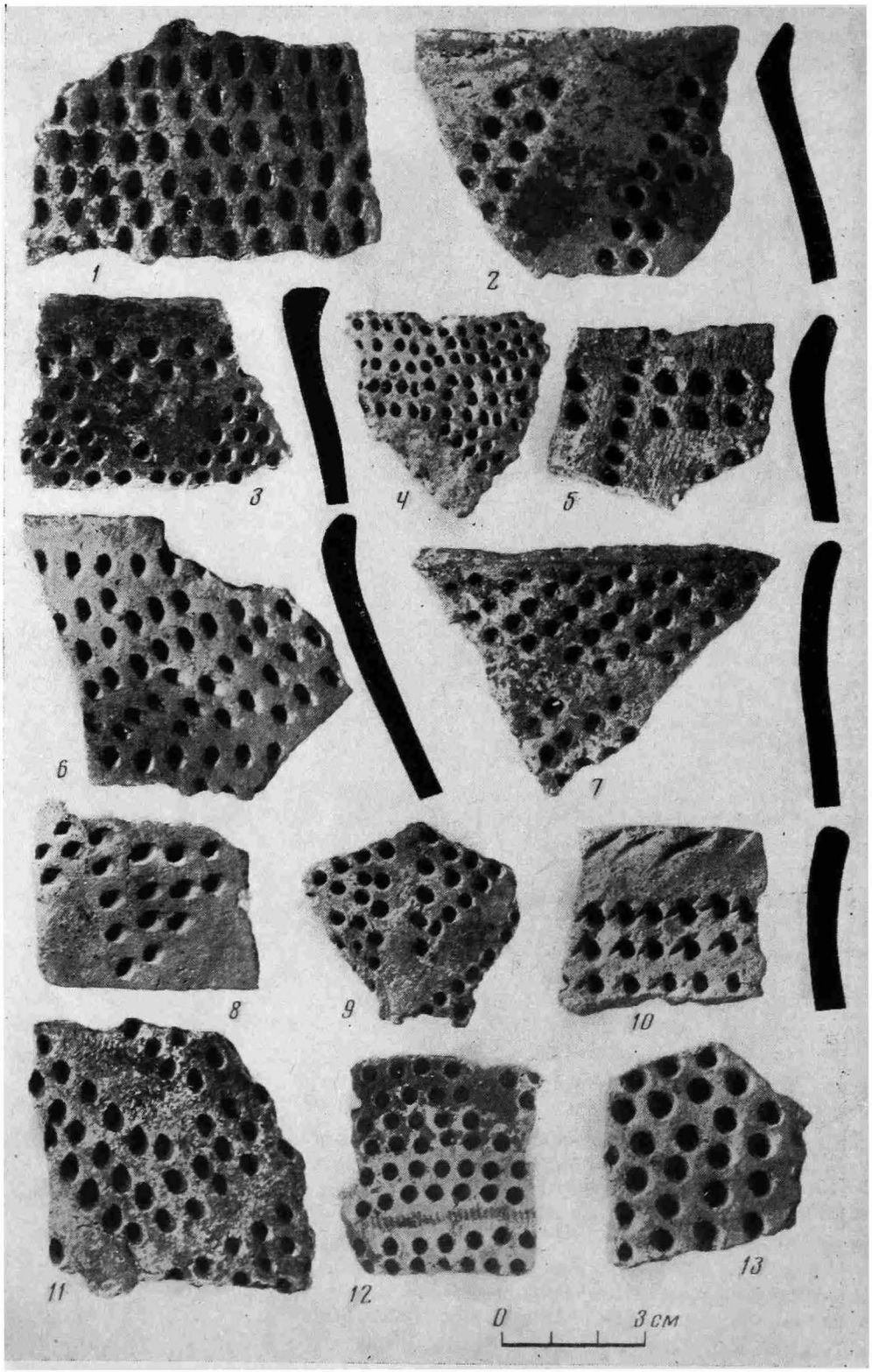


Рис. 2. Керамика

бы с «усеченным верхом», отчего сосуд приобретает «бомбовидность» (диаметр горловины значительно меньше диаметра выпуклой части). Размеры всех трех типов сосудов довольно стандартны: от 20 до 35 *см* в диаметре при такой же высоте. Впрочем, высота сосудов могла быть и несколько большей.

Из других форм с достоверностью восстанавливаются лишь чашевидные тарелки или блюда, достигающие 40—45 *см* в диаметре при наибольшей глубине 4—7 *см*. По технике выделки и орнаменту они ничем не отличаются от остальной посуды.

Однообразие черепков позволяет говорить о стандартизации технологических приемов в гончарном деле «берендеевцев». В хорошо промятую и промешанную глину добавлялся мелкий песок как средство против усадки и деформации сосудов. Лишь изредка можно встретить зерна дресвы и иногда шамота. По-видимому, сосуды изготовлялись путем кольцевого налепа с последующим выколачиванием. Следы этого приема можно видеть в уплощенных участках наружной поверхности, образующих едва заметные «грани». Тонкие стенки (0,5—0,8 *см*), облегченные ямчатым орнаментом, создавали благоприятные условия для обжига, в результате чего черепок равномерно прокален по всей толще, неслоист и окрашен в серый или слегка кирпичный цвет, часто скрытый под черной тонкой корочкой нагара.

Наиболее подходящим термином для обозначения орнамента керамики Берендеева I следует признать сочетание «ямчато-накольчатый». Рисунок выполнен как бы наколом: узкой длинной ямкой, часто поставленной под углом к поверхности сосуда (рис. 2, *4*, *6—11*). Иногда около каждой такой ямки-накола заметен отпечаток ногтя (рис. 2, *10*), позволяющий представить положение пунсона в пальцах. Все остальные элементы орнамента: оттиски зубчатого штампа, полулунные и прочие вдавления — почти не применялись. Они встречены лишь на фрагментах нескольких сосудов (рис. 2,*12*), где само расположение рисунка подчинялось строгой горизонтальной зональности и орнамент покрывал поверхность сплошь. Так, например, украшены все обломки «блюд». Основным же орнаментальным мотивом керамики Берендеева I является геометрический узор — треугольники, ромбы, зигзаги, «городки», создающие своими повторениями ритмические горизонтальные пояса, чередующиеся со свободными от орнамента зонами и полями.

Керамика такого типа известна сейчас на многих памятниках, и не только в районе Плещеева озера. По-видимому, именно эту керамику ряд исследователей рассматривает как «средний этап льяловской культуры» [9], хотя мне представляется, что ее следует выделить в особый этнокультурный комплекс, не связанный первоначально с ямочно-гребенчатым неолитом и происхождение которого, равно как и его появление в Волго-Окском междуречье, представляется пока неясным.

Каменные орудия Берендеева I немногочисленны, но каждый вид представлен в сборах несколькими экземплярами, которые позволяют говорить о высокой стандартизации и устойчивости типов. Материалом для орудий «берендеевцам» служил кремень, преимущественно валунный, кремнистый сланец серого или серо-голубого цвета, песчаник и некоторые другие породы камня, встречающиеся на окрестных холмах и по берегам ручьев и речек.

Все без исключения кремневые орудия изготовлены из широких толстых отщепов. Следует отметить, что в культурном слое поселения кремня вообще мало: отходы в виде отщепов и чешуек, столь обычные на дюнных стоянках, встречаются редко, а ножевидных пластин не найдено ни одной. На рис. 3 представлена большая часть кремневых орудий, найден-

[9] *В. М. Раушенбах.* Племена льяловской культуры. Сб. «Окский бассейн в эпоху камня и бронзы». Тр. ГИМ, 44, 1970.

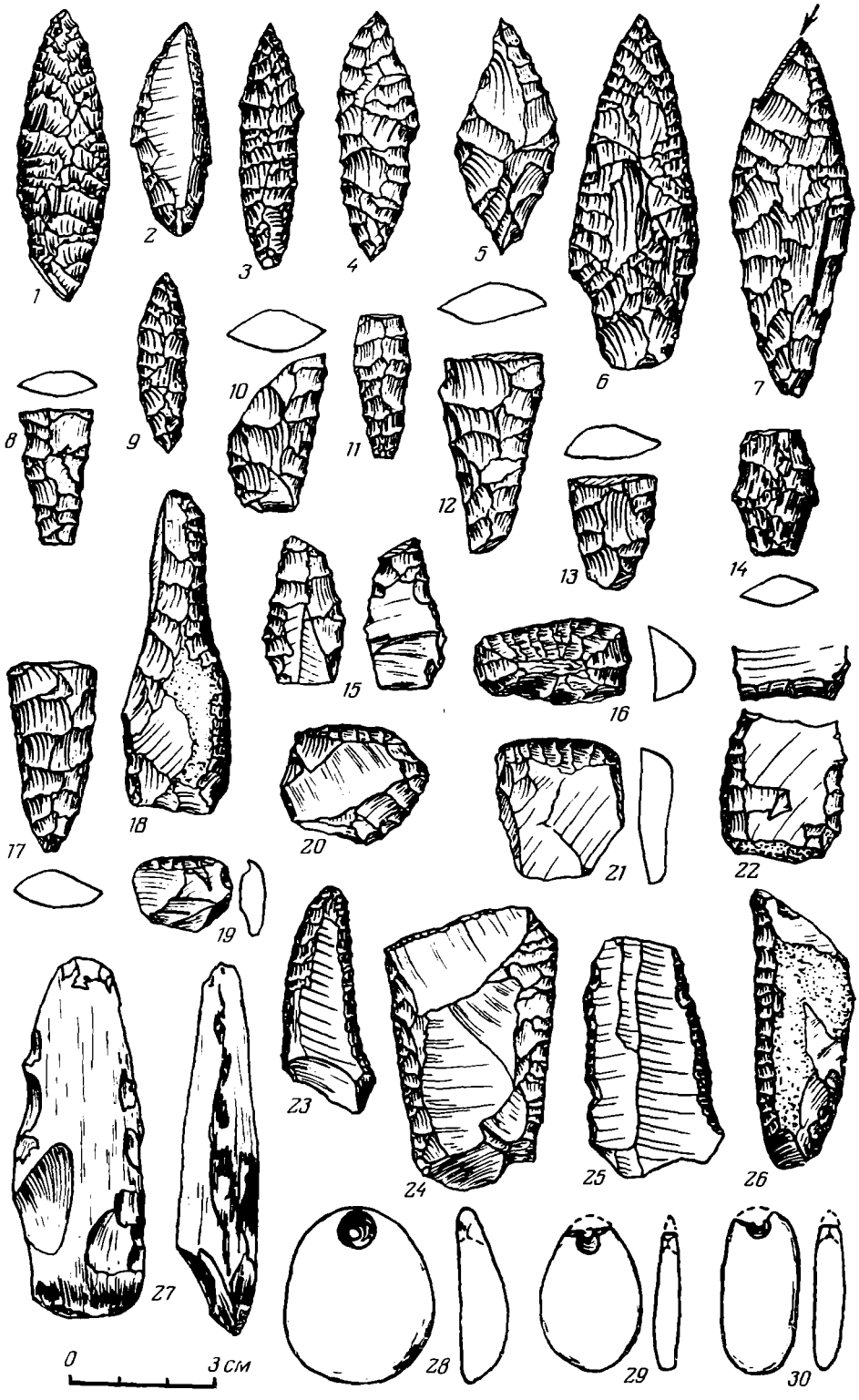


Рис. 3. Орудия и украшения из камня

ных на поселении. В первую очередь внимание привлекают наконечники стрел (рис. 3, *1—5*, *9*), дротиков (рис. 3, *6*, *7*) и их обломки (рис. 3, *8*, *10—14*, *17*). Все они имеют более или менее выраженный черешок, иногда боковые шипы. Сечение всегда линзовидное.

В противоположность наконечникам стрел скребки отмечены большим разнообразием, хотя самих их немного (рис. 3, *16*, *19—21*). Сделанные на толстых небольших отщепах (возможно, на расколотых нуклеусах), они все имеют одинаково прямой рабочий край. В этом отношении особенно показателен дублированный скребок, изображенный на рис. 3, *16*. Подобное орудие типично для этого комплекса, так как встречается и на других памятниках в слоях с аналогичной керамикой [10]. Ножи на пластинчатых отщепах (рис. 3, *24—26*) столь же характерны, как «ложкари» или «резчики» (рис. 3, *18*, *23*), сохраняющие особенности своей формы довольно долго.

Фактически этим и исчерпываются известные пока формы кремневых орудий Берендеева I.

Крупные рубящие орудия почти все найдены в обломках. Здесь довольно много широких желобчатых тесел, сделанных из какой-то разновидности кремня или кремнистого сланца. Сегментовидные в сечении, хорошо полированные, они представляли собой отличный рабочий инструмент. Однако главным рубящим орудием «берендеевцев» были, по-видимому, плоские, прямоугольные в сечении топоры из серого кремнистого сланца с приостренным обушком — тип, встречающийся на юге Карелии. В сборах представлены только обломки этих топоров, причем исключительно их тыльная, обушковая часть [11]. Из такого же материала сделаны заготовки кирок, а также длинные, прямоугольные в сечении бруски с обломанными концами.

Небольших тонкообушных долот вроде изображенного на рис. 3, *27* встречено несколько экземпляров, все в обломках. Для выделки их применялся кремнистый туф или плотный доломит (?).

Кроме крупных рубящих орудий сланец использовался как материал для украшений. Из плоских сланцевых галек, овальных и круглых, «берендеевцы» делали подвески (рис. 3, *28—30*). Все сверлины, как правило, двусторонние. Диаметр отверстий, их конфигурация и характер бороздок позволяют предполагать использование мастерами лучковой дрели с цельным кремневым наконечником.

Гораздо более широко, чем сверление, на Берендееве I использовалось разного рода пиление. В коллекциях находятся предметы и куски каменного сырья с многочисленными следами явных надпилов. В отличие от камня широкие пластины рогов лося и трубчатые крупные кости не столько распиливались, сколько разрезались каменными ножами. В качестве пилы по камню употреблялись тонкие приостренные двусторонней оббивкой плитки крупнозернистого песчаника. Напротив, большие куски мелкозернистого серого и розоватого песчаника служили шлифовальными плитами, хотя значительная их часть являлась основанием терок. На это указывают как их формы и размеры, так и характер борозд на использованной поверхности. Во всяком случае, на поселении найдено несколько каменных пестов, причем один из них граненый и тщательно полированный.

Завершая описание изделий из камня, следует указать на кусок плотного мелкозернистого известняка или доломита, формой своей напоминающий голову хищника, повернутую вправо (рис. 4). С внешней стороны камень не столько затерт, сколько «обрезан», тогда как с обратной стороны не обработан. На внешней, выпуклой стороне нанесены две сверлины и ряд глубоких порезов.

---

[10] Например, на Польце (1-й раскоп), на стоянке Теремки (см. *А. Л. Никитин*, Ук. отчет за 1964 г.).

[11] *А. Л. Никитин и Н. А. Хотинский*. Ук. соч., рис. 1, *11*, *12*. стр. 212.

Наибольший интерес в коллекции из Берендеева I вызывают орудия и поделки из рога и кости. Подобно керамике это тот пластический материал, в котором с наибольшей полнотой смог отразиться своеобразный облик культуры, повторенный сериями однотипных вещей.

Самой многочисленной категорией находок здесь являются наконечники стрел. Отчасти это объясняет скудость кремневых наконечников, предназначавшихся, возможно, лишь для определенного рода охоты, может быть, для боя. Наконечники стрел, собранные на поселении, условно

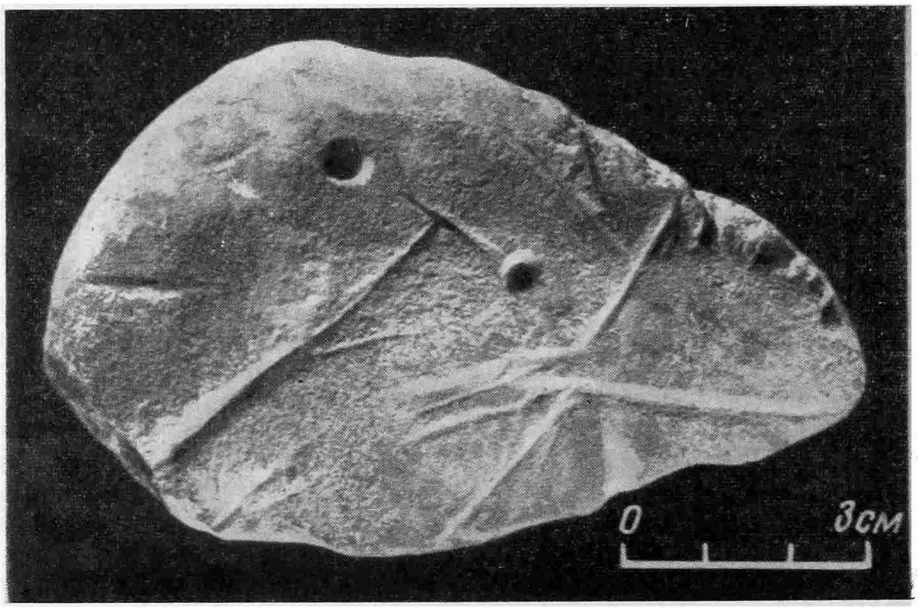


Рис. 4. Каменная поделка

можно разделить на три основных типа. К первому относятся биконические (рис. 5, *1—4*, *9*, *10*), различающиеся внутри типа формами головки — жаловидной (рис. 5, *1*, *2*, *10*), приостренной (рис. 5, *3*, *9*) или затупленной (рис. 5, *4*). Как правило, у второго подтипа насад не плоский, обычный для остальных, а веретенообразный. Второй тип наконечников отчасти примыкает к первому — это цилиндрические наконечники с притупленной головкой и плоским насадом (рис. 5, *6*, *15*). Третий тип представлен игловидными или веретенообразными формами (рис. 5,*5*). По-видимому, распространенность первых двух типов с подтипами объясняется постоянной охотой на мелкого пушного зверя и боровую дичь.

Особняком стоят наконечники стрел, предназначавшиеся для охоты на рыбу. Характерная их особенность — уплощенность и зазубрины по краям, переходящие порой в зубцы гарпунов. На поселении их собрано несколько штук, в том числе заготовка тонкого плоского гарпунчика, без сомнения предназначавшегося для той же цели (рис. 6, *4*).

Что касается собственно гарпунов, то, как и следовало ожидать, их обломков найдено много (рис. 5, *7*, *8*, *13*), целые — редки (рис. 5, *12*; рис. 6, *5*, *6*). Среди гарпунов можно видеть крупные, грубо сделанные, с большими зубцами — то частыми, то редкими — и миниатюрные с редкими зубцами и плоским насадом. Форма и величина гарпунов изменялась в зависимости от объекта охоты.

И стрелы и гарпуны объединяет не только материал, но и способ изготовления. Все они вырезались без последующей шлифовки, из расколотых крупных трубчатых костей каменными ножами, следы которых хорошо заметны на их глянцевой поверхности.

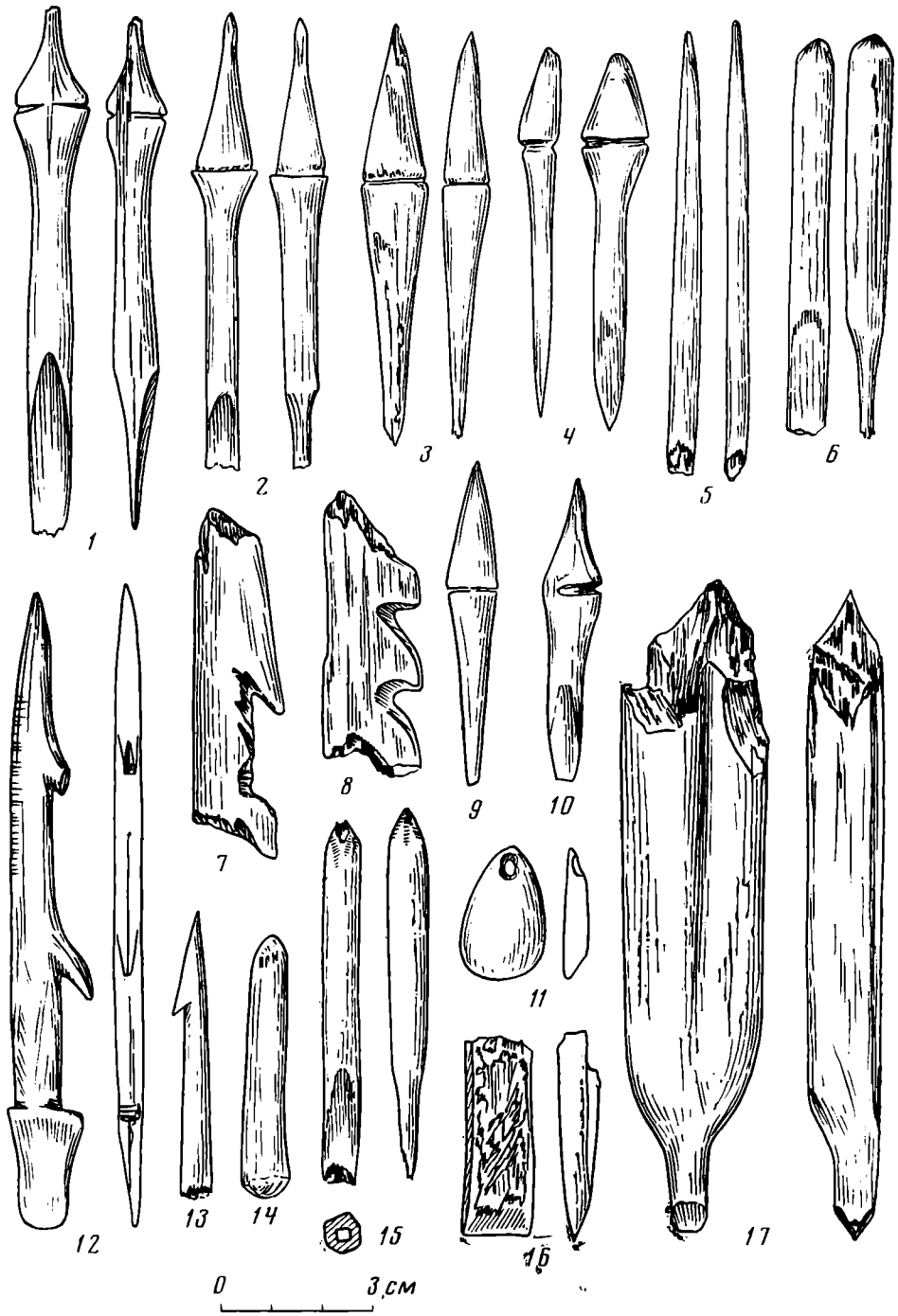


Рис. 5. Орудия и украшения из кости

Среди рыболовных орудий «берендеевцев» особое место занимает рыболовный крючок, происходящий из сборов 1966 г. и хранящийся в Гос. Эрмитаже (рис. 6, *3*). Он вырезан целиком из тонкой костяной пластины и, как можно судить по его размерам, предназначался для довольно крупной рыбы. Отсутствие составных крючков и их частей косвенно подтверждает раннюю дату поселения.

Костяные орудия Берендеева I чрезвычайно разнообразны. Здесь различные острия, проколки, стилеты. Один из таких стилетов (кинжалов), сделанный из края лопатки медведя (их найдено несколько однотипных), изображен на рис. 1,*3*. Из расколотых трубчатых костей лося обитатели

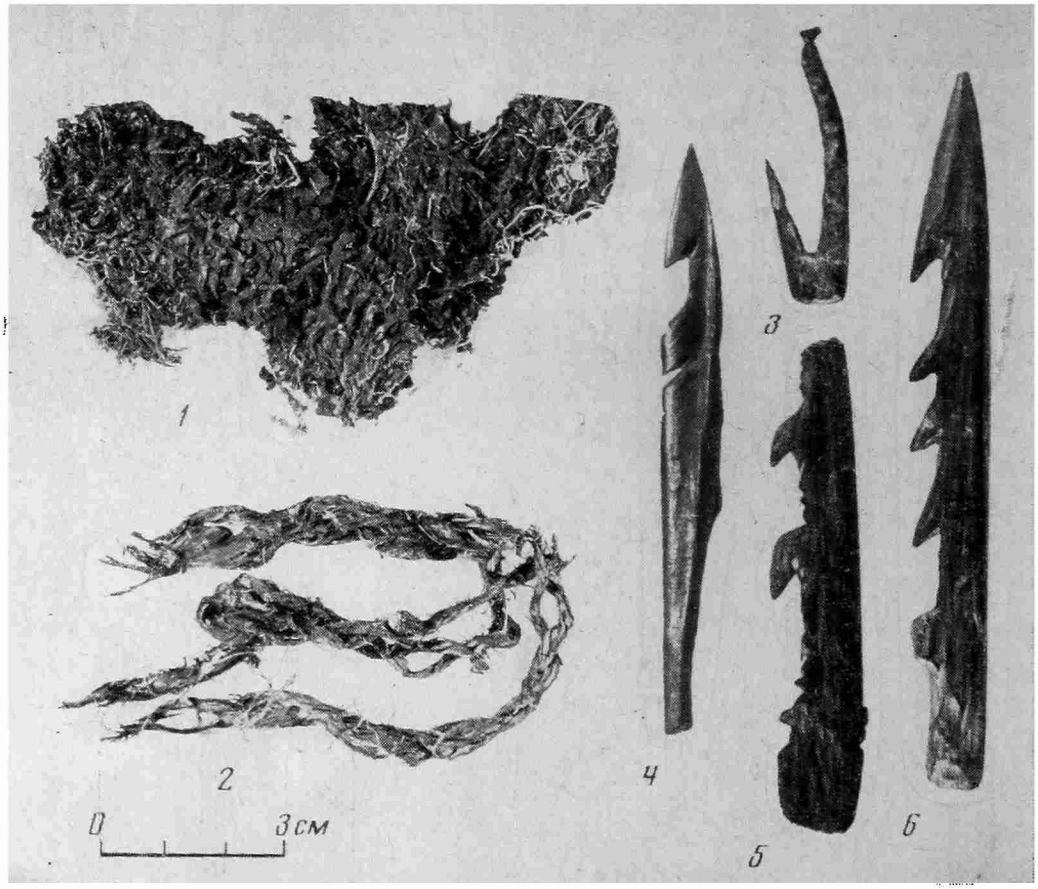


Рис. 6. Остатки ткани (*1*), лубяная веревка (*2*) из погр. 1, рыболовный крючок (*3*) и гарпуны (*4—6*)

поселения изготовляли наконечники копий (угол заострения — 45°), очень характерные, повторяющиеся долота с узким лезвием (рис. 5, *17*).

Часто встречаются роговые пунсоны, аналогичные изображенному на рис. 5, *14*. Обычно они бывают меньше и, должно быть, употреблялись для орнаментации сосудов.

Последняя группа предметов из кости и рога — украшения. Наиболее характерным типом, повторяющимся без изменения в коллекциях, можно считать асимметричную плоско-выпуклую костяную подвеску со сверлиной у верхнего конца (рис. 5, *11*). Такие подвески тщательно шлифовались и, вероятнее всего, нашивались на одежду. Кроме них использовались расколотые и подструганные пластины из клыков кабана.

В коллекции Гос. Эрмитажа находится еще одна подвеска, заслуживающая пристального внимания. Она сделана из резца быка. Вместо сверлины подвеска имеет надрезы у основания корня зуба и полностью повторяет точно такие же подвески со стоянки Теремки на Плещеевом озере. К сожалению, точное определение вида быка пока невозможно, однако, не исключено, что «берендеевцы» могли быть знакомы с домашним скотом хотя бы через своих соседей.

Дерево в сборах представлено обломками неопределимых поделок.

Наиболее важны и интересны находки погребений на поселении Берендеево I, обнаруженные у юго-западного угла жилого настила. Первое погребение [12] находилось в неглубокой яме, вырытой в плотных слоях не-

[12] *А. Л. Никитин и Н. А. Хотинский*. Ук. соч., стр. 214; *Н. Н. Мамонова*. Новая палеоантропологическая находка на болоте Берендеево. Сб. «Голоцен». М., 1969, стр. 145—151.

Рис. 7. Погребение № 1 на поселении Берендеево I

потревоженного торфа. Оно было отмечено сверху обломком столбика с приостренным концом, который упирался в берестяной сверток с погребением. Погребенный лежал головой на северо-запад, лицом на северо-восток, связанный лубяными веревками (рис. 6, *2*) так, что нижняя челюсть опиралась о колени, а голени и бедра были тесно прижаты к телу (рис. 7). На костях сохранились остатки грубой редкой ткани (рис. 6, *1*). Цилиндр, содержавший костяк, состоял из трех слоев бересты, разделенных тонкими оструганными деревянными рейками и переложенных слоями осоки [13].

Второе погребение, детское, найдено в 2,5 *м* к северу от первого в аналогичных условиях [14]. Подобно первому оно не содержало никаких предметов, за исключением нескольких черепков в засыпке ямы. Однако

[13] Радиоуглеродный анализ бересты — 4340 ± 40 (ГИН-1976).
[14] *М. И. Нейштадт и др.* Ук. соч., стр. 132.

в 0,5 *м* от ног погребенного находилась неглубокая круглая ямка, в которой лежали челюсти и череп медведя [15]. Эти кости можно рассматривать как заупокойную жертву.

Суммируя многочисленные палеогеографические исследования на Берендеевом болоте, можно видеть, что первоначальный вывод о возникновении поселения на краю сократившегося озера остался без изменений. Пересмотрена была только дата. Последующие осмотры фрезерных полей помогли открыть еще несколько памятников, местоположение которых указывает на береговую линию водоема в различные эпохи его существования [16]. Особенно четко это видно в пункте Берендеево II, где фрагменты керамики, близкой Берендееву I, были найдены в собственно волноприбойной полосе, отмеченной характерным мусором (окатанные водой палки, корни, ветки и т. п.).

Торфоуборочные машины уничтожили участок между жилым настилом Берендеева I и валовой канавой — фактически участок между поселением и берегом древнего озера, где можно было ожидать остатки тропы с лагами подобно «дорожке» Горбуновского торфяника [17]. Хотя торфяная залежь над поселением была уничтожена, не вызывает сомнения факт, что вместе с ней был уничтожен и пограничный горизонт, прослеживаемый на Берендеевом болоте почти повсеместно, а в этом месте отложившийся уже после формирования культурного слоя. Сопоставление пыльцевых диаграмм и радиоуглеродных дат позволяет утверждать, что поселения, аналогичные Берендееву I, залегают в нижней части пограничного горизонта, отмечая наступление самого крупного климатического оптимума в атлантикуме более точно, чем запаздывающее изменение растительных сообществ (результат «сдвига по фазе») [18]. Эти два указателя — контур древнего водоема, предшествующий развитию пограничного горизонта, и начальная фаза образования пограничного горизонта до развития лесостоя — в своей совокупности могут точно определить место древнего поселения на любом крупном торфянике низинного типа, т. е. возникшем на зарастающем водоеме [19].

A. L. Nikitine

L'ETABLISSEMENT NEOLITHIQUE DE BERENDEIEVO I

Résumé

L'établissement lacustre néolithique de Bérendéiévo I a été repéré en 1964, dans le marais de Bérendéiévo (région de Iaroslav), en extrayant de la tourbe. L'étude complexe des conditions dans lesquelles la couche culturelle s'est formée a permis de dater ce site du début d'un optimum climatique se rapportant au IIIe millénaire av. n. ère, ce qui a été confirmé par l'analyse palynologique et radiocarbonique (4340 ± 40,4800 ± 50). Dans l'établissement, quelques inhumations des habitants ont été découvertes. En se basant sur l'ensemble des trouvailles — représenté par une série d'objets d'os et de pierre, ainsi que par une céramique très uniforme, connue grâce aux fouilles de quelques monuments de la région comprise entre la Volga et l'Oka,— on peut discerner une culture de l'époque énéolithique, nouvelle pour ce territoire et probablement venue du dehors.

L'étude de Bérendéiévo I a permis d'établir quelques lois générales pour la stratigraphie et la topographie des monuments de ce type.

---

[15] Второе погребение и остатки «жертвы» были обнаружены в мае 1966 г. К октябрю 1966 г., когда А. М. Микляев и Н. А. Хотинский производили раскопки, эта важная деталь уже была уничтожена кладоискателями.

[16] *М. И. Нейштадт и др.* Ук. соч., стр. 131, рис. 1.

[17] *Д. Эдинг.* Горбуновский торфяник. Сб. «Материалы по изучению Тагильского округа», вып. 3, полутом 1. Тагил, 1929, стр. 6.

[18] То же отмечено для Горбуновского торфяника Д. Эдингом: пни пограничного горизонта находятся выше слоя торфа с культурными остатками (см. *Д. Эдинг.* Ук. соч., стр. 4).

[19] И то и другое легко может быть определено по планам и разрезам торфяной залежи, находящимся в числе обязательной рабочей документации каждого торфопредприятия.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ГОРОДИЩЕ ОСЫНО

До недавнего времени древности восточных (днепровских) балтов рассматривались, как правило, обособленно от соответствующих археологических памятников юго-восточной Прибалтики. Принадлежность древних обитателей Верхнего Поднепровья и смежных областей к балтийской группе выяснилась сравнительно недавно; их самостоятельная жизнь прервалась со славянской колонизацией; различными были исторические связи прибалтийских и днепровских племен. Отсюда понятно, что перед изучением днепровских балтов стояли свои задачи, иные, чем задачи прибалтийской археологии. Тем не менее было бы чрезвычайно интересно рассмотреть археологию древнего балтийского мира в целом, со всеми его локальными подразделениями — западными и восточными.

Но такому изучению древних балтов мешает недостаточность, а порой и отсутствие полноценной археологической информации о территориях, расположенных по преимуществу между Прибалтикой и Поднепровьем. Культура городищ со штрихованной керамикой, распространенная в I тысячелетии до н.э. и начале нашей эры на огромных пространствах в пределах нынешних Белоруссии, Литвы и отчасти Латвии, исследована далеко недостаточно; в частности, не определены составляющие ее локальные подразделения. Неясно кому — балтам или предкам финно-угров — принадлежали в древности бассейны рек Великой, Ловати и верхнего течения Западной Двины. Такой же вопрос стоит относительно западнодьяковских городищ Волго-Окского междуречья. Одной из тем, подлежащих выяснению, является этническая характеристика древних себежских городищ, занимающих живописный озерный край на водоразделе между средним течением Западной Двины и верховьем р. Великой.

Начало исследованию себежских древностей было положено А. А. Спициным. В 1928 г. по приглашению заведующего Себежским музеем Б. В. Савицкого им были осмотрены археологические памятники в окрестностях г. Себежа. В архиве А. А. Спицина сохранились описания нескольких городищ и курганных могильников. Раскопок на городищах А. А. Спицин не производил.

В 1952 и 1953 гг. археологические работы в Себежском крае вела Ф. Д. Гуревич. На городищах у деревень Жуки и Ульяновщина, отнесенных ею ко второй половине I тысячелетия до н. э. и началу нашей эры, были произведены небольшие раскопки [1]. В 1955 г. на двух городищах — Себежском и Язбовском — небольшие раскопки предприняла С. А. Тараканова. Оба городища были датированы второй половиной I тысячелетия до н. э. В отличие от Ф. Д. Гуревич, которая сближала себежские городища с синхронными памятниками юго-восточной Прибалтики, С. А. Тараканова

[1] *Ф. Д. Гуревич.* Археологические памятники Великолуцкой обл. КСИА АН СССР, 62, 1956.

указала на якобы намечающееся их сходство, особенно по керамике, с городищами юхновской культуры Подесенья [2].

С мнениями Ф. Д. Гуревич и С. А. Таракановой не согласился К. П. Шут, в 60-х годах производивший исследование городищ «раннего железного века» в области среднего течения Западной Двины. Своеобразие керамики, близкой себежской, по его мнению, позволяет выделить среднедвинские и себежские городища в особую локальную группу, названную им себежской [3]. Подобные соображения высказывались белорусскими археологами и раньше, когда они говорили о городищах «западнодвинской» культуры. Но позднее эти древние городища не отчленялись белорусскими археологами от днепро-двинских, занимавших Смоленщину и юго-восточную часть Витебской области [4], и точка зрения К. П. Шута не получила дальнейшего развития. К днепро-двинским причислил себежские городища и В. В. Седов, раскопавший в конце 60-х годов в Себежском крае городища у деревень Стояки и Фомино, а также обследовавший ряд других пунктов [5].

Наличие нескольких несовпадающих точек зрения на этническую природу себежских городищ заставило еще раз обратиться к изучению этих древностей. Тем более что, по-видимому, главной причиной разногласий была недостаточная изученность памятников, в частности то, что археологи оперировали нерасчлененным материалом большего хронологического диапазона — I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры. За столь длительный период культурно-этническая обстановка и границы локальных групп могли меняться. Особый интерес представляли городища наиболее ранней группы — первой половины и середины I тысячелетия н. э.— времени, когда локальные особенности городищенской культуры должны были выступать наиболее отчетливо.

Наши работы в Себежском крае были начаты с осмотра уже известных городищ с целью выбора объектов для раскопок. Были осмотрены городища у деревень Кременцы, Рябы, Ульяновщина, Язбово (Избово), оба Себежские городища, городища у деревень Мидино, Добраши, Сутоки и др. Большинство из них оказалось непригодными для раскопок: у одних культурный слой распахан, другие поросли густым лесом, третьи не имеют культурного слоя. В результате обследований удалось отыскать лишь одно городище с чрезвычайно древним культурным слоем, к тому же содержащим богатые находки. Это городище находится вблизи д. Осыно, на берегу одноименного озера, в 22 *км* на юго-восток от г. Себежа. Раскопки на нем были проведены в 1971—1972 гг.

Городище имеет два культурных слоя: 1) первой половины I тысячелетия до н. э. и 2) XII—XIII вв. н. э., когда на городище были произведены большие фортификационные работы, в ходе которых на большей части площадки был срыт древний культурный слой и полностью разрушены остатки соответствующих ему сооружений — жилых и хозяйственных. Таким образом, городище как источник для изучения культуры «раннего железного века» явилось объектом далеко не полноценным, не сохранившим данных о многих важнейших сторонах культуры. Но обилие и прекрасная сохранность вещественных находок — предметов из камня и разнообразных изделий из кости, наконец, отбросов пищи (костей животных) заставили провести здесь раскопки, тем более что объем их был не особенно большим.

---

[2] *С. А. Тараканова.* Себежские городища и курганы. Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», т. I, М., 1959, стр. 111—117.

[3] *К. П. Шут.* Памятники раннего железного века на севере Белоруссии. Сб. «Древности Белоруссии», Минск, 1956, стр. 166—181.

[4] Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970, стр. 213—224.

[5] *В. В. Седов.* Городища себежского поозерья. Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallin, 1970, стр. 166—170; *его же.* Разведки в Псковской земле. АО — 1970, М., 1971, стр. 18.

Городище занимает юго-восточную, более высокую часть моренного холма, вытянутого с юго-востока на северо-запад, к озеру. Длина основания холма 220 *м*, ширина — от 60 до 120 *м*, высота городища 17—18 *м*. Его площадка правильной яйцевидной в плане формы имеет длину 45 *м*, ширину в средней части 28 *м*. Она вытянута вдоль длинной оси холма, суженным концом к озеру. Со всех сторон площадка окружена ровными

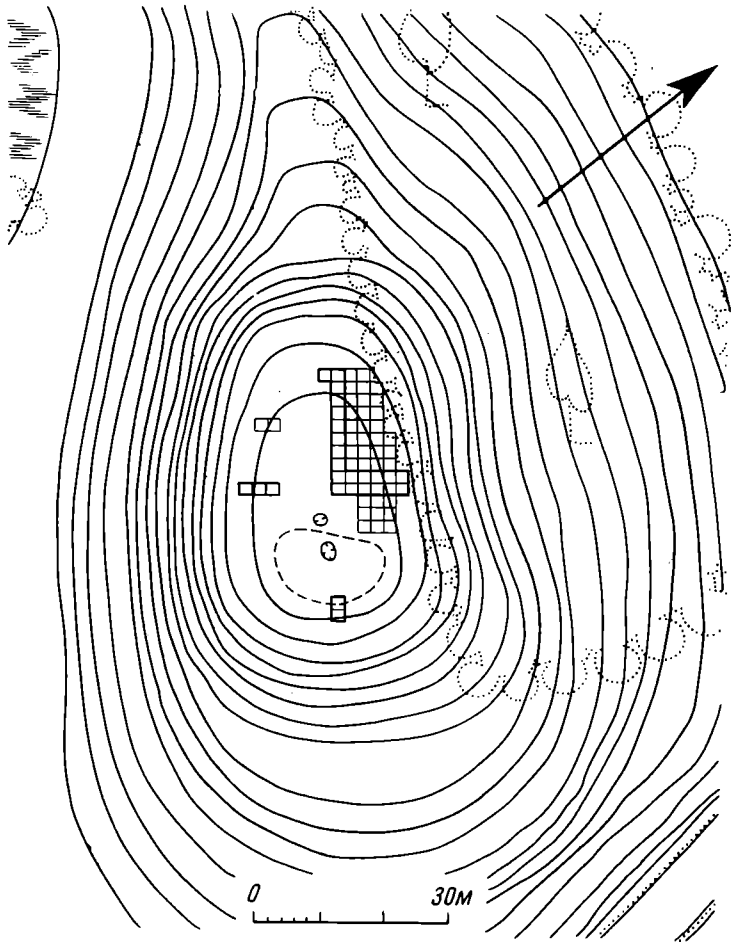


Рис. 1. План городища Осыно. Сечение горизонталей через 1 *м*. Жирной линией обведены участки, вскрытые в 1971 г.

склонами, особенно крутыми в верхней части. Валов на городище не имеется (рис. 1).

Как выяснилось в ходе раскопок, данную форму городище приобрело в итоге земляных работ XII—XIII вв. В далеком прошлом вершина холма, занятого городищем, была выпуклой и имела значительный склон с юго-запада на северо-восток. В средневековье площадка была снивелирована: с юго-западной и центральной частей вершины холма были сняты древний культурный слой и верхний горизонт материкового суглинка; все это было переброшено на более низкую северо-восточную окраину площадки. Тогда же верхняя часть склонов была эскарпирована.

В первый год раскопок с помощью ряда поперечных и одной продольной траншеи была разведана стратиграфия городища. На второй год была раскопана северо-восточная часть площадки, имеющая древний культурный слой. Всего на городище была вскрыта площадь размером 248 $м^2$.

Культурный слой на большей части площадки практически отсутствует. Он совпадает с тонким (10—15 *см*) дерновым слоем, непосредственно под которым лежит материковый суглинок. В почвенном слое встречаются

мелкие обломки средневековой керамики. Лишь вдоль северо-восточного края площадки на полосе шириной 6—8 *м* имеется мощный культурный слой, выклинивающийся к центру площадки и достигающий мощности 2 *м* у края. Слой состоит из двух горизонтов: 1) нижнего — ненарушенного, первой половины I тысячелетия до н. э., темно-бурого цвета, местами подстилаемого прослойкой древнего гумуса; мощность слоя 0,4—0,5 *м*, материк под этим слоем был сильно оподзолен; и 2) верхнего горизонта — материала, переброшенного сюда в XII—XIII вв. во время нивелировки пло-

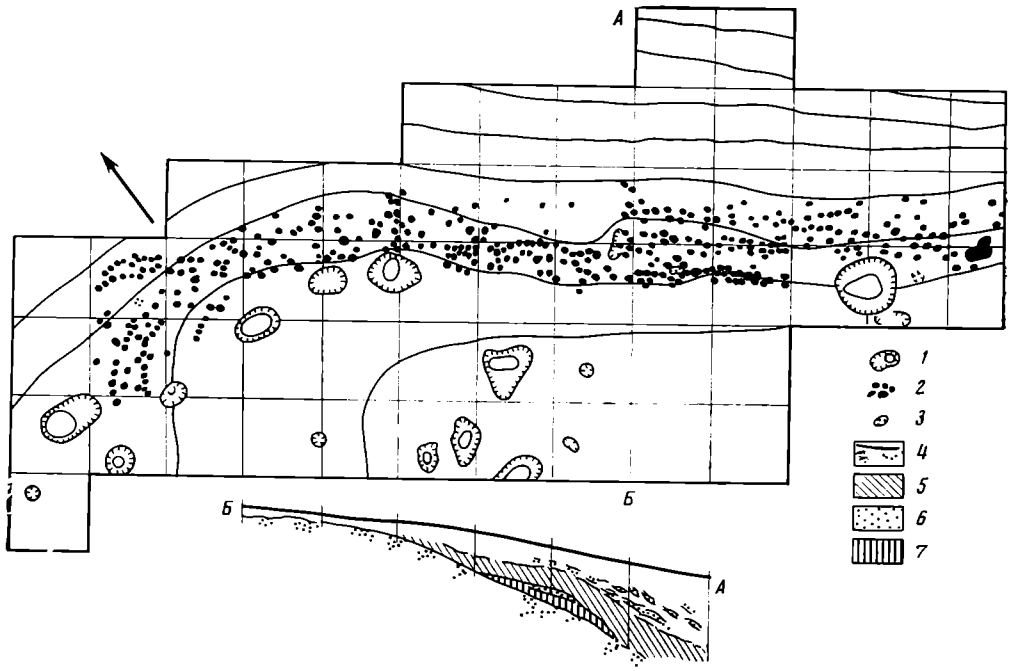


Рис. 2. План и профиль раскопа 1971—1972 гг. на городище Осыно: *1* — ямы XII—XIII вв.; *2* — ямы от столбов и кольев древней ограды; *3* — камень; *4* — мешаный слой; *5* — древний культурный слой; *6* — суглинок; *7* — древний гумус. Сечение горизонталей 0,5 *м*. Размер квадрата 2 × 2 *м*

щадки. Кроме древних остатков в этом перемешанном материале встречаются отдельные предметы XII—XIII вв. В отличие от нижнего горизонта сильно гумусированного и аморфного по строению, верхний перемешанный горизонт изобилует многочисленными включениями суглинка.

Когда разборка обоих горизонтов культурного слоя была закончена и обнажилась поверхность материка, вдоль древнего склона было обнаружено множество ям от столбов, диаметром 10—25 *см* и глубиной в материке 15—20 *см*. Столбы, точнее колья, стояли в этих ямах не вертикально, а с некоторым наклоном наружу. Иногда они образовывали плотные ряды (рис. 2). Трудно сказать, состояла ли ограда из одного или нескольких рядов кольев? Скорее всего мы видим здесь остатки нескольких оград, сменяющих одна другую, или ограды, неоднократно ремонтированной, состоящей из 2—3 рядов кольев. Судя по остаткам угля в некоторых ямках, ограда горела, вероятно, неоднократно. Следы такой же ограды были обнаружены в двух небольших траншеях, заложенных у юго-западного склона. Уровню древней поверхности там соответствовала углистая прослойка, также свидетельствовавшая о пожаре. Таким образом, ограда некогда окружала древнее городище со всех сторон. Протяженность окруженной оградой овальной площадки составляла 35—40 *м* в длину и 15 *м* в ширину. Площадь ее не превышала 450—500 *м*^{2}. Это было, следовательно, совсем небольшое укрепленное поселение.

Как видно на плане и профилях раскопа, древний культурный слой на городище сохранился, по сути дела, лишь на месте ограды и за ее пределами (рис. 2). Внутри ограды древнего слоя или совсем не было, или же он был испорчен средневековыми хозяйственными ямами. Большинство находок было сделано сразу же за оградой. Сюда некогда сбрасывались пищевые и другие отбросы, сюда же слой сползал и смывался во время существования древнего поселения и после того, как оно было покинуто. На крайних, лежащих ниже по склону квадратах культурный слой становился заметно беднее находками и приобретал более светлую бурую окраску. Кроме следов ограды, других остатков сооружений, относящихся к древнему слою, обнаружено при раскопках не было.

Перемещанный и сброшенный на северо-восточный склон материал древнего слоя дает совсем незначительную информацию о бывшем здесь некогда поселении. Так, большое количество горелого камня говорит о том, что в жилищах (можно думать наземных) были каменные очаги. Предположение о пожаре или пожарах, высказанное выше при описании ограды, было подтверждено пятнами угля и отдельными обгоревшими вещами из культурного слоя. К ним относится, например, нижний камень большой зернотерки, поверхность которой сильно обожжена. Обращает на себя внимание ряд каменных и костяных изделий, совершенно цельных, пригодных к употреблению (каменные топоры, костяные кинжалы и др.). Возможно, что пожар, завершивший древний период жизни на городище, был связан с вражеским набегом.

Как известно, древнейшие городища в лесной полосе Европейской части СССР связываются с культурой «боевых топоров и шнуровой керамики», распространившейся в Прибалтике, Поволжье и Поднепровье во II тысячелетии до н. э. Носителей этой культуры считают древними балтами, или прабалтами [6]. По уровню культуры они стояли выше древнего местного населения, способствовали распространению скотоводства и земледелия и явились здесь первыми строителями укрепленных поселений — городищ. На территории Среднего Поволжья древнейшие городища были исследованы П. Д. Степановым и А. Х. Халиковым. Они восходят ко II тысячелетию до н.э., в частности к его середине [7]. В других местах лесной полосы такие древние городища пока не обнаружены. Но среди многочисленных памятников юго-восточной Прибалтики, Верхнего Поволжья и Верхнего Поднепровья известны городища, относящиеся к началу и середине I тысячелетия до н.э. и характеризующиеся преобладанием каменных и костяных орудий. Еще в начале нашего века такие древности изучались в Восточной Литве Л. Кржвицким. Не сомневаясь, что обитатели городищ были знакомы с металлами, он счел возможным отнести культуру исследованных им древностей к «последним моментам неолитической эпохи» [8]. Подобные же древности известны на территории Латвии; они датируются бронзовыми кельтами меларского типа. Недавно сведения о них были обобщены Я. Я. Граудонисом [9]. Находки меларских кельтов и керамических формочек для их изготовления известны на городищах Смоленщины.

Городища, относящиеся к глубокой древности, несомненно, будут найдены и в других областях, где некогда расселялись «племена боевых топоров и шнуровой керамики». Городище на оз. Осыно является древнейшим из известных сейчас городищ Себежского края. В его культуре

---

[6] *Х. А. Моора.* О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1963, № 2.

[7] *П. Д. Степанов.* О фатьяновских поселениях. СА, 1958, 2; *его же.* Ош Пандо. Саранск, 1967, стр. 23—69; *А. Х. Халиков и Е. А. Халикова.* Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, 110, 1963; *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 182—209.

[8] *Л. Кржвицкий.* Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913, стр. 301—317.

[9] *Я. Я. Граудонис.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967.

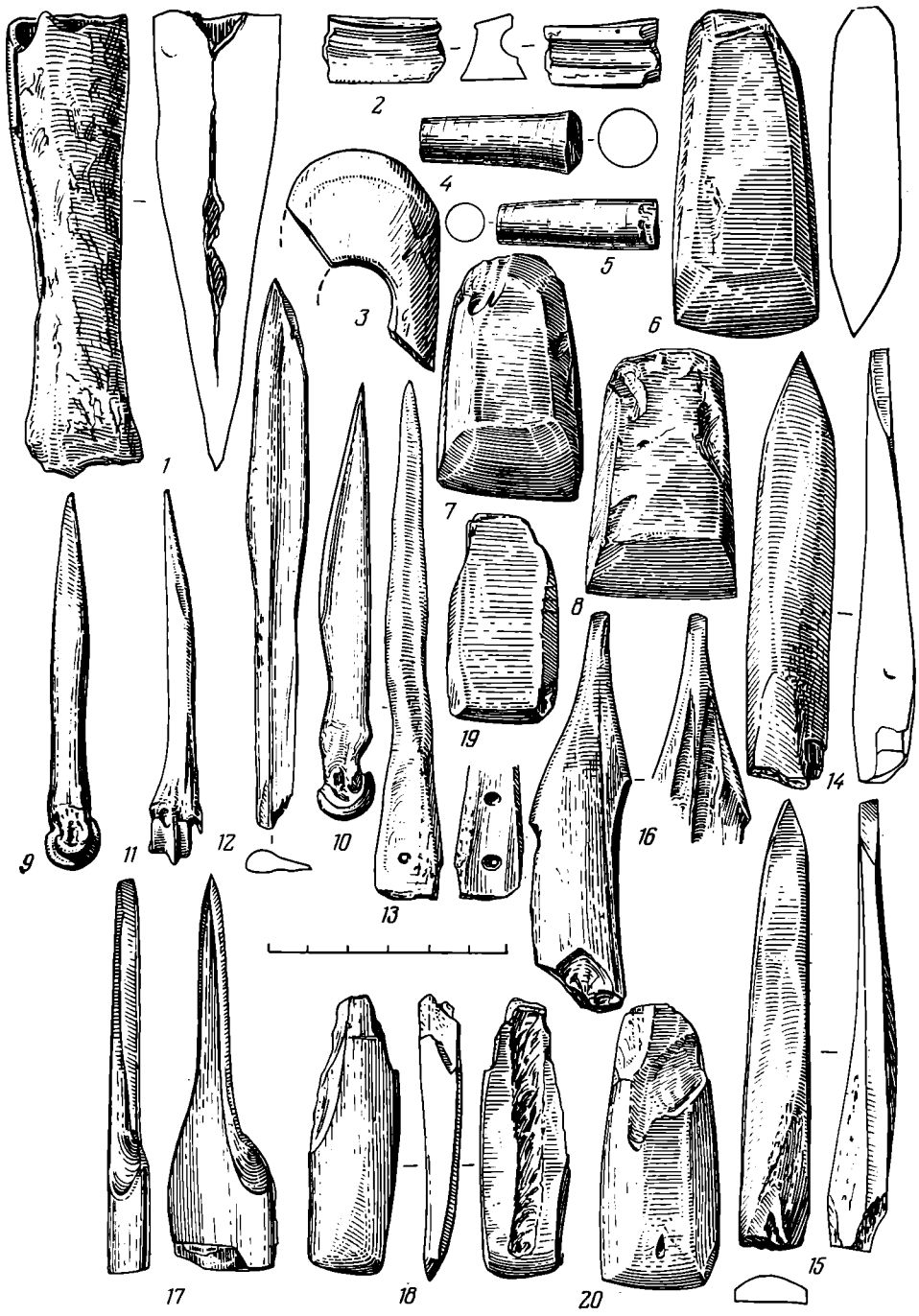


Рис. 3. Городище Осыно: *1* — железный топорик; *2* — обломок литейной формочки; *3—8* — изделия из камня; *9—20* — изделия из кости

на лицо элементы, восходящие к «племенам боевых топоров», хотя, по-видимому, оно не старше второй четверти I тысячелетия до н. э.

Среди многочисленных находок, происходящих из древнего культурного слоя городища Осыно, нет ни одного изделия из металла. О бронзовой металлургии, однако, говорят три обломка литейных формочек, сделанных по восковым моделям, служивших для отливки круглых в сечении браслетов (рис. 3, *2*). Такие же находки неоднократно встречались на древнейших городищах Верхнего Поднепровья и юго-восточной Прибалтики. Ближайшую аналогию нашим формочкам можно указать также среди

материала известного Бискупинского городища на территории Польши [10]. Единственным предметом из железа с городища Осыно является миниатюрный втульчатый топорик (рис. 3, *1*). Но он был найден на стрелке городища в толще перемешанной земли, насыпанной в XII—XIII вв. при выравнивании площадки городища, и его отношение к древнему слою находится под большим вопросом. Все остальные находки свидетельствуют, что производственный и бытовой инвентарь, в том числе орудия для обработки дерева и предметы вооружения, изготовлялись древними обитателями городища в основном из твердых пород камня и из кости. Но если каменные топоры и мотыги делались ими по-старому, «неолитическим» способом, то для изготовления костяных поделок употреблялись металлические орудия. Каких-либо орудий из камня (кремня), которые могли бы служить для этой цели, на городище не найдено, как не найдено ни одного осколка кремня, кроме обломка кремневой стрелы, явно случайного происхождения.

Основным материалом, из которого древние обитатели городища изготовляли каменные орудия, служил черный или темно-серый диабаз и родственные ему твердые мелкозернистые породы. Из них изготовлялись плоские клиновидные топоры и топоры-молоты с круглыми отверстиями для насаживания на рукоятку. Другие изделия, перечисленные ниже, делались из камня других пород — гранитов, различных сланцев и пр.

Каменные орудия

Обломки топоров-молотов	3
«Высверлины» от топоров-молотов	6
Плоские топоры и тесла	12
Их обломки и заготовки	14
Зернотерки	1 + обломки
Куранты и песты	29
Точильные и шлифовальные камни	4

Хотя топоры-молоты представлены в нашей коллекции лишь тремя обломками, причем лишь один сохранил круглое отверстие (рис. 3, *3*), орудий такого рода у древних обитателей городища было, по-видимому, немало. Об этом говорят находки цилиндрических высверлин (рис. 3, *4*, *5*). Их диаметр одинаков — 1,5—2 *см*; для высверливания употреблялись, вероятно, сверла из трубчатых костей. Такие топоры-молоты относятся не только к II тысячелетию н. э. — к культуре «шнуровой керамики». На территории Прибалтики они происходят также с городищ и из захоронений начала и середины I тысячелетия до н. э. [11]

В большом количестве найдены плоские клиновидные топоры, трапециевидные по форме, в сечении обычно прямоугольные, реже с зашлифованной фасеткой или закругленными углами. Их длина от 5,2 до 8,5 *см*; ширина лезвия 3—4 *см* (рис. 3, *6—8*). Судя по обломкам, имелись орудия и несколько большего размера. У некоторых орудий лезвие скошено на сторону; они употреблялись как тесла. Найдены две заготовки топоров, сформованных из диабаза грубыми сколами. Два топора с выщербленными лезвиями были в ремонте: их лезвия вновь затачивались, но работа не была завершена. Шесть топоров совершенно целы; их остро отточенными лезвиями можно точить карандаш.

Цельный нижний камень зернотерки найден в Осыно лишь в одном экземпляре в верхнем перемешанном слое. Это сильно вогнутая гранитная плита размером 25 × 35 *см*, по-видимому, долго бывшая в употреблении. Имеются обломки еще нескольких подобных же зернотерок, а также верхних камней к зернотеркам неправильной полушарной формы со слегка выпуклой рабочей стороной.

---

[10] *Z. Pieczyński.* Formy i przybory oblewnicze z grodu kultury luzyckiej w Biskupinie. III Sprawozdanie z prac wikopaliskowych w grodzie kultury luzyckiey w Biskupinie. Poznan, 1950, s. 113—131.

[11] *Я. Я. Граудонис.* Ук. соч., стр. 83, табл. I.

В большом числе найдены каменные пестики и пестики-куранты. Это более или менее правильные каменные шары, диаметром от 6—7 до 9—10 *см*, поверхность которых сильно сработана. Для их изготовления подбирались соответствующей формы валунчики, обычно из гранита, реже из диабаза. Некоторые из них служили, по-видимому, отбойниками при первичной обработке каменных орудий или раскалывании костей и пр.

Валуны соответствующих форм и состава подбирались и для различных точильных камней. В нашей коллекции имеются точила с желобками, на которых натачивались костяные острия, и камни, служившие для шлифования и затачивания каменных топоров и др.

Большую часть находок, сделанных на городище Осыно, не считая обломков керамики, составляют изделия из кости и рога. Их найдено свыше 200. Это различные инструменты, орудия охоты и рыбной ловли, предметы вооружения, убора и украшения.

Орудия и другие изделия из кости и рога

Острия-шилья	21	Кинжалы и их обломки	3
Массивные острия	15	Рукоятки металлических ножей (?)	3
Обломки острий	27	Булавки и их обломки	19
Клиновидные острия («стамески»)	17	Подвески и другие украшения	22
Долота и их обломки	11	Обломки различных костяных изделий	45
Наконечники стрел и копий	20	Рыболовные крючки	2

Наиболее распространенными костяными изделиями, найденными на городище Осыно, являются острия, сделанные чаще всего из расколотых вдоль метоподий мелких парнокопытных. Тыльной частью рукоятки служила половина эпофиза кости; рабочий конец был аккуратно заострен. Размеры большинства острий небольшие: длина 7—12 *см*. Многие из них «отполированы» до блеска от длительного употребления, вероятно в качестве шильев при изготовлении одежды и обуви (рис. 3, *9—11*). Имеется несколько острий, изготовленных из узких осколков стенок больших трубчатых костей; одно сделано из расколотого вдоль резца бобра.

Помимо острий-шильев на городище найдены более массивные острия, сделанные из крупных костей. По-видимому, это инструменты различного назначения. Одни из них служили качадыками — инструментами, употреблявшимися при плетении корзин, циновок и пр., другие, возможно, были наконечниками рогатин, третьи — предметами вооружения, своего рода кинжалами (рис. 4, *15*, *18*). Наконец, имеются два острия из метаподий, крупных парнокопытных, бывшие, по-видимому, наконечниками мотыг. Их длина 15 *см*, поперечник 2,5—3 *см*.

Особо выделяются плоские острия, сделанные из стенок крупных трубчатых костей. Судя по заполированности от употребления, они являлись чем-то вроде ножей. Длина цельных таких инструментов (их найдено 4) составляет 2—13 *см*, причем половина длины приходится на рукоятку. На конце рукоятки одного такого ножа имеется круглое отверстие, как у костяных кинжалов, речь о которых пойдет ниже (рис. 3, *12*, *13*).

Особую группу костяных орудий составляют острия с клиновидным лезвием, сделанные из стенок крупных трубчатых костей (3 экз. целых и 7 сломанных). Их заостренный рабочий конец образует поперечное лезвие шириной 3—4—5 *мм*. Длина орудия 10,5—11 *см* (рис. 3, *14—15*). Подобные же лезвия имеют еще несколько орудий, напоминающих по форме современные металлические отвертки (рис. 3, *16*, *17*). Тыльные части всех этих орудий, служивших долотами или стамесками, разбиты от многократных ударов.

В 11 экземплярах найдены настоящие костяные и роговые долота, сделанные из стенок крупных трубчатых костей, по форме похожие на каменные плоские топорики, но более миниатюрные. Ширина их лезвия от 1,3 до 2,5 *см*, длина орудия 5—9 *см*. У всех тыльные концы также разбиты; при работе они разрушались в первую очередь (рис. 3, *18—20*).

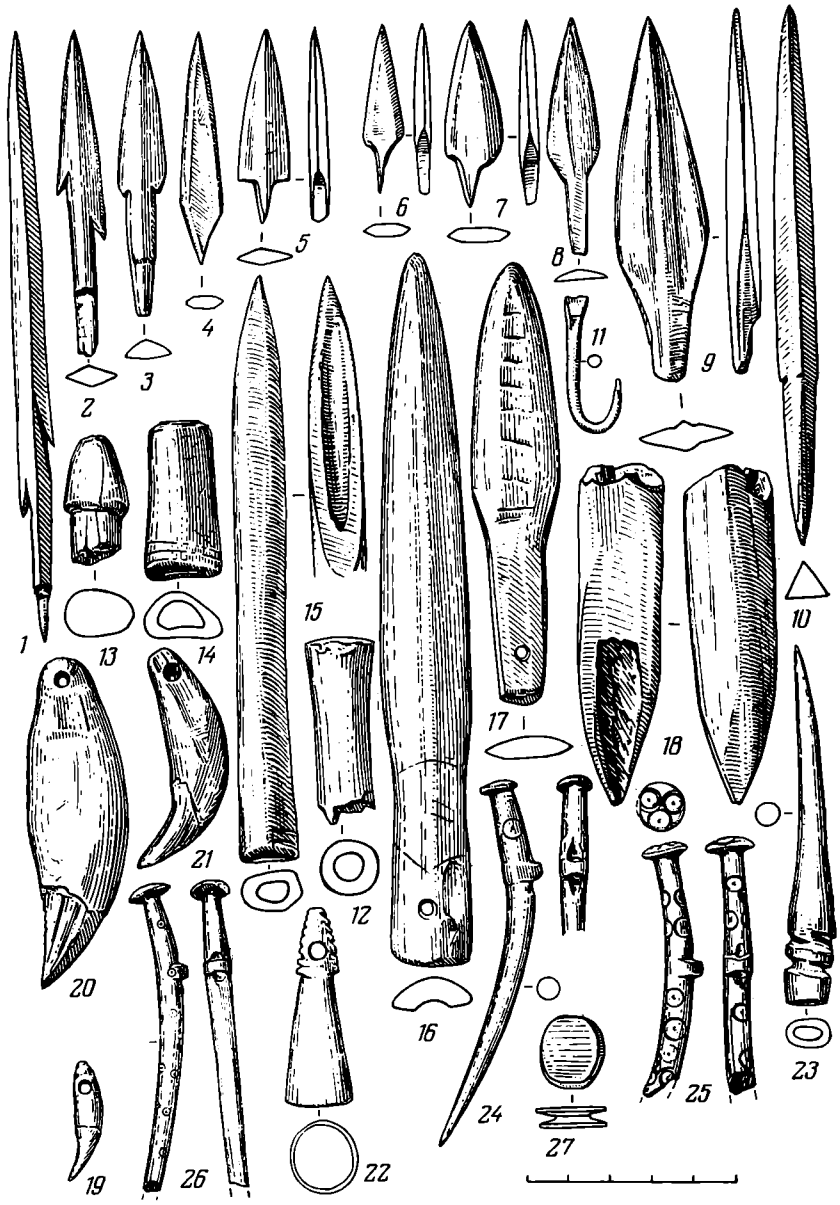


Рис. 4. Городище Осыно. Изделия из кости

Весьма многочисленную группу костяных изделий составляют наконечники стрел, их заготовки и сломанные экземпляры. Они очень различны по формам и размерам (рис. 4, *1—10*). Больше всего найдено маленьких треугольных наконечников с миниатюрным черенком. Их длина 3,5—4,5 *см*. Одни наконечники в сечении ромбические, остальные плоские с заостренными краями. Из крупных наконечников бросается в глаза длинный (около 15 *см*), узкий наконечник, ромбический в сечении, с двумя жальцами, расположенными несимметрично — одно выше другого, и с маленьким заостренным насадом (рис. 4, *1*). Другой наконечник, также ромбический в сечении, с двумя несимметричными жальцами имеет длину 7,5 *см* (рис. 4, *2*). Такие же размеры у наконечников с симметричными жальцами и с жальцем на одной из сторон. Один большой (длина 13 *см*) наконечник имеет узкое трехгранное перо (рис. 4, *10*).

Принимая во внимание большое количество костей крупной рыбы среди пищевых отбросов, в материалах городища Осыно можно было ожидать находки костяных гарпунов. Но ни одного цельного гарпуна при раскоп-

ках найдено не было. Правда, остатками гарпунов могли быть обломки двух круглых костяных стержней, диаметром 0,6—0,7 *см*, нижние части которых уплощены для скрепления с рукояткой. Но это могли быть и тыльные части крупных наконечников стрел.

Бесспорными орудиями рыболовства являются два костяных крючка. Один из них, совершенно целый, имеет в длину 3,4 *см*. Его тыльная часть расширена для прочного прикрепления к леске (рис. 4, *11*). Другой крючок, такого же размера и формы, является заготовкой.

К наконечникам копья может быть отнесено великолепное острие с листовидным, ромбическим в сечении пером, длиной 8 *см*, с обломанным насадом (рис. 4, *9*). Отполированность его до блеска, что было результатом длительного употребления, заставляет высказать и другое предположение о назначении этого орудия. Оно могло быть миниатюрным кинжалом, близким маленькому кинжалу, описанному ниже.

Костяных кинжалов, являющихся украшением коллекции находок из городища Осыно, найдено два целых и один обломок. Все они изготовлены из стенок больших трубчатых костей, имеют правильные симметричные очертания, заостренные с обеих сторон лезвия и несколько суженные рукоятки с круглыми отверстиями на тыльном конце. Длина бóльшего кинжала 17 *см*, ширина лезвия 2,7 *см*, длина рукоятки 5,5 *см*. Размеры маленького соответственно 10,5, 2,7 и 4 *см*. Оба они, особенно большой, отполированы до блеска от длительного употребления (рис. 4, *16*, *17*).

Убедительным доказательством наличия у обитателей городища металлических орудий являются костяные рукоятки ножей или шильев. Одна из рукояток цилиндрической формы имела продольное глухое отверстие, куда вставлялся четырехгранный черенок металлического ножа (или острия?). Другие рукоятки, также округлые в сечении, имели на конце шишечку. Обращают на себя внимание небольшие размеры рукояток, что соответствовало, вероятно, миниатюрным размерам металлических инструментов, для которых они служили.

Из кости и рога изготовлялись не только орудия труда, но и предметы убора и украшения, прежде всего булавки, представляющие собой одну из специфических «руководящих форм» предметов убора древних балтов. Для городища Осыно особенно характерными являются булавки в виде несколько изогнутого заостренного стержня, длиной 9—10 *см*, тыльный конец которого заканчивается круглой головкой наподобие шляпки гвоздя. Несколько ниже головки (в 2—2,5 *см*) на стержне имеется выступ с продольным отверстием, служивший для привязывания шнурка. Шесть булавок такой формы оказались орнаментированными, причем все одинаково — круглыми «циркульными» кружками с точкой посредине. Диаметр кружков, процарапанных острым, несомненно металлическим инструментом —1,5—4,5 *мм*. Так орнаментировался не только стержень булавки, но и ее круглая головка (рис. 4, *24—26*).

Булавки такой формы известны среди древностей Прибалтики, относящихся к эпохе бронзы и «раннего железного века» [12]. Их рассматривают обычно как подражание металлическим гвоздевидным булавкам, известным по среднеевропейским древностям эпохи бронзы. Это весьма возможно, но нужно указать, что бронзовые булавки такой формы имеются в Прибалтике среди древностей и более позднего времени — I тысячелетия н. э. и даже средневековых [13]. Поэтому костяные булавки с городища Осыно, к сожалению, не могут быть использованы для уточнения датировки.

Кроме гвоздевидных имеются костяные булавки и других форм. На головке у них имеются либо отверстие, либо желобки для привязывания шнурка (рис. 4, *23*). Ими, как и гвоздевидными булавками, закреплялась на груди верхняя одежда.

---

[12] *Я. Я. Граудонис.* Ук. соч., стр. 91, 92, табл. VII, VIII.

[13] *Н. Moora.* Die Eisenzeit in Zettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, 1938, II, S. 168; «Zietuviu liaudies menas», кн. I. Vilnius, 1958, fig. 45—48, 52—54, 198—200, 323—327.

Из других предметов убора, происходящих с городища Осыно, отметим подвески к ожерелью. Это, во-первых, подвески-амулеты из клыков хищников с отверстием для подвешивания — два клыка медведя, клык волка, два клыка лисицы и обломок клыка кабана (рис. 4, *19—21*). Уникальным предметом является полая костяная подвеска конической формы, изображенная на рис. 4, *22*. Ее высота 7,7 *см*, диаметр основания — 1,7 *см*. Верх конуса уплощен и имеет круглое отверстие для подвешивания. Верх подвески украшен мелкими насечками.

Подвесками или бусами служили позвонки крупной рыбы, обточенные по периметру. Их найдено 6 экз. Интересна выточенная из кости овальная пластинка размером 1,7 × 1,5 *см*, по ребру которой проходит глубокая кольцевая выемка (рис. 4, *27*). Изделие служило скорее всего пуговицей («запонкой»). Среди находок, происходящих из древних могильников на территории Латвии, имеются подобные изделия, выточенные из янтаря [14].

Наконец, в коллекции костяных изделий с городища Осыно имеются небольшие пронизки (рис. 4, *14*), обломок кольца диаметром 3,5 *см*, обломки гребня (?) и различных других изделий.

Очень интересными оказались костные остатки из древнего слоя городища Осыно. Во избежание ошибки они были взяты отдельно: а) из нижнего ненарушенного слоя и б) из переброшенного слоя, в котором мог встретиться материал средневекового времени [15].

Переходим к керамике. Она является важнейшим свидетельством культурной однородности и узких хронологических рамок древнего слоя городища Осыно. Представленная свыше чем 750 обломками, керамика одинакова по составу глины, формам сосудов, их фактуре, обжигу. Перед нами исключительно «чистый» комплекс, что довольно редко встречается в древних городищах лесной полосы Европейской части СССР. Из общей массы выпадают лишь 17 обломков, принадлежавших 6—7 сосудам, которые по фактуре и орнаментации заметно отличались от основного материала. Речь о них будет идти ниже.

Прежде всего следует отметить, что керамика городища Осыно ничем не походит на глиняную посуду «культур шнуровой керамики». Она свидетельствует о совершенно иной керамической традиции. Для нее характерна, прежде всего, глина с обильной примесью дробленого гранита. Угловатые, часто острые зерна кварца, полевого шпата, кусочки слюды — составные части гранита — буквально переполняют керамическую массу. Размеры этих частиц от 1—2 до 4—5, иногда до 6—7 *мм* в поперечнике. Изготовленная из глины с такой примесью посуда является очень грубой; ее поверхность — внутренняя и наружная — является неровной, бугристой с выступающими зернами примеси. Толщина стенок сосудов крайне неравномерна; как правило, верхняя часть (4—6 *мм*) тоньше стенок (5—7 *мм*), последние тоньше дна (6—10 *мм*).

Цвет керамики — ее внутренней и наружной поверхностей и излома — темно-бурый, черный, неравномерный. Черепок — прочный, он не мажется, не расслаивается, не крошится.

Преобладающая форма сосудов — цилиндрическая (диаметр горловины лишь немного превышает диаметр плоского дна), с непрофилированной шейкой и лишь слегка выпуклыми стенками, высота сосуда превышает его диаметр. Размер сосудов небольшой: восстановленный сосуд первого типа имеет высоту 21 *см*, диаметр горла 16 *см*, дна 14 *см*; толщина стенок 6—8 *мм*, дна — 9—10 *мм*. Сосуд неорнаментирован (рис. 5, *1*).

Но большинство других таких сосудов, представленных обломками, имеют бóльший размер. Они украшены круглыми сквозными отверстиями,

---

[14] *Я. Я. Граудонис.* Ук. соч., стр. 36, 87, табл. XX, рис. 8, *9*.

[15] Костные остатки были определены Н. М. Ермоловой. Автор приносит ей свою благодарность. Статью Н. М. Ермоловой, посвященную костным материалам из городища Осыно, см. в этом номере журнала.

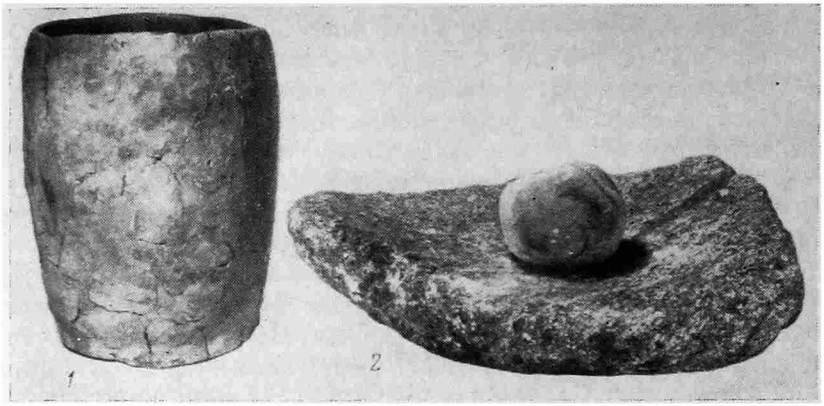


Рис. 5. Городище Осыно. Глиняный сосуд, зернотерка

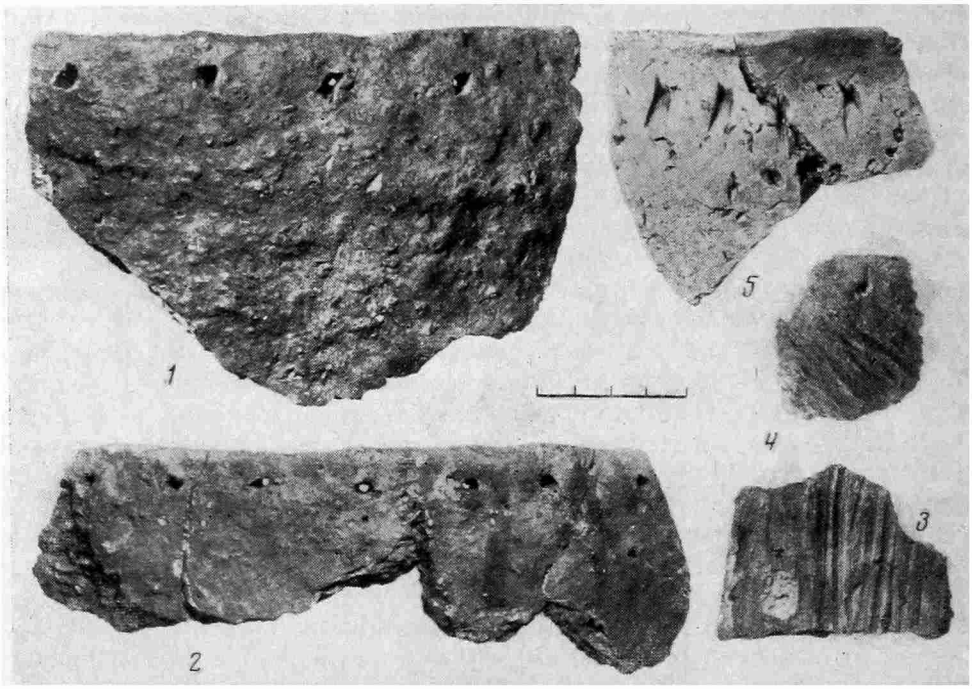


Рис. 6. Городище Осыно. Обломки керамики

нанесенными в один ряд под венчиком. Диаметр отверстий 3—5 *мм* (рис. 6, *1—2*). На некоторых сосудах отверстия затерты при окончательном сглаживании стенок сосудов. Имеются два обломка сосуда со сквозными отверстиями под венчиком, слегка отогнутым наружу, с выпуклым телом. Диаметр его горловины 28 *см*, наибольший диаметр 32 *см*, толщина стенок 0,5 *см*. Эти обломки принадлежали, кажется, наиболее крупному сосуду из нашей коллекции.

Сосуды другого типа — в виде невысоких мисок, несколько расширяющихся кверху, представлены также лишь одним, восстановленным до полного профиля небольшим сосудом. Его высота 11,5 *см*, диаметр горла 16 *см*, дна 12 *см*. Судя по обломкам, большинство мисок были большого размера: диаметр горла 24—26 *см*, дна 20—22 *см*. В отличие от сосудов первого типа миски не имели круглых отверстий у края. У некоторых мисок вместо отверстий нанесены неглубокие округлые ямки.

Все типы сосудов не имеют карнизика у дна; дно производит впечатление не столько плоского, сколько уплощенного.

Из основного комплекса выпадают 17 обломков. Большинство из них покрыто штриховкой, что характерно для соседних прибалтийских областей (рис. 6, *3*). Один обломок принадлежит сосуду, покрытому текстильными (сетчатыми) отпечатками. От основной массы керамики он отличается своим песковатым тестом и слабым обжигом (рис. 6, *4*). То же самое следует сказать об обломках двух профилированных сосудов с ямочками («тычками») под венчиком, близко напоминавших днепро-двинскую или даже юхновскую посуду «раннего железного века» из бассейна р. Десны (рис. 6, *5*). Наконец, имеется один маленький обломок сосуда с рядом круглых отверстий под венчиком, стенки которого покрыты отпечатками перевитой веревочки. Отдельные такие обломки встречаются на древних городищах на территории Латвии [16].

Все перечисленные обломки глиняных сосудов, выпадающих из основного комплекса, по времени ему вполне соответствуют. Они свидетельствуют, очевидно, о связях древних обитателей городища с ближайшими и более отдаленными областями.

Как известно, в археологической практике керамика рассматривается не только как элемент хозяйства и быта, но и как существенный признак при территориальном и этническом подразделении древних культур. И это имеет под собой серьезное основание, так как среди особенностей, присущих древней керамике, имеется немало таких, которые не зависят ни от общего уровня культуры, ни от характера хозяйственной деятельности. Особенности эти отражают специфические местные традиции.

Все сказанное является справедливым и в отношении восточнобалтийских группировок I тысячелетия до н. э. Их культура подразделяется преимущественно на основании особенностей керамики. Классификация по другим признакам обычно не противоречит выводам, полученным на основании анализа керамики.

С этой точки зрения обратимся к материалам городища Осыно. Несмотря на то что по ряду признаков (каменные и костяные орудия) городище примыкает к древностям Литвы, Латвии и Северной Белоруссии, его керамика оказалась иной. Не представлена такая керамика и в более восточных областях, где в 50-х годах работала Я. В. Станкевич [17]. В местностях, расположенных севернее Себежского края — по течению р. Великой и на восток от Чудского озера, бесспорные городища I тысячелетия до н. э. до сих пор неизвестны. Но в нижних слоях Псковского кремля имеется керамика, близкая осыновской — с грубой примесью, шероховатой поверхностью, нередко — со сквозными отверстиями под венчиком [18]. Вполне бесспорные параллели осыновской керамике имеются на древних городищах юго-восточной Эстонии, таких, как Рыуге, Отяпя и др. [19]. Как и Псковский кремль, эти городища многослойные. При раскопках материал древнего слоя, относящегося к I тысячелетию до н. э., не был отделен от находок из вышележащих, более поздних наслоений. По мнению исследователей, городища относятся не раньше чем к началу I тысячелетия н. э., что, несомненно, является ошибкой.

По сообщениям К. П. Шута, керамика, подобная осыновской, характерна для древних городищ полоцкого и отчасти витебского течения Западной Двины, смежного с Себежским краем. Из городищ с такими находками назовем Угаровское, находящееся в правобережье Западной Двины. Но на городищах, исследованных К. П. Шутом, имеется керамика и другого типа — с примитивными геометрическими узорами, прочерченными

---

[16] *Я. Я. Граудонис.* Ук. соч., табл. XXXI, рис. 13.

[17] *Я. В. Станкевич.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, 76, 1960.

[18] *С. А. Тараканова.* Новые материалы по археологии Пскова. КСИ АН СССР, 33, 1950, стр. 52, 53; *ее же.* Псковское городище. КСИА АН СССР, 62, 1956, стр. 37.

[19] *М. Х. Шмидехельм.* Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. Вопросы этнической истории народов Прибалтики, вып. I. М., 1959, стр. 154—185.

под венчиком [20]. Такая посуда на себежских городищах не встречена. Представляется вероятным, что городища, исследованные К. П. Шутом, находятся на южном пограничье культуры, характерной для городища Осыно.

В целом создается впечатление, что Себежский край и смежные местности в «раннем железном веке» принадлежали своеобразной группе населения, по происхождению скорее всего балтийской. Как известно, керамика северных и западных областей Эстонии, по возрасту соответствующая городищу Осыно, носит совсем другой характер. Примером может служить керамика известного городища Асва [21].

P. N. Trétiakov

LE GORODITCHE D'OSSYNO

Résumé

En 1971—1972, on a étudié un goroditché de la seconde moitié et du milieu du Ie millénaire av. n. ère, situé près du village d'Ossyno, sur le lac du même nom, dans le district de Sébej (région de Pskov).

La plus ancienne couche culturelle du goroditché a été presque entièrement détruite aux XIIe et XIIIe siècles au cours de grands travaux entrepris à cet endroit pour établir des ouvrages défensifs. La couche ne s'est conservée que sur une étroite bande, le long du versant nord de la place du goroditché; elle consiste en deux niveaux: 1) la couche inférieure, la plus ancienne, et 2) la couche supérieure faite de terre jectisse provenant des autres parties de la place (XIIe et XIIIe s.), et qui contient aussi des objets appartenant à une époque plus ancienne. Ici se sont conservés de nombreux trous pour de minces poteaux, trace d'une ancienne clôture. Il n'y a pas de couche culturelle dans les parties centrales et méridionale de la place. Immédiatement au—dessous de la couche superficielle de terre, on trouve le sol vierge argileux. Dans la couche superficielle on peut recueillir des tessons de céramique du Moyen Age.

Un grand nombre d'objets découverts dans la couche culturelle consistent en haches de pierre de deux types: cunéiformes, et massives avec un trou foré pour le manche; il y a également de nombreux pilons et mortiers. On rencontre beaucoup d'objets en os: des pointes, des burins de différents types, des couteaux, des poignards, des pointes de flèches. Très intéressante est une collection d'épingles, parmi lesquelles il faut distinguer particulièrement celles en forme de clou avec une ouverture pour y fixer un cordonnet. On remarque également quelques pendants faits de crocs de carnassiers, ainsi que d'autres objets de parure.

La céramique appartenant à la couche la plus ancienne est très uniforme. L'argile en est grossière, avec présence de granite concassé; la forme des vases rappelle celle de pots. Le décor consiste en petits trous ronds alignés sur un rang au—dessous du bord.

Des goroditchés du même genre sont répandus près du lac Tchoudskoïé et dans les régions méridionales de l'Estonie. Ils appartiennent apparemment à l'un des petits groupes des anciennes populations baltes.

---

[20] *К. П. Шут.* Ук. соч., стр. 166—181.
[21] *R. Indreko.* Asva linnus-asula. Muistse Eesti linnused. Tartus, 1939.

Н. М. ЕРМОЛОВА

ОСТАТКИ МЛЕКОПИТАЮЩИХ С ДРЕВНЕГО ГОРОДИЩА ОСЫНО

Городище Осыно, раскопки которого проводились в 1971—1972 гг. П. Н. Третьяковым, расположено на берегу озера, близ дер. Осыно Себежского района Псковской области. Остеологические остатки, собранные при раскопках этого памятника, происходят из двух культурных горизонтов. Верхний горизонт содержит смешанный материал, часть которого датируется XIII в. Нижний горизонт однороден и, по мнению П. Н. Третьякова, относится к началу I тысячелетия до н. э.

Таблица 1

Видовой состав и численность остатков млекопитающих из раскопок городища Осыно

	Горизонты	
	верхний	нижний
Дикие животные		
Лось (Alces Alces)	22/3	50/4
Благородный олень (Cervus elaphus)	–	1/1
Косуля (Capreolus capreolus)	–	1/1
Кабан (Sus scrofa ferus)	8/3	348/16
Медведь (Ursus arctos)	15/2	22/4
Куница (Martes martes)	8/3	13/5
Выдра (Lutra lutra)	6/2	8/5
Лисица (Vulpes vulpes)	2/1	17/2
Заяц-беляк (Lepus timidus)	3/2	2/1
Бобр (Castor fiber)	40/7	88/12
Водяная крыса (Arvicola terrestris)	2/1	–
Домашние животные		
Лошадь (Equus caballus)	28/3	66/4
Корова (Bos taurus)	126/4	142/5
Овца (Ovis aries)	10/3	19/5
Коза (Capra hircus)	6/2	13/3
Мелкий рогатый скот (Capra et Ovis)	62/7	114/12
Свинья (Sus scrofa domestica)	130/6	–
Собака (Canis familiaris)	2/1	27/2
Всего определимых костей	472	931
Неопределимые фрагменты костей млекопитающих	53	170

Примечание. В числителе — количество костей, в знаменателе — минимальное число особей.

Из верхнего культурного горизонта происходят 532 кости, 472 из которых оказалось возможным определить. Как видно на табл. 1, здесь имеются остатки домашних и диких млекопитающих, но доминируют кости домашних животных. Следует отметить относительно большое число костей домашней свиньи. Остатки коровы и мелкого рогатого скота встречаются реже. Еще меньше костей лошади. Среди остатков диких животных преобладают кости бобра. Помимо остатков млекопитающих имеются семь неопределимых фрагментов костей птиц.

Наибольший интерес представляют залегающие in situ костные остатки нижнего культурного горизонта. Из обнаруженных здесь 1123 костей

определить удалось 931. Неопределимыми остатками оказались 170 костей млекопитающих, 4 — птиц и 18 — рыб.

Если в верхнем горизонте преобладали остатки домашних животных, то в нижнем горизонте — кости диких:

	Верхний горизонт число костей	%	Нижний горизонт число костей	%
Дикие животные	108	22,3	550	59,1
Домашние животные	364	77,7	381	40,9
Итого:	472	100	928	100

Лось (Alces alces L.) является одним из крупных млекопитающих, добываемых обитателями городища Осыно. Среди остатков лося встречаются кости как взрослых, так и молодых, но уже достигших крупных размеров животных. Все кости, содержащие мозг, разбиты. Извлекался мозг и из первых фаланг, что было характерно для древних (неолитических и мезолитических) охотничьих племен. В более позднее время первые фаланги обычно не разбивались. Крайняя степень использования для еды добываемых охотой животных свидетельствует, по-видимому, о слабо развитом скотоводстве. В подтверждение этого предположения можно сослаться на работу Е. Г. Андреевой, которая отмечает, что в костном материале Пронского поселения (XI, XIII вв.), где скотоводство было хорошо развито, первые фаланги лося не разбиты [1].

Следует отметить, что кости лосей, добываемых обитателями городища, принадлежали крупным особям. К. Л. Паавер [2], изучивший большой остеологический материал по лосям эпохи голоцена в Прибалтике, пришел к выводу, что самые крупные лоси водились на этой территории в раннем и позднем голоцене. При сравнении данных, приводимых К. Л. Паавером[3], с промерами костных остатков лосей из нижнего горизонта Осыно, видно, что последние относились к более крупным особям, чем прибалтийские (ширина верхнего конца лучевой кости лося из Осыно 98,9 *мм*, а у прибалтийских не более 84 *мм*).

Благородный олень (Cervus elaphus L.). Обнаружено лишь отпиленное основание штанги рога этого оленя, который, вероятно, редко встречался в районе Осыно.

Косуля (Capreolus capreolus L.). Также была редкой добычей. Найден лишь обработанный фрагмент ее рога.

Кабан (Sus scrofa L.). Если в верхнем культурном горизонте городища Осыно большая часть костных остатков принадлежит домашней свинье (табл. 1), то среди костей нижнего горизонта доминирующее положение занимают остатки кабана. Число его костей превышает число костных остатков крупного рогатого скота. Встречаются обломки всех костей скелета, преимущественно взрослых особей. Кости разбиты, за исключением не содержащих мозга дистальных частей конечностей. Хорошо сохранившиеся фрагменты нижних и особенно верхних челюстей позволили установить по стертости жевательной поверхности зубов, что добывались даже старые кабаны. Из минимального числа особей (16), которое удалось определить по имеющимся остаткам, лишь 5 особей можно отнести к молодым животным. Обратное соотношение наблюдается в остатках домашней свиньи в верхнем культурном горизонте, где из 6 особей молодых животных — 5, а взрослых — лишь 1.

Кости домашней свиньи в нижнем горизонте городища Осыно отсутствуют. Достоверных диагностических отличий домашней и дикой форм свиней по скелету, кроме более мелких размеров и субтильности костей у домашней свиньи, нет. Все промеры костей этого вида из нижнего го-

---

[1] *Е. Г. Андреева.* Изучения костных остатков животных из раскопок Пронской экспедиции. Бюлл. МОИП, т. VIII, X, 1972.

[2] *К. Л. Паавер.* Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Тарту, 1965.

[3] Там же.

Таблица 2

Верхние пределы вариации размеров костей субфоссильной домашней свиньи в сравнении с нижними пределами размеров остатков кабана из городища Осыно, *мм*

	Домашняя свинья			Кабан
	Средняя Европа [4]	Древняя Русь [5]	Восточная Прибалтика [6]	Псковщина, городище Осыно
Наибольшая ширина верхнего конца лучевой кости	32–34	34	31	34,2
Наибольшая ширина нижнего конца лучевой кости	43–44	38	38	41,3
Наибольшая ширина нижнего конца берцовой кости	32–34	34	31	36,4
Наибольшая длина астрагала	43–45	48	46	49,1
Длина M^3	–	37	33	37,3
Длина M_3	–	38	36	42,3

ризонта уходят за пределы цифр домашней формы и принадлежат значительно более крупным диким животным.

В табл. 2 даны только наиболее низкие цифры размеров костей кабана из нижнего горизонта городища Осыно, но все они превышают наиболее высокие цифры промеров, известные для субфоссильных домашних свиней (причем более ранняя домашняя свинья — торфяная была самой мелкой).

Принято считать, что в условиях лесной местности свинья являлась первым одомашненным животным после собаки, так как легко разводилась и могла самостоятельно кормиться [7]. Предполагается, что одомашнивание свиней в Западной Прибалтике началось в III тысячелетии до н. э., в связи с чем усилилось преследование кабана, считавшегося конкурентом домашней свиньи по использованию естественных кормов [8]. К. Л. Паавер, исследовавший массовый субфоссильный остеологический материал из древних памятников Прибалтики, отмечает, что достоверно определяемых костей домашней свиньи у племен III тысячелетия до н. э. не обнаружено.

В нижнем культурном горизонте городища Осыно костей домашней свиньи не встречено, а в нижних слоях более молодого Пекуновского городища, расположенного в Калининской области, остатки домашней свиньи доминируют [9]. Таким образом, возможно, для более южных лесных районов свинья и была одним из первых домашних животных. Но в северных лесах, где преобладает хвойная древесная растительность, содержание свиней на естественных кормах было затруднительным. Для содержания домашних свиней в этих районах необходимо достаточно развитое земледельческое хозяйство, позволяющее обеспечить кормом находящихся на ограниченной территории животных хотя бы в зимнее время. В южных широколиственных лесах разведение и содержание домашних свиней облегчается достаточным количеством естественных кормов зимой (желуди, орехи, плоды бука и диких фруктовых деревьев).

Кабан был постоянным объектом промысла обитателей городища Осыно. Озеро, на берегу которого располагалось городище, привлекало жи-

[4] Там же.

[5] *В. И. Цалкин.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. МИА, 51, 1956.

[6] *К. Л. Паавер.* Ук. соч.; *В. И. Цалкин.* Ук. соч.

[7] *В. И. Равдоникас.* Старая Ладога. СА, XI, 1949; *В. И. Бибикова.* Фауна Пекуновского городища. МИА, 13, 1950.

[8] *S. Ekman.* Djurvärldens utbredningshistoria på skandinavinska halvön. Stockholm, 1922.

[9] *В. И. Бибикова.* Ук. соч.

вотных обильным развитием по берегам водяной и прибрежной растительности, которая служила пищей кабанам в разные сезоны года.

В позднеголоценовый период кабаны Восточной Европы отличались крупными размерами[10], были крупнее даже рецентных кавказских кабанов (средняя длина коронки M^3 у кабанов из Осыно 41,5 *мм*, коронки M_3 —44,2 *мм*, а у современных кавказских —39,5 и 42,8 *мм*).

Современный западноевропейский кабан также значительно меньше субфоссильного позднеголоценового [11]. Увеличение размеров кабана в позднем голоцене связывается с обитанием в трудных климатических условиях севера и с более глубоким снеговым покровом в то время. Наиболее крупные кабаны в Европе в настоящее время водятся в глубокоснежных районах [12].

Кабаны, обитавшие в районе Осыно, отличались крупными размерами (были близки и даже несколько превосходили позднеголоценовых кабанов Восточной Прибалтики). Отсюда следует, что климатические условия в начале I тысячелетия до н.э. на Псковщине были довольно суровыми.

Медведь (Ursus arctos L.). В нижнем горизонте культурного слоя Осыно обнаружены кости минимум четырех взрослых медведей, среди которых один был очень старым, с сильно стертыми зубами. К. Л. Паавер отмечает что в Прибалтике охота на медведя становится наиболее интенсивной в позднем голоцене. Численность медведя в Восточной Европе была высока до XVIII в. [13] Размеры медведей сильно варьируют на протяжении всего голоцена. Судя по размерам зубов, медведи из Осыно были животными средней величины (длина M^2 31,7—34,0 *мм*, длина M_2 26,0—26,1 *мм*).

Куница (Martes martes L.). В остеологическом материале из городища Осыно имеются целые кости скелета и нижние челюсти минимум пяти особей куницы. По-видимому, куница, так же как и теперь, не являлась частой добычей охотников. Предположение, что кости куницы редко встречаются потому, что тушки скармливались собакам, маловероятно: у мелких куньих резкий запах и собаки их не едят.

Размеры куниц из Осыно сильно варьируют, что можно объяснить ярко выраженным половым диморфизмом у этого вида, тем не менее они вполне укладываются в параметры, приводимые К. Л. Паавером для куниц позднего голоцена Восточной Прибалтики.

Выдра (Lutra lutra L.). В позднеголоценовых памятниках выдра представлена в основном единичными костями. Городище Осыно в этом роде является исключением, так как только в нижнем горизонте найдены остатки от пяти особей выдры. По всей видимости, степень промысла этого пушного зверя зависела от условий расположения поселения вблизи водоемов, подходящих для обитания выдры. Осыно находилось на берегу большого озера, богатого прибрежной и водяной растительностью, а следовательно, и рыбой, которой питается выдра.

По данным К. Л. Паавера, исследовавшего остеологический материал Восточной Прибалтики, субфоссильные выдры не отличались по размеру от современных, что подтверждает материал из Осыно.

Лисица (Vulpes vulpes L.). Кости лисиц из нижнего горизонта Осыно принадлежали двум взрослым животным. Нижние челюсти разных лисиц имели крупный хищнический зуб (M_1) одинаковой длины — 18,2 *мм*. К. Л. Паавер указывает длину M_1 для позднеголоценовых лисиц Прибалтики в пределах 14,7—16,8 *мм* (M — 15,62 *мм*).

Заяц-беляк (Lepus timidus L.). Так же как и лисица, заяц являлся случайной добычей обитателей поселения Осыно.

[10] *В. И. Цалкин.* К истории млекопитающих восточноевропейской лесостепи. Бюлл. МОИП, отдел. биологии, т. 57, вып. 2, 1963.

[11] *К. Л. Паавер.* Ук. соч.

[12] *K. Cabon.* Untersuchungen über die Schädelvariabilität des Wildschweins, Sus scrofa L. aus Nordostpolen. Acta theriologica, II, 6, Warszawa, 1958.

[13] *С. В. Кириков.* Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII—XIX вв.). Лесная зона и лесотундра. М., 1960.

Бобр (Castor fiber L.). Остатки бобра в городище Осыно занимают второе место по количеству среди костей диких животных. Встречаются кости как взрослых, так и молодых особей. В. И. Громова [14] отмечает, что определение молодых и взрослых животных у бобров затруднительно, так как эпифизы у него прирастают поздно [15]. Но в материале из Осыно имеются челюсти с молочными зубами (три челюсти из семи) и кости совсем маленьких бобрят. Следовательно, охотясь на бобров, обитатели Осыно не заботились о сохранении их поголовья и, видимо, иногда уничтожали целиком население хатки (жилище семьи бобров). Можно также предполагать, что в охоте употреблялись какого-то типа ловушки, куда попадали как взрослые, так и молодые животные. В более позднее время в Старой Рязани добыча бобров проводилась, видимо, иным способом, вследствие чего появилась возможность выборочности крупных взрослых особей; остатков молодняка бобров среди костного материала Старой Рязани нет [16].

Помимо разновозрастности состава остатки бобров из Осыно отличаются большой вариацией в размерах, особенно заметной на нижних челюстях. По всей видимости, это связано не с индивидуальной изменчивостью, а с длительностью процесса окостенения скелета и, следовательно, растянутого времени роста костей. Так, череп, по данным Г. Хинце [17], заканчивает рост лишь к 4 годам, а по наблюдениям Л. Визеля [18], только к 9—10 годам. Половой диморфизм у бобров выражен очень слабо, так что изменчивость в размерах костей за его счет отнести нельзя.

Почти все бедренные кости бобров из Осыно обгрызаны на концах и носят явные следы зубов на сохранившихся частях. Большинством авторов считается, что бобр раньше употреблялся в пищу, хотя Е. Г. Андреева [19] придерживается противоположного мнения. Имеющийся костный материал из Осыно скорее позволяет считать, что мясо бобра в пищу не употреблялось: кости обгрызаны только по концам, а диафизы целые и не разбивались для изъятия мозга. Обычно человек извлекает мозг из тех костей, где он есть, а в Осыно доставался мозг даже из фаланг лося. Обгрызание эпифизов костей свойственно собакам (трубки диафизов они не разгрызают), тем более что эпифизы были мягкие, так как большинство остатков принадлежало молодым животным.

Так как у всех лучевых и локтевых костей бобров из Осыно обломаны нижние концы, можно сказать, что шкурки с бобров снимались гултом, тем же способом, что и сейчас. Тушка бобра подвешивалась за задние ноги, делался надрез у дистальных концов голеней и вдоль задних сторон бедер, а затем шкурка спускалась вниз, к голове. При этом передние лапы обрезались и выбрасывались.

Лошадь (Equus caballus L.). Скотоводство в хозяйстве поселения Осыно играло большую роль. По числу костей остатки лошади занимают пятое место. Всего имеется 66 костей лошади, 13 из которых принадлежат жеребенку, захороненному целиком. Остальные кости представляют собой два фрагмента таза, один фрагмент черепа, один фрагмент голени, пять фрагментов челюстей и отдельные зубы и мелкие кости дистальных частей конечностей. По этому набору костных остатков трудно судить, какое участие принимало мясо лошади в рационе людей. Вероятнее, лошадь использовали в основном как тягловую силу. В. И. Целкин [20], иссле-

[14] *В. И. Громова.* Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа, МИА, 8, 1948.

[15] По данным К. Л. Паавера, окостенение скелета у бобра происходит к 3—4 годам (*К. Л. Паавер.* Формирование териофауны...).

[16] *В. И. Цалкин.* Домашние и дикие животные Старой Рязани. МИА, 49, 1955.

[17] *G. Hinze.* Der Piber. Körperbau und Lebensweise. Verbreitung und Geschichte, Berlin, 1950.

[18] *L. Wiesel.* Beiträge zur Morphologie der Biberarten Zeitschrift für Morphologie und Ocologie der Tiere, Bd. 14, Ht. 1, 1929.

[19] *Е. Г. Андреева.* Фауна Кондраковского городища. Сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. 1. М.— Л., 1940.

[20] *В. И. Цалкин.* Палеофауна Старой Рязани. КСИИМК, XXI, 1947.

довавший костный материал из Старой Рязани, полагает, что лошадь в пищу не употреблялась (мало молодых особей).

Зубы субфоссильных лошадей из Осыно имеют гладкую эмаль. Мезостиль не раздвоен. Протокон длинный, типично кабаллоидный. Двойная петля разной формы. Внутренняя долинка на сильно стертых задних коренных нижней челюсти примыкает к шейке двойной петли или входит в нее.

Длина M_3 у лошадей из Осыно: 30 и 35,6 *мм*.

Длина M_3 у лошадей из Старой Рязани [21]: 30, 30, 33, 30 и 31 *мм*.

Из костей возможно было промерить единичные первые фаланги и астрагал.

Даже по этому незначительному числу измерений и сравнению их с аналогичными промерами других субфоссильных лошадей можно сказать, что лошадь в городище Осыно была крайне мелкой (табл. 3). В. И. Цалкин на основании анализа промеров остатков лошадей из Старой Рязани пришел к заключению, что они были малорослыми. Лошади из Осыно, видимо, были еще ниже в холке и более субтильны. По размеру таранной кости они идентичны с тарпаном, а первые фаланги еще меньше и тоньше, чем у представленного в единичном числе тарпана; следовательно, сами лошади были более тонконоги, чем тарпан.

Корова (Bos taurus L.). По количеству костей занимает первое место среди остатков домашних животных в нижнем культурном горизонте Осыно. Встречаются фрагменты различных костей скелета, но все кости разбиты, за исключением дистальных частей конечностей. На некоторых передних фалангах имеются болезненные разрастания суставных поверхностей — следствие воспаления путового сустава при содержании на холодном сыром грунте. Преобладают остатки мелких особей коров, но отдельные кости принадлежали крупным животным.

Крупный рогатый скот из Осыно по размерам близок к средним показателям скота из Старой Рязани, а в ряде случаев и значительно превышает их (например, фрагменты лучевой и плечевой кости и нижний конец голени) (табл. 4).

В литературе высказывалось мнение, что присутствие в одном древнем памятнике резко отличающихся по размеру костей отдельных особей крупного рогатого скота свидетельствует о наличии двух разных пород [22]. В. И. Цалкин [23] полагает, что резкие различия в размерах примитивного скота следует отнести за счет индивидуальной и половой изменчивости. По-видимому, мнение В. И. Цалкина более соответствует действительности, так как поддержание генетической чистоты двух разных пород в примитивных условиях разведения крайне затруднительно.

Размеры прочей, основной массы костных остатков крупного рогатого скота свидетельствуют об относительно мелкой породе коров в Осыно (табл. 5, 6). Высота их в холке, вычисленная по коэффициенту таранной кости, предложенному В. И. Цалкиным [24], не превышает 110 *см*.

Коза и овца (Capra et Ovis). Костей мелкого рогатого скота в Осыно было столько же, сколько и крупного, но по числу особей его оказалось почти в три раза больше. Можно считать, что в хозяйстве поселения мелкий рогатый скот занимал примерно одно положение с крупным.

Следует особо заметить, что наряду с овцами разводились и козы, в том же, что и овцы, или лишь несколько меньшем количестве. Этот факт представляет несомненный интерес, так как в литературе указывается на

---

[21] *В. И. Цалкин.* Домашние и дикие животные...

[22] *С. Н. Боголюбский.* Палеофауна сельскохозяйственных животных Старой Рязани. Ин-т археологии и искусствоведения. Тр. секции археологии, т. IV, М., 1929; *Е. Г. Андреева.* Фауна Кондраковского городища; *В. И. Громова.* Ук. соч.; *В. И. Бибикова.* Ук. соч.

[23] *В. И. Цалкин.* Палеофауна Старой Рязани.

[24] *В. И. Цалкин.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.

Таблица 3

Промеры первых фаланг и таранных костей у субфоссильных лошадей, *мм*

	Городище Осыно			По В. И. Громовой						по В. И. Цалкину	
				Боршевское городище			тарпан			Старая Рязань	
	передняя	задняя	астрагал	передняя	задняя	астрагал	передняя	задняя	астрагал	передняя	задняя
I фаланга											
Наибольшая длина	72,0	69,5		80–88	74,5–88		75	71		77–93	69–88
Ширина верхнего конца	50,8	48,3		50–53,5	49,5–57,5		53	53,5		47–61	46–57
Наименьшая ширина диафиза	30,5	30,6		35–36	33–39,5		34,5	34		30,5–36	28,5–36
Наибольшая ширина нижнего конца	42,5	41,3		44,5–47	42,5–53		44,5	45		42,5–51	41–47
Ширина нижнего конца (в суставной поверхности)	37,9	39,3		–	–		–	–		40,5–47	39–45
Таранная кость (астрагал)											
Наибольшая длина			52,7			54,5–60			52		
Ширина нижней суставной поверхности			48,1			48,6–54			48		

Таблица 4

Промеры фрагментов длинных костей конечностей субфоссильного крупного рогатого скота, *мм*

	Осыно		По В. И. Цалкину			По В. И. Громовой
			Старая Рязань	древний Новгород	городища дьяковской культуры	Боршево
	1	2	Lim	Lim	Lim	Lim
Лучевая кость						
Ширина верхнего конца	81,0		64–80			72–75,5
Наименьшая ширина диафиза	46,8		31–40			
Нижняя часть большой берцовой кости						
Ширина	66,8	57,9	51–54		51–72	52–68,5
Передне-задний поперечник	53,0	42,2	–			41–52
Плечевая кость						
Ширина нижнего конца	72,2		62–73	53–64		

Таблица 5

Промеры зубов субфоссильного крупного рогатого скота, *мм*

	Осыно			Городища дьяковской культуры (по В. И. Цалкину)						Старая Рязань (по В. И. Цалкину)
	1	2	3	1	2	3	4	5	6	
Альвеолярная длина ряда предкоренных зубов нижней челюсти	48,3			45	46	46	49	49	54	37–52
Длина M_3	37,0	38,1	34,0	39	37	40	37	36		
Ширина M_3	17,5	17,0	16,0	14	15	14	14	14		

отсутствие или крайне незначительное число остатков коз в памятниках I тысячелетия до н. э. в лесной полосе Европы, хотя появление этого вида здесь относится к концу II — началу I тысячелетия до н. э. [25]. В Осыно имеются кости взрослых и молодых коз, причем часть костей молодых животных и плохо диагностируемые остатки коз попали в общую группу костей мелкого рогатого скота. По всей видимости, население Осыно использовало главным образом шерсть коз, так как среди остатков имеется совершенно деформированная голень взрослого животного (сломанная и неправильно сросшаяся): животное сильно хромало, но его почему-то не забивали на мясо. Поскольку в близких по времени и территории фаунистически исследованных памятниках данные по козам практически

[25] Остатки козленка в могиле фатьяновской культуры близ Костромы.

Таблица 6

Промеры костей дистальных частей конечностей субфоссильного крупного рогатого скота, *мм*

	Осыно				Городища дьяковской культуры (по В. И. Цалкину)		Старая Рязань (по В. И. Цалкину)		Боршево (по В. И. Громовой)		
	1	2	3	4	Lim	M	Lim	M	1	2	3
Таранная кость											
Наибольшая длина	60,4	55,9	56,2		55–80	63,16	51–70	59,2	61,5	62,5	
Наибольшая ширина	42,3	38,0	35,4		—	—	—	—	—	—	
Нижний конец пястной кости											
Ширина	51,8				48–80	58,96	46–70	52,60	55,0	57,0	36,5
Передне-задний поперечник	26,3				—	—	—	—	32,0	30,0	31,0
I фаланга											
Наибольшая длина	55,0	56,1	59,8	56,6	51–70	58,98	48–75	55,35			
Ширина верхнего конца	33,8	28,5	27,8	26,3							
Ширина нижнего конца	33,1	29,0	27,0	24,9							

отсутствуют, позволю себе привести некоторые промеры отдельных костей (табл. 7).

Остатки овцы из городища Осыно принадлежат в основном мелким особям, хотя среди них и встречаются отдельные более крупные животные. В. И. Цалкин анализируя размеры метаподий овец, приходит к заключению, что наиболее мелкими была овцы лесной полосы Европы в эпоху раннего железа [26]. Среди костей овец городища Осыно имеется пястная кость, размеры которой еще меньше (табл. 8). Величина плюсны лежит в пределах изменчивости этих костей овец в эпоху раннего железа (дьяковская культура).

Следует отметить, что форма нижней суставной поверхности плечевой кости у овец из Осыно сильно варьирует, особенно в очертании меджального блока.

Собака (Canis familiaris L.). Среди исследуемого остеологического материала имеются остатки от двух скелетов собак. Кости одной особи несколько крупнее, чем другой, но и ту и другую можно отнести лишь к мелким собакам, альвеолярная длина нижнего зубного ряда которых не превышает 80 *мм* (табл. 9). Так же как и овцы, в эпоху раннего железа и в более древнее время собаки были мелки и стали крупнее лишь у древних славян [27].

В хозяйственном укладе населения, судя по материалам нижнего горизонта городища Осыно, большую роль играла охота. Об этом ясно свидетельствует доминирование остатков диких животных над домашними

[26] В более позднее время у древних славян овцы были более крупными.

[27] *В. И. Цалкин.* Домашние и дикие животные...; *Е. Г. Андреева.* Изучение костных остатков животных...

Таблица 7

Промеры костей коз из городища Осыно, *мм*

	Кости									
	нижняя челюсть	плечевая кость	большая берцовая кость (3 экз.)			пястная кость	плюсневая кость	таранная кость (3 экз.)		
Альвеолярная длина ряда коренных зубов	65,8									
Ширина верхнего конца						21,6	20,3			
Передне-задний поперечник верхнего конца						15,7	18,1			
Ширина нижнего конца		27,9	22,3	22,2	23,4	24,3				
Передне-задний поперечник нижнего конца		22,8	16,5	18,8	17,3	14,0				
Наибольшая длина								27,0	25,3	25,4
Наибольшая ширина								18,1	17,1	16,9

Таблица 8

Промеры метаподий субфоссильных овец, *мм*

	Пястная кость					Плюсневая кость						
	Осыно (3 экз.)			раннее железо (по В. И. Цалкину) (50 экз.)		Осыно (5 экз.)					раннее железо (по В. И. Цалкину) (29 экз.)	
				Lim	M						Lim	M
Наибольшая длина	105,0	–	–	107–130	117,14	133,3	127,0	–	–	–	114–136	126,45
Ширина верхнего конца	19,3	21,6	20,6	–	–	19,4	19,0	18,0	18,3	18,2	–	–
Передне-задний поперечник верхнего конца	15,3	15,8	15,4	–	–	18,1	18,8	18,7	18,9	18,0	–	–
Наименьшая ширина диафиза	11,5	14,0	13,0	–	–	11,8	11,3	10,3	10,2	–	–	–
Ширина нижнего конца	21,4	–	–	–	–	20,3	21,8	–	–	–	–	–
Передне-задний поперечник нижнего конца	14,5	–	–	–	–	15,3	15,0	–	–	–	–	–

в исследованном остеологическом материале. Основным объектом охоты был кабан. Кости его преобладают в нижнем культурном слое, тогда как в верхнем культурном слое по числу остатков первое место занимает домашняя свинья.

Неоднократно высказываемое в литературе мнение, что в лесной полосе Европы первым домашним животным помимо собаки была свинья, не подтвердилось на материале из Осыно. Все остатки свиньи из нижнего слоя городища принадлежат лишь дикой форме, тогда как крупный и мелкий рогатый скот и лошадь в исследуемом памятнике представлены хорошо. Таким образом, в начале I тысячелетия до н.э. в изучаемом районе

Таблица 9

Промеры костей субфоссильных собак, *мм*

	Нижняя челюсть			Лучевая кость		Большая берцовая кость	
	Осыно	Старая Рязань (по В. И. Цалкину)		Осыно (2 экз.)		Осыно (2 экз.)	
		Lim	M				
Альвеолярная длина зубного ряда	72,4	65–80	70,2				
Наибольшая длина				144,9	–	152,0	–
Ширина верхнего конца				22,1	–	34,1	–
Передне-задний поперечник верхнего конца				13,0	–	33,0	–
Наименьший диаметр диафиза				12,5	–	13,0	10,0
Ширина нижнего конца				17,5	13,9	21,0	19,0
Передне-задний поперечник нижнего конца				–	11,0	16,0	14,0

у населения домашней свиньи не было. Следует отметить, что отсутствовали и кости домашних кур, в значительном количестве встречающиеся в более поздних памятниках.

Добыча лося и медведя играла важную роль в жизни обитателей городища Осыно, так как мясо этих животных занимало определенное место в питании людей. Охота на редких в окрестностях городища благородного оленя и косулю носила спорадический характер.

Помимо животных, которые добывались из-за мяса, жители изучаемого городища систематически охотились на пушных зверей — куницу, выдру, бобра. Остатков последнего особенно много. Охота на лисицу и зайца носила случайный характер.

Помимо охоты первостепенное значение в жизни населения Осыно имело скотоводство. Разводился крупный и мелкий рогатый скот и лошадь. На первом месте по числу остатков стоит крупный рогатый скот. Коровы были довольно мелкой породы, хотя среди них и встречались отдельные более крупные особи. Мелкого рогатого скота содержалось примерно столько же или лишь несколько меньше, чем крупного.

Костей лошади в нижнем горизонте памятника Осыно обнаружено в 2 раза меньше, чем остатков коров и мелкого рогатого скота. По характеру остеологического материала можно считать, что мясо лошади в пищу не употреблялось. Порода лошадей была мелкой и отличалась от тарпана своей тонкокостностью.

Остатки собак из городища Осыно также принадлежат мелким по размеру особям.

Таким образом, для всех видов домашних животных исследуемого памятника характерны незначительные размеры, что является свидетельством примитивности скотоводства.

Напротив, остатки таких диких животных, как лось и кабан, найденные в Осыно, принадлежали очень крупным животным, встречающимся в настоящее время лишь в районах с суровым климатом и глубоким снежным покровом. Отсюда можно сделать вывод, что в период существования городища Осыно (начало I тысячелетия до н. э.) климат района Псковской области был более холодным, чем в современную эпоху.

N. M. Ermolova

OSSEMENTS DE MAMMIFERES PROVENANT DE L'ANCIEN GORODITCHE D'OSSYNO

Résumé

On a étudié des restes d'animaux provenant du goroditché d'Ossyno, situé dans le district de Sébej (région de Pskov). Les fouilles du goroditché ont été effectuées par P. M. Trétiakov, en 1971—1972. Les débris osseux proviennent de deux niveaux, dont le supérieur contient des pièces de différentes époques, et l'inférieur des vestiges culturels de la première moitié et du milieu du Ier millénaire av. n. ère.

Sur 472 ossements identifiés du niveau supérieur, une grande partie appartient à des animaux domestiques, parmi lesquels dominent le porc. Dans les restes d'animaux sauvages on remarque surtout des os de castors. Le nombre des os identifiés dans la couche inférieure s'élève à 981. 550 appartiennent à des animaux sauvages, et 381 à des animaux domestiques. C'est le sanglier qu'on rencontre le plus fréquemment parmi les bêtes sauvages. On ne trouve pas de porcs domestiques. Les sangliers qui peuplaient de district d'Ossyno, à l'époque de l'existence du goroditché, se distinguaient par leur grande taille.

Les restes d'élans, recueillis dans la couche inférieure d'Ossyno, appartenaient aussi à de grands exemplaires. Outre ces bêtes, les habitants du goroditché chassaient le cerf, le chevreuil, l'ours, la martre, la loutre, le lièvre blanc et le castor. Les plus nombreux étaient les restes de castors, appartenant à des individus aussi bien jeunes qu'adultes. Parmi les restes d'animaux domestiques il y a surtout des os de gros bétail à cornes. Les vaches d'Ossyno étaient d'une espèce de petite taille. Les restes de moutons et de chèvres s'y trouvent en quantité égale. Le cheval était de très petite taille avec des os minces.

La chasse jouait un grand rôle dans la vie des habitants du goroditché En dehors des animaux qu'ils capturaient pour leur chair, ils chassaient également les bêtes à fourrures. L'élevage avait seulement un caractère primitif.

В. С. ГОРБУНОВ, Р. Б. ИСМАГИЛОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ МЕЧЕЙ И КИНЖАЛОВ САВРОМАТО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В БАШКИРИИ

В последние годы на территории Башкирии было обнаружено несколько десятков мечей и кинжалов эпохи раннего железного века. Большинство из них являются случайными находками. Основная масса находок происходит из Центральной Башкирии и локализуется в районе между г. Стерлитамаком и с. Толбазы, райцентром Аургазинского района. Сюда же примыкает кинжал, найденный на правобережье среднего течения р. Белой у с. Салихово. Из Стерлитамакского и Аургазинского районов нами учтено 26 экз. мечей и кинжалов. Остальные находки распределяются неравномерно: шесть из них происходят из юго-западных районов, по одному из низовьев рек Белой и Уфы, устья р. Дёмы и у южных ворот г. Уфы. Один из мечей, найденный в окрестностях Оренбурга, хранится в Стерлитамакском музее и поэтому включен в нашу публикацию.

С находками мы познакомились в Стерлитамакском краеведческом музее, городском музее г. Белебея, в школьных музеях сел Талачево, Месели, Салихово, Енактаево и Нижние Услы, кабинете археологии Башкирского государственного университета [1].

Основной целью данной публикации является введение в научный оборот неизвестных ранее материалов. При описании и систематизации оружия мы пользовались принципами, предложенными и разработанными в свое время А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой, К. Ф. Смирновым и А. М. Хазановым.

Все основные данные о мечах и кинжалах сведены в обобщающую табл. 1, в которой нумерация единиц оружия совпадает с нумерацией на рис. 1—3 и на карте находок (рис. 4).

Описываемая нами коллекция мечей и кинжалов состоит из оружия, характерного для трех общепринятых в советской археологической науке этапов сарматской культуры: савроматского, раннесарматского (прохоровского) и среднесарматского (сусловского). Мечи позднесарматского времени в публикацию не включены.

Мечи и кинжалы савроматского времени (рис. 1). Савроматское оружие (12 экз.) в силу большего разнообразия форм описывается более подробно, чем остальное.

При классификации савроматских акинаков авторы, как и все исследователи данного вопроса, придерживались принципа, согласно которому отдел определяется формой навершия, а тип — формой перекрестия. Для удобства пользования после каждого отдела и типа в скобках также ука-

[1] Выражаем глубокую благодарность директорам Стерлитамакского краеведческого музея С. Ф. Телегину, Белебеевского городского музея Т. И. Аминеву, учителю истории Меселинской средней школы И. И. Никитину, администрации и учителям Талачевской, Меселинской, Салиховской, Енактаевской, Нижне-Услинской школ за предоставленную возможность ознакомиться с материалами и разрешение зарисовать их.

Таблица 1

Основные данные о кинжалах и мечах
(условия находки и индивидуальные измерения, *см*)

№	Где, когда и кем найден	Где хранится	Общая длина	Ширина клинка	Длина рукояти	Ширина рукояти	Длина навершия	Ширина навершия	Длина перекрестия	Ширина перекрестия	Рисунки
1	дер. Бахмутино, Нуримановский р-н, 1921, раскопки М. С. Смирнова	Стерлитамакский краеведческий музей	29,5	2,9	6,5	1,9	3,0	1,6	4,2	2,2	1, *1*
2	дер. Енактаево, Краснокамский р-н	Енактаевская средняя школа	75,0	3,5	10,0	2,6	7,0	2,5	7,3	3,2	1, *2*
3	дер. Талачево, Стерлитамакский р-н	Талачевская средняя школа	38,1	3,5	7,0	2,0	3,6	1,7	5,2	3,3	1, *3*
4	дер. Кунакбаево, Стерлитамакский р-н	Стерлитамакский краеведческий музей	31,0	4,0	8,0	2,5	4,9	1,1	5,1	3,0	1, *4*
5	г. Оренбург, 1969, В. Петров	Там же	52,0	4,0	7,5	2,8	4,7	1,5	5,7	3,5	1, *5*
6	Совхоз «Дема», Миякинский р-н	г. Уфа, кабинет археологии (БГУ)	37,0	4,0	9,5	3,0	6,3	1,5	7,0	2,0	1, *6*
7	хут. Веселый Стерлитамакский р-н, 1921, раскопки М. С. Смирнова	Стерлитамакский краеведческий музей	40,5	5,5	8,5	3,5	6,3	1,5	–	–	1, *7*
8	г. Стерлитамак	Там же	29,0	2,4	7,3	1,5	4,7	2,4	3,8	2,5	1, *8*
9	дер. Талачево, Стерлитамакский р-н	Талачевская средняя школа	33,6	3,8	7,0	2,6	6,2	3,0	6,2	1,8	1, *9*
10	дер. Вязовка Стерлитамакский р-н	Меселинская средняя школа	39,0	4,5	7,6	2,2	5,8	3,2	6,8	2,0	1, *10*
11	Среднее течение р. Уршак	Стерлитамакский краеведческий музей	34,6	4,7	7,3	2,5	5,7	3,0	7,6	2,6	1, *11*
12	г. Белебей	Белебеевское педагогическое училище	74,0	4,5	8,0	3,0	3,5	3,0	8,0	2,0	1, *12*
13	дер. Талачево, Стерлитамакский р-н	Талачевская средняя школа	39,6	4,2	7,5	1,5	7,9	2,0	6,7	0,9	2, *13*
14	дер. Месели Аургазинский р-н	Меселинская средняя школа	38,0	4,0	7,5	1,4	–	–	7,3	0,7	2, *14*

(*продолжение табл. 1*)

№	Где, когда и кем найден	Где хранится	Общая длина	Ширина клинка	Длина рукояти	Ширина рукояти	Длина навершия	Ширина навершия	Длина перекрестия	Ширина перекрестия	Рисунки
15	дер. Куезбашево Аургазинский р-н, 1970, П. И. Васильев	Стерлитамакский краеведческий музей	39,0	4,0	7,5	1,5	4,0	–	6,5	0,7	2, *15*
16	дер. Нижние Услы, Стерлитамакский р-н, 1971	Верхнеуслинская средняя школа	32,0	3,7	7,2	1,1	2,8	–	6,0	1,0	2, *16*
17	дер. Сосновка, Стерлитамакский р-н, А. Александров	Меселинская средняя школа	48,0	4,6	8,0	1,0	7,0	3,1	6,5	0,8	2, *17*
18	дер. Нагадак, Аургазинский р-н, 1972, Т. Сабитов	Стерлитамакский краеведческий музей	34,5	3,5	8,1	1,8	9,4	2,0	5,5	0,7	2, *18*
19	У южных ворот г. Уфы, 1970, А. Ш. Габидуллин	г. Уфа, кабинет археологии БГУ	25,5	3,2	6,7	1,1	5,8	2,0	5,5	0,7	2, *19*
20	р. Дёма, 1971, Б. К. Обертышев	г. Уфа, кабинет археологии БГУ	20,0	2,5	7,5	1,8	6,0	1,8	–	–	2, *20*
21	дер. Вязовка, Стерлитамакский р-н, 1963, П. И. Васильев	Меселинская средняя школа	42,3	5,0	8,0	1,0	7,8	2,0	7,3	0,8	2, *21*
22	дер. Нижние Услы, Стерлитамакский р-н, 1970, А. Маннанов	Стерлитамакский краеведческий музей	31,6	3,5	7,5	1,2	7,2	3,0	5,7	0,9	2, *22*
23	с. Салихово Ишимбайский р-н	Салиховская средняя школа	34,0	3,3	7,5	1,2	5,7	1,5	4,8	0,8	2, *23*
24	Между деревнями Журавлевкой и Макарово, Аургазинский р-н, 1971, Григорьев	Меселинская средняя школа	48,0	4,0	8,5	2,0	9,0	2,2	5,3	0,7	2, *24*
25	дер. Талалаевка, Стерлитамакский р-н, 1969, В. И. Юферов	Стерлитамакский краеведческий музей	45,0	3,5	7,5	1,5	5,6	2,7	6,9	0,7	2, *25*
26	г. Стерлитамак	Стерлитамакский краеведческий музей	33,2	2,7	7,0	1,0	4,4	3,3	–	–	3, *26*
27	г. Стерлитамак	Там же	107,0	4,2	8,2	1,7	6,6	4,3	6,8	0,9	3, *27*

(*продолжение табл. 1*)

№	Где, когда и кем найден	Где хранится	Общая длина	Ширина клинка	Длина рукояти	Ширина рукояти	Длина навершия	Ширина навершия	Длина перекрестия	Ширина перекрестия	Рисунки
28	Совхоз «Дёма», Миякинский р-н, 1972	г. Уфа, кабинет археологии БГУ	35,0	3,1	7,7	1,3	3,9	3,1	5,3	0,7	3, *28*
29	Между деревнями Месели и Журавлёвкой	Меселинская средняя школа	41,7	3,8	8,0	2,0	4,3	3,8	5,9	0,6	3, *29*
30	дер. Талачево, Стерлитамакский р-н	Талачевская средняя школа	38,0	3,5	6,5	1,2	4,7	4,5	5,3	0,8	3, *30*
31	дер. Шеверли, Аургазинский р-н, 1973, И. Михайлов	Меселинская средняя школа	34,6	3,2	8,4	1,1	3,9	2,7	4,7	0,4	3, *31*
32	дер. Талачево, Стерлитамакский р-н	Талачевская средняя школа	42,7	3,3	9,0	1,5	–	–	5,6	0,7	3, *32*
33	г. Стерлитамак	Стерлитамакский краеведческий музей	31,0	3,1	7,3	0,9	2,5	–	4,3	0,4	3, *33*
34	Совхоз «Дёмский», Бижбулякский р-н, 1973, раскопки Р. Б. Исмагилова	Там же	ок. 40,0	3,5	7,5	1,5	4,7	4,0	–	–	3, *34*
35	дер. Талачево, Стерлитамакский р-н	Талачевская средняя школа	37,5	3,8	8,0	2,0	5,0	4,5	5,0	0,5	3, *35*
36	хут. Веселый, Стерлитамакский р-н, 1921, раскопки М. С. Смирнова	Стерлитамакский краеведческий музей	35,0	6,0	8,5	2,0	4,8	5,5	7,0	1,3	3, *36*
37	дер. Месели, Аургазинский р-н, 1971, П. А. Иванов	Меселинская средняя школа	32,6	3,0	8,0	2,0	4,0	–	5,2	1,5	3, *37*
38	дер. Месели, Аургазинский р-н	Там же	29,0	3,5	8,5	2,4	3,0	0,5	5,3	0,4	3, *38*

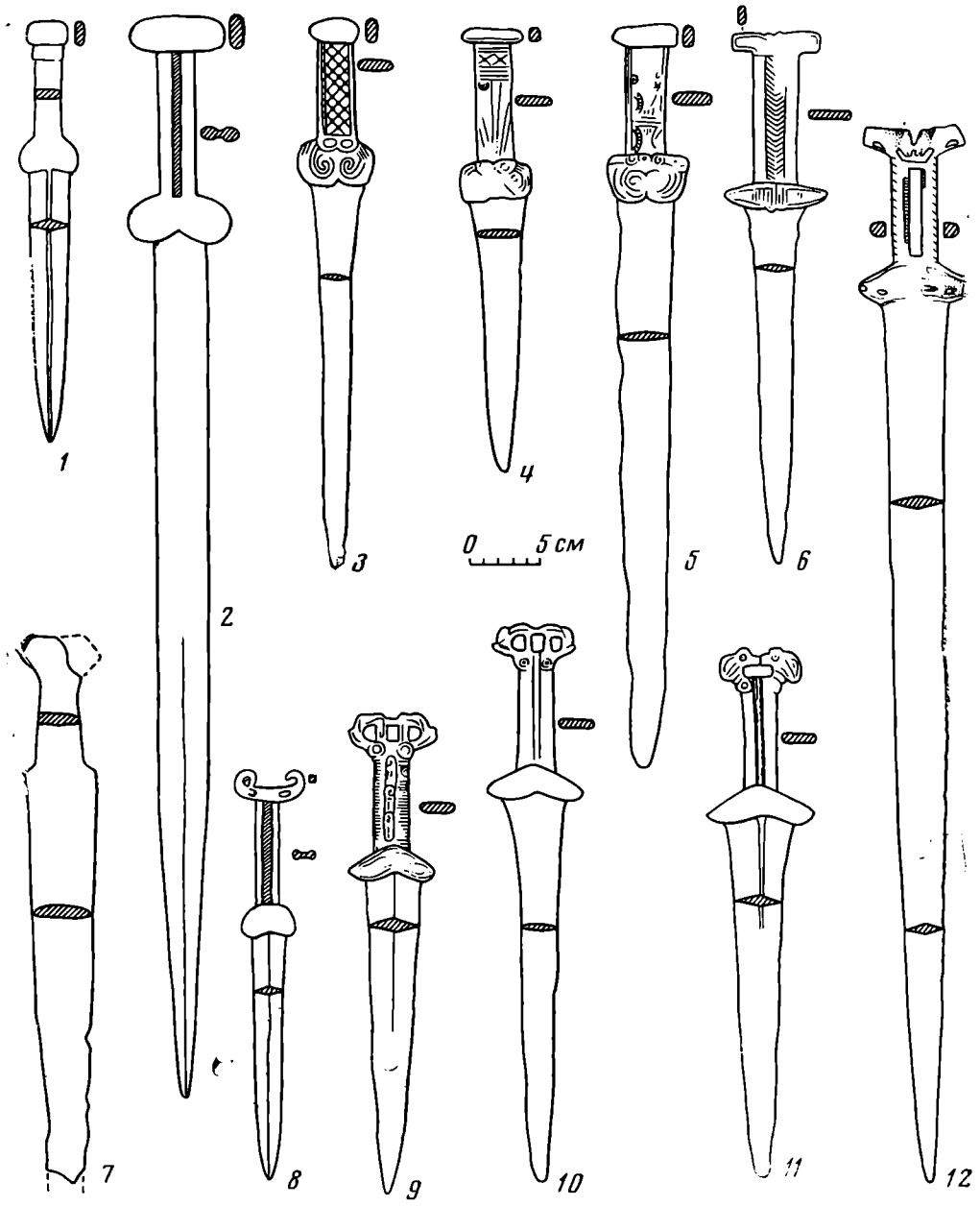


Рис. 1. Мечи и кинжалы савроматского времени: *1* — Бахмутино; *2* — Енактаево; *3*, *9* — Талачево; *4* — Кунакбаево; *5* — Оренбург; *6* — совхоз «Дема»; *7* — Веселый; *8* — Стерлитамак; *10* — Вязовка; *11* — Уршак; *12* — Белебей

заны соответственно отдел и тип по классификации основного исследователя савроматского оружия К. Ф. Смирнова.

Отдел А. Мечи и кинжалы с брусковидным навершием (отдел I).

Т и п 1. Мечи и кинжалы с почковидным перекрестьем (1-й тип). К этому типу относится бронзовый или медный кинжал, доставленный в 1921 г. в Стерлитамак известным башкирским краеведом М. С. Смирновым (рис. 1,*1*). В экспозиции краеведческого музея он выставлен вместе с бронзовым копьем эпохи бронзы [2]; эта небольшая коллекция значится как происходящая из дер. Бахмутино (Бахмутинского городища?) на севере Башкирии. Почти квадратное брусковидное навершие отделено от гладкой рукоятки небольшой ступенькой-перехватом. Перекрестие почковидное, отлито с рукоятью в одном рельефе. По центру ромбического в сечении

[2] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, рис. 8, *2*.

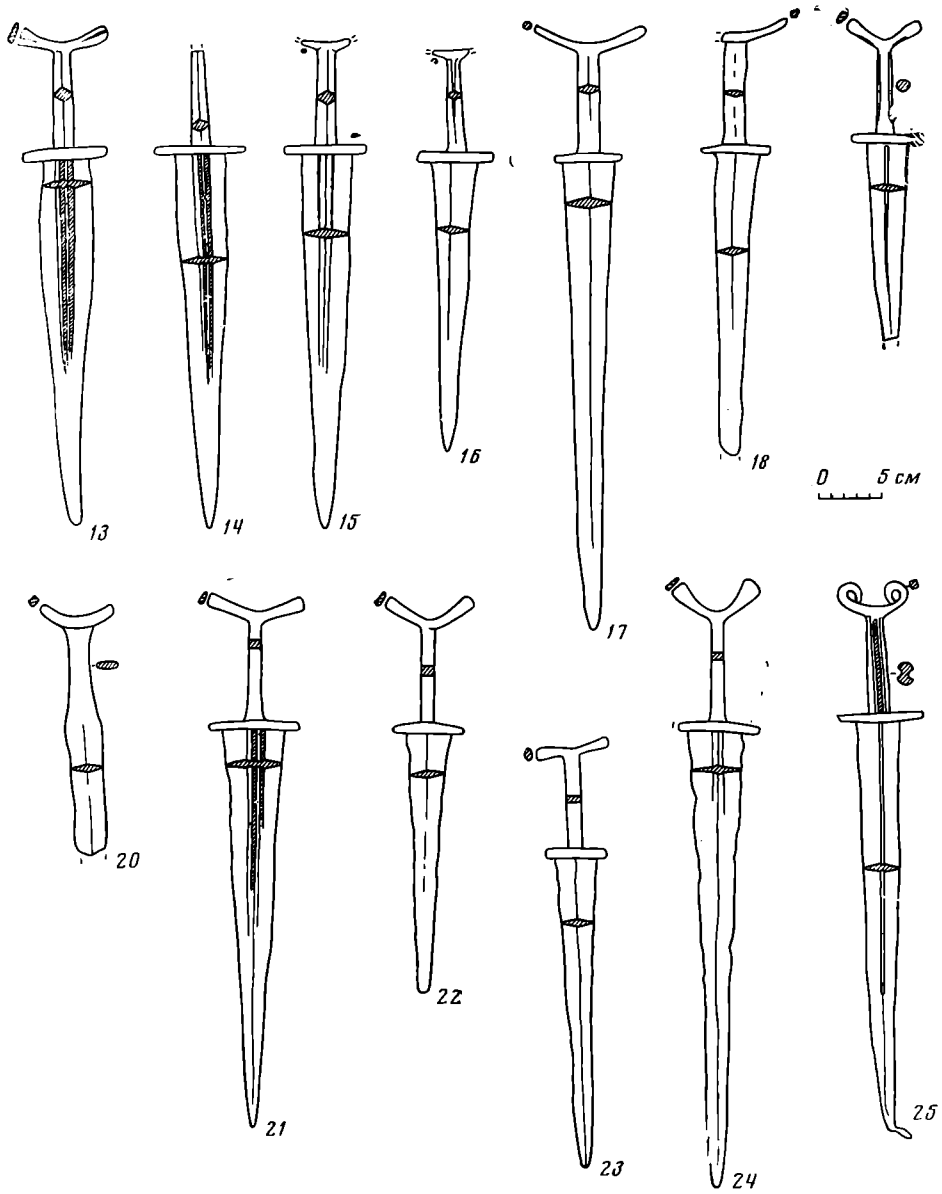


Рис. 2. Мечи и кинжалы раннесарматского времени: *13* — Талачево; *14* — Месели; *15* — Куезбашево; *16*, *22* — Нижние Услы; *17* — Сосновка; *18* — Нагадак; *19* — у южных ворот г. Уфы; *20* — р. Дёма; *21* — Вязовка; *23* — Салихово; *24* — между Журавлевкой и Макарово; *25* — Талалаевка

клинка проходит вертикальный валик, имеющий в разрезе форму квадрата с закругленными углами.

Уже сам материал, из которого кинжал изготовлен — бронза или медь, довольно необычен для савромато-скифских мечей. Не характерны для последних и такие типологические особенности, как почти квадратное навершие, перехват на верху рукояти, гладкий переход от рукояти к перекрестию. Однако эти детали, заставляющие отказаться от мысли о савроматском или скифском происхождении бахмутинского кинжала [3], обычны для синхронного сибиро-казахстанского оружия [4].

[3] Косвенным свидетельством в пользу этого вывода служит и то, что район находки данного кинжала расположен в зоне леса (рис. 4) и в эпоху раннего железа был заселен племенами ананьинской (караабызской) культуры.

[4] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М.— Л., 1949, табл. XXII, *3*; XXV, *5*; XXX, *11*; *М. К. Кадырбаев.* Некоторые итоги и перспективы в изучении раннежелезного века Казахстана. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968,

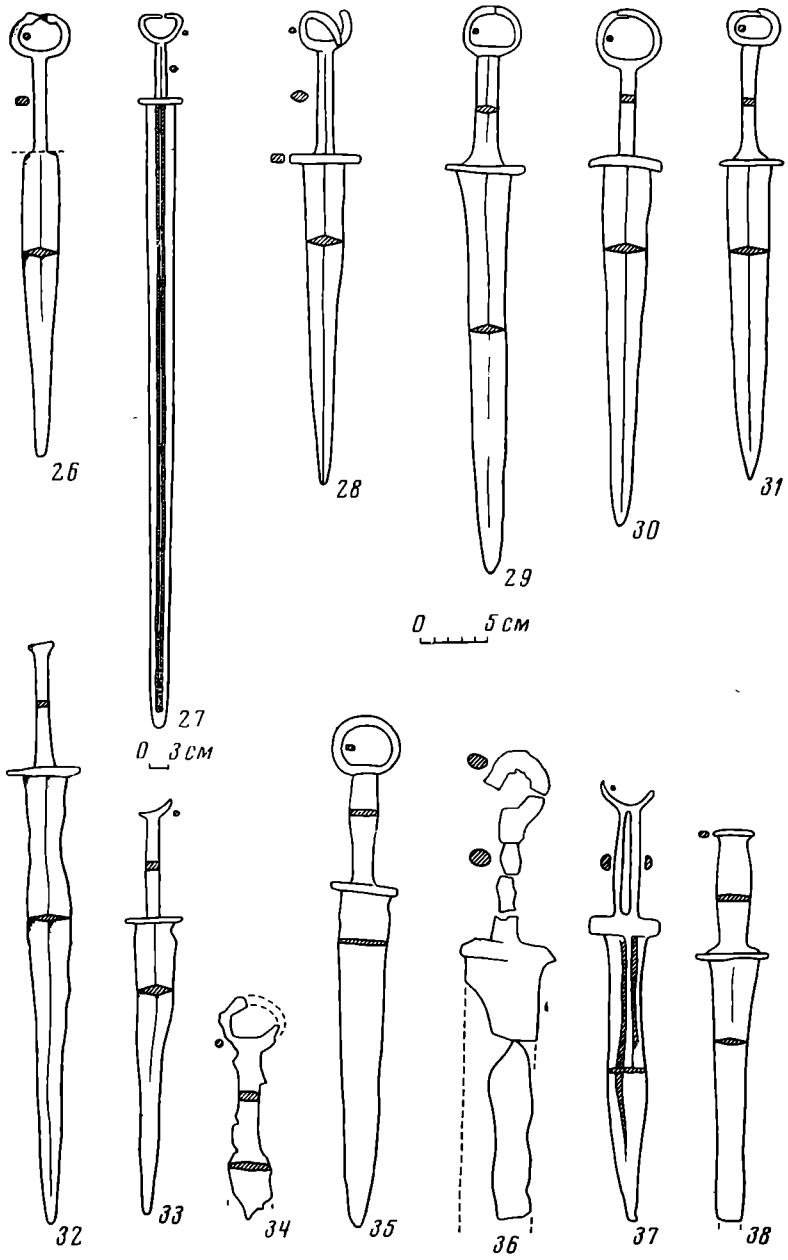


Рис. 3. Мечи и кинжалы среднесарматского времени: *26*, *27*, *33* — Стерлитамак; *28* — совхоз «Дема»; *29* — между Месели и Журавлевкой; *30*, *32*, *35* — Талачево; *31* — Шеверли; *34* — совхоз «Демский»; *36* — Веселый; *37*, *38* — Месели

Перечисленные аналогии, среди которых наиболее близки кинжалы из Вавиловки, Павлодара, Актюбинской обл.[5] и особенно кинжал из кург. 50 мог. Уйгарак на Сырдарье [6], позволяют определить дату кинжала из Бахмутино VII—VI вв. до н. э.

В эту же группу входит длинный меч из дер. Енактаево Краснокамского района БАССР (рис. 1, *2*). Он имеет навершие в виде довольно ши-

---

рис. 1, *9*, *11*, *15*, *35*; *К. Акишев.* Памятники старины Северного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 7 (археология). Алма-Ата, 1959, рис. 15; *Л. Р. Кызласов.* Сакская коллекция с Иссык-Куля. Сб. «Новое в археологии». М., 1972, стр. 102—107.

[5] *М. К. Кадырбаев.* Некоторые итоги и перспективы..., рис. 1, *15*, *11*, *9*.

[6] *А. А. Вишневская.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). М., 1973, стр. 97, табл. III, *10*.

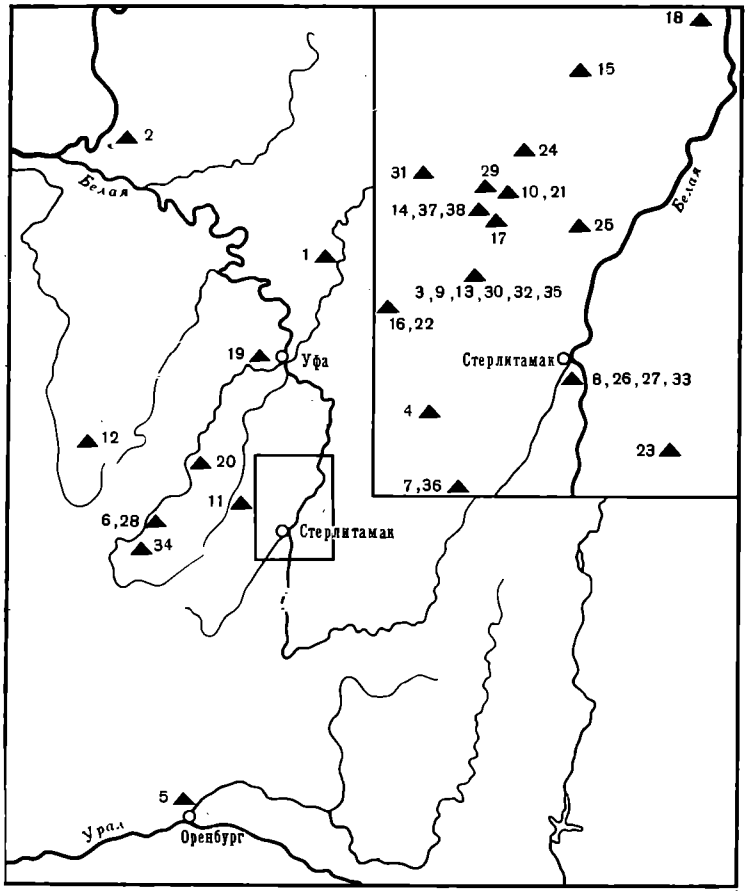


Рис. 4. Карта находок савромато-сарматских мечей в Башкирии (цифры соответствуют номерам на рис. 1—3)

рокого и длинного бруска и почковидной формы перекрестие. Рукоятка делится на три части благодаря тому, что середина ее углублена, а края имеют вид выпуклых валиков. Неширокое лезвие, линзовидное в сечении, имеет параллельные края, сужающиеся к острию в последней трети длины клинка.

Подобные мечи для савроматов, кажется, не были характерны, во всяком случае в сводной работе К. Ф. Смирнова указано всего два акинака с брусковидным навершием и почковидным перекрестием [7]. Пропорции енактаевского меча и отсутствие ребра на клинке позволяют сопоставить его прежде всего с мечом из кург. 1 урочища Лапасина у с. Любимовки на Бузулуке [8]. Большое сходство с енактаевским наблюдается и у некоторых скифских акинаков [9]. Но как для скифских, так и для савроматских мечей данного типа характерна небольшая длина, лишь меч из Старшой могилы имеет одинаковую с енактаевским длину [10].

Датировка меча из северной Башкирии особых затруднений не вызывает — подобно остальному оружию, имеющему подобной формы навершие и перекрестие, он датируется VI в. до н. э.

Интересный железный акинак хорошей сохранности был найден у дер. Талачево Стерлитамакского района Башкирии (рис. 1, *3*). Навершие акинака сделано в виде округлого брусочка, не сильно выдающегося за пределы краев рукоятки. Перекрестие почковидное, с выбитым на нем

[7] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 10, рис. 1, *2*, *3*.
[8] Там же, рис. 1, *2*.
[9] *А. М. Мелюкова.* Вооружение скифов. САИ-Д1-4, М., 1964, табл. 15.
[10] Там же, табл. 15, *8*.

изображением двух орлиных или грифоньих голов, причем клювы загнуты в виде спирали, а два глаза в основании клювов, имеющие вид неправильных кружочков, обведены одной общей линией. Рукоять также украшена чеканкой: это пересекающиеся друг с другом под прямым углом линии, образующие сетчатый орнамент, ограниченный сверху и снизу соответственно навершием и перекрестием, а сбоку — прямыми, параллельными краями рукояти. Форма лезвия треугольная, с плавным расширением в верхней части, отчего округлое перекрестие почти не выдается за пределы клинка.

Из опубликованных до сих пор мечей только один очень близок талачевскому. Мы имеем в виду меч, случайно найденный у ст. Марычевка в 1907 г.[11] Сближают эти акинаки прежде всего такие характерные детали, как орнаментированность рукоятки, треугольная форма клинка с расширяющейся верхней частью и особенно наличие орнамента на перекрестии. Перекрестие талачевского меча, имеющее, правда, почковидную, а не бабочковидную (по определению К. Ф. Смирнова) форму, также украшено изображением орлиных голов с двумя глазами (на марычевском — три глаза) в основании спиралевидных клювов. К. Ф. Смирнов, на наш взгляд, весьма убедительно связал марычевский меч с кавказскими, чему отвечает и форма клинка с характерным расширением верхней его части, и изогнутое навершие в виде набитого на рукоять брусочка с расширениями по краям, и, наконец, украшение рукоятки кружками [12]. Тот же автор справедливо отмечал и наличие на марычевском экземпляре некоторых сибирских черт, при явном преобладании, однако, кавказских.

Типологически марычевский акинак выглядит несколько архаичнее (по форме навершия, характеру изображения на рукояти), чем талачевский, поэтому и дату последнего следует определить второй половиной VI в. до н. э.

Из дер. Кунакбаево Стерлитамакского района БАССР происходит небольшой железный кинжал с узким брусковидным навершием, по нижнему краю которого проведена прямая линия (рис. 1, *4*). Перекрестие почковидное, с небольшими выемками снизу и сверху, оформленное, как и перекрестие предыдущего талачевского меча, в виде двух спиральных клювов. Концы клювов и два кружочка, изображающие глаза, частично испорчены коррозией. Однако видно, что они, как и на мече из Талачево, были обведены общей линией, нижний изгиб которой едва не соприкасается с верхним краем перекрестия. На рукояти меча от перекрестия вверх веером идут три пары прямых линий, причем две крайние пары заканчиваются у боковых краев рукоятки, а средняя пара тянется вверх на две трети длины рукояти. Верхнюю часть рукоятки занимает композиция из шести поперечных насечек, разделенных ромбической фигурой с продолжающимися сторонами.

Описанному кинжалу аналогичны акинаки из Марычевки [13] и Талачево. Мнение К. Ф. Смирнова о наличии кавказских черт в орнаменте на марычевском (добавим теперь и на талачевском) мече находит дополнительные аргументы при сопоставлении орнаментов на рукояти кунакбаевского кинжала и на верхней части лезвия мечей эпохи поздней бронзы с Центрального Закавказья. Бронзовые мечи с подобными нашему гравированными фигурами в виде ромбов найдены, в частности, в погр. 16 Ворнакского могильника в Армении, датированного А. А. Мартиросяном IX—VIII вв. до н. э.[14], в погр. 591 могильника Самтавро (дата погребения по Б. Б. Пиотровскому VIII—VII вв. до н. э.)[15]. Правда, на Кавказе дан-

[11] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, стр. 13, 14, рис. 1, *10*.
[12] Там же, стр. 13, 14
[13] Там же, рис. 1, *10*.
[14] *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, табл. XI, *3*.
[15] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 62, табл. 5, *7*.

ный орнамент присутствует всегда только на лезвийной части, но нельзя при этом не учитывать того, что для кавказских форм характерны узкие рукоятки, нанести на которые подобный рисунок было просто невозможно. По принятой у савроматов традиции лезвия не украшались, поэтому изображение, ромбовидное в данном случае, вероятно, перешло на рукоять.

Кунакбаевский якинак, как и талачевский, может быть отнесен ко второй половине VI в. до н. э.

Меч, найденный где-то возле Оренбурга, напоминает два описанных выше прежде всего тем, что на его почковидном перекрестии также изображены клювы орла, традиционно отходящие от глаз (рис. 1, *5*). Ряд черт отличает его от экземпляров, найденных в Башкирии, сближая в то же время с другим экземпляром из оренбуржья, марычевским; например, количество глаз (три) воспроизведенных мастером в виде небольших кружочков и вписанных в окружности большего диаметра, контуры уплощенного со стороны рукояти перекрестия. Двумя поперечными линиями на верху перекрестия передана восковица. Навершие брусковидное. Рукоять членится поперечными насечками на три равные части, каждая из которых заполнена парой двойных дуг, сближенных одна с другой выпуклыми сторонами. Деталь, которая, безусловно, отличает этот довольно длинный меч от остальных ему подобных,— клинок, который имеет почти параллельные края до самого острия.

Круг аналогий изображению на рукояти достаточно широк. Близкий пунктирный орнамент выбит на длинной плоской ручке зеркала, найденного в кург. 7 могильника у с. Сара Кувандыкского района. Датируется курган концом VI — началом V в. до н. э.[16] Однако мотив, почти полностью повторяющий изображение на рукояти оренбургского меча, мы находим не на савроматских вещах, а, в частности, на сосуде, найденном Н. Г. Прозрителевым в 1924 г. в кургане возле г. Ставрополя, датированном А. А. Иессеном второй половиной VII или рубежом VII—VI вв. до н. э.[17] Таким образом, и этот факт наряду с уже отмеченными выше позволяет предполагать кавказское (или близкое к Кавказу) происхождение мечей с мотивом орлиной головы на перекрестии.

В сборах Н. В. Сибилева у с. Петровское на Северском Донце имеется бронзовое зеркало, интересное прежде всего орнаментацией ручки. На одной стороне нанесены четыре парных и тройных кружочка, заставляющие вспомнить глаза-окружности на рукояти марычевского акинака, на другой — ажурные линии вдоль края, живо напоминающие изображения на ручке меча из-под Оренбурга [18]. На основании этой находки устанавливается несомненная преемственность более поздних мечей с перекрестиями, трактованными в виде орлиных клювов (Оренбург), и их более ранних предшественников (Марычевка). Все эти мечи, составляя более или менее компактную хронологически и территориально группу, по-видимому, связаны единством происхождения. Дальнейшее накопление материала поможет решить этот вопрос, однако уже сейчас можно видеть, что все известные нам мечи со своеобразно оформленными (в виде спиралей) перекрестиями локализуются преимущественно в лесостепной зоне Южного Приуралья. Ряд мечей имеется и на западе, в основном они более поздние и достаточно далекие типологически, но сближаются с некоторыми нашими экземплярами (прежде всего с оренбургским) благодаря наличию на рукоятках сходного орнамента. Интересно, что некоторые исследователи считают их характерными для племен лесостепной Скифии [19].

---

[16] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 329, рис. 35 Б, *8*.

[17] *А. А. Иессен.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 117, рис. 6.

[18] *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, 113, 1962, стр. 44, рис. 11, 14—16.

[19] *Б. А. Шрамко.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии. ПСА, рис. 1, *1*, *2*, *3*, *4*, *6*; стр. 95.

Широкая дата оренбургского меча, как и предыдущих, —VI в. до н. э. Хотя этот меч и не имеет характерного расширения верхней половины лезвия (что в данном случае является архаизирующим признаком), вряд ли это может служить достаточным основанием для сильного омоложения его. Почковидное перекрестие с ровным верхним краем, тождественное перекрестию марычевского и ряда других архаических мечей [20], позволяет датировать меч из-под Оренбурга не позднее второй половины или во всяком случае конца VI в. до н. э.

Тип 2. Мечи и кинжалы с бабочковидным перекрестием (2-й тип).

Небольшой меч из центральной усадьбы совхоза «Дема» Миякинского района Башкирии можно условно отнести к типу мечей с брусковидным навершием (рис. 1, *6*). Уплощенное навершие, имеющее прямоугольную форму, отковано целиком с ручкой меча. На нем, видимо, в древности было нанесено какое-то зооморфное изображение, плохо сохранившееся, от которого осталась чеканная, кое-где прерывистая из-за коррозии линия, параллельная краям навершия, и два выступа в центре верхней части последнего. Перекрестие узкое, едва сохранившее контуры раскинутых крыльев бабочки, покрыто выбитыми на поверхности вертикальными черточками различной длины.

Аналогии данному акинаку известны среди савроматских мечей, имеющих такое же перекрестие: находки из кург. 11 мог. Кара-Оба у с. Джангалы в Западном Казахстане и из с. Воскресенское Челябинского уезда, датированные К. Ф. Смирновым IV в. до н. э.[21] Последний кинжал имеет идентичный нашему орнамент на рукояти, а перекрестие его также покрыто, правда только по краям, насечками. Зооморфные навершия обоих кинжалов на первый взгляд сильно отличаются от навершия акинака из совхоза «Дема», однако следует учесть, что на нашем навершии, видимо, тоже было изображение животного, к сожалению, не сохранившееся. Не случайно общие пропорции описываемого меча, так же как и отдельные его детали, находят наиболее близкие параллели именно среди мечей с зооморфным навершием. Дата меча — не древнее IV в. до н. э.

Ни в один из типов отдела мечей с брусковидным навершием невозможно включить массивный меч, происходящий из недокументированных раскопок М. С. Смирнова в 1921 г. у хут. Веселый под Стерлитамаком (рис. 1, *7*). Несохранившееся полностью брусковидное навершие имеет форму шестиугольника. Рукоять широкая, расширенная внизу. Обломанное линзовидное в сечении обоюдоострое лезвие было, видимо, треугольной формы. Обращает на себя внимание отсутствие на мече перекрестия: либо его не было совсем, либо оно было утрачено позднее.

Подобные брусковидные навершия у племен Евразии авторам неизвестны. Если перекрестия не было совсем, меч вполне мог быть сопоставим с оружием, распространенным в Прикубанье в V—III вв. до н. э. среди населения синдо-меотских племен [22]. Синхронные им аналогичные находки имеются и на Северном Кавказе [23]. Но синдо-меотские мечи также не имеют наверший столь оригинальной формы, поэтому вопрос о происхождении и датировке веселовского меча остается пока открытым, хотя, видимо, отнесение его по некоторым признакам к савроматскому времени вполне законно.

Отдел Б. Мечи и кинжалы с простым антенным навершием (отдел II).

Тип I. Мечи и кинжалы с почковидным перекрестием (1-й тип).

Известен только один железный кинжал с простым антенным навершием. Он найден в г. Стерлитамаке в районе содово-цементного комбината

---

[20] *Е. К. Максимов, М. Р. Полесских.* Заметка об акинаках. СА, 1971, 2, рис. 1, *4*.

[21] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, стр. 21, 22, рис. 4, *3*, *6*.

[22] *Он же.* Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, 1958, стр. 304, рис. 9, *14*; 10, *22*.

[23] *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 16, 58, рис. 3, *22*.

(рис. 1, *8*). Одна антенна сильно загнута и примыкает концом к основанию навершия, другая — почти разогнута. В основании антенн имеются два кружочка, изображающие, возможно, глаза хищной птицы. Перекрестие почковидное, рукоять имеет боковые валики из-за углубления в центре. Лезвие в сечении имеет ромбическую форму; обоюдоострые края лезвия параллельны друг другу.

Мечи и кинжалы данного типа были широко распространены и у савроматов и у скифов; сейчас на территории Евразии известно около 30 таких экземпляров [24]. А. И. Мелюкова, касаясь вопроса об отличиях мечей с простым антенным навершием у скифов и у савроматов, отмечает, что у савроматских мечей рассматриваемого отдела волюты закручены обычно сильнее, чем на скифских [25]. Правда, исследовательница пишет о мечах с перекрестием в виде бабочки, но замечание ее справедливо и в отношении мечей с почковидным перекрестием. Кроме того, к отличительным признакам скифского оружия данного отдела и типа следует отнести и значительную ширину рукояти, превышающую, как правило, ширину клинка [26], в то время как на савроматских мечах чаще наблюдается обратное (например, на семи мечах, помещенных на рис. 2 в книге К. Ф. Смирнова, ширина рукояти у пяти экземпляров превосходит или равна ширине клинка; у двух остальных лезвие чуть шире рукоятки [27]. К тому же у скифских мечей налицо явное преобладание рельефных рукоятей, у савроматских же — рукоятки в большинстве своем гладкие. Указанные особенности характеризующие собственно скифское оружие, в равной степени присущи и стерлитамакскому кинжалу. Интересно в этой связи отметить, что другой кинжал VI в. из Башкирии (дер. Берлячево [28]), очень близкий описываемому, также отмечен А. И. Мелюковой в качестве ближайшей параллели скифским образцам [29].

Савроматские мечи с волютным навершием дитируются концом VI — началом V в. до н. э.[30] В Причерноморье некоторые экземпляры известны еще со второй половины VI в. до н. э.[31] Учитывая, что стерлитамакский кинжал ближе по облику к скифским образцам, чем к савроматским, а также принимая во внимание очень сильное сходство его с архаическим бронзовым кинжалом из Бахмутино (рис. 1, *1*), можно отнести его ко второй половине VI в. до н. э.[32]

Отдел В. Мечи и кинжалы с зооморфным навершием (отдел III).

Тип I. Мечи и кинжалы с бабочковидным перекрестием (1-й тип). Три небольших акинака этого типа из Центральной Башкирии имеют характерное навершие в виде стилизованных птичьих лап или голов с клювами. Данный сюжет получил в эпоху раннего железа среди евразийских племен довольно широкое распространение.

Один из акинаков случайно был найден у дер. Талачево, в 20 *км* к западу от Стерлитамака (рис. 1, *9*). Навершие трактовано в виде пары когтис-

---

[24] *К. Ф. Смирнов, А. С. Попов.* Савромато-сарматские курганы у Липовки Оренбургской области. Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, стр. 18.

[25] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов, стр. 55.

[26] Там же, табл. 20, *4*, *5*, *7*; *Р. Ф. Воронина.* О некоторых кинжалах и акинаках Курской области. МИА, 113, 1962, рис. 1, *1*, *2*, *3*, *9*.

[27] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, рис. 2.

[28] Там же, рис. 3, *7*.

[29] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов, стр. 55.

[30] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, стр. 17, 18; *К. Ф. Смирнов, С. А. Попов.* Ук. соч., стр. 18.

[31] *В. Ф. Гайдукевич.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов). МИА, 69, 1959, стр. 159, рис. 4, *1*; *В. М. Скуднова.* Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии. Зап. Одесского археологического общества, т. I (34). Одесса, 1960, стр. 62, рис. 3, *3*; *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов, стр. 54.

[32] Сильно удревнять кинжал не позволяет наличие на основании навершия птичьих глаз (?), что характерно для следующего отдела с зооморфным навершием, производного и, следовательно, более позднего, чем отдел с простым антенным навершием.

тых лап в три изгиба, соединенных меж собой поперечной перекладиной. В основании каждой лапы изображены глаза в виде двойных кружочков. Изображение на бабочковидном перекрестии сохранилось плохо, но, судя по остаткам прочерченных линий, сюжет и композиция этого изображения (фигурки сидящих грифонов) аналогичны рисункам на перекрестиях мечей подобного рода из Чертомлыка [33], ст. Елизаветовской на Нижнем Дону [34] и из Новой Богдановки в Приуралье [35]. Боковые рифленые стороны рукоятки несколько возвышаются над углубленной центральной частью, на которой помещены три не совсем различных изображения: то ли головок животного (как на золотой обкладке рукоятки меча из Солохи и др.[36]), то ли фигурок животного (как на рукоятке меча из Новой Богдановки [37]). Лезвие, ромбическое в сечении, имеет треугольную форму.

Все авторы единодушны в том, что подобная модель была характерной для скифского оружия и была популярна в Скифии в V—IV вв. до н. э.[38] Новобогдановский меч, совершенно неотличимый от талачевского, датируется исследователями IV в. до н. э.[39] Эта дата справедлива и в отношении кинжала с когтевидным навершием из Башкирии.

Меч, очень близкий описанному, был найден у дер. Вязовки Стерлитамакского района, недалеко от Талачево. Его отличает от талачевского только бóльшая длина, отсутствие рифления на боковых валиках рукоятки и изображений на рукоятке и перекрестии, а также форма линзовидного в сечении лезвия, несколько расширяющегося вверх (рис. 1, *10*). В общем этот меч представляет собой более простую и грубую копию предыдущего, датируется также IV в. до н. э.

В ряду кинжалов с зооморфным навершием особняком стоит небольшой железный акинак, найденный на берегу р. Уршак в ее среднем течении (рис. 1, *11*). Навершие трактовано в виде двух повернутых друг к другу затылками птичьих голов. Клювы, обозначенные на плоской поверхности навершия тремя чеканными линиями с глазами-кружочками у основания,— короткие и тупые, изображают, по-видимому, орла или грифона. Еще одна пара глаз расположена на верху рукояти, по ее краям. Перекрестие узкое, бабочковидной формы. Посредине рукояти проходит узкая полоска елочного орнамента, выделенного на гладкой поверхности рукояти двумя неглубоко врезанными канавками. Лезвие имеет треугольную форму с едва намеченной тенденцией к расширению в верхней части.

Среди савроматских древностей, как и среди скифских, мечи с навершием в виде птичьей головы встречаются не часто, да и найденные имеют совершенно иной, нежели башкирский меч, облик. Более многочисленны находки подобных мечей в сибирских древностях [40], однако уршакский экземпляр все же достаточно далек от них. Основная особенность композиции навершия уршакского меча состоит в том, что головы развернуты в разные стороны; это и отличает его от других мечей этого времени. Тем не менее рассматриваемый нами меч находился в явной зависимости от скифской модели меча с зооморфным навершием появляющегося, как уже было сказано, в Скифии еще в V в. до н. э. и бытующего, в основном, в IV в. до н. э.[41] Правда, зависимость — опосредствованная через формы, характерные для приуральских и, реже, поволжских савроматов (Исикай,

---

[33] *Б. В. Фармаковский.* Архаический период в России. МАР, 34, табл. V; *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, стр. 22.

[34] *В. П. Шилов.* Ушаковский курган. СА, 1966, 1, рис. 7, *3*.

[35] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, стр. 22, рис. 4, *5*.

[36] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов, табл. 20, *6*.

[37] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, рис. *4*, *5*.

[38] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов, стр. 58.

[39] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, стр. 22.

[40] *Н. Л. Членова.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 4, *8—10*; 11, *8—12*.

[41] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. стр. 55 сл; табл. 20, *6*, *8—14*.

Джангала, Воскресенское и, особенно, Новая Богдановка и вышеописанные Талачево и Вязовка[42]). Эта зависимость отчетливо проявилась как в трактовке некоторых деталей (сравни формы клинка и перекрестия уршакского меча с мечами из Джангалы, Воскресенского, Новой Богдановки, Талачево и Вязовки), так и в явной нецелесообразности отдельных элементов на урашакском экземпляре (помещение второй пары глаз на верху рукояти, общая форма навершия с перекладиной и прямоугольным вырезом по центру), перенесенных по традиции с других мечей с когтевидным навершием, где они имели определенное сакрально-магическое значение.

Датировка меча с р. Уршак IV в. до н. э. особых возражений вызывать не должна.

Длинный железный меч хорошей сохранности с клинком треугольной формы был найден в г. Белебее БАССР или в его окрестностях (рис. 1, *12*). Навершие, в отличие от трех вышеописанных, представляет собой фигурки двух сидящих нос к носу с поднятыми задними и согнутыми передними лапами медведей, головы которых соединены между собой узкой перемычкой. Перекрестие — бабочковидной формы, на обеих сторонах его сохранились рельефные изображения каких-то животных с сильно поджатыми лапами и вытянутыми назад хвостами. Морды прямоугольной формы, слегка приподняты вверх, пасти разинуты в оскале. Посредине рукоятки, покрытой сбоку винтообразной нарезкой, проходит сквозное прямоугольное отверстие.

Ближайшей аналогией белебеевскому мечу является кинжал, найденный у Висимской дачи на Каме[43]. Та же поза животных на навершии, обращенных мордами друг к другу, плотно поджатые лапы зверей, винтообразная нарезка на прорезной рукояти. Правда, перекрестие на кинжале с Висимской дачи дуговидное и приближается по форме к переходным раннепрохоровским[44]. Аналогичное белебеевскому мечу бабочковидное перекрестие и композиция на нем (симметричный рисунок двух стоящих мордами друг к другу животных) есть на мече, найденном у дер. Измайлово Бугурусланского уезда[45]. Сближает их и такая общая деталь, как прорезная рукоять. Но у меча из Измайлово навершие простое брусковидное.

Вопрос о датировке меча из Белебея тесно связан с датировкой кинжала, найденного у Висимской дачи, и измайловского меча. К. Ф. Смирнов сближает измайловский меч с сибирскими кинжалами с характерными для них прорезными рукоятками и изображениями на перекрестии фигур животных и устанавливает дату меча, учитывая форму навершия и перекрестия, в пределах V в. до н. э.[46] А. И. Мелюкова считает измайловский меч особым вариантом скифских мечей 3-го типа (имеющих навершия в виде уплощенного овала и ложнотреугольные перекрестия) и склонна сближать его с акинаками с золотой обкладкой на рукояти типа Чертомлыкского и других близких к ним, определяя дату по аналогии с последними IV—III вв. до н. э.[47] Дуговидное перекрестие меча, найденного у Висимской дачи, приближается по форме к раннепрохоровским. М. Г. Мошкова, как мы уже выше отмечали, датирует мечи с такими перекрестиями IV в. до н. э.[48]

Мечи и кинжалы раннесарматского времени. Коллекция оружия прохоровского времени состоит из 13 находок, условно отнесенных к разряду кинжалов (длина их не превышает 48 *см*), хотя некоторые из них вполне

---

[42] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, рис. 4, *3—6* (см. также рис. 1, *9*, *10* в настоящей статье).

[43] *А. А. Спицын.* Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, 26, СПб, 1902, стр. 21, табл. XXVII, *8*.

[44] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. САИ — ДІ — 10. М., 1963, стр. 33, табл. 18, *5—10*.

[45] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, стр. 13, рис. 1, *9*.

[46] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, стр. 13.

[47] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов, стр. 52.

[48] *М. Г. Мошкова.* Ук. соч., стр. 33, табл. 18, *5—10*.

могли выполнять и функции мечей, т. е. были не только колющим, но и рубящим оружием. Все кинжалы, кроме одного (из Талалаевки, рис. 2, *25*), о котором речь пойдет ниже, довольно однообразны (рис. 2, *13—24*) и относятся по классификации М. Г. Мошковой ко второму типу V отдела прохоровских мечей и кинжалов [49].

Клинки всех кинжалов представляют собой железную полосу в виде вытянутого к вершине треугольника, только на случайно найденном кинжале из дер. Талачево (рис. 2, *13*) эта обычная для сарматских клинков форма усложнена плавным расширением лезвия на расстоянии примерно трети его длины, считая от перекрестия. В сечении полоса обоюдоострого клинка на всех кинжалах имеет форму вытянутого ромба, линзовидный разрез клинка не встречен ни разу. Вдоль лезвия проходит ребро или желобки, либо один (рис. 2, *19*), либо два (рис. 2, *13*, *14*, *21*). На кинжале из дер. Куезбашево (рис. 2, *15*) с обеих сторон ребра отчеканено по одной полосе; здесь перед нами, несомненно, уже орнамент, имитирующий несуществующие желобки, которые на других экземплярах, создавая рельефность клинка, тем самым его укрепляли. Интересен и длинный кинжал, найденный между деревнями Журавлевкой и Макарово (рис. 2, *24*), на котором в верхней части клинка откован валик, имеющий в сечении форму треугольника.

Перекрестия прямые узкие, выдающиеся за пределы клинка с обеих сторон на расстояние 1—2 *см*.

Сечение рукоятей: ромбическое (рис. 2, *13—16*), прямоугольное (рис. 2, *21—24*) или прямоугольно-уплощенное (рис. 2, *20*). В двух случаях, на кинжалах из дер. Сосновка (рис. 2, *17*) и дер. Нагадак (рис. 2, *18*) сечение в виде уплощенного ромба, а его острые углы сглажены. Квадратная в сечении рукоять уфимского кинжала (рис. 2, *19*) по углам сбита так, что превратилась в восьмиугольную.

На трех кинжалах (рис. 2, *14—16*) навершия обломаны. Остальные экземпляры имеют форму навершия в виде «классического» серпа (рис. 2, *13*, *17*, *18*, *20*) или рожек (рис. 2, *19*, *22*, *24*); только в одном случае навершие почти прямое (рис. 2, *23*).

В сечении навершия также различны: круглые (рис. 2, *15—18*), овальные (рис. 2, *23*), прямоугольные или квадратные (рис. 2, *19*, *20*), треугольные со сглаженными углами (рис. 2, *13*, *21*, *22*, *24*). Последнее сечение характерно только для тех кинжалов, навершия которых к концам раскованы и расширены. На кинжале из дер. Талачево (рис. 2, *13*) эти расширенные концы серповидного навершия к тому же еще украшены горизонтальными насечками.

Ни один из публикуемых кинжалов не найден в комплексе, поэтому датировка их возможна лишь по аналогии с подобными находками на территории Приуралья и Поволжья. В данном случае мы используем материалы, собранные и детально проанализированные в работе М. Г. Мошковой [50]. Мечи этого типа М. Г. Мошкова считает вполне сформировавшейся и ведущей формой на рубеже IV—III вв. до н. э., безраздельно господствующей до конца прохоровского периода. Рассмотренные кинжалы мы также относим к прохоровскому этапу и датируем их в целом IV—II вв. до н. э.[51]

Один кинжал прохоровского времени, найденный у дер. Талалаевка Стерлитамакского района, относящийся к типу мечей и кинжалов с про-

---

[49] Там же, стр. 34.

[50] *М. Г. Мошкова*. Ук. соч.

[51] В описанной группе кинжалов лишь меч или кинжал с обломанным лезвием, найденный у устья р. Дёма, может быть отнесен к началу прохоровского времени по ряду деталей (массивное серповидное навершие необычного квадратного сечения. массивная рукоятка, расширенная сверху и снизу). Эти детали позволяют вспомнить мечи самого раннего, датирующегося IV в. до н. э., первого типа V отдела (см. *М. Г. Мошкова*. Памятники прохоровской культуры, стр. 34, табл. 18, *11—14*).

стым антенным навершием, имеет узкое прямое перекрестие (рис. 2, *25*) Нешироκая овально-круглая в сечении рукоять углублена с обеих сторон. Посредине треугольного лезвия, ромбического в сечении, проходит узкий желобок.

Ни один из прохоровских кинжалов, для которых характерны прямые перекрестия, не имеет навершия в виде простых антенн [52]. Самые поздние экземпляры мечей с подобными антенными навершиями относятся к концу времени существования савроматской культуры [53]. На основании признаков, характерных как для раннесарматских мечей, так и для более древних, талалаевский кинжал должен, видимо, датироваться переходным временем, т. е. IV в. до н. э.[54], и может быть включен в переходную от савроматского к раннесарматскому этапу группы мечей. Значение подобной находки состоит еще и в том, что она дает возможность по-новому взглянуть на процесс формирования классического прохоровского меча с серповидным навершием. Возможно, в качестве одной из исходных форм их возникновения служили мечи и с простым антенным, а не только брусковидным, навершием.

Мечи и кинжалы среднесарматского времени. 11 экз. относятся к типу мечей и кинжалов с кольцевидным навершием (рис. 3, *26—36*). Лишь один из них, хранящийся в Стерлитамакском музее (рис. 3, *27*), относится к мечам. Длина его 107 *см* — это один из самых длинных мечей в ряду сусловского оружия.

Форма клинка у кинжалов либо треугольно-вытянутая (рис. 3, *26*, *28*, *30*, *32*, *33*), напоминающая раннесарматские экземпляры (рис. 2), либо клинки имеют более или менее параллельные края (рис. 3, *27*, *29*, *31*, *35*, *36*). На лезвийной части большинства экземпляров имеется продольное ребро, сечение лезвия при этом ромбическое. Два экземпляра имеют в сечении форму уплощенной линзы (кинжал из дер. Талачево, рис. 3, *35*, и массивный меч (?) с обломанным лезвием, происходящий из раскопок М. С. Смирнова в 1921 г. в хут. Весёлом под Стерлитамаком, рис. 3, *36*). Для оружия этой группы характерны гладкие, ромбические в сечении лезвия, что отличает их от кинжалов прохоровского времени. Исключение составляет лишь длинный меч из Стерлитамакского музея, имеющий с обеих сторон лезвия по два узких желобка (рис. 3, *27*). Перекрестия всех мечей узкие прямые.

Рукояти чаще всего прямоугольно-квадратные в сечении, иногда плоские (один кинжал из Талачево, рис. 3, *35*, и один из раскопанного в 1973 г. Р. Б. Исмагиловым кургана у совхоза «Демский» Бижбулякского района [55], рис. 3, *34*). Ромбические в разрезе рукоятки встречены также дважды (стерлитамакский меч, рис. 3, *27*, и случайная находка из совхоза «Дема» Мияκинского района, рис. 3, *28*). На единичных экземплярах зафиксировано сечение рукояти в виде уплощенного ромба (между селами Месели и Журавлевкой, рис. 3, *29*) и овала (рис. 3, *36*).

Навершия имеют форму разомкнутого (рис. 3, *26—31*) или, реже, сплошного кольца (рис. 3, *34—36*).

---

[52] *М. Г. Мошкова.* Ук. соч.

[53] Меч из погребения в кургане у Алебастровой горы; хотя подобные мечи с простым антенным навершием и почковидным перекрестием характерны для рубежа VI—V вв. до н. э., данный экземпляр из-за находки в том же погребении типичного прохоровского кинжала не может быть датирован ранее IV в. до н. э. (см. *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, стр. 33, табл. 18, *1*).

[54] Дополнительным аргументом в пользу ранней даты данного меча служат выемки на рукояти, не характерные для рукоятей прохоровского оружия, но широко распространенные в савроматскую эпоху.

[55] В погребении одиночного кургана кроме кинжала с кольцевым навершием (длина около 40 *см*), который не удалось взять полностью, находились также каменный брусок-точило с отверстием для подвешивания и очень интересная литая бронзовая прорезная пряжка с изображением хищника, заставляющая вспомнить уникальную пряжку из раскопок на Маныче (*М. И. Артамонов.* Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 335, рис. 18).

Самым ранним из описанных является кинжал из Стерлитамакского музея, загнутые концы волют которого с изображениями головок зверей или птиц образуют почти замкнутый круг (рис. 3, *26*). Аналогичные находки А. М. Хазанов датирует III—II вв. до н. э., т. е. временем развитой прохоровской культуры [56]. Уточнить датировку кинжала могла бы форма перекрестия, но, к сожалению, оно отсутствует.

Остальные мечи и кинжалы, имеющие разомкнутые навершия, также должны, видимо, датироваться ранним временем, поскольку общая линия развития и формирования меча сусловского типа (на примере навершия) связана со сближением волют зооморфного навершия, с последующей утерей изображения птиц или животных на концах волют и, наконец, с окончательным слиянием их друг с другом вплоть до превращения в сплошное кольцо. Значительная часть кинжалов и мечей публикуемой коллекции оружия среднесарматского времени (рис. 3, *27—31*) наглядно демонстрирует этот еще не закончившийся процесс превращения разомкнутого кольца в сплошное. Однако и в этой довольно однородной серии меч из стерлитамакского музея (рис. 3, *37*) кажется наиболее ранним по форме навершия, еще далекой от настоящего кольца, но напоминающей контурами своего изгиба две противостоящие птичьи головки. Хорошо корректируют этот вывод и желобки на его лезвии, очень характерные для предыдущей стадии сарматской культуры (рис. 2)[57].

Рукоятки трех экземпляров, в сечении имеющие форму ромба (рис. 3, *27—29*), так же более характерны, как это верно заметил А. М. Хазанов [58], для прохоровского оружия. А. М. Хазанов совершенно справедливо, на наш взгляд, рассматривает как архаический признак ребро на клинке кинжалов с кольцевидным навершием, отмечая наличие только семи подобных ранних экземпляров из более чем 170 находок (причем один из семи, меч из Бугульчана, происходит из Башкирии) [59].

Учитывая сказанное выше рассмотренные мечи и кинжалы с разомкнутым навершием следует датировать временем развитой прохоровской культуры; думается, что наиболее приемлемой датой для них остается пока III в. до н. э.

Только три кинжала (рис. 3, *34*, *35*, *36*), для которых характерны все поздние признаки (сплошные навершия, плоские рукоятки, лезвия без ребра), могут быть отнесены ко времени не ранее II в. до н. э. Эта дата для кинжала из совхоза «Дёмский» подтверждается, как уже было сказано выше, находкой в одном комплексе с ним литой бронзовой пряжки с изображением хищника (льва?), близкие аналогии которой датируются исследователями первой половиной II в. до н. э.[60] Экземпляры с несохранившимся навершием из Талачево (рис. 3, *32*) и из Стерлитамака (рис. 3, *33*), видимо, относятся к ранней группе.

Две последние находки в силу их большого своеобразия мы решили описать отдельно.

Небольшой железный кинжал был найден в 1971 г. где-то возле дер. Месели Аургазинского района (рис. 3, *37*). Верхняя часть навершия утраче-

---

[56] *А. М. Хазанов.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 8, табл. 1, *5*, *6*, Кинжалы из с. Чумляк и из Марычевки, аналогичные стерлитамакскому, выглядят, однако, более поздними по сравнению с нашими, поскольку утолщения на концах навершия, изображающие головки птиц, невыразительны и уже почти совсем исчезли; отсутствует и архаическое ребро на клинках указанных экземпляров, сохраняясь в то же время на стерлитамакском.

[57] Сходство, доходящее почти до тождества, наблюдается у стерлитамакского меча с другим длинным мечом из Башкирии (дер. Бугульчан), также датируемым достаточно ранним временем (*А. М. Хазанов.* Очерки военного дела, стр. 6, рис. 3, *5*).

[58] *А. М. Хазанов.* Очерки военного дела, стр. 6.

[59] Там же (см. также сноску 5 на стр. 6).

[60] *М. И. Артамонов.* Раскопки курганов на р. Маныче, стр. 335, рис. 18.

на, поэтому трудно судить о его форме, но, вероятно, оно было круглым [61]. Рукоять кинжала прорезная, с закругленными снаружи углами; она непосредственно, без уступа переходит в широкое прямоугольное перекрестие. Клинок, суженный в верхней трети, в средней части несколько расширяется, приобретая, таким образом, контуры клиновидной фигуры. На его поверхности имеются две углубленные довольно широкие вертикальные канавки, вследствие чего середина клинка выделяется наподобие невысокого валика.

Подобные формы для сармато-скифского вооружения нехарактерны, но изредка встречаются на востоке среди тагарских бронз [62], у сакских племен Казахстана [63] и Памира [64]. Кинжал со сплошной рукояткой со сломанной верхней частью из могильника Тегермансу II также имеет широкое прямое перекрестие, посредине клинка проходит валик. Б. А. Литвинский датирует его IV—III вв. до н. э., привлекая, однако, в качестве аналогий сарматские же раннепрохоровские мечи с подобным нашему широким перекрестием [65]. Два очень похожих кинжала с рожковидными навершиями и прорезными рукоятями (один, происходящий из Кзылту, также имеет прямое перекрестие) из Казахстана относятся к V—III вв. до н. э.[66] Примерно на такое же время указывают и находки с прорезными рукоятями, найденные в Восточной Европе [67]. Сходной формы клиновидное лезвие отковано и на одном из ранних прохоровских мечей из Талычево (рис. 2, *12*). Указанный круг аналогий предположительно позволяет датировать меселинский кинжал IV—III вв. до н. э.

Еще один оригинальный кинжал был найден в окрестностях дер. Месели (рис. 3, *38*). Обломанный в нижней части клинок, имеющий почти параллельные края, в сечении линзовидный; верхняя часть его укреплена вертикальным ребром. Плоская широкая рукоять сверху заканчивается нешироким и коротким уплощенным навершием с закругленными гранями. Узкое прямое перекрестие отковано на верхней части клинка.

Подобное навершие не находит аналогий среди известного нам сарматского оружия, хотя все остальные детали типичны для мечей и кинжалов среднесарматского времени. Гибридная форма меселинского кинжала вполне могла быть создана на пограничной с караабызско-пьяноборским миром территории, куда входила Башкирия в эпоху раннего железа.

V. S. Gorbounov, R. B. Ismaghilov

NOUVELLES DECOUVERTES EN BACHKIRIE DE GLAIVES ET DE POIGNARDS D'EPOQUE SAUROMATO-SARMATE

Résumé

Dans cet article on publie 38 glaives et poignards de Bachkirie remontant au début de l'Age du Fer, et représentés surtout par des trouvailles fortuites faites dans les régions centrales de cette République (fig. 4). On peut classer ces glaives en trois groupes: sauromate, sarmate ancien (de Prokhorovo), sarmate moyen (de Souslovo).

On a trouvé 12 glaives sauromates (fig. I). Ils diffèrent par la chronologie et le type. Les glaives à pommeau et garde en forme de bouton (fig. I, I-6), ainsi que l'unique poi-

[61] Очень крутой изгиб сохранившихся концов навершия делает маловероятным наличие серповидного навершия. Кроме того, будь навершие в виде серпа, оно было бы, как это имеется всегда в таких случаях, обломано у основания, а не на концах.

[62] *Н. Л. Членова.* Происхождение и ранняя история, табл. 4, 6, 7.

[63] *М. К. Кадырбаев.* Некоторые итоги и перспективы, рис. 1, 29, 30.

[64] *Б. А. Литвинский.* Древние кочевники «Крыши мира», табл. 40, 10.

[65] Там же, стр. 119.

[66] *М. К. Кадырбаев.* Некоторые итоги и перспективы, рис. 1, *29*, *30*.

[67] *А. А. Спицын.* Древности Камской Чуди, стр. 21, табл. XXVII, *8*; *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, стр. 13, рис. 1, *9* (см. рис. 1, *8* в данной статье).

gnard de la collection ayant un pommeau en volutes (fig. 1,8), appartiennent pour la plupart au VIe s. av. n. ère. Parmi eux, on peut distinguer des glaives courts à poignées plates ornementées, et à gardes dont les spirales imitent des becs d'aigles (fig. I, 3-5). Les autres glaives sauromates, sauf un au pommeau en barre et à l'étroite garde en papillon, remontent au IVe s. av. n. ère (fig. 1,6), ainsi qu'un exemplaire mal conservé qui ne peut être daté sûrement (fig. 1,7), présentent tous des gardes étroites rappelant des papillons, et des pommeaux zoomorphes comme des griffes ou des têtes d'oiseaux (fig. I, 9-11). Très intéressant est un long glaive provenant de la ville de Bélébéï, dont le pommeau est orné de figurines d'ours (fig. 1,12). Tous ces glaives datent du IVe s. av. n. ère.

La collection des plus anciens glaives sarmates compte 13 exemplaires allant du IVe au IIe siècle av. n. ère (fig. 2). Ce qui les caractérise c'est un pommeau en faucille, une garde étroite et droite, et une lame triangulaire à section rhomboïdale. Un glaive provenant du village de Talalaïevka (fig. 2,25) avec un pommeau en volutes, remonte au début de la période de Prokhorovo.

Un groupe plus tardif (13 exemplaires) date de la période de Souslovo (fig. 3, 34-36, 38), bien que quelques poignards à caractère archaïque nettement marqué (fig. 3, 26-33, 37) se rapportent encore dans l'ensemble à la première période sarmate.

И. Р. ПИЧИКЯН

АЛТАРЬ ПАСИАДА В ХЕРСОНЕСЕ

В оценке античного художественного наследия значительную роль могут сыграть первоклассные архитектурные материалы, хранящиеся в музеях нашей страны. Сбор архитектурных фрагментов позволил в ряде случаев реконструировать некоторые памятники целиком, а порой и переосмыслить известный, но малоизученный материал.

Примером могут служить громадные мраморные блоки, хранящиеся в Херсонесском и Одесском музеях. Они заслуживают специального исследования не только с архитектурной точки зрения, но и с исторической, так как надпись на одном из них проясняет некоторые аспекты общественной и культовой жизни Херсонеса Таврического эпохи расцвета города.

Один из блоков находится в экспозиции Херсонесского музея [1] (рис. 1). Он является угловым (рис. 2). С фасада украшен тремя букраниями, соединенными двумя свисающими гирляндами с цветами арацеи в центре. Между головами жертвенных животных на той же высоте над гирляндами — стилизованная культовая чаша — фиала или же равная ей по окружности шестилепестковая розетта. Голова левого жертвенного животного — козла наполовину выходит на торцовую часть. Центральное изображение — голова барана (?) — прекрасно сохранилась, половина головы правого животного сбита. Под гирляндами надпись в две строки:

Πασιάδας' Αρτεμιδ]ώρου . . .]
βασιλεύων ἱερεὺς ἐ[ων . . .]

Из надписи, от которой сохранилась ровно половина, следует, что Пасиад, сын Артемидора, будучи сакральным басилевсом, посвятил этот памятник божеству.

Второй блок (рис. 3), находящийся в экспозиции Одесского музея, также сохранился почти целиком (справа гладко подтесан, слева немного сколот) [2]. Лицевая сторона в середине украшена рельефным изображением букрания (череп быка) и двумя аналогичными гирляндами. Над правой гирляндой фиала. Надписи нет.

Оба блока сверху венчает профилек из полочки, четвертного вала с ионийскими овами и валика, моделированного жемчужником (рис. 4). На бóльшем, угловом блоке профилек почти полностью сбит, сохранилась лишь нижняя часть с жемчужником. Размеры, материал и характер декора не оставляют сомнения в том, что оба блока принадлежали одному и тому же сооружению. Высота блоков 0,61, длина большего 1,32, меньше-

[1] *А. Л. Бертье-Делагард.* Раскопки Херсонеса. МАР, 12, 1893, стр. 19. В архиве ГХМ, д. № 19, 4, 34 указано, что плита найдена Д. В. Айналовым в 1890 г. в полу Уваровской базилики, об этом же сообщает и издававший надпись В. В. Латышев — IOSPE, IV, № 87.

[2] *А. Л. Бертье-Делагард.* Ук. соч., стр. 19. По сведениям А. Л. Бертье-Делагарда, плита была найдена в базилике лейтенантом Шемякиным ранее раскопок графа Уварова в 1853 г. Экспонируется в Одесском археологическом музее (зал «Города Северного Причерноморья»), вмонтирована в стену.

го — 0,79 *м*. Ширина в верхней части 0,22, нижней — 0,20 *м*. Материал — островной средиземноморский мрамор (белый с голубоватыми прожилками).

В лапидарии Херсонесского музея хранится совершенно идентичная по материалу и характеру декоративного орнамента большая мраморная плита, найденная также на акрополе древнего Херсонеса [3]. Плита является плинтусом. В профиле плинтус профилирован полочкой, валиком и кимой. С фасада кима украшена лесбийским киматием, а валик — жемчужником, точно таким же, как на блоках с букраниями. Размеры

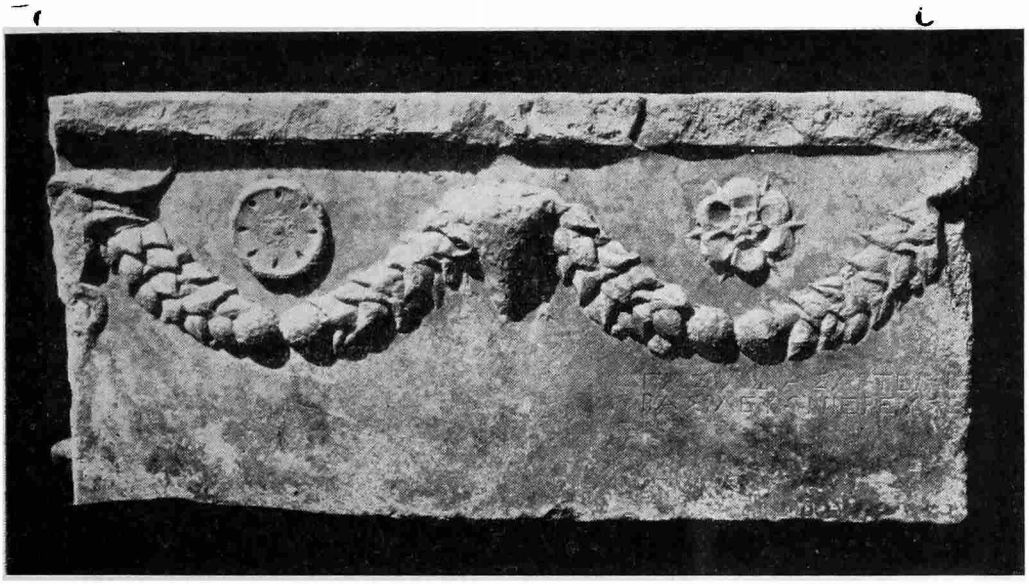


Рис. 1. Блок фасада с надписью, букраниями и гирляндами

плинтуса (в *м*): длина 0,95, ширина низа 0,16, верхней плоскости 0,125, высота 0,225.

Публикуя блоки с букраниями, А. Л. Бертье-Делагард считал, что «это плиты фриза языческого храма ионийского ордера» и датировал их I в. до н. э.[4] На их основе А. Л. Бертье-Делагард дал архитектурное обоснование громадного ионийского периптера без графического воспроизведения. Приводим его обоснование реконструкции: «По этой плите видно, что храм, из которого она взята, был ионического ордера и довольно значительных размеров (колонны до 33 дюймов нижнего диаметра — 0,825 *м*, вся высота храма от базы до карниза около 34 футов = 10,20 *м*)» [5].

Отнесение массивных мраморных блоков к фризу было сделано по весьма странному основанию: «они были найдены вместе с другими ионийскими фрагментами римско-императорского времени». Однако, как пишет сам А. Л. Бертье-Делагард, ионийские детали не от одного храма, в их стиле (особенно капителей колонн, профилировке карнизов, самих гирлянд и голов) проглядывает, несомненно, время, близкое к римско-императорскому: «вот почему я и отношу фризовую плиту к I веку до н. э., а остальные фрагменты к временам еще более поздним». В сноске А. Л. Бертье-Делагард добавляет: «по стилю букв надписи она относится (г. Латышевым) к первой половине III в. до н. э., и я спешу выразить это мнение столь известного ученого, хотя и остаюсь, по архитектурным соображениям при своем».

---

[3] Архив ГХМ, картотека О. И. Домбровского, № 334.
[4] *А. Л. Бертье-Делагард.* Ук. соч., стр. 19.
[5] Там же.

Рис. 2. Блок фасада в трехчетвертном развороте. ГХМ

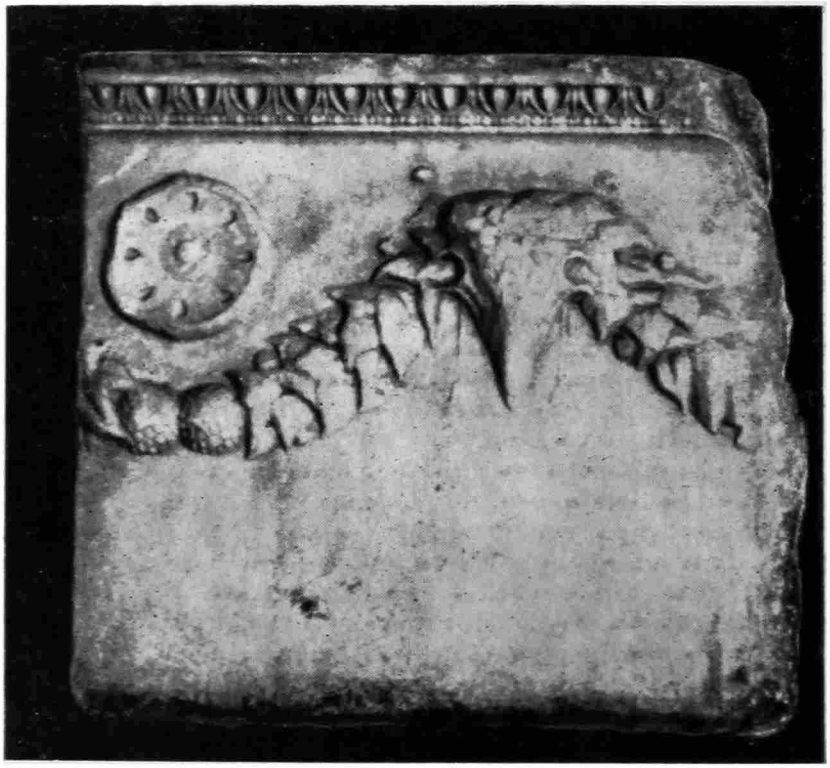


Рис. 3. Блок торца с букранием и гирляндами. ОГАМ

Еще более парадоксален вывод А. Л. Бертье-Делагарда относительно атрибуции предполагаемого храма Дионису, сделанный на основе аналогии с известным круглым алтарем IV в. до н. э. театра Диониса в Афинах. «Судя по украшениям плиты, — пишет А. Л. Бертье-Делагард, — предполагается ее принадлежность храму Диониса, что, конечно, очень возможно, но только я не вспоминаю указаний на существование культа Диониса в Херсонесе, на это нет намеков и в богатой нумизматике этого города». Архитектурные аналогии показывают, что букрании и гирлянды в эллинистический период встречаются на фризах памятников, посвященных культу самых различных божеств, т. е. используются в качестве чисто декоративного мотива [6]. Букраниями и гирляндами украшали и погребальные сооружения [7]. Точно подмеченное А. Л. Бертье-Делагардом стилистическое родство в исполнении рельефов и пропорций расположения букраниев на лицевой поверхности херсонесских плит, встречающееся только на алтарях эллинистического времени, по непонятным причинам при наличии верных отправных данных привело автора к неправильному пониманию назначения и времени публикуемого памятника.

Принимая реконструкцию А. Л. Бертье-Делагарда, художник Р. Воскресенский изобразил эти плиты на фризе ионийского периптера в своей картине «Присяга херсонеситов» — факт, известный в истории Херсонеса в III в. до н. э. [8]

Приведенные несоответствия в определении памятника и его датировке заставили вернуться к вопросам конструктивного и стилистического анализа архитектурных деталей. Кажется очевид-

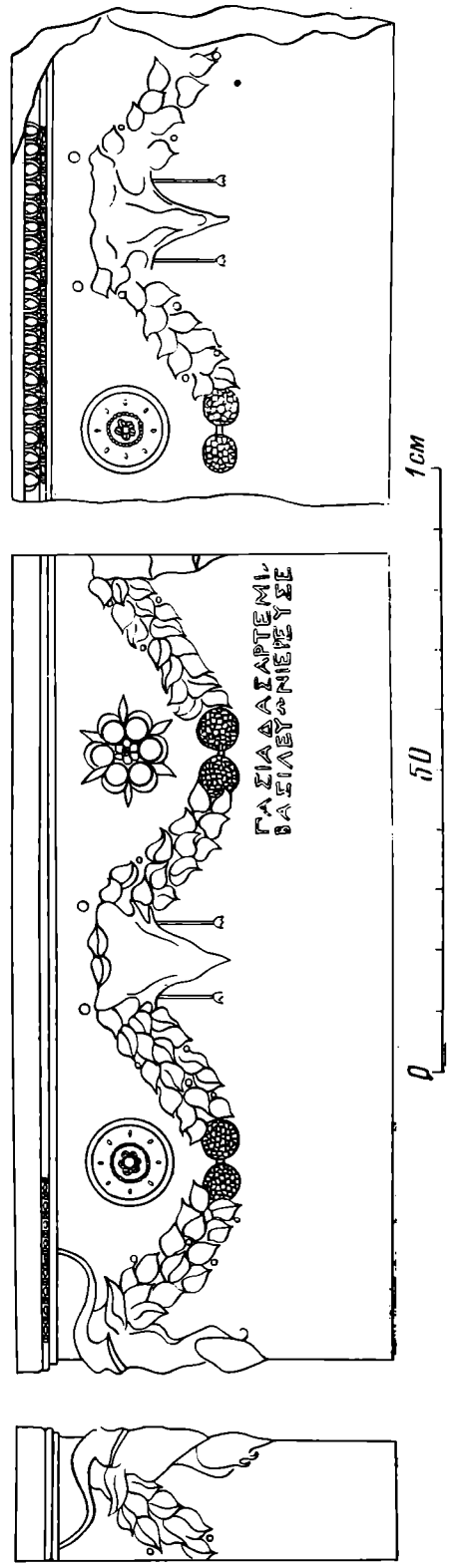


Рис. 4. Чертеж блоков с торца и фасада

[6] *A. W. Lawrence.* Greek Architecture. London, 1957, fig. 114; *A. Springer, A. Michaelis.* Handbuch der Kunstgeschichte, I. Leipzig, 1911, S. 352, Abb. 636; *D. S. Robertson.* A Handbook of Greek and Roman architecture. Cambridge, 1945, fig. 96.

[7] *F. Noak.* Die Baukunst des Altertums. Berlin, 1910, Taf. 158; *A. W. Lawrence.* Op. cit., fig. 118, 119; *A. Springer, A. Michaelis.* Op. cit. S. 470, Abb. 864; *J. Durm.* Die Baukunst der Griechen. Berlin, 1910, S. 544, Abb. 494; *W. Altmann.* Architectur und Ornamentik der antiken Sarkophage. Berlin, 1902, fig. 22, 25—27.

[8] Херсонес Таврический. Путеводитель. Симферополь, 1962, стр. 10.

ным, что для атрибуции сохранившихся деталей необходимо в первую очередь определить правильную постановку фрагмента и топографическое размещение его в композиции целого сооружения.

Как показал опыт В. Д. Блаватского (реконструкция пятиколонного портика Аспурга) и А. Н. Карасева (реконструкция храма Аполлона Дельфиния в Ольвии), характер обработки, декорировки, следы крепления и размеры, многое проясняют в атрибуции детали. Против предположения А. Л. Бертье-Делагарда, что плиты служили фризом храма, говорит массивность блоков, величина букв и расположение надписи. Конструктивный анализ и сопоставление херсонесских фрагментов с фризами, украшенными букраниями на памятниках Средиземноморья, совершенно исключает подобную атрибуцию. Пропорции плит фриза на о. Самофракии (Птоломейон — 285—246 гг. и Арсиноейон — 281 г. до н. э.) [9], Магнезии на Меандре (фриз каменных стенок пронаоса и описфодома — около 200 г. до н. э.) [10] совершенно иные: толщина значительно превышает высоту, т. е. они являются плитами в буквальном смысле, а не блоками, у которых высота больше толщины. Стилистический анализ показывает, что изображения букраниев и гирлянд на всех плитах средиземноморских фризов по высоте занимают всю лицевую поверхность. Размеры декоративного орнамента и надписи херсонесских блоков также препятствуют определению их как фриза, находящегося на высоте 9 *м*: мелкая порезка обломов и буквы были бы просто не видны. Достаточно сопоставить величину букв этой надписи с двумя другими надписями на блоках архитравов из Херсонеса. При меньших вдвое размерах общей высоты архитравов буквы на них крупнее в несколько раз (IOSPE, I², № 440 и 595).

Надпись на лицевой поверхности херсонесского блока с гирляндами, судя по ее расположению, совершенно определенно находилась в центре памятника. От нее сохранилась ровно половина (рис. 1 и 4). Поскольку блок угловой, а надпись центральная, становится очевидным, что длина фасада целого сооружения вдвое превышала сохранившийся блок с надписью. К этому простому и, казалось бы, очевидному решению мы пришли не сразу, а только после пересмотра всего лапидарного, архивного и эпиграфического материала Херсонеса. В процессе графического воспроизведения реконструкции полностью прояснилась композиция памятника и топографическое расположение всех трех деталей, идентичных по декоративному орнаменту, материалу и месту находки. Реконструкция оказалась предельно простой. Величина фасада (1,32 + 1,32 = 2,64 *м*), содержание надписи, аналогии в средиземноморской архитектуре и самом Херсонесе предопределили атрибуцию памятника [11]. Это был алтарь.

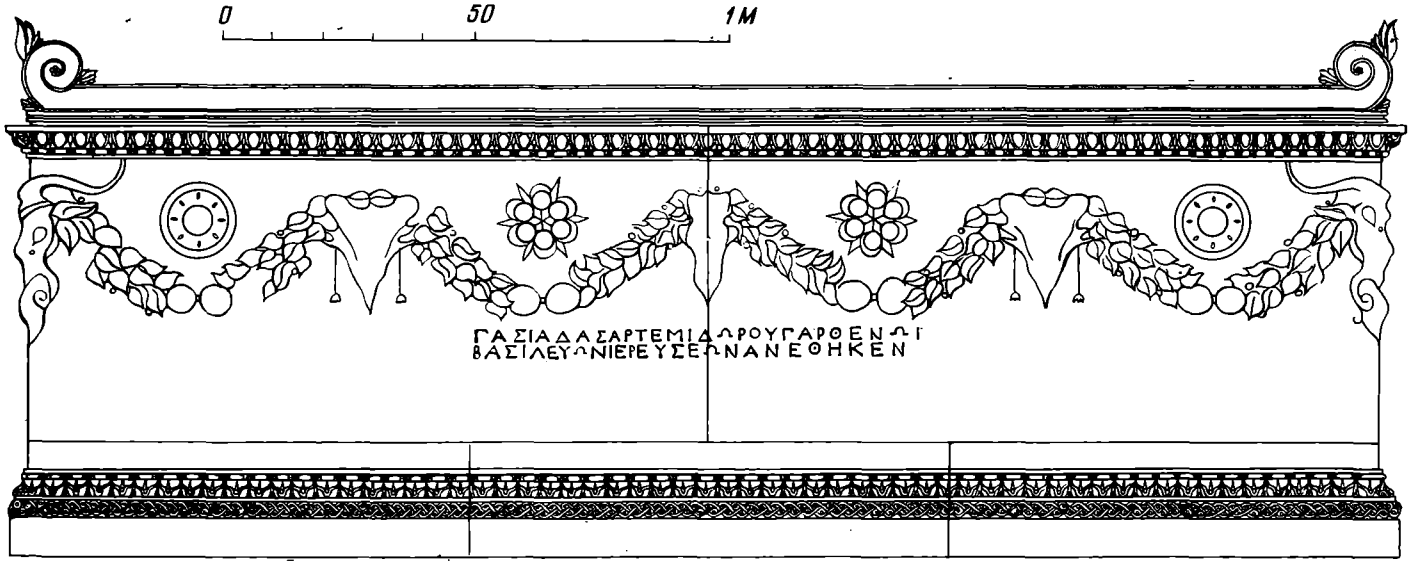
Попытка составить херсонесский и одесский блоки на чертеже оказалась удачной: гирлянда торца херсонесского блока (рис. 2) имеет соответствующее продолжение на втором одесском блоке (рис. 3 и 5, *2*, *3*). Это дало ширину алтаря 1,32 *м*, ровно вдвое меньшую длины — 2,64, *м*. Такие отношения кратности, надежно подтверждающие правильность реконструкций, очень редки. С фасада алтарь был украшен пятью рельефными изображениями букраниев и четырьмя соединяющими их гирляндами. С торцов — тремя аналогичными букраниями и двумя гирляндами. Блоки стояли на мраморном плинте с жемчужником и лесбийским киматием, а сверху были увенчаны гладкой плитой со сферическими лунками на верхней ее поверхности и угловыми акротериями. Венчающие части алтаря в Херсонесском музее не удалось найти, но они могут быть легко рекон-

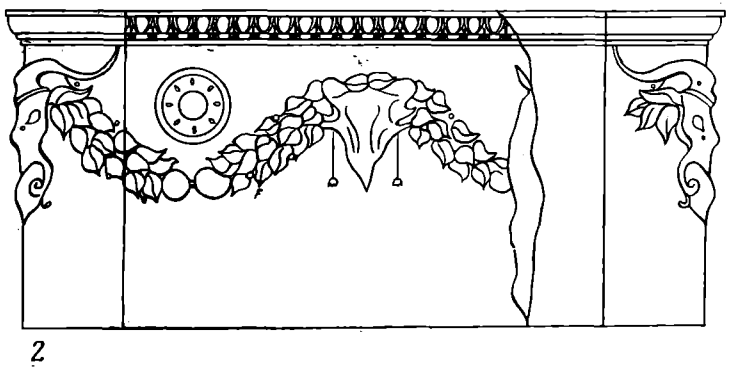
---

[9] *A. W. Lawrence.* Op. cit., fig. 114.

[10] *F. Noak.* Op. cit., Taf. 51, *d*.

[11] *C. G. Yavis.* Greek Altars. St. Louis, 1949, p. 148; *Th. Wiegand, H. Schrader.* Priene. Berlin, 1904, Abb. 212; *W. Altmann.* Die römischen Grabaltäre der Keiserzeit. Berlin, 1905, Fig. 3, S. 3—8; *R. Stillwell.* Architectural Studies. Hesperia II, 2, 1933. p. 140, fig. 29, 30.





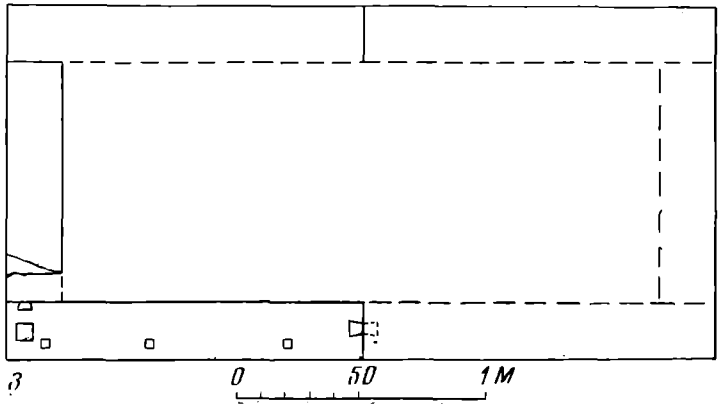


Рис. 5. *1* — реконструкция алтаря Девы (фасад). И. Р. Пичикян; *2* — тоже, торцовая часть фриза; *3* — план (пунктиром обозначены недостающие блоки)

струированы по сохранившимся средиземноморским аналогиям. Недостающие алтарные завершения в виде угловых волют воспроизводятся на основе надежных аналогий совершенно идентичных алтарей в Милете, Дельфах и Магнезии на Меандре (рис. 5, *1*).

Меньший по размерам другой мраморный прямоугольный алтарь Херсонеса, недавно изданный Э. И. Соломоник, с гирляндами, букраниями, розеттами и надписью-посвящением Деве Спасительнице свидетельствует о том, что тип прямоугольного алтаря в Херсонесе был довольно распространен [12].

О том, кому же посвящен алтарь, хотя имя божества не сохранилось, проясняет сохранившаяся часть надписи с упоминанием должности посвятившего сакрального басилевса Пасиада, сына Артемидора, верховного жреца Девы и эпонима города.

Должность царя-эпонима не была в Херсонесе наследственной, временами она даже переходила к богине Деве, провозглашавшейся царицей, пока в 25/24 гг. до н. э. эпонимная магистратура окончательно не перешла к ней с введением нового летоисчисления в Херсонесе. Такой перенос магистратуры был обусловлен внутренними социально-политическими кризисами и падением полисного сознания в городах Северного Причерноморья: при наличии богатых граждан в Херсонесе не было лиц, желающих нести огромные расходы, связанные с должностью сакрального царя [13]. До реформы в Херсонесе эпонимной магистратурой ведал басилевс. Это видно по эпиграфическим памятникам эллинистического времени: декрету в честь Диофанта, декрету в честь победы у стен Калос-лимена, которые датированы именем царя Агелы, и договору Херсонеса с Понтийским царством, датированному именем басилевса Аполлодора, сына Герогита, 179 г. до н. э. (IOSPE, 1^2, 352, 353, 402). Таким образом, тесная связь верховного магистрата — басилевса — с культом главного божества Херсонеса — Девой — несомненна.

То же отмечали Д. Н. Корольков и В. В. Латышев при рассмотрении социальной структуры Мегар, метрополии Херсонеса Таврического [14].

По обычаю жрецы после исполнения своей должности посвящали благодарственный дар божеству. В Пантикапее и в Ольвии наибольшее количество посвящений жрецов сделано Аполлону — верховному божеству милетских колоний.

В Херсонесе же прямым доказательством связи царя с богиней Девой, а также обычая благодарственного посвящения почитаемому божеству является надпись на постаменте статуи Биона, сына Симия, из которой следует, что Бион занимал поочередно должность царя и жреца Девы, за что и сделал посвятительный дар. В этом смысле посвящение Пасиада, бывшего царем и жрецом Девы, совершенно идентично посвящению Биона (IOSPE, I^2, 410) и Формиона (№ 415). Близки они и по стилю шрифта.

Связь басилевса-эпонима с верховным божеством Херсонеса, Девой, обычай благодарственных посвящений после исполнения должности почитаемому божеству, наводят на мысль, что до нас дошли три крупных части монументального мраморного алтаря Девы. Судя по тому, что все детали были найдены на акрополе, алтарь басилевса Пасиада, сына Артемидора, стоял на акрополе Херсонеса.

Реконструкции надписи в виде простого добавления имени божества и обычного в подобной формуле посвящения глагола — ἀνέθηκεν не

---

[12] *Э. И. Соломоник.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973, № 125, стр. 69—87, рис. 125, *а—в*.

[13] *В. И. Кадеев.* Херсонес Таврический в I в. до н. э.— III в. н. э. Автореф. докт. дис. М., 1975, стр. 33.

[14] *Д. Н. Корольков.* Несколько неизданных мегарских надписей. ЖМНП, 1883, сентябрь, стр. 65; *В. В. Латышев.* Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического. СПб., 1884, стр. 24, 25.

противоречит идентификации этого памятника с алтарем Девы [15].

Πασιάδας Ἀρτεμιδ[ώρου Παρθενωι?]
βασιλεύων ἱερεὺς ἐ[ὼν ἀνέθηκεν?]

О монументальном алтаре Девы, стоящем перед храмом на акрополе Херсонеса, говорится в декрете в честь Диофанта (IOSPE, I², 352, стк. 51). Как справедливо отмечает Э. И. Соломоник, постановка статуи Диофанта в полном вооружении рядом с алтарем Девы, возможно, была связана и с тем, что победу в борьбе со скифами приписывали новой эпифании богини, т. е. чудесной помощи Девы [16]. В декрете в честь Диофанта действительно говорится о знамениях, происшедших в самом храме Девы, придавших смелость и отвагу всему войску (IOSPE, I², 352, стк. 53, 54). В этой связи следует отметить посвящения Деве, дошедшие в разной сохранности, которые в Херсонесе значительно превалируют над посвящениями традиционным божествам олимпийского пантеона [17]. Приведенные свидетельства в своей совокупности не оставляют сомнения в атрибуции монументального мраморного алтаря верховному божеству города.

В датировке монументального алтаря Девы концом IV — началом III в. до н. э., предложенной В. В. Латышевым на основе анализа надежных эпиграфических данных, нет никаких сомнений [18].

I. R. Pitchikian

L'AUTEL DE PASSIADE A KHERSONESE

Résumé

Quelques fragments de marbre trouvés sur l'acropole de Khersonèse, dans la basilique d'Ouvarov, sont des monuments de premier ordre, faisant partie de l'héritage artistique de l'Antiquité, qui permettent de mieux comprendre le niveau de vie social et culturel de la ville à l'époque de son épanouissement.

L'auteur, ayant confronté des détails (une dalle de soubassement et deux blocs avec des bucrânes) conservés dans différents musées, donne une reconstitution d'un autel de marbre, long de 2m64 et large de Im32. Etant donné qu'un des blocs provient d'un angle et que l'inscription — dont seule la moitié s'est conservée,— constituait la partie centrale, la construction devait en être très simple. Des autels semblables, ornés de bucrânes, à Milet, Athènes, Priène, à Magnésie sur le Méandre, et à Khersonèse même, prouvent que ce type d'autel était assez répandu.

La partie conservée de l'inscription, portant les titres et qualité du donateur (basileus, grand prêtre et éponyme), étroitement lié dans les métropoles et les colonies au culte du dieu principal protecteur de la ville; la coutume de consacrer des inscriptions votives, durant ou après l'exercice de cette fonction, à la divinité vénérée; l'identité avec l'inscription dédicatoire du basileus de Khersonèse, le prêtre Bion (IOSPE, I², 310); tout ceci ne laisse aucun doute sur le fait que l'autel en question ait été consacré à la déesse Diéva, qui était vénérée dans la ville plus que toutes les autres divinités traditionnelles du panthéon grec (IOSPE, I², 407—412, et certainement 414, 415).

L'endroit où ont été trouvés les fragments, le caractère monumental de l'autel, sa date, ainsi que la qualité artistique de sa décoration, permettent avec une grande vraisemblance d'identifier cet autel avec celui de Diéva, cité dans le décret en l'honneur de Diophante, et qui se dressait sur l'acropole de Khersonèse (IOSPE, I², 352, lig. 52).

Les analyses stylistiques et des données épigraphiques très sûres, permettent également, comme l'estimait V. V. Latychev (IOSPE, I², 414), de dater cet autel de la fin du IVe première moitié du IIIe s. av. n. ère.

[15] Мы не настаиваем на абсолютной точности восстановления надписи, так как возможны и варианты: вместо ἀνέθηκεν не менее приемлемо τὸμβωμὸν. Примеры таких перестановок встречаются в надписях неоднократно. На рис. 5, *1* приводится реконструкция второй половины надписи Ю. Г. Виноградова, предложенная exempli gratia исключительно с целью в общих чертах восстановить смысл и содержание документа.

[16] *Э. И. Соломоник.* Ук. соч., стр. 85.

[17] IOSPE, I², 407—412, а также совершенно определенно и 414, 415.

[18] IOSPE, I², 414; *В. В. Латышев* (рец.). А. Л. Бертье-Делагард. Раскопки Херсонеса. Сб. «ΠΟΝΤΙΚΑ», СПб., 1909, стр. 375. Того же мнения придерживаются и современные эпиграфисты: В. Д. Блаватский, Э. И. Соломоник, А. И. Болтунова и Ю. Г. Виноградов.

А. П. РУНИЧ

ЗАХОРОНЕНИЕ ВОЖДЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ

В настоящее время в кисловодской котловине обнаружено большое количество памятников раннего средневековья: остатки поселений, укреплений, сторожевых постов [1] и могильники. Только катакомбных могильников здесь найдено уже 38 (исследовано 497 камер) [2]. Характерной особенностью этого района Северного Кавказа является то, что наряду с катакомбными захоронениями здесь имеются одновременные им погребения в подземных и наземных склепах [3], грунтовые с подбоями [4], а в VII—VIII вв. появляются погребения, устроенные в отвесных скалах [5].

Такое обилие памятников дает полное основание утверждать, что этот район Северного Кавказа был особенно густо заселен в раннем средневековье. Самое наглядное представление о материальной культуре племен, заселявших кисловодскую котловину, пока дают только катакомбные захоронения, так как поселения до настоящего времени остаются неисследованными [6].

Погребальный инвентарь катакомбных захоронений кисловодской котловины обычно довольно скромен. При женских скелетах находят браслеты (бронзовые, железные и стеклянные), серьги, фибулы, бусы и другие украшения, а захоронения мужчин сопровождаются железными ножами, пряжками из железа и бронзы и недорогими украшениями от поясов.

---

[1] *А. П. Рунич.* Укрепления раннего средневековья в кисловодской котловине. АЭС, 1, Нальчик, 1974, стр. 95—109.

[2] *А. П. Рунич.* Катакомбные могильники в районе Кисловодска. СА, 1963, 3, стр. 241—244; *его же.* Катакомбный могильник VII—VIII вв. около Кисловодска. СА, 1968, 3, стр. 208—214; *его же.* Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в Кисловодске и его окрестностях. МАДИСО, II, 1969, стр. 97—111; *В. Б. Виноградов, А. П. Рунич.* Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС, III, Грозный, 1969, стр. 118—120; *А. П. Рунич.* Катакомбы Рим-горы. СА, 1970, 2, стр. 198—210; *Г. Е. Афанасьев, А. П. Рунич.* Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ Кисловодска. СА, 1970, 4, стр. 222—226; *А. П. Рунич.* Могильник № 2 у Лермонтовской скалы около Кисловодска. АО — 1974, М., 1975, стр. 125, 126; *его же.* Разведки у г. Кисловодска. АО — 1975, М., 1976, стр. 128, 129; *его же.* Аланский могильник в «Мокрой балке» у г. Кисловодска. МАДИСО, т. III, 1975, стр. 132—150.

[3] *Э. В. Ртвеладзе, А. П. Рунич.* Находки индикаций византийских монет близ Кисловодска. ВВ, 32, 1971, стр. 221; *А. П. Рунич.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1963, г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2694 (надземные склепы на Уллу-Дурбала, стр. 10, 11).

[4] *А. П. Рунич.* Погребения V—VI вв. у Кисловодска. АО — 1971, М., 1972, стр. 125, 126.

[5] *А. П. Рунич.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска. СА, 1971, 2, стр. 167—178; *его же.* Скельні могильники у верхів'ях р. Ешкакон на Північному Кавказі. Археологія, 16, 1975, стор. 65—76; *В. А. Кузнецов, А. П. Рунич.* Погребение аланского дружинника IX в. СА, 1974, 3, стр. 196—202.

[6] Данные о раскопке одного строения и небольшой подъемный материал не дают необходимого представления о материальной культуре и образе жизни обитателей раннего средневековья. *Г. Е. Афанасьев.* Поселения VI—IX вв. в районе Кисловодска. СА, 1975, 3, стр. 53—61.

Встречаются в катакомбах и керамические сосуды, число которых обычно составляет 1—4 на камеру. Особенностью катакомбных захоронений VI—VIII вв. является почти полное отсутствие оружия (мечей, сабель, стрел), которые в значительном количестве появляются только в катакомбах Рим-горы, относящихся к X—XII вв. [7]

Среди большого количества катакомбных захоронений по богатству инвентаря выделяются только три. Наиболее ранним из них оказалась катакомба № 10 (рис. 1) на территории могильника 2 у Лермонтовской

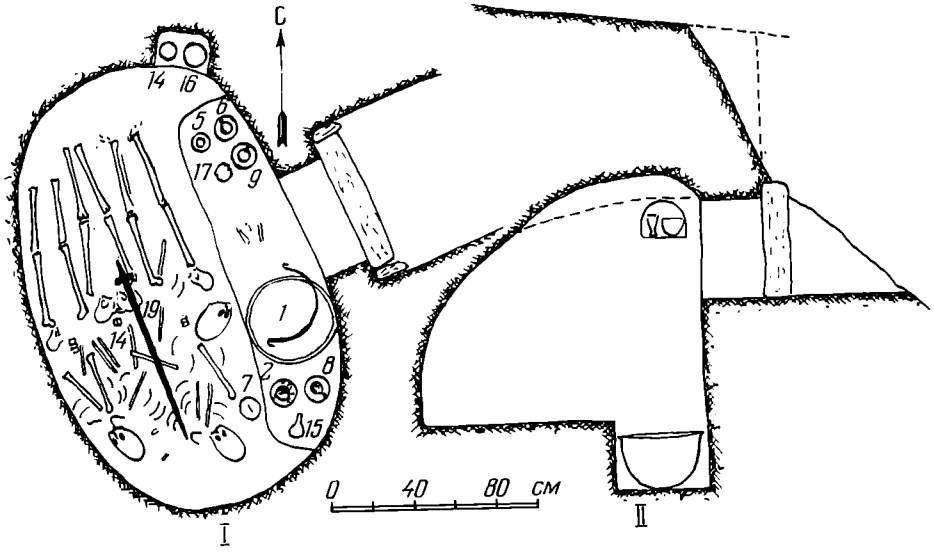


Рис. 1. План (I) и разрез (II) катакомбы 10. Номера на плане соответствуют номерам предметов на рис. 2, 3, 5

скалы [8]. Все исследованные здесь камеры вырублены в очень плотной мергелистой глине и имеют вход либо в виде шахты, либо в виде дромоса. В рассматриваемую камеру вел ход из шахты, расположенной параллельно склону, но ее размыли атмосферные воды. В уцелевшей части шахты предметов не оказалось. Ширина ее у входного отверстия 84 *см*, а глубина 132 *см*. Лаз полукруглой формы размерами 54 × 46 *см* со стороны шахты закрывала плита 68 × 54 × 14 *см*, которую заклинивали два камня (рис. 1, *1*), а все щели были тщательно заложены мелкими плитками и замазаны глиной. Катакомбу до самого потолка заполнял очень плотный, слежавшийся грунт, прорезанный ходами грызунов. Часть сферического потолка отслоилась и обрушилась. В куполе катакомбы обнаружены ходы грызунов, через которые, видимо, грунт и заполнил усыпальницу. Входное отверстие находилось на 56 *см* выше пола, а под ним была вырублена неправильной формы яма длиной 174, шириной 42—43 и глубиной 32 *см*. Сама камера имела вид овала размерами 224 × 138 *см* и высотой у входного отверстия 108 *см*. В грунте, заполнявшем камеру, почти от самого потолка (в 10—15 *см* от него) в западной части усыпальницы начали встречаться крупные обломки от керамических и стеклянных сосудов и различные предметы. На разной глубине были найдены: пять разбитых керамических сосудов (рис. 2, *3*, *4*, *7*, *10*, *11*), фрагменты от двух стеклянных кубков (рис. 2, *12*, *13*), бронзовые и серебряные украшения различного типа, обложенные золотой фольгой с вставками из альмандинов и стекла (рис. 3, *1*, *2*—3 шт.; *3*, *4*, *5* — по 4 шт.; *6*—3 шт.; *7*—5 шт. и *8*—3 шт.). Здесь же находились трое железных однокамчатых удил с железными

[7] *А. П. Рунич.* Катакомбы Рим-горы, стр. 198—210.

[8] *А. П. Рунич.* Могильник № 2 у Лермонтовской скалы, стр. 125, 126; *его же.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4684.

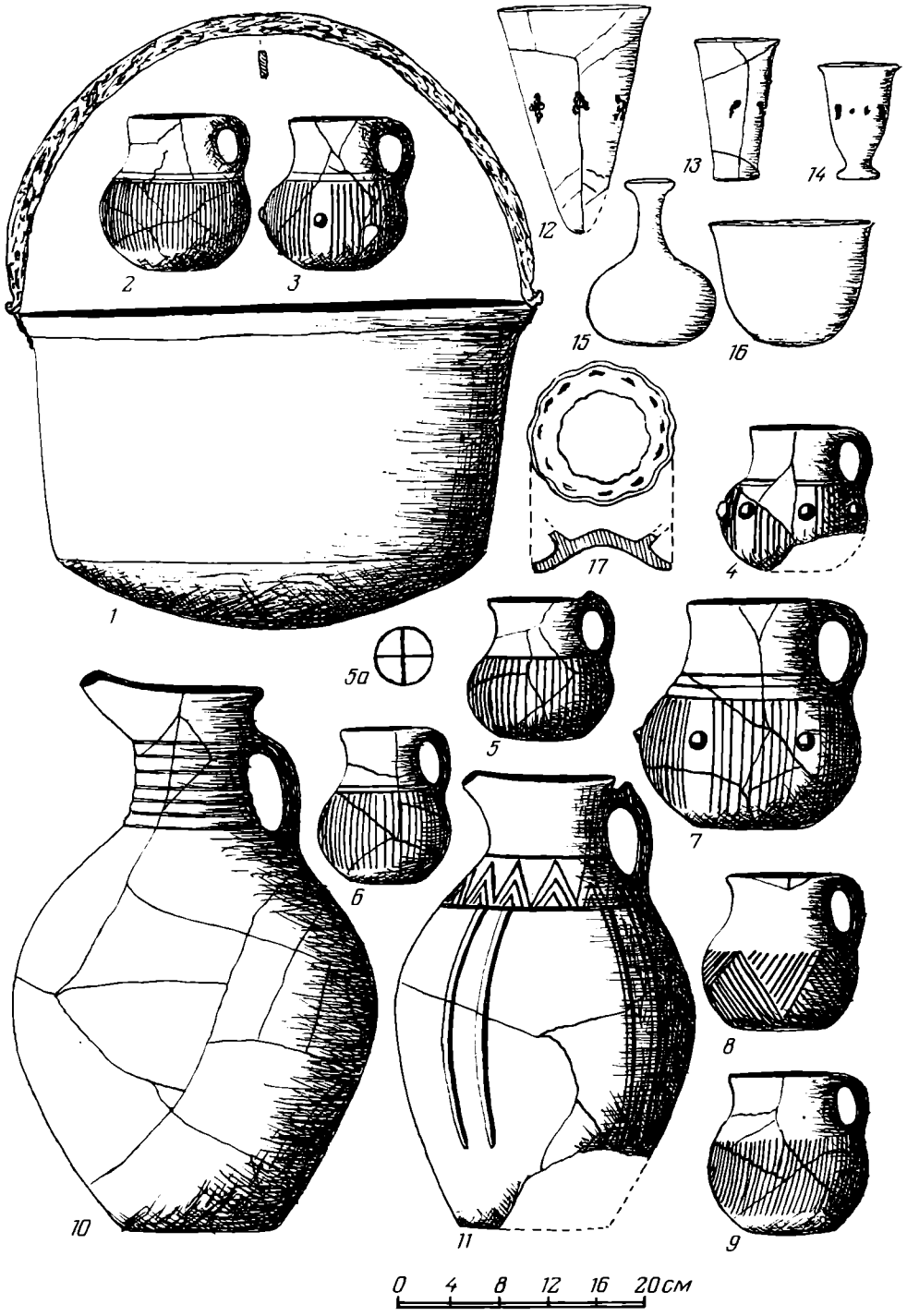


Рис. 2. *1* — клепанный котел из листовой меди; *2—11* — керамические сосуды; *12—17* стеклянные сосуды

псалиями (рис. 4, *3*, *4*) и с псалиями из бронзы (рис. 4, *5*, *5*, *а*). На удилах сохранились остатки от узды из листовой бронзы, обложенные орнаментированной золотой фольгой (рис. 4, *6*, *7*). Тут же была серебряная обкладка (рис. 4, *1*) и бронзовое украшение в виде полумесяца (рис. 4, *8*). Среди грунта находились и две пары золотых пластинок с ячейками различной формы и гнездами, в которые вставлены альмандины и цветное стекло (рис. 5, *8*, *9*).

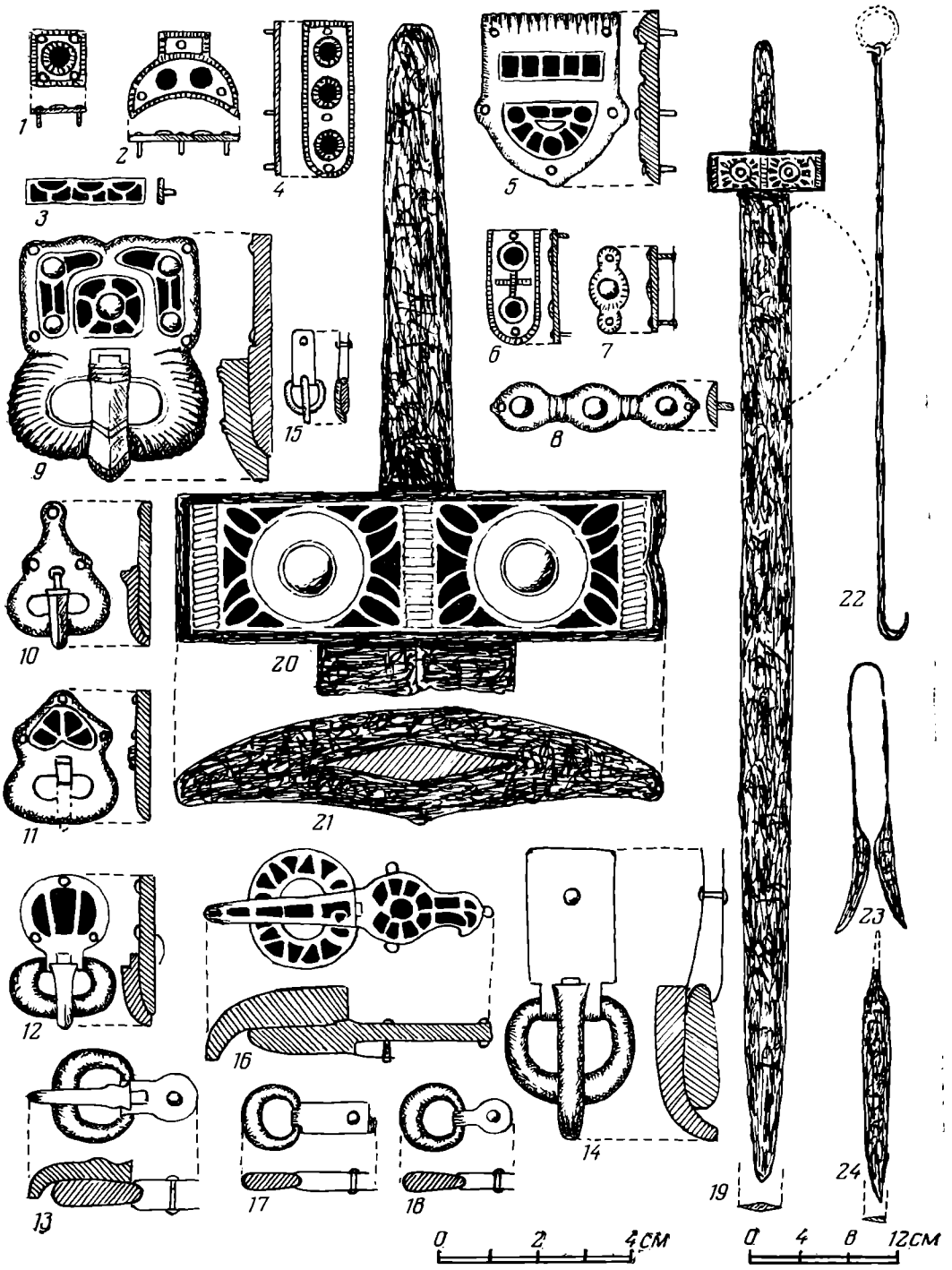


Рис. 3. *1—8* — украшения от поясов, обложенные золотой фольгой с альмандинами и стеклянными вставками; *9—12* — так же сделанные пряжки; *13*, *14* — серебряные пряжки; *15* — бронзовая пряжка; *16* — пряжка из золота с альмандинами; *17*, *18* — подвески; *19* — меч; *20* — рукоять меча с инкрустациями; *21* — поперечник перекрестия меча; *22* — железный крючок; *23* — железные ножницы; *24* — железный нож

В грунте, заполнявшем камеру, на разной глубине найдены также обрывки серебряной фольги с позолотой и чешуйчатым орнаментом. На этих пластинках сохранились кусочки дерева и кожи, прибитые бронзовыми гвоздиками (рис. 6, *1*). Обнаружены и пряжки от поясов из серебра, обложенные золотой фольгой: три без вставок (рис. 3, *10*), три с различными вставками из альмандинов и стекла (рис. 3, *9*, *11*, *12*), а одна серебряная

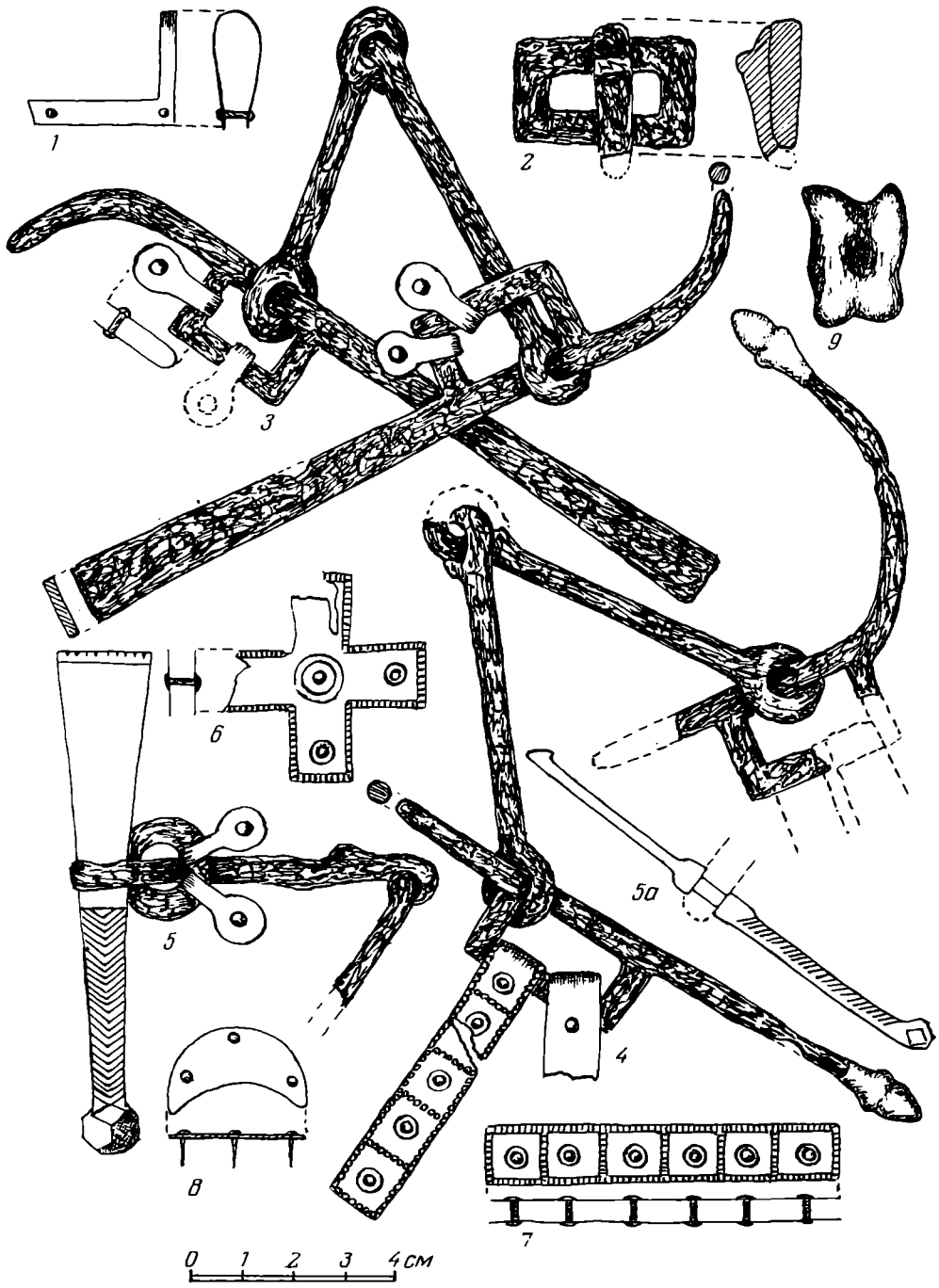


Рис. 4. *1* — серебряная обкладка; *2* — железная пряжка; *3*, *4* — железные удила с железными псалиями; *5*, *5а* — железные удила с бронзовыми псалиями; *4*, *6*, *7* — украшения от узды, обложенные золотой фольгой; *8* — бронзовое украшение; *9* — альчик

без обкладки (рис. 3, *13*), одна маленькая бронзовая (рис. 3, *15*) и одна железная (рис. 4, *2*). Здесь находились и серебряные подвески (рис. 3, *17*, *18*), серебряная фибула (рис. 5, *4*), фибула из золота с вставленными альмандинами (рис. 5, *3*), серебряная копоушка и ногтечистка (рис. 5, *5*, *6*), орнаментированный обрывок серебряной фольги с позолотой (рис. 5, *10*), хрустальный шарик (рис. 5, *1*) и пастовая подвеска с бронзовой петелькой (рис. 5, *2*). В слое грунта на 40 *см* выше пола камеры обнаружился мас-

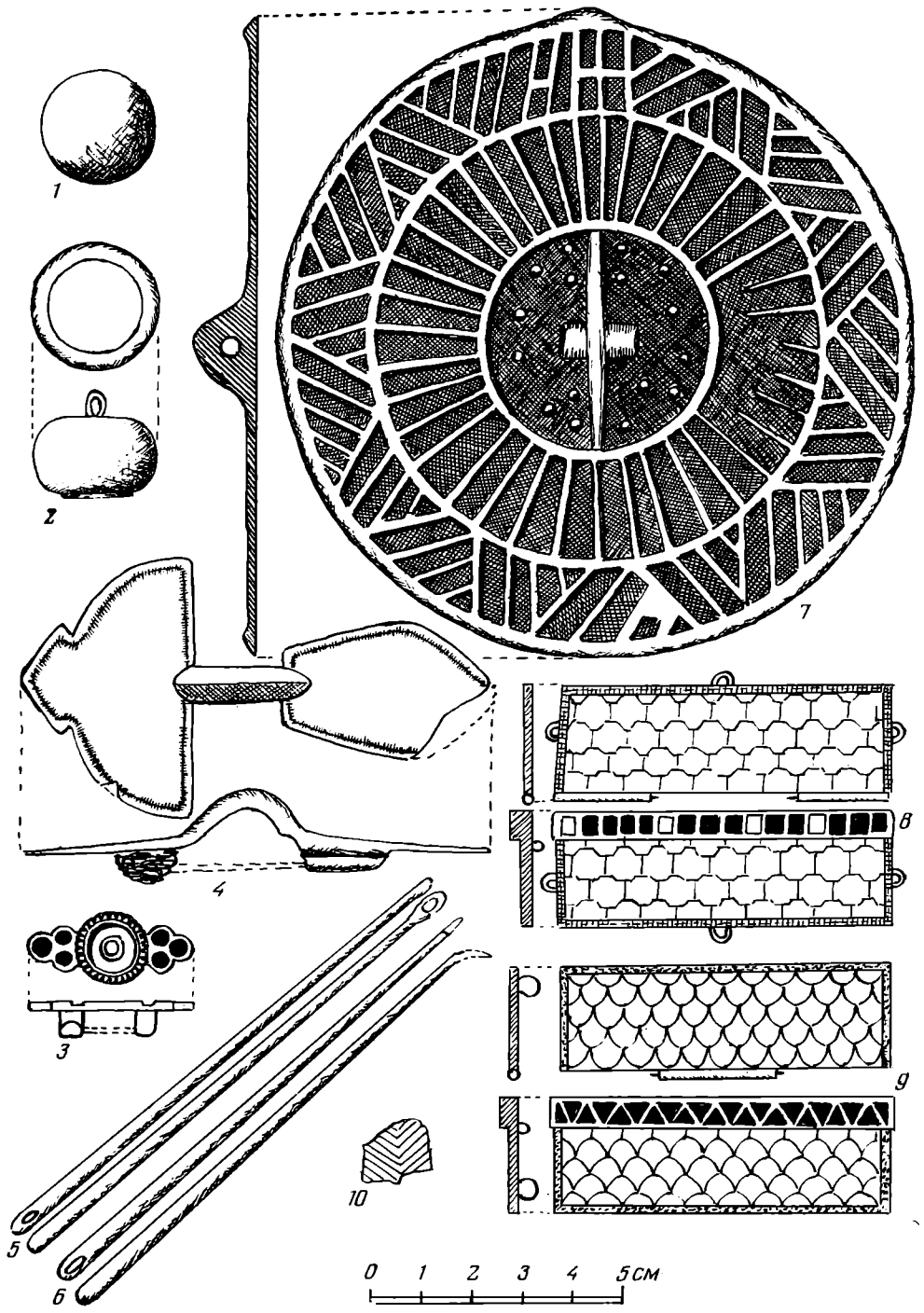


Рис. 5. *1* — хрустальный шарик; *2* — подвеска из пасты; *3* — фибула из золота с альмандинами; *4* — серебряная фибула; *5*, *6* — ногтечистка и копоушка из серебра; *7* — зеркало; *8*, *9* — пластинки из золота с вставленными альмандинами; *10* — позолоченная серебряная фольга

сивный железный меч (рис. 3, *19*). Севернее его находились сломанные железные ножницы (рис. 3, *23*) и два прямых железных ножа (рис. 3, *24*). В яме под входным отверстием, у его южной стенки, лежал стеклянный сосуд (рис. 2, *15*) и стояли два раздавленных керамических сосуда (рис. 2, *2*, *8*), а севернее их находился медный котел с железными ушками и такой же дужкой (рис. 2, *1*), который, видимо, только и остался в первоначальном положении. В этом котле находились пропитанные окисью меди кости

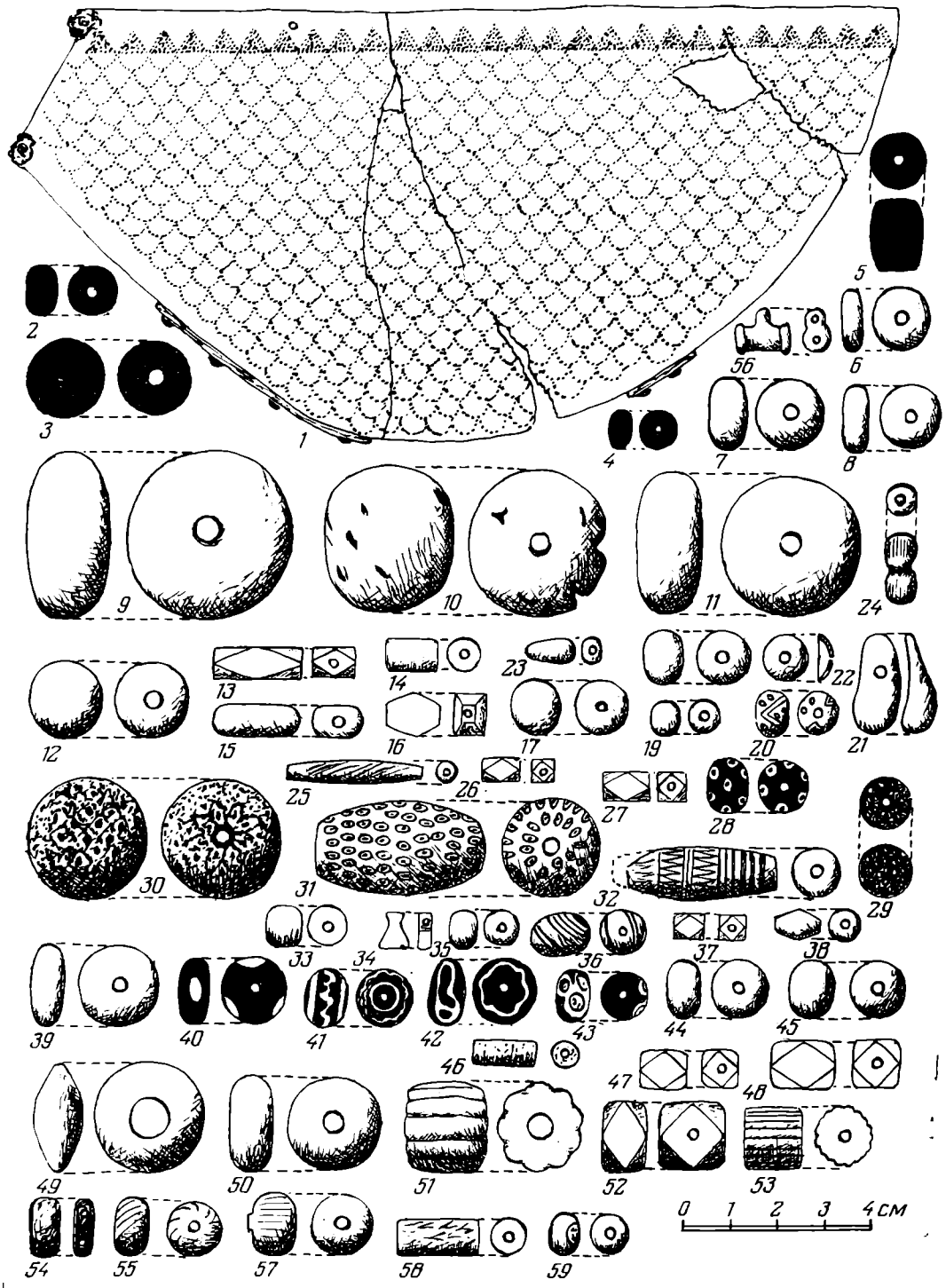


Рис. 6. *1* — позолоченная серебряная фольга; *2—59* — бусы (*2—5* — гагатовые; *6—11* — янтарные; *12—20* — сердоликовые; *21* — из зуба; *22* — из раковины; *23—27*, *34*, *35*, *37—39*, *44*, *45*, *47—57* — стеклянные; *28—33*, *36*, *40—43*, *46—58*, *59* — пастовые)

барана и козы. Около самой северной стенки в этом углублении были обнаружены еще три раздавленных керамических сосуда (рис. 2, *5*, *6*, *9*) и дно от стеклянной вазы (рис. 2, *17*), но ни одного кусочка от ее верхней части в камере не оказалось. Тут же были найдены обломки от описанных выше керамических и стеклянных сосудов.

Под самым потолком катакомбы находилась ниша размерами 23 × × 18 *см*, в которой стояли два стеклянных сосуда (рис. 2, *14*, *16*), а под нишей лежали три альчика (рис. 4, *9*).

На полу камеры без следов от подстилки, ногами на север лежали три скелета: мужской, женский и между ними, видимо, юноши. В первоначальном положении сохранились только нижние конечности костяков и частично кости таза (рис. 1, *1*). У костяка юноши в районе поясницы лежала серебряная пряжка (рис.3, *14*). Деформированные черепа и остальные кости верхней части скелетов находились на полу камеры (рис. 1, *1*). На самом краю у «приямка», в южной части камеры, обнаружено зеркало из белого сплава (рис. 5, *7*). Среди костей погребенных, в слое грунта, над ними и особенно у ног скелетов были разбросаны разнообразные бусы: гагатовые (рис. 6, *2—5*), из днепровского янтаря (рис. 6, *6—11*), сердоликовые различной формы (рис. 6, *12—20*), одна из которых с прорезным орнаментом, затертым белой пастой (рис. 6, *20*). Здесь же была бусина или амулет из зуба (рис. 6, *21*), из раковины ископаемого моллюска (рис. 6, *22*).

Интересны и стеклянные бусы различного цвета и формы (рис. 6, *23—27*, *34*, *35*, *37—39*, *44*, *45*, *47—57*), из которых выделяются бусы темно-красного цвета с двумя отверстиями (рис. 6, *56*) и бусина-разделитель темно-синего цвета также с двумя отверстиями (рис. 6, *54*). Много было здесь бус из различного цвета пасты (рис. 6, *28—33*, *36*, *40—43*, *46*, *58*, *59*). Среди них выделяются три крупные бусины: одна мозаичная с мелкими вставками черного, желтого, зеленого и красного цвета (рис. 6, *30*), глазчатая синего цвета с коричневыми глазками и белым окаймлением (рис. 6, *31*) и бочковидная бусина с очень сложным рисунком серого, синего и желтого цвета (рис. 6, *32*).

Положение костей (верхней части скелетов) и находящегося в камере инвентаря указывает на то, что погребение подверглось ограблению через входное отверстие, когда усыпальница только частично была заполнена грунтом. Наличие в камере значительного количества золотых и других ценных предметов дает основание полагать, что грабителям помешали. Вещи опять положили в камеру, вход тщательно закрыли, а шахту засыпали.

Несмотря на то что погребальный инвентарь был сильно смещен и назначение некоторых предметов осталось неясным, это захоронение оказалось очень интересным и резко выделялось среди остальных погребений могильника. Прежде всего обращает на себя внимание довольно хорошо сохранившийся уникальный железный меч, широкий, обоюдоострый, имеющий широкое и массивное железное перекрестие рукояти, богато украшенное инкрустациями из стекла и смальты. Эти декоративные элементы находятся с одной стороны перекрестия и выполнены следующим образом: в железном перекрестии меча сделано углубление около 3 *мм*, в котором помещены своеобразные обоймы из листовой бронзы. Образовавшиеся таким образом ячейки заполнены различной формы и цвета вставками из стекла и смальты. В центре перекрытия находится гребневидная пластинка из желтоватого стекла. Справа и слева от нее помещены украшения в виде «шайб» из темно-голубой смальты, а в середину «шайб» вставлено слегка выпуклое желтоватое стекло. Вокруг этих декоративных деталей находятся различной формы пластинки из темно-красного стекла. По краям перекрестия помещены вставки в виде спиралей из желтоватого стекла (рис. 3, *20*). Вся эта декоративная часть укреплена на какой-то пасте или клее и не выступает за плоскость перекрытия. Тыльная часть перекрытия

сделана выпуклой (рис. 3, *21*) и без украшений. По типу перекрестия на рукояти оно очень близко к гуннским мечам [9], но отличается от последних типом орнамента и формой самих инкрустаций. Довольно типичным для гуннов является и чешуйчатый орнамент на двух пластинках из серебряной фольги, лицевая сторона которых покрыта позолотой [10]. Орнамент на пластинке нанесен с лицевой стороны штампом. После нанесения орнамента они были позолочены, видимо, при помощи ртутной амальгамы. Такой же тип орнамента известен в материалах могильника Байтал-Чапкан [11]. Описываемые нами пластинки (рис. 6, *1*) при наложении тыльными сторонами полностью совмещаются. Установлено также, что между ними находилась деревянная прокладка толщиной около 8 *мм*, древесные волокна которой шли перпендикулярно выпуклой части серебряной пластинки. Пластинка к дереву была прибита маленькими гвоздиками, длиной около 6 *мм*, а по ее периметру сохранились остатки кожи, прибитые такими же гвоздиками. Сопоставляя описываемые пластинки с деталью обкладки ножен меча из Елизаветовского могильника [12], можно обнаружить большое сходство. Это дает основание предполагать, что найденные пластинки являлись частью украшения ножей обнаруженного нами меча.

Интересны две пары золотых украшений с ячейками в виде сот, в один-два ряда которых сделаны вставки из альмандинов, пасты и цветного стекла. Каждая пара этих пластинок была соединена шарнирно при помощи бронзовых штифтов. С тыльной стороны каждая имела 2—3 петельки для крепления (рис. 5, *8*, *9*). Назначение их осталось неясным.

Разнообразны здесь тисненые украшения от пояса с вставками из альмандинов и цветного стекла, сделанные из листовой бронзы и обложенные с лицевой стороны золотой фольгой (рис. 3, *1*, *8*). С тыльной же стороны, очевидно, для прочности, они были заполнены белой пастой; по краям имеются бронзовые штифты, при помощи которых они прикреплялись к ремню. Имеются здесь и массивные серебряные подвески (рис. 3, *17*, *18*), которые оказались совершенно аналогичны гуннским [13].

Заслуживают внимания и массивные пряжки, сделанные из серебра, с такими же вставками, большая часть которых также обложена золотой фольгой (рис. 3, *9—12*). Обкладка делалась следующим образом: с тыльной стороны по размерам пряжки накладывалась фольга, а с лицевой стороны обкладка из такой же фольги заводилась за эту накладку и там загибалась. Наряду с такими «золотыми» пряжками здесь находились пряжки из серебра без обкладки (рис. 3, *13*, *14*), из бронзы (рис. 3, *15*) и железа (рис. 4, *2*). Ряд пряжек оказался совершенно аналогичен пряжкам из могильника Байтал-Чапкан [14], а некоторые из них (рис. 3, *11—13*, *15*) очень близки к гуннским [15]. Особого внимания заслуживает золотая пряжка, щиток и язычок которой богато украшены вставками из альмандинов (рис. 3, *16*). Пряжка эта резко отличается от остальных из указанного погребения, но она довольно близка гуннским [16].

В состав описываемого комплекса входят всего две фибулы: одна — золотая с вставками (рис. 5, *3*) — оказалась довольно близкой по типу к бронзовой фибуле из могильника Байтал-Чапкан [17], вторая — из серебра

---

[9] *J. Werner.* Beiträge zur Archäologie des Attila — Reiches. München, 1955, Taf. 1; 2, *1*.

[10] Ibid., Taf. 24.

[11] *Т. М. Минаева.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, рис. 35, *4*.

[12] *В. П. Шилов.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 году. СА, 1961, 1, стр. 158, 159 рис. 11.

[13] *J. Werner.* Op. cit., Taf. 17, *29*.

[14] *Т. М. Минаева.* Могильник Байтал-Чапкан. МИСК, табл. 3, *г*; 14, *в*, *г*; 24, *б*, *в*, *ж*.

[15] *J. Werner.* Op. cit., Taf. 17, *29*; 15, *13*; 42, *7*, *8*.

[16] Ibid., Taf. 20, *4*.

[17] *Т. М. Минаева.* Могильник Байтал-Чапкан, рис. 21, *а*.

(рис. 5, *4*) — аналогична фибуле из этого же могильника [18] и также близка гуннским [19].

Из конского снаряжения в камере найдены только однокольчатые железные удила с железными псалиями (рис. 4, *3*, *4*) и с псалиями из бронзы (рис. 4, *5*). На некоторых псалиях сохранились прикрепленные к ним остатки от узды, обложенные листовой бронзой, а иногда орнаментированной золотой фольгой (рис. 4, *4*, *6*, *7*). Найденные здесь железные псалии по типу присоединения к однокольчатым железным удилам оказались аналогичны средневековым псалиям с Алтая, однако отличаются от последних формой самих псалий и петлей на них: на алтайских псалиях они имеют вид полукруга [20], а в описанном погребении — прямоугольника (рис. 4, *3*, *4*).

Железные ножницы (рис. 3, *23*) из этого погребения оказались совершенно аналогичными ножницам для стрижки овец, которыми, по наблюдениям автора, еще совсем недавно пользовались овцеводы Северного Кавказа и других овцеводческих районов. Эта находка дает основание говорить о существовании в это время овцеводства, что наглядно подтверждается и костями барана, обнаруженными в котле.

Котел, клепанный из листовой меди, со сферическим дном (рис. 2, *1*), железными ушками и такой же дужкой, безусловно, является походным и служил для варки пищи на открытом огне.

В другой катакомбе из этого могильника вместе с таким же котлом найден железный крючок (рис. 3, *22*), который, очевидно, служил для его подвешивания. Этот тип котлов из листовой меди и бронзы, по-видимому, завезен в кисловодскую котловину аланами, когда под давлением гуннов они переселились в предгорье Северного Кавказа [21], заселив и кисловодскую котловину. Нужно отметить, что такие котлы из листовой меди найдены и в других катакомбных захоронениях V в. на территории Кисловодска [22]. Такой же тип медных котлов в IV—V вв. известен из Карачаево-Черкесии [23]. С VI в. н. э. они исчезают в катакомбных захоронениях кисловодской котловины [24]. На поселениях же VII—VIII вв. появляются керамические котлы с внутренними ручками, их связывают с появлением здесь болгар [25].

Все найденные в описываемом погребении керамические сосуды хорошо лощеные, черного цвета, тесто однородное, с незначительной примесью дресвы. Орнамент геометрический из вдавленных лощеных линий, нанесенных по горловине и корпусу сосудов. По форме выделяются крупные кувшины с носиком-сливом и одной ручкой, закрепленной несколько ниже венчика на тулове (рис. 2, *10*, *11*). В поперечном сечении ручки имеют вид прямоугольника с закругленными углами. Один сосуд такого типа украшен по корпусу вертикальными налепными валиками (рис. 2, *11*). Второй тип составляют небольшие сосуды типа кружек (рис. 2, *3*—*9*). Две из них украшены полусферическими бугорками (рис. 2, *3*, *4*) и одна — коническими налепами (рис. 2, *7*), остальные — вдавленными лощеными линиями. Только на одном сосуде имеется на дне клеймо в виде креста в круге (рис. 2, *5*, *5*, *а*). Ручки закреплены на уровне венчика и на тулове, в поперечнике они имеют вид овала.

---

[18] Там же, рис. 24, *е*.

[19] *J. Werner*. Op. cit., Taf. 9, *1а*; 39, *10*; 41, *5*.

[20] *А. А. Гаврилова*. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М., 1965, табл. XXXI, *58*, *94*.

[21] *Е. П. Алексеева*. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, стр. 77.

[22] *А. П. Рунич*. Аланские катакомбные могильники V—VIII вв., стр. 105, табл. VI, *1*, *2*.

[23] *Е. П. Алексеева*. Ук. соч., табл. 21, *а*, *9*; табл. 21, *б*, *18*.

[24] *Г. Е. Афанасьев*, *А. П. Рунич*. Ук. соч., стр. 222—227; *В. А. Кузнецов*. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 15, 16.

[25] *В. А. Кузнецов*. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА АН СССР, 99, 1964, стр. 34—39.

Некоторые керамические сосуды, находящиеся в этом погребении (рис. 2, *4*, *7—9*), оказались довольно близкими по типу к таким же сосудам из могильника Байтал-Чапкан [26] и к ряду сосудов того же времени из Карачаево-Черкесии [27]. Вместе с тем все найденные в описываемом погребении керамические сосуды резко отличаются от гуннских.

В погребении обнаружены также стеклянные сосуды, которые можно разделить на два типа. К первому мы относим толстостенные сосуды желтоватого (рис. 2, *15*) и зеленоватого цвета (рис. 2, *16*), а также дно от «вазы» из зеленоватого стекла (рис. 2, *17*), а ко второму — сосуды из очень тонкого белого стекла с каплями синего (рис. 2, *12—14*).

Именно эти стеклянные сосуды — особенно хрупкие, а следовательно, и недолговечные — лучше всего позволяют датировать описываемое катакомбное захоронение. Так, цилиндрический кубок из очень тонкого стекла с каплями синего (рис. 2, *12*) и другие сосуды из такого же тонкого стекла с каплями синего (рис. 2, *13*, *14*) оказались совершенно аналогичными сосудам из Причерноморья, которые датируются концом IV — началом V в.[28] Этой датировке не противоречат и другие предметы из погребения, что дает основание отнести его к IV—V вв. Ряд предметов, и прежде всего меч, имеющий богато украшенное инкрустацией перекрестие, указывают на существование каких-то контактов между гуннами и племенами, которым принадлежало это захоронение.

Наличие стеклянных сосудов в этом погребении свидетельствует о связях с Причерноморьем. Об этом же говорят и бусы из днепровского янтаря.

Исключительно богатый инвентарь захоронения дает полное основание утверждать, что здесь были захоронены не рядовые обитатели, а люди привилегированного класса, возможно, вождь и члены его семьи.

A. P. Rounitch

LA SEPULTURE D'UN CHEF DE LA PHASE INITIALE DU MOYEN AGE DANS LE BASSIN DE KISLOVODSK

Résumé

Dans le bassin de Kislovodsk sont concentrés de nombreux monuments du haut Moyen Age: des agglomérations, des fortifications, des postes de défense, et des cimetières.

A cette époque, les inhumations se faisaient dans des caveaux souterrains ou à fleur de sol, dans des antractuosités de rochers à pic. Mais les inhumations en catacombes étaient les plus fréquentes.

Actuellement, on a trouvé à cet endroit 38 catacombes où ont été découvertes 497 chambres funéraires.

Le mobilier funéraire y est assez modeste, et caractéristique pour cette période. La sépulture N° 10 de la catacombe N° 2, près du rocher de Lermontov, se distingue par la richesse de son mobilier. Parmi les objets se trouvaient: un chaudron de cuivre, des vases de céramique et de verre, un glaive dont la garde est ornée d'incrustations de verre et de pâte de verre. Il y avait aussi des fibules, des boucles et des ornements de ceintures, dont une grande partie était en métaux précieux, et encore beaucoup d'autres objets.

La présence d'un aussi riche mobilier permet d'affirmer l'existence d'une inégalité sociale, et de chefs issus du milieu des Alains, ce qu'on observe à partir du IVe ou Ve siècle.

---

[26] *Т. М. Минаева.* Ук. соч., рис. 12, *д*; 22, *б*, *в*; 23.

[27] *Е. П. Алексеева.* Ук. соч., табл. 21б, *13—15*.

[28] *Н. П. Сорокина.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. СА, 1971, 4, стр. 85—101, 3, *2—5*.

К. И. КРАСИЛЬНИКОВ

ГОНЧАРНАЯ МАСТЕРСКАЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

При спасательных археологических работах на селище салтово-маяцкой культуры у с. Подгаевка, расположенном на берегу Деркула—левого притока Северского Донца, был изучен сложный комплекс, который состоял из жилища-полуземлянки и пяти обжигательных печей (рис. 1, *1*). Первоначально на месте будущей мастерской было построено только жилище полуземляночного типа с хозяйственной ямой и небольшим очагом открытого типа. Со временем жилище, утратив свое значение, было перестроено в мастерскую.

Жилище-полуземлянка имело форму правильного прямоугольника (5,5 × 4,5 *м*) с вертикальными стенками, правда, стены можно проследить только по северной и южной сторонам, там, где не производились работы, связанные со строительством мастерской. На них сохранились следы глиняной обмазки толщиной 4—6 *см*. Пол жилища сохранился по всей площади полуземлянки. Он представлял собой хорошо утрамбованный материк, сверху покрытый тонким слоем глины со следами обжига.

Хозяйственная яма колоколовидной формы была сооружена в юго-западном углу жилища и несколько заходила под стену. Первоначальный вид ямы сейчас восстановить трудно, так как именно здесь началось сооружение первой печи для обжига керамики, но, судя по сохранившейся части стенки ямы, форма ее была обычная, конусовидная, с расширением от 1,20 *м* (диаметр верхней части) до 2,20 *м* (диаметр дна). Стенки были обмазаны глиной (2—2,5 *см*), дно ямы — на 0,90 *см* ниже уровня пола жилища. Аналогичные ямы в жилищах или вблизи них — распространенное явление на памятниках салтовомаяцкой культуры Подонья [1].

У северной стенки жилища был открыт небольшой эллипсовидный в плане очаг открытого типа. По краям он был обложен камнями. В целом полуземлянка на селище у с. Подгаевка повторяет известные в Подонье жилища, относящиеся к салтово-маяцкой культуре и датируемые исследователями VIII—IX вв.[2].

Второй этап жизни на этом участке поселения связан с ремесленным производством, в частности обжигом изделий из глины. Полуземлянка была перестроена следующим образом. За счет прирезки до уровня пола с восточной (2,8 *м*), западной (1,5 *м*) и частично северной стороны площадь этой части комплекса была увеличена. Хозяйственная яма несколько расширена и удлинена на 0,70 *м* к западу. Дно хозяйственной ямы после увеличения его площади было приспособлено под предпечную площадку первой печи. С западной стороны на площадку выходило жерло топки печи 1, а в противоположной (восточной) стенке были вырезаны в материке две ступеньки.

---

[1] *И. И. Ляпушкин.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 191, 192; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 65; *В. Д. Белецкий.* Жилища Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 60.

[2] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 58—61, рис. 13.

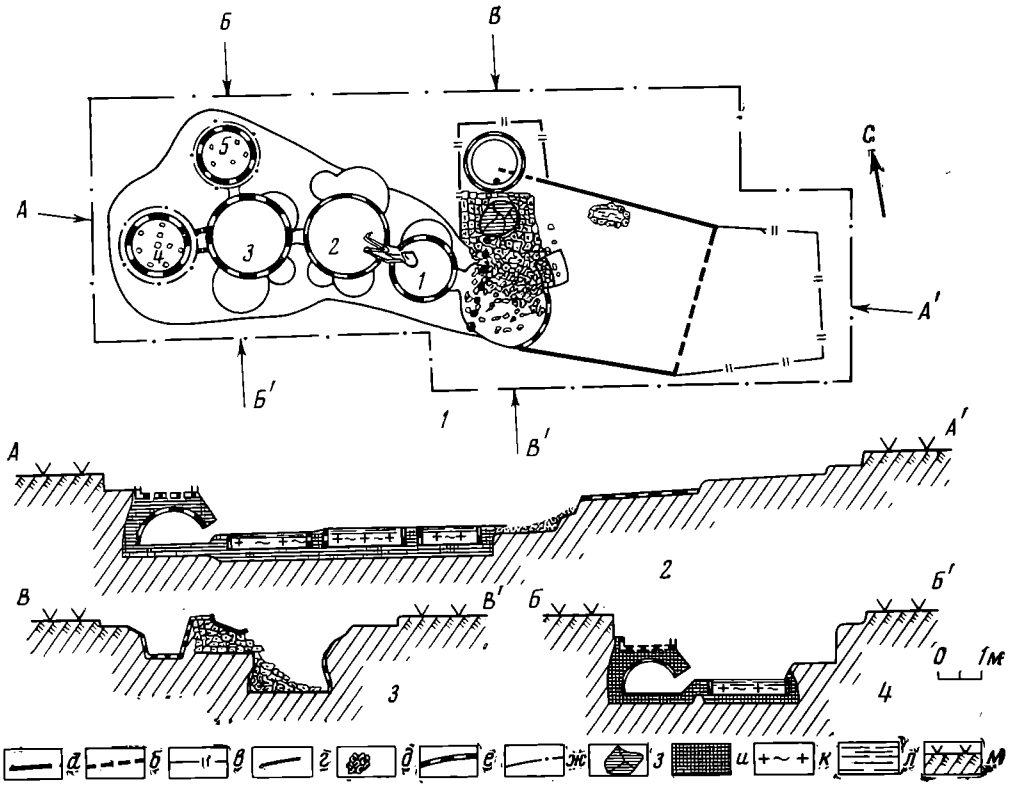


Рис. 1. Гончарный комплекс на селище салтово-маяцкой культуры у с. Подгаевка. *1* — общий план комплекса; *2* — разрез по линии АА¹; *3* — разрез полуземляночной части комплекса по линии ВВ¹; *4* — разрез гончарной мастерской по линии ББ¹ *а* — жилище-полуземлянка; *б* — разрушенные стенки полуземлянки; *в* — границы прирезки к полуземлянке; *г* — границы производственной части мастерской; *д* — сырцовая печь; *е* —обожженная глина—обмазка стен и сводов топочной и обжигательной камер печей, хозяйственных ям, пола жилища; *ж* — контуры топочных камер печей 4 и 5; *з* — жаровня; *и* — глубина прокала материка у печей; *к* — засыпка топочных камер печей; *л* — глинобитные перекрытия предпечных площадок; *м* — чернозем современной поверхности

Особый интерес представляет печь наземного типа, сложенная из сырцовых кирпичей (размер кирпичей 20 × 16 × 30 *см*). Ее разместили к северу от предпечной площади в 0,70 *м* от ямы. Печь имела вид правильного прямоугольника размером 2 × 1,60 *м*, высотой около 0,70 *м* с выходом топки в восточном направлении. Сверху в нее была вмонтирована глинобитная жаровня диаметром 1,10 *м*, высотой стенок 12 *см*, толщиной их 7—8 *см*. Поскольку жаровня находилась постоянно над топкой печи, она могла выполнять двойную роль: в случае необходимости в ней сушили зерно или просушивали изделия из глины перед тем, как поместить их в обжигательную камеру печи. К искусственной просушке горшков прибегали при неблагоприятных климатических условиях.

Сооружение сырцовой печи связано, видимо, с производственным периодом жизни комплекса, о чем свидетельствует то обстоятельство, что своим основанием печь перекрыла не только пол полуземлянки, но и нижний уровень западной прирезки, которая, как уже известно, была сделана после прекращения жизни в жилище. Печь частично разрушилась уже после того, как мастерская пришла в запустение. Южная стенка печи, находясь всего в 0,70 *м* от ямы предпечной площадки печи 1, обрушилась в нее, а остальные три стороны сохранились почти полностью. Средина печи провалилась внутрь, заполнив топочную камеру, туда же сползла расколотая на несколько частей жаровня.

За северной стенкой печи в прирезке была сооружена новая хозяйственная яма не совсем обычной формы (рис. 1, *3*). Она имела вид конуса

с расширенной верхней частью (диаметр 1,20 *м*) и зауженным до 1 *м* дном, глубина ямы 0,96 *м*. Стенки ее обмазаны глиной (3 *см*) и обожжены, верхняя часть ямы была на одном уровне с верхним рядом кладки печи. Сохранность ямы хорошая, по всей вероятности, она предназначалась для хранения зерна, которое постоянно подсушивалось путем подогрева части стены, примыкавшей к печи.

Основными конструкциями, которые относятся ко второму периоду, являются пять гончарных печей для обжига керамики. Три из них сооружались последовательно одна за другой, сменяя друг друга, две — параллельно с выходом жерл на общую предпечную площадку — бывшую печь 3[3] (рис. 1, *1*, *2*). От печи 1 сохранилась только нижняя часть топочной камеры, опущенная на 30 *см* ниже предпечной площадки. Диаметр круглой топочной камеры 1,30 *м*, толщина обмазки стенок — 12 *см*. Жерло топки (ширина 0,50 *м*, длина 0,30 *м*) выходило на предпечную площадку — в прошлом дно хозяйственной ямы жилища. После того как печь 1 пришла в производственную негодность, ее разобрали до уровня предпечной площадки, оставшуюся часть камеры засыпали отходами от производства — фрагментами битой и бракованной керамики, золой, обломками стен печи, сверху перекрыли слоем песка (3 *см*) и глины (6—7 *см*). Таким образом, на месте печи 1 сделали предпечную площадку к печи 2.

Конструкция печи 2 не отличалась от первой печи. Диаметр топочной камеры 1,90 *м*, под печи опущен на ту же глубину, что и под печи 1, жерло топки (0,40 × 0,30 *м*) выходит на площадку, бывшую печь 1. Как и в первом случае, после разбора горна яму топочной камеры (глубина 35 *см*) засыпали и приспособили под предпечную площадку к печи 3.

Печь 3 аналогична двум предыдущим печам, диаметр топочной камеры 2 *м*, под на глубине 1,95 *м*, высота сохранившейся части горна 26 *см*. После разрушения печи площадка была приспособлена как предпечная часть к печам 4 и 5. Жерла этих двух печей (50 × 30 × 25 *см*) с северной и западной сторон выходили на общую площадку.

Исследования этих печей благодаря их сохранности проливают свет на систему строительства и ремонта, конструкцию и продолжительность работы, производственные возможности печей такого типа. Печь 4 (рис. 2, *1—3*), судя по сохранности топочной и обжигательной камер, функционировала недолго, в то время как печь 5 со следами ремонта к моменту гибели мастерской была близка к производственному разрушению. Как показал осмотр, ее ремонтировали не менее трех раз. Ремонт заключался в обмазке выгоревших частей свода топочной камеры и заделке трещин. Следы ремонта видны и на основании обжигательной камеры, когда ее площадку покрывали новыми слоями глины, тогда же наглухо были заделаны три разрушившихся продуха. Признаки ремонта проявляются весьма отчетливо по наслоениям разнофактурной глины, наложенной в местах разрушения свода и появления трещин. Каждый слой ремонтной обмазки хорошо отделялся механическим путем, он оставил следы прокала и ошлакованности от очередной сезонной послеремонтной работы печи.

По этнографическим материалам XIX и начала XX в. известно, что гончары делают мелкий и средний ремонт один раз в год (при этом производится прежде всего обмазка внутренней части обжигательной и топочной камер [4]). Печь 5, имевшая следы трех ремонтных работ, функционировала

---

[3] Печи для обжига керамики уже известны на памятниках салтово-маяцкой культуры и прежде всего по работам И. И. Ляпушкина на поселении у ст. Суворовская (*И. И. Ляпушкин*. Средневековое поселение близ ст. Суворовской. МИА, 62, 1958, стр. 331—336). Они не имеют, однако, прямых аналогий с нашими хотя бы уже потому, что сооружены вне жилых комплексов, в обрывах и на склонах балок. Описываемые нами печи сосредоточены вблизи жилых комплексов, опущены в материк, т. е. постройка их производилась независимо от рельефа местности.

[4] *Е. М. Пещерева*. Гончарное производство Средней Азии. Тр. ИЭ, 42, М.— Л. 1959.

не менее 4—5 лет. Учитывая число ремонтов и возможности печей, сооруженных в материке, можно предположить, что продолжительность их работы была меньше, нежели кирпичных, т. е. менее 8—10 лет.

Над топочной камерой находился второй строительный ярус — собственно обжигательная камера. В печи 4 верхнюю и нижнюю камеры разделял слой обмазки и материковой глины, спекшихся в монолит, толщиной 36 *см*. Через него были проделаны девять продухов квадратного сечения, расположенных по кругу и в центре (рис. 2, *1*). В печи 5 камеры

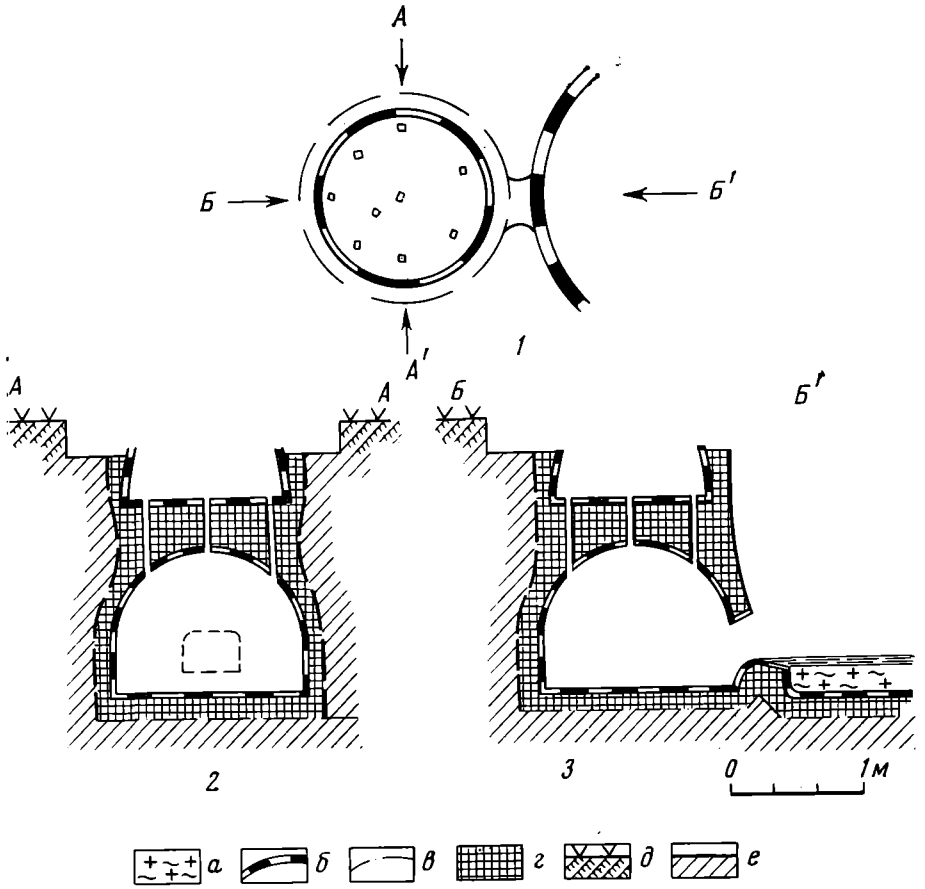


Рис. 2. Печь 4. *1* — План печи; *2* — разрез АА¹; *3* — разрез ББ¹ *а* — засыпка топочной камеры печи 3; *б* — обожженная обмазка; *в* — контур топочной камеры; *г* — прокал материка; *д* — современная поверхность, чернозем; *е* — материк, плотная глина

разделялись слоем глины толщиной 13—15 *см*. Техника строительства второго яруса несколько иная, нежели первого. Здесь только основания (20—25 *см*) обжигательных камер заходили в материк. Остальная часть сооружалась из глины в виде толстой, глинобитной, сфероконической конструкции с отверстием в верхней части. Через него осуществляли загрузку и выгрузку изделий. Возможно, загрузочное отверстие было сбоку, но тогда близко к своду камеры. Уточнить конструкцию верхней части камеры не удалось, так как она полностью разрушена.

Итак, диаметр топочных камер печей 4 и 5 — 1,60 и 1,30 *м*, высота сферических сводов 1 и 0,90 *м*, диаметры обжигательных камер 1,30 и 1,10 *м*, высота их около 0,80—0,70 *м*. Таким образом, общая высота двух ярусов печей около 2,20 (печь 4) — 1,80 *м* (печь 5). Можно полагать, что в одну печь ставили в один ряд не менее 12—15 горшков средних размеров.

К гончарному комплексу можно отнести также восемь врезанных в стенки предпечных площадок ниш (рис. 1, *1*). Четыре находились над пло-

Таблица 1

Основные категории показателей кухонной керамики и их размеры из гончарной мастерской

Условное обозначение параметров	Количество %	Состав глины	Техника изготовления	Орнамент	Рис. в тексте	Значение параметров, *см*								
						Двн	Двв	Дш	Дт	Дд	Н	НнД	Нв	Нп
Рм	16	Речной кварцевый мелкозернистый песок	На гончарном круге	Гребенчатый линейный орнамент по всей поверхности	3, *1*	9	7,5	8,3	16	8,5	14,5	8,5	1,5	6
					3, *2*	12	9,6	11	18	9,5	15,5	10	1,5	5
					Ппг	8–14	6–12	7–13	15–19	7–9	13–17	8–12	1–1,5	4–6
Рс	70	Речной кварцевый крупнозернистый песок	Подправлен на гончарном круге	Гребенчатый линейно-зональный прямой, линейно-волнистый, гирляндовидный узор, зубчатый штамп	3, *3*	16,5	13	15	21,5	12	20,5	13	2	6
					3, *4*	18	14	16	23	13	25	16	2,5	8
					3, *5*	17,5	14,5	15,5	24	14	26	17	2,7	9
					Ппг	15–19	12–16	14–17	20–26	12–16	20–28	12–19	2–2,7	6–10
Рб	12	Речной кварцевый крупнозернистый песок, шамот	Подправлен на гончарном круге		3, *6*	23	18	21,5	33	15,5	39	26	3,3	17
					Ппг	20–25	17–22	18–22	30–38	14–18	35–43	25–30	2,5–4	15–20

Примечание. В таблице не учтены 2% кухонной керамики, относящиеся к фрагментам от котлов с внутренними ушками.
Рм — размер малый, Рс — размер средний, Рб — размер большой.
Ппг — предельные параметры горшков; Двн — диаметр венчика наружный; Двв — диаметр венчика внутренний; Дш — диаметр шейки; Дт — диаметр тулова; Дд — диаметр дна; Н — высота горшка; Ннд — высота наибольшего диаметра; Нв — высота венчика; Нп — высота придонной части.

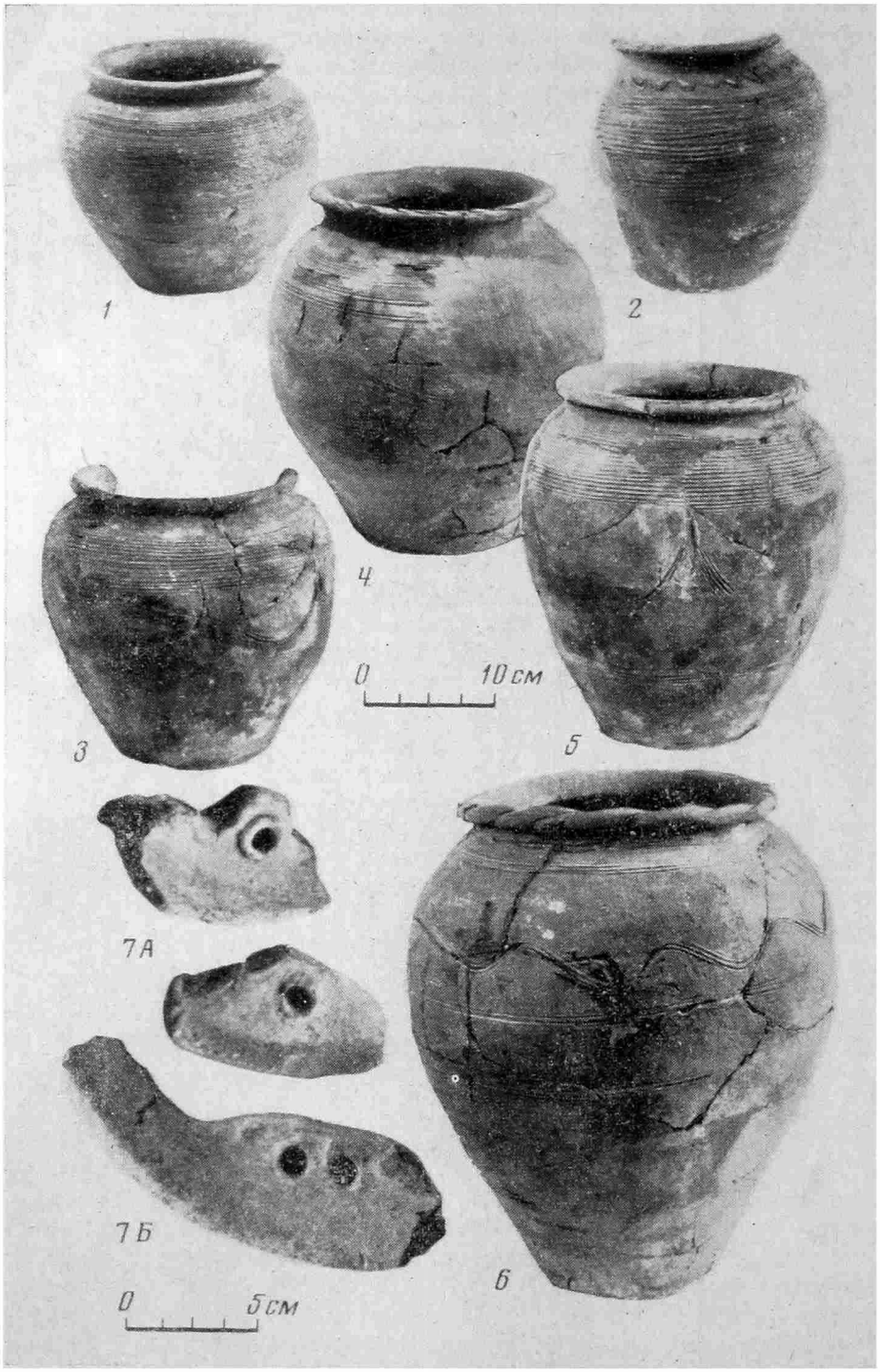


Рис. 3. Кухонная круговая керамика из мастерской *1*, *2* — горшки малых размеров (Рм); *3*, *4*, *5* — горшки средних размеров (Рс); *6* — большой размер (Рб); *7* (*а*, *б*) — фрагменты котлов с внутренними ушками (*а* — первый тип, *б* — второй)

щадкой к печи 3, три других — над площадкой к печам 4 и 5, одна — над площадкой к печи 2. Ниши вырубались в плотной материковой глине выше уровня предпечных площадок на 0,40—0,60 *м*. Они имели округлую форму, глубину 0,50—0,70 *м*, ширину 0,60—1,20 *м*, от жерл топок удалены на 1—1,20 *м*. Видимо, ниши использовали как скамьи или как столики для складывания сырой и обожженной посуды.

Абсолютное большинство находок к заполнении комплекса и в культурном слое составляет керамика (отдельные фрагменты или развалы горшков). 80% находок приходится на долю круговых кухонных горшков (рис. 3). Их основные пропорции, форма, техника изготовления сравнительно одинаковы: диаметр венчика всегда больше диаметра днища, высота горшков зачастую приближается к диаметру тулова, что придает последним некоторую шаровидность. Наибольший диаметр, как правило, находится на уровне плеч сосудов, что составляет около $^2/_3$ их общей высоты. Венчики отогнуты наружу под углом 20—40°, в профиле они округлые, эллипсовидные, невысокие. Посуда кухонного типа различается размерами. Нами выделены три группы горшков (табл. 1). Среди них заметно преобладают горшки среднего размера — 70%. Некоторые различия наблюдаются и в орнаменте, но закономерного сочетания между группой сосудов и орнаментом не выявляется.

Все сосуды сделаны с применением ручного круга, поверхность украшена сплошным линейным орнаментом (рис. 3, *1*, *2*), отпечатками зубчатого штампа. Некоторая часть горшков имеет линейно-зональный, линейно-волнистый или гирляндообразный узор (рис. 3, *3*—*6*). Орнамент неровный, неглубокий, указывает на тихое вращение изделия и значительную притупленность зубьев гребенки, которой он наносился. Только изредка зубчатый узор сделан острым инструментом. Венчики орнаментированы далеко не у всех горшков, в украшении их преобладает насечка или косой штамп из пяти — девяти зубьев. Вся посуда кухонного типа изготовлена из глины с примесью крупнозернистого кварцевого песка местного залегания. Значительно реже встречается в качестве обезжиренного компонента просеянный песок, очень редко использовалась глина с примесью шамота. Цвет сосудов темно-серый, черный, края светло-серые и чуть палевые. Обжиг стенок ровный, он указывает на одинаковый температурный и кислородный режим в обжигательных камерах печей. Стандартность типов, технологии изготовления и сырья описанной посуды дает право говорить о том, что она является продукцией местных мастерских, расположенных на подгаевском селище. Она представлет собой общеизвестный донской тип салтовской кухонной посуды и имеет аналогии на многих селищах и городищах VIII—X вв. в степных районах бассейна Нижнего Дона и Приазовья [5].

Таблица 2

Корреляция типов венчиков с типами ушек котлов из мастерской

Типы ушек	Тип венчиков котлов	
	1	2
1	12	–
2	–	7

Очень незначительным количеством обломков представлены в Подгаевке фрагменты от котлов с внутренними ушками (рис. 3, 7). Венчики котлов двух типов: прямые, почти вертикальные, высотой 2,5 × 3 *см* и отогнутые под углом до 45°, высотой около 5 *см*. Фактура теста котлов ничем не отличается от глины кухонных горшков, она имеет примесь кварцевого крупнозернистого песка. Цвет стенок серый со слабой палевостью, орнаментированы они расчесом острой, мелкой гребенки. Формы котлов из-за большой фрагментарности определить сложно, но

[5] *И. И. Ляпушкин.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА 62, 1958, стр. 107—109; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 106—108; *ее же.* Средневековая керамика Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 20—22, рис. 11, 12.

видно, что наибольший размер приходится на верхнюю часть изделия; диаметр тулова достигает 35 *см*. Внутри котла, на линии изгиба венчика, сделаны внутренние ушки. Они, как и венчики, также делятся на два типа: одни имеют вид валика, разделенного выемкой на две части, другие — в виде сплошного валика. В ушках проделаны по два вертикальных отверстия (табл. 2).

Аналогии котлам известны в ряде памятников салтово-маяцкой культуры Подонья, прежде всего в Саркале на Правобережном Цимлянском городище, где они датируются IX — началом X в. [6] В целом небольшое количество находок фрагментов котлов объясняется, видимо, значительной оседлостью населения. Прочная оседлость подтверждается наличием долговременных жилищ. В настоящее время на селище, помимо публикуемого гончарного комплекса, изучено пять жилищ-полуземлянок.

Следующую группу керамики составляют массивные горшки, служившие, видимо, для хранения продуктов. Количество их фрагментов составляет только 13% от всего числа находок керамики. Наибольший диаметр у этих сосудов приходится на верхнюю часть тулова и уже этим они отличаются от форм кухонных горшков. Для этой группы горшков характерно: удлиненность пропорций, значительная конусность придонной части, грубая гребенчатая орнаментация, массивность круглых, резко отогнутых, как бы нависающих над дутыми плечиками тулова венчиков. Они украшены защипами, глубокой насечкой, вдавлинами, придающими венчику вид как бы витой веревки или жгута. Стенки сосудов утолщены от 1,5 до 2,0 *см*, в тесто глины входит примесь мелкого песка, что придает им особую плотность, а иногда попадаются горшки с примесью в тесте крупнозернистого песка с шамотом, тогда фактура менее прочная, рыхлая. Обжиг изделий неровный, преобладает коричневый и палевый цвета. Горшки этого типа известны на поселениях Нижнего Подонья, целые их экземпляры обнаружены при раскопках Карнауховского комплекса [7].

Фрагменты столовой лощеной посуды составляют всего 5% всех обнаруженных обломков посуды, а тарная керамика (обломки амфор и пифосов) — 2%. В столовой керамике преобладают миски с высокими (10—12 *см*) и низкими (3—4 *см*) бортами.

Среди фрагментов кухонных горшков было найдено 56 днищ с клеймами, что составляет 19% от общего количества найденных в мастерской донец. Клейма исполнены тремя приемами: рельефно-выпукло, рельефно-вогнуто и комбинированно (выпукло-вогнуто). Мы достаточно четко определяли технологию нанесения клейм [8]. Внимательный осмотр днищ с клеймами показал, что наносили их двумя способами: либо клеймо вырезалось на диске гончарного круга и соответственно оттискивалось на дне сосуда, либо оттиск производился специальным штампом. На последнее может указывать характерная вогнутость вовнутрь на ряде днищ. Такая деформация получалась, видимо, при давлении штампа с рисунком на мягкую глину дна (рис. 4). С внутренней стороны горшков выпуклое дно передает отпечатки пальцев руки, предохраняющих мягкую фактуру от чрезмерного прогиба дна.

Клейма подразделяются на несколько типов (подтипов), из которых наиболее распространенными являются знаки, в основе которых изображены круг и круг с крестом.

Тип I — в основе круг — 29 экз. (рис. 5, *1—6*), здесь выделяются следующие подтипы:

---

[6] *С. А. Плетнева.* Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 222; *ее же.* От кочевий к городам, стр. 108—110; *И. И. Ляпушкин.* Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА, 6, 1941, стр. 109.

[7] *И. И. Ляпушкин.* Карнауховское поселение. МИА, 62, 1958, стр. 274, рис. 12.

[8] Техника нанесения подобных клейм описана в работах О. В. Милорадович и С. М. Кошмы (*О. В. Милорадович.* Знаки на керамике Верхнего Джулата. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 231; *С. М. Кошма.* О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи. Dacia, 1961, 5, стр. 449).

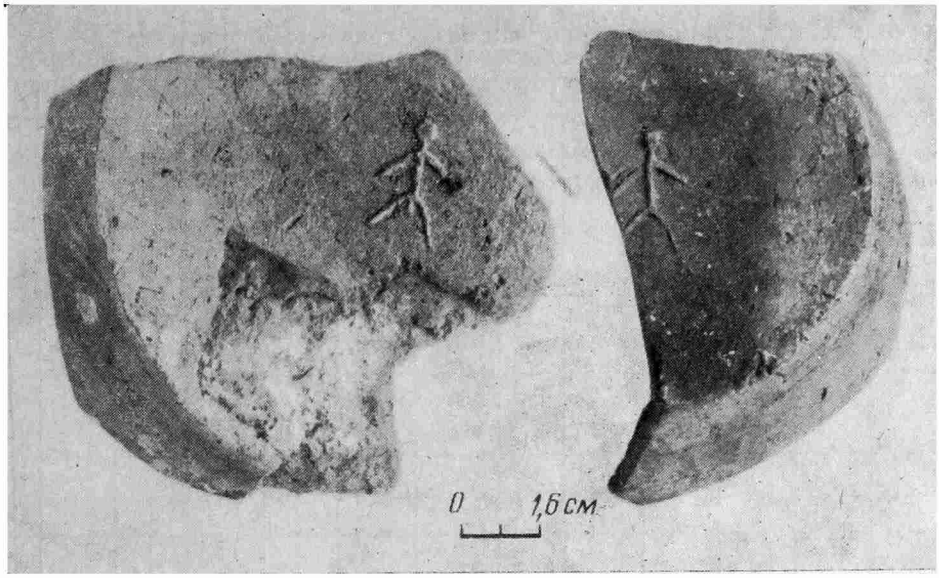


Рис. 4. Клеймо на днище кухонного горшка с изображением человека

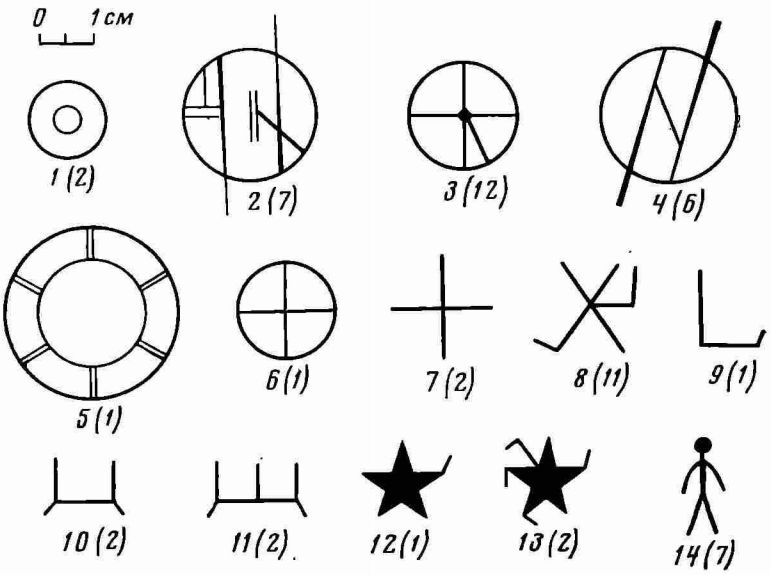


Рис. 5. Клейма на днищах кухонной керамики из мастерской. В скобках указано количество клейм каждого вида

Подтип А — круг в круге — 2 экз. (рис. 5, *1*); подтип Б — круг с крестом — 13 экз. (рис. 5, *3*, *6*); подтип В — круг с линиями, сложный комбинированный знак — 13 экз. (рис. 5, *2*, *4*); подтип Г — круг со спицами (колесо) — 1 экз. (рис. 5, *5*).

Тип II — знаки в виде креста — 13 экз. (рис. 5, *7*, *8*).

Подтип А — крест — 2 экз. (рис. 5, 7); подтип Б — усложненный крест — 11 экз. (рис. 5, *8*).

Тип III — знаки в виде тамг (тамгообразные) — 5 экз. (рис. 5, *9*, *10*, *11*).

Подтип А — 1 экз. (рис. 5, *9*); подтип Б — 2 экз. (рис. 5, *10*); подтип В — 2 экз. (рис. 5, *11*).

Тип IV — знак звезда — 3 экз. (рис. 5, *12*, *13*).

Подтип А — простая звезда — 1 экз. (рис. 5, *12*); подтип Б — усложненная звезда — 2 экз. (рис. 5, *13*).

Таблица 3

Распределение клейм в жилище и в печах гончарного комплекса

Тип / подтип	I				II		III			IV		V
	А	Б	В	Г	А	Б	А	Б	В	А	Б	
Жилище	◎ I	⊕ I		◯ I	+ I			Ш I	Ц I	★ I		
Печь 1		⊕ 12										
Печь 2	◎ I		⊕ 7				L I				★ 2	
Печь 3			⊘ 6					Ш I				
Печь 4					+ I				Ц I			7
Печь 5						Ж II						

Примечание. Цифры указывают на количество клейм каждого вида, встречаемого в определенных условиях.

Тип V — знак, изображающий человека,— 7 экз. (рис. 5, *14*).

Аналогии всем перечисленным типам клейм известны на очень широкой территории. С. А. Плетнева проследила распространение синхронных клейм на территории Восточной Европы [9]. В VIII—X вв. и позже — в Древней Руси [10] — особенно употребительны были клейма, в основе которых лежали круг или крест — символические знаки огня, солнца; однако и другие клейма, в частности тамгообразные, охотно использовались салтовскими гончарами. Наиболее оригинальным знаком в нашей коллекции является схематичная фигурка человека (рис. 5, *14*). До настоящего времени подобное клеймо не встречалось на сосудах, изготовленных салтовцами. Не менее интересен знак-клеймо пятиконечной звезды. Он был известен в болгарских древностях VIII—X вв., в восточноевропейских степях также встречен впервые.

Вопрос о значении гончарных клейм неоднократно обсуждался в советской и зарубежной литературе [11]. Наши материалы позволяют еще раз вернуться к нему. Рассмотрим прежде всего распределение клейм в раскопанных сооружениях — жилище и печах (табл. 3). Мы видим, что если в жилище попадались по существу почти все типы клейм одиночного подбора, то для каждой печи характерен свой, многократно повторяющийся знак. Здесь следует подчеркнуть, что для первых трех печей прорисовка клейм в своей основе идентична. Так, для печи 1 типично клеймо круг с с пятью линиями (спицами) (рис. 5, *3*); для печи 2 — круг с несколькими беспорядочно расположенными линиями (рис. 5, *2*), а для печи 3 — круг с пересекающим его знаком, напоминающим латинское N (рис. 5, *4*). Очевидно, объяснить этот факт можно только тем, что в каждой печи обжигалась посуда, изготовленная в основном одним мастером, метившим свои изделия определенным знаком. После разрушения печи гончар, видимо видоизменял клеймо, оставляя в нем только общую основу — круг (печи 1—3). Клейма печей 4 и 5 резко отличаются друг от друга и от клейм

[9] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 124—126, рис. 32.

[10] *Н. В. Тухтина.* Средневековые славянские клейма. Тр. ГИМ, 37, 1960.

[11] *С. Р. Станчев.* Гънчарска знаци от Плиске-Мадаре и Преслав, РП, III, 1949; *Н. В. Тухтина.* Уч. соч.; *С. М. Кошма,* Ук. соч., стр. 455, 456; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 126, 127.

предыдущих печей. В этом случае возможно допустить, что старый гончар умер и на смену ему пришли новые мастера, работавшие сразу на двух печах — 4 и 5. Интересно, что жители полуземлянки пользовались посудой с клеймами, которые по своему рисунку как бы предшествуют клеймам, встречающимся на сосудах, обнаруженных в печах. Так, например, в жилище, клеймо типа I-Б — просто крест в круге (рис. 5, *6*), а в печи 1 — крест в круге с точкой в центре и с одним дополнительным

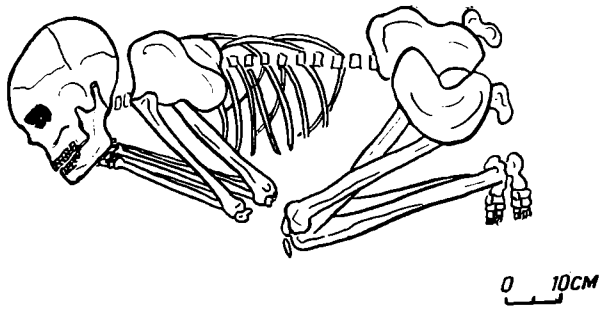


Рис. 6. Погребение в гончарной мастерской

радиусом (рис. 5, *3*). Вероятно, до того как на месте жилища были выстроены печи, посуда обжигалась где-то в другом месте на этом же селище. С переходом на новые печи знаки, как уже указывалось, видоизменялись, чаще усложнялись, иногда, наоборот, упрощались.

В литературе не раз высказывалось мнение о символическом — охранном значении клейм [12]. Думается, что клеймо, характерное для определенной печи, должно было служить охранным оберегом и самой печи, а не только обжигавшихся в ней сосудов. В таком случае разрушение печи означало гибель оберега и необходимость создания нового, близкого к прежнему знака. В определенной печи обжигались горшки с одинаковым клеймом только до тех пор, пока печь была рабочей. После разрушения в заложенной строительными обломками сохранившейся части топочной камеры оставляли бракованные и разбитые изделия с клеймом прежней печи.

Размеры мастерской и ее возможности дают основания говорить о значительном уровне производства специализированной керамики (кухонной посуды) подгаевскими гончарами. Производство такого типа дожило у отдельных народов Средней Азии и до наших дней [13].

Мастерская погибла внезапно, в результате пожара, когда в печи 5 был закончен обжиг (часть готовых горшков еще оставалась в нише и топочная камера была невычищенной). В камере печи 4 золы почти не было, по-видимому, печь была подготовлена к очередному обжигу. Не представляет труда обнаружить следы пожарища в слое черной золы и сажи, смешанном с горелыми бревнами, развалами сосудов, побывавших в огне пожарища, обломками обмазки стен печей. Стратиграфически этот слой залегал над последним горизонтом жизни памятника. Выше находился слой (20—26 *см*), перекрывавшей глинобитные основания предпечных площадок и площадку полуземлянки. На стенах мастерской иногда, особенно в нишах, видна закопченность и слабый прокал.

Над предпечной площадкой печи 3 и жерлом топочной камеры печи 2 на остатках пожарища обнаружен скелет человека (рис. 6). Костяк был скорчен, лежал на правом боку, головой на восток, руки согнуты в лок-

[12] *Е. М. Пещерева.* Ук. соч., стр. 110, 111; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 124—128; *Н. В. Тухтина.* Средневековые славянские клейма; *С. М. Кошма.* Ук. соч., стр. 455, 456; *В. А. Кузнецов.* Змейский катакомбный могильник. МАДИСО, I, Орджоникидзе, 1960.

[13] *Е. М. Пещерева.* Ук. соч.

тях, ладони сложены вместе у лица. Инвентаря в погребении не было, признаки ямы не прослеживаются. О погребении трудно сказать что-либо определенное, но видно, что оно было преднамеренным. Вероятно, умерший был положен в яму, образовавшуюся на месте разрушенной мастерской (после пожара). Кости не имеют признаков пребывания трупа в огне, однако, судя по засыпке, он был погребен вскоре после гибели мастерской. Погребенный был засыпан небольшим (полуметровым) слоем земли, насыщенной культурными остатками, кусками глины от обмазки печей, остальная часть ямы заполнялась естественным путем, что особенно хорошо видно по линзовидным илистым отложениям над скелетом.

Изученный комплекс хорошо вписывается в тот исторический период (IX в.), когда племена салтовской культуры, населявшие Подонье, переходят к оседлому образу жизни, способствовавшему появлению специалистов-ремесленников и специализированных мастерских.

Рассмотренная керамическая мастерская на селище у с. Подгаевка погибла, как и все поселение, вероятно, разграбленное и разрушенное печенегами [14], где-то в начале X в.

K. I. Krassilnikov

UN ATELIER DE POTIER DE LA CULTURE SALTOVO-MAIATSK

Résumé

En étudiant un établissement de la culture Saltovo-Maïatsk on a mis au jour un atelier de potier, consistant en un local semi-souterrain et cinq fours de potier (fig. 1, 1,2). Tout d'abord, il y avait à cet endroit une habitation creusée (5m5x4m8x0m9), avec un foyer à ciel ouvert et une fosse-silo; cet habitat fut par la suite transformé en atelier. En faisaient partie une fosse-silo, un four de briques crues pour le séchage des poteries (fig. I,I,3), des niches, et cinq fours de cuisson. Sur ces cinq fours, trois sont démolis, deux presque intacts. Ils ont deux étages, et sont creusés dans le sol vierge (fig. 2,1,3). Le four № 5, qui porte des traces de réparation, permet de reconstituer la technique de construction, la technologie de la cuisson et l'importance de chaque fournée.

Le matériel recueilli est constitué pour 80% par des fragments et des déchets d'ustensiles de cuisine en céramique faite au tour; il se distingue par l'uniformité technologique et un type unique de forme (fig. 3, pl. I). 13% des ustensiles sortent des cadres de la production locale. Dans son ensemble, la céramique produite dans l'atelier a des analogies parmi les monuments de la région sylvo-steppique et steppique du Don, aux VIIIe-Xe siècles. Il y a des fragments de chaudrons à oreillettes intérieures (fig. 3,7, pl. II). Parmi ce matériel une place spéciale revient aux estampilles (56 exemplaires) sur les fonds des ustensiles de cuisine (fig. 5). Le poinçon qui représente la silhouette d'un homme (fig. 4) est inconnu dans la production de la culture de Saltovo. La concentration d'un ensemble de signes du même genre dans les détritus qui se trouvaient à l'intérieur des foyers et devant eux, indique leur caractère magique, qui était de protéger non seulement les objets, mais également le four (pl. III). La fosse restée après la disparition de cet atelier renfermait une sépulture (fig. 6).

---

[14] *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 444—446; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 189.

С. А. ПЛЕТНЕВА, А. Г. НИКОЛАЕНКО

ВОЛОКОНОВСКИЙ ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЙ МОГИЛЬНИК

Среди многочисленных памятников салтово-маяцкой культуры, расположенных вдоль берегов среднего течения р. Оскол и его притоков, заметное место занимает так называемый Ютановский или Волоконовский комплекс, состоящий из городища, трех синхронных ему селищ, двух катакомбных могильников на правом берегу Оскола и одного ямного могильника — на левом [1].

Городище представляет собой обычное небольшое (125 × 50 *м*) мысовое укрепление со следами эскарпирования склонов и пятью линиями валов и рвов с напольной стороны. Селища раскинулись по холмам вокруг городища, общая их протяженность вдоль берега более 2000 *м*[2]. На юго-восточной окраине селища, у крайних домов с. Нижние Лубянки, находится обширный катакомбный могильник. Обнаружен он был случайно, в обрезах оврага, сравнительно недавно разрушившего склон. В настоящее время на этом могильнике открыто уже более 20 погребальных сооружений (катакомб, кенотафов, тризн). Другой могильник занимает склон высокого холма в 1,5 *км* выше городища. На нем также вскрыто несколько погребальных комплексов — катакомбы и одно ямное захоронение. Катакомбы отличаются необычайной длиной и глубиной дромосов и высотой погребальных камер. Хронологически этот могильник близок к Нижне-Лубянскому [3].

В 1973 г. на восточной окраине Волоконовки, на второй надпойменной террасе левого берега, в глиняном карьере, были замечены разрезы нескольких уже полуобвалившихся могил третьего могильника, относящегося к тому же хронологическому периоду, что и предыдущие памятники. На оставшейся нетронутой карьером небольшой площадке (всего 40 × 20 *м*) было обнаружено и расчищено 28 ямных захоронений. Дополнительные шурфы и траншеи, прорезавшие слой в разных направлениях от основной территории могильника, позволили уверенно говорить о том, что вне ее погребений не было, а значит, неразрушенная часть могильника исследована нами полностью.

Поверхность могильника ровная, горизонтальная. Никаких внешних признаков могил на ней не прослежено. Толщина гумусного слоя нигде не превышает 0,5 *м*, тем не менее он делится на две прослойки: верхнюю, дерновую (0,2—0,25 *м*) и нижнюю, представляющую собой древний, перерезанный могилами слой могильника. По цвету они не отличаются друг от друга и отделяются только благодаря желтовато-серым пятнам могил, хорошо видимым при подчистке поверхности нижнего слоя. Никаких

---

[1] Памятники на правом берегу располагаются между селами Нижние Лубянки и Ютановка, а также на холмах, тянущихся вдоль с. Ютановка; на левом — на окраине села (ныне райцентра) Волоконовка Белгородской области.

[2] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 33, 193; рис. 7.

[3] Публикация и вопросы хронологии обоих этих могильников рассмотрены нами в отдельной статье.

выкидов из могильных ям на древней дневной поверхности не было — видимо, вся земля из выкопанной ямы вновь утрамбовывалась в нее после захоронения и поверхность над могилой и вокруг нее тщательно выравнивалась. Однако судя по тому, что могильные ямы ни разу не пересекались и даже располагались на могильнике сравнительно четко выраженными рядами (рис. 1), надо думать, что какие-то внешние наземные сооружения возвышались над ними. Вполне возможно, они были деревянные и представляли собой двускатные перекрытия, легко в случае опасности разбираемые.

В настоящее время трудно сказать, какую первоначальную площадь занимал могильник и сколько погребений помещалось на ней. Однако

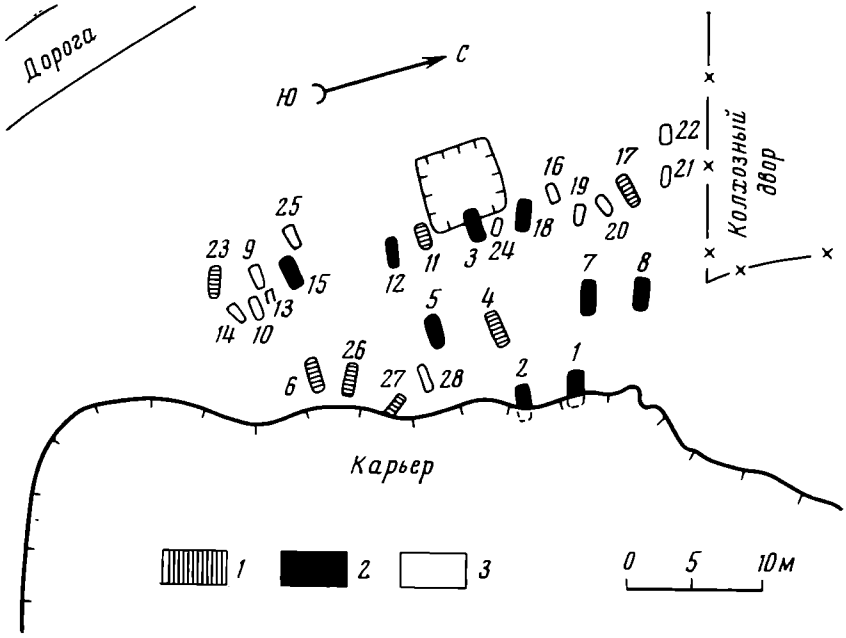


Рис. 1. План Волоконовского могильника
1 — мужские захоронения; *2* — женские *3* — детские

учитывая, что карьер разрабатывался уже несколько лет, а сведения о могилах поступили только в 1973 г., можно считать, что срезанный им ряд погребений был первым, т. е. крайним восточным, рядом. Таким образом, количество погребений на этом кладбище не превышало 35—40.

Могилы располагались неравными рядами, ориентированными почти точно по странам света — с севера на юг (рис. 1). Расстояние между рядами 3—5 *м*, расстояние между отдельными могилами от 1 до 7 *м*. Несмотря на соблюдаемую «рядность» при сооружении могил, они группируются в несколько более или менее компактных групп. Особенно ясно выделяется крайняя южная группа, состоящая из семи могил (9, 10, 13—15, 23, 25), и юго-восточная, частично разрушенная карьером (5, 6, 26—28).

Как отмечалось, могилы отчетливо выделились уже в гумусном слое. Светло-серые пятна могильных ям в плане прямоугольные, со слегка закругленными углами. Размеры их (от 1,2 × 0,5 до 2,5 × 0,8 *м*) зависели от размеров (т. е. возраста) погребенных: в небольших ямах погребены дети, в больших — взрослые покойники. Общая ориентировка могильных ям по длинной оси запад — восток с сезонными отклонениями. Глубины могил находятся в прямой зависимости от их размеров — чем больше могила, тем она глубже. Максимальная глубина ям 2 *м*, минимальная (в детских могилах) — 0,5 *м* (табл. 1).

Таблица 1

Размеры могильных ям и гробовищ (в *см*)

Возраст погребенных	№ могилы	Размеры могил			Размеры гроба			Подстилки		Колоды	Рамы
		длина	ширина	глубина	длина	ширина	высота	камыш	уголь		
Взрослые	1	?	80/90 *	160/180 **	?	60	25				×
	2	?	60/75	120/145	?	35	35				×
	3	?	60/75	125/150	?	35	25	×			×
	4	260/280	80/100	160/175	235	60	40				×
	5	260/270	80/90	155/175	235	60	40		×		×
	6	210/225	80/90	110/150	235	55	25				×
	7	240/275	65/85	160/190	255	70	65		×		×
	8	230/250	80/95	130/165	225	60	50		×		×
	11	250/300	70/85	140/175	220	70	25			×	
	12	200/220	70/85	100/125	180	35	35				×
	15	230/270	85/90	125/150	220	55	20			×	
	17	235/275	70/90	150/190	250	60	50		×		×
	18	225/230	85/100	100/130	210	55	40				×
	23	235/250	60/75	105/160	210	40	40	×			×
	26	195/220	80/95	115/150	200	30	25	×			×
	27	225/240	55/75	225/250	210	40	45	×			×
Детские	9	145/160	45/60	70/100	130	25	20				×
	10	125/135	40/55	85/120	110	20	20				×
	14	150/170	55/75	75/100	105	25	25				×
	16	120	50/55	50/100	90	20	20				×
	19	130/135	50/60	85/110	95	25	20	×			×
	20	150/160	65/80	80/75	130	40	30				×
	21	130/140	45	50/75	85	20	15				×
	22	120/135	40/50	60/85	85	20	15	×			×
	24	70	30	55							
	25	100	40	?	70	20	15				×
	28	120/125	45/50	60/100	100	20	20				×

* Первая цифра означает размер могильного пятна, вторая — дна.
** Первая цифра — глубина от материка, вторая — от древней дневной поверхности.

Как правило, стенки могил слегка вогнуты (вертикальные попадались только в мелких ямах), за счет этой вогнутости дно ямы немного (на 15—20 *см*) большие устья. Дно плоское, тщательно выровненное.

На дно устанавливался прямоугольный гроб без дна, представляющий собой по существу сложенную из четырех широких плах раму. От ширины этих плах зависела высота самого гроба — 15—65 *см*. Толщина плах доходила до 8 *см*. На концах длинных боковых плах вырезаны глубокие пазы, в которые вставлены торцовые плахи, игравшие роль своеобразных распорок, не дающих боковым плахам упасть под давлением земли на покойника. Дно могилы внутри «рамы» устилалось камышом, следы которого были выявлены в шести захоронениях. В четырех взрослых погребениях камышевая подстилка была заменена толстым слоем угля.

Между стенками гроба и стенками могилы, как правило, оставлено пространство шириной в 10—25 *см*. Во всех ямах это пространство забито плотной чистой материковой глиной. В результате в яме образовывались как бы заплечики. Однако эти искусственные заплечики не несли никакой конструктивной нагрузки. Обычно на заплечики опирались концы перекрывающих плах, здесь же перекрытия были по существу крышками, поскольку нигде не превышали размеров гроба. В нескольких могилах с хорошей сохранностью дерева удалось проследить на верхних гранях торцовых плах специально вырезанные пазы для опоры перекрытий. Крышки были толстые и массивные, тем не менее сохранность

их много хуже стенок — все они провалились внутрь гробов, сильно истлели и раскрошились. Несмотря на это, мы может говорить, что перекрытия гробов для взрослых сооружались из двух положенных вдоль плах, а небольшие узкие гробики перекрывались одной плахой (рис. 2). Для подавляющего большинства вскрытых погребений (24 из 28) характерно описанное устройство могильной ямы и гроба. В двух могилах (11 и 15) вместо досчатых гробов-«рам» были использованы деревянные колоды. Форма их корытообразная — с закругленными углами и толстыми торцовыми стенками. Колоды изготовлялись из рассеченного пополам отрезка массивного дубового ствола. Длина исходного отрезка (болванки)

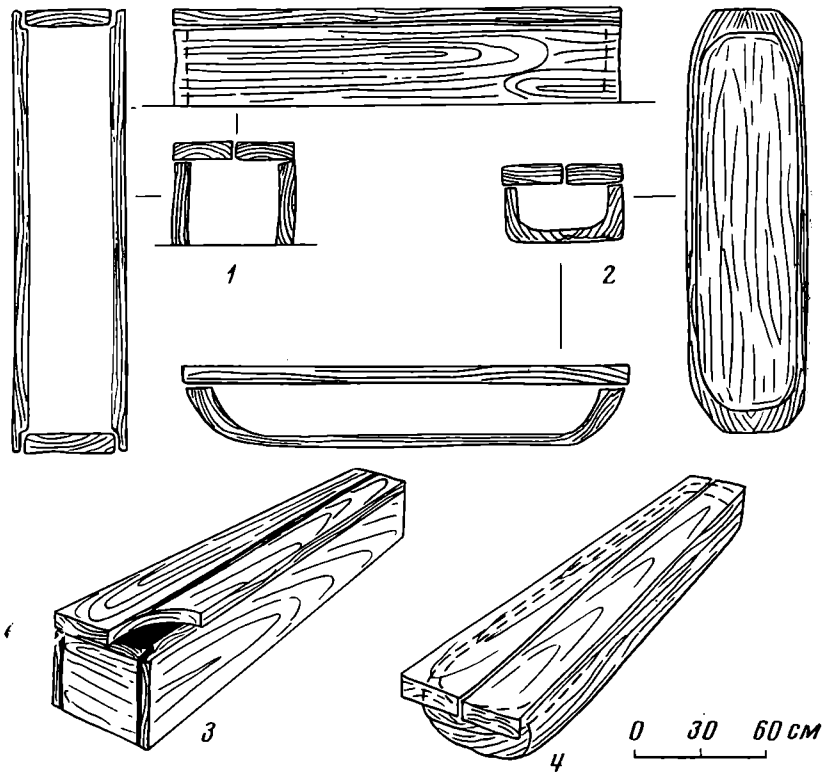


Рис. 2. Типы могильных сооружений и их реконструкция: *1* — план и разрезы гроба-«рамы»; *2* — план и разрезы гроба-колоды; *3* — реконструкция гроба-«рамы»; *4* — реконструкция гроба-колоды

равнялась примерно 2,5 *м*, толщина доходила до 0,6 *м*. Высота колод 25—30 *см*, дно (снаружи и изнутри) плоское и довольно широкое (рис. 2). Пространство между колодой и стенками могилы, как и в могилах с досчатыми гробами, забито чистой материковой глиной, крышки у колод также аналогичны крышкам обычных гробов — они простые, плоские, состоящие из двух уложенных в продольном направлении длинных и довольно массивных плах (шириной 25—30 *см*).

В детском погребении 28 обычный гроб-«рама» был заменен не соединенными между собой двумя продольными плахами. Впрочем, и над этим простейшим сооружением прослеживались остатки широкой (около 30 *см*) массивной крышки.

В другом детском погребении вообще не было отмечено следов гроба, захоронение было произведено без него, непосредственно в земляной яме (24).

Положение покойников в гробах всюду однотипно: скелеты лежали вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками. В нескольких погребениях ноги были слегка согнуты в коленях, а в погр. 15 кости ног были

перекрещены, т. е., очевидно, связаны. Следует отметить, что в некоторых, особенно детских, захоронениях кости бывают перемешаны или сдвинуты. Очевидно, деформация эта происходила в результате быстрого разрушения тонкой крышки и обвала на скелет сразу большого количества земли из заполнения могилы. Если земля в гроб попадала постепенно, кости скелета оставались на своих местах. Головы покойников обычно укладывались лицом вверх, реже на правом или левом висках. Ориентированы 27 погребенных головами на запад с сезонными отклонениями. Характерно, что в отличие от подавляющего большинства кочевнических погребений на данном могильнике преобладают погребения с летним сезонным

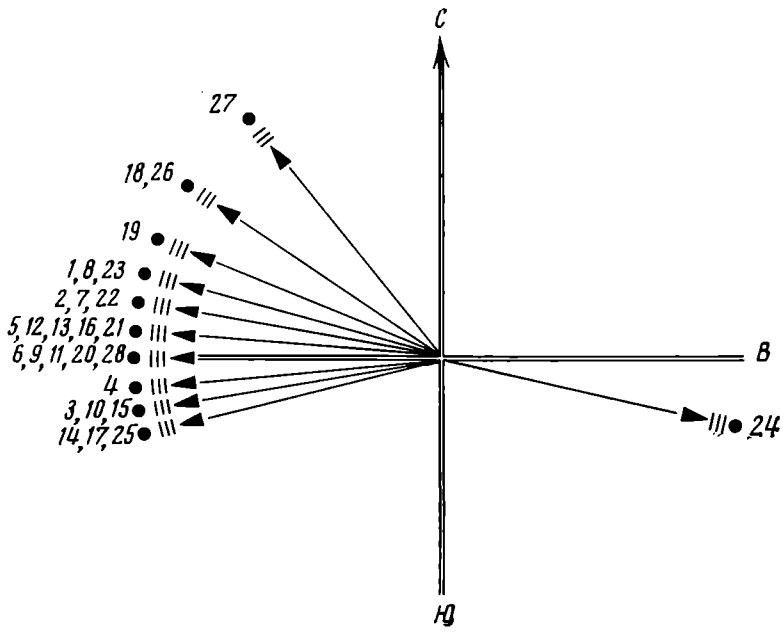


Рис. 3. Ориентировка погребенных в Волоконовском могильнике

отклонением — на северо-запад, запад-северо-запад и запад (рис. 3). Нам представляется, что этот факт является одним из надежных, хотя и косвенных, доказательств оседлости оставившего могильник населения. Только одно погребение резко выделяется своей ориентировкой — это детское захоронение без гроба (24), ориентированное головой на восток (с отклонением 10° к югу). Отсутствие гроба и ориентировка не единственные отличительные черты этого захоронения. Покойник уложен не на спине, а на правом боку со слегка согнутыми в коленях ногами. Размеры скелета позволяют определить и возраст погребенного — не более двух лет. Вполне возможно, что именно юным возрастом и объясняется своеобразие погребального обряда захоронения (рис. 4, *4*).

Всего на могильнике было обнаружено помимо погр. 24 еще 12 погребений детей в возрасте от 5—6 до 10—12 лет и 16 захоронений взрослых мужчин и женщин (рис. 5). Поскольку сохранность скелетов была очень плохая, взяты для антропологического исследования были кости только пяти погребенных, пол покойников мы определяли не столько антропологически, сколько путем анализа погребального обряда, прежде всего анализа вещевых комплексов, обнаруженных в могилах.

Могильник в целом характеризуется крайней скудностью вещевого инвентаря. Как правило, в могилах он ограничивается одним-двумя сосудами и скромным набором украшений и бытовых предметов: серьги, перстеньки, несколько бусин, бубенчики, железные пряжки и т. п. Сосуды встречены во всех погребениях (за исключением детского — 24), вещи же

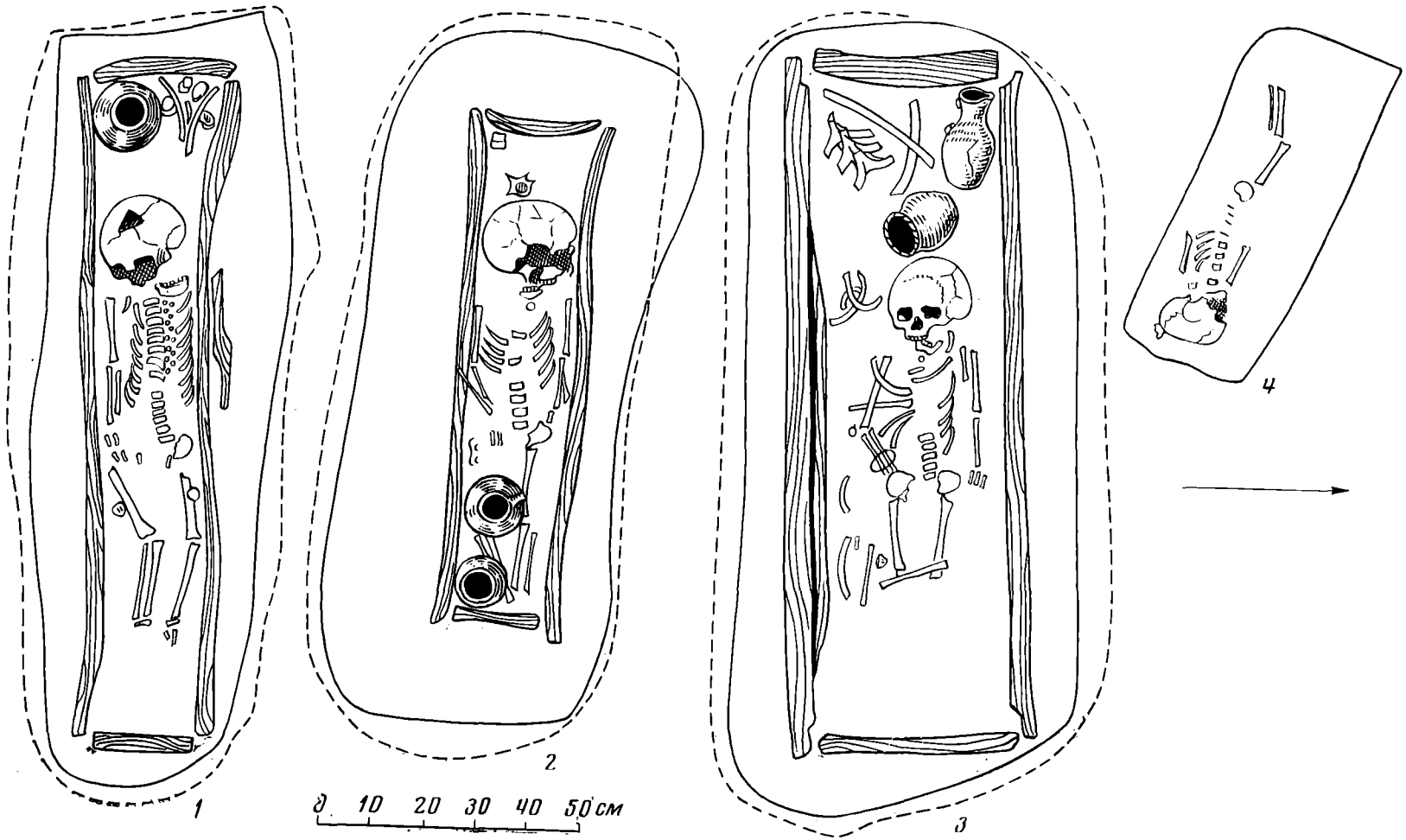


Рис. 4. Детские захоронения: *1* — погр. 9; *2* — 19; *3* — 20; *4* — погр. 24

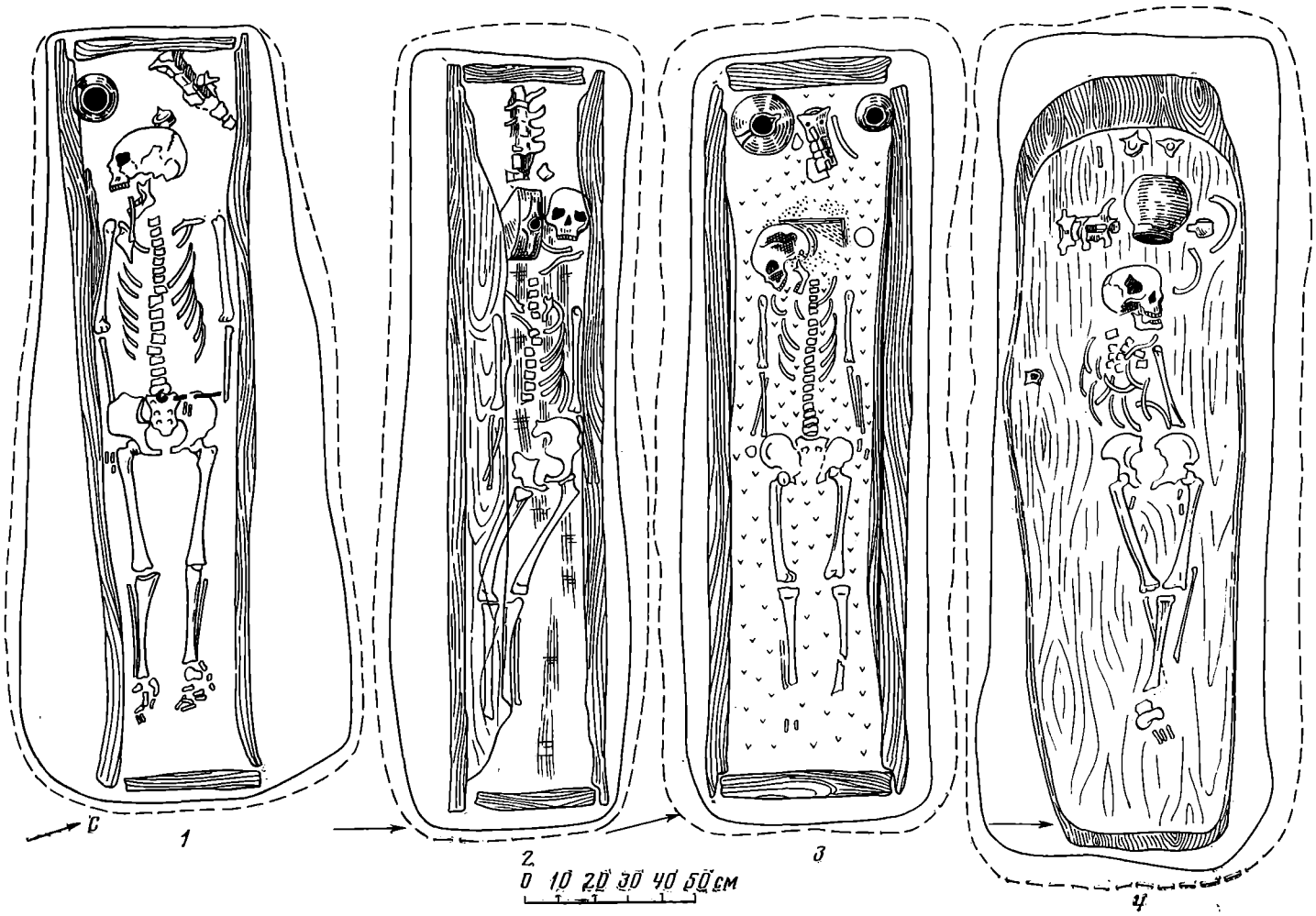


Рис. 5. Мужские и женские захоронения: *1* — погр. 18; *2—23*; *3*—8; *4* — погр. 15

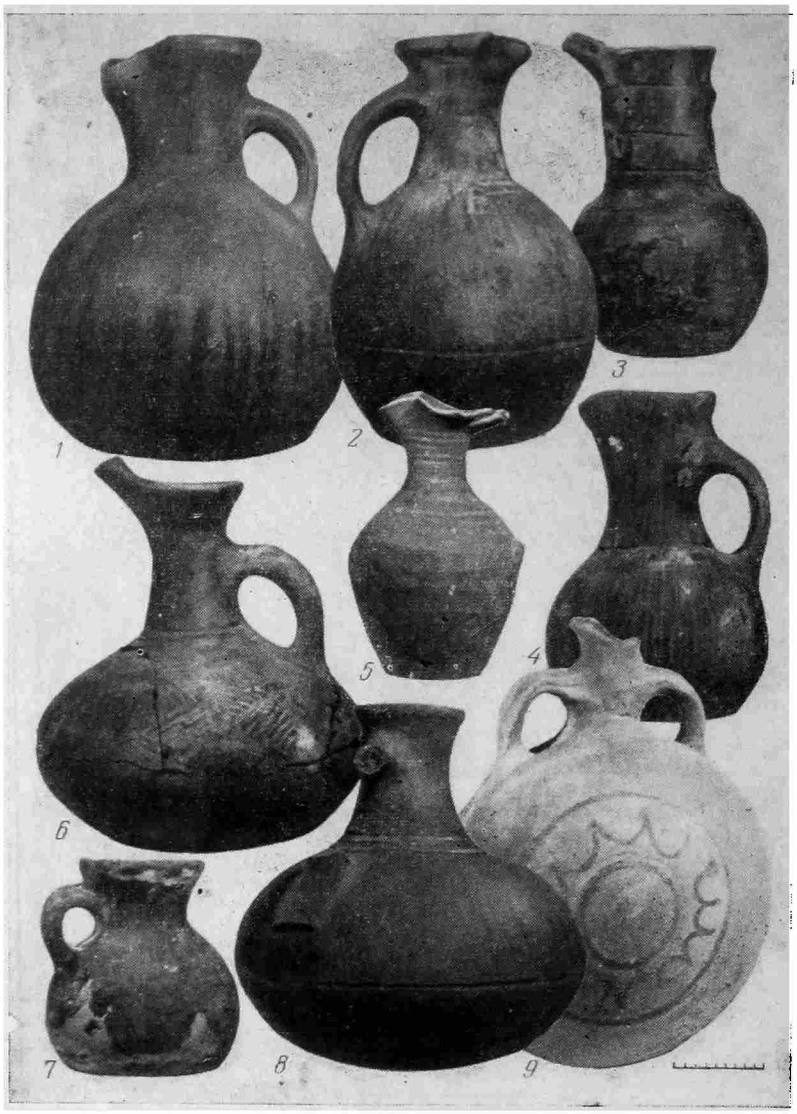


Рис. 6. Лощеная парадная посуда и привозные сосуды: *1* — погр. 2; *2* — 6; *3*, *4* — 11; *5* — 20 (привозной); *6*, *7* — 17; *8* — 3; *9* — погр. 23

попались только в 14. В 14 погребениях находилось по одному сосуду, в 11 — по два. Располагались они, как правило, внутри гроба, в головах покойника, реже в ногах. У головы сосуды ставились справа (13 раз) и слева (11 раз), у ног также справа и слева (по 3 раза).

Сосуды, обнаруженные в могильнике, делятся на три основные группы: лощеная — парадная или столовая посуда, кухонная посуда, сделанная на гончарном круге, и лепная. К особой группе — четвертой — относятся два привозных, очевидно крымских, сосуда — энохоевидный кувшин, покрытый белым ангобом, и фляга, верхняя поверхность которой расписана несложным узором красным ангобом (рис. 6, *5*, *9*).

Лощеная посуда вся сделана на круге, прекрасно обработана и обожжена (рис. 6). В первый тип входят кувшины двух основных видов, известных по материалам других салтово-маяцких памятников [4]: 1 — с шаровидным туловом и прямым довольно коротким горлом (1, 2, 5 — 8, 11 (2), 14, 17, 26); 2 — с приземистым (приплюснутым) туловом и узким горлом

[4] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 115, 116, рис. 28.

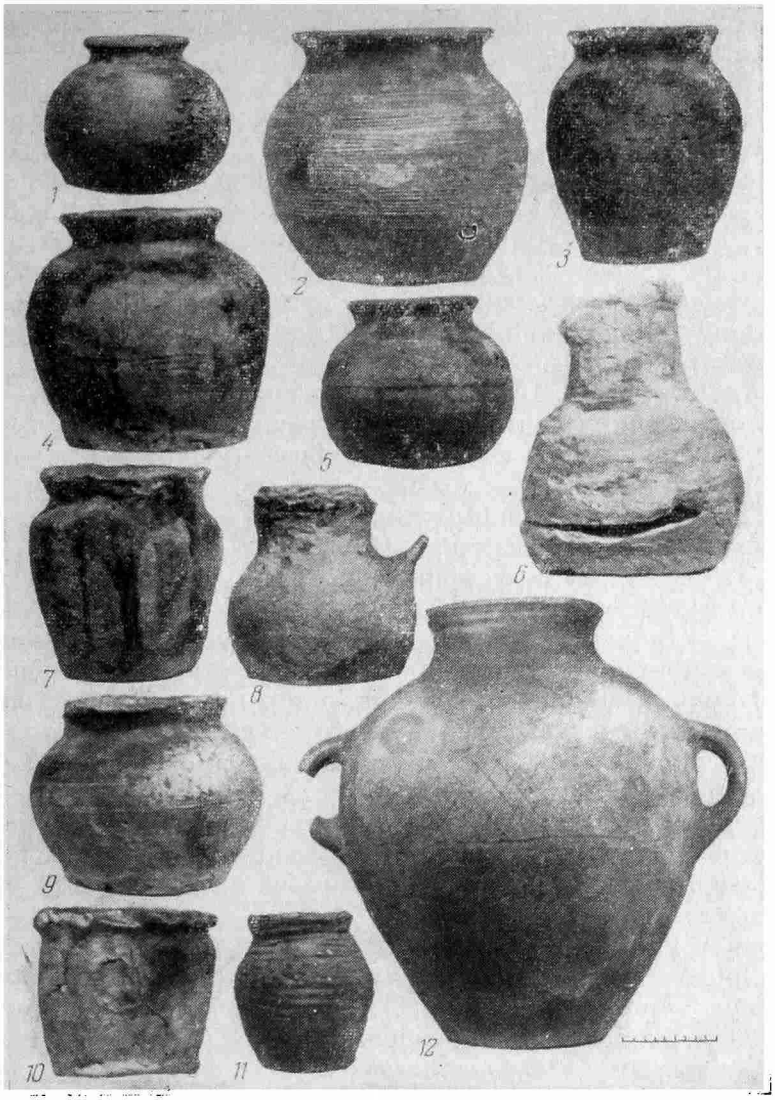


Рис. 7. Кухонные горшки и лепные сосуды: *1* — погр. 25; *2* — 3; *3* — 18; *4* — 15; *5* — 9; *6* — 14; *7* — 1; *8* — 19; *9* — 28; *10* — 10; *11* — 22; *12* — погр. 12

(3, 4, 17, 27). Первые обыкновенно покрыты простым лощением — прямыми вертикальными полосками, а иногда и вовсе лишены этой орнаментации, вторые нередко украшены косым, волнистым, зигзагообразным лощением или сочетаниями всех вариантов орнамента, что придает сосудам значительно более нарядный вид. Интересно, что на дне трех кувшинов первой группы (7, 8, 26) стояли одинаковые клейма в виде четырехлепестной фигуры. Очевидно, все три были одновременно изготовлены в одной мастерской. Их стандартная форма и орнамент (простая лощеная полоска) как будто не противоречат этому.

Ко второму типу относятся кубышки (5, 9, 25), к третьему — кружки. В могильнике найдена только одна кружка (16) с «двойной», или звериной ручкой. К четвертому типу отнесен нами горшочек (рис. 7, *4*), сделанный из характерного для лощеной посуды глиняного теста, обожженный до серого цвета, но в отличие от остальных сосудов этой группы нелощеный (15). Наконец, к пятому типу лощеной посуды принадлежит небольшой двуручный пифос (12) с узким горлом и раздутым, почти шаровидным, туловом. Изготовлен он из того же теста, что и остальная лощеная посуда,

обожжен почти до черного цвета и украшен широким поясом пересекающихся лощеных полосок (рис. 7, *12*).

Вторая группа керамики, обнаруженная в могильнике, значительно более компактна и единообразна. В нее включены только кухонные горшочки, изготовленные на круге. (Рис. 7, *2*, *3*, *9*, *10*) Все горшочки имеют характерные для салтовской кухонной керамики шаровидные очертания тулова, все — покрыты линейным врезным орнаментом (на одном орнамент только на плечиках, проведен почти без нажима плоской палочкой.) На венчиках двух горшков нанесен орнамент в виде косой насечки (8, 16), три из них с клеймами на дне: крест в круге и простой крест (7, 16, 19).

Лепная посуда сделанная из глины с примесью дресвы — дробленого шлака, представлена двумя типами сосудов — горшочками и кувшинами (рис. 7, *7*, *8*, *10*). Горшки со слабо выраженными плечиками, широким дном и горлом, венчики почти прямые, украшенные вдавлениями или насечкой. Кувшинчики небольшие, шаровидные, с широким коротким горлом и массивной ручкой.

Аналогии всем перечисленным выше типам керамики широко известны в салтово-маяцких памятниках Подонья и Приазовья [5]. Датировка их определяется культурной принадлежностью. Однако нам представляется, что в целом керамический комплекс могильника несколько более поздний, чем на других памятниках этой культуры. Основанием для такого заключения является некоторая «стандартность» форм лощеных шаровидных кувшинов и кухонных горшков, почти полное отсутствие кружек (только одна, и та со сломанной ручкой), находки в могилах кубышек устойчиво горшкообразной формы, характерной для кубышек из городских слоев Саркела и Тмутаракани конца IX — начала X в. [6]

Несомненный интерес представляет вопрос распределения различных типов сосудов в детских и взрослых захоронениях Волоконовского могильника. Корреляция сосудов с погребениями позволила разделить последние на три группы (табл. 2).

В первую группу входят взрослые захоронения, сопровождающиеся только кувшинами. В четырех из них стояло по одному кувшину (4, 6, 26, 27), в двух — по два кувшина (11, 17). К этой же группе мы считаем возможным отнести погр. 23, в котором была обнаружена фляга — сосуд, по функциональному назначению, несомненно, аналогичный кувшинам. Группа эта характеризуется помимо строго определенного типа сосудов почти полным отсутствием вещей при покойниках.

В погребении 11 обнаружен всего одни бронзовый бубенчик-пуговка, в погребениях 26 и 27 — железные пряжки от пояса, нож, железный пинцет, т. е. вещи явно утилитарного бытового значения. Один предмет (погр. 27) представляет особый интерес. Это большой (диаметр 5,5 *см*), тяжелый железный шар, сильно перержавевший, служивший, видимо, кистенем. Поскольку кистень — редчайшая находка в салтово-маяцких и позднекочевнических древностях Восточной Европы, то находка железного шара-кистеня в Волоконовском могильнике безусловно заслуживает внимания.

Одно из захоронений с двумя кувшинами было произведено в гробу-колоде, другое — на угольной подсыпке. Вполне возможно, что сочетание этих отличий в могилах свидетельствует об особом, очевидно, более высоком (имущественном или социальном) положении умерших. В трех из пяти погребений этой группы под скелетом хорошо прослеживается камышовая подстилка.

[5] *И. И. Ляпушкин.* Славяно-русские поселения IX—XIII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, 6, 1941; *его же.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 103—134.

[6] *С. А. Плетнева.* Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959; *ее же.* Средневековая керамика Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963.

Вторая группа объединяет также погребения взрослые, в которые вместе с кувшинами поставлены горшки (1, 2, 7, 8), в одном случае кубышка (5). В эту же группу включены погребения, в которых обнаружены большие лощеные сосуды — массивный лощеный горшок-корчага (погр. 15) и лощеный пифос (погр. 12), также погр. 18 с простым кухонным горшком, поставленным в головах покойника. В половине погребений этой группы покойники уложены с вещами — украшениями и предметами туалета. Почти полный набор этих вещей, включая зеркало, находился в погр. 8 (рис. 5). Это захоронение и еще два произведены на угольной подсыпке, камышовая подстилка в погребениях этой группы не прослеживается. Только в погр. 8 под головой покойника обнаружена полуистлевшая подушечка, набитая соломой. Там же под головой покойника находились остатки небольшой деревянной шкатулки с задвижной крышкой (20 × × 10 × 10 *см*), в которой были помещены зерна разных злаков (проса, овса, ячменя). Зерна были рассыпаны и вокруг головы погребенного. Следует сказать еще об одном взрослом погребении этого могильника, которое имеет неопределенный «смешанный» характер. Это погребение 3, частично разрушенное ямой овощехранилища. В нем, по свидетельству трактористов, стоял всего один кувшин и на дне был прослежен слой камыша. Оба признака позволяют связывать погребение с первой группой, но в нем при покойнике были найдены серьги и туалетные щипчики, что сближает это захоронение со второй группой. Вполне возможно, что колхозники просто не заметили небольшого горшочка и погребение все же относится ко второй группе.

Третья группа — детские погребения — характеризуется, во-первых, значительным разнообразием сопровождающей погребения керамики (кувшины, кубышки, кружка, горшки разных типов), во-вторых, большим количеством лепных сосудов и, в-третьих, почти полным отсутствием в захоронениях лощеных кувшинов (только в погр. 14 был поставлен вместе с лепным горшком старый, сильно оббитый кувшин).

Помимо своеобразия керамического комплекса в детских погребениях довольно часто попадаются различные вещи, преимущественно украшения.

В Дмитриевском катакомбном могильнике нами была уже отмечена тенденция зависимости типа сосуда от пола и возраста погребенного: кувшины в большинстве случаев ставились мужчинам, горшки — женщинам, кружки — детям [7]. Очевидно, в настоящее время на материалах Волоконовского могильника мы можем продолжить наблюдения, сделанные 10 лет назад в Дмитриевском могильнике. Детские погребения сопровождаются разнообразными сосудами (в том числе и кружками), но никогда в них не ставили одни кувшины без какого-либо другого сосуда. Кувшины, очевидно, характерны только для мужских захоронений, так же как и в Дмитриевке. Следовательно, в первую группу входят мужские погребения. Во вторую «взрослую» группу, с кувшинами и горшками или только горшками в могилах,— женские.

Таким образом, сделанный нами ранее вывод о том, что зависимость типа керамики от пола и возраста похороненного свойственна только катакомбникам-аланам, оказался неверным [8]. Материалы Волоконовского ямного могильника показали, что обычай ставить умершим соответствующий их семейному или общественному положению сосуд, соблюдался всеми народами, создавшими салтово-маяцкую культуру.

От пола и возраста погребенного зависел не только подбор сосудов,

---

[7] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 124, табл. 2; зависимость типа сосуда в могиле от возраста погребенного была прослежена В. Ф. Генингом и А. Х. Халиковым на материалах Больше-Тарханского могильника, *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 27, табл. 8.

[8] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 124.

	№ погребения	Лощеная				Кухонные горшки	Лепная		Фляга	Энхоевидный кувшин	Корчага лощеная	Расположение сосудов			
												в головах		в ногах	
		кувшины	кубышки	кружки	горшки		горшки	кувшины				слева	справа	слева	справа
Мужские	4	1										×			
	6	1												×	
	11	2											×		
	17	2										×	×		
	23								1				×		
	26	1												×	
	27	1										×			
Женские	3	1											×		
	1	1					1					×			
	2	1				1								×	×
	5	1	1										×		
	7	1				1							×		
	8	1				1						×	×		
	12										1	×			
	15				1							×			
	18					1							×		
Детские	9		1										×		
	10						1	1					×		
	14	1					1						×		
	16			1		1						×	×		
	19							1							×
	20						1			1					
	21					1							×		
	22					1						×			
	25		1												×
	28					1						×			

на группы по сопутствующему инвентарю

Серьги	Бубенчики	Бусы	Браслеты	Перстни	Зеркала	Щипчики-пинцеты	Подвески на пояс	Железные пряжки	Ножи	Железные щипчики	Железный кистень	Деревянная посуда	Амулеты
	×												
								×	×	×			
								×			×		
×						×							
							×					×	
×		×	×	×	×	×	×						×
×	×	×	×										
×													
×	×	×											
×				×									
×	×	×	×	×			×						
	×	×	×										
	×	×							×				
							×						

Таблица 3

Распределение костей животных в погребениях всех трех групп Волокоповского могильника

Пол и возраст	№ погребения	Кости коровы						Кости овцы		
		крестец	позвонки спинные	ребра	позвонки шейные	кости ног	лопатки	ребра	позвонки	лопатки
Мужские	4					×	×			
	6	×	×	×			×			
	11	×	×	×						
	17		×		×			×		
	23	×	×		×		×			
	26	×	×	×			×			
	27	×	×	×			×			
Женские	3	×								
	1	×								
	2	×								
	5	×		×	×					
	7	×	×	×						
	8	×	×	×						
	12	×					×			
	15	×	×	×						
	18	×	×				×			
Детские	9							×	×	
	10							×	×	
	14							×	×	
	16									
	19		×	×			×			
	20	×		×			×			
	21									
	22							×	×	×
	24									
	25					×				
	28									

поставленных умершим, но и вид животного, мясо которого клали покойникам в качестве заупокойной пищи (табл. 3).

Как правило, кости животных находятся у головы погребенных на полу могилы. Один раз под ними были прослежены остатки деревянной доски-подставки (погр. 8). Мужские погребения сопровождаются костями коровы. Только один раз (в погр. 17) вместе с костями коровы попались ребра овцы.

Обыкновенно в могилы помещали вырубленное из туши коровы «седло» (крестец, несколько позвонков и ребер), значительно реже — шейную часть и отрубленные ноги. В большинстве мужских могил, кроме того, попадались разломанные на куски лопатки животных, которые, как нам представляется, играли скорее всего роль гадательных пластинок, т. е. были своеобразными амулетами [9].

Женские погребения также сопровождаются костями коровы (овечьих в них не встречено ни разу). Как и в мужских погребениях, это обычно «седло» коровы. Лопатки в могилах попадаются значительно реже.

Детские погребения резко отличаются составом «костного материала» от взрослых захоронений. Прежде всего почти в 40% детских могил вообще не было положено заупокойной пищи — мяса (16, 21, 24, 28). В других четырех могилах обнаружены кости овцы (ребра и позвонки), в одном — одна коровья кость (голенной сустав) и в двух, как у взрослых погребений,— кости коровы, в том числе и лопатки.

[9] Гадание на лопатках животных (овец) было широко распространено в тюркской и монгольской кочевнической среде. См., например, «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 149.

Итак, кости животных (виды жертвенных животных) также соответствуют полу и главное возрасту погребенных. Эта закономерность была уже замечена, например, в Зливкинском могильнике, где в могилы мужчин и детей клали баранину, а в могилы женщин — говядину, конину и свинину [10].

Вещи, как мы уже говорили, преимущественно украшения, попадались почти исключительно в женских и детских погребениях, а в женском погребении 8 были обнаружены два амулета. Мы знаем, что в катакомбных могилах украшения и амулеты встречаются, как правило, в детских и женских захоронениях. Характерно, что даже в богатых вещами катакомбах далеко не все детские погребения сопровождались вещами. Корреляция этого признака с возрастом погребенных детей показала, что вещи отсутствуют в погребениях младенцев и детей до трех-, пятилетнего возраста, т. е. детей, не прошедших еще первой ступени инициации (посвящения). Из древней и современной этнографической литературы известно, что кочевники сажали ребенка на коня в семилетнем возрасте, а на барана — уже в трехлетнем. В том же возрасте мальчики начинали играть в лук и стрелы и даже охотиться с ними на мелких зверьков и птиц. Очевидно, до этого возраста ни девочкам, ни мальчикам сопровождающего инвентаря не полагалось. Этим обстоятельством можно объяснить своеобразие погребального обряда и детского захоронения 24 — без гроба, без вещей и костей животных, ориентированное к тому же головой не на запад, как все остальные, а на восток. Видимо, погребения детей без костей животных, т. е. без сопровождающего мясного запаса пищи, также относятся к какой-то особой общественной группе (может быть, не прошедших инициацию).

В начале данной работы мы уже определили культурную принадлежность могильника. Могильник, несомненно, относится к кругу салтово-маяцких памятников, хронологические рамки которых — середина VIII — первая половина X в. Основная масса салтово-маяцких поселений перестала существовать в конце IX в. Ворвавшиеся в южнорусские степи печенеги разрушили и разорили не только рядовые неукрепленные поселки, но и большие торговые города, например Фанагорию. В X в. жизнь сохранилась только в укрепленных городах и поселениях типа Саркела, Тмутаракани и некоторых других южных центрах. Такими представлялись еще совсем недавно результаты печенежского нашествия [11]. Открытие Волоконовского комплекса позволяет, как нам кажется, пересмотреть дату гибели лесостепных памятников салтово-маяцкой культуры.

Мы подробно рассмотрели остатки гробов в могилах Волоконовского могильника. Известно, что для салтово-маяцкого памятников помещение покойника в гроб нехарактерно. В катакомбах гробы — уникальная находка. Так, в Дмитриевском могильнике остатки весьма похожего на волоконовские гробовища-«рамы» были найдены всего один раз в одной из поздних катакомб, которую можно отнести к самому концу IX в. В ямных погребениях Подонья VIII—IX вв. остатки гробов зафиксированы всего дважды [12]. Изредка попадались они в погребениях Больше-Тарханского могильника, причем в отдельных случаях доски как бы служили облицовкой стенок могилы, напоминая этим волоконовские погребения [13]. Обряд захоронения в гробах по-настоящему широко распространяется у «салтовцев» только в X и даже XI в. В Саркеле следы гробовищ прослеживаются в 40% всех вскрытых могил. Интересно отметить, что в более ранних могилах у стен крепости захоронения в гробах встречаются в шесть раз реже, чем в могилах, раскрытых в насыпях за валом, дати-

[10] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 92.
[11] Там же, стр. 48, 49.
[12] Там же, стр. 92.
[13] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков.* Ранние болгары на Волге, стр. 22.

рующихся вплоть до конца XI в. [14] Гробовища в саркельских погребениях, как правило, с дном, прямыми стенками и плоской или в единичных случаях двускатной крышей. Гробовищ-«рам» там не было. Очевидно, эти последние представляют самый ранний тип гроба, известный в салтовских могильниках [15]. Возможно, что обычай обкладывать стенки могилы деревом, обычай помещения покойника в какое-то ограниченное, довольно узкое пространство произошел от хорошо известного в салтовской среде обычая обкладывать стенки могилы камнями. Крышки же возникли из перекрытий, которые нередко встречались в болгарских погребениях Больше-Тарханского могильника и в ряде других могильников салтово-маяцкой культуры. По существу в могилах Волоконовского могильника сохранились даже характерные для могил с перекрытиями заплечики: между стенками гробовища и ямы насыпан и утрамбован материковый грунт. Однако крышки гробов соответствуют размерам гробовища, они ни разу не упирались концами в заплечики, а это значит, что их уже нельзя считать перекрытиями — это обычные крышки. В двух случаях гробы-«рамы» были заменены гробами-колодами. Колоды распространились среди населения южнорусских степей в X—XI вв., т. е. захоронения в них производили уже так называемые поздние кочевники — печенеги, торки и частично половцы. Среди более раннего населения степей они до открытия волоконовских могил были неизвестны.

Таким образом, исходя из анализа данных об устройстве могил, мы, видимо, можем сказать, что волоконовские погребения датируются более поздним временем, чем основная масса ямных погребений. Учитывая, что уже в конце X в. гробовища стали делать с днищами, можно, очевидно, считать, что волоконовские гробы-«рамы» без дна относятся к первой половине — середине X в. Колоды, появившиеся в степи, вероятно, вместе с печенегами — в конце IX в., не противоречат этой датировке.

Рассмотрим теперь те вещи, которые были встречены в могилах Волоконовского могильника (рис. 8, 9). Серьги литые: овальные кольца с шишечками и длинными привесками с шариком на конце, явно подражающие составным серьгам, датирующимся IX в. Одна серьга серебряная позолоченная составная, но в отличие от обычных составных, в которых подвеска состоит из шариков и металлического граненого столбика между ними, в этой серьге столбик сделан из простой зеленой бусинки-пронизки. Перстни только щитковые, в Дмитриевском могильнике они попадались только в катакомбах последнего периода существования могильника, т. е. не раньше конца IX в. Бусы не выходят за рамки салтовских аналогий, однако следует отметить очень плохую сохранность волоконовских бус, их сильную потертость (обкатанность). Многие из них разбиты (иногда в низке у половины бусин отбиты концы). Это обстоятельство, как нам представляется, также может быть косвенным доказательством более поздней даты Волоконовского могильника сравнительно с остальными известными нам памятниками салтово-маяцкой культуры в верховьях бассейна Дона. Не противоречит поздней датировке и обнаруженный в могиле 8 амулетик из соединенных под серебряным колпачком двух пястных косточек лисицы. Самая уникальная находка в могильнике довольно большое круглое зеркало, литое с танской модели VIII-IX вв. Ранняя датировка зеркал этого типа в Китае не должна препятствовать общему впечатлению о датировке вещевого волоконовского комплекса концом «салтовского» времени, так как стертость и неясность рисунка свидетель-

---

[14] *О. А. Артамонова.* Могильник Саркела-Белой Вежи. МИА, 109, 1963, стр. 35—42.

[15] Гробы-«рамы» с плоскими крышками, датирующиеся концом IX — первой половиной X в., известны в раннеболгарских некрополях Болгарии. См. *Димитр Ил. Димитров.* Погрбалният обред при раннобългарските некрополии във Варненско (VIII—X вв.). Известия на Археологический институт, XXXIV, 1974.

Рис. 8. Вещи из погребений Волоконовского могильника: *1* — погр. 3; *2* — 8; *3* — 10; *4* — 15; *5* — 14; *6* — погр. 20

ствуют о длительном использовании оригинала до того, как с него был сделан оттиск и отлиты копии.

Мы перечислили все категории вещей, пригодных для выяснения хронологии комплекса. Все остальные вещи имеют слишком общие аналогии в салтовских древностях или, настолько, уникальны, что не могут служить ни хронологическим, ни этническим критерием: литые бубенчики, железные браслеты из перекрученного бронзового жгута, ножики и железные пряжки, бронзовые пуговки, раковины каури, бронзовые пинцеты или

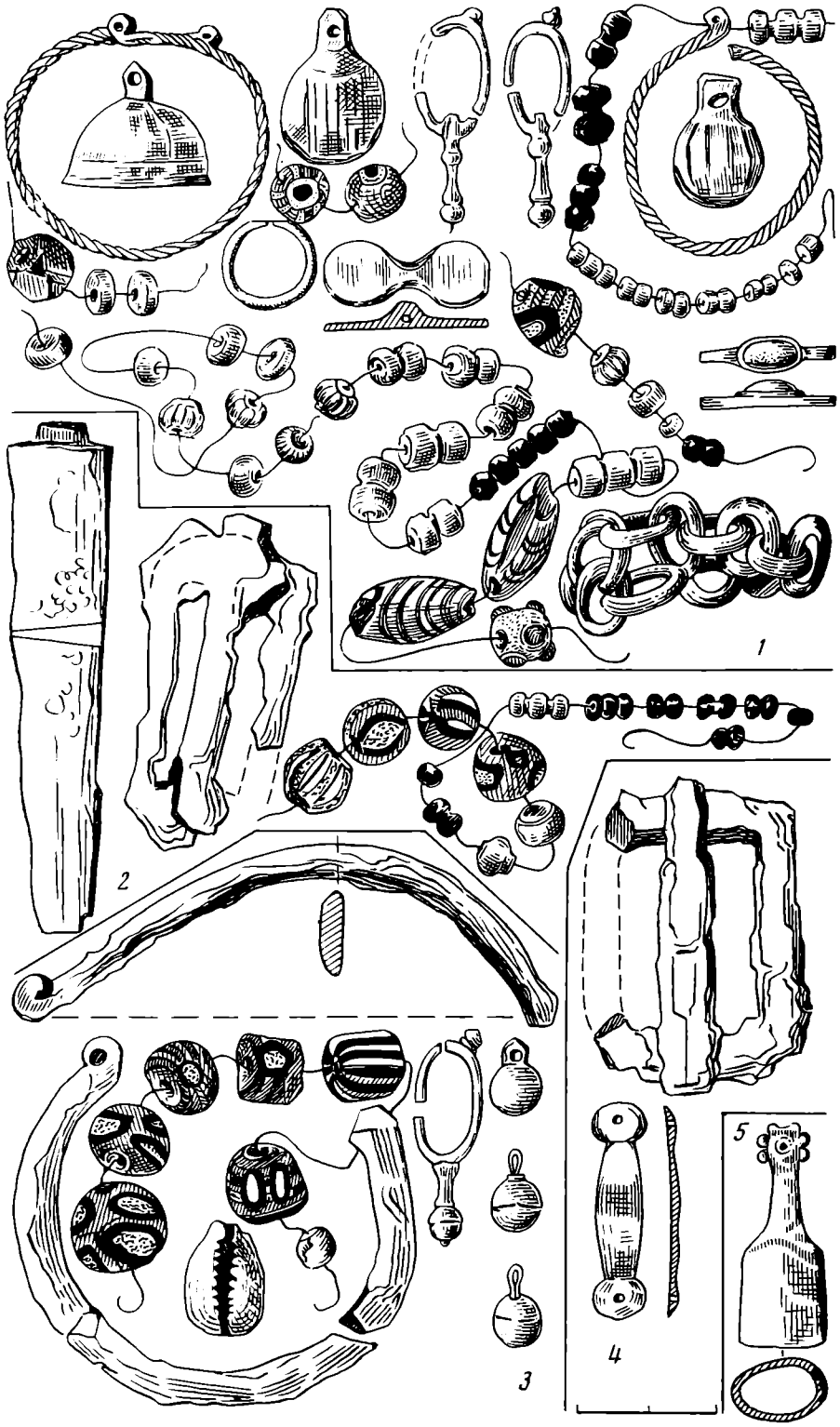


Рис. 9. Вещи из погребений Волоконовского могильника: *1* — погр. 19; *2* — 22; *3* — 12; *4* — 18; *5* — погр. 28

тоненький бронзовый перстенек с овальной жуковиной, обломок ножки стеклянного сосуда VIII—IX в., обломок костяной овальной нагрудной полой внутри подвески, наконец, массивный железный шар-кистень.

Итак, культурная принадлежность комплекса к салтово-маяцкому кругу памятников несомненна. Мы знаем, что хронологические рамки этой культуры — середина VIII — первые десятилетия X в. (в некоторых городах — Саркеле, Таматархе — слои салтовского времени доходят до второй половины X в.). Волокоповский ямный могильник по ряду прослеженных нами признаков относится к самому позднему периоду существования салтово-маяцкой культуры.

Вполне возможно, что здесь вдали от проезжих степных дорог, по которым в первую очередь шли печенеги, поселения салтовцев просуществовали дольше. Характерно, что примерно на этой же широте расположены на Дону городища боршевской культуры, жизнь на которых, как известно, продолжалась вплоть до конца X в. [16] Печенеги не тронули боршевских селений, они были оставлены славянами только под ударами половцев.

На Осколе жизнь «салтовцев» прекратилась раньше (примерно на 50 лет), по-видимому, потому, что население было значительно более «мобильным», т. е. более склонным к кочевому образу жизни, чем боршевцы-славяне. С появлением кочевых орд печенегов в степях вновь возродился кочевническо-скотоводческий уклад хозяйства, и недавние кочевники-салтовцы охотно вернулись к нему, влившись в печенежские объединения.

Кем же были «салтовцы», оставившие Волокоповский могильник? Анализ погребального обряда показал, что все аналогии ему известны среди погребений, принадлежащих древним болгарам: донским, приазовским, волжским и дунайским. Обряд этот предельно прост: погребенные положены в ямы (с заплечиками или без них) вытянуто на спине (в гробу или без него), ориентированы головой на запад (иногда ориентировка меридиональная), с сосудом и костями животного в головах или реже в ногах. Основная масса болгар в салтовское время обитала на степных просторах Подонья и Приазовья. Именно там и были обнаружены типичные, ставшие эталонными могильники праболгар — Зливкинский, Покровский, наконец, более поздний Саркельский и др. Открытый в 1959 г. Д. Т. Березовцем ямный могильник у Салтова, расположенный, как и Волокоповский, напротив городища, на левом берегу реки на первой незаливной террасе, нарушил это, казалось бы, стройное представление о расселении болгарских племен [17]. Оказалось, что болгары селились и в лесостепи, в верховьях Северного Донца в непосредственной близости от алан, занявших в середине VIII в. холмистые, высокие берега Донца, Оскола и Дона. Раскопки Дмитриевского могильника показали, что болгары нередко роднились с аланами и выкапывали могилы прямо на территории, занятой родовым аланским кладбищем. Поэтому нет ничего необычного в том, что и в Волокоповке был открыт могильник, принадлежавший болгарам [18]. Могильник был небольшой — около 40 погребений, оставлен он был, вероятно, одной семейной общиной и функционировал сравнительно недолго (судя по малому количеству могил) — не более 25—30 лет.

Суммировав все эти данные, мы может, очевидно, сделать некоторые выводы относительно происхождения и причин появления в конце IX — начале X в. в верховьях Оскола болгарских поселенцев. Печенежское нашествие выбило из ставшей уже привычной земледельческой колеи массы обитавших в степях болгар. Их поселения были сожжены, поля вытоптаны. Многие из них целыми семьями и родами переходили к печенегам,

---

[16] *А. Н. Москаленко.* Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 142—151.

[17] *Д. Т. Березовец.* Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. КСИА АН УССР, 12, 1962.

[18] По определению Т. С. Кондукторовой, все пять черепов из этого могильника относятся к «зливкинскому» типу, т. е. болгарскому.

другие же, видимо, бежали на север, в самые глухие углы Подонья. Одной из таких бежавших семей были, видимо, и болгары, погребенные в Волоконовском могильнике. Здесь, на новом месте, они продолжали земледельческий образ жизни. Об этом свидетельствует не только ориентировка погребенных, но и устойчивый, судя по погребенным костям заупокойной пищи, состав стада, в котором преобладал крупный рогатый скот, а также семена злаков, положенных в шкатулке под голову женщине.

Эта устойчивая, оседлоземледельческая жизнь длилась недолго — всего одно-полтора поколения. Со временем в поселке остались только старики, женщины, дети. Молодежь уходила в вольную кочевую степь и оставалась там. За короткое время поселок вымер. Характерно, что самое тщательное обследование берега вблизи могильника, ставящее целью найти остатки болгарского поселения синхронного могильнику, не дало результатов. Поселок был очень маленьким, существовал недолго и был разрушен не пожаром, а погибал постепенно под влиянием естественных условий: он был буквально смыт с лица земли дождями и половодьями. А от кратковременных поселенцев осталось на берегу Оскола только несколько десятков могил.

S. A. Pletniéva, A. G. Nikolaienko

L'ANCIEN CHAMP D'INHUMATION BOLGARE DE VOLOKONOVO

Résumé

En 1974 a été entièrement dégagé le champ d'inhumation en fosses de l'ancienne culture bolgare, découvert fortuitement lors de travaux de terrassement près du village de Volokonovka, sur la rivière Oskol (région de Belgorod). Les 28 sépultures découvertes étaient disposées sur trois rangs inégaux, orientés du Nord au Sud. Ce sont de simples fosses, rectangulaires, à parois légèrement concaves, et à fond plat recouvert de roseaux ou de charbon de bois. A l'intérieur se trouvait un cercueil sans fond (dans 24 cas), ou un cercueil — auge (dans 2 cas). Les corps, allongés sur le dos, avaient la tête à l'Ouest, avec quelques écarts saisonniers d'orientation, surtout estivaux.

La plupart des sépultures contenaient divers vases et des ossements d'animaux (vaches et moutons). Par le type des vases déposés dans les tombes d'adultes, on peut distinguer les inhumations masculines et féminines. Les sépultures d'enfants possèdent également leur ensemble céramique. Très caractéristique est aussi la composition des offrandes en nourriture: les inhumations masculines et féminines étaient accompagnées de quartiers de vache, celles d'enfants de viande de mouton.

Le mobilier funéraire est très modeste; on ne rencontre de parures que dans les tombes de femmes et d'enfants.

L'étude du rite et du mobilier permet de dater ce cimetière de la fin du IXe première moitié du Xe.

Ce lieu d'inhumation n'était pas grand. Il a probablement été utilisé par une communauté familiale bolgare qui avait fui la steppe, à la fin du IXe s., devant l'invasion pétchénègue, pour se réfugier sur le cours supérieur de l'Oskol. Là, dans ce nouvel établissement, ils continuèrent pendant quelque temps à se livrer à l'agriculture, ce dont témoignent l'orientation «hivernale» des sépultures, la composition constante du bétail, où domine le gros cheptel bovin, et la présence dans les tombes de diverses graminées. Mais avec l'apparition dans la steppe des hordes nomades des Pétchénègues, la forme d'économie pastorale nomade s'est reformée, et les Bolgares, tout récemment encore nomades, recommencèrent à l'être; abandonnant les localités d'agriculteurs, ils se fondirent dans les communautés pétchénègues.

C'est pourquoi le vieux cimetière bolgare de Volokonovo a servi en tout 40 ou 50 ans. Il a été abandonné vraisemblablement vers le milieu du Xe siècle, la population s'étant éteinte ou étant partie dans la steppe mener une vie libre et nomade.

Заметки

В. П. СТЕПАНОВ

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В КОМПЛЕКСНОМ РАССМОТРЕНИИ

Из многочисленных вопросов первобытной истории особое значение имеет проблема взаимодействия природы и человеческого общества. Этим слабо изученным вопросам было посвящено выступление Г. Н. Матюшина на теоретическом семинаре в Институте археологии АН СССР 14 марта 1975 г. с докладом на тему «Роль биосферы в неравномерности исторического развития» [1].

Г. Н. Матюшин смело подошел к чрезвычайно сложной и многообразной проблеме. Вполне естественно, что при такой широте темы и многообразии вопросов невозможно было избежать некоторых упущений.

1. **Об уточнении значения термина «биосфера» к этапам развития человечества.** Обратимся к содержанию доклада. Из авторской формулировки его названия как бы вытекает противопоставление биосферы человечеству, тогда как такое противопоставление едва ли справедливо для древнейших этапов становления человеческого общества, когда оно само составляло часть биосферы. Только на определенном уровне развития, когда возникла речь и человечество распространилось по всей планете, достигнув около 30 000 лет тому назад Австралии [2] и Америки [3], оно образовало ноосферу в понимании этого термина Тейяром де Шарденом [4] и В. И. Вернадским [5]. И наконец, с образованием общественных институтов, с образованием племенной организации и появлением отдельных народов можно говорить о сложении социосферы, которое датируется неолитическим временем (около 6000 лет тому назад).

2. **Экономическая линия в связях природы и общества.** Важное значение при рассмотрении изучаемой проблемы приобретает экономика, так как она является не только основой развития общества, но и той исторической реальностью, которая представлена в археологическом материале с самых древнейших эпох.

Поскольку нам еще не ясна природа целого ряда биологических связей (генетических, мутационных) между средой и древнейшими коллективами людей, то наиболее перспективной линией, благодаря которой удается проследить взаимодействие человека и природы, является линия хозяйственного развития, где эта связь осуществляется через характер пищевых ресурсов. На их разнообразие оказывает воздействие климат и общая ландшафтная обстановка. С другой стороны, для изымания этих ресурсов из природной среды необходимы орудия производства. С ростом коллективов потребности в пищевых ресурсах возрастали и создавали условия для технического развития. Отсюда истоки прогресса в технике: чем разно-

[1] Обсуждение этого доклада состоялось на том же семинаре 4 апреля 1975 г.
[2] *В. Р. Кабо.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
[3] *И. К. Иванова.* Геологический возраст ископаемого человека. М., 1965, стр. 168.
[4] *Т. де Шарден.* Феномен человека. М., 1965, стр. 189.
[5] *В. И. Вернадский.* Биосфера. М., 1967.

образнее и труднодоступнее ресурсы, тем прогрессивнее техника. Наконец, появившиеся более сложные общественные связи и относительно высокий уровень каменной техники (в верхнем палеолите) позволили в более широких масштабах и более однообразно в пределах определенных ландшафтных зон эксплуатировать природные ресурсы. Так было положено начало оформлению хозяйственных различий, соответствовавших природным зонам. Возникла хозяйственная зональность, как переходное, но экономически внутри еще не дифференцированное явление от примитивного собирательско-охотничьего хозяйства домустьерской эпохи к сложению хозяйственно-культурных типов в неолите [6]. Здесь я лишь хочу подчеркнуть, что с усложнением природной зональности усложняются и хозяйственные зоны: их число увеличивается и становится значительным (шесть зон в Западной Европе и пять в Восточной) в эпоху мезолита. Затем в связи с широким распространением рыболовства и дифференцированного направленного собирательства произошло слияние некоторых хозяйственных зон мезолита в одну, и на территории неолитической Европы обозначились лишь три зоны: охотников на морского зверя и рыболовов, рыболовов-охотников лесной зоны и первоначально недифференцированной зоны производящего хозяйства в южных районах рассматриваемого континента.

3. **Акселеративная зона первобытного человечества.** В докладе Г. Н. Матюшина отмечалось, что остатки австралопитековых связаны с урановой провинцией Юго-Восточной Африки, но это не дает основания связывать появление антропоидов с влиянием повышенной радиоактивности на мутационные циклы. Однако места первых антропоидов и сопутствующих им предметов орудийной деятельности находятся или на периферии урановой провинции, или вне ее — местонахождение Омо в Эфиопии, где возраст ископаемого древнейшего представителя человечества примерно на 1 млн. лет оказался старше, чем в Олдувае [7]. Представляется более правомерным считать, что наиболее важные изменения в облике человека и его материальной культуре, хозяйстве приходятся на районы, характеризующиеся общегеографическими и ландшафтными контрастами. Такими районами следует считать приподнятые и расчлененные плато Восточной Африки и регион Большого Средиземноморья в границах А. Филиппсона [8], разделяющий в древности перигляциальные районы Евразии от тропических районов Африки. Именно с этими районами связаны наиболее существенные изменения в истории древнейшего человечества западной половины Евразии и Африки. К областям горных плато относятся местонахождения остатков древнейших пока антропоидов (Омо, Олдувай). Уже на этой стадии развития появляются здесь и первые созданные руками человека жилища, прослеженные в Олдувае [9], т. е. задолго до того, как они появились в мустье на равнинах Европы. С границами Большого Средиземноморья совпадает ареал техники леваллуазских пластин, более прогрессивной, чем прочие индустрии приледниковой Европы. Отдельные предметы, выполненные в этой технике, распространяются шире и дос-

---

[6] *В. П. Степанов.* К вопросу о хозяйстве мезолитических племен Восточной Европы. Сб. «Тезисы докладов молодых ученых научной конференции МГУ». М., 1968; *его же.* Природа и население Европы, Ближнего Востока и Северной Африки в конце плейстоцена — начале голоцена. Сб. «Теоретические и прикладные вопросы географии». М., 1971; *его же.* Природная среда и зональность первобытного хозяйства в эпоху верхнего палеолита на территории СССР. Симпозиум «Первобытный человек и его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене». М., 1973.

[7] *H. F. Clark.* Hominid teeth from White Sands and Brown Sands localities lower Omo basin (Ethiopia) Quaternaria. Roma, 1969 (1971), 11.

[8] *А. Филиппсон.* Средиземье. М., 1911.

[9] *Ф. Тобайас.* Находки древнейшего человека в Африке. Сб. «Наука и человечество», т. 5, М., 1966, стр. 92.

тигают даже бассейна р. Оби (Бабково) [10], но область их массового распространения четко локализована. На районы ландшафтных контрастов приходится и область становления человека современного физического типа (по Я. Я. Рогинскому — Восточное Средиземноморье [11]). В верхнем палеолите со Средиземноморьем связано нахождение наиболее разнообразных и совершенных типов орудий производства и охоты, включая ранние формы наконечников стрел (Сакажия [12], Парпалло [13]). Спустя 2000 лет по окончании верхнего палеолита в тех же контрастных ландшафтах Передней Азии отмечается зарождение производящего хозяйства [14], а еще через 5000 лет на Нижнем Ниле начинается строительство пирамид, в Двуречье появляются первые рабовладельческие деспотии. Рассматриваемый нами регион приурочен к одной из критических параллелей — 35° с. ш., на которых как бы концентрировались разнообразные и самые противоречивые природные явления и процессы [15].

4. Проблема мезолита. И наконец, следует остановиться на наиболее важной проблеме первобытной истории — проблеме мезолита. Нельзя согласиться с автором доклада относительно удревнения этой эпохи. Для этого, прежде всего, необходимо условиться, какие критерии избираются для ее выделения — типологические, культурные, экономические, а затем решать, оправдан рубеж нижней границы (10 000 лет тому назад для Европы, 12 000 — для Передней Азии) или нет. Пока у археологов единого подхода к этому вопросу нет. Освоив по окончании ледниковой эпохи огромные пространства и достигнув даже столь отдаленного и малопригодного для обитания арктического архипелага, как Шпицберген [16], мезолитический человек встретился с разнообразными сырьевыми ресурсами, и в том числе такими, которые не позволяли ему выделывать совершенные по формам пластины, которые мы отмечаем в многочисленных мезолитических комплексах на юге Европы. С другой стороны, и явление неравномерности исторического развития усложняет наши прежние представления о культурном единстве в рассматриваемую эпоху. Так, в первой половине мезолита, примерно до 8500 лет тому назад, вполне реальным могло быть сохранение не только эпипалеолитических культур, связанных главным образом со спецификой хозяйства их носителей, основанной на охоте на северного оленя (свидерский круг памятников: Пувочай [17], Смячка XIV [18], Аносовка на Днепре [19] и др.), но и с возможностью сохранения чисто палеолитических комплексов (голоценовый палеолит), таких, как Покровщина на Десне [20] или Анетовка в юго-западном Причерноморье [21]. Но вернемся к понятию «эпипалеолит» [22]. Под этим понятием мы понимаем такие стоянки, в материалах которых отмечаются либо

---

[10] *О. М. Адаменко* и *А. П. Окладников.* Первая находка леваллуа-мустьерской пластины в среднеплейстоценовых отложениях Сибири. Четвертичный период Сибири. М., 1966.

[11] *Я. Я. Рогинский.* Проблема прародины человека современного типа. Сб. «Наука и человечество». т. 3. М., 1964.

[12] *С. Н. Замятнин.* Палеолит Западного Закавказья. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XVII, Л., 1957.

[13] *M. R. Sauter.* Préhistoire de la Méditerranée Paléolithique — Mésolithique. Paris, Payot, 1948.

[14] *Y. Mellaart.* Earliest Civilizations of the Near East. London, 1965.

[15] «Общая физическая география» (под ред. К. К. Маркова). М., 1967.

[16] *H. Christiansson, P. Simonsen.* Stone age finds from Spitsbergen. Tromsö, 1970.

[17] *Р. Римантене.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

[18] *М. Рудинський.* До питання про культури «мезолітично доби» на Вкраїні. Антропологія. 1927, Київ, 1928, стор. 87—91.

[19] *Н. Н. Гурина.* Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях Днепра. МИА, 185, 1972.

[20] *В. А. Хохловкина.* Геологические условия залегания стоянки Покровщина. Уч. зап. МГУ, 158, 1952.

[21] *В. Н. Станко.* Мезолит Днестровско-Дунайского междуречья. МАСП, 7, 1971.

[22] *А. П. Окладников.* К вопросу о мезолите и эпипалеолите Азиатской части СССР. МИА, 126, 1966, стр. 213.

единичные мезолитические по характеру предметы (микропластинки, микроизделия на пластинках с регулярными гранями, геометрические орудия), либо предметы, связанные со спецификой хозяйства Северной Европы в период финального палеолита, но находящиеся в голоценовых отложениях. С этих позиций к эпипалеолиту могут быть отнесены стоянки с эписвидерскими наконечниками стрел (например, Гремячее I на Оке), обнаруживаемые на широких пространствах Литвы, Белоруссии и в Центральных районах России, а также и такие известные памятники степной области, как Рогалик Якимовский [23], Третий мыс [24], в материалах которых известны единичные экземпляры геометрических орудий. Кроме того, в собственно мезолитическом культурном пласте на территории Восточной Европы могут быть выделены по характеру каменной индустрии следующие провинции: макролитическая (Карелия, Кольский полуостров), макро-микролитическая (центральные районы Русской равнины) и микролитическая (Предуралье, включая башкирские комплексы, и стоянки, приуроченные к южным районам Европейской части СССР). В этом отношении геометрические изделия, и в частности трапеции, для большинства памятников к северу от средиземноморского региона следует рассматривать скорее как хронологический показатель, чем как культурный. Во вторую половину рассматриваемой эпохи уже могут прослеживаться культурные связи, поскольку трапеции в это время приурочены главным образом к двум центрам Европы. Один из них помещался в Северной Европе (Рюген, Ютландия, Зеландия, Сконе) и характеризовался узкими и высокими трапециями, другой находился в юго-восточной части Европейского континента, включая Северное Причерноморье, и характеризовался относительно низкими и широкими трапециями. По всем этим соображениям археологическая идея этнокультурных различий нуждается в пересмотре, ибо она выглядит в достаточной степени необоснованной. Этнографические материалы свидетельствуют о разноликости материальной культуры одного и того же этноса в зависимости от характера заселения в различные сезоны и в различных экоусловиях [25]. Наконец, из приведенных Г. Н. Матюшиным в докладе сведений об исследовании Г. Кларка следует, что и в материалах однокультурных мезолитических комплексов в Англии наблюдаются памятники с разносезонным характером инвентаря.

[23] *П. И. Борисковский.* Палеолит Украины. МИА, 40, 1953.

[24] *М. Д. Гвоздовер.* Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона. САИ, А1-5, М.— Л., 1964.

[25] *F. D. McCarthy.* Australia's aborigenes: their life and culture. Melbourne, 1957.

К. КУРБАНСАХАТОВ

НОВЫЙ ТИП ЖЕНСКОЙ ТЕРРАКОТОВОЙ СТАТУЭТКИ С АЛТЫН-ДЕПЕ

В 1974 г. на поселении эпохи бронзы Алтын-депе (раскопки под руководством профессора В. М. Массона) была найдена женская терракотовая статуэтка нового типа (рис. 1). Она была найдена в помещении на раскопе № 9, где идет вскрытие комплекса «квартал знати». «Квартал знати» состоит из крупных домов с несколькими жилыми и хозяйственными помещениями. Дома разделены между собой улицами или дворами. Судя по размерам, эти многокомнатные дома из 4—6 комнат принадлежали индивидуальным семьям [1], которым, по-видимому, принадлежат и коллективные гробницы с богатым инвентарем, расположенные поблизости.

[1] *Г. Н. Лисицына, В. И. Сарианиди.* Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху первобытно-общинного строя. В кн.: «Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане». Ашхабад, 1971, стр. 30, 31.

Женская терракотовая статуэтка выполнена в условно-плоскостной манере, присущей статуэткам развитой бронзы, времени Намазга V, в сидящей позе с расставленными в сторону руками (концы рук отломлены). Ее высота 18 *см*, цвет светло-серый. С головы спускаются две маленькие косы, которые в литературе нередко трактуются как «косы-змеи» [2], заканчивающиеся между грудями. Третья коса, также налепная, проходит по спине и заканчивается у талии. На ней имеются насечки, изображающие волосы. Глаза у статуэтки налепные, ромбовидные, рассеченные посередине. Нос передан защипом. В нижней части статуэтки изображен

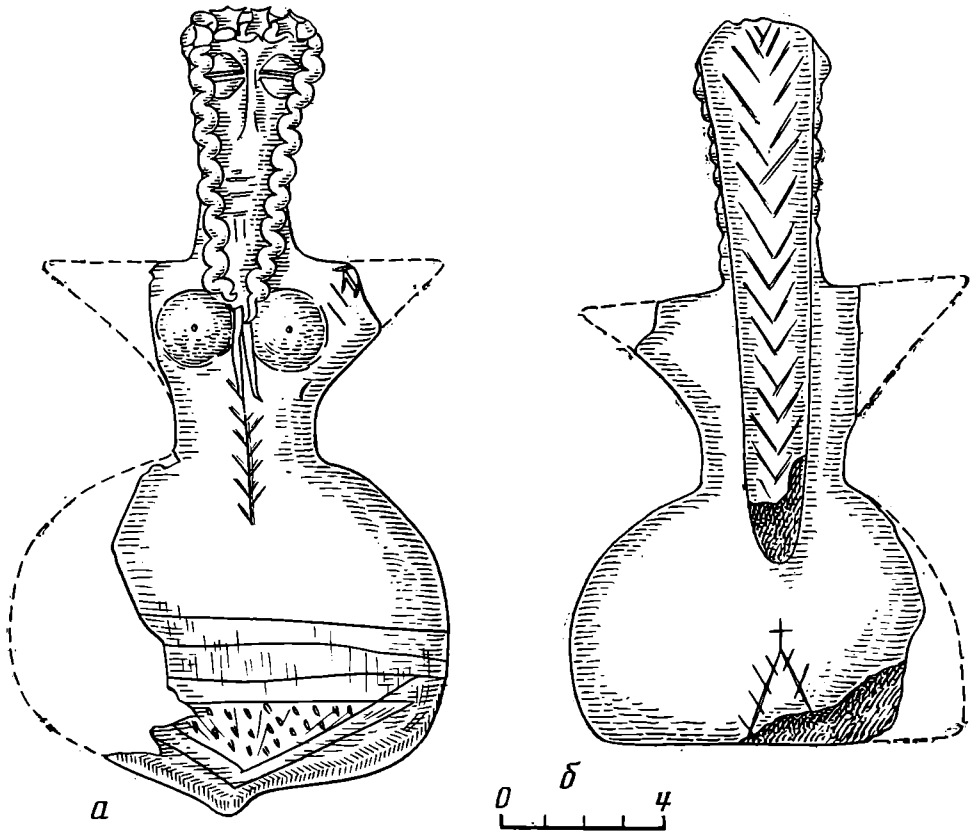


Рис. 1. Женская статуэтка из раскопа 9 Алтын-депе

процарапанный треугольник с насечками. Груди у статуэтки конические, соски изображены углублениями. На поясе с лицевой части процарапаны три параллельные горизонтальные линии. В верхней части живота процарапано схематическое изображение дерева ветвями вверх. Шея статуэтки украшена «ожерельем с подвесками» [3], которое состоит из четырех горизонтальных линий. От нижней горизонтальной линии отходят две вертикальные, по-видимому, передающие подвески. Возможно, вертикальных линий было больше, но их не видно под налепными косами. Вероятно, при изготовлении статуэтки косы были налеплены после того, как было процарапано ожерелье. На левом плече статуэтки процарапан знак, условно названный «треугольник с ресничками» [4]. Правое плечо целиком отломано и не сохранилось, но обычно у женских терракот эпохи бронзы на обоих плечах изображаются одинаковые процарапанные знаки, и надо предполагать, что на правом плече был изображен знак в виде «треуголь-

[2] *В. М. Массон, В. И. Сариниди.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973, стр. 90.
[3] Там же, стр. 35.
[4] Там же.

ника с ресничками». Сзади ниже талии также изображен знак, часть которого из-за излома не сохранилась, по оставшейся части видно, что это также «треугольник с ресничками».

Характерная черта этой фигурки, отличающая ее от других ранее найденных статуэток — головной убор в виде трех пятиконечных звезд или цветков, расположенных в горизонтальном порядке в верхней части головы. Под ним видны пряди волос, переходящие в косы. Звезд, видимо, было пять, о чем говорят два крайних слома. Подобный головной убор встречен впервые.

Для терракот Южной Туркмении времени развитой бронзы разработана дробная классификация и выделено шесть иконографических типов. Рассматриваемая нами статуэтка ближе всего к первому иконографическому типу, которому присущи массивные фигурки с маленькими косами спереди и сзади, процарапанными поясами и знаками в виде «треугольника с ресничками» на плечах [5]. Однако особая примета головного убора (корона?) из звезд дает право говорить о появлении нового варианта статуэток восточной части Туркмении.

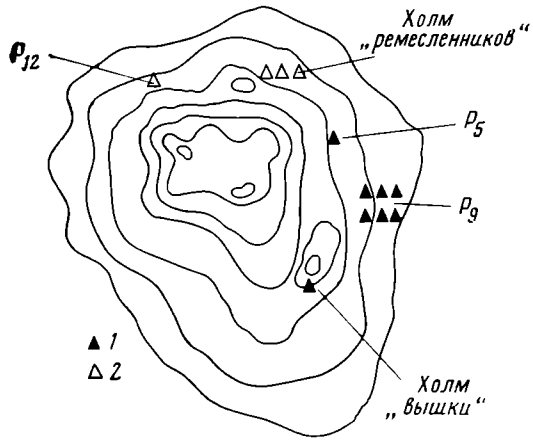


Рис. 2. Схема распределения на Алтын-депе статуэток со знаком «треугольник с ресничками». 1 — статуэтка из слоя; 2 — статуэтки из подъемного материала

На Алтын-депе выявлено шесть видов знаков, изображаемых на статуэтках. Статуэтки со знаком «треугольник с ресничками» являются одними из наиболее распространенных. Они были найдены почти на всей площади Алтын-депе (рис. 2).

Рассматриваемая нами статуэтка, судя по звездному головному убору, больше всего напоминает шумерскую богиню Инанну, покровительницу планеты Венера [6]. Если же считать, что головной убор изображает цветы, то «алтыновская Инанна» выступает как покровительница флоры. В том же мифе «Энмеркар и верховный жрец Аратты» об этой черте женского божества говорится следующее:

Инанна, госпожа всех стран
возлюбленная Думузи,
водою жизни окропила
и по всей стране деревья она заставила расти [7].

В одном из мифов о путешествии Инанны в подземное царство также имеется намек на ее покровительство флоре: ««Шугурру», корону равнины, она возложила себе на голову. . .» [8]. Н. Д. Флиттнер также отмечает изображение звезды или цветка ромашки на парадной посуде халафской культуры из Телль-Арпачийи. Она исходит из того, что органическая форма изображения цветка ромашки превратилось в чисто орнаментальную форму, расположенную по кругу на дне сосуда. Н. Д. Флиттнер указывает на возможность связи «цветка» со звездой — магическим символом богини Иштар [9].

---

[5] Там же, стр. 71.

[6] *С. Н. Крамер.* История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 107.

[7] Энмеркар и верховный жрец Аратты. ВДИ, 1964, 4, стр. 219.

[8] *С. Н. Крамер.* Ук. соч., стр. 185; *В. М. Массон и В. И. Сарианиди.* Ук. соч., стр. 105, сноска.

[9] *Н. Д. Флиттнер.* Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М.— Л., 1958, стр. 49.

Богиня Инанна-Иштар, как и многие другие богини плодородия, совмещала черты богини любви и астрального божества, связанного с планетой Венера [10].

Найденная на Алтын-депе статуэтка свидетельствует, что аналогичное женское божество было распространено в эпоху бронзы и в Южном Туркменистане.

[10] *С. А. Токарев.* Религия в истории народов мира. М., 1965, стр. 361, 364.

А. П. ЖУРАВЛЕВ

ОБ ОРНАМЕНТЕ СОСУДА СО СТОЯНКИ ПЕГРЕМА II

Раскопками 1972 г. на стоянке Пегрема II вскрыто небольшое жилище [1], у выхода находился очаг и яма конусообразной формы (диаметром 0,6 *м* и глубиной 0,4 *м*), заполненная желтым гумусированным песком. На дне ямы лежал раздавленный сосуд, орнаментированный круглыми коническими ямками и оттисками гребенчатого штампа (рис. 1—3). Глиняное тесто хорошо отмучено, примесью к нему служит мелкий песок, цвет ко-

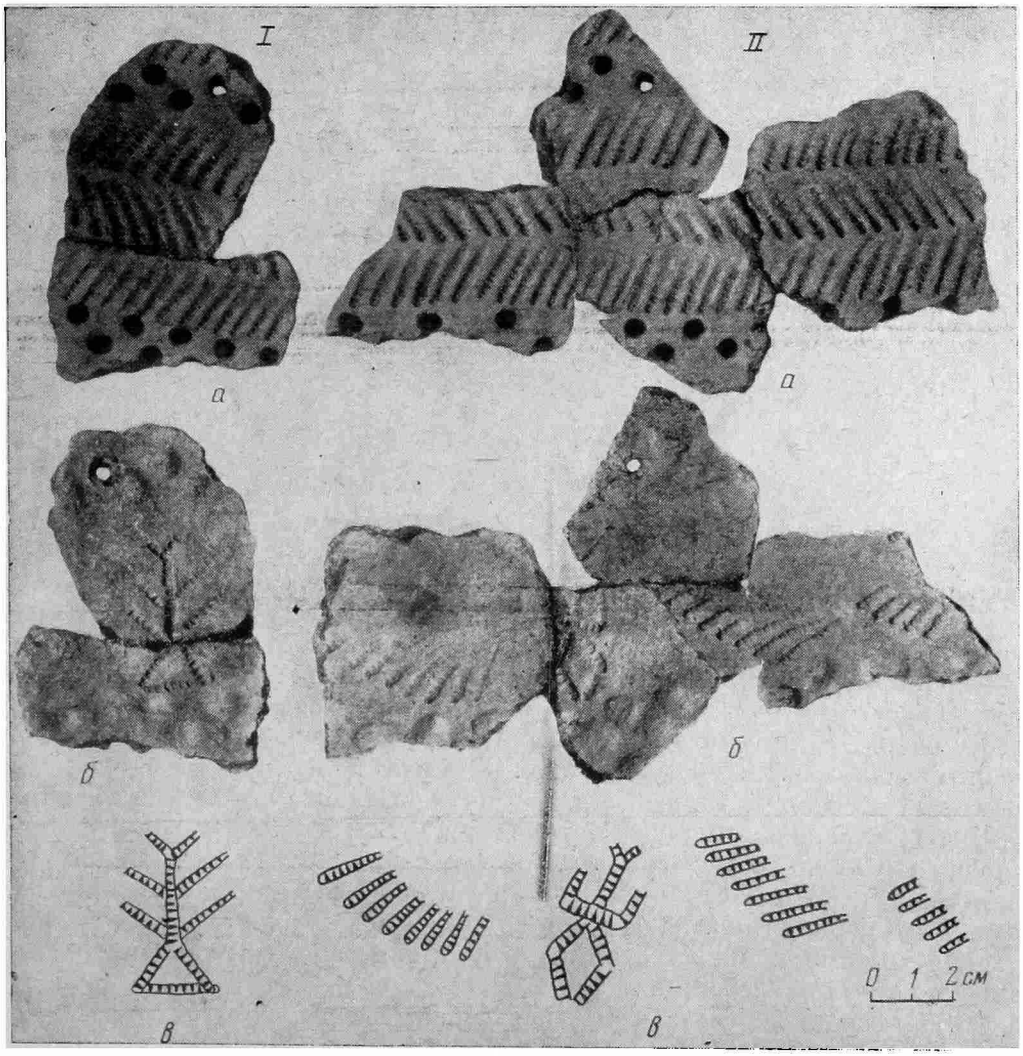


Рис. 1—2. Фрагменты сосуда со стоянки Пегрема II: *а* — лицевая сторона, *б* — оборотная, *в* — прорисовка орнамента на оборотной стороне

[1] *А. П. Журавлев, В. Г. Миронов, Ю. И. Глаголев.* Археологические исследования в Карелии. АО — 1972, М., 1973, стр. 12—14.

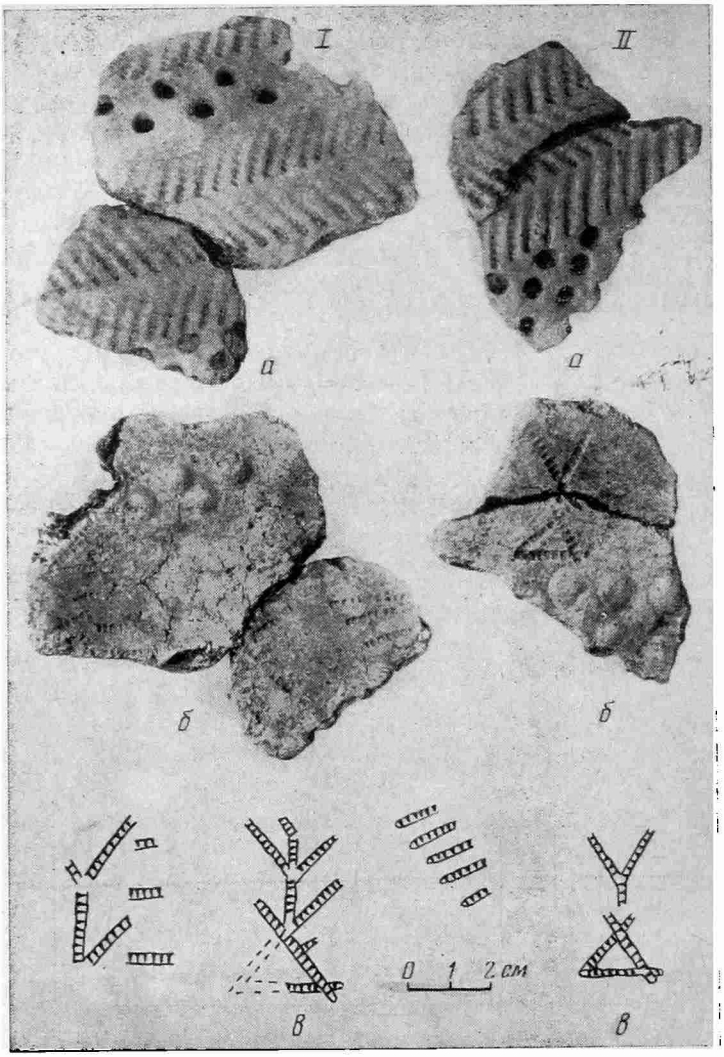


Рис. 1—2 (*продолжение*)

ричневый, обжиг хороший, толщина стенок 1 *см*. Наружная стенка сосуда носит следы залощенности и сохранила в отдельных местах пятна красной охры. Внутри сосуда, примерно в центральной его части, нанесен поясок орнамента из веерообразных, горизонтальных и наклонных отпечатков гребенки (рис. 1, 2, *б*, *в*), а также изображений деревьев и фигурки человека. У него ноги согнуты ромбом, руки подняты. Высота фигурки 5,5 *см*, ширина 2,8 (см. рис. *1*, *б*, *в*). Орнамент дополняется изображениями деревьев (рис. 1, 1*б*, *в*; 2, *б*, *в*), у двух стволов которых на вершине, в центре и у основания с обеих сторон под углом 50° сделаны ответвления, у одного — такие же ответвления сохранились только на вершине. Интересно, что основания трех деревьев установлены на треугольники. От четвертого дерева (рис. 2, 1*б*, *в*) сохранился небольшой фрагмент ствола с тремя ветками, с правой стороны от него нанесены три горизонтальных оттиска короткой гребенки.

Изображения деревьев на севере Европы встречаются в сюжетах наскальной живописи Скандинавии и Карелии, на беломорских и онежских петроглифах, например, зафиксировано около 10 изображений деревьев [2]. На композициях в Медбо (Брастад) есть дерево, у вершины которого изображены две фигурки — одна похожа на птицу, другая антропоморфная.

[2] *В. И. Равдоникас.* Наскальные изображения Онежского озера. Ч. I. М.— Л., 1936, табл. 28, рис. 34; *Ю. А. Савватеев.* Залавруга. Ч. I. Л., 1970, стр. 86, 111, 294.

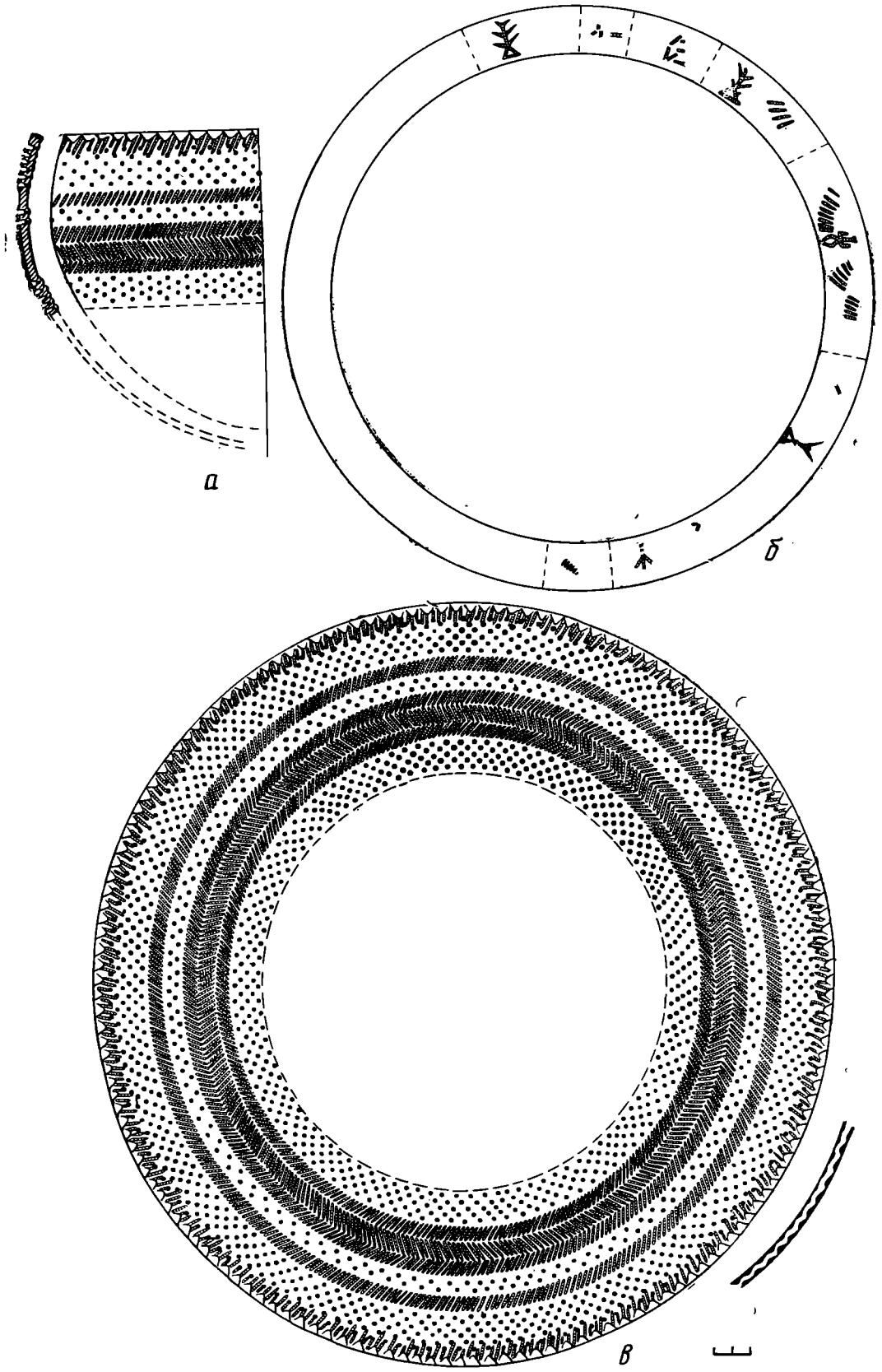


Рис. 3. Развертка сосуда со стоянки Пегрема II: *а* — профиль, *б* — орнамент внутри сосуда, *в* — наружная орнаментация

На вершине другого дерева имеется антропоморфная фигурка, стоящая в рост с поднятыми руками [3]. В петроглифах Скандинавии изображения деревьев, возможно, представляют мировое дерево скандинавской мифологии [4].

Глиняный сосуд с изображением человека и деревьев в северном неолите встретился впервые. Сильная залощенность стенок (как результат частого использования), наличие следов красной охры, оригинальный орнамент,— все это позволяет предполагать, что он использовался при совершении обрядов, связанных с культом плодородия.

[3] *O. Almgren.* Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden. Frankfurt am Main, 1934, S. 105—109, Abb. 66, 67.

[4] Ibid, S. 130—131, Taf. 84, 85.

В. А. ИВАНОВ

ГЛИНЯНЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРКИ АНАНЬИНСКО-ПЬЯНОБОРСКОГО ВРЕМЕНИ

Во время полевых сезонов 1972 и 1973 гг. автором, работавшим в составе Московского отряда Нижнекамской археологической экспедиции (НКАЭ), были произведены раскопки ананьинско-пьяноборских поселений, расположенных на северо-западе Башкирии, в нижнем течении р. Белой.

Среди исследованных памятников наиболее интересный материал дали городища: Аначевское, Серенькино и Уяндыкское. Именно на этих поселениях среди богатого керамического материала и были обнаружены девять публикуемых ниже антропоморфных фигурок. Фигурки имеют вид столбиков с четырехугольным поперечным сечением и небольшими выступами вместо головы и густо покрыты резным орнаментом, обозначающим одежду.

Аначевское городище расположено на северо-восточной окраине дер. Чики-Аначево Илишевского района БАССР, на мысу коренного, левого берега р. Белой. Памятник обнаружен и первоначально обследован В. Ф. Генингом [1].

Основную массу находок на городище составляют фрагменты глиняных сосудов позднеананьинского (рис. 1, *4—6*) и пьяноборского (рис. 1, *7*) типов.

Среди керамического материала городища найдены фрагменты семи глиняных фигурок, вероятно, изображающих людей. К сожалению, несмотря на то, что памятник двуслойный, стратиграфически залегание фигурок в культурном слое городища проследить не удалось, так как участок, где они были обнаружены, находился на самом краю площадки городища, чрезвычайно близко к его восточному склону.

Первый фрагмент изображает верхнюю часть человеческой фигуры (рис. 2, *1*). Голова — небольшой полукруглый выступ, постепенно переходящий в покатые плечи. Лицо не моделировано. Обе стороны фигурки густо покрыты горизонтально прочерченными, прерывающимися полосами, обозначающими украшения одежды. Цвет фигурки светло-серый, высота 3 *см*, ширина 2,5 *см*, толщина 0,8—1 *см*.

Второй фрагмент изображает верхнюю часть человеческого туловища, примерно до пояса (рис. 2, *2*). Голова дана в виде небольшого, чуть приостренного выступа, плавно переходящего в покатые плечи. Лица нет. Цвет фигурки светло-коричневый, высота 4,5 *см*, ширина 2,7 *см*, толщина

[1] *В. Ф. Генинг.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, ч. II, ВАУ, 11, 1971, стр. 133.

1,2 *см*. Резные линии, которыми густо покрыта фигурка, позволяют разглядеть, как нам кажется, некоторые детали верхней одежды. Так, на лицевой стороне фигурки прочерченные от основания «головы» в виде треугольника вершиной вниз парные линии с заключенными между ними короткими вертикальными черточками (рис. 2, 2*а*) могут быть трактованы как распашная одежда. А прочерченная возле нижнего края данной фи-

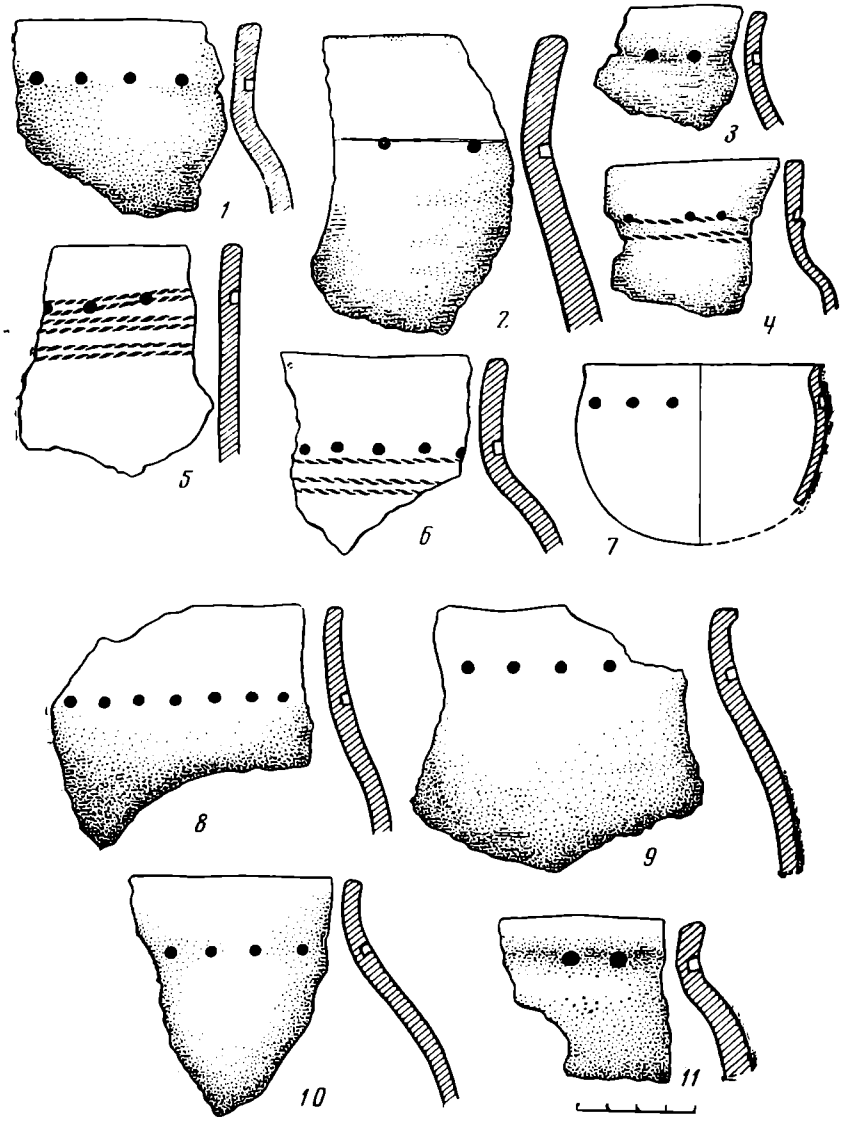


Рис. 1. Керамика с городищ раннего железного века Северо-Западной Башкирии: *1—3, 11* — городище Серенькино; *4—7* — городище Анаевское; *8—10* — Уяндыкское городище

гурки окружность (рис. 2, 2*а*) скорее всего представляет собой изображение застежки — сюльгамы или круглой бляхи, которая использовалась как застежка. Следует отметить, что подобные застежки были чрезвычайно широко распространены в Прикамье в эпоху раннего железа.

На обратной стороне фигурки (рис. 2, 2*б*) расположены по плечам «зигзаги», они ограничены снизу двумя дугообразными линиями с заключенными между ними точками и изображают, вероятно, или богатую и сложную вышивку, или (и это нам кажется наиболее верным) широкий, спускающийся на спину воротник, также украшенный сложной вышивкой и бусами. А прочерченные по центру фигурки две вертикальные ли-

нии с заключенными между ними точками и короткими горизонтальными черточками (рис. 2, 2б) могут изображать узкую длинную лопасть, идущую или от головного убора, или от воротника вдоль спины до самого пояса. Подобная деталь является, по мнению А. В. Збруевой, специфической для женского ананьинского костюма [2].

Фрагмент третий — изображение человеческой фигуры по пояс (рис. 2, 4). Фрагмент значительно поврежден, однако на «спине» фигурки

Рис. 2. Глиняные антропоморфные фигурки: *1—7* — городище Аначевское; *8* — городище Серенькино; *9* — Уяндыкское городище

можно проследить некоторые интересные детали костюма. Так, два ряда прочерченных горизонтально линий с заключенными между ними короткими вертикальными черточками могут, на наш взгляд, также быть трактованы, как изображение вышивки по плечам или широкого воротника (рис. 2, 4б). А идущие вниз вертикальные линии с разветвлениями на нижних концах (рис. 2, 4б) похожи на бахрому из длинных нитей с кистями на концах, свисающую от плеч до пояса. Цвет фигурки темно-коричневый, высота 7 *см*, ширина 4,5 *см*, толщина 2 *см*.

[2] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 78.

Четвертый фрагмент представляет собой обломок изображения человеческого тела (рис. 2, *3*). Окружности, прочерченные на лицевой стороне фигурки, являются, по всей видимости, изображениями двух нашитых нагрудных больших круглых блях (рис. 2, 3*а*) — украшения, характерного для женского ананьинского костюма [3]. Подобные украшения встречаются также и в пьяноборскую эпоху [4]. Цвет фигурки оранжевый, высота сохранившейся части 2,5 *см*, ширина 2,3 *см*, толщина 1,3 *см*.

Пятый, плохо сохранившийся фрагмент, — изображение верхней части человеческой фигуры (рис. 2, *5*). Сохранившаяся сторона фигурки покрыта горизонтальными и вертикальными линиями (рис. 2, *5б*).Один из боков фигурки украшен вертикальными линиями, упирающимися в окружность (рис. 2, 5*а*). Другой — зигзагами, заключенными между двойными горизонтальными линиями (рис. 2, 5*в*). Цвет фигурки коричневый, высота фрагмента 3,7 *см*, ширина 1,5 *см*, толщина 1 *см*.

На Аначевском городище обнаружены также два фрагмента нижних частей глиняных статуэток. Это расширяющиеся у основания четырехугольные призмы с чуть закругленными углами.

У первого фрагмента сохранилась только лицевая часть. Она покрыта горизонтальными рядами прочерченных кружков, заключенных в некое подобие прямоугольника (рис. 2, *6*). В целом же этот рисунок можно, на наш взгляд, считать изображением украшенного бусами или мелкими бляшками передника. Короткие вертикальные линии в нижней части фигурки, вероятнее всего, означают идущую по подолу платья бахрому (рис. 2, *6*). Цвет фигурки серый, высота обломка 4,5 *см*, ширина в нижней части 2,5 *см*, в верхней — 2 *см*. Основание фигурки плоское.

Размеры второго фрагмента нижней части статуэтки: высота 3,8 *см*, ширина 2,5 *см*, толщина 1,5 *см*. Основание чуть вогнутое. Цвет фигурки светло-серый с розовым оттенком. По верхнему краю фрагмента, вокруг всей фигурки, прочерчены зигзаги, ограниченные снизу горизонтальной, слегка волнистой линией (рис. 2, *7*).

В 2,5 *км* восточнее Аначевского городища разведочной группой Московского отряда НКАЭ под руководством М. Ф. Обыденнова был обнаружен новый памятник раннего железного века — городище Серенькино. На городище был разбит раскоп площадью 36 *м*^{2}, в котором собрана богатейшая коллекция керамики пьяноборского типа (рис. 1, *1*, *2*, *11*). Среди фрагментов сосудов обнаружен обломок антропоморфной фигурки, вылепленной из плотной серой глины с примесью шамота. Фрагмент изображает, видимо, центральную, грудную часть человеческого тела (рис. 2, *8*). Одна из сторон фигурки (лицевая?) украшена трапециевидными вдавлениями, расположенными горизонтальными рядами и ограниченными резными линиями (рис. 2, *8а*). Орнамент этот изображает, на наш взгляд, нагрудное украшение, состоящее из прямоугольных и трапециевидных блях, расположенных параллельными рядами, подобно украшению, обнаруженному в одном из женских погребений 1 Маклашеевского могильника [5].

Окружности, прочерченные по «плечам» фигурки, могут означать нашитые на одежду круглые бронзовые бляхи (рис. 2, *8б*), которые очень широко использовались древним населением Прикамья в украшении одежды.

Обратная сторона фигурки покрыта глубокими вертикальными канавками (рис. 2, *8в*). Высота данного фрагмента 2,5—4,0 *см*, ширина 4,2 *см*, толщина 1,5 *см*.

В 3 *км* к западу от Аначевского городища, ниже по течению р. Белой, Московским отрядом НКАЭ было обследовано Уяндыкское городище.

---

[3] Там же.

[4] *В. Ф. Генинг.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, ч. I, ВАУ, 10, 1970, рис. 35.

[5] *А. В. Збруева.* Уч. соч., стр. 82.

Площадка городища распахана и полностью разрушена, поэтому нам удалось только собрать на пашне небольшую коллекцию керамики пьяноборского типа (рис. 1, *8—10*), среди которой также обнаружен фрагмент нижней части глиняной антропоморфной фигурки (рис. 2, *9*). Фигурка вылеплена довольно грубо, никаких рисунков на ее поверхности нет, за исключением трех косых насечек в верхней части фрагмента и нескольких грубых насечек по нижнему краю (рис. 2, *9*). Основание фигурки вогнутое, ширина фрагмента по основанию 3,3 *см*, толщина 1 *см*, высота 4 *см*. Цвет фигурки серый. В тесте — примесь мелкого песка и раковины.

Подобные фигурки сравнительно часто встречаются на поселениях, относящихся к концу ананьинской эпохи [6]. Материал этих памятников позволяет исследователям датировать их IV—III вв. до н. э., т. е. концом ананьинской — началом пьяноборской эпохи [7]. К позднему этапу Среднекамского ананьина относит глиняные антропоморфные фигурки в своей хронологической таблице А. Д. Вечтомов [8].

Материал исследованного Аначевского городища ничуть не противоречит этой дате. А находки глиняных фигурок на поселениях более позднего периода (городища Уяндыкское и Серенькино) (рис. 2, *8*, *9*) указывают на то, что подобные фигурки, столь широко распространенные в эпоху позднего ананьина, переходят и в пьяноборскую культуру. Это подтверждается находками глиняных фигурок на Подгорно-Байларском III селище — памятнике пьяноборской эпохи и таком «классически» пьяноборском городище, как Чеганда 1[9].

Таким образом, антропоморфные глиняные фигурки с поселений Северо-Западной Башкирии в значительной степени дополняют уже известную коллекцию фигурок ананьинско-пьяноборского времени. Они довольно ярко иллюстрируют вывод А. В. Збруевой о характере и элементах женской ананьинской одежды [10], демонстрируя расшитые передники (рис. 2, *6*), нагрудные украшения (рис. 2, *3*).

[6] Там же, стр. 85, табл. XVIII, стр. 251, табл. X, VIII; *Е. Н. Черных*. Городище Алтен-Тау. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, 1, 1959, стр. 161, рис. 7, *22*; *Н. А. Прокошев*. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье. СА, X, 1948, стр. 188, рис. 4; *А. Д. Вечтомов*. Раскопки Гремячанского поселения на реке Тулве, ВАУ, 2, 1962.

[7] *А. В. Збруева*. Ук. соч., стр. 274, 276, 260; *Е. Н. Черных*. Ук. отчет, стр. 162; *А. Д. Вечтомов*. Ук. соч., стр. 87.

[8] *А. Д. Вечтомов*. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья. Уч. зап. ПГУ, 148, 1967, стр. 137, рис. 187, 189.

[9] *В. Ф. Генинг*. История населения Удмуртского Прикамья..., ч. II, 1971, рис. 41.

[10] *А. В. Збруева*. Население берегов Камы в далеком прошлом. Сб. «По следам древних культур (от Волги до Тихого океана)». М., 1954, стр. 116.

Э. И. СОЛОМОНИК

ДВЕ ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ ИЗ МУЗЕЕВ КРЫМА

Надписи, рассматриваемые в этой статье, представляют собой эпитафии, вырезанные на каменных плитах (известняковой и мраморной). Одна из них найдена при раскопках в Херсонесе, а другая обнаружена нами в фондах Областного краеведческого музея в Симферополе.

Надпись из Херсонеса найдена И. А. Антоновой в 1970 г. в районе цитадели, при раскопках водостока в помещении терм № 1. Верх и правая сторона плиты отбиты, слева частично сохранился край с небольшой рамкой, видимо окружавшей всю плиту (рис. 1).

Размеры плиты: высота 61 *см*, ширина 38 *см*, толщина 13 *см*. Плита из желтого местного известняка. Она имеет ряд выбоин. Лицевая сторона плиты обтесана, причем видны следы инструмента.

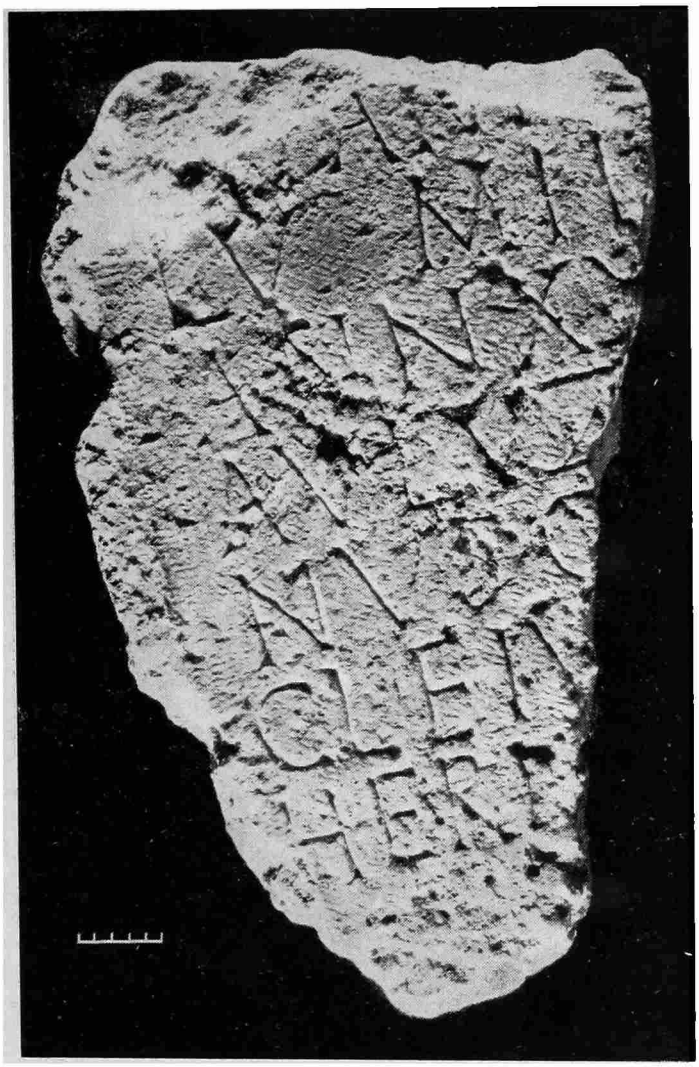


Рис. 1. Надгробие из Херсонеса

Сохранилось семь строк надписи, вырезанной по линейкам крупными четкими буквами. Высота букв 5—5,7 *см*, расстояние между строками 1,5 *см*. Буквы были окрашены — на некоторых видны следы синей краски. Наиболее вероятная датировка — II в. н. э.

1 [vix]it an[n(is)]
LV, mil [i(tavit)]
ann(is) XX..
Auluz[e]–
5 nus C[o]–
cleiu[s]
here[s h(uius)]
(8) [fecit].

Перевод: [Такой-то]. . ., прожил 55 лет, прослужил 20 лет. Авлузен Коклей, наследник, соорудил.

Содержание надписи, в частности слово militavit, показывает, что надгробие относилось к погребению римского легионера. В верхней части отбитой плиты должно было бы находиться имя легионера и наименование легиона или вспомогательной когорты, в которой он служил.

Имя наследника, поставившего надгробие,— Auluzenus (или Auluzanus), впервые встречающееся в Херсонесе. Оно было широко распространено среди местного населения Западного Причерноморья и относится к

фракийским или гето-дакийским [1]. Известны варианты: Auluzenus, Aulozenus, Auluzanus, Aulusanus [2]. В форме Auluzenis это имя известно и как женское в одной боспорской греческой надписи в сочетании с характерным фракийским патронимиком Мукапорис [3]. Cognomen, прочтенный нами как Cocleius, можно рассматривать как прозвище, происходящее от слова cocles — одноглазый. Сравните засвидетельствованные в надписях имена Coclia и Coclius и прозвище римского полководца VI в. до н. э. Horatius Cocles [4].

Фракийское имя наследника позволяет предположить, что и погребенный был фракийского происхождения, как и многие легионеры, попавшие в Херсонес из римской провинции Нижней Мезии.

Обращает на себя внимание солидный возраст легионера и срок его службы. Он принадлежал к числу солдат, которых удерживали в армии после окончания официального срока службы.

Исследователи отмечают, что на многих римских надгробиях возраст оканчивается на 5 и 10, а следовательно, дается не точно, а округленно [5]. Хотя при Августе в Риме была введена запись рождения, а при Марке Аврелии ее распространили на всю Римскую империю, во многих провинциях это не соблюдалось. Особенно часто округляли возраст солдат, умерших далеко от родины [6]. Вероятно, число 55 на рассматриваемом надгробии тоже не соответствует точному возрасту легионера, и дано округленно.

В термине heres (наследник), который чаще всего встречается в надгробиях легионеров, можно видеть влияние римского права и принятой в империи терминологии [7].

В отличие от стел легионеров с портретными изображениями и различными декоративными украшениями, рассматриваемый памятник имеет форму простой плиты с рамкой. Г. Флореску указывает на большое количество аналогичных надгробий в Мезии, Паннонии, Далмации и др. и предполагает их происхождение из Италии [8].

Новое надгробие — еще одно свидетельство проникновения в Херсонес римских легионеров фракийского происхождения, которые приносили с собой свои обычаи и религиозные культы. Об этом свидетельствуют находки фракийских вотивных рельефов [9], обнаруженный недавно алтарь с посвящением Зевсу Диберанскому [10], и другие памятники.

Вторая надпись обнаружена в фондах Областного краеведческого музея в Симферополе. На плите имеется номер — 1163. В книге поступлений

---

[1] *D. Detschew.* Die Thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, S. 35—37; *I. I. Russu.* Elemente traco-getice in Scitia şi Bosporul Cimmerian. SCIV, IX, 2, 1958, p. 318; *C. Scorpan.* Kontinuität und Romanisierung der Einheimishen aus der Dobrudscha. Pontica, 3. Constanţa, 1970, S. 185.

[2] *I. Stoian.* Tomitana. Bucureşti, 1962, p. 47, 202. Cognomen Auluzanus. CIL, VI, 2991, 3397.

[3] *А. И. Маркевич.* К вопросу о народах, живших в древнее время в Черномории. Тр. IX АС, I, М., 1895, стр. 280—282, табл. VII, *А*; *I. I. Russu.* Op. cit., p. 318. В Корпус боспорских надписей (М., 1965) эта надпись не включена.

[4] *W. Schulze.* Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. Berlin, 1904, S. 150, 288. Не исключенно, что это не прозвище, а неизвестный нам этникон (от наименования поселения, из которого происходит Авлузен), образованный по типу Zancle — Zancleius.

[5] *H. Norberg.* Biometrical notes. Acta Instituti Romani Finlandiae, II, 2, Helsinki, 1963, p. 30.

[6] *A. Mócsy.* Das schätzungsweise angegebene Lebensalter auf römischen Grabinschriften. Das Altertum, 1966, 2, Berlin, S. 110.

[7] *A. Mócsy.* Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. Budapest, 1970, S. 238.

[8] *Gr. Florescu.* I monumenti funerari romani della Dacia Inferiore. Bucureşti, 1942, p. 57.

[9] *А. Н. Щеглов.* Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического. МИА, 150, 1969, стр. 135—177.

[10] *Б. Н. Граков, Ю. Г. Виноградов.* Новые надписи из Херсонеса Таврического. ВДИ, 1970, 3, стр. 129—134; *Э. И. Соломоник.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973, стр. 92—94.

под этим номером указано, что плита в дореволюционные годы поступила из раскопок Ай-Тодора, где действительно было обнаружено несколько латинских надписей, попавших затем вместе с другими находками в музеи Ялты и Симферополя.

Однако в процессе изучения материала мы выяснили, что симферопольская плита найдена в Риме и издана в 1894 г. (CIL, VI, 4, 1, № 26826). Когда и при каких обстоятельствах она попала в Крым, неясно. Скорее всего, ее приобрел владелец имения Ай-Тодор великий князь Александр Михайлович, который собирал коллекцию древностей.

Сейчас эпиграфисты разных стран готовят переиздание Корпуса латинских надписей в соответствии с современными требованиями науки. Поскольку старая публикация не дает ясного представления о памятнике, так как содержит текст в маюскулах и перечень разночтений без всякого описания плиты, размеров, палеографических особенностей шрифта, датировки, наконец, чтения и интерпретации текста, мы вновь обращаемся к этому памятнику.

Плита из белого мрамора со слабыми сероватыми пятнами, сохранилась полностью. Ее поверхность хорошо отполирована с обеих сторон; края сзади грубо оббиты и имеют следы раствора, вероятно, для крепления. Лицевую сторону плиты окружает простая рамка в виде небольшого желобка шириной 0,6—0,8 *см* (рис. 2).

Размеры: высота 36 *см*, ширина 21 *см*, толщина 4 *см*.

Надпись состоит из 10 строк, вырезанных рукой профессионального мастера характерным для римского времени остроугольным резцом. В последних строках буквы несколько меньше; их высота колеблется от 1,8 до 2,7 *см*. Резчик избегал переноса слов и потому в одних случаях оставлял свободное поле, а в конце ряда строк использовал лигатуры и мелкие буквы. Так, в конце шестой строки буквы IT вырезаны внутри C, а в конце седьмой строки — лигатура VA с маленьким E вверху, в конце восьмой строки — лигатура EN с маленьким I вверху, наконец, в девятой строке между I и S вырезано маленькое V [11].

В ряде случаев между словами стоят точки — разделители. Для шрифта надписи характерны хорошие пропорции букв, разная толщина и глубина линий, штрихи и утолщения на концах, одинаковой величины горизонтали на E и F, незамкнутое P, слегка выгнутая и отставленная ножка у R. В целом надпись близка по палеографическим особенностям к монументальному письму конца I в. н. э.[12] Ближайшая аналогия из Херсонеса — эпитафия Цинция и Ведия, отнесенная М. И. Ростовцевым ко времени Нерона [13].

На плите не видны следы линеек, хотя все строки ровные, следовательно, их разметка была сделана углем или краской.

1 Dis
Manibus.
Statiae
Proposidi
5 P. Statius
Herma fecit.
Conjugi suae
Statiae Caleni
fecit P. Statius
10 Secundus.

Несмотря на полную сохранность текста, чтение надписи вызывает некоторые трудности.

---

[11] Ср. лигатуры и мелкие буквы в конце строк в надписях: IPE, I², 562; *V. Hoffiller und B. Saria.* Antike Inschriften aus Jugoslavien. I, Zagreb, 1938, № 173.

[12] *P. Batlle Huguet.* Epigrafia latina. Barcelona, 1946, p. 115, fig. 37, 38; *V. Hoffiller und B. Saria.* Op. cit., № 462 (надпись 69—84 гг.).

[13] IPE, I², 562; *М. И. Ростовцев.* К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи. Сборник в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 15.

Эпитафия посвящена двум женщинам: Statiae Proposidi и Statiae Caleni; но как понимать их имена? Если вторые имена считать родительным падежом от мужских имен Proposidus и Calenus, то по правилам образования римских имен их следует отнести к мужьям или отцам погребенных, но первое отпадает, так как не соответствует контексту надписи,

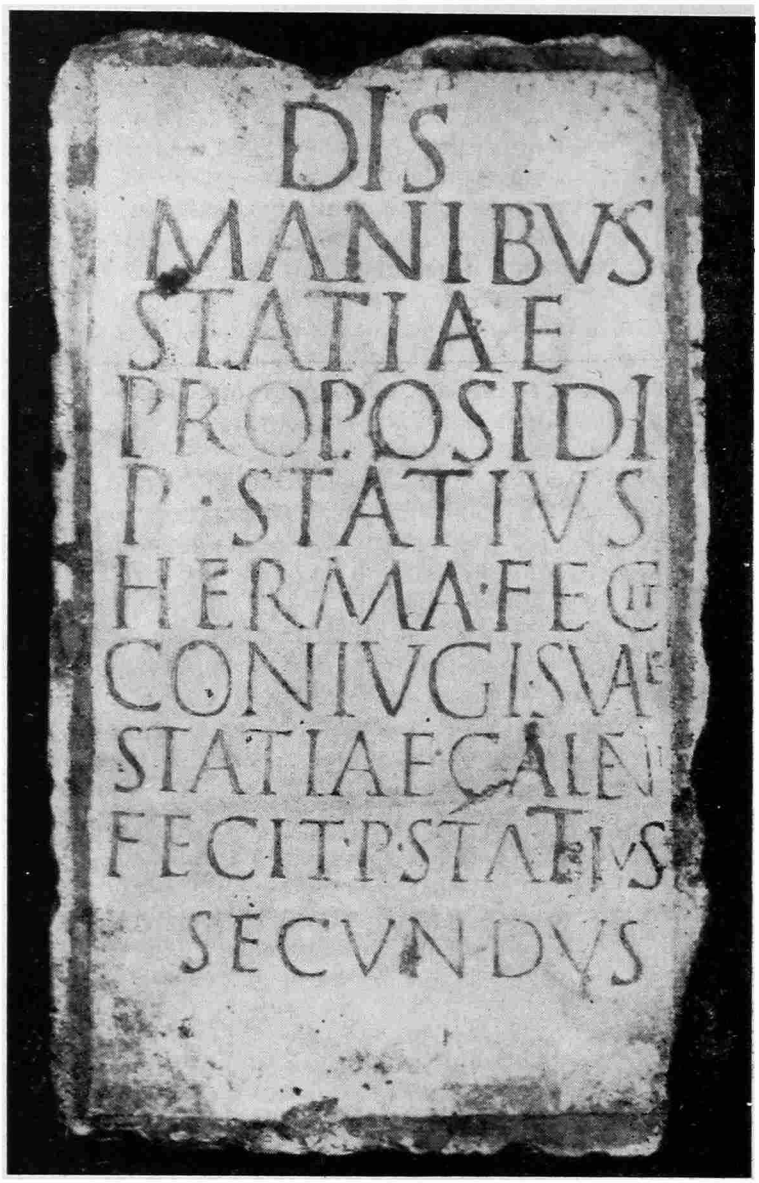


Рис. 2. Надгробие из Рима

а во втором случае обычно добавляли «дочь» по формуле: Statiae Proposidi f(iliae). Впрочем, иногда в виде исключения слова f(ilia) или f(ilius) опускали [14].

Но форма Proposidi и Caleni может быть не только Gen. от мужских имен, но и Dat. от женских имен Proposis и Cale. Такие cognomina известны в надписях из Италии, где названы Decimia Proposis [15], и особенно часто — Cale [16]. По именам и контексту надгробие, видимо, поставлено женщинам их мужьями, хотя в одной из эпитафий пропущены слова: conjugi suae.

[14] Например, «L'année épigr.», Paris, 1970, № 294, 311.
[15] CIL, IX, 3083.
[16] CIL, VI, 7, 1, Indices, Berlin, 1974, S. 927 ff.

В результате предлагаем следующий перевод текста:

«Богам Манам. Статии Пропозиде П(ублий) Статий Герма соорудил. Своей жене Статии Кале (или Калене) соорудил П(ублий) Секунд».

Все перечисленные в надписи лица принадлежали к роду Статиев (Стациев); cognomen одного из мужчин Secundus (Второй) позволяет считать их родными братьями [17]. Римское родовое имя Statius (и соответствующее женское Statia) было широко распространено в Северной Италии и, по мнению В. Шульце, восходит к оскскому имени или этрусскому слову statinei [18]. Cognomina Cale и Herma — греческие, причем часто встречаются среди вольноотпущенников [19]. Но греческие имена не всегда указывают на этнос, так как их давали в Риме рабам из разных стран Востока, где был распространен греческий язык [20].

Интересно полное написание слов Dis Manibus, которые в более поздний период сокращали до D. M. Эта формула появилась со времени Августа, придавая эпитафии характер посвящения богам Манам [21]. Высокое I в первой строке служило для обозначения удвоения и долготы гласной (dis-diis) [22].

В Эрмитаже, Одесском и других музеях хранятся латинские и греческие надписи, привезенные из других стран [23]. Многие из них поступили в музеи после революции из частных собраний. Работа по атрибуции беспаспортных материалов из разных музеев мира предпринята известным французским эпиграфистом Луи Робером [24]. Нашим исследователям также необходимо наряду с изучением античных надписей, найденных на территории нашей страны, обратить внимание и на привозные памятники, которые ждут своей атрибуции и публикации.

---

[17] Совпадение гентильных имен мужчин не исключает их происхождения от вольноотпущенников одного и того же господина.

[18] CIL, IX, Index, p. 725, 726; *W. Schulze*. Op. cit., S. 37, 236, 469.

[19] *G. Alföldy*. Die Personennamen in der römischen Provinz Dalmatia. Heidelberg, 1969, S. 168, 215.

[20] *G. Alföldy*. Op. cit., S. 18; *H. Solin*. Beiträge zur Kenntnis der griechischen Personennamen in Rom. I. Helsinki, 1971, S. 151.

[21] *E. Hübner*. Römische Epigraphik. München, 1886, § 47.

[22] Высокое I и полное написание этой формулы ср. в надгробии I в. н. э. из музея в Варшаве: *A. Sadurska*. Inscriptions latines. Varsovie, 1953, № 2—4.

[23] *B. Latyschew*. Die in Russland befindlichen Inschriften. Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Athen, IX, 1884, S. 209; *J. Kolendo*. Decouvertes d'inscriptions grecques pendant la guerre russo-turcque 1828—1829. Archeologia, XVIII, Warszawa, 1968, p. 51—54.

[24] *L. Robert*. Pierres errantes, mouséographie et onomastique. Berytus, XVI, Copenhagen, 1966, p. 5—39.

В. В. КРОПОТКИН. В. Е. НАХАПЕТЯН

НОВЫЙ ЦЕНТР ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА III—IV ВВ. Н. Э. В БАССЕЙНЕ ЮЖНОГО БУГА

По сообщению уманского краеведа В. А. Стефановича, на юго-восточной окраине с. Синицы Христиновского района Черкасской области местные жители при добыче глины обнаружили древние сыродутные горны. Открытые горны были расположены по обрыву правого, высокого берега р. Синицы, притока Южного Буга, у полевой дороги, ведущей к шоссе Умань — Христиновка — Винница. На береговом склоне протяжением 0,3—0,4 *км* и в карьере было обнаружено не менее 10—15 металлургических горнов, в некоторых из них обнаружены оплавленные на конце глиняные сопла. Поблизости от скопления горнов В. А. Стефанович и Ю. Лещинский открыли остатки двух разновременных поселений. На левом бе-

регу р. Синицы было обнаружено поселение черняховской культуры, на котором были собраны обломки черняховской керамики, в том числе типичных сероглиняных гончарных горшков, несколько фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками III—IV вв. н. э. и глиняные пряслица (рис. 1, *1—4*). На одном биконическом пряслице по свежей глине прочерчены две свастики [1]. На другом поселении, расположенном на правом берегу р. Синицы, восточнее лесопосадки,

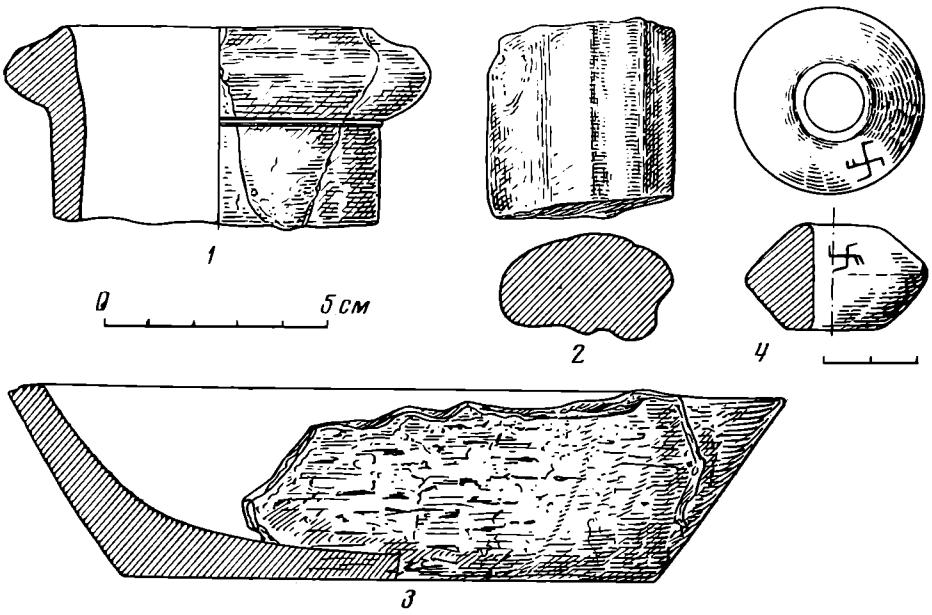


Рис. 1. Керамика с черняховского поселения III—IV вв. у с. Синица Черкасской области. *1* — обломок венчика светлоглиняной амфоры; *2* — обломок ручки светлоглиняной амфоры; *3* — обломок донца сероглиняного горшка; *4* — пряслице

были найдены куски каменного жернова и обломки грубой неорнаментированной лепной керамики с примесью песка и дресвы.

В сентябре 1971 г. Подольский отряд Института археологии АН СССР совместно с В. А. Стефановичем произвел осмотр высокого берега р. Синицы и соседних полей на юго-восточной окраине села [2]. Недалеко от лесопосадки, у полевой дороги на пахотном поле, было обнаружено скопление камней, кусков глиняной обмазки и обломков глиняных сопел. На месте скопления был заложен небольшой разведывательный раскоп размером 6 × 4 *м*, причем длинная сторона раскопа была ориентирована по линии запад — восток (рис. 2).

После снятия пахотного слоя на глубине 0,3 *м* в юго-восточном углу раскопа был обнаружен развал нижней части металлургического горна. Остатки горна представляли собой яму, вырытую в материковой породе, состоявшей из плотной темно-серой супеси и плотного светло-желтого суглинка. Яма имела правильную цилиндрическую форму и была обложена по стенкам плитами известняка разных размеров и обмазана глиной. Внутренняя часть горна имела следующие размеры: глубина 0,55,

[1] Часть находок, собранных В. А. Стефановичем и Ю. Лещинским на поселениях у с. Синица, поступила в Уманский краеведческий музей, несколько обломков черняховской посуды и амфор, а также одно глиняное сопло находится в фондах Института археологии АН СССР. В окрестностях села, по словам Ю. Лещинского, была найдена римская монета.

[2] Волыно-Подольская экспедиция ИА АН СССР работала в следующем составе: начальник отряда В. В. Кропоткин, лаборанты — А. А. Берзин, В. Л. Державин, М. Ю. Зимоглядова, А. П. Ковалевский, А. П. Машинский, В. Е. Нахапетян, Е. Г. Стрельченко.

диаметр по дну 0,8, диаметр по верху 0,75 *м*. Каменная обкладка сохранилась на 70—75% поверхности стенок ямы. Камни и обмазка были сильно прокалены. Слой материковой породы снаружи каменной обкладки был также прокален и имел красновато-кирпичный цвет. Дно ямы обмазано глиной и также прокалено. В южной части горна стенки ямы не сохранились, была разрушена и часть материка, примыкающая здесь к яме (рис. 3).

При расчистке сохранившейся части горна были обнаружены два глиняных сопла хорошей сохранности (рис. 4,*1*). Передняя часть сопел сильно ошлакована и облита железным шлаком (рис. 5). В яме находились крупные фрагменты глиняной обмазки и куски известняка, вероятно, от стенок горна. Некоторые плиты обкладки ямы были облиты железным шлаком. Некоторые камни с внутренней стороны оплавлены.

Западнее исследованного нами горна на глубине 0,2—0,3 *м* была обнаружена большая, неправильной формы мусорная яма, заполненная камнями, кусками глиняной обмазки, железными шлаками, обломками нескольких глиняных сопел. Размеры ямы 1,20 × 1,85 *м*, глубина ее 0,60—0,65 *м*. В завале находился большой фрагмент шлакового «козла» вместе с оплавившимися глиняными стенками и обмазкой горна. В смеси со шлаком находились довольно крупные фрагменты извести. Вес «козла» около 12 *кг*. В заполнении ямы найдены также грибообразные глиняные предметы, напоминающие по форме пробки или затычки (рис. 6,*1—3*). Размеры их таковы (табл. 1).

Таблица 1

Диаметр головки, *см*	Диаметр ножки, *см*	Высота, *см*
9,0	4,5	7,0
10,0	6,0	6,0
8,5	3,0	8,0

В заполнении горна и в яме обнаружены куски обгоревшего дерева в виде плах и древесный уголь. По определению Г. Н. Лисицыной, среди древесных остатков преобладает ясень, в небольшом числе представлен дуб (около 10% образцов). По всей вероятности, именно эти породы дерева использовались в древнем железоделательном производстве на Украине.

Сопла, обнаруженные внутри горна и в яме (рис. 5, *1—5*), имеют следующие размеры (табл. 2):

Таблица 2

Размеры глиняных сопел, обнаруженных в раскопе I у с. Синицы Черкасской области

Длина, *см*	Наибольший диаметр отверстия, *см*	Наименьший диаметр отверстия, *см*	Толщина стенок, *см*
28,0	9,0	3,5	2,5
27,5	9,0	3,5	2,0
15,0	9,0	4,5	1,5–2,0
23,0	5,0	3,0	2,5–3,0
16,0	4,0	3,5	2,5–3,0
27,0	5,5	3,0	3,0

Пять фрагментов железного шлака, отобранных из разных мест развала горна и от шлакового «козла», были подвергнуты в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР петрографическому анализу в отраженном свете с увеличением в 120 раз [3].

Выявлены две структуры шлака (рис. 6, *4*, *5*). Первая структура (3 шлифа) представлена большими полями фаялита с четкими кристалла-

[3] Анализы выполнены Б. А. Колчиным и Л. С. Хомутовой.

ми, между которыми расположены зональные кристаллики магнетита. По краям полей фаялита расположены вкрапления темных зон стекла. Эта структура свидетельствует о том, что, когда образовывался данный шлак в шахте горна, большая часть закиси железа была восстановлена уже до металлического железа, т. е. процесс в это время проходил в оптимальных режимах.

Вторая структура шлака (2 шлифа, образцы взяты из нижней части шлакового «козла») состоит из сильно железистого стекла и крупных денд-

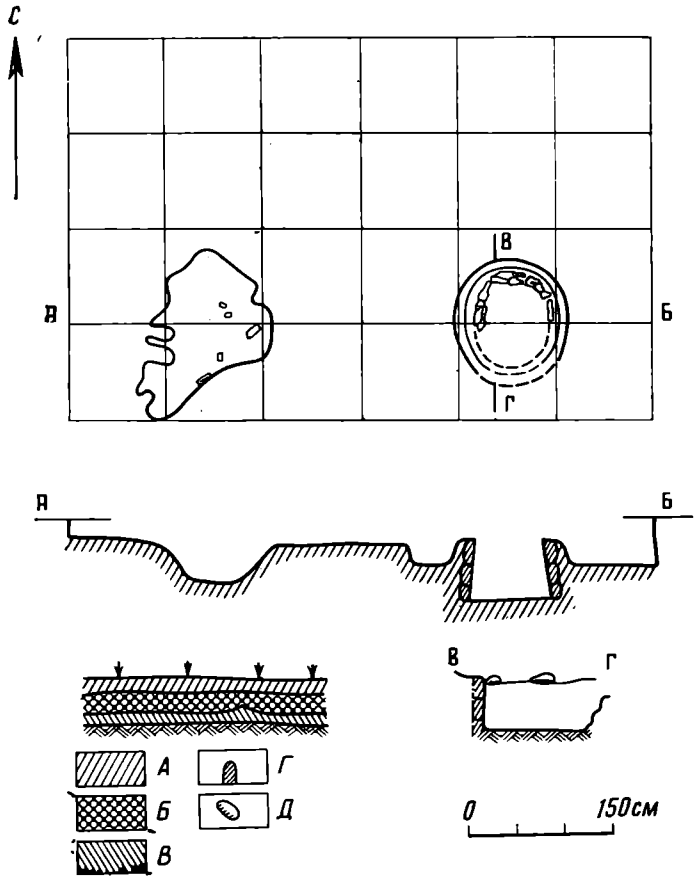


Рис. 2. План раскопа у с. Синица. *А* — пахотный слой; *Б* — темно-серая супесь; *В* — светло-желтый суглинок; *Г* — камни; *Д* — кладка горна

ритов магнетита. Это говорит о том, что в какой-то период процесса (вероятно, в начале) часть только что образовавшегося шлака при стекании вниз захватывала с собой некоторую часть закиси железа, еще не успевшую восстановиться до металлического железа.

Анализы шлаков свидетельствуют, что в данном горне происходил типичный сыродутный процесс восстановления железа, технически достаточно развитый. Об этом говорят шлаки первой структуры.

Собранные полевые материалы и петрографический анализ шлаков позволяют с достаточной долей вероятности определить тип раскопанного нами сыродутного горна. Этот тип относится к наземным шахтным печам с энергичным искусственным дутьем и подгорновым приемником шлака, вырываемом в грунте (материке) так называемой шлаковой «вагранкой».

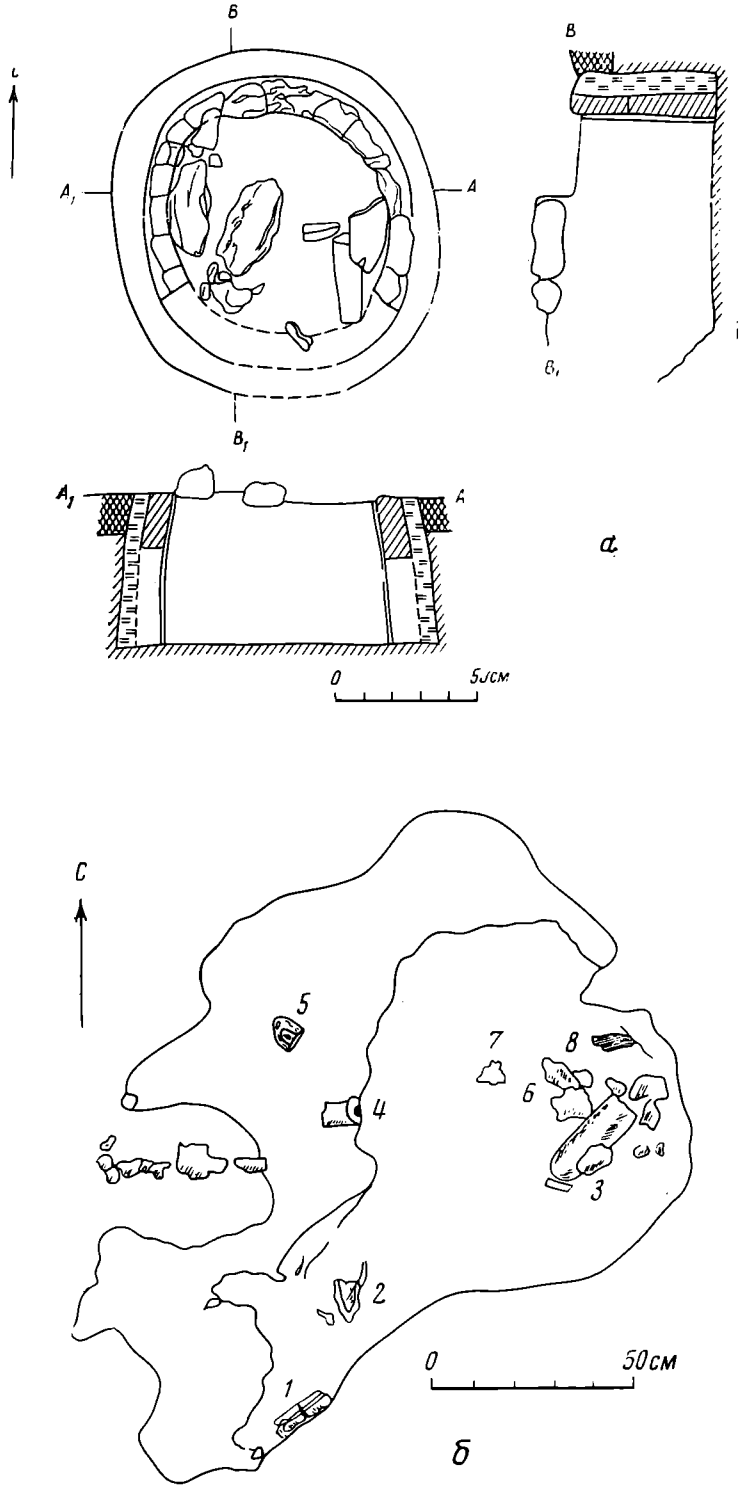


Рис. 3. *а* — план и разрезы металлургического горна; *б* — план мусорной ямы. *1—6* — глиняные сопла; *7* — железный шлак; *8* — древесный уголь

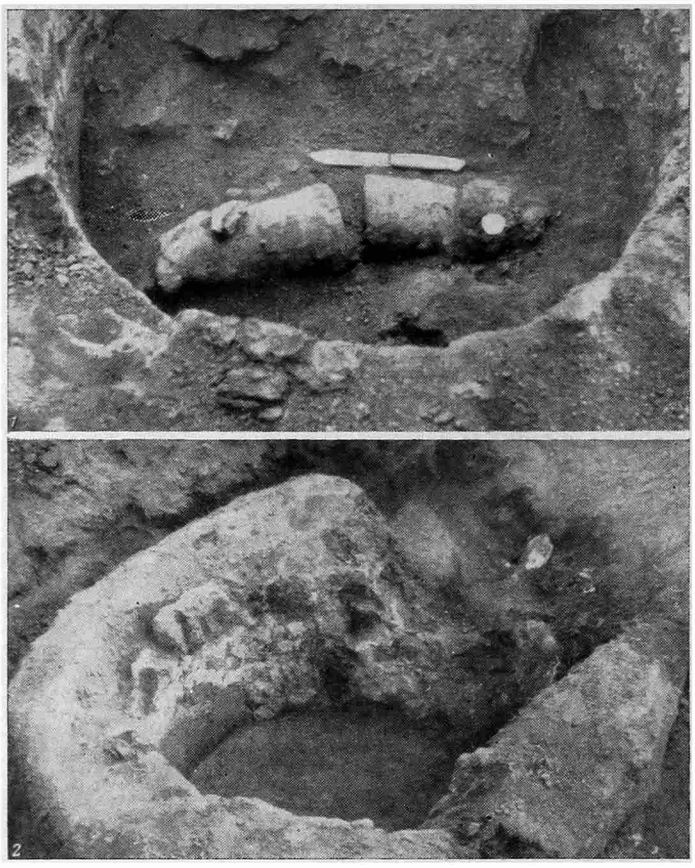


Рис. 4. *1* — горн в процессе расчистки с глиняными соплами в завале горна, вид с севера; *2* — общий вид горна после расчистки, вид с севера — северо-запада

Подобные типы печей хорошо известны на территории Польши [4], ГДР [5], Чехословакии [6] и Закарпатья [7].

На территории Украины остатки металлургических горнов черняховской культуры обнаружены в нескольких пунктах: в Иванковцах и Луке Врублевецкой на Среднем Днестре, на поселении у с. Лопатна Молдавской ССР, в Завадовке на р. Рось, но, к сожалению, все эти материалы до сих пор не опубликованы, за исключением горна, обнаруженного при раскопках М. А. Тихановой на черняховском поселении у с. Лука Врублевецкая Каменец-Подольского района Хмельницкой области [8].

Эти печи особенно хорошо изучены в Польше, где К. Беленин с 1955 г. в районе Свентокшиских гор исследовал более 5 тыс. остатков подобных

---

[4] *К. Беленин.* Древняя металлургия железа в Центральной Польше. СА, 1959, 1, стр. 173—180; *K. Bielenin.* Starozytne górnictwo i hutnictwo żeleza w górach swiętokrzyskich. Warszawa, 1974.

[5] *S. Dušek.* Eisenschmelzöfen einer germanischen Siedlung bei Gera-Tinz. Alt-Thüringen, Bd 9. Weimar, 1967.

[6] *R. Pleiner.* Die Eisenverhüttung in der «Germania Magna» zur römischen Kaiserzeit. BRGK, Bd 45, 1964, Berlin, 1965.

[7] *В. І. Бідзіля.* Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971.

[8] *М. А. Тиханова.* К вопросу о развитии черной металлургии в черняховской культуре. КСИА АН СССР, 140, 1974, стр. 11 сл. См. также: *М. Ю. Брайчевський.* Біля джерел слов'янської державности. Київ, 1964, стр. 97—110; *В. І. Бідзіля.* Чорна металургія стародавніх східних слов'ян. «Слов'яно-руські старожитності». Київ, 1969, стр. 52, 53.

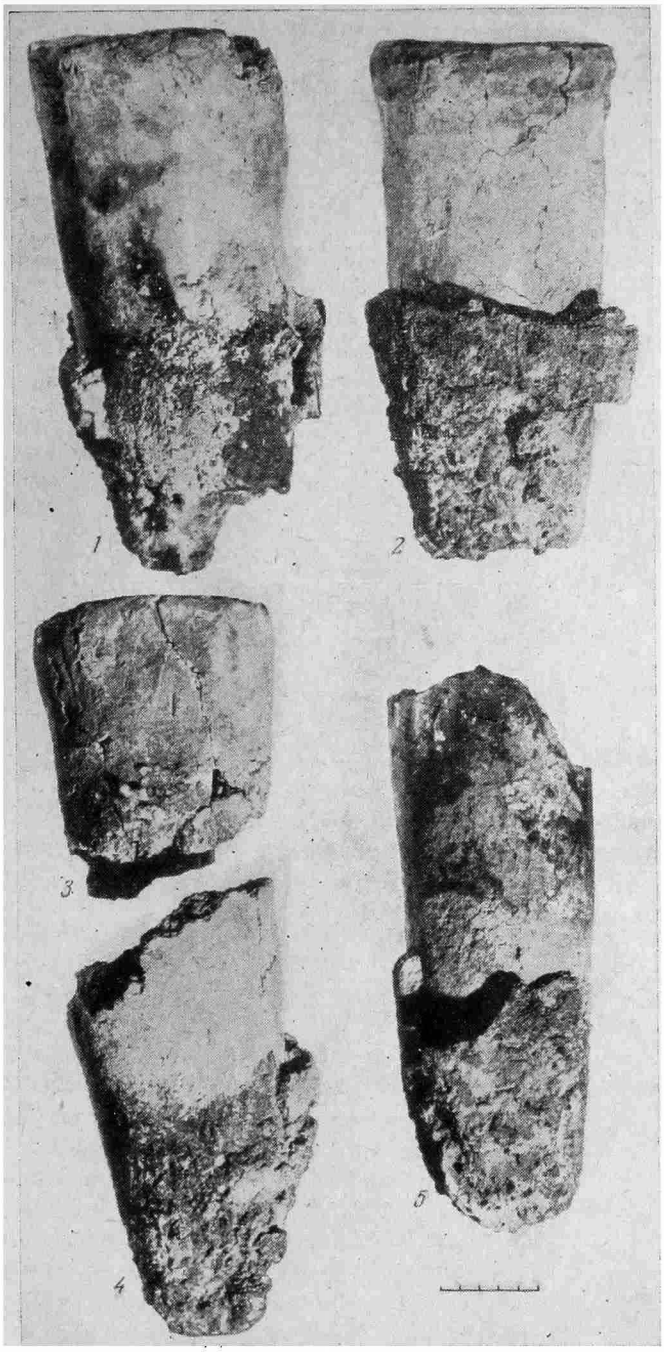


Рис. 5. Глиняные сопла из завала горна (*1*, *2*), из ямы (*3*, *4*) и из разрушенного горна (*5*), обнаруженного Ю. Лещинским на краю обрыва

печей, хронологически связанных с поселениями пшеворской культуры III—IV вв н. э.

На нашем раскопе на берегу р. Синицы мы вскрыли нижнюю часть подобного горна, заглубленную в грунт.

В районе Свентокшиских гор выделено четыре вида подобных металлургических горнов. Учитывая ряд наблюдений над шлаковой «вагранкой», вскрытой нами (а именно разрушенность стенок южной части шахты и перекоп грунта, прилегающего к этому месту), мы можем считать, что наш горн относится к виду BI, имеющему подземный канал для поддува в шлакосборник. Реконструкция нашего горна дана на рис. 7.

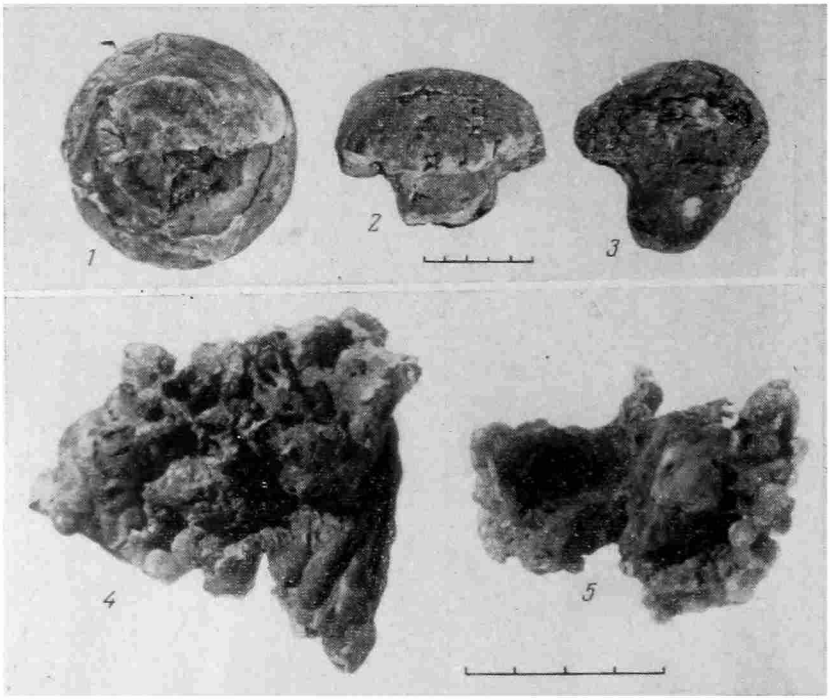


Рис. 6. *1—3* — глиняные пробки; *4*, *5* — железный шлак из ямы

В раскопе был обнаружен только один обломок стенки лепного сосуда. Отсутствие керамики и других предметов затрудняет точную датировку памятника, но по конструкции горна и типу, к которому он относится,

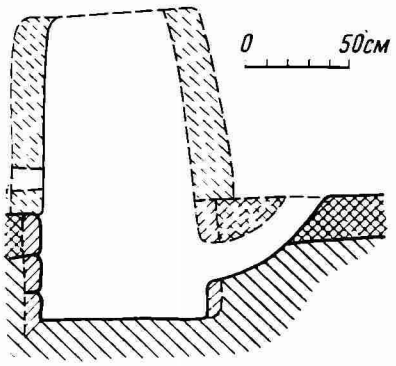


Рис. 7. Реконструкция горна

а также по характеру шлаков горн можно связать с соседним черняховским поселением на левом берегу р. Синицы. Открытие нового центра металлургического производства в бассейне Южного Буга представляет, в частности, значительный интерес для изучения древней металлургии на Украине.

А. С. СКРИПКИН

ДВЕ БРОНЗОВЫЕ ПРЯЖКИ ИЗ СУСЛОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

В сусловских курганах 58 и 69, раскопанных П. С. Рыковым соответственно в 1924 [1] и 1926 [2] гг., были обнаружены две бронзовые пряжки, которые представляют интерес для уточнения хронологии отдельных типов сарматских погребений Нижнего Поволжья.

Обе пряжки имели кольца с В-образным прогибом и овальные обоймы. Кольцо пряжки из кург. 58 украшено сеточкой из прочерченных линий и фасетками с одной и другой стороны. Язычок имел сильный прогиб, у его основания находился приподнятый щиток, также орнаментированный сеточкой. Там, где язычок ложится на кольцо, сделан вырез (рис. 1,*1*) [3]. Кольцо пряжки из кург. 69 также было фасетировано. Язычок прогнут, но слабее, чем у первой пряжки, в основании его находился такой же щиток с аналогичным орнаментом (рис. 1,*2*) [4].

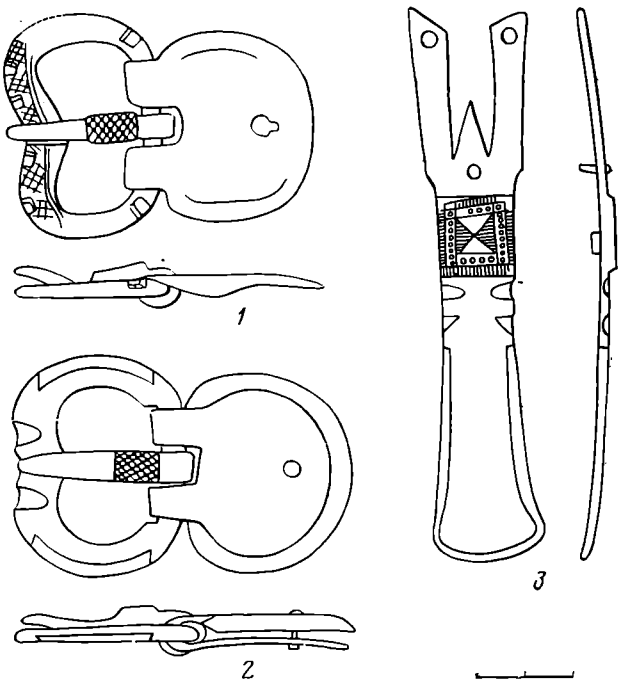


Рис. 1. Бронзовые пряжки и наконечник ремня: *1* — кург. 58; *2*, *3* — кург. 69

В Восточной Европе пряжки с В-образным прогибом кольца различных вариантов более или менее значительное распространение получают, судя по всему, с V в н. э. и в последующее время [5]. Погребения из Сусловского курганного могильника, в которых были найдены две упомянутые пряжки, по обряду и сопровождающим вещам не выходят за рамки позднесарматской культуры, верхней датой которой является вторая половина IV в., точнее, время около 370 г — традиционная дата разгрома алан гуннами.

Погребение в кург. 58 было сооружено в широкой прямоугольной яме со сторонами 2,57 × 2,16 *м* и глубиной 0,95 *м*, стены которой были укреплены досками и столбами. Скелет человека лежал в ней на древесной подстилке, ориентированный головой на ССВ. Череп погребенного имел признаки искусственной деформации. На дне ямы и на скелете обнаружены угольки. В яму были положены кости ноги барана. Из вещей, кроме пряжки, в погребении найдены: железный меч длиной 0,82 *м* без перекрестья и металлического навершия, рядом и ним стеклянная бусина и глиняный лепной горшок.

---

[1] *П. Рыков.* Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, стр. 48—49.

[2] *П. С. Рыков.* Отчет о раскопках в Нижнем Поволжье и Уральской губ. в 1926 и 1927 гг. Архив ЛОИА, ф. 2, 187/1927, л. 71, 72.

[3] Саратовский краеведческий музей, инв. № 666.

[4] Там же, инв. № 688.

[5] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 2, 3; *В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье. ВАУ, 12, 1973, стр. 86.

Под насыпью кург. 69 находилась подбойная яма. Погребенный с искусственно деформированным черепом лежал в подбое на растительной подстилке головой на север. У устья подбоя были положены кости ног овцы. Из вещей здесь еще найдены бронзовый наконечник ремня (рис. 1,*3*), железный нож с костяной ручкой и навершием в виде пуговки, железный меч того же типа, что и в кург. 58, овальная железная пряжка и глиняный кувшин.

Мечи без перекрестья и металлического навершия, железный нож с костяной ручкой, глиняная посуда — вещи, типичные для материальной культуры позднесарматского этапа, однако установить по ним более узкую дату этих погребений невозможно. Такое уточнение позволяют сделать бронзовые пряжки. Наиболее ранние образцы пряжек с В-образным прогибом кольца известны в Подунавье. На территории современной Венгрии они встречаются в погребениях IV в. н. э.[6] В могильнике Шагвар такие пряжки обнаружены с большим числом монет 346—375 гг.[7] Многие из них являются близкими аналогиями пряжкам из Сусловского могильника.

Косвенным подтверждением этой даты может служить погребение из кург. 57 этого же могильника, которое по обряду ничем не отличается от погребения в кург. 58 [8]. Оба кургана, под которыми находилось по одному погребению, расположены рядом. В погребении кург. 57 были найдены две фибулы, относящиеся к позднейшему типу фибул с завитком на конце пластинчатого приемника, бытовавших в Нижнем Поволжье [9]. А. К. Амброз датирует такие фибулы концом III — началом IV в.[10] Не исключено, что большинство из них датируется преимущественно IV в.

Таким образом, погребения в сусловских курганах 58 и 69 могут быть датированы самым концом позднесарматской культуры, но не позднее третьей четверти IV в., так как после этого времени в Нижнем Поволжье распространяются памятники иного рода, в большинстве своем не связанные с сарматской культурой[11].

Доказательством этого является, например, и подквадратная форма могильной ямы из кург. 58. В Нижнем Поволжье неизвестно ни одного случая нахождения погребения в могильной яме такой формы, которая датировалась бы послесарматским временем [12]. Ямы такой конструкции очень часто встречаются здесь в сарматскую эпоху. В период с I в. до н. э. и в первые века нашей эры ямы подквадратной или квадратной формы обычно связаны с диагональным положением костяка [13]. В описании кург. 58 П. С. Рыков не указывает особенностей положения погребенного. Можно установить, что погребенный лежал там вдоль стенок, потому что, во-первых, погребение из этого кургана не включено П. С. Рыковым в группу погребений, где покойники лежат «наискосок могильного склепа», и, во-вторых, оно объединено в одну группу с погребением из кург.

---

[6] *V. Lanyi.* Die spätantiken Gräberfelder von Pannonien. AAH., t. XXIV, fas. 1—3, 1972, S. 53—213.

[7] *A. Sz. Burger.* The Late Roman Cemetery at Sagvar. AAH, t. XVIII, fas. 1—4, 1966, p. 99—234.

[8] *П. Рыков.* Сусловский курганный могильник, стр. 48.

[9] Там же, стр. 48, рис. 16.

[10] *А. К. Амброз.* Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д 1—30, М., 1966, стр. 46.

[11] *И. П. Засецкая.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. СА, 1968, 2, стр. 52—62; *ее же.* Гунны в южнорусских степях конца IV—первой половины V в. н. э. (по археологическим данным). Автореф. канд. дис. Л., 1971.

[12] *И. П. Засецкая.* Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья. АСб. ГЭ, 13, 1971, стр. 61—72.

[13] *Е. К. Максимов.* Сарматские диагональные погребения Восточной Европы. АСб. СГУ, 1966, стр. 98—115; *И. П. Засецкая.* «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности. АСб. ГЭ, 16, 1974, стр. 105—121.

57, в котором из описания ориентировок стен ямы и костяка следует, что погребенный лежит в нем вдоль стенок ямы. Следовательно, нет оснований считать, что в связи с прекращением обычая класть погребенного по диагонали в III в. н. э. исчезает и необходимость в квадратных или подквадратных ямах [14]. Как видно, ямы такой формы доживают до самого конца позднесарматской культуры, только связаны они теперь с иным положением погребенных.

Сусловские бронзовые пряжки с В-образным прогибом кольца являются, вероятно, одними из самых ранних в крайних районах Восточной Европы; появление их здесь можно рассматривать как результат западных связей сарматов.

IV — началом V в. датировал К. Ф. Смирнов В-образную пряжку, обнаруженную около с. Иловатки во впускном погр. 2 из кург. 3 [15]. Эта дата была принята и некоторыми другими исследователями [16]. Но при более тщательном рассмотрении оказалось, что погр. 2 из указанного иловатского кургана, откуда происходит В-образная пряжка, более позднее [17]. Н. А. Мажитов полагал, что в ранних погребениях бахмутинской культуры, которые он датировал II—IV вв., в единичных экземплярах встречаются пряжки с В-образными кольцами [18]. Однако навряд ли можно согласиться с такой датировкой этих пряжек. Так, в Бирском могильнике, одном из самых значительных памятников бахмутинской культуры, пряжки с В-образным прогибом кольца появляются в V в.[19]

В харинских могильниках такие пряжки появляются также в V в.[20] Авторы отмечают, что они близки более ранним пряжкам Подунавья. Не исключено, что одним из посредников между этими районами были сарматы Нижнего Поволжья, учитывая, что именно в то время наблюдались интенсивные связи Северного Причерноморья и Поволжья с районами Прикамья и Южного Приуралья [21].

---

[14] *И. П. Засецкая.* «Диагональные» погребения..., стр. 110.

[15] *К. Ф. Смирнов.* Курганы у сел Иловатки и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 220, рис. 7.

[16] *М. М. Трапш.* Культура Цебельдинских некрополей. Т. 3. Тбилиси, 1971, стр. 168.

[17] *И. П. Засецкая.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов»..., стр. 59, 60.

[18] *Н. А. Мажитов.* Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 14.

[19] *В. Ф. Генинг.* Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблемы этноса и его происхождения). ПАДИУ, М., 1972, стр. 224—242.

[20] *В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина.* Ук. соч., стр. 83.

[21] *В. Б. Ковалевская.* Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов). ПАДИУ, стр. 105, 106.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

БИКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ТРУВОРОВА ГОРОДИЩА

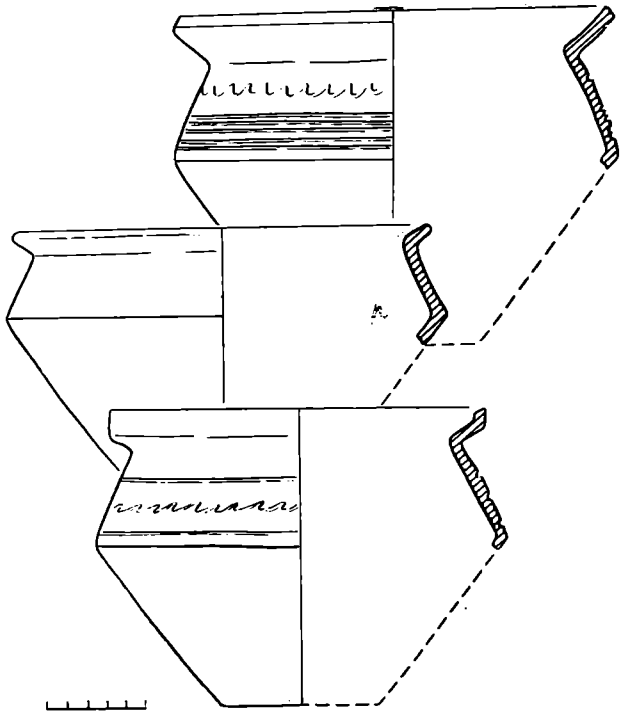
Среди керамических коллекций из раскопок на Труворовом городище Старого Изборска (Печерский район Псковской обл.) особый интерес представляет группа круговых горшков с характерным ребром на тулове (рис. 1). За три сезона работ на городище учтено семь обломков от реберчатых сосудов. Все учтенные обломки надежно датированы XII—XIII вв.[1]

Рассматриваемая группа посуды никогда не фигурировала в литературе для памятников Верхней Руси. По способу формовки, замесу теста, обжигу, основным пропорциям, профилю венчика, орнаментальным мотивам биконические сосуды не выделяются среди общей массы керамики

---

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить В. В. Седова, предоставившего мне материалы для изучения и публикации.

слоя. Единственным определяющим признаком остается ребро. Однако относить его появление только за счет случайности формовки, по-видимому, неправильно. Фрагменты аналогичных сосудов найдены в слоях того же времени в Пскове [2], Новгороде [3], Старой Ладоге, на городищах Камно и Савкина Горка Псковской обл.[4] и в Городце под Лугой [5].



Биконические сосуды Труворова городища. XII—XIII вв.

Во всех отмеченных случаях это редкие и фрагментарные находки, что позволяет надеяться на дальнейшее расширение круга памятников, фиксирующих для XII—XIII вв. биконическую форму.

В южных и юго-западных землях древнерусского государства горшки с ребром на тулове для этого периода мне неизвестны. Сосуды, аналогичные рассмотренным, характерны для древностей X—XII вв. северной Польши [6], немецкого Поморья [7] и побережной Швеции [8]. По мнению исследователей, появление здесь биконической формы в эпоху развитого средневековья генетически связано со славянской круговой и предкруговой керамикой VIII—IX вв.[9]

[2] Коллекция в фондах ОИРК ГЭ и ПИХАМЗ.

[3] Благодарю Г. П. Смирнову за сообщенные сведения.

[4] Коллекция в фондах ОИПК ГЭ (Старая Ладога) Гос. музея истории Ленинграда (Камно), и Гос. заповедника им. А. С. Пушкина (Савкина Горка).

[5] Благодарю Г. С. Лебедева за сообщенные сведения.

[6] *F. Bialecka.* Ceramika ze stanowiska wykopaliskowego 4 w Woline. MZ, t. VII, Szczecin, 1961.

[7] *E. Schuldt.* Die slawische Keramik in Mecklenburg. Schriften der Sektion Vor-und Frühgeschichte der Deutschen Academie der Wissenschaft, Bd. 5, Berlin, 1956.

[8] *R. Blomqvist.* Wczesnosredniowieczne naczynia z Czarnei gliny w Lund. Swiatowit, t. XXI. Warszawa, 1955.

[9] *W. Hensel.* Z badan nad polską ceramiką wczesnosredniowieczna. SA, t. II, Wrocław, 1956; *J. Kostrzewski.* Ceramika slowianską miedzy Laba a Odra w zaraniu dziejow. PA, t. VII, 1. Poznan, 1946; *Z. Vaňa.* Die Keramik der slawischen Stämme in Ostdeutschland Vznik a počatky slowiany, III, Praha, 1960; *J. Herrmann.* Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaftsverhältnisse der Slawischen Stämme zwischen Elbe und Oder. Schriften der Sektion Vor-und Frühgeschichte der Deutschen Akademie der Wissenschaft, Bd 23. Berlin, 1968.

И для отмеченных аналогий, и для сосудов Труворова городища устойчивостью обладает только основной признак — наличие ребра на тулове. Выделенную группу сосудов следует расценить как составную часть цельного набора посуды древнерусского северо-запада и предположить на каком-то этапе возможность прямых контактов населения Верхней Руси с жителями Балтийского Поморья [10]. Поиски истоков интересующей нас формы в этом направлении перспективнее потому, что для времени X—XI вв. на ряде памятников северо-западной Руси (Псков, Изборск, Новгород, Ладога, Великие Луки) отложения, насыщенные западнославянскими керамическими формами, представлены мощным слоем [11]. Среди этой керамики известны и биконические горшки [12].

---

[10] *В. Б. Вилинбахов.* Балтийские славяне и Русь. «Slavia Occidentalis», t. XXII, 1962; *его же.* Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре. «Slavia Occidentalis», 1965, t. XXV; *его же.* Об одном аспекте историографии варяжской проблемы. Скандинавский сборник, т. VII, Таллин, 1963.

[11] *Г. П. Смирнова.* О трех группах новгородской керамики X-начала XI в. КСИА АН СССР, 139, 1974; *В. Д. Белецкий.* Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа. СГЭ, 29, 1968.

[12] Раскопками 1974 — 1975 гг. слой с западнославянской керамикой X — XI вв. выявлен и на Труворовом городище. В слое имеются обломки биконических сосудов.

Критика и библиография

А. П. Окладников. Центральноазиатский очаг первобытного искусства. (Пещерные росписи Хойт-Цэнкер Агуй (Сэнгри-Агуй), Западная Монголия). «Наука». Сибирское отделение. Новосибирск, 1972

16 июня 1966 г. Советско-Монгольская археологическая экспедиция под руководством А. П. Окладникова посетила пещеру Хойт-Цэнкер Агуй (или Сэнгри-Агуй) в районе Манхан-сомона, чтобы обследовать находящиеся в пещере рисунки. Они были обнаружены в 1952 г. монгольским ученым Намнан-Доржем; его схематические зарисовки были выставлены в Кобдосском историческом музее. Позднее эти зарисовки скопировал в музее чешский путешественник П. Поуха и опубликовал их в своей научно-популярной книге [1].

Предварительное сообщение об изучении рисунков Хойт-Цэнкер Агуй было опубликовано А. П. Окладниковым в 1967 г.[2] Рецензируемая книга содержит воспроизведение всех рисунков пещеры в черно-белых и цветных копиях, их описание, датировку и интерпретацию. Выводы автора сенсационны: рисунки относятся к верхнему палеолиту.

Вход в пещеру в виде широкой дугообразной арки высотой до 10 *м* обращен на северо-восток и находится на высоте 60—80 *м* над р. Хойт-Цэнкер, намного превышая уровень третьей надпойменной террасы речной долины, что допускает большую древность пещеры. Ее внутренняя полость имеет размеры примерно 30 × 50 *м*, пол у входа и в глубине завален огромными каменными глыбами, сравнительно недавно упавшими сверху; высота пещеры не менее 20 *м*.

В середине пещеры — следы относительно свежих обвалов; западная часть ее круто уходит вниз. Восточная часть пещеры почти не пострадала от свежих обвалов. В ней имеется несколько нишеобразных углублений, частью соединяющихся друг с другом, частью отделяющихся выступами стен. Стены и потолки ниш имеют гладкую, древнюю поверхность. Именно здесь находится основная часть рисунков. Здесь, в восточной части пещеры, темно, сюда лишь ненадолго попадает слабый, отраженный свет вечернего солнца; в древности, до обрушения входной арки и свода, здесь было еще темнее.

Высота ниш с изображениями не превышает 2,5 *м*, а глубина 1,5—2 *м*. Часть их настолько низка, что рассматривать и копировать рисунки приходится на корточках или даже лежа на спине. Изучение и копирование рисунков производилось при свете свечей и электрических лампочек. Отдельные рисунки копировались на кальке. Кроме того, сделаны схематические зарисовки отдельных групп изображений, менее точные, но иллюстрирующие взаимное расположение всех рисунков каждой группы.

Всего зафиксировано 14 групп рисунков, причем одна из них у входа в пещеру.

Массив горы Гантик, в которой находится грот Хойт-Цэнкер, сложен гипсом и серой сланцевой породой (стр. 15). Она расположена «как раз там, где ломают гипс» (стр. 15). Стены и своды ниш с росписями имеют светло-серый, беловатый или даже чисто белый цвет (стр. 18). Как известно, гипсовые пещеры вообще непрочны, они относительно быстро образуются и быстро рушатся. Нахождение пещеры Хойт-Цэнкер в толще гипса — факт, говорящий не в пользу палеолитического возраста поверхности ее стен и потолков, а скорее противоречащий такой датировке. Нужны были какие-то особые условия, в силу которых могли сохраниться эти поверхности и весь грот в целом со времени палеолита.

Впрочем, по свидетельству В. В. Волкова, бывавшего в пещере, слово «гантик» переводится с монгольского не как «гипс», а как «мрамор»; стены же пещеры сложены сланцами, розоватым известняком и низкосортным мрамором.

Второй момент: в наиболее глубокой части пещеры, «там, где расположены древние изображения, стенки ниш и туннелеобразных полостей сглажены и покрыты

---

[1] *Pavel Poucha.* Trinacet tisic kilometru Mongolskem. Praha, 1957.

[2] *А. П. Окладников.* Центральноазиатский очаг первобытного искусства (к итогам Советско-Монгольской археологической экспедиции 1966 г.). Вестн. АН СССР, 1967, 1, стр. 96—104. Кроме того, несколько рисунков из пещеры опубликованы в книге А. П. Окладникова (см. *А. П. Окладников.* Утро искусства. Л., 1967, табл. VIII, и рис. на стр. 122—125).

белым налетом-корочкой» (стр. 15). Следует понимать, что рисунки нанесены на поверхность этой корочки, но она нигде их не покрывает, что могло бы служить доводом в пользу древности рисунков. Следовательно, образование указанной корочки предшествовало нанесению рисунков; оно могло прекратиться в связи с превращением пещеры из сырой в сухую, какой она остается по сей день. Корочка, как бы бронирующая поверхность гипса, может служить доводом в пользу относительной древности этой поверхности. Но ее абсолютный возраст с помощью естественных методов не определяется; если рисунки действительно относятся к верхнему палеолиту, то образование корочки произошло не позже начала позднего плейстоцена, а может быть еще раньше. Жаль, что вопрос об этих корочках и о каких-либо новообразованиях, перекрывающих рисунки, не освещен автором подробнее, ибо он имеет существенное значение для датировки рисунков.

Рисунками покрыты потолки ниш и отчасти стены. Интересно, что «цвет изображений варьирует от нежного светло-розового до темно-красного, даже коричневого оттенка. При этом рисунки явственно делятся по цвету на две основные группы» (стр. 18). Однако в дальнейшем изложении отсутствует попытка сравнительного анализа двух указанных «основных групп» рисунков по их содержанию и, может быть, по технике нанесения. Это ощущается как пробел, в особенности в свете предположения автора, что рисунки сделаны хотя и в какую-то одну эпоху, но, возможно, «на протяжении каких-то двух этапов, исторически связанных друг с другом, продолжающих единую культурно-художественную традицию» (стр. 18). В итоговой части работы этот вопрос также оставлен без специального рассмотрения.

Остались недостаточно исследованными и палимпсесты, наложения одних рисунков на другие (стр. 19 и др.). Для подразделения рисунков на хронологические группы это необходимо сделать.

Все рисунки нанесены на каменную фактуру в виде неширокнх красных полос-линий при помощи кисти или пальца.

Они делятся на две группы: реалистические рисунки и схематические знаки. Те и другие во многих группах сделаны совместно. Нередко рисунки налегают друг на друга. Реалистические рисунки исключительно контурные, силуэта нет ни одного. Нередко фигура животного имеет неполный контур, или изображается только передняя часть фигуры, как в палеолитических рисунках Европы, но это в большинстве случаев не мешает распознаванию зверя. Композиции отсутствуют, все фигуры изолированы.

А. П. Окладников, который хорошо знает наскальные изображения Евразии, приходит к заключению, что рисунки пещеры Хойт-Цэнкер представляют собой для Монголии и Восточной Азии в целом по ряду признаков совершенно оригинальный, ни на что не похожий комплекс.

Содержание реалистических рисунков пещеры Хойт-Цэнкер исключительно анималистическое, изображения человека отсутствуют. Перечень нарисованных животных также отличает эту пещеру от всех других наскальных рисунков Монголии: это дикие круторогие быки, бараны-аргали, антилопы, лошади или джигетаи, верблюд, большие птицы, больше всего похожие на страусов (или дроф?), может быть змеи, и наконец, слоны. Содержание живописи также отличает пещеру от всех прочих памятников.

Обратим внимание на рисунки тех животных, присутствие которых должно играть решающую роль для датировки. Это прежде всего слоны и страусы.

Присутствие рисунков этих животных, так же как присущий всему комплексу анимализм, лаконичность, контурность, транспаренция (наложение рисунков), «скрученная перспектива», позволяет А. П. Окладникову отнести рисунки пещеры к палеолиту, предпочтительно к ранней, 'ориньякской, перигордьенской фазе его развития (стр. 37, 42).

Столь детальное сопоставление монгольских рисунков с французскими не выглядит достаточно убедительным по причине огромного разделяющего их расстояния; в Восточной Азии вероятна своя периодизация развития древнейшей наскальной живописи, не совпадающая с европейской. Перед нами стоит основной вопрос: является ли живопись Хойт-Цэнкера палеолитической?

Фигура слоненка не очень выразительна, хотя вряд ли дает возможность сомневаться в ее указанном определении; животное нарисовано в профиль, обращено головой налево и имеет хобот (рис. 20). Но второй рисунок (рис. 21) читается как изображение слона с большей уверенностью: виден преувеличенный хобот. Собственно, по экстерьеру это скорее носорог с опущенной головой, характерные фигуры которого так знакомы по пещерам и искусству малых форм Франции и Урала, но рисунок из Хойт-Цэнкера имеет спереди две прямых линии, рассматриваемые автором как условное изображение бивней, а третья, изогнутая линия еще больше похожа на бивень мамонта. Если это даже не слон, а носорог, для датировки это значения не имеет. Других определений этому рисунку дать нельзя.

А. П. Окладников допускает, что на рисунке изображен не Elephas primigenius, а Elephas nomadicus. Такое предположение мало вероятно, так как ископаемый слон номадикус в основном древнее мамонта. Находки костей мамонта на территории Монголии известны.

Нельзя не обратить внимание на профиль спины обоих слонов из Хойт-Цэнкера: он не соответствует характерному профилю мамонта с шишковатой головой, впалой шеей, горбатой спиной и вислым задом. Но здесь можно напомнить, что и в Европе далеко не все рисунки мамонтов выглядят так, как классические мамонты из Комбарелль или из Шульган-Таша; многие рисунки далеко отклоняются от классических образцов. Укажу хотя бы на совершенно необычную гравированную фигуру мамонта из Пэр-нон-Пэр [3], известный рисунок слона из Кастильо [4], уродливые фигуры мамонтов из Ла Бом-Латрон [5] с низко опущенным, как в Хойт-Цэнкере, хоботом.

Возможно и другое объяснение несоответствия профиля спины и крупа на монгольских рисунках характерному профилю мамонта. Можно допустить, что первобытный художник, рисовавший в пещере Хойт-Цэнкер, сам не видал живого мамонта и рисовал его по принятой, но уже неточной традиции. В таком случае вероятен финальноплейстоценовый или раннеголоценовый возраст рисунков, как я допускаю это для изображения мамонта с Каменной Могилы в Приазовье [6].

Второе давно вымершее животное среди рисунков Хойт-Цэнкера — это страус. Правда, несколько обобщенный характер рисунков этой крупной птицы допускает, что на них представлен не страус, а дрофа, но первое определение предпочтительнее.

Как известно, страусы (в виде скорлупы их яиц) хорошо представлены еще в третичных слоях и в палеолитических памятниках Забайкалья (по А. Я. Тугаринову, Л. Н. Иваньеву, Г. П. Сосновскому).

Все остальные рисунки животных не противоречат палеолитическому возрасту всего комплекса, а изображения верблюда, горных баранов-аргали и особой антилопы создают специфический, азиатский облик животного мира на рисунках из Хойт-Цэнкера по сравнению с рисунками западноевропейских пещер.

Схематические знаки Хойт-Цэнкера, как и в Европе, в изобилии сопровождающие реалистические рисунки, частью совпадают с европейскими, частью отличаются от них и имеют специфически местный характер. Для датировки всего комплекса они не имеют решающего значения. Всего автор насчитывает среди схематических, условных изображений 11 отдельных элементов.

Подводя итог рассмотрению всех изображений пещеры, автор формулирует вывод о том, что искусство древних мастеров пещеры Хойт-Цэнкер «по всем характерным чертам и идейной сущности обнаруживает ближайшее родство с творчеством палеолитических художников Европы...» (стр. 46). В то же время живопись пещеры принадлежит к своеобразному, самобытному, пока единственному в своем роде художественному стилю.

Характер и содержание рисунков пещеры позволяет присоединиться к этому выводу, не согласившись только с уверенным уточнением ориньякско-перигордийской даты памятника, предположительное время которого может быть расширено до раннего мезолита включительно. Замечательное открытие А. П. Окладникова неизмеримо расширяет ареал палеолитической живописи от Урала на восток и делает еще более реальным существование палеолитического субстрата для мезолитической красочной живописи Зараут-Камара в Узбекистане.

Как сообщает автор рецензируемой книги, «разведочными работами 1966 г. в районе пещеры Хойт-Цэнкер и в соседних, на западе Монгольской Народной Республики, нами обнаружена обширная провинция своеобразных поселений — мастерских палеолитического и мезолитического времени» (стр. 47). Более того, Западную Монголию по массовости находок можно, как он полагает, считать классической страной «галечной культуры» с леваллуазскими чертами. В непосредственной близости от пещеры и даже у самого ее подножия собрана выразительная коллекция обработанного кремня, частью публикуемая в книге (табл. 20). Однако этого, конечно, недостаточно, чтобы эту коллекцию каменных изделий связывать с рисунками в пещере, чего автор и не делает. Для того чтобы объединить их, может быть, в единый культурный комплекс с известной долей уверенности, нужно найти подобный кремень в раскопках внутри пещеры у рисунков.

Автор книги, проявляя присущую ему оперативность, осуществил быструю публикацию интереснейших памятников первобытной культуры с почти неизученной территории. Именно быстротой подготовки издания можно извинить некоторые недочеты книги. К ним относится отдельная нумерация рисунков в тексте и таблиц, хотя многие рисунки ни размерами, ни содержанием не отличаются друг от друга. Это затрудняет пользование рисунками. Цветные рисунки вообще не нумерованы и не всегда точно совпадают с черно-белыми. Цветной рисунок на левом развороте стр. 19 трактован как бык, он же на стр. 21 определяется как горный баран, а на рис. 27 — как «незаконченная фигура животного с рогами».

Рецензируемая книга является, по существу, предварительной публикацией материалов пещеры Хойт-Цэнкер, результатом ее первого обследования. Следует пожелать, чтобы автор продолжил ее изучение. Оно должно ответить и на поставленные

---

[3] *Paolo Graziosi.* Die Kunst der Altsteinzeit. Firenz, 1956, Taf. 118, *c*.

[4] Ibid., Taf. 214.

[5] Ibid., Taf. 281, *b*, *c*.

[6] *О. Н. Бадер.* Об изображении мамонта с Каменной Могилы. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973.

здесь вопросы: определение путем раскопок древнего пола пещеры, современного рисункам, поиски лежащих на его уровне предметов; разъяснение противоречия между длительностью сохранения гипсовых поверхностей и палеолитическим возрастом рисунков; происхождение и время образования белых налетов-корочек на стенах и потолке пещеры; использование разного тона краски и палимпсестов, транспаренции для внутренней хронологии рисунков и др.

О. Н. Бадер

A. Leroi-Gourhan, M. Brézillon. L'habitation magdalénienne № 1 de Pincevent près Montereau (Seine-et-Marne). Paris, 1966*.

A. Leroi-Gourhan, M. Brézillon. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien. Paris, 1972.

Некоторые зарубежные авторы вслед за советскими исследователями палеолита, начавшими в 20-х и 30-х годах изучение жилищ и поселений как важных факторов для реконструкции первобытных общественных форм, произвели в послевоенные годы раскопки палеолитических жилищ и усовершенствовали методику этих раскопок. К их числу относится и А. Леруа-Гуран, автор рецензируемой работы.

Стоянка Пенсеван I — один из палеолитических памятников, исследованных им в последнее время.

Карьер, в котором обнаружена стоянка, находится в аллювиальной долине р. Сены близ Монтеро, немного ниже Парижа. Он разрабатывался продолжительное время, причем погибло для науки около 12 *га* территории памятника. В 1957 г. стали известны сделанные в нем первые археологические находки голоценового времени. В 1963 г. в глине над гравием впервые были обнаружены мадленские очаги, о чем сообщили А. Леруа-Гурану. Весной 1964 г. найдены очаги, окруженные многочисленным кремневым инвентарем. После вмешательства Министерства культуры разработка карьера тогда же была приостановлена. Французская служба раскопок, Общество доистории Франции и Французская ассоциация по изучению четвертичного периода дали заключение о важном научном значении памятника, после чего Министерство культуры приобрело весь участок карьера.

Раскопки первого жилища длились пять месяцев. Над ним была сооружена предохранительная постройка, а также сделан общий муляж всей расчищенной площади, после чего раскопки продолжались.

Были также исследованы образцы малакофауны (см. приложение II), микропалеонтология кремня (приложение III), произведены радиокарбоновые анализы (приложение IV), физические и химические анализы четырех верхних слоев стратиграфической колонки (приложение V).

Результаты пяти радиокарбоновых анализов, произведенных в Радиокарбоновой лаборатории Комиссариата атомной энергии и Национального центра научных исследований Франции, дают датировку от 12 300 ± 400 до 9790 ± 350 лет, или от 10350 до 7800 лет до н. э. Гронингенская лаборатория предлагает дату 10 760 ± 60 лет или 8810 лет до н. э. Это определяет стоянку Пенсеван как финально-мадленскую.

Стратиграфия отложений хорошо прослеживается на стенках карьера. Приведена колонка высотой 4,5 *м*. Она подразделяется на пять горизонтов. Снизу вверх следуют:

V горизонт — на цоколе меловых отложений залегают галечник, гравий, аллювиальный песок мощностью около 2 *м*.

IV горизонт — иловатый, содержит четыре уровня мадленской индустрии.

III горизонт — песок, базисную часть которого, кажется, можно отнести к финальному мадлену, другой уровень — к эпипалеолиту.

II горизонт — песок более глинистый с неолитическими остатками дунайского типа Черни, халколита и древней бронзы, гальштадта, латена и галло-римскими.

I горизонт — почва с галло-римскими остатками в базисной части.

Раскопки и регистрация материала велись с большой тщательностью. Исследование культурного слоя производилось траншеями, составлявшими сплошную площадь, с банкеток, затем с подвесного пола. Было вскрыто 72 $м^2$. Фиксация обнаруженных остатков производилась на плане в масштабе 1 : 5, а также в виде сплошной фотограммы. Сохранение на месте этого первого мадленского жилища не предполагалось, поэтому был сделан мягкий резиновый муляж всего жилища с применением латекса.

---

* С приложениями: I. *Ives Guillien et Marie Perpere.* Maxillaires de rennes et saisons de chasse (Habitation 1 de Pincevent).— II. *J. J. Puissegur.* Analyse malacologique du site de Pincevent.— III. *Georges Deflandre.* Etude micropaleontologique des silex du site de Pincevent.— IV. *E. Gilot.* Mesures d'age par le carbone 14 d'échantillons provenant des foyers magdaleniens de Pincevent.— V. Analyse physique et chimique des horisons I, II, III et IV de Pincevent.

Отливка, сборка, окраска позитивов были сделаны на месте; в результате получена точная копия из гипса.

Классификация и описание каменного материала произведены очень детально и проиллюстрированы 24 полосными таблицами рисунков кремневого инвентаря, макрофотографиями рабочих краев орудий и рисунками к натуральную величину, показывающими употребление некоторых орудий. В итоге читатель получает очень ясное представление о кремневом инвентаре стоянки.

Обилие кремневого материала, по мнению авторов, характеризует интенсивную деятельность обитателей исследованного жилища.

Для количественных выражений при описании кремня применяется весовой критерий. Так, кремневые нуклеусовидные куски, нуклеусы, отходы и орудия, сделанные из местного черного кремня, все вместе весят 31,120 *кг*, из них орудия — 3,347 *кг*, т. е. 10,76% всей массы, и т. д. По категориям преобладают отщепы и ножевидные пластины — 12,817 *кг* и нуклеусы — 6,251 *кг*.

К этому количеству нужно добавить 285 *г* ножевидных пластин и орудий из совершенно иного, красного кремня, без нуклеусов и отщепов, что позволяет считать эти предметы не сделанными на месте, а принесенными со стороны в готовом виде. Происхождение красного камня пока не установлено.

При обработке материала удалось собрать и склеить из отщепов почти полностью 40 нуклеусов и желваков и тем самым воссоздать процесс и последовательность отделения кусков и отщепов от ядрища (рис. 13—17).

Далее приводится очень подробная, тщательная характеристика орудий труда: ретушь, морфология и функции, следы работы, микрофотографии, анализ скребков, скребел, беков, проколок, резцов и резцовых сколов, микропластинок (lamelles) с резцовыми сколами, ножевидных пластин.

На рисунках, сделанных в натуральную величину, основное тело орудий оставлено без штриховки, в виде контура и скелета сколов; штриховке подвергнута лишь ретушь, что фиксирует на ней внимание, но не дает исчерпывающего представления о технике изготовления всего предмета. Для большей ясности передачи деталей обработки рядом с контуром орудия дается ретушированный край со значительным увеличением, что представляется оправданным.

Описаны «биографии» отдельных орудий, дана реконструкция фаз изготовления различных орудий; традиционная кумулятивная таблица.

Очень интересен подробный анализ «этнологических элементов» раскопанного жилища. Отдельно рассмотрено распространение на площади кремня, кости, галек, охры, орудий и других категорий. Пятна красной охры и пепла помогли А. Леруа-Гурану реконструировать обстановку внутри жилища.

По мнению автора, в этом помещении некоторое время жила группа охотников-мадленцев, скорее всего семья. В жилище имелось три очага. Люди рассыпали охру по полу, разбили много костей оленя для добывания костного мозга, обработали много кремня, бросили много орудий, преимущественно вокруг очагов. Сюда были принесены большие куски кремня — заготовки каменного сырья. Два огромных камня около жилища служили сиденьями. Кучи кремня вокруг них — следы маленьких мастерских для выделки инструментов. Несколько небольших кучек кремня локализованы вне зоны интенсивного передвижения людей. Между 2-м и 3-м очагами особенно много костей оленя — видимо, здесь ели.

Но что за сооружение было здесь? Шалаш, хижина, навес? Детальный анализ расположения материала на каждом квадратном метре больше ставит вопросов, чем дает ответов. Все же некоторые детали позволяют приблизиться к реконструкции жилища. Наиболее важны здесь планы топографии различных категорий находок (рис. 50 сл.). На них четко определяются места трех очагов; дуги наибольшего скопления остатков определяют контуры жилища; внутренние пространства рисуются главным образом распространением охры и оленьих ребер и чередуются с пустыми пространствами; намечаются три выхода из жилища и зоны опорожнения (эвакуации). Все это представляет данные для реконструкции жилища, а группировка материала внутри него позволяет в общих чертах восстановить и деятельность людей в жилище.

В работе приводится несколько планов расположения различных предметов на площади жилища, установленной, как указывалось, по очагам и дугам скопления материала вокруг них.

Очаги представляют собой вырытые в почве небольшие ямки, заполненные сажей и кусками песчаника до 20 *см* в диаметре. Судя по одному из упомянутых планов, куски песчаника и известняка концентрировались вокруг очагов и в них, видимо, для замедления остывания очагов.

Рядом с центральным очагом лежал камень диаметром 45 *см*, рядом с 3-м очагом — камень диаметром 30 *см*. Камни служили сиденьями, притом сидели скорее всего спиной к огню. Иногда человек, сидя на камне, вынимал двумя руками нагретые камни и разбрасывал их по жилищу, а сидя спиной к огню и лицом к свету, он обрабатывал камень.

План расположения в жилище кремневых галек ничего примечательного не дает. Гораздо интереснее план распространения красной охры. Ее тонкая пленка подстилает всю площадь жилища в пределах дуг кремневых отбросов, исключая большую часть пустых от находок зон. Эта пленка охры первоначальна, она существовала

с первого момента заселения площадки: все культурные остатки лежат на ней. Под костями охра краснее, по остальной ходили, и она стала бледнее. На неокрашенных местах пола в момент посыпки охрой что-то лежало.

Использованный кремень концентрируется вокруг очагов, главным образом у 2-го и 3-го очагов. Дуги или «арки» кремневых отбросов ассоциируются с существовавшими стенками или перегородками. Именно с их помощью реконструируется жилище овальной формы.

Почти все найденные в жилище кости принадлежат северному оленю, исключая единичные кости мамонта и одну кость лошади. Распространение длинных костей, ребер, метакарпов и метатарсов, зубов, лопаток, позвонков и рогов позволяет выяснить очертания и внутренее устройство жилища.

Последнее состояло из трех ячеек, связанных с очагами, но эти ячейки не были тремя различными жилищами, а составляли единое целое. Изучение орудий труда подчеркивает эти выводы, а также говорит о существовавшем разделении труда.

Интересны наблюдения над залеганием красного кремня: местами он лежит на несколько миллиметров ниже черного, что подтверждает мысль, что люди принесли его, появившись в этих местах, и потом уже начали делать орудия из местного черного кремня.

Площадь жилища определяется приблизительно в 30 $м^2$. Все три его части были одновременны и взаимосвязаны.

Этнографические обобщения данных о жилище 1 гипотетичны. Все имеющиеся в Центральной и Восточной Европе аналогии и параллели — Долни Вестонице, Павлов, Пушкари, Костенки — слишком далеки территориально, они древнее Пенсевана и имеют другую конструкцию: в нее входят или кости мамонта, или рога северного оленя (Мальта), чего нет в Пенсеване.

Скопление культурных остатков на полу жилища 1 с линией из трех очагов в центре было скорее всего покрыто тремя] чумообразными шалашами на каркасе из жердей, с тремя выходами, через которые эвакуировались костные и кремневые остатки. В раскопках не обнаружено ни одной столбовой ямки. Покрытие шалашей могло быть из шкур, камыша или коры.

Входы в жилище вели мимо очагов. Внутри находились места для сна, работы и еды. В каждой из трех секций жило, надо полагать, 2—6 человек. Для каркаса каждой секции было достаточно 5 жердей длиной 4—5 *м*; покрытие из оленьих шкур должно было весить 30—40 *кг*. Обитавшие в жилище 6—10 или даже 10—15 взрослых человек вполне могли перетаскивать такое жилище на новое место.

Есть основания считать, что орудия внутри жилища циркулировали от очага к очагу, следовательно, очаги не были изолированы.

Каждый из них представлял собой вырытую в глине на глубину 20 *см* округлую ямку диаметром около полуметра. Первый очаг, вокруг которого не было камней, но зато много пепла, угля и костей, был кулинарный; 2-й и 3-й очаги служили для комфорта. Таким образом, не каждый шалаш предназначался для отдельной группы, а все три представляли собой единый комплекс, использовавшийся всем коллективом.

Во время работы сделан план с горизонталями через каждые 2 *см*; план показывает, что жилище располагалось в ложбинке. Сделана также генеральная фотография с помостов высотой 4 *м*; она смонтирована из восьми отдельных фотографий.

Сделаны также наблюдения, касающиеся сезона и продолжительности обитания людей на стоянке. Судя по зубам оленей, некоторое число этих животных было убито около июня — вероятное время прибытия мадленцев или один из периодов пребывания их здесь. Рога самцов указывают на холодное время, когда стоянка, вероятно, была покинута. Итак, наиболее вероятное время пребывания мадленцев на Пенсеванской стоянке — от мая до ноября. Может быть, они временно покидали стоянку: в очагах прослежена тонкая глинистая прослойка; она же обнаружена и в некоторых других местах жилища.

Четыре других пункта обитания в Пенсеване, уже частично исследованные, показывают сходство с жилищем 1. Площадь стоянки как минимум 2 *га*. Жилища разделяли не более нескольких десятков метров.

Если и не все выводы авторов можно считать хорошо обоснованными, то их исключительное внимание и вдумчивое отношение к исследованному объекту, редкая наблюдательность и остроумное сопоставление фактов оставляют самое благоприятное впечатление. Одним из результатов явилась и продуманная, тщательная методика полевого исследования, многим приемам которой следует подражать, в особенности при изучении однослойных памятников с тонким культурным слоем, таких, как Пенсеван. Сюда относятся расчистка слоя с подвесного пола, фотографирование всего дна раскопа в крупном масштабе, изготовление тонированных слепков исследуемого объекта. Собирание кремневых нуклеусов и тщательный анализ расположения на площади всего кремневого и костного материала позволяет воссоздать в деталях утилизацию поделочного сырья и ее технику; конечно, и это применимо только в случаях ограниченных комплексов, какими являются комплексы жилищ.

Предложенная реконструкция жилища 1 в Пенсеване представляется правдоподобной. Использованные при этом остроумные приемы применимы во многих случаях, когда на древнем поселении отсутствуют жилища, углубленные в землю или построенные с применением крупных костей или камня. Рецензируемая работа показы-

вает, что реконструкция временных наземных жилищ с очагами даже на палеолитических стоянках не является безнадежной. Подобные переносные жилища должны были существовать и на многих сезонных стоянках северного края палеолитической ойкумены.

В целом рецензируемая работа очень полезна для исследователей палеолита, а также для более широкого круга специалистов. Ее можно считать новым шагом в развитии методики изучения памятников палеолита.

О. Н. Бадер

* * *

Остатки мадленского стойбища, исследованные в Пенсеване (департамент Сена и Марна, Франция), не выделяются ни особым своеобразием жилой обстановки, ни какими-либо яркими находками. Они не заслуживали бы большого внимания, если бы не оригинальная методика, примененная А. Леруа-Гураном при изучении культурного слоя. В 1966 г. было начато изучение участка 36, которое продолжалось четыре года. Он расположен примерно в 25 *м* к юго-востоку от участка 17, исследованного ранее. На участке 36 раскопано около 600 $м^2$ слоя IV^2, залегающего в верхней части горизонта IV. В основании горизонта залегает слой IV^4, изученный на участке 17. Горизонт IV сложен тонкими илистыми прослойками, перемежающимися с прослойками, содержащими песок, гравий или гальку речного происхождения.

Время, в течение которого отложилась почти двухметровая толща, разделяющая культурные слои, пока не определено. Однако кремневый инвентарь слоев, согласно Б. Брезийону, почти идентичен и относится к одной и той же позднемадленской культурной фазе. Поэтому вероятно формирование толщи в течение нескольких веков (стр. 9). С этим связана одна важная деталь. В слое IV^2, в противоположность слою IV^4, нет костей мамонта ни на участке 36, ни за его пределами, где изучено еще около 400 $м^2$. Этот факт, как отмечает А. Леруа-Гуран, содержит важную информацию о времени исчезновения мамонта.

Помимо костей от нескольких особей зайца и единичных костей волка и лошади встречены кости 43 особей северного оленя. Изучение последних свидетельствует о пребывании людей на участке 36 в июне-августе, менее достоверно — в мае и сентябре (стр. 142, 259). Пыльца не сохранилась.

При исследовании палеолитических местонахождений французские археологи издавна придавали основное значение стратиграфии. По мере развития науки ученые стали проявлять все больший интерес к конкретным условиям жизни древних людей. Это произошло, по-видимому, не без влияния советской археологии, разрабатывавшей эти проблемы с начала 30-х годов. По свидетельству А. Леруа-Гурана, во Франции анализ структуры культурного слоя начали проводить четверть века назад, и практически от исследования Арси-сюр-Кюр до Пенсевана мало-помалу совершенствовался анализ структуры слоя, которым первоначально пренебрегали, уделяя основное внимание стратиграфии (стр. 257).

В Пенсеване расчистка слоя производилась с досок, опирающихся на останцы. Кусочки угля, охры и костей, а также обломки и чешуйки кремня диаметром менее сантиметра обозначались на плане точками и сразу же снимались. Все остальные предметы не наносились на план. После тщательной расчистки они поквадратно фотографировались (квадрат равен 1 $м^2$). Отпечатки увеличивали до $^1/_5$, и на изображения предметов наносились шифры, после чего можно было снимать и шифровать сами предметы. В зависимости от толщины слоя в среднем приходилось делать 2—6 последовательных фотографий. Общий план расположения находок составляли по окончании полевых исследований на основе «досье квадратного метра» (стр. 13).

На этом этапе работ обнаруживается их первое существенное достоинство — индивидуальная фиксация предметов. Без преувеличения можно сказать, что до раскопок Пенсевана она казалась исследователям недостижимой мечтой. В Пенсеване каждый предмет (а один только кремневый инвентарь насчитывает 16 044 экз.) имеет свои точные координаты на плане. Открываются практически неограниченные возможности пространственного сопоставления предметов любой категории и их совокупностей. Поэтому вполне естественно, что планиметрический метод исследования никогда еще не применялся в первобытной археологии с такой последовательностью и детальностью, нигде не играл такой значительной роли, как в Пенсеване.

Специальные планы посвящены расположению очажных камней и их обломков, элементов обработки кремня, нуклеусов, отдельных типов орудий, определенных костей и даже их частей и т. д. Имеются также планы иного рода. Многие археологи встречались со случаями, когда какой-либо предмет подбирается из его обломков или частей, собранных на том или ином расстоянии друг от друга. Эти случаи рассматриваются просто как любопытные свидетельства деятельности древних людей, но исследователи Пенсевана увидели в них один из важнейших источников для реконструкции бытовой обстановки. Ими выявлено огромное количество «связей» (так названо это явление — стр. 327) между элементами первичной обработки кремня, резцами и отщепами, кусками очажных камней, обломками костей и пр. (рис. 53, 65, 68, 78 и др.). Связи характеризуют дистанцию, а в значительной мере и направление пере-

мещения материалов, они играют важную роль при установлении границ комплексов и соотношениях их во времени.

Индивидуальная фиксация предметов была реализована в богатейшей планиграфической документации. Разнообразные сведения, которые при традиционном ведении дел невозможно почерпнуть даже из обширной полевой отчетности, в очень компактном виде опубликованы в монографии и вполне доступны. В целом это имеет исключительно большое методическое значение и составляет главное достоинство книги.

К числу больших достоинств книги относятся детальный анализ кремневых и фаунистических материалов, система описаний в приложениях. Книга характеризуется строгой систематичностью изложения, содержательностью. Написана она по следующему плану: глава I — вводная, II посвящена геоморфологии и стратиграфии участка 36, III — кремневому инвентарю. В двух следующих главах анализируются гомогенные структуры, т. е. скопления однородных вещей, в главе IV — необработанных и модифицированных минеральных предметов: кремневого сырья, очажных камней, охры, мела, отходов обработки кремня и т. п.; в главе V — кремневых орудий. Глава VI содержит анализ размещения костей животных. Главы VII и VIII касаются предметов, имеющих вероятное отношение к сфере искусства и так называемых «отрицательных свидетельств». Глава IX посвящена гетерогенным структурам — жилым комплексам. Глава X заключительная. Три приложения содержат исследование обработки кремня, предметов, связанных с разведением огня, и фаунистических остатков. Глава III написана М. Брезийоном, все остальные — А. Леруа-Гураном, приложения — их сотрудниками.

Кроме указанных приложений имеется четвертое, терминологический словарик, составленный А. Леруа-Гураном. Наличие словаря — довольно редкое явление в археологической литературе. Оно связано с новизной документального содержания работы и в не меньшей степени — с ее общей систематичностью и склонностями основного автора. Сформулированы определения даже широко употребляемых понятий: «раскопки», «свидетельства» (археологические), «форма» (предмета) и т. п. Большой интерес представляет здесь оригинальная детализация. Ряд новых понятий и определений, несомненно, войдет в литературу.

На участке 36 обнаружены разнообразные объекты, связанные с разведением огня. Это прежде всего очаги трех основных типов: 1) большие очаги в ямках, обложенных крупными камнями. Внешний диаметр очагов 75—95 *см*, внутренний 40—45 *см*, глубина 6—15 *см*; 2) маленькие очаги в ямках без бордюра, диаметром 25—40 *см*, глубиной 2—10 *см*; 3) наземные очаги с гравийной подстилкой и без нее, обычно неправильных очертаний, размерами от 40 × 70 до 90×140 *см*. Золисто-углистой массы в очагах немного — до 5 *см* в большом очаге. Кроме 14 очагов встречено 8 углистых скоплений диаметром от 20 до 140 *см* (стр. 215—238, 279—285).

Скопления культурных остатков явственно связаны с каждым из трех больших очагов, обозначенных как V105, T112 и L115. Почти все очаги прочих типов и углистые скопления также тяготеют к этим очагам. В монографии не только выделены три соответствующих комплекса, но и оригинальным образом, с использованием связей, определены их площади: 65—70 $м^2$ (рис. 16). Столь убедительная мотивировка границ комплексов в литературе по палеолиту до сих пор была неизвестна.

Большим и вполне закономерным достижением исследования явилось установление жилищного характера комплексов, т. е. наличия в них остатков жилищ (гл. IX). Какие-либо очевидные особенности в размещении слоя или конструктивные элементы, указывающие на наличие стен, отсутствовали. Наиболее убедительно выявлены жилища (они нумеруются по очагам) V105 и T112. Об их существовании могут свидетельствовать прежде всего большие очаги. Они входят в обширные (не менее 6 $м^2$) пятна охры, почти не встреченной на остальном пространстве (рис. 54). Подобным же образом концентрируется основная часть кремневых орудий, а также немногочисленная обработанная кость и предметы, связанные со сферой искусства (рис. 67, 114). В противоположность этому обломки очажных камней, отходы производства кремневых орудий, нуклеусы и кости животных концентрируются с востока от очагов (рис. 52, 60, 66, 76). Представляется вполне правдоподобным, что предметы первой группы указывают на местоположение летнего жилища, а второй — на ориентировку его входа. В данной связи следует упомянуть любопытный факт, отмеченный в приложении: западные края углублений очагов более крутые, чем восточные (стр. 280). По всей вероятности, это обусловлено направлением выгребания очажной массы и может служить одним из признаков при определении места входа в жилище.

Существование жилища предполагается и в комплексе L115. Однако здесь картина существенно иная. Фаунистических остатков и кремневых материалов гораздо меньше (рис. 76, 60). В комплексе V105 собрано 509 орудий, в T112—319, а в L115 — всего 85, причем к участку вблизи очага относится менее половины из них (стр. 39—60). Не найдено в комплексе обработанной кости, а охра около очага встречена в виде трех пятен общей площадью менее 0,5 $м^2$ (рис. 54). В пользу жилища как будто бы свидетельствует размещение костей и кремня с учетом того, что вход должен быть обращен к западу. Действительно, орудия концентрируются с внутренней стороны от очага (рис. 67), как в остальных комплексах. Но там же сосредоточены и кремневые отходы (рис. 60). Фаунистические остатки скапливаются к западу от очага, но здесь имеется большой наземный очаг, с которым может быть связана часть костей, а также и кремня.

Причем пологой является восточная часть очага (стр. 280). По существу единственной серьезной опорой для выявления жилища в комплексе L115 является наличие такого же очага, как в других комплексах. Однако очаг мог быть и внешним. В долговременных жилищах Мезинского поселения встречены наземные очажки, а снаружи — углубленные очаги с приспособлениями для приготовления пищи [1]. Судя по некоторым данным, комплекс L115 возник на один год или несколько лет позже остальных (стр. 137, 252). В таком случае малочисленность культурных остатков можно объяснить непродолжительностью использования пространства (стр. 164). Однако само по себе это не доказывает существование жилища, хотя в принципе это и не исключается.

Анализ расположения культурных остатков и характера связей позволил А. Леруа-Гурану выяснить примерные границы жилищ и построить теоретическую модель жилища (точнее, его плана — стр. 238—250, рис. 174). Вначале, при исследовании комплекса T112, она представлялась по аналогии с моделью жилища участка 17, т. е. округлым пространством диаметром около 3 *м*, площадью 7 *м*², с очагом у края. При продолжении работ обнаружилось, что скопление культурных остатков перед входом в жилище V105 (его очаг располагается в 5,5 *м* к западу от очага жилища T112) не сливается с остатками комплекса T112, а отделено от него небольшим пространством с незначительным материалом. Это привело к предположению о более значительном простирании жилища T112 на запад, и диагональное расположение находок в комплексе V105 было объяснено близостью задней части жилища T112 к входу в жилище V105 (стр. 252). Возник вариант более сложной теоретической модели жилища (стр. 247—250, рис. 174, III—V), по которому выделяется пространство домашней деятельности, или передняя (avant-corps). Размер ее площади, связанной со скоплением орудий и охры, определен приблизительно в 4 *м*². Сюда включен и участок, находящийся вне жилища, но примыкающий к очагу. С тыла реконструируется заднее помещение (*L'espace retiré ou arrière-corps*) — более или менее округлое, площадью около 6 *м*². О нем сказано также, что это помещение в собственном смысле слова (стр. 93, 137). Предполагается, что оно было спальней и каким-то образом отгораживалось от передней, но соединялось с ней проходом.

Второй вариант представляется маловероятным. Он строится главным образом на существовании прогала в культурном слое между комплексами V105 и T112. Но чтобы объективнее оценить его значение, необходимо сравнить особенности размещения остатков перед жилищами. По планам хорошо заметно, что разброс обломков очажных камней, мелких обломков костей, отходов кремня и орудий в массе отступает к востоку от очага V105 на 2 *м*, а от очага T112, где пространственное ограничение заведомо отсутствовало, всего на 1 *м* (рис. 52, 59, 60, 67). По-видимому, протяженность основных скоплений культурных остатков перед входами жилищ отражает одинаковые условия хозяйственной деятельности.

Пространство предполагаемого заднего помещения жилища T112 не занято интенсивным скоплением культурных остатков, покрыто обломками очажных камней и костями (рис. 52, 76). Очевидно, что остатки комплекса V105 доходят до соседнего жилища, но не могут выразительно обрисовать заднюю стенку жилища T112. Позади жилища V105 культурных остатков меньше, они связаны с очажками (рис. 59, 60). Это естественно объяснить не наличием заднего помещения, а незначительным использованием участка. Для сходных пространств возле долговременных жилищ характерна такая же картина, кроме тех мест, где к ним примыкают мастерские (Костенки II, Аносовка II, Добраничевка, Мезин, Гонцы, верхний слой Костенок IV).

Появление усложненного варианта модели было вызвано также тем, что ответвления пятна охры и некоторые связи кремневого и костяного инвентаря пересекают передние части стен жилища V105 (рис. 54, 65, 68, 78). Это заставило сомневаться в собственно жилищном характере пространства вокруг очага. По мнению авторов, возможно, что в передней перекрытие отсутствовало или устанавливалось и убиралось по необходимости (стр. 93).

Такая недооценка приочажного пространства ведет к отрыву реконструируемого жилища от очага и от наиболее достоверных свидетельств (охры и орудий), по которым вообще можно говорить о жилище. Нахождение частей одних и тех же предметов внутри и вне жилища может быть объяснено его очисткой (стр. 131), а также допущением проницаемости стен. Лишь с последним можно связать возникновение языков охры, причем под проницаемостью стен мы имеем в виду простое приподнимание нижней части их покрытия, обычное при использовании летних жилищ.

Вполне понятно, что в каждом палеолитическом жилище должно было существовать пространство наиболее активной домашнехозяйственной деятельности и пространство для устройства спальных мест, которое в той или иной мере могло использоваться не только по прямому назначению. Поэтому наши замечания по теоретической модели жилища касаются не этого разделения как такового, а соотнесения его с конкретными планами расположения культурных остатков. Последнее, на наш взгляд, лучше согласуется с реконструкцией однокамерного округлого жилища диаметром около 3 *м*, т. е. с первым вариантом теоретической модели.

Не останавливаясь на ряде других рассмотренных в монографии вопросов и на безукоризненно исполненной и в полноте представленной графике, коснемся методи-

[1] *И. Г. Шовкопляс.* Мезинская стоянка. Киев, 1965, стр. 63, 70, 71.

ческого значения монографии в изучении палеолита. В палеолите выделяется значительная группа местонахождений, на которых не прослеживается очевидных остатков жилищ (углубленных, окруженных костями или камнями, четких концентраций). В большинстве своем это сезонные стойбища, но также, вероятно, и долговременные поселения (Ильская, стоянка Талицкого, Боршево II, Чулатово I, Молодово V и др.). Исследования Пенсевана — первая основательная и успешная попытка выявления жилищ на подобных местонахождениях, после которой аналогичная задача может быть поставлена по отношению ко всей указанной группе.

Однако недостаточно основываться лишь на разработке по материалам Пенсевана. Используя новые методы планиграфической документации, нужно изучить размещение предметов на поселениях с хорошо выраженными остатками жилищ. На нашей территории благодаря наземному характеру и четкости границ для этой цели более всего подходят «костяные» жилища. Они дадут представление о реальной группировке и перемещениях вещей снаружи и внутри жилища, у входа и т. д., что послужит прочной основой для сопоставлений.

Подобное изучение поселений с легко распознаваемыми остатками жилищ имеет большое значение. В настоящее время археолог может за относительно короткое время раскопать большую площадь, зафиксировать множество бытовых объектов и собрать огромную коллекцию. Но при этом совершенно очевидно, что при суммарной, обезличенной фиксации и обработке массового материала поселение лишается наиболее тонкой и интересной своей характеристики. Позднепалеолитические жилища раскопаны уже в таком количестве, что накопление их числа прежними методами имеет еще некоторое значение в этнокультурном аспекте, но возможности познания бытовой обстановки, общественной жизни и хозяйства резко сузились.

Культурный слой стоянки Пенсеван сравнительно тонкий, что позволило ограничиться планиметрической фиксацией (хотя профили, или разрезы, очагов не были бы лишними). На долговременных поселениях с мощным слоем и с разнообразными объемными объектами вопрос о фиксации значительно сложнее. В особенности это касается памятников костенковско-авдеевской культуры, представляющих для исследователей наибольшие методические трудности в отношении палеолитических памятников. Но и для этих памятников очень велико научное значение тех явлений, которые могут быть выявлены или уточнены при использовании опыта А. Леруа-Гурана и его коллег. Для костенковско-авдеевских памятников, в частности, была бы возможной постановка вопросов о выявлении границ предполагаемых длинных центральных жилищ и их хозяйственного окружения; о земляночных жилищно-хозяйственных комплексах; о принадлежности краевых и прочих ям; о связях между комплексами и их синхронизации; о культурном и хронологическом соотношении близко расположенных жилых площадок. Осуществление этих задач связано с организацией и подготовкой специального коллектива.

Индивидуальной фиксацией и детальным, прежде всего планиграфическим изучением элементов культурного слоя и соответствующей публикацией материалов закладывается фундамент нового методического уровня исследования палеолитических местонахождений. По ряду причин выработка и соблюдение высоких методических требований возможны далеко не во всех случаях.

Однако даже ограниченное применение новейшей методики на отдельных памятниках могло бы способствовать позитивным сдвигам в изучении палеолита на территории нашей страны.

В. Я. Сергин

Н. Я. Мерперт. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. «Наука». М., 1974, 167 стр. 18 рис.

Семь десятилетий прошло с тех пор, как выдающийся русский археолог В. А. Городцов выделил в свите подкурганных погребений степной зоны Восточной Европы древнейшие здесь могилы. Покойники лежали скорченно на спине в больших прямоугольных ямах, головой преимущественно на восток или северо-восток. Они сопровождались чрезвычайно бедным инвентарем, и это породило, например, в 30-е годы гипотезу о поразительной бедности ямной культуры или о захоронении в курганах беднейших общинников. Вначале археологи локализовали эту культуру в пределах ограниченной территории. Однако со временем ее границы были раздвинуты несоразмерно с ранними представлениями. За эти годы были раскопаны многие сотни «ямных» погребений от Южного Урала до Днестра и от Предкавказья до Средней Волги, в фондах музеев накопился огромный материал, а на Днепре открыли и исследовали ставшее вскоре знаменитым Михайловское поселение. Ямная культура привлекает все большее внимание не только советских, но и многих зарубежных археологов.

Довольно часто, однако, бывает так, что с культурой обширной, сложной и в целом ряде своих важнейших деталей неясной стараются связывать решение множества узловых вопросов хозяйственной, этнической и даже политической истории глубокой

древности на широких территориях, заселенных самыми разнообразными племенами. Нечто подобное произошло и с ямной культурой, или, как называет ее Н. Я. Мерперт, культурно-исторической областью. Высказывались мысли об активном участии ямных племен в формировании народов индоевропейской языковой семьи. Вместе с тем археологический материал культуры оставался фактически несистематизированным и потому неясным. Говорили, например, о центральной роли ямной культуры в создании общеевропейского горизонта шнуровой керамики, а доля шнуровой керамики, ее характер и хронологическое положение в самой «исходной» культуре оставались по существу неизвестными. Слабо разработанными оказывались и локальные варианты этой обширнейшей культуры, и ее хронологические фазы; туманно выглядели и географические рамки древнеямной области.

Со времени выделения ямной культуры были опубликованы лишь две монографии, посвященные ее материалам. Одна из них описывала материалы Михайловского поселения [1]. Вторая принадлежит Н. Я. Мерперту. Раскопки Михайловского поселения дали археологической науке материалы чрезвычайной важности. На публикацию этого поселения ссылаются исследователи самых разных районов эпохи раннего металла Восточной Европы, включая Н. Я. Мерперта.

Рецензируемая здесь монография написана в совершенно ином плане. На первое место поставлены общие и весьма сложные вопросы: становление производящего хозяйства в степях Восточной Европы, его формы, факторы, лежащие в основе создания древнеямной культурной области, контакты изучаемых племен.

Следует иметь в виду, что в книге опубликована лишь часть обширнейшей работы по всей древнеямной области, защищенной Н. Я. Мерпертом в качестве докторской диссертации [2]. Можно надеяться, что ею положено лишь начало серии выпусков, посвященных культуре древнеямной области.

Древнеямную область автор расчленяет на девять географических вариантов (рис. 1), а начинает он свое описание и посвящает книгу, может быть, наиболее важному из них — волго-уральскому. Такой выбор был обусловлен тем, что в Волго-Уралье Н. Я. Мерперт справедливо видит исходную область формирования племен ямного типа; что здесь, вероятно, находились древнейшие памятники области; что в этой области наблюдается наиболее чистый культурный комплекс; что здесь, наконец, как предполагает автор, наиболее заметно ощущался исходный импульс из южных прикаспийских степей, приведший к созданию «ямного» населения кочевого или полукочевого овцеводства волго-уральских степей.

Понятно, что географические рамки книги заставляют Н. Я. Мерперта широко использовать и другие материалы, часто выходить за пределы собственно волго-уральского варианта. Это особенно четко проявляется, когда он разбирает хронологические проблемы и вопросы хозяйства.

В основе исследования лежат материалы примерно 180 погребений древнеямного типа. Центральное место занимает нижневолжский район с его 150 погребениями. Причем почти 130 из них обнаружены в 29 стратифицированных курганах. Последние и стали основой хронологических членений древнеямного материала в районе.

Автор разделил все погребения — этого основного для археологов источника суждений по материальной и духовной культуре нижневолжского варианта — на шесть обрядовых групп в соответствии с позой покойника и его ориентацией в могиле. Затем он рассмотрел стратиграфическое положение каждой из них в курганах и наметил три основных хронологических варианта. К числу древнейших были в основном отнесены погребения, в которых покойники лежали скорченно на спине и головой на восток (первая обрядовая группа). Следующую хронологическую фазу представляют ряд погребений первой, а также третьей обрядовых групп. Последняя отличалась от первой северо-восточной ориентировкой погребенного. Позднейшая фаза характеризовалась могилами 4, 5 и 6-й групп, хотя в это время еще встречаются и первые три, присущие двум древнейшим фазам. Убедительно дискутирует здесь Н. Я. Мерперт с К. Ф. Смирновым по поводу возраста вытянутых погребений (2-я группа), считавшим их наиболее ранними в древнеямной культуре: статиграфические данные не позволили автору поддержать это заключение.

Имеется лишь одно замечание по этому разделу. Кажется, что Н. Я. Мерперт несколько преувеличивает различия между первой и третьей группами как в формальном, так и хронологическом отношениях. Их очень трудно различать между собой по ориентировке головы покойного: многие из погребенных положены головой на С-В-В. Кроме того, в пяти случаях могильные ямы третьей группы лежали стратиграфически выше погребальных сооружений первой группы, а в четырех — стратиграфическое соотношение было обратным. Следовательно, мы сталкиваемся здесь по существу с одновременными, почти неразличающимися между собой обрядами. Вероятно, древнейшую фазу древнеямной культуры составляют почти целиком погребения людей, положенных скорченно на спину головой на восток или северо-восток (первая и третья группы).

---

[1] *О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич.* Михайлівське поселення. Київ, 1962.

[2] *Н. Я. Мерперт.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дис. М., 1968. (диссертация хранится в архиве ИА АН СССР).

Абсолютная хронология древнеямной области разрабатывается Н. Я. Мерпертом при помощи памятников периферийных вариантов, чья материальная культура несет на себе явные следы воздействий и контактов с областями, где хронологические колонки являются наиболее разработанными: Предкавказский и Донской — с Северным Кавказом (майкопская культура), юго-западный — с нижнедунайскими и северобалканскими культурами. Привлекается также и серия радиоуглеродных дат. В целом этот раздел работы Н. Я. Мерперта заслуживает самой высокой оценки, его хронологическая система построена на привлечении огромного количества параллелей, исследованных досконально и корректно.

Упомяну лишь о самых последних данных по хронологии раннего бронзового века северо-восточных Балкан, полученных Болгаро-Советской экспедицией, руководимой автором рецензируемой книги. К 1974 г. были обработаны статистически остатки более 10 тыс. сосудов из слоев известного пос. Эзеро в Южной Болгарии. Изучена динамика развития форм основных категорий керамической посуды, орнамента и деталей сосудов. Выяснено, что в средних горизонтах Эзера (VIII —VII) происходят радикальные изменения в керамическом комплексе. В верхних горизонтах появляется целый ряд мисок и кувшинов, с формами ручек, нехарактерными для нижних напластований. С этого времени весьма заметной становится и доля шнуровой керамики. Статистическая обработка керамики повела к значительному удревнению северобалканских материалов: слой так называемого Эзеро А (XIII—IX горизонты) следует датировать теперь дотроянским временем; Эзеро В (VI—I горизонты) синхронизируются с Троей 1[3]. Эти результаты, естественно, еще не могли быть учтены в рецензируемой книге, но их следует учитывать при оценках хронологической позиции древнеямной общности.

Следующая важнейшая проблема, рассмотренная подробно в книге,— начало производящего хозяйства в степной полосе Восточной Европы. Автор внимательнейшим образом разбирает все скупые свидетельства о характере этого хозяйства у племен нижневолжского варианта древнеямной области и приходит к заключению, что его основой было кочевое или полукочевое скотоводство, преимущественно базировавшееся на овцеводстве. Именно кости овцы в подавляющем количестве случаев встречаются в могилах ямной культуры Нижнего Поволжья. Эти заключения невозможно было подтвердить селищным материалом — ведь остатков самих поселений в этом районе практически нет. Но этот последний факт закономерно лег в основу заключения автора и его предшественников о подвижном (кочевом или полукочевом) характере скотоводства. В то же время в более западных районах, например Поднепровье, известны долговременные поселки, и характер стада там был иной (Михайловка II и III). Здесь, с моей точки зрения, более детально следовало бы остановиться на объяснении того, что расположенное практически в том же районе — на Нижнем Дону — древнеямное поселение Репин Хутор содержало в своем культурном слое до 80% костей лошади! Это резко противоречит наблюдениям над остеологическими остатками из могил Нижнего Поволжья. Нельзя ли объяснить частое наличие останков овцы в могилах ритуальными особенностями? Может быть, могильный инвентарь неточно отражает состав стада у ямников Волго-Уральского района?

Глава V, где рассматриваются эти вопросы, представляет собой фактически сравнительный анализ форм скотоводства в различных культурных регионах Восточной Европы от Северного Кавказа до Урала и низовьев Дуная. Совершенно справедливо, на мой взгляд, Н. Я. Мерперт оценивает роль земледелия в районах Нижнего Поволжья и Приуралья. Скорее всего, эта отрасль хозяйства носила здесь спорадический и непостоянный характер.

И наконец, последняя проблема, на которую я хотел бы обратить внимание в рецензии, — сложение ареала древнеямной культуры. Собственно говоря, даже в теоретическом плане основная заслуга выделения подобных культурных гигантских образований и формулировка определения общности принадлежат Н. Я. Мерперту. В рецензируемой книге автор посвятил ряд страниц обоснованию своих положений (стр. 11—14).

Согласно Н. Я. Мерперту, культурно-историческая область (или общность, как я предпочитаю называть эти образования) — специфически степное объединение. По археологической «таксономии»,— это более общий тип культурного объединения, нежели культура. Следовательно, совокупность синхронных и близких культур может составлять историческую общность. Правда, Н. Я. Мерперт не решается называть намеченные им локальные варианты культурами, и от этого несколько страдает четкость типологии культурных объединений. В основе хозяйства таких общностей почти всегда лежит скотоводство. Это видно и на материалах более поздних объединений этого типа — срубной и скифской. Механизмом их образования служили весьма активные многосторонние связи на обширных степных пространствах. Степи, открытые и удобные для передвижения, как никакая другая ландшафтная зона, облегчали эти связи, способствовали культурной нивелировке разнообразных групп населения. Может

[3] *Е. Н. Черных.* Об основных этапах древнейшей металлургии меди на территории Болгарии (IV — начало I тыс. до н. э.). Thracia. III. Serdicae, 1974, стр. 388; *Н. Я. Мерперт, Е. Н. Черных, В. В. Бжания.* Болгаро-Советская экспедиция в 1974 г. АО — 1974, М., 1975.

быть, к этому определению следовало бы только добавить, что культурная и духовная нивелировка в какой-то степени вызывалась политическим и духовным доминированием какой-либо группы населения? Может быть, с этого времени стали возникать в степи очень мощные политические и военные союзы скотоводческих племен? Во всяком случае, эту проблему следовало бы обсудить особо.

Н. Я. Мерперт к последнему вопросу подходит весьма осторожно. Он справедливо полагает, что социальная структура ямных племен еще далеко не ясна. Для заключения о достаточно высоком уровне общественного развития древнеямных племен он привлекает материалы курганных групп как в степной зоне, так и на Северном Кавказе.

Проблема культурно-исторических общностей, поднятая и в значительной степени разработанная Н. Я. Мерпертом, будет, я уверен, играть большую роль в развитии теоретической мысли в археологии, изучающей период III —I тысячелетий до н. э. Евразии.

Я хотел бы обратить внимание при разборе книги Н. Я. Мерперта еще на один вопрос — об исходном импульсе возникновения здесь производящего хозяйства. Автор сопоставляет рассмотренные им материалы с древностями всех трех древнейших основных земледельческо-скотоводческих областей на территории Европы и весьма убедительно показывает, что их ближайшие параллели уводят в полупустынные степи и предгорья Восточного и Южного Прикаспия. Именно там находятся культурные слои, в которых найдены древнейшие следы овцеводства и сравнительно близкая по форме и технологии изготовления керамика (пещеры Джебел и Дам-дам-чешме II). Мне кажется, что это наиболее перспективный путь поиска исходных влияний на раннюю культуру древнеямной исторической общности.

Думаю, что не ошибусь, причислив книгу Н. Я. Мерперта к заметным явлениям в советской археологической литературе. В ней не только освещены материалы огромного хронологического отрезка сложной истории ранних скотоводов степей Восточной Европы, но и поставлены чрезвычайно важные теоретические вопросы, имеющие значение для всех периодов первобытной истории народов, населявших территорию нашей страны.

Е. Н. Черных

М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, изд. «Эльм», 1973, 222 стр.

Добыча руд и выплавка металлов были одним из наиболее важных видов производственной деятельности древних людей уже много тысяч лет тому назад. Видный советский специалист в области древней металлургии Е. Н. Черных писал, что трудно переоценить значение «периода первого освоения металла в истории человеческого общества. Это был скачок, создавший необходимые предпосылки для ускоренного развития древнего производства. Уже поэтому понятен интерес исследователей к периоду истории, связанному с освоением производства этого металла» [1]. Тот же исследователь отмечал, что, несмотря на относительное обилие трудов, посвященных бронзовому веку, немногие ученые касаются самого металла, причем останавливаются они лишь на его типологии, происхождение же металла обычно рассматривается вскользь. Это и понятно, поскольку при решении названных вопросов исследователь сталкивается с огромными трудностями [2].

В последние годы в нашей стране и за рубежом появились фундаментальные труды, в которых древний металл исследуется с помощью методов естественных наук — физики и химии.

Монография М. А. Кашкая и И. Р. Селимханова посвящена рассмотрению целого ряда конкретных вопросов истории ранней металлургии.

На протяжении ряда лет авторы проделали большую работу — произвели анализ значительного количества металлических предметов, найденных археологами на территории Кавказа, и сравнили результаты своих исследований с данными по металлам из других областей. Справочный аппарат книги включает множество специальных трудов, написанных на русском и нескольких западноевропейских языках.

Исследование наших авторов состоит из «Введения», восьми глав, «Выводов», списка литературы и 51 таблицы с 300 рисунками. В книге помещено около трех десятков таблиц, в которых показаны результаты химического и спектрального анализов металлических предметов, обнаруженных археологическими раскопками в различных областях древнего мира, главным образом на Кавказе.

В работе имеется много полноценных материалов по древней металлургии не только Кавказа, но и Ближнего Востока и Индии.

В рецензируемой книге четко можно выделить две основные большие проблемы, к которым примыкает множество других, второстепенных вопросов. Первое, что пред-

[1] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 3.

[2] Там же.

стояло выяснить нашим авторам,— это характер употребляемых в то или иное время на Кавказе сплавов и динамику их развития. Второй проблемой, которой уделяется очень большое место в монографии, является проблема исходных рудных источников исследуемого нашими авторами металла.

Процесс выяснения характера употреблявшихся в раннеметаллическое время на Кавказе металлов и различных сплавов, динамика их развития в современной науке решаются при помощи комплексных методов, с привлечением данных геологии, геохимии, физики, математики, металлургии и т. д., причем основным методом исследования химического состава древних металлов является спектральный анализ (преимущественно количественный).

Следует отметить заслуги авторов монографии, и в первую очередь И. Р. Селимханова, одним из первых в нашей стране применившего метод количественного спектрального анализа [3]. Именно спектральный анализ металла из памятников Кавказа IV—II тысячелетий до н. э. и позволил сделать ряд интересных, принципиально новых выводов относительно древнейшей металлургии края. Чрезвычайно важным было выявление на Кавказе этапа, характеризующегося господством медно-мышьяковых сплавов, предшествовавшего бронзовому веку [4].

Выяснению характера употреблявшихся на Кавказе металлов, различных сплавов, динамики их развития посвящена самая большая и наиболее важная, V глава исследования —«Классификация кавказских древних изделий из меди и ее сплавов по химическому составу» (стр. 51—135).

Эта глава, замечательная по полноте привлекаемого материала и по своим выводам, является результатом тщательного, добросовестного исследования. Чрезвычайно важна табл. 12, в которой показано распределение различных типов сплавов по основным этапам на Кавказе (стр. 52). Авторы на основании спектральных анализов многочисленных древних металлических предметов Кавказа предлагают удачную классификацию медных сплавов по шести главнейшим принципам и их сочетаниям, подразделяя таковые по ведущим металлам и металлоидам на 10 типов. Очень важны выводы, которые следуют из этой таблицы: 1) медно-мышьяково-никелевые сплавы применялись лишь в дооловянном этапе; 2) медно-мышьяковые и медно-мышьяково-свинцовые сплавы применялись как в дооловянном, так и в оловянном этапе; 3) остальные типы медных сплавов бытовали лишь в оловянном периоде (стр. 52).

Принципиальное значение имеют утверждения авторов о том, что использование одной самородной меди на Кавказе как первого металла для выделки украшений и простейших орудий спектральным анализом не подтверждается (стр. 56) [5], что металлические предметы, ранее принимавшиеся за медные без примесей, являются медно-мышьяковыми (стр. 67).

Говоря об исходных рудных источниках изучаемого металла, наши авторы прежде всего и главным образом имеют в виду олово, поскольку искать рудные источники основного компонента древнего металла — меди — не приходится: Кавказ обладает достаточно богатыми медными месторождениями, которые, как это убедительно было показано исследованиями выдающегося советского ученого А. А. Иессена, служили рудной базой древнейшей металлургии края [6].

По существу, авторы начинают свою книгу с вопроса: откуда поступало на Кавказ и Ближний Восток олово? Они совершенно правы, утверждая, что этот вопрос «превратился в важную научную проблему, которая, однако, не может быть решена в отрыве от общей истории олова в древности» и что поэтому совершенно «необходим охват других областей развитой древней бронзовой металлургии» (стр. 4).

Для археолога и историка важно то, что М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов при всей специфичности их исследования, носящего в основном химико-аналитический характер, не забывают, что выяснение «путей движения олова в древности представляет существенное значение для выяснения в целом торгово-экономических связей между древними племенами» (стр. 5).

Вот уже два десятилетия М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов, опираясь на геолого-

---

[3] *И. Р. Селимханов.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960; *его же.* К методике спектрального анализа археологических медных и бронзовых сплавов. ДАН АзербССР, XIII, № 9, 1957; *его же.* Спектральное исследование металлических предметов из археологических памятников Кавказа и установление их эпохи. Изв. АН АзербССР (серия геол.-геогр. наук), 1, 1960.

[4] *И. Р. Селимханов.* Историко-химические и аналитические исследования...; *И. Р. Селимханов, Ж. Р. Марешаль.* О ранних этапах древней металлургии меди на территории Европы и Кавказа в свете новых понятий и результатов анализа. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.

[5] Этот вывод на значительно меньшем количестве материалов был сделан еще в труде И. Р. Селимханова (*И. Р. Селимханов.* Историко-химические и аналитические исследования...).

[6] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, 1935; *его же.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951.

геохимические, металлогенические и иные исследования кавказских интрузивных формаций, показавших отсутствие условий для промышленных концентраций в них олова, утверждают для Кавказа и Ближнего Востока привозной характер олова, применявшегося в качестве легирующего металла. Эта идея красной нитью проходит через всю книгу. Следует отметить, что всего лишь несколько лет назад утверждалось, что на Кавказе имеются месторождения олова.

Первые четыре главы книги имеют по преимуществу неспециальный характер. В них повествуется об овладении человеком металлами и сплавами на Кавказе, о появлении первых металлов в быту у народов древнего Ближнего Востока, даются краткие сведения об олове и т. д.

В V главе собран значительный материал, который изучался авторами монографии.

«Введение» несколько эклектично и не дает цельного представления о целях и задачах исследования.

Не совсем понятно, почему данные о находках оловянных предметов в странах Ближнего Востока вставлены в главу «К истории овладения человеком металлами и сплавами на Кавказе...» (стр. 18, 19), тогда как есть в работе специальная глава «О появлении первых металлов и бронзы в быту у древних народов Ближнего Востока».

Меня несколько удивляет наличие в монографии специальной главы в неполные две страницы (глава III «Краткие сведения об олове»). Она с успехом могла быть объединена, например, с IV главой («О древней оловянистой бронзе и ее некоторых свойствах»).

Неверно указаны хронологические рамки правления фараонов XVIII династии Египта. Эта династия не могла управлять страной до 1314 г. до н. э., так как уже в 1342 г. до н. э. к власти приходит XIX династия. Неверно, что фараон VI династии Пепи I правил Египтом в 2300 —2190 гг. до н. э. (стр. 23). IV династия правила Египтом с конца XXVIII в. до н. э., так что указание на 2900 год до н. э. неверно.

Нельзя согласиться с датировкой периодов месопотамской истории, данной авторами на стр. 27 их исследования. Поскольку начало периода Джемдет-Наср не может быть отнесено ко времени более позднему, чем конец IV тысячелетия до нашей эры [7], то вся хронология должна быть передвинута вглубь.

В одном случае время правления Саргона Аккадского отнесено к XXII в. до н. э. (стр. 28), а в другом — к 2500 г. до н. э. (стр. 162). На самом деле Саргон Древний жил в XXIII в. до н. э.

Авторы монографии пишут (причем без всяких ссылок на специальную литературу): «Археологические изыскания также показали, что культура шумеров развивалась в связи с соседними странами Малой и Средней Азии и дальними странами — в долине Инда, с Аравией, Северо-Восточной Африкой, Египтом» (стр. 27). Это исторически неверно. Непонятно также, почему Средняя Азия является для шумеров страной соседней, а Аравия — далекой (стр. 27).

Рассуждения Партингтона о заимствовании шумерами металлургии у «другой расы» не выдерживает никакой критики, что должны были отметить и наши авторы при ссылке на него, однако они обошли этот вопрос полным молчанием (стр. 27).

Упрощенно звучит утверждение о том, что «предметы из Тепе Гиссар похожи на древние изделия из Покубанья (вместо Прикубанья.— *И. А.*)... и из Мохенджо Даро...» (стр. 34).

Непонятно, каким образом обнаружение черепков, кремниевых ножей, костей животных и «следов зерен» (каких?) в Тали-Иблисе представляет собой «первое доказательство существования столь ранней сельской общины в Западном Иране» (стр. 37).

Неясно предложение на стр. 162: «В этимологическом ряду: «кастира» (индийское наименование) — «касситерос»—«казатира» — «кяздир»». Непонятно, почему именно «этот ряд указывает на вывоз олова на Запад из Индии».

Неясно, почему «малайский обычай снабжать лодки бортовыми досками, которые уменьшают их валкость, существовал еще и тогда в южной гавани Цейлона, а в передней Индии он был неизвестен. Поэтому в существовании древних торговых сношений между странами Средиземного моря и «Молуккским архипелагом» не может быть сомнений» (стр. 163).

Пытаясь доказать существование торговых связей Египта с дальневосточными странами, ссылаясь на Шуманна, авторы монографии пишут: «Этимологически санскритское название олова «кастирам» имеет сходство с арабским — «кяздир», археологически — часть из найденных во время раскопок предметов указывает на их привоз из Индии. Это еще больше подкрепляет теорию связи Египта с дальневосточными «оловянными» источниками» (стр. 163).

У Страбона отсутствуют сведения «о торговле оловом из Дрангианы» (стр. 163).

Меня смущает и то обстоятельство, что авторы признают для стран древнего Ближнего Востока существование только о д н о г о, «дальневосточного» источника

---

[7] *E. Mackay.* Report on Excavations at Jamdet Nasr. Memoirs of Field Museum of Natural History, I, № 3, Chicago, 1931; *H. W. Eliot.* Excavations in Mesopotamia and Western Iran, sites 4000—500 B. C. Cambridge, 1950. (См. также: *И. М. Дьяконов.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, стр. 170.)

олова. Вопрос о западных источниках его в работе совершенно не ставится. Можно подумать, что этой проблемы в науке вообще не существует.

К сожалению, авторы рецензируемой монографии не дали синхронистической таблицы о появлении и использовании меди и ее сплавов в различных областях Кавказа и Переднеазиатского Древнего Востока.

Меня несколько удивляет и то, что М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов не обращаются в своем исследовании к методам математической статистики, которые просто необходимы в подобного рода работах, поскольку они могли бы дать очень многое для выяснения и проверки отдельных положений, высказанных авторами.

Следует отметить также, что в книге имеется значительное число погрешностей в редакционном плане.

В заключение следует отметить, что все мои замечания имеют частный характер. Рецензируемая монография является результатом серьезного, кропотливого исследования. Она представляет большой интерес не только для специалистов, но и для широкого круга ученых, работающих над проблемами древней истории как в нашей стране, так и за рубежом.

Играр Алиев

О. М. Давудов. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, 189 стр. Тираж 1000 экз.

Еще недавно принято было писать, что северо-восточная часть Кавказа, включая Дагестан, археологически изучена слабо. Если М. И. Пикуль в своей книге «Эпоха раннего железа в Дагестане» (1963 г.) вынуждена была оперировать самым незначительным числом памятников, то теперь науке стали известны новые комплексы и случайные находки, требующие обобщения. Таким обобщением — сводкой археологических памятников X—IV вв. до н. э.— и должна была явиться книга О. М. Давудова «Культуры Дагестана эпохи раннего железа».

Книга О. М. Давудова общим объемом 12 печатных листов состоит из введения, четырех глав и заключения. К ней приложены описания отдельных памятников, цифровые таблицы и рисунки.

Во введении автор обосновывает «настоятельную необходимость» изучения Дагестана эпохи раннего железа, так как территориально он может быть рассмотрен в качестве своеобразного «моста», расположенного между Европой и странами Закавказья — Ближнего Востока, являясь в то же время «окраиной ближневосточно-закавказского мира цивилизации».

Глава I посвящена географическому очерку территории Дагестана. К сожалению, автор ограничивается простым описанием рельефа и природы Дагестана. В этом очерке читатель может найти совершенно ненужные в данном издании сведения о современной численности населения Дагестана. Этой главе предпослана совершенно немая карта.

Глава II — «История археологического изучения Дагестана эпохи раннего железа» требует более детального рассмотрения. Начинается обзор с XVIII в., когда, по словам О. М. Давудова, «колониальные взоры русского царизма» стали обращаться на Восток. Имена исследователей этого времени не названы, и первым упоминается лишь А. А. Русов, работавший в 1880 г. Далее следует перечень археологических работ, проводившихся в Дагестане и прилегающей части Чечни вплоть до 1968 г., здесь же указаны некоторые из научных трудов, вышедшие за это время. К сожалению, этот очерк написан очень бегло — читатель не найдет здесь датировок и культурно-исторических характеристик, предложенных предшественниками О. М. Давудова. Так, упоминая статью А. П. Круглова «Культовые места горного Дагестана», автор монографии говорит, что в ней «были датированы загадочные бронзовые статуэтки» (стр. 16), но каким временем — не сказано. О. М. Давудов говорит об удревнении В. Г. Котовичем каякентско-харачоевской культуры (стр. 38, 39), но так и не конкретизирует его взгляды. Подобные факты не единичны. В тексте главы содержатся отдельные неточности. Известно, что в 60-х годах археологические работы в Дагестане возглавлял талантливый археолог В. И. Канивец (умер в 1972 г.), однако его имя О. М. Давудовым даже не названо. Известно, что Зандакский (Дагбашский) могильник после М. И. Пикуль (вскрыла 4 могилы) исследовался В. И. Марковиным (обнаружено 62 погребения), но в историографическом обзоре об этих работах ничего не говорится, хотя автор в дальнейшем широко пользуется этими материалами. Имеется здесь и явная неточность: мне никогда не приходилось работать у сел. Бавтугай (возможно, следует читать Капчугай) (стр. 19).

В рассматриваемой главе отсутствует критический подход к сомнительным положениям, высказанным исследователями. Так, упоминая мнение К. А. Бредэ о «генетической связи» памятников каякентско-харачоевской и позднесрубной культур (стр. 21, а также 33 и 46), автор не указал, что существование этой связи не подтверждается материалом. Неясны итоги рассмотрения историографии, в частности, конкретные цели автора рецензируемой монографии.

Глава III — «Материальная культура» состоит из нескольких разделов. В вводной части идет речь о «тех революционных изменениях, к которым привело появление же-

леза». О. М. Давудов еще раз умпоминает о географическом положении Дагестана, который «представлял собой важный стратегический пункт (sic!), через который ближневосточно-закавказские цивилизации связывались со странами Юго-Восточной Европы» (стр. 28). Очевидно, автору следовало уточнить, какую же часть Дагестана — страны с ее чрезвычайно разнообразным рельефом — он имеет в виду. Скорее всего, здесь может идти речь о Прикаспийской низменности с прилегающими горами. Автор пишет в общих чертах о «местном зарождении железоделательного производства», очень мало опираясь для этой цели на имеющийся археологический материал. Те находки, которыми он оперирует (браслеты, головные булавки, наконечники стрел отдельных памятников), недостаточно представительны, чтобы аргументировать подобное ответственное утверждение. Думаю, что проблема изучения производства железа и выделения обособленных центров его «зарождения» не может быть решена мимоходом. Следует отметить, что в более ранней работе О. М. Давудов, солидаризуясь с мнением М. И. Пикуль, подходил к данному вопросу более осторожно [1].

В рассматриваемой главе небольшой раздел имеет название «Зандакская культура». Впервые об этой «культуре» О. М. Давудов высказывался в 1974 г., находя, что она «в основном характеризуется совершенно новыми, неизвестными для памятников каякентско-харачоевского круга признаками» [2]. Тогда он не уточнял их, теперь же в монографии сделана попытка перечислить эти признаки. Каковы же они?

Во-первых, наличие каменных ящиков с захоронениями одного — трех человек (мужчины на правом, женщины на левом боку); во-вторых, встречаются могилы с «сидящими» костяками; в-третьих, кости ранее погребенных иногда отодвинуты в стороны (стр. 34).

Следует заметить, что перечисленные погребальные особенности в большой степени характерны для таких культур, как кобанская и каякентско-харачоевская [3]. Прием отодвигать останки ранее погребенных в сторону, освобождая место для нового захоронения, встречается в памятниках всего Северного Кавказа от эпохи бронзы и до позднего средневековья. Обратимся к позе умерших. Если просматривать данные, известные хотя бы для Нестеровского могильника, то можно заметить, что скорченное положение на левом боку характеризует женские погребения, а на правом — мужские [4]. Раскопки Сержень-Юртовского могильника дали подавляющее количество могил с женскими костями, лежавшими на левом боку [5]. Значит, подобные закономерности характерны и для некоторых кобанских памятников.

О. М. Давудов, чтобы продемонстрировать закономерность подобных поз для захоронений, оставленных носителями «зандакской культуры», упоминает такие могильники, как Яман-су и Балан-су (раскопки В. И. Марковина). Однако в первом из них костяки сохранились плохо, а во втором пол погребенных был определен мной очень приблизительно и только по инвентарю. Что же касается Зандакского могильника (раскопки В. И. Марковина), то в могилах 1, 15, 24, 32, 38, 47 и 50 на правом боку лежали женские скелеты. Таким образом, и ведущий могильник «культуры» не дает права на выделение отмеченной выше О. М. Давудовым «закономерности». Другие ритуальные черты (кости животных и угольки в могилах) также не являются характерными только для данной «культуры», они отмечены для памятников самой широкой территории.

Если обратиться к инвентарю, локальные черты которого при выделении культуры должны выступать особенно явственно, то в монографии О. М. Давудова они описаны с привлечением таких аналогий, что говорить об их принадлежности только данной культуре и никакой другой не приходится. Тут и керамика скифского (степного) облика, пластинчатые и зооморфные браслеты, характерные для кобанского могильника в Сержень-Юрте [6], стрелы-«площики», характерные также и для Закавказья,

---

[1] *О. М. Давудов.* К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X—IV вв. до н. э.). Махачкала, 1968, стр. 11. См. также: *М. И. Пикуль.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 15.

[2] *О. М. Давудов.* О месте памятников зандакского облика среди синхронных культур Кавказа. Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, стр. 28.

[3] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 178, 179, 186 сл. (описание каменных ящиков); *А. П. Круглов.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 97 сл.; *В. И. Марковин.* Дагестан и горная Чечня в древности. МИА, 122, 1968, стр. 31—33 (в этих работах имеются описания ящиков и ссылки на «сидячие» захоронения).

[4] *Е. И. Крупнов.* Ук. соч., стр. 253.

[5] *В. И. Козенкова.* Раннекобанский могильник у села Сержень-Юрт. СА, 4, 1969, стр. 172 (таблица).

[6] *В. И. Козенкова.* Ук. соч., стр. 171 сл.; *ее же.* Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 85—88, рис. 27, 28; *ее же.* Погребение военачальника из Сержень-Юртовского могильника. КСИА АН СССР, 123, 1970, стр. 114 сл. О. М. Давудов почти не использует в своей книге яркие материалы В. И. Козенковой, что обедняет его работу. Когда автору монографии необходимо упомянуть раскопанные ею памятники, он ссылается на работы В. Б. Виноградова (стр. 45 сл.).

и прочие предметы (включая посуду), находящие аналогии в упоминавшихся уже местных культурах. Закончив скудный перечень инвентаря, автор пишет, что «памятники зандакского облика оставили племена, находящиеся на более высоком культурном и общественном уровне развития, чем каякентско-харачоевцы» (стр. 38). Вывод не оригинален, тем более что Зандакский могильник находится на стыке ареалов кобанской и каякентско-харачоевской культур и относится ко времени, когда вторая из них приходила в упадок.

Датировка, предложенная О. М. Давудовым для «зандакской культуры», очень растянута — от конца II тысячелетия до н. э. и до начала III в. до н. э. Описанный автором инвентарь не укладывается в указанный хронологический диапазон. Подобная дата получилась благодаря произвольному объединению ряда разнородных памятников с различным культурно-историческим обликом (от поздней эпохи бронзы и до сарматского времени). Аморфна и территория культуры, ведь автор тянет ее от сел. Курчалой в Чечне до Апшеронского полуострова, хотя здесь, в пределах Азербайджана, нет комплексов с тем инвентарем, который был бы «характерен» для выделяемой «культуры». Действительно, на Апшероне обнаружена керамика с обмазкой, она связана с наскальными рисунками и относится к концу эпохи бронзы [7]. Очевидно, в подобном случае наскальные рисунки должны были бы входить в понятие «зандакской культуры», но ведь они совершенно отсутствуют среди перечня памятников «культуры».

Раздел, посвященный «зандакской культуре», написан О. М. Давудовым на плохо документированном материале, поскольку итоги раскопок Зандакского могильника и Курчалоевского зольника до сих пор полностью не опубликованы. Вероятно, О. М. Давудов поспешил с «выделением» новой культуры, а те черты, которые он все же попытался обрисовать, являются результатом взаимодействия кобанской и каякентско-харачоевской культур того времени, когда первая находилась в определенном расцвете, а вторая уже переживала период угасания и перерождения.

В этом разделе имеются также некоторые неточности. Так, работая над изучением каякентско-харачоевской культуры, я полностью не включал в число ее памятников Зандакский могильник, как об этом пишет О. М. Давудов (стр. 32, 38). Мне приходилось отмечать, что в нем найдены лишь «отдельные предметы и керамика, близкие каякентско-харачоевским», упоминать о нем как о памятнике, в основном относящемся к эпохе раннего железа, и даже что «данный памятник дает материалы смешанного облика, и к ним нужно подходить осторожно» [8].

Следующий раздел главы посвящен еще одной новой, «мугерганской культуре». О ней О. М. Давудов в общих словах также уже писал [9]. В монографии этой «культуре» уделено большое внимание, и к раскрытию ее исторического лица автор подошел более научно: в книге имеется перечень памятников, с которыми он собирается работать. После перечня бытовых памятников (поселений и городищ) О. М. Давудов дает суммарное описание их архитектурных особенностей. К сожалению, в эту часть вклинилась явно неудачная попытка воссоздать историческую ситуацию в скифское время. Здесь идет речь о каких-то «новых степных племенах, близких по материальной культуре скифам», о непонятной «новой опасности» от них и т. д.

Список бытовых памятников завершается характеристикой погребальных сооружений «культуры» и особенностей ритуала. Ведущим памятником является Мугерганский могильник, на котором исследовано, если верить приложению 4, всего восемь могил. Для «мугерганской культуры» характерны захоронения (в ямах), которые отмечали «вертикально установленные над могилами валуны». Очевидно, речь идет о достаточно высоких камнях, которыми была обложена могила, но тогда не очень понятно предложенное автором сравнение таких обкладок с кучами камней, обнаруживаемыми над захоронениями кобанской культуры, тем более что делается это с целью генетически вывести подобные кучи как черту обрядов («порожденных страхом перед умершим родичем»), пришедших из Дагестана и даже Закавказья. Автор как будто упускает из внимания, что в эпоху бронзы на Северном Кавказе широко практиковалось устройство каменных курганных насыпей и завалов над могилами, что хорошо известно по комплексам северокавказской культуры.

При описании погребального обряда О. М. Давудов пишет, что «при всем разнообразии зафиксированных поз костяков» преобладают захоронения на левом и правом боку. И здесь идет уже сравнение не с памятниками Северного Кавказа, а с Закавказьем (Самтавро), хотя и упоминается и Зандак. Из дальнейшего описания явствует, что носители выделяемой культуры практиковали также обряд вторичных захоронений, погребали своих покойников в почти вытянутой позе и т. д. Здесь даже делается вывод, что погребение без инвентаря в Шаракунском могильнике могло принадлежать «зависимому лицу — выходцу из племенных групп, оставивших зандакскую культуру» (стр. 55). В этом разделе довольно часто упоминается Таркинский могильник, но так как он не попал в перечень памятников «культуры», то остается непонятным, имеет ли он к ней отношение. К сожалению, стремление автора обобщить, каждому наблю-

---

[7] Об этом см.: *В. И. Марковин.* Ук. соч., стр. 97, сл., там же указана литература.

[8] *В. И. Марковин.* Ук. соч., стр. 18, 55, 62 сл.

[9] *О. М. Давудов.* Мугерганская культура. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 125—129.

дению придать форму прочно доказанной истины только мешает читателю ориентироваться в материале.

Довольно большое количество страниц уделено автором анализу инвентаря «мугерганской культуры»: керамике (она делится на две группы — тонкостенную и толстостенную), изделиям из железа (ножи, мечи, наконечники копий и стрел) и бронзы (украшения, части упряжи и пр.). Для всего этого огромного материала подобраны аналогии, правда, не всегда полные: так, отсутствует указание на сарматские черты в керамике Таркинского и Карабудахкентского могильников, хотя они хорошо были прослежены К. Ф. Смирновым. Иногда здесь без особого обоснования делаются попытки передатировать отдельные категории вещей (железный листовидный наконечник копья стрелы-площики; новые «даты» звучат неопределенно — «задолго до скифских походов» или «до внедрения эффективной плавки железа» — стр. 67, 69). Указанные автором аналогии, особенно для бронзовых изделий, большей частью уводят читателя в Закавказье, и невольно возникает предположение, что здесь описаны материалы, характеризующие не особую культуру, а лишь предметы закавказского импорта, попавшие в Дагестан в порядке обмена.

Среди инвентаря «мугерганской культуры» особое место занимают антропоморфные статуэтки, воспроизводящие обнаженные женские и мужские фигуры, и зооморфная пластика. Надо сказать, что этот интереснейший материал в данной работе, описан очень примитивно и нередко неточно (встречаются такие выражения: «в руках были какие-то предметы, иначе — атрибуты»; «голова опрокинута»; «довольно выразительно символизирует любовь и страсть»; «мастер употребил приемы обобщения с выделением определенных нужных ему для передачи образа деталей» и т. д.). Сводка, предложенная О. М. Давудовым, далеко неполна: из описания совершенно выпали фигурки, изображающие людей в позе адорации, а экскурс, посвященный древней пластике, требует более полного обоснования хронологии памятников, их стилистического и типологического анализа. В этом очерке представляют интерес отдельные этнографические параллели, привлеченные автором.

После знакомства с разделом, посвященным древним статуэткам, невольно возникает вполне законный вопрос: какое же место в «мугерганской культуре» могут они занимать, если сам О. М. Давудов находит «аналогичные по стилю» предметы не только среди древностей Кавказа, но даже в тагарской культуре? Возникает сомнение, что они характерны для выделяемой им культуры. Здесь, скорее всего, речь может идти о широком ареале общих верований, которые, может быть, и не заходили за Урал, но могли охватывать весь Кавказ и страны Ближнего Востока.

Итак, многочисленные закавказские аналогии, привлеченные для основного инвентаря «культуры», наличие в ней широко распространенных статуэток, а самое главное — только декларативные рассуждения о необходимости «изучения памятников в рамках той культуры, к которой они относятся», но без цифровых выкладок и выделения весьма четких руководящих (специфических) форм в ее инвентаре, не позволяют считать, что «мугерганская культура» может быть археологически выделена. Уместно здесь напомнить, что же пишет о выделяемой «культуре» сам автор: «Сравнительный анализ погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря Мугерганского могильника позволяет видеть сочетание черт местной дагестанской культуры и привнесенной культуры, близкой хаджало-кедабекской культуре или памятникам восточногрузинской культуры, точнее, этот могильник представляет собой образец смешения местной зандакской культуры и привнесенной закавказской культуры» (стр. 104) или еще более конкретно: «Мугерганская культура.... является синтезом некой закавказской культуры, близкой к культуре хаджало-кедабекского и восточногрузинского типов и местной, восточнокавказской, зандакской» (стр. 126). После таких резюме о какой же особой «мугерганской» культуре может идти речь?

И еще последняя деталь. Выделяемая «культура», которая датируется IX—IV вв. до н. э., также почти заходила на территорию Северного Азербайджана, и если посмотреть на карты двух культур, описанных О. М. Давудовым, то можно заметить, что в определенное время они должны были занимать одну и ту же территорию (приморье, отдельные части в Центральном Дагестане). Как это могло быть? Конечно, в скифское время на территории Дагестана могли возникнуть мелкие локальные культуры, они еще будут выделены, но пока никакие сведения письменных источников не могут помочь в выделении единой культуры из конгломерата памятников.

Глава IV «К вопросу об основах хозяйства, общественных отношений и духовной культуры» представляет определенный научный интерес, особенно раздел о местной добыче и обработке железа. Наиболее спорными в этой главе являются представления автора книги о духовной культуре древних жителей Дагестана, поскольку для ее восстановления автор без всяких оговорок широко привлекает аналогии из горских сказок (преимущественно аварских), как бы забыв в том, что сюжеты сказок складывались не только в эпоху раннего железа, а на протяжении многих веков.

Прочитав монографию О. М. Давудова, нельзя сказать, что ее автору «удалось прояснить далекое прошлое народов Дагестана».

Безусловно, многие недостатки книги, в том числе и стилистические небрежности, могли быть устранены при более внимательной работе ответственного редактора В. Б. Виноградова.

В. И. Марковин

Хроника

К 25-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

26 июля 1951 г. в Новгороде при раскопках на древней Холопьей улице Неревского конца была обнаружена первая берестяная грамота, а вслед за ней до конца полевого сезона еще девять документов на бересте. Издавая это открытие, А. В. Арциховский писал: «Чем больше будут раскопки, тем больше они дадут драгоценных свитков березовой коры, которые, смею думать, станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы» [1].

Площадь, охваченная раскопками, с тех пор увеличилась и распространилась на все древнейшие районы Новгорода, а число берестяных документов возросло к концу сезона 1975 г. до 527. Грамоты на бересте давно уже перестали быть особенностью только новгородской археологии. 13 документов найдено в Старой Руссе, 10 — в Смоленске, 3 — в Пскове, 1 — в Витебске. Их содержание не ограничивается рамками новгородской истории. Это открытие породило обширную и разнообразную литературу. Берестяные грамоты содержат бесценные данные по истории, филологии, истории права, исторической географии, метрологии, ономастике, палеографии и ряду других дисциплин.

Организована работа по систематическому комментированному изданию этих документов. Подготовляется очередной, седьмой, том этой публикации, включивший новгородские и старорусские находки 1962—1975 гг.

Четверть века столь важного открытия позволяет подвести некоторые итоги. Неоднократно подчеркивалось, что находки берестяных грамот служат свидетельством широкого распространения грамотности в разных социальных слоях средневековой Руси. Это очень важно, однако значение открытия берестяных грамот этим далеко не исчерпывается. Важнейшая их особенность иная.

До находки берестяных грамот историки, исследовавшие Русь XI—XV вв., располагали летописями и актами, кадастровыми книгами и юридическими сборниками, отдельными литературными памятниками и книгами церковного содержания. Каждая из этих категорий письменных источников систематически охватывает определенные стороны действительности того времени, но даже совокупность всех традиционных письменных источников не дает всеобъемлющей картины состояния средневекового общества. Наиболее разносторонние сведения содержит летопись, но круг интересов летописцев всегда был ограничен тяготением к необычному. Летописец пунктуально отмечает, например, поражающие его явления комет, но вовсе не склонен фиксировать то, что кажется ему обыденным. Между тем в кругу этой «обыденности» оказывается сам исторический процесс общественного развития, медленный поступательный ход которого отчетливо виден на удалении, но не всегда заметен современнику.

Умолчания летописи и других источников в значительной степени преодолеваются традиционными средствами археологии, раскрывающими бытовую обстановку средневековья в ее динамике. Сила археологического источника — в его большей, нежели у письменных источников XI—XV вв., способности к социологической генерализации; исследование бытовых древностей ведет к воссозданию повседневной жизни ценнейшей динамической модели общественного развития. Слабость — в том, что эта модель одушевляется главным образом летописными именами. Соединение вещественных и традиционных письменных источников порождает парадоксальную картину, в которой общественное развитие движется по существу безликими классами и сословиями, а «историческими личностями» оказываются только князья, именитые бояре, епископы и посмертно украшенные нимбами черноризцы.

Принцип избирательности чужд берестяным грамотам. Их писали по любым поводам — и для себя, и для других. Для себя, когда нужно было, не полагаясь на память зафиксировать те или иные факты, или обстоятельства. Для других — когда нужно было распорядиться, оправдаться, пожаловаться, отчитаться, попросить или просто сообщить что-либо отделенному расстоянием собеседнику. Отсюда всепроникаемость сюжетов берестяного письма, открывающая порой даже непредугадываемые аспекты исследования. Легко представить себе все преимущества будущего историка, который спустя десятилетия сможет пользоваться тысячами берестяных текстов и знать не

[1] *А. В. Арциховский.* Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 355.

только имена, но и индивидуальные психологические характеристики тысяч средневековых людей. Сумма этих материалов — главный источник подлинно научного изучения большого мира социальной психологии средневековья.

Отсюда проистекает первостепенная задача пополнять этот фонд, не упуская даже малейшей возможности, чтобы избежать гибели берестяных документов в процессе текущего строительства. В 1971 г. было принято постановление Коллегии Министерства культуры РСФСР и Госстроя РСФСР о 115 исторических городах Российской Федерации, согласно которому любые земляные работы в этих городах можно вести только после археологических раскопок. Активное осуществление этого требования приведет к резкому расширению коллекции берестяных грамот.

Грамоты на бересте заполнили разрыв между письменными и вещественными источниками. Но и сами они в своей источниковедческой характеристике стали особой, не встречавшейся ранее категорией. Будучи по преимуществу письменными памятниками, они неотделимы от археологических комплексов. И если благодаря грамотам мы получили теперь возможность во многих случаях определять принадлежность раскапываемых усадеб и связать их с именами адресатов берестяной переписки, то и сами грамоты наиболее полно раскрывают свое содержание тогда, когда они исследуются как неразрывная часть целого комплекса археологических находок. В этом состоит их принципиальное отличие от папирусов, еще в древности утративших связь с породившими их материальными комплексами.

Продолжающееся открытие берестяных грамот сопровождается совершенствованием исследовательской методики. Этот новый вид источников дает в руки археолога и историка точный инструмент для осмысления внутренних связей вскрываемых остатков средневековой жизни, для синтеза разнородных фактов, реконструкции исторического процесса.

КОНГРЕСС АРХЕОЛОГОВ-СЛАВИСТОВ В БРАТИСЛАВЕ

III Международный конгресс славянской археологии состоялся 7—14 сентября 1975 г. в столице Словакии Братиславе. В нем приняли участие свыше 400 ученых из 18 стран. Кроме страны — организатора конгресса наиболее многочисленные делегации направили Польша и ГДР.

Президентом конгресса был видный археолог-славист, вице-президент Академии наук Чехословакии и директор ее Археологического института Й. Поулик. Большую работу по подготовке и проведению конгресса провел его генеральный секратарь, директор Археологического института Словацкой академии наук Б. Хроповский.

Для конгресса были выбраны три наиболее актуальные проблемы славянской археологии — «Славяне в римскую и византийскую эпоху», «Возникновение и развитие славянских государств» и «Возникновение и развитие городов». После официального открытия конгресса на пленарном заседании были заслушаны четыре основных доклада по намеченной проблематике — В. В. Седова (СССР) «Славяне в римскую и ранневизантийскую эпоху», И. Херрманна (ГДР) «Проблема археологических культур славянских племен VI—IX вв.», Й. Поулика (ЧССР) «Возникновение и развитие славянских государств и их соседи» и В. Хенселя (ПНР) «Происхождение славянских городов».

Дальнейшая работа конгресса происходила на четырех секциях, на заседаниях которых прочитано 174 доклада. На заключительное заседание конгресса вынесено было четыре доклада — А. Томашевского (ПНР) «Раннесредневековая архитектура в Средней и Восточной Европе», Г. Янкуна (ФРГ) «Состояние и задачи исследований по славянской тематике в ФРГ», В. Д. Барана (СССР) «Славяне между Днепром и Вислой» и Д. Бошковича (СФРЮ) «Средневековые города и коммуникации Сербо-Хорватии». Советские археологи приняли участие в работах всех четырех секций. В общей сложности ими сделано 30 докладов.

С большим вниманием слушались многие доклады по первой проблемной теме конгресса. Некоторые из них, в особенности, те, в которых затрагивались вопросы этногенеза, вызвали дискуссию.

Наиболее сложным в изучении этнической истории славян является период первой половины и середины I тысячелетия н. э. Как известно, археологические культуры римского времени, занимающие позднейшую территорию расселения славянства, по всему своему облику существенно отличаются от славянских древностей третьей четверти I тысячелетия н. э. Мнения исследователей о славянских древностях римской эпохи серьезно разошлись.

Одна группа археологов утверждает, что генетической преемственности между культурами римского времени и славянскими культурами ранневизантийской поры и не должно быть. Первые из них — и пшеворская, и черняховская — являются культурами провинциальноримскими, сформировавшимися в условиях активного воздействия высокоразвитой культуры Рима и его провинций; вторые относятся уже к периоду падения Рима, когда «переселение народов» привело к «варваризации» европейских культур. Поэтому, утверждают эти исследователи, пшеворскую и черняхов-

скую культуры можно считать славянскими на том основании, что их ареалы приходятся на те области Европы, где позднее жили славяне и где античные авторы локализуют венедов.

Такое объяснение не удовлетворяет других археологов, которые считают, что во всяком этногенетическом исследовании должен применяться ретроспективный метод, заключающийся в поэтапном прослеживании истоков той или иной археологической культуры в предшествующих по времени древностях. Отсутствие преемственности между пшеворской и черняховской культурами, с одной стороны, и славянскими древностями — с другой, свидетельствует, по мнению этой группы исследователей, о полной смене населения, о том, что славяне в первой половине I тысячелетия н. э. жили в стороне от провинциальноримской культуры, и их древности нужно искать за пределами ее ареала.

С такой позиции выступил на конгрессе польский археолог К. Годловский. В докладе «Культурные перемены в Средней Европе в V—VII вв. и проблема расселения славян» он подчеркнул, что славянская культура третьей четверти I тысячелетия н. э. коренным образом отличается от пшеворской и черняховской культур. При сравнительном сопоставлении этих древностей создается впечатление, что славяне не могли быть носителями провинциальноримских культур и, очевидно, в первой половине I тысячелетия н. э. жили в стороне от территорий, затронутых греко-римской цивилизацией.

По К. Годловскому, в римское время славяне занимали области Верхнего Поднепровья, где ими оставлены позднезарубинецкие древности. В эпоху «великого переселения народов», когда пшеворский и черняховский ареалы в значительной степени опустели, славяне из Верхнего Поднепровья расселились на широких пространствах Средней и Восточной Европы, принеся на смену провинциальноримской свою «примитивную» культуру.

В докладе «Культуры римского времени на территории Западной Украины и их соотношение с раннеславянскими памятниками VI—VII вв.», посвященном в основном интересному памятнику у с. Роман, расположенному в зоне контакта пшеворской, черняховской и поморско-мазовецкой культур, В. В. Кропоткин (СССР) также сосредоточил внимание на довольно многочисленных элементах различия между древностями римского и ранневизантийского времени. Мысль о принадлежности восточным славянам исключительно позднезарубинецких древностей Верхнего Поднепровья и о позднейшем расселении их (после разгрома гуннами черняховской культуры) в Среднем Поднепровье, Побужье и Поднестровье в последние годы отстаивает П. Н. Третьяков [1]. Аналогичную теорию этногенеза славян в докладе на VIII Международном конгрессе протоисторических и предисторических наук в Белграде (1971 г.) изложил немецкий археолог И. Вернер [2].

Третья группа исследователей славянского этногенеза полагает, что для обоснования славянства пшеворской и черняховской культур недостаточно их территориального соответствия с областями позднейшего расселения славян или утверждения о соответствии их ареалов области, где некоторые лингвисты локализуют ранних славян.

Автор в названном выше докладе указал, что при характеристике археологических культур нередко смешиваются признаки этнографического порядка и особенности, обусловленные географической средой, и элементы, связанные с производственной деятельностью, социальным развитием и культурными взаимодействиями с соседями. Поэтому в исследованиях по этногенезу представляется первоочередным вычленение среди многих признаков, свойственных той или иной археологической культуре, особенностей этнического порядка.

Для бесспорно славянских памятников раннего средневековья этнографическими признаками являются лепная керамика, домостроительство и погребальная обрядность. Поиски истоков последних приводят к двум крупным культурам римского времени — пшеворской и черняховской.

Однако только часть элементов этих культур имела дальнейшую эволюцию в раннесредневековых памятниках славян. Другие же их существенные компоненты, в том числе и этнографические, не обнаруживают преемственности со славянскими древностями. Отсюда следует, что в ареалах пшеворской и черняховских культур жили не только славяне, но и другие этноязыковые группы. Поэтому для выявления славянских древностей римского времени прежде всего необходимо дифференцировать эти культуры.

На основе анализа погребальной обрядности и лепной керамики в пределах пшеворской культуры выделяется висленский регион, который определенно можно связать с одной из племенных группировок славян. На юго-востоке к нему примыкал среднеднепровский регион (кроме Среднего Поднепровья он включает и часть верхнеднестров-

---

[1] *П. Н. Третьяков.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

[2] *J. Werner.* Zur Herkunft und Ausbreitung der Anten und Sklavenen.— Actes du VIIIe Congres International des sciences prehistoriques et protohistoriques, т. I. Beograd, 1971, 243—252; *И. Вернер.* К происхождению и распространению антов и склавенов. СА, 1972, 4, стр. 102—115.

ских земель), выделяемый при анализе черняховской культуры. Этот регион принадлежал другой группировке славян, сформировавшейся во взаимодействии с ираноязычным населением Северного Причерноморья. Раннесредневековые славянские культуры формируются на основе этих культурных группировок римского времени — древности пражского типа эволюционируют из висленского региона пшеворской культуры, а со среднеднепровским регионом черняховской культуры генетически связаны антские древности.

Преемственность между древностями римского времени и раннесредневековыми славянскими на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни убедительно показал в своем докладе В. Д. Баран. В последние годы им была исследована в этом регионе серия черняховских и славянских поселений третьей четверти I тысячелетия н. э. с идентичными полуземляночными жилищами и близкой лепной керамикой.

О наличии элементов связи раннесредневековой славянской культуры с предшествующими им древностями римского времени говорили также в своих докладах польский археолог Я. Гурба и украинский исследователь И. С. Винокур.

Формированию и эволюции славянских культур раннего средневековья посвятил свой доклад И. Херрманн. В их развитии он намечает три этапа. В VI — начале VII в. на значительной территории от Днепро-Днестровских областей до средней Эльбы распространяется, по мнению докладчика, автохтонная славянская культура пражского типа. В то же время (VI—VII вв.) внутри этой территории и по ее окраинам протекал процесс формирования нескольких историко-культурных регионов в результате проникновения к славянам провинциальноримских древностей и ассимиляции иноплеменного населения. Сформировавшиеся славянские культуры приобретают региональную окраску и иногда заметно отличаются друг от друга. В VIII—IX вв. эти различия понемногу нивелируются, начинается процесс консолидации славянских племен и формирования славянской культурной общности.

Значительный научный интерес представляют многие доклады по раннеславянской тематике. Среди них одни были посвящены различным аспектам культуры славян I тысячелетия н. э. (И. Плейнерова, ЧССР «О раннеславянских полуземляночных жилищах»; А. Точик, ЧССР «Керамика VII—VIII в. в Словакии»), другие — региональной характеристике их древностей (В. Кобленц, ГДР «К славянской археологии Сорбского края»), третьи — вопросам хронологии древностей (Д. Бялекова, ЧССР «К вопросу хронологии славянских древностей первой половины IX в. в Среднем Подунавье»; М. Б. Щукин, СССР «Некоторые вопросы хронологии черняховской культуры» и др.), четвертые — миграционным процессам (Я. Жак, ПНР «Проблема западного расселения западнославянских племен в начале раннего средневековья»; Б. Крюгер, ГДР «К проблеме континюации германских и славянских поселений в области Хавель — Шпрее»).

В результате детального анализа и картирования особенностей погребального обряда Е. Цолл-Адамиковой (ПНР), выступившей с докладом «Использование материалов могильников для выделения славянских племенных групп», удалось восстановить географию западнославянских племен второй половины I тысячелетия н. э. Археологическим изысканиям по раннеславянской тематике на территории Болгарии был посвящен доклад Ж. Выжаровой (НРБ) «Славяне Южного Подунавья в VI—XI вв.».

После второй мировой войны чешские и словацкие археологи много внимания уделяли вопросам возникновения и развития первого славянского государства, которое Константин Багрянородный назвал Великой Моравией. Открывший дискуссию по второй теме конгресса Й. Поулик является одним из ведущих исследователей великоморавской культуры и государства. В его докладе на основе археологических работ и данных письменных источников показаны предпосылки формирования этого государства — развитие ремесленной деятельности и создание военной дружины в довеликоморавский период, классовый характер великоморавского общества, его экономическое ядро и система укрепленных поселений городского типа. По уровню развития общества и культуры Моравия, по мнению докладчика, не уступала Франкской империи. И там и здесь сложились предпосылки для создания государственности, и этот процесс протекал одновременно.

Эволюции экономики и общества, а также другим условиям формирования государственности у восточных славян посвящен был доклад киевского археолога В. И. Довженка «Об основных предпосылках сложения Древнерусского государства». Несомненный интерес представлял доклад З. Чилинской (ЧССР) «К вопросу о государстве Само». В нем на основе археологических материалов дана характеристика культуры и общества славян первой половины VII в. Южной Моравии и соседних районов Словакии и Австрии. В докладе Л. Хавлика (ЧССР) «Характер раннефеодального общества славянских государств» сделаны интересные наблюдения по социально-экономической характеристике славянских государств IX—X вв. в Моравии, Болгарии, Хорватии и на Руси. Л. Лецеевич (ПНР) прочитал доклад «Начало государственности у западных славян и в Скандинавии — некоторые параллели и различия».

Целая серия докладов была посвящена исследованиям раннефеодального общества, ремесла и культуры славянских народностей. Среди них заслуживают упоминания в первую очередь доклады Б. А. Колчина (СССР) «Становление ремесла древнего Новгорода», обобщивший огромные материалы Новгородской археологической экспеди-

ции; А. Руткаи (ЧССР) «Раннесредневековые находки оружия как источник изучения социально-экономической эволюции»; С. Курнатовского (ПНР) «Демографические аспекты расселения славян», в котором изложен опыт изучения демографии славянского населения в раннем средневековье; П. Доната (ГДР) «О структуре западнославянских сельских поселений».

В ряде докладов получили освещение вопросы взаимодействия славян с соседними народностями, и в частности культурного влияния Византии. Советские археологи выступили с докладами «Балто-славянские культурные отношения в IX—XIII вв.» (Л. Вайткунскене), «Одежда населения Восточной Латвии в XI—XII вв. и некоторые ее сходные черты с одеждой славян» (А. Зариня), «О начальном периоде распространения христианства у эстонцев» (Ю. Селиранд) и «Славяне и финно-угры на Верхней Волге в период образования древнерусского государства» (А. В. Успенская). С интересом были выслушаны доклады Т. Штефановичевой (ЧССР) «К проблеме византийского влияния в Средней Европе», Н. Милетич (СФРЮ) «Следы византийского влияния в раннеславянских находках Боснии — Герцеговины» и И. Ирмшера (ГДР) «Славяне и империя Юстиниана».

Обсуждение проблемной темы «Возникновение и развитие славянских городов» открылось докладом В. Хенселя, который сосредоточил основное внимание на классификации городов, изучаемых археологами. Наметив элементы структуры средневекового города, докладчик распределил города на четыре типа — эксцентричный, концентричный, полицентричный и однородный. Для каждого типа названы наиболее характерные города, очерчены ареалы, определена хронология. Хотя некоторые из типов славянских городов обнаруживают параллели среди античного и византийского градостроительства, В. Хенсель считает возможным говорить о спонтанном происхождении городов в славянском мире. Исключение составляют, может быть, отдельные славянские города Далмации и Западного Причерноморья, продолжающие римско-византийские традиции.

В докладе А. В. Кузы (СССР) «Русские раннесредневековые города» было охарактеризовано состояние историко-археологического изучения городов Древней Руси и их география. Городам эпохи Второго Болгарского государства был посвящен доклад С. Георгиевой (НРБ) «Средневековый город в Болгарии XIII—XIV веков в свете новых археологических данных».

В большинстве же докладов происхождение и история славянского города рассматривалась в локальных рамках, что представляется не менее существенным, поскольку условия возникновения городов были далеко не одинаковы. Так, советские археологи посвятили свои выступления возникновению Киева (П. П. Толочко), древнейшему периоду в жизни Старой Ладоги (Е. Н. Носов), происхождению и развитию Москвы и городов Московского княжества (М. Г. Рабинович) и началу Смоленска (Д. А. Авдусин). Интересным был доклад Л. Грдлички и З. Сметанки (ЧССР) «Великоморавское влияние и начало Пражского града». Чешский археолог Я. Кудрнач рассказал о происхождении славянских городищ в Чехии, а польская исследовательница Е. Домбровская охарактеризовала этапы эволюции раннесредневековых городищ на территории западных славян.

Много докладов было посвящено археологии славянских городов. Среди них можно назвать доклады К. Х. Отто (ГДР) о раскопках славянских напластований в Лебусе, И. Манкен (ФРГ) о Дубровнике, Н. С. Шеляпиной (СССР) об археологическом изучении Московского Кремля и Д. А. Беленькой (СССР) на тему «Сложение великого посада Москвы». В докладах получили освещение средневековые города Польши, Чехии, Саксонии, Болгарии, Черногории и других регионов.

В части докладов исследовались отдельные вопросы городской культуры. В частности, советские археологи предложили по этой тематике серию докладов: П. А. Раппопорт рассказал об исследовании русской архитектуры рубежа XII и XIII вв., М. В. Седова — о новых памятниках прикладного искусства древнего Новгорода, О. А. Кондратьева — о шедеврах псковских костерезов, А. Н. Кирпичников — о каменном оборонном строительстве в Ладоге, М. В. Малевская — о керамике некоторых западнорусских городов, Ю. Л. Щапова — о стеклоделии. Интереснейшим культовым находкам IX—XII вв., происходящим из Волина, посвятил выступление В. Филиповяк (ПНР). Попытка систематизации материалов по романским ротондам Средней и Восточной Европы сделана в докладе канадской исследовательницы В. Джерверс-Молнар.

С интересом были встречены доклады о работах археологов в области технологии, дендрохронологии, петрографии, по отдельным вопросам нумизматики и эпиграфики.

В рабочую часть конгресса входило ознакомление его участников с полевыми исследованиями, проводимыми археологами Чехословакии. Во время первой экскурсии были осмотрены три важнейших городских центра Великой Моравии — городища в Микульчицах, Поганско при г. Бржецлаве и Старе Место в районе Угерске Градиште, где уже в течение многих лет под руководством Й. Поулика, Ф. Колоусека, Б. Достала и В. Грубого ведутся плодотворные археологические изыскания. Участники конгресса посетили также раскопки интересного славянского поселения пражской культуры близ Мутеницы (работы З. Кланицы).

Вторая экскурсия посвящена была археологическим памятникам Словакии. Она предусматривала посещение раскопок позднеримского военного лагеря в селе Цифер-

Пац (исследования Т. Кольника), рядом с которым изучается славянский могильник довеликоморавского периода (З. Чилинска), великоморавского феодального поселения в Дуцове (раскопки А. Руткаи) и интереснейшего раннеславянского поселения под Нитрой (исследования Б. Хроповского).

III конгресс славянской археологии прошел весьма успешно. Единственным недостатком было то, что доклады были распределены по секциям не всегда в соответствии с их тематикой.

На конгрессе были подведены некоторые итоги исследований в области славянской археологии, имел место обмен опытом и мнениями, завязались научные контакты и дискуссии.

Следующий конгресс славянской археологии решено провести в 1980 г. в Болгарии.

В. В. Седов

СЕССИЯ АРХЕОЛОГОВ И ЭТНОГРАФОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

27 и 28 марта 1975 г. в Баку проходила научная сессия Сектора археологии и этнографии Института истории АН АзербССР, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в Азербайджане в 1974 г. В работе сессии принимали участие сотрудники сектора, а также институтов истории, архитектуры и искусства, народов Ближнего и Среднего Востока АН АзербССР, Музея истории Азербайджана и Министерства культуры республики.

На сессии было заслушано 27 докладов по вопросам древней и средневековой археологии, этнографии, эпиграфики и архитектуры.

Изучению палеолитических слоев Азыхской пещеры был посвящен доклад М. М. Мансурова и М. М. Гусейнова.

Новый археологический материал из пещеры Азых, по мнению докладчиков, имеет сходство с материалами Олдувай I в Танзании.

Д. Н. Рустамов и Ф. М. Мурадова сделали доклад об археологических работах в Гобустане. Они велись на трех стоянках верхней террасы горы Беюкдаш. Две стоянки датируются эпохой мезолита.

Ф. Р. Махмудов сообщил об итогах работы на поселении Аликемектепеси. Там в 1974 г. были вскрыты 70 впускных погребений. Среди них погребение, в котором впервые на Муганп отмечена кремация. Инвентарь (просверленный топор, подвески, бусы) позволяет датировать это погребение началом II тысячелетия до н. э. В смешанном слое собрана также чернолощеная керамика эпохи средней бронзы и преимущественно изготовленная на гончарном круге античная керамика. В энеолитическом слое были вскрыты остатки прямоугольных в плане сырцовых строений, нижняя часть керамической обжигательной печи, богатый набор орудий труда, неорнаментированной и расписной керамики.

Археологическим исследованиям в северной части поселения II Кюльтепе на территории Нахичеванской АССР — одного из древнейших городов — был посвящен доклад В. Г. Алиева. Выявлены остатки строений около крепостной стены, гончарные мастерские, собрано много керамики, каменных и костяных изделий. В. Г. Алиев сообщил также о разведочных работах в горных районах, где расположены древние циклопические сооружения Чалхангала, Оглангала, Гявургала, Алинджагала, Газанчыгала, Арафса, Лакетага, и в г. Нахичевани у мавзолея Моминахатун.

Г. С. Исмайлов и О. А. Даниелян представили доклад о продолжении раскопок на многослойном холме Гаракепектепе, дающих материалы от периода ранней бронзы до средних веков. В 1974 г. изучался средневековый слой, выявлены два пласта с остатками тандыров, каменных строений, глиняные, медные и железные изделия.

О работе Хачбулагского археологического отряда доложили Г. П. Кесаманлы Г. Г. Асланов. Отряд исследовал курган около циклопической кладки Дашлы-тепе и само это сооружение. Керамический инвентарь датирует курган XII—XI вв. до н. э. Анализ материалов подтвердил предположение, высказанное на основании работ прошлых лет, что Дашлы-тепе I является укрепленным поселением времени поздней бронзы и раннего железа.

Памятникам Кавказской Албании было посвящено несколько докладов. И. А. Бабаев и Л. Г. Гусейнова доложили о продолжении раскопок на городище Кабала античного периода. Выявлены новые детали общественного здания второй половины I в. до н. э.— I в. н. э. Установлено, что здание имело у наружных стен деревянные опорные колонны. В слое эллинистической эпохи вскрыты остатки другого здания, имеющего деревянный каркас из двух рядов вертикальных столбов внутри сырцовых стен. Сделан разрез оборонительного вала.

Дж. А. Халилов, А. Ш. Оруджев и А. А. Алиев доложили об итогах археологических работ в древней Шемахе и в Кубинском районе. Шемаха, отметили докладчики, возникла в начале III или в конце IV в. до н. э. на остатках более древнего поселения. В Кубинском районе у с. Рустов обследов ано 16 грунтовых погребений, в которых зафиксированы одиночные и парные захо ронения. Богатый инвентарь погребений (оружие, керамика, украшения) позволяет отнести погребения к рубежу новой эры — II в.

А. Б. Нуриев сделал доклад о раскопках в Шергях близ г. Шемахи. Здесь наряду с кувшинными погребениями вскрыты погребения в ямах. Одновременно велись раскопки на близлежащем городище Сахсылы-тахта.

Изучению кувшинных погребений на Гаракебер был посвящен доклад Ф. Л. Османова. Небольшие разведочные раскопки там велись и на многослойном памятнике Гала-тепе. Археологические данные позволили высказать предварительное предположение о том, что здесь существовало поселение с эпохи энеолита. Как поселение городского типа оно возникло в середине I тысячелетия до н. э. и существовало как феодальный город до нашествия войск Чингизхана.

Ряд докладов и сообщений был посвящен археологическим памятникам эпохи феодализма. В докладе Ф. А. Ибрагимова, О. Ш. Исмизаде, Н. В. Минкевич и В. П. Фоменко подведены итоги исследований 1974 г. г. Баку. Выявлены остатки строений, другие бытовые объекты, большое количество вещей IX—XIII вв., свидетельствующих о сравнительно густой заселенности территории старого Баку (Ичери шехер) и интенсивной жизни города того времени.

Г. А. Джидди доложил об изучении г. Шемахи. Продолжение исследований в шахристане города дало возможность определить облик и функции строений, раскопанных в 1972—1973 гг. в разных культурных слоях,— жилых помещений XI—XVI вв.

Доклад о раскопках на крепостных стенах Селбир, одного из комплексов городища Кабала, сделали Ф. В. Гадиров и Г. М. Ахмедов.

Подводным и прибрежным археологическим работам у берегов Каспийского моря было посвящено выступление В. А. Квачидзе. Он дал характеристику одного из городов (Бендован) этой зоны.

В связи со строительством Шамхорской ГЭС в зоне затопления произведено разведочное археологическое исследование, о результате которого доложили Г. П. Кесаманлы и Г. Г. Асланов. Обследован ряд памятников, начиная с энеолита до феодальной эпохи. На одном из них (Кечили I) произведены разведочные раскопки, вскрывшие погребения эпохи средней бронзы, раннего железа и первых этапов эпохи феодализма.

С докладом о первых результатах археологических работ на городище Торпаггала (Таузский район) выступили Н. М. Гулиев и Р. М. Вандов. Раскопки выявили остатки жилых строений со следами сильного пожара, хозяйственные ямы, металлические и стеклянные предметы, каменные и глиняные изделия, монеты. Расположение Торпаггала на сухопутно-водной магистрали Закавказья, связывавшей его со Средней Азией и Черным морем, придает изучению городища особое значение.

В 1974 г. постановлением Президиума АН АзербССР была создана комплексная экспедиция археологов, этнографов, архитекторов, филологов и эпиграфистов для изучения района слияния рек Аракса и Акары, где на ближайшие годы намечено строительство Худаферинского гидроузла. Об итогах исследования этой зоны сделали сообщение А. Б. Нуриев и Р. Б. Геюшев. В течение двух месяцев там проводилось археологическое обследование, зафиксированы разнотипные памятники, проведены обмерные работы и археологические раскопки на одном из памятников (Шахри-Шарифан). Раскопки эти вскрыли комплекс архитектурных сооружений (баня?), рисохранилище, тандыры и многочисленные другие бытовые предметы. На основе археологического материала и стратиграфии докладчик склонен отнести возникновение города к IX в., а гибель — к XIV—XV вв.

Доклад о предварительных итогах изучения мостов на р. Аракс у переправы Худаферин сделал К. М. Мамедзаде. Эти инженерные сооружения Азербайджана представлены 11- и 15-пролетными мостами очень совершенных конструкций для строительной техники того времени. Дискуссию вызвал вопрос о датировке этих мостов.

Эпиграфическим памятникам Азербайджана феодальной эпохи в Зангеланском и Джебраильском районах, в надписях, не отмечавшихся в литературе, было посвящено сообщение М. С. Нейматовой. Это — арабские надписи на мавзолеях в селах Мамедбейли, Шыхлар, Хубярлы.

Сессия археологов и этнографов Азербайджана продемонстрировала немалые успехи в изучении прошлого республики. Она будет способствовать координации усилий ученых к дальнейшему планированию их работ.

А. Н. Мустафаев, Р. Б. Аразова

I ПОВОЛЖСКОЕ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

24—26 декабря 1974 г. в Казани проходило Поволжское археолого-этнографическое совещание, организованное Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР и Татарским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, посвященное итогам полевых исследований 1973—1974 гг. В работе совещания приняли участие археологи и этнографы Москвы, Ленинграда, Казани, Сыктывкара, Горького, Уфы, Йошкар-Олы, Саранска, Пензы, Куйбышева, Перми, Свердловска, Воронежа, Ижевска.

Открывая совещание, директор ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова М. К. Мухарямов отметил, что работы археологов и этнографов в Поволжье и Приуралье ведутся в широких масштабах и носят систематический характер и вносят большой вклад в решение научных проблем, связанных с древней и средневековой историей народов этих областей, их происхождением, изучением современных этнических процессов.

Было проведено два пленарных заседания; работали три секции: первобытной археологии, средневековой археологии, этнографическая (тезисы докладов опубликованы).

А. Х. Халиков (Казань) в докладе «Археологические исследования в Поволжье и Приуралье, их итоги и задачи» подробно остановился на важнейших археологических открытиях последнего десятилетия, совершенствовании методики исследований, составлении археологических карт, подготовке фундаментальных работ, а также охране археологических памятников. Коллективный доклад Р. С. Габяшева, Е. П. Казакова, П. Н. Старостина и А. Х. Халикова (Казань) был посвящен опыту казанских археологов на Куйбышевском водохранилище.

На первой археологической секции было заслушано 20 докладов, посвященных эпохам камня, бронзы и раннего железа. Два доклада были посвящены обзору новых памятников эпохи камня и бронзы: В. Н. Шитов (Саранск) «Каменный век и ранняя бронза в Среднем Примокшанье», Т. М. Гусенцова (Ижевск) «Исследование памятников эпохи камня и бронзы в бассейне р. Кильмезь».

Проблемы, связанные с волосовской культурой, были затронуты в докладах В. В. Никитина (Йошкар-Ола) и С. В. Кузьминых (Казань). В. В. Никитин рассказал об изучении волосовских памятников на территории Марийского Поволжья, а С. В. Кузьминых — о глиняных медеплавильных волосовских тиглях.

Большой интерес представили материалы уникального энеолитического могильника у с. Съезжее в Куйбышевской области, доложенные Г. И. Матвеевой и И. Б. Васильевым (Куйбышев). Исследователям удалось проследить многие детали погребального обряда. Вещевой материал включает костяные привески в виде фигурок быков, уток, лошадей, подвески и бусы из раковин и зубов животных, а также каменные тесла, долота, ножи и керамику. Докладчики предварительно датировали могильник III тысячелетием до н. э.

Три доклада были посвящены абашевской культуре. А. Д. Пряхин (Воронеж) остановился на абашевских поселениях Поволжья, И. Б. Васильев (Куйбышев) — на новых абашевских памятниках Куйбышевской области, В. С. Горбунов (Уфа) — на Чукраклинских курганах абашевской культуры, изученных в последние годы в Чишминском районе Башкирской АССР.

Итоги исследования памятников срубной культуры нашли отражение в докладах Ф. Ш. Хузина (Казань) о Кармановской стоянке в Заинском районе Татарии и Ю. А. Морозова (Уфа) о памятниках на территории Башкирской АССР. М. Ф. Обыденнов (Уфа) сообщил об исследовании курганов черкаскульской культуры у дер. Красногорка Мелеузовского района Башкирской АССР.

В ряде докладов были затронуты проблемы ананьинской культуры. Так, С. В. Кузьминых (Казань) говорил о некоторых особенностях металлургии бронзы ананьинских племен, В. С. Патрушев (Йошкар-Ола) — о зооморфных изображениях, обнаруженных в Акозинском и Старшем Ахмыловском могильниках, Л. И. Ашихмина (Свердловск) — о ранней ананьинской керамике Удмуртского Прикамья.

На данной же секции были сделаны доклады М. В. Елькиной (Свердловск) о памятниках эпохи раннего железа на Барсовой Горе близ г. Сургута, Ю. А. Поляковым (Пермь) об исследовании памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье, М. Р. Полесских (Пенза) об изучении городецких памятников Пензенской области.

Значительное внимание было уделено изучению сарматских памятников. В. А. Скарбовенко (Куйбышев) доложила об исследовании сарматских памятников у с. Утевка и Гвардейцы Куйбышевской области, А. Х. Пшеничнюк и Н. Г. Рутто (Уфа) — о новых сарматских памятниках Башкирского Приуралья.

На второй археологической секции заслушано 20 докладов по проблемам средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ряд докладов был посвящен памятникам середины I тысячелетия н. э. В. А. Скарбовенко (Куйбышев) сообщила о погребении гуннского времени у с. Владимировки Куйбышевской области, сопровождающемся оружием, остатками конской сбруи, со следами воздействия огня. Т. И. Останина (Ижевск) говорила о погребальном обряде 153 захоронений Нивского могильника середины I тысячелетия н. э. в Удмуртской АССР, относящегося к мазунинской культуре. В. Ф. Черников (Горький) остановился на материалах вновь открытого могильника у дер. Желтухино Городецкого района Горьковской области, датируемого исследователем V—VIII вв. н. э. и имеющего параллели в материалах безводнинских захоронений.

Значительный интерес представили материалы I Веслянского могильника, изученного в Коми АССР, относящегося к середине I тысячелетия н. э. и доложенные Э. А. Савельевой (Сыктывкар).

Ижевские археологи В. А. Кананин и Р. Д. Голдина доложили об исследованиях на Верхней Каме. В. А. Кананин сообщил об исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области в 1973—1974 гг. В 1974 г. были начаты раскопки Харинского (Шудьякар) городища и Харинского I могильника. На городище были вскрыты культурные напластования VII—XIV вв. н. э., на могильнике — 20 захоронений XI—XIII вв. н. э. Полученный материал свидетельствует о своеобразии материальной культуры верхнекамских коми, о характере их контактов с удмуртами.

Р. Д. Голдина сделала доклад об исследовании Агафоновских I и II могильников в Пермской области, давших богатый и разнообразный материал. По мнению исследо-

вателя, это два генетически связанных памятника ломоватовской и родановской культуры с VI по XIV в.

Мордовские археологи И. М. Петербургский и В. Н. Мартьянов доложили о новых исследованиях средневековых памятников на территории Мордовской АССР и сопредельных районов. Доклад И. М. Петербургского посвящен результатам исследования Журавкинского могильника VIII—XI вв. в Зубово-Полянском районе Мордовской АССР, относящегося к среднецнинской группе древнемордовских могильников. В. Н. Мартьянов доложил об археологических разведках в Мордовской АССР и Горьковской области, проведенных в 1972—1974 гг.

Значительная часть докладов данной секции была посвящена проблемам, связанным с историей Волжской Болгарии. Так, Е. П. Казаков (Казань) доложил об исследовании на ранней части одного из крупных некрополей раннего периода Волжской Болгарии, Танкеевского могильника. А. Х. Халиков, Ф. Ш. Хузин и Г. М. Давлетшин (Казань) сделали доклад об итогах изучения Билярского городища, в результате которых выявлены остатки цитадели, фундамента большого белокаменного здания, хозяйственных построек домонгольского периода, получен большой вещевой материал.

В другом коллективном докладе А. Х. Халикова и Г. В. Фролова (Казань) и Н. И. Игонина (Москва) изложены предварительные результаты аэрофотосъемки Билярского городища, других памятников Волжской Болгарии и некоторых городищ предболгарского времени Нижнего Прикамья. Аэрофотосъемка позволила выявить и уточнить планировку крупных археологических объектов, зафиксировать многие детали древних оборонительных сооружений, определить наиболее перспективные для исследования районы и объекты.

Результатам изучения гончарной слободы на Билярском городище был посвящен доклад Н. А. Кокориной (Казань).

В докладе Е. А. Халиковой (Казань) на основе анализа 600 погребений предпринята попытка рассмотреть распространение ислама в Волжской Болгарии домонгольского периода. Д. К. Валеева (Казань) говорила о задачах изучения изобразительного искусства волжских болгар, А. Г. Петренко (Казань) — о результатах исследования остеологических материалов с археологических памятников Волжской Болгарии, А. Б. Булатов (Казань) — о сведениях арабского писателя XIV в. Джейлани о волжских болгарах.

Н. Д. Аксенова (Куйбышев ТАССР) остановилась на археологических работах в восточной части Болгарского городища. На основе полученных материалов исследовательница пришла к выводу, что данный район был обитаем в домонгольское время; в середине XIV столетия он населяется знатью (выходцами из Монголии), обслуживавшейся людьми, ютившимися в землянках; в последний период существования города здесь было устроено кладбище зажиточного населения.

О результатах раскопок богатой усыпальницы золотоордынского города Бельжамена говорилось в докладе А. Г. Мухамадеева (Казань), о месте основания и времени возникновения города Казани на основании археологических данных — в докладе Л. С. Шавохина и А. Х. Халикова (Казань).

Интересным был доклад В. А. Оборина (Пермь) о русских памятниках XVI—XVII вв. в Приуралье и Зауралье и мерах по их охране. В результате раскопок 20 памятников получен ценный материал для характеристики планировки, социальной топографии, типов жилых домов и хозяйственных построек, оборонительных сооружений; для характеристики хозяйства, ремесла, торговли, одежды и быта русского населения Урала XVI—XVII вв.

Проведение подобных совещаний, бесспорно, способствует развитию научных контактов и координации усилий исследователей.

П. Н. Старостин, Р. К. Уразманова

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В журнале «Советская археология» за 1976 г., № 1 была опубликована коллективная рецензия (В. П. Даркевич, М. Ф. Косарев, Ю. А. Краснов, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов) на учебное пособие А. И. Мартынова «Археология СССР» (М., 1973). В редакцию поступило письмо А. И. Мартынова («Ответ рецензентам») с возражениями против положений рецензентов. Все члены редакционной коллегии внимательно ознакомились с книгой А. И. Мартынова, рецензией в «Советской археологии», а также с письмом А. И. Мартынова и подготовленным на него ответом рецензентов.

На заседании 3 мая 1976 г. редколлегия, обсудив все материалы, приняла решение не публиковать письмо А. И. Мартынова, поскольку содержащиеся в нем возражения не снимают высказанных в рецензии замечаний и не могут изменить общей оценки учебного пособия, данной в рецензии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Античные города Северного Причерноморья
АИЗ — Археологические Известия и Заметки Московского археологического общества
АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья
АИМ — Сб. «Археологические исследования в Молдавии»
АИУ — Сб. «Археологические исследования на Украине»
АО — Сб. «Археологические открытия»
АП — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
АС — Археологический съезд
АСб.ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
АЭС — Археолого-этнографический сборник
АЭТ — Археология и этнография Татарии
Бюлл. МОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВАСК — Всесоюзная археологическая студенческая конференция
ВАУ — Вопросы археологии Урала, Свердловск
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГХМ — Государственный Херсонесский историко-археологический музей
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КВЕД — Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности»
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР, Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея, Одесса
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАДПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття и Волині
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края
МОИП — Московское общество испытателей природы
НТО — Научно-техническое общество
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОИРК ГЭ — Отдел истории русской культуры Гос. Эрмитажа
ПВЛ — Повесть временных лет
ПАДИУ — Сб. Проблемы археологии и древней истории угров, М., 1972
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
ПИХАМЗ — Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
ПСА — Проблемы скифской археологии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский гос. университет
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах, Тифлис
СЭ — Советская этнография
ТЗС — Труды по знаковым системам, Тарту
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии, М.— Л.
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского гос. университета
ЦКГУ — Центрально-Казахстанское геологическое управление
AA — Archäologischer Anzeiger
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
AH — Archaeologia Hungarica
AE — Archaeologiai Értesitő
AJA — American Journal of Archaeology

AM — Arheologia Moldovei
AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran, Berlin
AnOr — Analecta Orientalia
AP — Archeologia Polski, Wrocław — Warszawa — Kraków
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BJV — Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, Berlin
BRGK — Berichte der Römisch-Germanischen Komission
BSA — The Annual of the British School at Athens
CIL — Corpus inscriptionum latinarum
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
EW — East and West
FA — Folia Archaeologica
IG — Inscriptiones grecae
IOSPE — Inscriptiones Antique Orae Septentrionalis Ponti Euxini
JNES — Journal of Near Eastern Studies, Chicago
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
JRGZM — Jahrbuch des Römisch — Germanischen Zentralmuzeum, Mainz
MSt — Materiały Starożytne, Warszawa
MStW — Materiały Starozytne i Wczesnosredniowieczny, Warszawa
MZP — Materialy Zachodnio — Pomorskie, Szczecin
PA — Przegląd Archeologiczne
PZ — Prähistorische Zeitschrift, Berlin
SA — Sprawozdania Archeologiczne, Kraków
SCIV — Studii şi cercetari de istorie veche, Bucureşti
WA — Wiadomości Archeologiczne, Warszawa
WPZ — Wiener Prähistorische Zeitschrift

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19,
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 16/IV-1976 г. Т-12028 Подписано к печати 18/VI-1976 г. Тираж 3280 экз.
Зак. 496 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 31,5 + 1 вкл. Бум. л. 11¹/₄ Уч.-изд. л. 35,6

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. **Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.**

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Сноски помещаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается постатейная. Сноски также печатаются через два интервала.

5. В журнале принят следующий порядок цитирования:

Для монографии: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

Для статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала или сборника, том или год выпуска, год издания, номер журнала.

При ссылках на иностранную литературу том (выпуск), страницу, рисунок, таблицу следует давать на языке оригинала.

6. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страницу машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на французский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины или давать в переводе или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в двух экземплярах.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

9. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца.

Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

10. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.